

СЛАВЯНСКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
ЛЕКСИКОЛОГИЯ И
ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Выпуск 3

Санкт-Петербург
2020

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**СЛАВЯНСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ
ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ**

Выпуск 3

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2020

УДК 80/81
ББК 81.2
С-47

Редакционная коллегия

Е.В. Генералова, канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский гос. ун-т, *Р. Драгичевич*, докт. филол. наук, проф., Белградский ун-т (Белград, Сербия), *В.С. Ефимова*, докт. филол. наук, Институт славяноведения РАН (Москва), *Е.И. Зиновьева*, докт. филол. наук, проф., Санкт-Петербургский гос. ун-т, *В.Н. Калиновская*, канд. филол. наук, доцент, вед. научн. сотр., Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), *К.И. Коваленко*, канд. филол. наук, мл. научн. сотр., Институт лингвистических исследований РАН, секретарь (Санкт-Петербург), *Л. Макариоска*, докт. филол. наук, проф., университет Св. Кирилла и Мефодия, (Скопье, Македония), *И.А. Малышева*, докт. филол. наук, проф., вед. научн. сотр., Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), *Е.П. Мирчева*, докт. (PhD), проф., Институт болгарского языка «Профессор Любомир Андрейчин» БАН (София, Болгария), *В.П. Мякишев*, докт. филол. наук, проф., Ягеллонский ун-т (Краков, Польша), *О.Н. Никитин*, докт. филол. наук, проф., Московский гос. областной ун-т, *М.Н. Приемьева*, докт. филол. наук, вед. научн. сотр., Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), *Г.В. Судаков*, докт. филол. наук, проф., Вологодский гос. ун-т, *О.В. Трофимова*, докт. филол. наук, проф., Тюменский гос. ун-т, *М.И. Чернышева*, докт. филол. наук, проф., вед. научн. сотр., Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва).

Ответственные редакторы выпуска

к.ф.н. *В.Н. Калиновская*, к.ф.н. *О.А. Старовойтова*

Славянская историческая лексикология и лексикография: сб. научных трудов. Вып. 3 / Институт лингвистических исследований РАН / Отв. ред. В.Н. Калиновская, О.А. Старовойтова. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2020. 418 с.

Сборник «Славянская историческая лексикология и лексикография» (вып. 3) содержит статьи, посвященные лексике славянских языков — истории, функционирования (XI–XXI вв.) и проблемам ее лексикографического описания. В статьях рассматриваются вопросы истории слов и групп слов, устойчивых выражений, проблемы использования словарей и разножарновых текстов в качестве источников историко-лексикологических исследований. В новом выпуске нашли освещение темы, связанные с лингвистическим источниковедением, с комплексными методами решения актуальных вопросов исторической лексикологии; в содержании отдельных статей выпуска обозначены важные темы, связанные с подведением итогов одного из этапов исследований по направлению и с новой постановкой старого вопроса истоков славянской письменности.

ISSN 2658-3755
DOI 10.30842/26583755
DOI 10.30842/265837552020

© ФГБУН Институт лингвистических исследований Российской академии наук
© Коллектив авторов

Предисловие

Третий выпуск сборника «Славянская историческая лексикология и лексикография» включает разделы: «Лексикология. Семантика. Словообразование», «Лексикография. Источниковедение», «Слово и русский литературный текст», «Дискурсивные и когнитивные исследования», «Критика. Обзоры. Рецензии», «Публикация источников». Авторы научных статей, вошедших в сборник, продолжают рассмотрение того круга вопросов, который был представлен в предыдущих выпусках (2018, 2019). Кроме традиционных направлений в исследовании истории слов и словарного состава славянских языков на разных этапах истории в новом выпуске нашли освещение темы, связанные с лингвистическим источниковедением, с комплексными методами решения актуальных вопросов исторической лексикологии; в содержании отдельных статей выпуска обозначены важные темы, связанные с подведением итогов одного из этапов исследований по направлению и с новой постановкой старого вопроса истоков славянской письменности.

Раздел «Лексикология. Семантика. Словообразование» объединяет статьи по целому кругу вопросов, касающихся истории как отдельных слов, так и групп лексики, выделяемых на основе происхождения, деривационных связей, тематической или функциональной близости; среди проблем, которые затронуты авторами статей, — вопросы словообразовательной вариантности и способов ее преодоления (статья А.А. Бурыкина и О.В. Трофимовой), путей проникновения иноязычной лексики в русский литературный язык и особенностей ее адаптации (статьи И.Б. Дягилевой, С.И. Иорданиди, И.Е. Кузнецовой); в данном разделе нашли освещение вопросы, связанные с историей некоторых тематических групп лексики (статья С. Рагасовой и А.А. Хуснутдинова); внимание авторов сосредоточено на специфике функционирования конкретных слов и групп лексики в условиях Нового времени (статья П.А. Семенова, исследование Н.В. Скрябиной и В.Н. Калиновской).

Исследовательский пафос статей, помещенных во второй («Лексикография. Источниковедение») раздел сборника, сосредоточен в основном на вопросах выбора и роли конкретных текстов в качестве источников для исторической лексикологии и лексикографии. В статьях этого раздела анализируется потенциал текстов определенной функционально-стилистической принадлежности (статья С.А. Эзерини), отдельных произведений (статья Л.Ю. Астахиной) на предмет их значимости в качестве эмпирической базы исторического словаря; проблематика раздела предстает в особом ракурсе в связи с семантической историей конкретного слова (статья И.А. Малышевой). Вопросы лексикографической разработки русской и славянской лексики разных периодов поднимаются в статьях И.А. Малышевой и Е.А. Захаровой, Л. Макариоски, С. Янурика.

Раздел выпуска «Слово и русский литературный текст» посвящен вопросам изучения функционирования отдельных слов и групп лексики в конкретном тексте или типе речи, ее функционально-стилистической разновидности. В освещении данной специфики реализации слова как единицы речи затронуты разные аспекты его целостной структуры: словообразовательный (статья Т.Д. Коркиной), семантический (статья Н.В. Патроевой), стилистический (статья Р.И. Воронцова). Отдельного внимания удостоен фразеологический аспект литературного текста (статья А.А. Хуснутдинова).

В новом разделе «Дискурсивные и когнитивные исследования» представлены результаты исследований, учитывающих современные методы и подходы к анализу и описанию лексико-семантического материала, такие как комплексность и междисциплинарность в изучении исторического текста. Статьи данного раздела несколько раздвигают границы традиционного лексикологического исследования, что позволяет их авторам ответить на конкретные вопросы, касающиеся семантики (статья Н.А. Прокофьевой и Е.А. Щегловой, статья О.О. Секиро), мотивации (статья Р.М. Драгичевич), формирования терминологических групп лексики благодаря переводной деятельности (статья Э. Гербеццы) или дискурсивной практике (статья О.А. Старовойтовой). Зона «своего» как часть лингвокультурного пространства с учетом историко-культурного контекста описана Ю.Л. Дмитриевой.

Новый раздел третьего выпуска «Критика. Обзоры. Рецензии» включил статьи по некоторым важным вопросам, связанным с историей направления «историческая лексикология» (статья Е.И. Державиной, представляющая обзор содержания сборников статей по исторической лексикологии и лексикографии, выпущенных в период с 1984 по 2002 гг.), с историей происхождения (дискуссионная статья А.К. Шапошникова) и развития (статья М.Н. Приемшевой) славянских литературных языков.

В последнем разделе выпуска представлена публикация одного средневекового источника, включающая краткое предисловие и комментарии к тексту (К.И. Коваленко).

В сборнике представлены статьи как отечественных исследователей, так и зарубежных коллег-славистов из Венгрии, Италии, Македонии и Сербии.

Перевод названий статей на английский язык дается в авторском варианте.

Сборник предназначен для специалистов в области исторической лексикологии и лексикографии славянских языков, для филологов, историков, культурологов, а также для широкого круга читателей.

**ЛЕКСИКОЛОГИЯ,
СЕМАНТИКА,
СЛОВООБРАЗОВАНИЕ**

Aleksey A. Burykin
ORCID iD: 0000-0002-0398-4792
Olga V. Trofimova
ORCID iD: 0000-0002-0577-2443

А.А. Бурькин,
О.В. Трофимова

**THE GUILT OF VAGRANCY AND
THE PHENOMENON OF
VAGRANCY:
TO THE HISTORY OF WORDS'
"COMPETITION"**

**ВИНА БРОДЯЖЕСТВА И
ФЕНОМЕН БРОДЯЖНИЧЕСТВА:
К ИСТОРИИ «КОНКУРЕНЦИИ»
СЛОВ**

Аннотация. Статья имеет своим предметом соотношение употреблений форм с суффиксами-формативами *-ство* и *-ничество*. Основное внимание уделено примерам *бродяжество* (слово, которое воспринимается как устаревшее) и *бродяжничество* (полностью соответствующее узусу современного русского языка). Авторы анализируют частоту встречаемости этих и им подобных пар слов в русском языке XVIII – начала XXI веков по современным электронным ресурсам, по Национальному корпусу русского языка (НКРЯ) и ресурсу Института лингвистических исследований РАН «Библиотека лексикографа». При доминировании форм на *-ничество* с незначительной смысловой противопоставленностью их формам на *-ство* выясняется, что «Библиотека лексикографа» иногда показывает более ранние даты вхождения тех или иных образований в русский литературный язык, в целом оба ресурса дают данные, взаимно дополняющие друг друга.

Ключевые слова: словообразование, абстрактные существительные, историческая стилистика, деловая письменность, семантика, лингвистический анализ документа, корпусная лингвистика

Summary. The article deals with the correlation of the use of forms with the suffixes-formatives-and-their quantity. The main attention is paid to the examples of *brodyazhestvo* 'vagrancy' (a word that is perceived as outdated) and *brodyazhnichestvo* 'vagrancy' (fully corresponding to the usus of the modern Russian language). The authors analyze the incidence of these and similar pairs of words in the Russian language of 18 – early 21 centuries according to contemporary electronic resources, on a National corpus of Russian (RLNC) and the resource "Library of the lexicographer" (Institute for linguistic studies, Russian Academy of Sciences). When the forms of language are dominant with little semantic opposition to their backgrounds, it turns out that the lexicographer's library sometimes shows earlier dates of entry of certain entities into the Russian literary language. In general, both resources provide data that complement each other.

Keywords: derivation, abstract nouns, historical stylistics, business writing, semantics, linguistic analysis of a document, corpus linguistics

Постановка проблемы

Изучение абстрактных существительных, к которым привлёк особое внимание В.В. Виноградов в книге «Русский язык. Грамматическое учение о слове» [Виноградов 1986: 104–109], остается в поле зрения современных лингвистов (см. анализ с позиций исторического словообразования слов *самодурство* [Горбань 2020: 19], *прозорливство* [Орлова 2020: 89], многоаспектное исследование имен действия Е.Э. Пчелинцевой [2016, 2020], феномена лакунарности русской словообразовательной системы [Голев, Фаломкина 2020]), отражая интерес лингвиста к дискурсивной природе слова, к отражению словом значимых для общества и осмысляемых им феноменов.

Введение в научный оборот архивных документов пробуждает интерес к теоретическим положениям, сформулированным на основании других источни-

ков. Так, при исследовании двух рукописных документов 1839 г. из фондов Государственного архива в г. Тобольске выяснилось, что среди 175 наименований «вин», за которые в 1839 г. были сосланы на поселение в Сибирь 1162 мужчины и 373 женщины, насчитывается 141 абстрактное существительное [Трофимова 2020]. В их числе *бродяжество* — слово, отсутствующее в словарях конца XVIII – начала XIX в. В «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. зафиксирован вариант с другой финалью — *бродяжничество* и значением ‘состояніе бродягъ’ (Сл 1847 1: 83).

В.В. Виноградов называет слово *бродяжничество* в группе слов со значением состояния, в которых суффикс *-ничеств(о)* стал обособившимся, самостоятельным, соотносительным с глагольным суффиксом *-нича(ть)* [Виноградов 1986: 108]. Авторами монографии «Лексические новообразования в русском языке XVIII в.» слово *бродяжничество* рассматривается как дериват от двух производящих основ: глагольной и именной [Мальцева и др. 1975: 77, 89], но вариант *бродяжество* в монографии не приводится. В «Грамматическом словаре русского языка» А.А. Зализняка присутствуют оба варианта: *бродяжество/бродяжничество* (Зализняк: 510). «Словообразовательный словарь русского языка» А.Н. Тихонова содержит оба варианта, но двойное мотивирование (именное и глагольное) он предлагает для варианта *бродяжество*: от глагола *брести* — к имени *бродяга* и далее или напрямую к *бродяжеству*¹, или через глагол *бродяжить* к *бродяжеству*²; дериват *бродяжничество* выводится от глагола *бродяжничать* (Тихонов 1: 478).

На запросы 10.07.2020 в поисковых системах получены ответы, свидетельствующие, несмотря на определенное неразличение этих понятий (на запрос «бродяжество» выдавались ответы и о «бродяжничестве»), о большем количестве результатов на запрос «бродяжничество» (ГУГЛ: 267 тыс., ЯНДЕКС: 7 тыс.), в то время как на запрос «бродяжество» результатов было меньше: в ГУГЛе в 24 раза, а в ЯНДЕКСе всего в 1,2 раза.

Таким образом, возникает вполне закономерный вопрос об «избыточности» или же «конкуренции» в русском языке подобных однокоренных абстрактных субстантивов, т. е. актуализируется проблематика исторического словообразования в области русских отвлеченных существительных в проекции на историю общества.

Источники и материал исследования

Источниками исследования послужили два архивных документа: «Алфавитъ о поселенцахъ мущинахъ, на 1839 годъ» [Алфавит–1] и «Алфавитъ о поселенкахъ женщинахъ, на 1839 годъ» [Алфавит–2]. Подобные документы относятся к редким в архивных хранилищах источникам.

Наименования «вин» в «Алфавитах» — не только широко употребительные отглагольные существительные типа *кража*, *воровство*, *побег*¹, но и такие редкие девербативы, как *угнание (лошади)*, *выкрадение (пачпорта)*, *неудержание от отнятия (лошади)*, *выняtie (кошелька)*, *пристанодержательство*,

¹ Имеющие в Национальном корпусе русского языка показатели соответственно 4170, 3171 и 6853 вхожд.

*скрыватьство (своего родоприсхождениа), подстрел (в ногу из ружья), промен (казенных сапогов), увоз (кож)*² и др., образованные, тем не менее, по активным русским словообразовательным моделям.

В списке «вин» важное место занимает *бродяжество*. В частности, это слово находим в записях о 181 мужчине (15,6% от всех дошедших в 1839 г. по этапу до Тобольска ссыльных мужчин) и 98 ссыльных женщинах (26,3%), например (пунктуация и вставки в квадратных скобках наши. — А.Б., О.Т.):

39. Двойняковъ Петръ. 50 [лет]. Из бродягъ, за **бродяжество** ссылался въ городъ Севастополь въ арестанскіе роты, но по неспособности къ онимъ по распоряженію Екатеринославскаго губернскаго правленія ссылается въ Сибирь на поселеніе <...>

92. Калининъ Петръ. 55 [лет]. Бродяга, за **бродяжество** и ложное показаніе по рѣшенію Борзенскаго уезднаго суда наказанъ плетьюми 25 ударами, на поселеніе» [Алфавит-1: 183, 187];

3. Герасимова Розалія. 29 [лет]. За **бродяжество**, ложное показаніе и имѣніе фальшивыхъ свидѣтельствъ, по приговору Новгородской уголовной палаты наказана при полиціи плетьюми 5 ударами, на поселеніе <...>

4. Голубенкова Софья. 20 [лет]. Из бродягъ, за **бродяжество**, безъ суда и наказанія, по определенію Кавказскаго областнаго правительсва, на поселеніе <...>» [Алфавит-2: 14].

Документы свидѣлствуют, что за *бродяжество* (без указанія отягощающихъ обстоятельствъ) сосланы в 1839 г. в Сибирь на поселеніе из практически всехъ губерній европейской Россіи 66 мужчин и 40 женщин. «Отягощеніемъ» к *бродяжеству*, всегда называемымъ первымъ в ряду «вин», согласно судебнымъ формулировкамъ, чаще всего было отсутствіе документовъ (например, письменнаго вида) или же именіе фальшивыхъ документовъ (билета, отпускнуой, свидѣлства); кроме того, ложные сведенія об имени, о мѣсте проживанія; *утаиваніе* или *недоказательство* происхожденія, званія — подобныя факты иногда обобщались составителями приговоровъ в формулировкахъ типа *ложь, подлог, обман*. В редкихъ случаяхъ вина *бродяжества* усугублялась такими, как *намереніе утаить найденныя 225 рублей; неоднократныя воровства; прижитіе незаконнаго младенца; развратное поведеніе; намереніе к приобретенію фальшиваго вида*.

В Тобольскѣ, в Приказѣ о ссыльных, согласно § 193 «Устава о ссыльных», Высочайше утвержденнаго Александромъ I 22 іюля 1822 г. (ПСЗ XXVIII: 444), ссыльных регистрировали в спискахъ, которые, «для лучшаго удобства», надлежало «вести по алфавиту <...>. Запискою в алфавитный списокъ начинается приемъ ссыльных в Сибири» (Там же: 443). Затем в теченіе некотораго времени ссыльных следовало распределить по шести разрядамъ для отбытія ими наказанія (какъ правило, в Тобольскѣ отправляли «на поселеніе», «в цехъ слугъ» или «в неспособныя»), а также принять мѣры для сохраненія спокойствія в регионѣ. В частности в § 348 записано:

«... во избѣжаніе **бродяжничества** неводворенныхъ ссыльныхъ, мѣстное начальство обязано отправить ихъ въ услуги зажиточнымъ поселянамъ на общихъ правилахъ о слугахъ по городамъ, выключая назначенія платы, которая зависить отъ мѣстнаго усмотренія» (Там же: 453).

² Показатели в НКРЯ 0, 0, 2, 348, 8, 22, 5, 2, 129 и 153 вхожд. соответственно.

В данном и в других параграфах Устава, в соответствии с которым действовала уголовно-исполнительная система Сибири, слова *бродяжество* не находим — в этом и подобных документах использовано слово *бродяжничество*, например в «Уставе об этапах в Сибирских губерниях»: «§ 61. **Бродяжничество** ссыльных для испрошения милостины строго запрещается» (Там же: 553).

Сопоставляя два типа источников, оба — из официально-деловой сферы, во-первых, обнаруживаем слово *бродяжество* в составе тех сведений, которые в Тобольском приказе о ссыльных переписаны из уведомлений, составленных в различных присутственных местах России (в уездных судах, уголовных палатах, губернских правлениях и т. д., а также в Правительствующем Сенате и Священном Синоде — таким образом возникает вопрос о распространенности слова в административном лексиконе Российского государства первой трети XIX в.). Следовательно, существительным *бродяжество* в «Алфавитах» закреплён образ жизни, рассматриваемый государством как недопустимый, который был в прошлом у каждого из тех, кто сослан за эту вину на поселение в Сибирь. Этот опыт прошлой жизни выражен в констатирующих «Алфавитах» конструкциями со значением реальной модальности.

Интересно, что в «Уложении о наказаниях» издания 1885 г., в котором приводятся с последующими дополнениями и изменениями законы Российской Империи, в названии отделения пятого «О **бродяжествѣ**, укрывательствѣ бѣглыхъ и нарушеніи постановленій о паспортахъ и другихъ видахъ на жительство» и в статьях 950 («Бродягами признаются и подвергаются наказаніямъ, за **бродяжество** <...>») и 952 («Если обвиняемый в **бродяжествѣ** <...>») использован термин *бродяжество* из законодательства 1845 г., сохранённый и в «Продолжениях» 1906 г. (Свод 15: 97, 98).

Во-вторых, слово *бродяжничество* находим в тех параграфах «Уставов» 1822 г., в которых ирреальная модальность волеизъявления законодателя и одновременно долженствования для адресата волеизъявления выражена лексико-грамматическим способом (*обязано, запрещается*). Названное абстрактным существительным потенциальное действие ссыльных относится к плану нежелательного для законодателя варианта развития будущих событий.

«Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона» сообщает, что «условием наказуемости Б[родяжничества], по нашему праву, является не праздность и неимение средств к существованию, а неуказание, по нежеланию или невозможности, или же ложное показание истинного своего состояния или звания. При этом для состава преступления необходима наличность обоих этих условий» (БрЕф IVa: 695)³. Исходя из этого положения, возможно задаться вопросом о том, что входило в понятие **вины бродячества** в тех судебных инстанциях Российской Империи, которые признавали людей бродягами и отправляли

---

³ Тот же словарь указывает на различие в понимании **бродяжничества** как юридического термина в России и Западной Европе, отсылая к своеобразию, в частности, феномена **vagabondage** в западноевропейской культуре (см., напр., [https://fr.wikipedia.org/wiki/Vagabondage]). Для нашего исследования важно обратить внимание на тот факт, что при переводе на иностранные языки и *бродячества*, и *бродяжничества*, например, переводчик ГУГЛ предлагает один вариант *vagabondage* для перевода на французский язык, *vagancia* — на испанский, *vagrancy* — на английский, *nerųžtingumas* — на литовский, *włóczęgostwo* — на польский, *вагранци* — на сербский, *скитничество* — на болгарский язык.

их в Сибирь на поселение, не записывая в сопроводительных документах в вину «неуказание» истинного состояния или звания.

Предмет и задачи исследования

На материале субстантивов *бродяжество/бродяжничество* (ставших предметом исследования), зафиксированных в первой трети XIX в. в деловых текстах, различающихся в модальном отношении, представляется интересным рассмотреть активные процессы в русском словообразовании, включая диахронический аспект. Их анализ проведем на фоне:

а) функционирующих в «Алфавитах» абстрактных существительных, называющих действие-состояние,

б) однокоренных производных с финалями *-еств(о)* и *-ничеств(о)*, образованных по действующим в русском языке словообразовательным моделям.

В задачи исследования входит также анализ толкований в словарях обнаруженных однокоренных производных и их употребления в русской речевой практике на протяжении более чем трех столетий, отраженной в изданных текстах — источниках основного корпуса НКРЯ и электронного ресурса «Библиотека лексикографа» (далее — БЛ) [Бурыкин 2008, 2015]. Может дать любопытные результаты сопоставление переводов анализируемых абстрактных существительных на отдельные западные и славянские языки.

Характеристика списка «вин» в словообразовательном отношении

Зафиксированные нами в двух «Алфавитах» 1839 г. абстрактные существительные представляют разные словообразовательные модели (достаточно часто это слова, имеющие единичные — или не имеющие вовсе — фиксации в НКРЯ). Из них:

31,2% слов — производные на *-ениј-* (например, *отрубление*; в НКРЯ 13 вхождений слова, первая фиксация в основном корпусе 1862–1875 гг.);

17,7% — с нулевой флексией (например, *пронос*; 42 вхожд., 1741 г.);

16,3% — на *-а-ниј-* (например, *неотыскивание*; нет в НКРЯ);

13,5% — на *-ств-* (например, *передержательство*; 4 вхожд., 1857 г.);

8,5% — на *-t'/иј-* (например, *влитие*; 7 вхожд., 1847 г.);

7,8% образованы посредством флексии *-а* (например, *растрата*; 1027 вхожд.; 1780–1814 гг.);

почти 5% — посредством суффикса *-к-* (например, *порубка*; 391 вхожд.; 1786 г.).

Обратим внимание: для слова *неотыскивание* иллюстрации в НКРЯ не нашлось, для трех слов даты первой фиксации в материалах НКРЯ более поздние (от 8 до 23 лет), чем в «Алфавитах». Следовательно, по крайней мере в отношении этих четырех девербатов (*отрубление* (есть у Пушкина), *неотыскивание*, *передержательство*, *влитие* (у В.К. Тредиаковского, 1735)) можно поставить вопрос об их статусе нового для 1839 г. слова.

Слово *бродяжество*, входящее в список самых частотных «вин» тех, кто был сослан в Сибирь в 1839 г. (279 чел.), наряду с *воровством* (233 чел.) и *кражами* (230 чел.), в лингвистическом отношении представляет модель, нахо-

дящуюся в «Алфавитах» на четвертом месте в списке абстрактных существительных — названий «вин».

Включенность вариантов слова в словообразовательное поле русского языка

В монографии «Лексические новообразования в русском языке XVIII в.» первыми в списке новообразований отвлеченных имен существительных рассматриваются производные с суффиксом *-ость*, образованные от прилагательных.

Эта модель русского словообразования представлена в «Алфавитах» семью лексическими единицами, каждая из которых зафиксирована в небольшом количестве употреблений: *грубость*, *грубости* (по 6 фиксации), *дерзость*, *дерзости* (по 2 фиксации), *буйство* (10), *несостоятельность* (к платежу) (5), *неспособность* (к арестантским ротам) (1); отметим возможность префиксального способа словообразования для двух последних слов. При этом, по данным основного корпуса НКРЯ, эти слова зафиксированы в русских текстах начиная — соответственно — с 1718 г., до 1709 г., до 1733 г., до 1811 г., 1723 г. Следовательно, эта словообразовательная модель для «Алфавитов» 1839 г. не была активной.

На втором месте в монографии — производные «с суффиксом *-ство*», среди которых авторами названо и слово *бродяжничество*. Образование этого слова авторами рассматривается,

во-первых, в ряду новообразований «с суффиксом *-ничество*, присоединяющимся непосредственно к глагольным основам» (наряду со *скряжничество* и др.). Авторы говорят об «отдельных случаях появления» таких существительных (для языка XVIII в. они были «мало характерны»⁴), называя причиной их образования «укрепление семантических связей <...> с активно формирующимся разрядом глагольных образований на *-ничать*» [Мальцева и др. 1975: 77]. Следовательно, существительное можно считать отглагольным, т. е. девербативом, имеющим значение «отвлеченного процессуального признака»;

во-вторых, среди новообразований «на *-ство* от основ существительных со значением лица, суффиксальных и бессуффиксальных, русских и нерусских» (наряду с *авторство*, *пилигримство*, *поручество*, *шпионство* и др.). Кроме значения отвлеченного действия, подобные слова могли иметь и «другие значения и оттенки (названия ремесел, должностей, чинов и др.)» [Там же: 89].

Для отыменных производных с производящими основами *автор-*, *пилигрим-*, *пору(т)чик-*, *шпион-* соотношение с семантикой «ремесел, должностей, чинов» не вызывает сомнения⁵. В монографии указываются также в качестве производящих слов существительные на *-ник*, например для слов типа *изменни-*

⁴ Так, из первых 20 слов в списке, состоящем из 119 абстрактных существительных на *-ничество* в «Грамматическом словаре русского языка» А.А. Зализняка, только три — *садовничество*, *посредничество* и *наездничество* с фиксациями в НКРЯ 3, 871 и 29 вхожд. — впервые отмечены в текстах-источниках НКРЯ конца XVIII в. (1795, 1784 и 1792 г.), два — *второгодничество* и *отходничество* с фиксациями 10 и 12 вхожд. — в текстах XX в. (1930 и 1924 г.). Первые фиксации остальных 15 слов (*пособничество*, *наставничество*, *сановничество*, *чиновничество*, *западничество*, *посадничество*, *ябедничество*, *проповедничество*, *привередничество*, *сводничество*, *удодничество*, *чревоугодничество*, *народничество*, *огородничество*, *сотрудничество*) относятся к XIX в.

⁵ Ср. в НКРЯ: *автор* – 70136, *авторство* – 983; *пилигрим* – 343, *пилигримство* – 13; *поручик* – 8217, *поручик* – 733, *поручество* – нет; *шпион* – 6531, *шпионство* – 546.

чество, мятежничество, преступничество, соперничество и др. [Там же: 87]⁶; ср.: *изменник, мятежник, преступник, соперник*⁷.

О словах типа *совместничество*⁸ авторы монографии пишут, что их судьба зависела от семантической нагрузки: если слово «не имело семантического дублета, то сохранялось в языке, если имело — то одно из этих слов с течением времени уходило из языка». Так, для слова *изменничество*⁹ семантическим дублетом было «старое слово» *измена*, отмеченное еще в Словаре Срезневского и оставшееся в языке¹⁰ [Там же: 87].

В «Русской грамматике» существительные типа *шпионство* представлены как производные с суффиксом *-ств-/еств-/инств-*, с отсечением «финали основ мотивирующих слов», «непосредственно мотивированные относительными прилагательными, опосредованно мотивируются существительными со знач. лица, которыми, в свою очередь, мотивированы эти прилагательные» [Русская 1980 1: 179], т. е. *шпион* → *шпионский* → *шпионство*.

Следовательно, модель словообразования в отношении предмета нашего анализа можно представить в нескольких вариантах с единым значением отвлеченного действия-состояния:

производящая основа **бродяг/ж** + морф **-еств-** = **бродяжеств(о)**

(по «Русской грамматике», опосредованно: **бродяга** → **бродяжеский** → **бродяжеств(о)**,

производящая основа **бродяж+ник/ч** (*бродяжник, бродяжничать*¹¹) + морф **-еств-** = **бродяжничество(о)**.

Таким образом, вопрос о реализации в русской речевой практике только одной модели (отыменного или отглагольного) словообразования оснований для однозначного решения не имеет. Вероятно, значимым для ответа на него должно быть внимание к функционально-стилистической природе текстов, в которых употреблены эти слова, зависимой от специфики зафиксированной текстом коммуникативной ситуации; иначе — к дискурсивному аспекту.

«Список Зализняка» и другие источники

Всего в «Грамматическом словаре русского языка» А.А. Зализняка отмечено 1058 абстрактных существительных с финалью *-ство* (*рабство* — *яство*) с разными словообразовательными значениями, образованных по разным моделям (Зализняк: 509–516), из них примерно десятая часть (119 слов) — существительные на *-ничество* (*пособничество* — *жульничество*). Сопоставляя эти списки, мы отметили пять пар дериватов с финалями *-ество* и *-ничество* — это производные с основами *бродяж-*, *скоморош-*, *сообщ-*, *сутяж-*, *худож-*. Результаты обращения к пяти толковым словарям XVIII–XX вв. продемонстрировали следующую картину (см. таблицу 1), дающую представление об отражении в словарях фрагментов словообразовательных гнезд с теми же основами, включающих модели названия человека (с нулевой флексией или флексией *-а* в мужском роде, а также суффиксом *-ник*) и глагол на *-ничать*.

⁶ В НКРЯ: 6, 0, 5, 1289 вхожд. соответственно.

⁷ В НКРЯ: 2879, 2412, 10874, 5695 вхожд. соответственно.

⁸ В НКРЯ: 44 вхожд., от *совместник*, 78 вхожд.

⁹ Появившегося в русских текстах, судя по старорусскому корпусу НКРЯ, в 1672 г.

¹⁰ В НКРЯ: 6461 вхожд. для *измена* против 6 для *изменничество*.

¹¹ Грамматика рассматривает глагол *бродяжничать* (разг.) через структуру мотивирующего отглагольного существительного с морфом *-аг-* *бродяга* [Русская 1980 1: 341].

Таблица 1. Отражение в словарях фрагментов словообразовательных гнезд

произво- дящая основа	основа +...				
				('чело-вск')	
	-ничество	-ество	-ничать	(ж/г) –а	-ник
бродяж-	Сл 1847, Даль 1989, Уша- ков 2001, Зализняк, МАС ³	Даль 1989, Зализ- няк	Сл 1847, Даль 1989, Ушаков 2001, За- лизняк, МАС ³	САР ¹ , Сл 1847, Даль 1989, Уша- ков 2001, Зализ- няк, МАС ³	Даль 1989
скоморош-	Зализняк, МАС ³	САР ¹ , Сл 1847, Даль 1989, Уша- ков 2001, Зализняк, МАС ³	Даль 1989, Уша- ков 2001, Зализняк, МАС ³		
скряж-	Сл 1847, Даль 1989, Уша- ков 2001, Зализняк, МАС ³	САР ¹	САР ¹ , Сл 1847, Даль 1989, Ушаков 2001, Зализняк, МАС ³	САР ¹ , Сл 1847, Даль 1989, Уша- ков 2001, Зализ- няк, МАС ³	Даль 1989
сообщ-	Сл 1847, Даль 1989, Уша- ков 2001, Зализняк, МАС ³	САР ¹ , Сл 1847, Даль 1989, Уша- ков 2001, Зализняк, МАС ³			САР ¹ , Сл 1847, Даль 1989, Уша- ков 2001, Зализняк, МАС ³
сутяж-	САР ¹ , Сл 1847, Даль 1989, Уша- ков 2001, Зализняк, МАС ³	Даль 1989, Зализ- няк	Сл 1847, Даль 1989, Ушаков 2001, За- лизняк, МАС ³	САР ¹ , Сл 1847, Даль 1989, Уша- ков 2001, Зализ- няк, МАС ³	Даль 1989, Уша- ков 2001, Зализняк, МАС ³
худож-	Сл 1847, Уша- ков 2001, Зализняк, МАС ³	САР ¹ , Сл 1847, Даль 1989, Уша- ков 2001, Зализняк, МАС ³	Сл 1847	САР ¹	САР ¹ , Сл 1847, Даль 1989, Уша- ков 2001, Зализняк, МАС ³
чернокниж-	САР ¹ , Даль 1989, Зализняк	Сл 1847	Сл 1847, Даль 1989		САР ¹ , Сл 1847, Даль 1989, Уша- ков 2001, Зализняк, МАС ³

Сопоставление материалов словарей показало, что:

1) к «списку Зализняка» следует добавить еще две пары дериватов — с основами *скряж-*, *чернокниж-*, дополняющих представление о русском лексиконе; отметим, что ни в одном из толковых словарей все семь пар не зафиксированы;

2) из 14 обнаруженных таким образом дериватов только четыре отмечены во всех шести анализируемых словарях: три с финалями *-ество* (*скоморошество*, *сообщество* и *художество*), а также *сутяжничество*;

3) вариант с финалью *-ничество* является в корпусе словарей более частотным как во всем объеме исследуемого материала (30 против 24 с финалью *-ество*), так и для четырех из семи основ, а именно: *сутяжничество* фиксируют все шесть словарей, *бродяжничество*, *скряжничество*, *сообщничество* — пять из шести;

4) самой широко представленной в словарях является пара с основой *сообщ-* (в пяти словарях с финалью *-ничество*, в шести — с финалью *-ество*, иначе 5/6), далее по убывающей относительно варианта *-ничество*: *сутяж-* (6/2), *бродяж-* (5/2), *скряж-* (5/1), *худож-* (4/6), *чернокниж-* (3/1), *скоморош-* (2/6);

5) глагольное словообразование посредством суффикса *-ничать* отмечено для шести основ, кроме *сообщ-*, при этом наличие однокоренных имени и глагола на *-нич-* фиксируем не во всех словарях (цифры означают количество словарей): *бродяж-*, *сутяж-* (5/5), *скряж-* (5/6), *худож-* (4/1), *чернокниж-* (3/2), *скоморош-* (2/4), глагол не отмечен для основы *сообщ-*.

Таблица 2. Словарные материалы

черномыслие	худож-	сутяж-	собщ-	скряж-	скоморош-	брозяж-	производ. основа	
							-нич-во	-ество
Волшебство, колдовство	-	Свойство сутяжливости	-	-	-	-	-нич-во	-ество
-	Знание посредством рассуждения и утраченного приобретенных способностей производить что-либо такое, чего при помощи одной природы учинить не можно.	-	Общество, со товариществом, состоящее из некоторого числа людей	Чрезвычайная, подлая скудность	Скоморошские забавы, шутки	-	-	-ество
-	Знание художеством, или художествами	Занятие тяжбами, пристрастие к тяжбам	Участие в каком-либо обществе или союз сообщников	Чрезвычайная скудность	-	Состояние бродяг	-нич-во	-ество
Колдовство по волшебным книгам	Изычное искусство производить что-н. подражанию природе	-	Сотоварищество, состоящее из некоторого числа людей	-	Ремесло скомороха; умелые плясать, пугать, тешить	-	-	-ество
Знание, наука или дело, знахарство, по старическим, волхование, волшебство, колдовство,	-	То же [что сутяжные или сутяжничанье – действие по глаголу сутяжить [заводить, тягаться, спорить по суду, тягаться, судиться, вздорно, придиричиво, стараясь оттянуть что-нибудь]]; но более как свойство или дело, понятие отвращенное	Содействие, соучастие, сотрудничество; стачка, условное единомыслие	Неуместная и грязная скудность	-	Быт, состояние, жизнь бродяги; скитальчество, палатничество, ухрыпальчество	-нич-во	-ество
-	[и худота] умение, искусство на деле; изычное искусство, подражательное и творческое искусство; валяние, живопись, зодчество, музыка, мимика, пляска. Народн. Худосе дело, дурной поступок и вообще порок	Разг. Занятие, поведение сутяжника, пристрастие к ведению тяжб	Братство, товарищество, со товариществом, в значении бытности, нахождения с кем, или это круг, община, братия	-	[промашлять скоморошеством], музыкальной или плясочной, песнями, гармоникой, потехами, смеяться и веселить людей	-	-	-ество
-	Устар. Занятия, профессия художника	Разг. Занятие, поведение сутяжника, пристрастие к ведению тяжб	(офиц.) Соучастие в преступном замысле или деянии.	Разг., неодобр. Поведение сутяжника, пристрастие к ведению тяжб	-	Скитанье, поведение, быт бродяги	-нич-во	-ество
-	1. Искусство (старин.) 2. Разг., неодобр. Дурной поступок, проделка, выходка	-	1. Объединение, группа из некоторого числа людей, имеющих общую цель (клячка). 2. Группа растительных или животных организмов, временно или постоянно ведущих совместную жизнь (биол.)	-	1. В древней Руси – профессия скомороха. 2. Перен. Неприязненное, легкомысленное поведение, шутство (разг., презрительн.)	-	-	-ество
-	Устар. Занятие, профессия художника	Занятие тяжбами, пристрастие к ведению тяжб	Соучастие в преступлении, в каком-либо неблагоприятном деле.	Разг. Чрезвычайная скудность	1. Занятие, профессия скомороха. 2. Разг. Шутство, палящичанье, балагурство.	1. Социальное явление, выражающееся в постоянном перемещении с места на место в поисках работы (вызывается неустойчивостью существования трудящихся в эксплуататорских государствах). 2. Разг. Постоянные переезды, частая перемещение на местожительство в связи с работой, странствиями, путешествиями и т. д.	-нич-во	-ество
-	1. Устар. Искусство. 2. Устар. Изобразительное искусство. 3. Устар. Умение, мастерство, искусство исполнение чего-л. 4. Разг. Прodelка, выходка	-	1. Объединение людей, связанных общими условиями жизни. Биол. Постоянное или временное соединение животных или растительных организмов. 2. Устар. Совместное пребывание, общение с кем-л. 3. Объединение лиц, связанных общими интересами, целями.	-	-	-	-	-ество

В таблицу 2 сведены толкования анализируемых абстрактных существительных в тех же пяти толковых словарях XVIII–XX вв. По ее материалам формулируем следующие выводы:

1) в единичных словарях имеющиеся пары дериватов толкуются словарем одинаково: в словаре Даля с основой *бродяж-*, в МАС³е — *скоморош-*;

2) чаще дериваты различаются значениями и стилистическими пометами: в четырех словарях (Сл 1847, Даль 1989, Ушаков 2001, МАС³) с основой *сообщ-*, в трех словарях (Сл 1847, Ушаков 2001, МАС³) с основой *худож-*;

3) конкретное существительное — название человека, которое можно рассматривать в качестве мотивирующего слова для дериватов, входит в толкование его лексического значения по-разному, а именно:

бродяж-, всего пять толкований из возможных 14, *бродяга* — в четырех; *скоморош-*, всего шесть толкований, *скоморох* — в четырех; *скряж-*, всего пять толкований, *скряга* — в одном; *сообщ-*, всего девять толкований, *сообщник* — нет ни в одном; *сутяж-*, всего пять толкований, *сутяжник* — в одном; *худож-*, всего восемь толкований, *художник* — в двух; *чернокниж-*, всего три толкования, *чернокнижник* — нет ни в одном;

4) при толковании только одной пары дериватов находим опосредованную отсылку к глаголу через другие производные — в словаре Даля: «То же [что *сутяженье* или *сутяжничанье*, дѣйстви́е по гл. (*сутяжить*)], но болѣе какъ свойство или дѣло, понятие отвлеченное» (Даль 1989 4: 365);

5) производным с основой *скоморош-* и финалью *-ество* словари приписывают значение ‘ремесло, профессия’; в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова (2001) впервые фиксируется вторым переносное отрицательно-оценочное значение ‘несерьезное, легкомысленное поведение, шутство’, которое нейтрализуется в МАС³, но распространяется и на отмеченный здесь впервые дериват с финалью *-ничество*. Значимо, что переводы на разные европейские языки для этих двух русских производных не различаются, как и для слов с основой *сутяж-*, зафиксированных в русских словарях преимущественно с процессуальным значением ‘занятие’ и финалью *-ничество*. Для производных от прочих четырех русских основ переводы, как правило, различаются, не являясь однокоренными¹².

¹² Переводчик ГУГЛ [<https://translate.google.ru>], при всей условной правильности рекомендуемых вариантов, предлагает следующие переводы:

русский	франц.	испан.	англ.	литов.	польск.	сербск.	болгарск.
скоморошество	bouffonnerie	bufonada	buffoonery	bufetai	bufonada	буфонија	палячовщина
скоморошничество	bouffonnerie	bufonada	buffoonery	bufetai	bufonada	буфонија	палячовщина
скряжество	maudire	maldiciendo	cursing	prakeikimas	przeklinanie	псовке	ругатни
скряжничество	avarice	avaricia	miserliness	netinkamumas	skapstwo	мизерност	скъперничество
сообщество	communauté	comunidad	community	bendruomenė	społeczność	заједница	общност
сообщничество	complicité	complicidad	complicity	bendrininkavimas	współudział	саучесништво	съучастничество
сутяжество	litige	litigio	litigation	bylinėjimosi	spór	судски спор	съдебен спор
сутяжничество	litige	litigio	litigation	bylinėjimosi	spór	судски спор	съдебен спор
художество	art	Arte	art	menas	sztuka	уметност	изкуство
художничество	talent artistique	arte	artistry	meniškumas	kunst	артистри	майсторство
чернокнижество	la sorcellerie	brujería	witchcraft	raganavimas	czary	чаробъаштво	магьосничество
чернокнижничество	démoniste	brujo	warlock	karūnas	czarodziej	варлоцк	магьосник

Главным в толкованиях каждого из русских дериватов с основой *скряж-* является признак скупости. Только в словаре Ушакова на первое место в толковании слова с финалью *-ничество* выходит действие через слово *поведение*. В словарных толкованиях всех последующих слов на *-ничество* ведущей является идея действия, участия, занятия; при этом начиная со словаря Ушакова для слова *сообщничество* — смысл неблагоприятного замысла или деяния.

Таким образом, постепенно происходит дифференциация дериватов с финалью *-ничество* как девербативов, вызывающих представление о том или ином процессе, движении, в отличие от слов с финалью *-ество* как имеющих некое обобщенно-предметное, статичное значение. Эта тенденция семантической дифференциации, впрочем, не распространяется на варианты *чернокнижество/чернокнижничество*, связанные с явлениями, неактуальными для советских словарей и потому в них не зафиксированными.

Полученные результаты мы соотнесли с корпусными данными о времени вхождения слов в русский язык и об их употребительности (таблицы 3, 4).

В таблице 3 представлены материалы из основного корпуса НКРЯ, в таблице 4 — информация о тех же словах, полученная из электронного ресурса БЛ. Еще раз обратим внимание на то, что эти поисковые системы содержат материалы о русских письменных (опубликованных) текстах более чем трех столетий.

Таблица 3. Материалы основного корпуса НКРЯ

Список основ	О. + <i>-ничество</i>			О. + <i>-ество</i>			О. + <i>-ничать</i>			('человек')					
	вх.	даты фикс.		вх.	даты фикс.		вх.	даты фикс.		основа (ж/г)+ <i>-а</i>			основа + <i>-ник</i>		
		перв.	посл.		перв.	посл.		перв.	посл.	вх.	даты фикс.		вх.	даты фикс.	
										перв.	посл.			перв.	посл.
бродяж-	255	1820–1822	2011	52	1841–1846	1955	75	1835–1836	2015	3708	1735	2015	1	1922	
скоморош-	1	1875–1880		65	1733	2011	23	1833	2007				3	1912	
скряж-	30	1825	1981				8	1861	1991	351	1768	2013			
сообщ-	69	1833	2014	6175	1720	2015							1551	1721	2015
сутяж-	63	1816	2015	1	1898		13	1861	2003	103	1769	2005	14	1860–1870	2003
худож-				3483	1698–1721	2015	2	1930–1960	2005	5	2000	2009	42441	1717	2016
чернокниж-	1	1862–1875		16	1715	2011	1	1916					182	1766–1768 2012	

Все 14 анализируемых производных представлены в БЛ. Не обнаружено вхождений в НКРЯ для слов *скряжество* (3 в БЛ) и *художничество* (46 в БЛ). Обобщив сведения о датах вхождения слов в зафиксированные электронными системами тексты, получаем следующее:

- сутяж-*: *-ничество* (1700) / *-ество* (1876) = 176 лет;
- худож-*: *-ество* (1700) / *-ничество* (1894) = 194 года ;
- чернокниж-*: *-ество* (1715) / *-ничество* (1841) = 126 лет.
- сообщ-*: *-ество* (1720) / *-ничество* (1833) = 113 лет;
- скоморош-*: *-ество* (1733) / *-ничество* (1846) = 113 лет;
- бродяж-*: *-ество* (1766) / *-ничество* (1820–1822) = 54 года;
- скряж-*: *-ничество* (1796) / *-ество* (1974) = 178 лет.

Таблица 4. Материалы из «Библиотеки лексикографа»

Список основ	О, + -ничество			О. + -ество			О, + -ничать			('человек')					
	вх.	даты фикс.		вх.	даты фикс.		вх.	даты фикс.		основа (ж/г)+ -а			основа + -ник		
		перв.	посл.		перв.	посл.		перв.	посл.	вх.	даты фикс.		вх.	даты фикс.	
											перв.	посл.		перв.	посл.
бродяж-	2712	1826	2014	173	1766	2014	1463	1835	2014	18569	1750	2015	21	1922	2009
скоморош-	27	1846	2013	519	1819	2018	341	1831	2017				14	1902	2011
скряж-	208	1796	2014	3	1974		149	1768	2011	3464	1750	2015	4	1895	1995
сообщ-	759	1833	2019	22112	1748	2019	9	1903	2015				13881	1736	2018
сутяж-	513	1700	2014	10	1876	1997	161	1857	2012	935	1765	2014	145	1816	2014
худож-	46	1894	2012	13080	1700	2015	54	1892	2012	66	1772	2008	55217	1700	2015
чернокниж-	30	1841	2013	88	1715	2011	5	1908	1985	1	2003		1625	1763	2014

Как видим, для пяти основ *бродяж-*, *скоморош-*, *сообщ-*, *худож-*, *чернокниж-* более ранним по времени вхождения в русские письменные тексты стал вариант с финалью *-ество*, при этом разница составила от 54 лет (минимальная из всех — для пары *бродяжество/бродяжничество*) до 194 лет (максимальная для пары *художество/художничество*, хотя с учетом данных из исторического старорусского корпуса НКРЯ, в котором вариант *художество* впервые зафиксирован в Никоновской летописи 1362–1424 гг., эта разница — около 500 лет). Таким образом, в рейтинге вариантов с финалью *-ество* основа *бродяж-*, являющаяся основным предметом нашего внимания, занимает последнее по времени вхождения в русский язык, пятое место, что коррелирует с историческими условиями возникновения феномена.

Для основ *скряж-* и *сутяж-* более ранним является вариант с финалью *-ничество*. В этом рейтинге основа *бродяж-* занимает третье место.

Однако по частотности вариант *бродяжничество* явно преобладает в текстах — источниках электронных поисковых систем: 255 против 52 в НКРЯ и 2712 против 173 в БЛ. Обратим внимание на валидность информации о преимущественном употреблении в русских текстах того или иного варианта производного от каждой из основ. Несмотря на разницу в цифрах, и НКРЯ, и БЛ показывают более частотными варианты *скоморошество*, *скряжничество*, *сообщество*, *сутяжничество*, *художество* и *чернокнижество*. При этом из 14 рассматриваемых слов дериват *бродяжничество* находится на третьем месте после *сообщества* (6175 вхожд. в НКРЯ и 22112 в БЛ) и *художества* (3483 в НКРЯ и 13080 в БЛ) — слов с развившимся у них предметным, в т. ч. конкретным, и оценочным значением.

Словари зафиксировали также другие производные с абстрактным значением от тех же основ, образованные по другим моделям. Больше всего их в словаре В.И. Даля: *бродяженье*, *бродяжничанье*, *скоморошничанье*, *скряжничанье*, *худога*, *чернокнижие* (также САР¹, Сл 1847, МАС³) с теми же значениями, что и дериваты с финалями *-ество* и *-ничество*. Субстантивы *сутяжничанье* и *сутяженье* представлены как девербативы, со значением 'действие по глаголу сутяжить' (Даль 1989 4: 365), ср. *сутяженье* 'действие сутяжащего' (Сл 1847 4: 251; САР¹ 6: 383). См. также: *сутяжливость* 'свойство' (Даль 1989, там же), 'свойство сутяжливаго' (Сл 1847, там же).

«Словообразовательный словарь русского языка» А.Н. Тихонова предлагает рассматривать ситуацию двойного мотивирования не только для пары *бродяжество/бродяжничество*, но и для дериватов с основой *сутяж-*: от имени *сутяга* образованы *сутяжество* и *сутяжник*, от последнего — *сутяжничество*¹, далее через посредство глагола *сутяжничать* — *сутяжничество*² (Тихонов 2: 1119). От имени *скряга* через глагол *скряжничать* словарь ведет к деривату *скряжничество* (Тихонов 1: 514), от *книга* через *чернокнижие*, *чернокнижник* — к *чернокнижество* (Там же: 556). От субстантива *художник* через конкретное существительное *художничек* — к абстрактному *художничество*; отдельно представлено *художество*. От *общий*, *общество* — к *сообщество*, через *сообща*, *сообщник* — к *сообщничество* (CoC).

Судя по данным НКРЯ (таблица 3), глагольное словообразование с финалью инфинитива *-ничать* представлено в русских письменных текстах XVIII–XXI вв. незначительно, практически единично (для основы *сообщ-* такого деривата нет), за исключением глагола *бродяжничать* с 75 вхождениями. В материалах БЛ (таблица 4) присутствуют все семь глаголов с более значимыми показателями, при этом количество употреблений в БЛ глагола *бродяжничать* разительно (в 19,5 раз) превосходит данные НКРЯ и составляет 1463 фиксации.

Приняв во внимание даты первой фиксации глаголов на *-ничать* и существительных на *-ничество* в русских текстах, введенных в поисковые системы НКРЯ и БЛ, мы получили следующий список:

- сутяж-*: *-ничество* (1700) / *-ничать* (1857) = 157 лет;
- скряж-*: *-ничать* (1768) / *-ничество* (1796) = 28 лет;
- бродяж-*: *-ничество* (1820–1822) / *-ничать* (1835) = 15 лет;
- скоморош-*: *-ничать* (1831) / *-ничество* (1846) = 15 лет;
- сообщ-*: *-ничество* (1833) / *-ничать* (1903) = 70 лет;
- чернокниж-*: *-ничество* (1841) / *-ничать* (1908) = 67 лет;
- худож-*: *-ничать* (1892) / *-ничество* (1894) = 2 года.

Как видим, в письменных текстах глагол предшествует субстантиву с той же основой для трех основ из семи, причем разница во времени фиксации в 28 и 15 лет достаточно незначительна (а для основы *худож-* практически отсутствует), что может считаться погрешностью и объясняться характером выборки оцифрованных текстов. Ту же разницу в 15 лет, но в «обратном порядке», фиксируем для основного предмета анализа: *бродяж-*: *-ничество* (1820–1822)/*-ничать* (1835). Любопытно, что такие практически одновременно зафиксированные в русских текстах пары слов, называющие действие посредством глагола и субстантива с морфом *-нич-*, относятся как к концу XVIII в., так и к первой половине XIX в., а также его концу.

Временной промежуток в 67, 70 и особенно 157 лет для трех прочих пар слов можно считать более существенным. Однако эта ситуация требует дальнейшей проверки.

В списке других зафиксированных в пяти толковых словарях глаголов с теми же основами: *бродяжить* (Даль 1989, МАС³; в НКРЯ 93 вхожд.), *скоморошить* (САР¹, Сл 1847, Даль 1989; 5 вхожд.), *скоморошествовать* (МАС³; 10 вхожд.), *сутяжить* (САР¹, Сл 1847, Даль; не зафиксирован в НКРЯ), *худож-*

жествовать (Сл 1847; 9 вхожд.), *чернокнижить* (Даль²; нет в НКРЯ). Как видим, эти глагольные образования, кроме *бродяжить* (в текстах 1862–2013 гг., т. е. позднее на 27 лет, чем *бродяжничать*) не поддержаны письменной речевой практикой.

Сопоставление материалов таблиц 1, 3 и 4 приводит к выводу об их взаимодополняющем характере.

Получить некоторое представление об употребительности анализируемых однокоренных субстантивов и глаголов в современной русской речи позволяет обращение к поисковым системам ГУГЛ и ЯНДЕКС, материалы которых демонстрируют огромный разброс данных. Ответы на запросы от 10.07.2020 сведены в таблицу 5.

Таблица 5

	Материалы из поисковых систем ГУГЛ и ЯНДЕКС					
	основа + -ничество		основа + -ество		основа + -ничать	
	ГУГЛ	ЯНДЕКС	ГУГЛ	ЯНДЕКС	ГУГЛ	ЯНДЕКС
бродяж-	267 000	7 000	11 200	6 000	109 000	63 000
скоморош-	6 080	4 000	51 800	4 000	28 400	3 000
скряж-	34 900	4 000	864	3 000	30 800	3 000
сообщ-	121 000	4 000	131 000 000	25 000 000	320	2 000
сутяж-	67 900	5 000	714	4 000	10 400	3 000
худож-	356 000	4 000	513 000	2 000 000	13 200	5 000
чернокниж-	3 160	4 000	3 300	4 000	40 100	2 000

Материалы таблицы 5 свидетельствуют об очень большой относительности представленных в ГУГЛе и ЯНДЕКСе цифр, порядок которых мало сопоставим для всех именных и глагольных производных, кроме дериватов от основы *чернокниж-*. В частности, ЯНДЕКС демонстрирует чрезвычайно похожие результаты для всех субстантивов (кроме *сообщество* и *художество*, имеющих развитое предметное значение) и глаголов (в пределах 2–5 тыс.). На этом фоне выделяются все показатели для основы *бродяж-*.

Тем не менее мы констатируем большую употребительность абстрактных существительных *бродяжничество*, *скряжничество* и *сутяжничество*, а также *скоморошество*, что подтверждает результаты поисков в НКРЯ и БЛ. Принципиально соответствуют выводам из материалов таблиц 3 и 4 и данные по глаголу *бродяжничать*, резко отличающие его употребительность от других исследуемых глаголов на *-нич-* в поисковых системах ГУГЛ и ЯНДЕКС.

Словарные и корпусные материалы: бродяжество/бродяжничество

В современных двадцатитомном «Словаре современного русского литературного языка» 1991 г. и «Большом академическом словаре русского языка» слово *бродяжество* представлено с пометой устаревшее и с отсылочным значением ‘то же, что бродяжничество’; *бродяжничество* — без пометы, со значением ‘состояние, образ жизни бродяги’ (ССРЛЯ² 1: 765, 766; БАС 2: 196), т. е. современные словари представляют их в качестве семантических дублетов, мотивированных существительным *бродяга*, стилистически маркированных в плане диахронии/синхронии.

В МАС³е отмечен вариант *бродяжничество* как многозначное слово, имеющее ярко выраженные оценочные стилистические характеристики, отра-

жающие специфику времени составления словаря и, как представляется, не отсылающие к истории страны и не мотивированные историзмом *бродяга*. Обратим внимание, что первое значение ‘1. Социальное явление, выражающееся в постоянном перемещении с места на место в поисках работы (вызывается неустойчивостью существования трудящихся в эксплуататорских государствах)’ (МАС³ 1: 116) носит скорее терминологический характер, ср. в словаре Брокгауза и Ефрона конца XIX в.: «**Бродяжничество** — юридический термин, имеющий у нас, в России, несколько иное значение, чем соответствующие ему выражения (*vagabondage, Landstreicherei*) в Западной Европе» (БрЕф IVa: 695).

Первое, не проиллюстрированное в МАС³е примерами, значение близко к толкованиям в специальной литературе, например: «**Бродяжничество** — состояние человека, живущего в материальной бедности, скитающегося с места на место, не имеющего жилья, постоянной работы или другого законного источника дохода (средств к существованию). В русскоязычной социологической и юридической литературе бродяжничество обычно определяется как систематическое перемещение лица, не имеющего постоянного места жительства, из одной местности в другую <...>, с существованием при этом на нетрудовые доходы» [Кудрявцев 1989: 258]¹³.

Второе значение в МАС³е ‘2. Разг. Постоянные переезды, частая перемена местожительства в связи с работой, странствиями, путешествиями и т. д.’ иллюстрируется цитатами из А.И. Герцена («страсть к бродяжничеству: <...> путешествий по окрестностям Женевы») и К.Г. Паустовского («После бродяжничества по Италии <...> поступил в <...> оперу») — цитатами, не ассоциирующимися с юридически значимыми элементами значения и употребления слова (МАС³ 1: 116).

Зафиксированный в «Словаре русского языка XVIII века» вариант *бродяжество* (без варианта на *-ничество*) сопровождается пометой «новое» без толкования значения и с текстовой иллюстрацией «*престъчь людам способы к бродяжеству за милостыню*» из XXI тома Полного собрания законов Российской Империи (СРЯ XVIII 2: 143), а именно из Сенатского указа № 15.152 от 20 апреля 1781 г. «О мѣрахъ къ доставленію пропитанія нищимъ».

---

¹³ Термин находим в Уголовном кодексе РФ 1961 г. в статье 209 «Систематическое занятие *бродяжничеством* или попрошайничеством» [https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%97%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD_%D0%BE%D0%B1_%D1%83%D1%82%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%B6%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8_%D0%B8_%D0%A3%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D0%BA%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0_%D0%A0%D0%A1%D0%A4%D0%A1%D0%A0_1960_%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F_209_%D0%A1%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5_%D0%B7%D0%B0%D0%BD%D1%8F%D1%82%D0%B8%D0%B5_%D0%B1%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%8F%D0%B6%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%D0%BC_%D0%B8%D0%BB%D0%B8_%D0%BF%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%88%D0%B0%D0%B9%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%D0%BC]. Статья исключена из Кодекса законом РФ от 05.12.1991 [http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/438140208c123a148b119d527213dd8cc1ea29f2/]

Сайт «КонсультантПлюс» на запрос «бродяжество» не дал результатов, на запрос «бродяжничество» сообщил об использовании этого термина в следующих новейших документах: в «Уголовном кодексе Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63–ФЗ (ред. от 08.06.2020) («вовлечение несовершеннолетних <...> в занятие *бродяжничеством* и попрошайничеством») и в Федеральном Законе от 23.06.2016 № 182–ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» («лица, занимающиеся *бродяжничеством* или попрошайничеством») <http://www.consultant.ru/search/?q=%D0%B1%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%8F%D0%B6%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE+>

Из словарной иллюстрации следует особая значимость для семантической структуры слова *бродяжество* сочетаемости со словом *милостыня*, которое в том же словаре толкуется как ‘подаяние, пожертвование нуждающемуся’ (СРЯ XVIII 12: 186); значение *нуждающийся* «отсылает» к *нищим* из заголовка указа, ср.: *нищий* — ‘1. не имеющий средств к жизни, живущий милостыней. || Бедный, малоимущий. || Скудный, недостаточный’ (СРЯ XVIII 15: 157).

Обратим внимание, что на той же странице словаря находим вариативные абстрактные существительные: *нищенство* (‘состояние нищего; бедность, убожество’), *нищество* (‘то же, что нищенство’) и *нищетство* (‘то же, что нищета’), образованные присоединением суффикса *-ств(о)* к вариантам основы *нищ(ен)-*, *нищ(е)-* (возможно, от *нищ-а-ть* ‘приходить в бедность, становиться нищим’ (Там же: 156) через *нищ-ий*), *нищ(ет)-*, ср.: *нищета* ‘1. Состояние нищего, крайняя бедность, нужда. 2. собир. Нищие, беднота’ (Там же: 157).

Обратившись к тексту указа № 15.152 в поисках мотивирующего для абстрактного существительного *бродяжество* слова, мы не нашли в нем однокоренных слов. Отправной точкой для дальнейшего анализа стало существительное *нищие* из заголовка: мы исходим из того, что в компонентах заголовка находят отражение тема и предмет речи, и рассматриваем в тексте указа соответствующую тематическую цепочку.

Компоненты цепочки представлены преимущественно местоимениями в составе описательных глагольных оборотов (*кто, таковые, те, кои*) или отпричастными формами (*неимущие, шатающиеся, могущие, скитающиеся*), при этом использование двух из них в тексте предваряется инфинитивами (*шататься → шатающиеся, скитаться → скитающиеся*). В резолютивной части указа местоименная и отпричастная модель номинации соединяются в синтагме — последнем компоненте цепочки *таковые шатающиеся*, которому предшествует гипероним *люди*, см.:

... **кто** изъ деревень, или изъ городовыхъ жителей будетъ шататься по городамъ самъ для прошенія милостыни, или же дѣтей <...> отпускать <...> по міру скитаться → **таковые** → **неимущие** → **неимущихъ** → **неимущимъ** → **тѣхъ, кои** не могутъ приобрести работою свое пропитаніе → **шатающихся** в прошеніи милостыни и работою **могущихъ** прокормиться → **скитающиеся** за милостынею → **таковыхъ** → пресѣчь **людямъ** способы къ бродячеству за милостынею → **таковые шатающиеся**... (ПСЗ XXI: 116).

Именно в составе синтагмы с гиперонимом *люди* находим абстрактное существительное *бродяжество*. Следовательно, для максимального обобщения своего волеизъявления законодатель использовал конструкцию с соответствующими друг другу по «высоте обобщения», но с разными по языковому выражению значения обобщения (лексическим и грамматическим) компонентами.

Обратим внимание, что в словарях XIX – начала XX вв. существительные *бродяжество/бродяжничество* мотивированы словом *бродяга*, присутствующим в их толковании: *состояние, быт, жизнь, скитание, поведение бродяги*, и через него сохраняют в своей семантической структуре значение действия, а потому, видимо, их с большей степенью вероятности можно считать вариативными именами действия. Но уже в словаре В.И. Даля в их семантике прослежи-

вается и представление о более отвлеченном понятии, феномене (ср. синонимичные *скитальчество, шатательство, укрывательство*), позволяющее в дальнейшем рассматривать феномен **бродяжничества** как предмет исследования не только в юриспруденции, но и в социологии, психологии и психиатрии.

Выводы

«Конкуренция» вариантов *бродяжество/бродяжничество* продолжается в русском языке в течение двух столетий. Образованные по «живым типам словообразования в классе слов среднего рода» посредством «суффиксов, обозначающих состояние» [Виноградов 1986: 104, 108], эти существительные, наряду с парами *скоморошество/скоморошничество, сутяжество/сутяжничество*, для современного носителя русского языка остаются скорее семантическими дублетами со значением действия-состояния, в которых присутствует развивавшееся по мере их употребления в русской речи и значение признака (неслучайно развитие оценочных и переносных значений, фиксируемых словарями, чаще — для вариантов на *-ество*). Вариант с финалью *-ничество*, закрепившийся в официально-деловом и научном употреблении, в большей степени «обезличивает», «уводит» от конкретного человека, который «страдает» бродяжеством, в сферу отвлеченной терминологии.

Следовательно, выбор одного из вариантов определяется скорее стилистическими задачами, дискурсными особенностями коммуникации. Подобная ситуация в большей степени проявляется в проекции на оставшиеся четыре пары «фоновых» производных, более четко разделившихся на имена действия с финалью *-ничество* и имена состояния с финалью *-ество*, что подтверждается и разными их переводами на славянские и западноевропейские языки.

Вместо заключения

(*бродяжество/бродяжничество*: корпусные иллюстрации)

Слово *бродяжество* в 65,38% своих вхождений представлено в НКРЯ цитатами из художественной литературы, а именно 14 вхожд. — в пяти произведениях В.Г. Короленко (29,92%), 8 вхожд. — в трех произведениях Ф.М. Достоевского (15,38%), 7 вхожд. — в двух текстах Н.С. Лескова (13,46%). От одного до трех — в произведениях М. Горького, А.П. Чехова, Б.Л. Пастернака, А.И. Герцена и др. (всего 16 авторов-мужчин, в т. ч. имевших непосредственный опыт общения с сосланными в Сибирь бродягами). Обратим внимание, что официально-деловая сфера функционирования для слова *бродяжество* в корпусе не отмечена, хотя введение в научный оборот изучаемых нами архивных источников, явившихся для каждого из полутора тысяч жителей Российской империи неким коллективным паспортом с пропиской в Сибири, должно изменить ситуацию.

Слово *бродяжничество* имеет в НКРЯ более обширную сферу функционирования. Помимо художественной, это и официально-деловая (в т. ч. такие жанры, как закон, постановление, служебная записка), и публицистика. В 78,04% вхождений слово зафиксировано в мужской авторской речи, 9,41% — в женской; в остальных случаях пол автора в источнике не указан. В гораздо бо-

лее обширном списке авторов более 120 фамилий, включая указанных выше В.Г. Короленко (1 вхожд.), Ф.М. Достоевского (4 вхожд.), Н.С. Лескова (3 вхожд.), т. е. эти писатели, рассказывая истории конкретных людей, предпочитали в текстах использовать более близкое к отдельному человеку слово *бродяжество*, чем более «государственное» *бродяжничество*.

Приведем отдельные примеры из источников НКРЯ, по нашему представлению, наиболее ярко отражающие суть и прецедентные проявления такого явления, как русское **бродяжество/бродяжничество**, обратив внимание на особенности хронотопа в текстовых фрагментах (русские реалии, «окружающие» **бродяжество**, в исторической ретроспективе первого фрагмента с грамматикой прошедшего времени, и определенная вневременность, всеохватность, проявляющаяся в том числе в сочетаемости с отвлеченными словами *привычка*, *путь*, «*веселие*», *литература*, второго фрагмента):

Бродяжеством жила Русь далеко после тех времен, когда сплотили её в государство; бродягами расширила она свои пределы и ими же отстояла свою независимость от кочевых орд, напиравших на неё с востока и юга. Бродяги колонизировали Север, завоевали Сибирь, населили Дон и Урал, когда еще это слово не получило настоящего своего значения и нынешние бродяги носили название «гулящих, пришлых, вольных людей». <...> **Бродяжество**, как вольный переход с одних земель на другие, и теперь живет в народе на всех путях, хотя и под другими именами, с иными оттенками [А.М. Скабичевский. Горький. Очерки и рассказы. Два тома. СПб., 1898 г. (1899)].

Бродяжничество есть привычка, болезненная и отчасти наша национальная, одно из различий наших с Европой, — привычка, обращающаяся потом в болезненную страсть и весьма нередко зарождающаяся с самого детства. [Ф.М. Достоевский. Дневник писателя. 1876 год (1876)].

Десятки и сотни тысяч замученных, но решительных и сильных волей людей, пренебрегая всякой опасностью, проходили труднейший путь **бродяжничества** — в надежде найти лучшую участь и хоть кой-какую свободу. [В.Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга первая. Ч. 3 (1934–1939)].

Не родственно ли с этим «веселием» и юродство, и **бродяжничество**, и радения, и самосжигания, и всяческие бунты — и даже та изумительная изобразительность, словесная чувственность, которой так славна русская литература? [И.А. Бунин. Жизнь Арсеньева. Юность (1927–1933)].

Источники

- Алфавит–1 — Алфавить о поселенцахъ мущинахъ, на 1839 годъ // ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. И 154. Оп. 20. Д. 434. Лл. 1–269.
- Алфавит–2 — Алфавить о поселенкахъ женщинахъ, на 1839 годъ // ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. И 154. Оп. 20. Д. 435. Лл. 1–98.
- БАС — Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. Т. 1–26. СПб.: Наука, 2004–2019 (издание продолжается). Т. 2. М.; СПб.: Наука, 2005. 658 с.
- БрЕф — Энциклопедический словарь / Под ред. проф. И.Е. Андреевского. Изд. Ф.А. Брокгаузъ и И.А. Ефронъ. Т. 1–82. СПб.: Типо-литография (И.А. Ефрона), 1890–1907. [Электронный ресурс]. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book10139/#page/236/mode/1up> (дата обращения 08.07.2020)
- Даль 1989 — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1989–1991.

- Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М.: Русский язык, 1977. 879 с.
- МАС³ — Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985–1988.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (даты обращения: 15.04.2020–10.07.2020)
- ПСЗ — Полное собрание законов Российской Империи: Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. 48 т. [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/nodes/178-polnoe-sobranie-zakonov-rossiyskoj-imperii-sobranie-pervoe-s-1649-po-12-12-1825-spb-1830> (дата обращения: 08.06.2020)
- САР¹ — Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный: в 6 ч. СПб., 1789–1794.
- Свод — Свод законов Российской Империи. Т. 15. М., 1885. [Электронный ресурс]. URL: <https://civil.consultant.ru/reprint/books/229/98.html#img99> (дата обращения: 08.07.2020)
- Сл 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук. Репр. изд.: В 2 кн. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2001. Кн. I (Т. I, II). 928 с.; Кн. II (Т. III, IV). 1092 с.
- СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. Вып. 1–22. Л.; СПб.: Наука, 1984–2019 (издание продолжается). Вып. 2. Л.: Наука, 1985. 248 с.; Вып. 12. СПб.: Наука, 2001. 252 с. Вып. 15. СПб.: Наука, 2005. 264 с.
- СоС — Словообразовательно-морфемный словарь русского языка (3000 слов). Казань: Казанский гос. ун-т, 1997, 98. [Электронный ресурс]. URL: old.kpfu.ru/infres/slovar1/index.htm (дата обращения 08.07.2020)
- ССРЛЯ² — Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. / Гл. ред. К.С. Горбачевич. 2-е изд., пер. и доп. Т. 1–4. М.: Русский язык, 1991–1994. Т. 1. 864 с.
- Тихонов — Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. Ок. 145000 слов. М.: Русский язык, 1985.
- Ушаков 2001 — Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М.: Вече, Мир Книги, 2001.

Литература

- Бурыкин А.А. О создании электронной библиотеки для исследований в области русской лексикологии и лексикографии «Библиотека лексикографа» // Современные информационные технологии и письменное наследие: от древних текстов к электронным библиотекам. ЕлManuscript-08: мат-лы межд. науч. конф. / Отв. ред.: В.Д. Соловьев, В.А. Баранов. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2008. С. 52–55.
- Бурыкин А.А. Электронный ресурс для исследований в области русской лексикологии и лексикографии «Библиотека лексикографа»: опыт работы, перспективы пополнения, возможности использования // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015. Т. 1. №4. С. 5–28.
- Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). 3-е изд., испр. М.: Высшая школа, 1986. 640 с.
- Голев Н.Д, Фаломкина И.П. Словообразовательный тип в аспекте его лексической реализации (к проблеме лакунарности словообразовательной системы русского языка) // Сибирский филологический журнал. 2020. №2. С. 166–184.
- Горбань О.А. Документы Войска Донского сер. XVIII в. как источник исторической лексикологии русского языка // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка: Сборник статей по материалам VII Международного научного семинара, посвященного 110-летию Саратовского государственного университета, Саратов, 1 ноября 2019 г. / Отв. ред. О.И. Дмитриева. Саратов: Амирит, 2020. С. 16–23.

- Кудрявцев В.Н., Бородин С.В., Нерсесянц В.С., Кудрявцев Ю.В. Социальные отклонения. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юридическая литература, 1989. 365 с.
- Мальцева И.М., Молотков А.И., Петрова З.М. Лексические новообразования в русском языке XVIII в. Л.: Наука, 1975. 371 с.
- Орлова Д.Г. Словообразовательное варьирование в ходе глагольной неологизации в русском языке XVIII в. Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка // Сборник статей по материалам VII Международного научного семинара, посвященного 110-летию Саратовского государственного университета, Саратов, 1 ноября 2019 г. / Отв. ред. О.И. Дмитриева. Саратов: Амирит, 2020. С. 86–91.
- Пчелинцева Е.Э. От глагола к имени: аспектуальность в русских, украинских и польских именах действия. СПб.: Наука, 2016. 368 с.
- Пчелинцева Е.Э. Взаимодействие вида с именными и глагольными категориями в славянских Nomina Actionis // Взаимодействие аспекта со смежными категориями. Материалы VII Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов (Санкт-Петербург, 5–8 мая 2020 года) / ред. кол.: Е.В. Головкин, Е.В. Горбова (отв. ред.), П.А. Кочаров и др. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2020. С. 293–303.
- Русская грамматика: в 2 т. / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. Т. 1. М.: Наука, 1980. 783 с.
- Трофимова О.В. Отглагольные существительные — наименования преступлений (На материале «Алфавита о поселенцах мущинах, на 1839 годъ» и «Алфавита о поселенках женщинах, на 1839 годъ» из Тобольского архива) // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка: Сборник статей по материалам VII Международного научного семинара, посвященного 110-летию Саратовского государственного университета, Саратов, 1 ноября 2019 г. / Отв. ред. О.И. Дмитриева. Саратов: Амирит, 2020. С. 112–119.

Бурыкин Алексей Алексеевич, д. филол. наук, д. ист. наук; Институт лингвистических исследований РАН, 199053, г. Санкт-Петербург; Тучков пер. д. 9; ведущий науч. сотрудник; e-mail: albury@mail.ru

Трофимова Ольга Викторовна, д. филол. наук; Тюменский государственный университет, г. Тюмень; профессор кафедры русского языка и общего языкознания; e-mail: otrofim@rambler.ru

Для цитирования. Бурыкин А.А., Трофимова О.В. Вина бродяжества и феномен бродяжничества: к истории «конкуренции» слов // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2020. Вып. 3. С. 7–27. DOI 10.30842/26583755202001

References

Burykin, A.A. O sozdanii elektronnoj biblioteki dlja issledovanij v oblasti russkoj leksikologii i leksikografii “Biblioteka leksikografa” [On the creation of the electronic library for the researches in the field of Russian lexicology and lexicography «Lexicographer’s Library»] // Sovremennye informacionnye tekhnologii i pis’mennoe nasledie: ot drevnix tekstov k elektronnym bibliotekam. ElManuscript-08: mat-ly mezhd. nauch. konf. / Отв. ред.: V.D. Solov’ev, V.A. Baranov. Kazan’: Izd-vo Kazanskogo gos. un-ta, 2008. S. 52–55. (In Russ.)

Burykin, A.A. Elektronnyj resurs dlja issledovanij v oblasti russkoj leksikologii i leksikografii “Biblioteka leksikografa”: opyt raboty, perspektivy popolnenija, vozmozhnosti ispol’zovanija [Electronic resource for the researches in the field of Russian lexicology and lexicography «Lexicographer’s Library»: experience of work, perspectives of increasing, possibilities of use // Teoreticheskaja i prikladnaja lingvistika. 2015. T. 1. №4. S. 5–28. (In Russ.)

Vinogradov, V.V. Russkij jazyk (Grammaticeskoe uchenie o slove) [Russian language. Grammatical theory of word]. 3-e izd, ispr. Moscow: Vysshaja shkola Publ., 1986. 640 s. (In Russ.)

Golev, N.D., Falomkina, I.P. Slovoobrazovatel'nyj tip v aspekte ego leksicheskoj realizacii (k probleme lakunarnosti slovoobrazovatel'noj sistemy russkogo jazyka) [Derivational type in the aspect of its lexical realisation] // Sibirskij filologičeskij žurnal. 2020. №2. S. 166–184. (In Russ.)

Gorban', O.A. Dokumenty Vojska Donskogo ser. XVIII v. kak istočnik istoričeskoj leksikologii russkogo jazyka [Documents of Don Troop of the middle of the 18th century as a source for the historical lexicology of Russian] // Razvitie slovoobrazovatel'noj i leksicheskoj sistemy russkogo jazyka: Sbornik statej po materialam VII Mezhdunarodnogo nauchnogo seminara, posvjashhennogo 110-letiju Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta, Saratov, 1 nojabrja 2019 g. / Otv. red. O.I. Dmitrieva. Saratov: Amirit publ., 2020. S. 16–23. (In Russ.)

Kudrjavcev, V.N., Borodin, S.V., Nersesjanc, V.S., Kudrjavcev, Ju.V. Social'nye otklonenija. [Social deviations] 2-e izd., pererab. i dop. M.: Juridičeskaja literatura Publ., 1989. 365 s. (In Russ.)

Mal'ceva I.M., Molotkov A.I., Petrova Z.M. Leksicheskie novoobrazovanija v russkom jazyke XVIII v. [New lexical constructions in the 18th century Russian]. Leningrad: Nauka Publ., 1975. 371 s. (In Russ.)

Orlova, D.G. Slovoobrazovatel'noe var'irovanie v khode glagol'noj neologizacii v russkom jazyke XVIII v. [Derivational variation in the process of verbal neologisation in the 18th century Russian] // Razvitie slovoobrazovatel'noj i leksicheskoj sistemy russkogo jazyka: Sbornik statej po materialam VII Mezhdunarodnogo nauchnogo seminara, posvjashhennogo 110-letiju Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta, Saratov, 1 nojabrja 2019 g. / Otv. red. O.I. Dmitrieva. Saratov: Amirit Publ., 2020. S. 86–91. (In Russ.)

Pchelinceva, E.Eh. Ot glagola k imeni: aspektual'nost' v russkikh, ukrainkikh i pol'skikh imenakh dejstvija. [From verb to noun: spectuality in Russian, Ukrainian and Polish nouns of action] SPb.: Nauka Publ., 2016. 368 s. (In Russ.)

Pchelinceva, E.Eh. Vzaimodejstvie vida s imennymi i glagol'nymi kategorijami v slavjanskikh Nomina Actionis [Interaction of species with nominal and verbal categories In Slavic Nomina actionis] // Vzaimodejstvie aspekta so smezhnymi kategorijami. Materialy VII Mezhdunarodnoj konferencii Komissii po aspektologii Mezhdunarodnogo komiteta slavistov (Sankt-Peterburg, 5–8 maja 2020 goda) / red. kol.: E.V. Golovko, E.V. Gorbova (otv. red.), P.A. Kocharov i dr. SPb.: RGPU im. A.I. Gercena Publ., 2020. S. 293–303 (In Russ.).

Russkaja grammatika [Russian Grammar]: v 2 t. / Gl. red. N.Ju. Shvedova. T. 1. M.: Nauka Publ., 1980. 783 s. (In Russ.)

Trofimova, O.V. Otlagol'nye sushhestvitel'nye — naimenovaniya prestuplenij (Na materiale “Alfavita o poselencakh mushhinakh”, na 1839 god” i “Alfavita o poselencakh zhenshhinakh”, na 1839 god” iz Tobol'skogo arkhiva) [Verbal nouns — names of crimes (based on the material of kommalfavit about settlers men, in 1839 and kommalfavit about settlers women, in 1839 by the Tobolsk archive)] // Razvitie slovoobrazovatel'noj i leksicheskoj sistemy russkogo jazyka: Sbornik statej po materialam VII Mezhdunarodnogo nauchnogo seminara, posvjashhennogo 110-letiju Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta, Saratov, 1 nojabrja 2019 g. / Otv. red. O.I. Dmitrieva. Saratov: Amirit Publ., 2020. S. 112–119. (In Russ.)

Aleksey A. Burykin, Dr. of Sci. Phil., Dr. of Sci. Hist., Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Leading Research Officer, 9 Tuchkov, 199053, Saint Petersburg, Russian Federation. E-mail address: albury@mail.ru

Olga V. Trofimova, Dr. of Sci. Phil., Professor, Department of Russian language and General Linguistics, Tiumen State University, Tiumen, Russian Federation. E-mail address: otrofim@rambler.ru

For Citation: Burykin A.A., Trofimova O.V. (2020). The guilt of *vagrancy* and the phenomenon of *vagrancy*: to the history of words' “competition”. *Slavyanskaya istoričeskaya leksikologija i leksikografiya* [Slavic historical lexicology and lexicography], 3, pp. 7–27. DOI 10.30842/26583755202001 (In Russ.)

*Irina B. Diagileva**И.Б. Дягилева*

**DYNAMICS OF BORROWING IN
RUSSIAN NEWSPAPER
JOURNALISM OF THE FIRST
HALF OF THE 19th CENTURY**

**ДИНАМИКА ЗАИМСТВОВАНИЯ
В РУССКОЙ ГАЗЕТНОЙ
ПУБЛИЦИСТИКЕ ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА¹**

Аннотация. В статье исследуются динамические процессы в сфере лексических заимствований первой половины XIX в., осмысливается роль газетной публицистики в данных процессах. В работе представлены сведения по истории слов, заимствование которых связано с употреблением в газетах этого периода (картонаж, качуча, одеколон, пуф, боксер и др.).

Ключевые слова: заимствование, историческая лексикология, языковая динамика, языковые контакты, семантическое освоение, язык газет

Summary. The article studies the dynamic processes in the sphere of lexical borrowings of the first half of the 19th century and the role of newspaper periodicals in these processes. It examines the history of words, adaptation of which is associated with the use in newspapers of that period.

Keywords: borrowings, historical lexicology, language dynamics, language contacts, semantics assimilation, media language

В современной лингвистической науке общепризнанным можно считать положение о значительном влиянии средств массовой информации на развитие русского языка, на что в том числе указывает и появление нового направления — медиалингвистики. За последние 15 лет было защищено более 100 диссертаций, в которых на материале публицистических текстов рассматривались проблемы морфологии и словообразования (А.С. Зотова, Н.А. Бекетова, А.В. Шумилова, Н.С. Джамбинова, Г.Н. Алиева), лексикологии (Н.А. Фазылова, А.В. Страмной, В.А. Жуковская, Л.Ю. Карицкая, А.В. Круглова, С.В. Павлова, М.А. Силанова), стилистики (О.В. Романова, И.В. Иванова, Е.А. Исакова), проводились когнитивно-дискурсивные исследования (О.В. Ильина, Г.А. Туманова, Т.А. Волкова, Г.В. Бобровская) etc. Однако новых исследований, посвященных роли публицистики в развитии русского языка предыдущих эпох, в частности языка XIX века, в настоящее время почти не появляется, хотя значимость этой роли несомненна. Периодическая печать была тем коммуникативным пространством, в котором не только происходило взаимодействие разных языков и культур, но и шли процессы становления литературного языка, формировались нормы литературной речи, эволюционировала сфера книжной и разговорной лексики.

В.В. Виноградов в «Очерках по истории русского литературного языка XVII–XIX веков» указывал на расширение и углубление процесса национальной демократизации русского литературного языка во второй половине XIX века, отмечал доминирующее положение стилей журнально-публицисти-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00413 («Русский язык в медиапространстве XIX века»).

ческой, газетной и научно-популярной речи, их особую «семантическую атмосферу» [Виноградов 1982: 419]. Однако надо обратить внимание на то, что в связи с развитием журналистики уже с 20–30-х гг. XIX в. прослеживается постепенное усиление влияния публицистического стиля на литературный язык в самых разных областях.

В задачи данного исследования входит изучение динамических процессов в одном из самых подвижных звеньев лексики — в сфере новых лексических заимствований, которые, благодаря активной переводческой деятельности журналистов, широко употреблялись в периодических изданиях. К основным группам заимствований, представленным в газетах, следует отнести общественно-политическую лексику, лексику искусства, преимущественно музыки и театра, слова бытовой сферы, лексику моды, терминологию. Употребление указанных групп непосредственно связано с определенными газетными разделами, например: общественно-политической лексики — с разделами «Известия иностранные» (СПоч), «Иностранные известия» (СПВ), «Новости заграничные» (СП), «Разные известия» (МВ, СП), «Заграничная переписка» (СП); лексики искусства — с разделами «Зрелища» (Баб.), «Художественная летопись» (ХГ), «Журнальная всякая всячина» (СП), «Фельетон» (СПВ), «Смесь» (СПВ, СП, СМер и др.); бытовой лексики — с разделом «Смесь», «Нравы» (СП), газетными объявлениями (МВ, СПВ); лексики моды — с разделом «Моды» (СП, СПВ, ЛП, ХГ). Разнообразная терминология представлена в газете промышленности «Северный муравей» в рубриках «Иностранные известия», «Новые изобретения», а также в разделах «Новые книги» (СП) и «Библиография» (СПВ), где журналисты подробно разбирали самые разные новые издания, в том числе учебные и научные.

Новые заимствования в общественно-политической лексике в этот период были необходимы для отражения важных исторических событий в зарубежных странах, таких как борьба за власть, изменение государственного устройства, возникновение политических партий, религиозных групп и объединений и др. Цензура жестко регламентировала размещение таких материалов, поэтому о них могли писать только некоторые газеты и журналы, в которых в основном и употреблялись новые политические заимствования. Например, в Испании после смерти короля Фердинанда VII началась борьба за престол между его братом Карлосом и вдовствующей королевой Марией Кристиной, провозгласившей наследницей свою малолетнюю дочь Изабеллу. Их приверженцы образовали две враждебные партии — карлистов и хрестиносов. Ср. исп. Carlista, фр. Carliste, англ. Carlist; исп. Cristinos, фр., англ. Christinos [Дягилева 2013: 209].

Здѣсь получено извѣстіе, что Карлисты зажгли лежащій на дорогѣ между Сеговіею и Ла Гроньо увеселительный замокъ Королевы. (СПВ 1834 1: 6); Хрестиносы разстрѣляли нѣсколько монахов. (СП 1834 35: 135)

Новые заимствования быстро ассимилировались в языке газет, попав в фокус общественного внимания, от них образовались прилагательные *карлистский*, *хрестиносский*. В художественной литературе политическая лексика такого плана отмечена единичными употреблениями. Отдельно следует выделить

сатирические произведения М.Е. Салтыкова-Щедрина, в которых она использовалась как средство иронии и социальной сатиры.

*Тип дореформенного предводителя был довольно запутанный, и нельзя сказать, чтоб русская литература выяснила его. В общем, литература относилась к нему не столько враждебно, сколько с юмористической точки зрения. Предводитель изображался неизбежно тучным, с ожирелым кадыком и с обширным брюхом, в котором без вести пропадало всякое произведение природы, которое можно было ложкой или вилкой зацепить. Предполагалось, что предводитель беспрерывно ест, так что и на портретах он писался с завязанною вокруг шеи салфеткою, а не с книжкой в руках. Равным образом выдавалось за достоверное, что он не имеет никакого понятия о борьбе **христианосов** с **карлистами**, а из географии знает только имена тех городов, в которых что-нибудь закусывал («А! Крестцы! это где мы поросенка холодного с Семен Иванычем ели! знаю!»). (Салт.-Щедр. 15: 41); Лишенная прочной образовательной подготовки, почти непричастная умственному и литературному движению больших центров, помещичья среда погрязала в предрассудках и в полном неведении природы вещей. <...> Вопросы внешней политики были совсем неизвестны. Только в немногих домах, где получались «Московские ведомости», выступали на арену, при гостях, кое-какие скудные новости, вроде того, что такая-то принцесса родила сына или дочь, а такой-то принц, будучи на охоте, упал с лошади и повредил себе ногу. Но так как новости были запоздалые, то обыкновенно при этом прибавляли: «Теперь уж, поди, нога зажила!» — и переходили к другому, столь же запоздалому известию. Несколько дольше останавливались на кровавой путанице, происходившей в то время в Испании между **карлистами** и **христианосами**, но, не зная начал ее, тщетно усиливались разгадать ее смысл. (Салт.-Щедр. 17: 333)*

Важную роль при освоении иноязычной лексики играла личность журналиста, который в своих статьях не только включал слово в функциональный контекст, но и оценочно его маркировал.

*Бельгійські **революціонери** догнали до поношенія, що в Англії самі високіпарні **радикали**, ще за нѣсколько недѣль назад говорившіе в их пользу, постыдились отвѣчать на тост за здоровіе Бельгійской націи и ея теперешних правителей. (СПВ 1831 79: 326); Достаточно было бы доказать всѣмъ этим господам, что бритый человекъ гораздо красивѣе дикаго, чтоб заставить упасть всѣ эти молодые лѣса мужских волос. Сдѣлайте еще лучше; называйте каждаго моднаго бородача **соціалистом** и **коммунистом**, и вы помѣшаете всякому честному человеку впасть в этот порок. Сдѣлайте милость, господа, имѣйте менѣе бороды и болѣе головы. (СП 1850 1: 2); Сатанинская дѣятельность **революціонной партіи** наполнила календари нынѣшняго года потоками лжей и обманов, облеченных в формы, доступныя понятію поселян, и имѣющих цѣлю возстановити сословія общества одно против другаго. (СП 1850 6: 22)*

Полемиическая заостренность газетных текстов приводила к расширению семантических возможностей иноязычных неологизмов. Например, прилагательное *гомеопатический* именно в русском языке приобрело второе значение: ‘маленький, крошечный’ [Дягилева 2012].

Полюбовавшись яркими тканями, вывешенными в Итальянском магазине, у Аничкина Моста, повзвизывая часы у Винтергальтера и взглянув на литографии и картинки у Юнкера, я расположился на мягких креслах в кондитерской Вольфа, и за гомеопатической чашкой шоколада стал пробегать иностранные новости. (СП 1836 187: 747); У Г. Пансероне, напротив, нос крошечный, гомеопатический, почти неприметный. (СПВ 1847 219: 998)

При изучении прямых заимствований в газетных текстах можно отметить определенное сходство их вхождения. Первое употребление часто сопровождается указанием в скобках на слово из языка-источника, новое слово поясняется в виде уточнения или в ссылке. Если заимствование отражает новое актуальное понятие, то при последующих употреблениях оно уже не толкуется, хотя его значение контекстуально раскрывается; при меньшей востребованности нового иноязычного слова его толкование, пояснение, синонимичные слова и обороты к нему приводятся неоднократно, иногда на протяжении нескольких лет.

Актуальные заимствования, благодаря своей новизне, широко используются в публицистических текстах как средство художественной выразительности: в переносных значениях, в образных контекстах, как средство иронии и сатиры. Ниже представлены сведения по истории отдельных слов, заимствование которых в той или иной степени связано с употреблением в газетной периодике первой половины XIX века.

Картонаж

Слово *картонаж* было заимствовано из французского языка (*cartonnage*) в значении ‘предметы сделанные из картонной бумаги, оклеенной разноцветной бумагой, употребляемые для укладки конфетов и т. п.’ (Вавилов 1856: 130)². Впервые оно встречается в рекламных объявлениях на французском языке в газете «Московские ведомости» в 1822 г., представленный там же перевод на русский язык не полностью соответствует французскому тексту: вместо слова *картонаж* переводчик использует выражение ‘футлярной работы’. Ср. *comme aussi plusieurs sortes de surprises et ouvrages en cartonnage <так!> et maroquin du dernier goût* — также многие новые сюрпризы и футлярной работы разные вещи (МВ 1822 90: 2812). Ср. ‘также разного рода картонные и сафьяновые сюрпризы и изделия по последней моде’.

В 1832 году в газете «Северная пчела» слово *cartonnage* передано эквивалентным словосочетанием ‘картонные изделия’, а с 1835 г. в языке закрепляется прямое заимствование — *картонаж*, дополняющее уже зафиксированный в словарях ряд однокоренных слов: картон, картонка, картонный. Его употребление продолжительное время остается связанным с празднованием Рождества, Нового года и Пасхи, поэтому оно в основном встречается в рубрике «Смесь» — в статьях, посвященных рекламе кондитерских магазинов два раза в год.

---

² В других словарях слово *картонаж* было зафиксировано значительно позже — в начале XX века, к этому времени им стали обозначать еще и картонные елочные игрушки. ‘Картонаж — обыкновенно так называют изящные изделия из картона (плотная толстая и довольно твердая бумага); разные коробки, бонбоньерки, украшения на елку и т. п.’ (Попов: 174).

Второе художественное отдѣленіе въ семь прекрасномъ магазинѣ суть картонныя издѣлія (cartonnage), корзинки, сюрпризы, рабочіе ящички въ тысячь различныхъ видовъ, отдѣланныя съ необыкновеннымъ вкусомъ и чистотою. (СП 1832 302: 3); Заведеніе его <Чернышева> о Рождествѣ и о Святой блистаетъ множествомъ сюрпризовъ и картонажей, из которыхъ нѣкоторыя истинно изящны. (СП 1835 292: 1167)

Для заимствований, обозначающих бытовые реалии и не требующих, с точки зрения современников, никаких пояснений, большое значение приобретают такие контексты, которые позволяют нам лучше понять, каким реалиям соответствовало рассматриваемое слово. Представляется, что приведенные ниже цитаты выполняют данную функцию и представляют историко-культурный интерес.

*В кондитерской Г. Излера, отличавшагося всегда изяществомъ вкуса, вниманіе наше привлекли особенно **порожніе картонажи**, т. е. разнаго вида ящички, с зеркалами, цвѣтами, узорами и т. п. (СП 1841 70: 280); Но если обычаи велитъ запасаться или дарить къ празднику обновками, то красное яичко — необходимость, а красное яичко не можетъ быть безъ принадлежностей, безъ игрушек, конфектов, **картонажей**. (СП 1842 85: 337); Г. Излеръ (кафе-кондитерская, в домѣ Армянской церкви) вознамѣрился распродать весь свой запас **парижскихъ картонажей** — с уступкою, т. е. по своей цѣнѣ и даже ниже. Какія тутъ прелести! Что за ящички, что за коробочки! (СП 1842 87: 345); Особенно просятъ обратить вниманіе на вещи, весьма удобныя для подарковъ къ праздникамъ какъ: **ящички изъ мыла въ картонажахъ** и проч. и проч. по весьма умѣреннымъ цѣнамъ. (СПВ 1847 62: 289); В комнатахъ гдѣ жилъ и умеръ великій баснописецъ, теперь разставлены красивыя **картонажи съ папиросами и сигарами**. (СПВ 1848 106: 424)*

Качуча

Слово *качуча* было заимствовано из испанского языка через французский в 1838 г., после постановки в Париже нового балета Казимира Жида «Хромой бес».

*В бенефис Г-жи Тальони <...> будетъ она танцевать Испанскій національный танецъ **качучу** (cachucha), вскружившій всѣ головы в Лондонѣ, в Парижѣ, в Вѣннѣ. <...> Характеръ этого танца граціозный, веселый и живописный, совершенно приличенъ таланту нашей удивительной танцовщицы. (СП 1838 17: 67); Во второмъ дѣйствіи Г-жа Таліони танцевала Испанско-Цыганскую пляску, проименованную Французами: **Качуча**. (ХГ 1838 2: 83)*

Первая лексикографическая фиксация слова — в словарях иностранных слов 60-х гг., в словаре Толля: ‘Испанский народный танец, с кастаньетами’. (Сл. 1861: 227), ‘Качуча, роскошный испанский национальный танец, танцуемый с кастаньетами под музыку; составлен из танцев болеро и фанданго; вошел в моду со времени Тальони и Фанни Эльслер’ (Толль 2: 431).

С момента первого употребления слово стало активно использоваться без ссылок на иноязычный источник или дополнительных пояснений, что отражало огромную популярность нового танца в светских кругах того времени. Молодой петербургский аристократ Иосиф Виельгорский, воспитывавшийся вместе

с цесаревичем Александром Николаевичем, так писал в своем дневнике о бенефисе Гальони: «Я словно сошел с ума, забыл, где я — это было не испытанное никогда упоение, чувство, которое трудно описать и которое редко нас посещает. Гром аплодисментов и несмолкавшие крики “фора” заставили ее протанцевать качучу еще раз» [Лямина, Самовер 1999: 233].

Слово *качуча* стало употребляться и в значении ‘музыка такого танца, музыкальное произведение в ритме данного танца’, что соответствовало типовому набору значений у слов, обозначающих в своем первом значении танец, таких как *вальс, менуэт, мазурка* и др.

Композитор А. Адам просит нас извѣститъ публику, что правом изданія сочиненной им музыки к новому балету: Морской Разбойник, пользуются лишь содержатели музыкальнаго магазина Одеона, и, что только там можно будет получать увертюру, марш, галоп, качучу и всѣ другія піесы этого балета, переложенныя для фортепіана им самим. (СП 1840 52: 206)

В газетных очерках и фельетонах слово встречается в переносном значении в составе словосочетания *плясать качучу*, которое, однако, не вышло за пределы авторского употребления.

Вѣтер скръпчал и сдѣлался противным. Многих стало качивать. Пароход плясал качучу, но пассажиры отнюдь ему не подпѣвали. (СП 1841 136: 543); *Вы, вѣрно, знаете Аѳанасія Ивановича Долбикова? Высокій, полный мужчина лѣтъ под пятьдесят, с круглым, румяным лицом и с небольшими сѣренькими глазками, которые так и бѣгают, так и пляшут качучу при встрѣчѣ с пріятелем, с которым можно съѣсть по два и по три серебром за фишку?* (СПВ 1848 6: 22)

Одеколон

В 1709 году в Кельне итальянский парфюмер И.М. Фарина придумал новые духи, ставшие знаменитыми на весь мир, и дал им название в честь города, в котором их создал, на французском языке — *eau de Cologne*. С конца XVIII в. слово употреблялось в русском языке как иноязычное вкрапление.

Г. Ліето изобрѣл здѣсь составленіе новаго рода ароматической воды, которая по увѣренію его имѣет всѣ свойства воды, извѣстной под названіем eau de Cologne, но запахъ еще пріятнѣйшій. Он назвал воду сію Альпійскою (eau des Alpes), и получил на выдѣлываніе ея особенную привиллегію. (СПоч 181241: 2)

С 20-х гг. XIX в. в газетных текстах устойчивое сочетание *eau de Cologne* передается двояко: в виде переводного выражения *колонская вода*, а немного позже *кельнская вода* и прямого заимствования *одеколонь*. Мягкость конечного согласного отражает особенности произношения финали во французском языке.

В здѣшней <лавке> продаются товары собственной его <Герке> фабрики, как то: помада, духи, благовонное мыло для умыванья и бритья, курительные порошки, свѣчки и проч, настоящая колонская вода (о де колонь) разных сортов французскіе духи, лучшія Англинскія стальныя издѣлія. (СПВ 1821 14: 164); *Карл Зонненбергъ честь имѣет извѣститъ Почтеннѣйшую Публику, что он открыл у Никитскихъ воротъ в домѣ Г-на Огарева магазинъ сукон, косметическихъ и другихъ товаров. В сем магазинѣ продаются: настоящая*

Кельнская вода (одеколонь), духи, помада, по пурри, померанцевая вода, мыло и пр. и пр. (МВ 1829 11: 529)

Помимо орфографических вариантов *о де колонь* и *одеколонь* было распространено дефисное написание *о-де-колонь*. В такой форме слово было зафиксировано в словаре Михельсона (Мих. 1861: 242), в формах *одеколонь* и *одеколон* — в словаре Даля: «Одеколон(ь) — колонская (кельнская) водица, известные духи; от города Кельна» (Даль 2: 1229).

В Косметическом магазинъ, на Невском проспектѣ, противъ Католической церкви, продается настоящій о де Колонь Г-на Фарина, дюжинами и стеклянками по сходной цѣнѣ. (СПВ 1821 96: 1205); *Третій состав для о-де-колоня — масляно-бальзамическій спирт, извѣстный под названіемъ Гофманова жизненнаго бальзама.* (МВ 1822 79: 2425); *Состоящій на Кузнецком мосту Англійской магазин <...> будет от сегодняшняго дня производить продажу на моей фабриктѣ дѣлаемаго двойнаго о-де-Колонь, ящичками по 6 стеклянок в каждом и в розницу.* (МВ 1825 27: 3013)³

В одном из источников встречается форма *лодеколон*, отражающая определенный артикль, употребляемый перед выражением во французском языке — *l'eau de Cologne*:

Торговка едва оттерла сестру свою лодеколоном и уксусом. (Баб. 1830 100: 400)

Распространенность и ошибочность такого употребления отмечает А.Н. Греч: «Не должно говорить: Лодиколон или одиколон; произноси: одеколонь» [Греч 1843: 63].

С 40-х гг. начинает распространяться вариант на твердую согласную *одеколон*, однако до конца XIX века остаются в употреблении вариант *одеколонь* и составное наименование *Кельнская вода*.

В шляпѣ были бѣлыя перчатки и батистовый платок, надушенный одеколоном, а в углу стояла щегольская палочка. (СП 1843 280: 1116); *Накурившись табаку нельзя было показаться в дамское общество. Надлежало провѣтривать платье, и сгонять запах с волос водою с одеколоном.* (СП 1849 284: 1135)

Боксер

Слово *боксер* от англ. *boxer* впервые появляется в русских газетах в 1825 г. и с этого времени регулярно встречается в статьях и материалах, посвященных жизни в Англии. Первые употребления сопровождаются пояснением в скобках или в сноске к статье, спорадически такие пояснения включаются и позже, хотя слово довольно активно используется журналистами.

Один Англичанин, потребованный в Парижѣ к суду за то, что он побил кулаками на улицѣ согражданина своего, предъявил в оправданіе свое вид данный ему в Лондонѣ на званіе боксера (кулачнаго бойца), и увѣрял, что дѣло происходило в своем порядкѣ. (СП 1825 150: 3); *Газеты, в угоду общему вкусу, почти каждый день содержат в себѣ статью, которая, под заглавіем охотничьихъ извѣстій (Sporting intelligence), отдает отчет о денежных закладах*

³ В данном примере отмечен единственный случай употребления слова в несклоняемой форме.

на важнѣйшія конскія скачки, и подробно рассказывает о кулачных ударах, нанесенных и полученных **боксерами** (***) , о числѣ дичи, убитой в один день такимъ-то извѣстным охотником, о подвигахъ пѣшеходов (*pedestrian*) и пр. *** **Боксер, кулачный боец.** (СП 1828 48: 4)

Уже в 1836 г. слово фиксируется в словаре: ‘Боксеры (*Boxers*), особенные кулачные бойцы в Англии. Они всегда готовы драться на кулаках за деньги или за чужие ссоры, и обучать своему искусству других’ (Плюшар 6: 229). Произношение с ударением на последнем слоге, отмеченное в одном из словарей, указывает на влияние французского языка: ‘Боксёр, *англ.* Боец на кулаках’. (Сл. 1861: 80). Ср. фр. *boxeur*.

В 40-е гг. количество употреблений слова *боксер* в газетах растет, расширяется его сочетаемость в русском языке.

Никанору очень полюбились Англійскій джин и кулачной бой, в котором он одного боксера „царапнул под самое дыханье”. (СПВ 1840 14: 62); *Джон Буль продолжал браниться, и не только не хотѣл платить, но еще, став в позытуру боксера, нанес Французу сильный удар.* (СП 1843 54: 214); *Публичная борьба боксеров до того распространилась в Англии, что Правительство, как извѣщают в *Sporting Magazine*, нашлось принужденным принять строгія мѣры для уничтоженія этого зла.* (СП 1843 5: 19)

В это же время формируется целое гнездо однокоренных слов: *боксировать* (СП 1828 78: 3), *боксирование* (СП 1838 180: 720), *боксироваться* (СП 1842 98: 391), *боксерство* (СП 1842 231: 923), *боксерский* (СП 1842 252: 1005). В Словаре Даля зафиксирован глагол *боксать*: ‘англ. слово, перенятое в наших гаванях, говоря о драке и задоре заморских матросов, кулачки, кулачный бой’ (Даль 1: 97), не отмеченное, однако, ни в каких других источниках. В форме *боксовать* глагол встречается в критике А.С. Пушкина.

*Посмотрите на английского лорда: он готов отвечать на учтивый вызов *gentleman* и стреляться на кухенрейтерских пистолетах или снять с себя фрак и боксовать на перекрестке с извозчиком. Это настоящая храбрость. Но мы и в литературе и в общественном быту слишком чопорны, слишком дамоподобны* (Пушкин: 70).

Глагол *боксировать* был заимствован из английского языка (*box*), возможно, под влиянием фр. *boxer*; оформление нового глагола через суффикс *-ирова-* было характерной чертой при заимствовании глаголов в XIX в. Однако нельзя согласиться с утверждением, что при появлении глагола в русском языке он соотносился с прочно вошедшим именем [Очерки 1964: 132]. В материалах газет первой половины XIX в. слов *бокс* не встречается ни разу, а передается словосочетанием *кулачный бой*, отмечено только одно употребление в нетранслитерированном виде.

*Принц Оранскій <...> посетил 15-го числа, так называемую оружейную школу в Лондоне, для присутствія при кулачном бое (*box*). Перед сим избранным обществом подвизались многие знаменитые боксеры, но дело обошлось без крови.* (СП 1836 141: 3)

Слово *бокс* описано в словарях 60-х гг., и с этого времени оно встречается в литературных текстах, с ростом употребления к концу века. Ср. ‘Бокс, *анг.*

Кулачный бой, особаго рода в Англии'. (Мих. 1861: 38): 'Бокс, *англ*, Известный английский способ биться на кулаках'. (Сл. 1861: 80). Малоизвестность слова *бокс* подтверждается его неверным описанием в одном из словарей: 'Бокс, *англ*, *box* (удар). Кулак'. (Луч.: 155)

Появлению слова *бокс* в русском языке предшествовало слово *боксен*, включенное в Энциклопедический лексикон: 'Боксен (*Boxen*), есть особенный род кулачного боя, употребительный в одной только Англии'. (Плюшар 6: 229). Случаи использования слова в языке единичны, и во второй половине века оно уже не встречается.

Две молодые Англичанки из ревности вызвали друг друга на дуэль, не на шпаги и пистолеты, и даже не на кулачки, как водится в Англии (боксен); онѣ избрали заливныя трубы, наполненныя щелоком. (СП 1825 58: 2); Если кто либо из воспитанников будет брать уроки у учителя искусства боксирования, найдется с ним в каких либо связях, или будет замѣчен в присутствованіи при поединкѣ боксенами, тот будет наказан сообразно с рѣшеніем Вице-Канцлера и начальников коллегіяльных зданій. (СП 1842 98: 391)

В английских словарях лексема *boxen* не зафиксирована, поэтому, по всей видимости, словом *боксен* передавали отглагольное существительное *boxing*.

В заключение следует отметить, что близость бокса к кулачному бою отразилась в использовании в качестве синонимичных следующих рядов слов и выражений: *боксовать, драться на кулаках/кулачках, биться на кулаках, побить кулаками, раздавать кулачные удары; бокс, кулачный удар, кулачный бой, драка кулаками; боксер, кулачный боец.*

Пуф

История заимствованного из английского языка слова *пуф* тесно связана с текстами публицистического стиля. В словаре Дж. Огилви 1859 г. слово определено следующим образом: 'Puff. A tumid or exaggerated statement or commendation; any trick by way of advertisement to attract notice to something'. (Ogilvie 2: 492). ['Пуф. Напыщенное или преувеличенное утверждение или отзыв; любая уловка в виде рекламы, чтобы привлечь внимание к чему-л.']⁴.

Читателей «Северной пчелы» так познакомили с новым понятием:

Англійскіе газетчики ввели в моду пуфы. Пуфом называется великолѣпное объявленіе (annonse), прикрашенное цвѣтами поэзіи, вставленное в изящную рамку романа или в забавный анекдот. У нас, пуфы извѣстны только в литературѣ. Объявленія, разсылаемая издателями журналов и книг, часто принимают форму пуфа. (СП 1837 123: 472)

В очерке «Из записок путешественника», опубликованном в 1840 г., приведен пример пуфа, который дает наиболее полное представление о том, что обозначалось этим словом. Выглядит такое рекламное объявление довольно современно.

Собственно называемый пуф извѣстен уже в Европѣ. Вот один из послѣдних. В Сити раздают печатный лист слѣдующаго содержанія: «За

⁴ Здесь и далее в квадратных скобках приводится перевод, выполненный автором данной статьи.

один шиллинг!» воскликнула королева. — Так точно, за один шиллинг, отвечал Лорд Мельбурн, подданные Вашего Величества могут прекрасно пообъедать: *Dinning Room, 15, Clements Lane, City*. «В самом дѣлѣ!» возразила Королева. «О, как я счастлива, что мои подданные могут удовлетворять необходимым потребностям жизни так дешево.» Я испытал на самом себѣ весь ужас обѣдов по шиллингу! (СП 1840 170: 680)

В русском языке отмечаются орфографические варианты *пуф* и *пуфф* (редко), закрепленные в словарях: ‘Пуфф (англ.), ложное объявление, с целью привлечь и обмануть доверчивых’. (Толль 3: 242); ‘Пуф — надувательство, нелепая выдумка’. (Даль 3: 498)

Газетные материалы позволяют проследить, как шло осмысление нового слова и понятия, им обозначаемого.

В тѣсном смыслѣ, **пуф** есть объявление или какая нибудь **промышленная продѣлка**, с примѣсью **вранья, обмана**, или, как говорят наши простолюдины, **надуванія**. <...> Словом, **пуф** есть произведение Гасконскаго или Американскаго воображенія, примѣненнаго к коммерціи низшаго разряда; это **поэзія афиш и объявленій**. (СПВ 1848 20: 79); Но, может быть, нас спросят, что ж значить **пуф**? Слово **пуф** не вошло еще во Французскій лексикон, его отечество Англія; но понятіе, которое оно заключает, давно существует на всѣх языках и там яснѣе, гдѣ общество испорченнѣе. **Пуф** есть **искусство** распространять и **пользоваться** для своей выгоды **слухами** о чем нибудь не существующем. (СПВ 1848 221: 885)

В ряде употреблений можно отметить сближение значения слова *пуф* со словом *шутка*. Ср. *Объявление о том, будто женщины собрались благодарить Министра Юстиціи Кремьѣ за представленіе закона о разводѣ, было, просто, пуф, шутка, мистификація*. (СПВ 1848 120: 480)⁵.

Развитие негативной коннотации слова *пуф*, отмеченное в словарях, отражается в газетах в контекстной синонимии с лексемами *выдумка, мелкая продѣлка, западня, шарлатанство, надуванье* и др. В этом значении *пуф* сочетается с оценочными прилагательными *яркий, блистательный, забавный, огромный*. К середине XIX в. в статьях, освещающих политическую жизнь в Англии, отмечается сочетаемость слова *пуф* с прилагательным *избирательный*.

Дроби (½) ошибкою переименованы в 72, и между тѣм, эти ошибки обратили вниманіе покупателей на турецкіе ковры. Нельзя было бы и придумать лучшей западни или пуфа. (СП 1842 226: 902); *Если вас, в провинціи, уговаривают подписываться на частный журнал, просят раздать билеты, это върный, несомнѣнный знак, что журнал дурен, что он, не имѣя подпоры в любителях словесности, ищет происками распространенія круга своих дѣйствій. Будьте увѣрены, что никто не узнает о том, подписались ли вы или нѣтъ! Это не что иное, как пуф..... мелкая продѣлка..... Господа, постыдитесь и перестаньте! Пишите справедливо и хорошо, вас купят и без продѣлок!* (СП 1842 227: 906); *Мы поспѣшили в эти магазины, и увидѣли: огромный пуф!* (СП 1842

⁵Аналогичное употребление у И.А. Гончарова: «Из Европы в Америку — рукой подать, поговаривают, что будут ездить туда в сорок восемь часов — пуф, шутка, конечно» (Гонч.: 12).

136: 543); *Самые яркіе пуфы* появляются у нас в бенефисных афишах, в нѣкоторых журнальных программах, обещающих подписчикам всемирную премудрость и все самое лучшее из всемирной литературы, и, наконец, в объявленіях о книгах, издаваемых книгопродавцами. (СП 1844 255: 1017); *Вчера распространился слух об измѣненіи Министерства; говорили об увольненіи Генерала Лагитта, Адмирала Ромен-Дефоссе и Генерала Ошу. Кажется, что этот слух не что иное, как избирательный пуф.* (СП 1850 54: 213)

Семы 'выдумка', 'обман' сближают рассматриваемое слово со словом *утка*, заимствованным путем семантического калькирования из французского языка (*canard*) в конце 40-х гг.⁶ Ср. 'Утка, с франц. лживая газетная статья, обман, колокола льют' (Даль 4: 474). В этом значении слово *утка* употреблялось с прилагательным *газетный* (часто), а слово *пуф* — с прилагательным *журнальный* (редко).

Сомнамбул Алексис сказал, между прочим, торговкѣ, что воры отперли дверь ее лавки посредством ключа, который находился у одного из них. <...> Удивительно, если только все это не журнальный пуф или не газетная утка, которыя в Парижѣ выпускаются по временам, для вящаго удовольствія благосклонных читателей. (СПВ 1847 265: 1199)

Медовый месяц

Газеты играли важную роль в освоении заимствованных фразеологических оборотов. Фразеологизм *медовый месяц*, калькированный из английского языка (*honeymoon*) для обозначения первого месяца супружества, вошел во многие языки мира. Английское происхождение не вызывает сомнений⁷: в словаре Жданова 1784 г. значение фразеологизма передается описательно: 'Honey-moon (first month of marriage) Первый месяц после свадьбы'. (Жданов), т. е. он еще не вошел в русский язык; в «Полном французско-русском словаре» 1824 г. оборот *lune de miel* во французской части словаря не представлен; в материалах архива князя Воронцова 1819 г. во французском тексте фразеологизм представлен по-английски: *Je suppose que l'heure qu'il est le mariage du comte Michel est un projet realise; que dis-je, le honey-moon est passe.* (Архив: 442) ['Я думаю, что на настоящее время свадьба графа Михаила — это осуществившийся план; скажу так, медовый месяц прошел.']

Первый раз в газетных текстах фразеологизм встречается в статье о жеманности лорда Байрона, пояснение дается в сноске: *Медовой наш месяц* (*) *протек не без облаков.* (*) *Honey moon: первый месяц супружества.* (СП 1825 135: 3)

Контексты, в которых употребляется фразеологизм до начала 40-х гг., показывают, что фразеологический оборот сохраняет до этого времени яркую образность.

⁶ На время вхождения указывает, в частности, следующее употребление, в котором фр. *canard* передается словом *селезень*: *Из Вѣны увѣдомляют, что это чистый пуф, журнальный селезень (canard).* (ОЗ 1846 46: 70)

⁷ В.В. Виноградов указывал на то, что фразеологизм проник в русский язык из французского или английского языков [Виноградов 1999: 313].

Фан-Дейк любил свою жену второю, если не третьею любовію, которая, подобно теплой, весенней осени, одъвающею новою зеленью дерева, была нѣжна и искренна. Медовый мѣсяц освѣщал своими кроткими, умѣренными лучами первое время их супружества, и всѣ новобрачные завидовали изящной четѣ. (СП 1841 248: 991); *Буря: вещь, которая обыкновенно посѣщает супругов послѣ медоваго мѣсяца.* (СП 1842 144: 574)

Вследствие того что фразеологизм имеет временное значение, у него формируется характерная для временных выражений сочетаемость: *медовый месяц прошел, пробежал, пролетел, миновал; провести медовый месяц; в медовый месяц, после медового месяца* и т. п.

Бракосочетаніе совершено на другой же день в Соборной церкви. Но, увы! медовый мѣсяц быстро пробѣжал для новобрачных. (ЛП 1835 78: 618); *Мисс Арабелла страстно влюбилась в этого образца денди. Но медовый мѣсяц пролетѣл быстро; очарованіе разстѣялось.* (СП 1840 183: 731); *Иногда путешествуют по Швейцаріи в медовой мѣсяц.* (СПВ 1848 31: 124)

Первая лексикографическая фиксация относится к 1865 году: ‘медовый месяц, honey-moon, lune de miel, honig monat’ (Рейф: 330). Со второй половины XIX в. на русской почве приобретает переносное значение ‘первый блаженный период расцвета чего-нибудь, начальный период общественного увлечения чем-нибудь’ [Виноградов 1999: 314].

Исследование газетной публицистики показывает, что новые иноязычные слова и их дериваты возникают в разнообразных сферах общественной жизни, отражая включенность России в мировое событийное и культурное пространство. В текстах газет фиксируются первые употребления новых заимствований, что позволяет уточнить время и источник их вхождения; при актуальности новых лексем, благодаря высокой частотности использования в газетах, происходит их быстрое освоение и адаптация. При заимствовании характерно использование русских соответствий для определения нового понятия, в некоторых случаях прямое заимствование и русский эквивалент функционируют в текстах параллельно⁸. Полемическая направленность газетных материалов способствует развитию у заимствований новых переносных значений и росту словообразовательных гнезд.

Источники

Архив — Архив князя Воронцова. Кн. 30. М., 1884.

Баб. — газета «Бабочка».

Вавилов — Вавилов И.С. Справочный коммерческий словарь. СПб., 1856.

Гонч. — Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». М., 2014.

Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 ч. М.: Общество люб. росс. словесности, 1863–1866.

Жданов — Жданов П. A new dictionary English and Russian. Новой словарь английской и российской. СПб., 1784.

Кир. — Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав Русского языка. Издаваемый Н. Кириловым. Вып. 1. СПб., 1845.

---

⁸ Примеры таких соответствий зафиксированы в работах и других авторов. Например, рельс — колесопроезд, тоннель — путь, ход, дорога, проезд, подземелье [Янурик 2019: 276, 287].

- ЛП — газета «Литературные прибавления к ‘Русскому инвалиду’».
- Луч. — Новый словотолкователь 53000 иностранных слов, вошедших в русский язык / Под ред. Лучинского. 2-е изд. М., 1879.
- МВ — газета «Московские ведомости».
- Мих. 1861 — Михельсон М.Д. Объяснение 7000 иностранных слов. М., 1861.
- Плюшар — Энциклопедический лексикон. Изд. А. Плюшара. Т. 1–17. СПб., 1835–1841.
- Попов — Попов М. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. М., 1911.
- Пушкин — Пушкин А.С. Разговор о критике // А.С. Пушкин. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 7. Л., 1978.
- Рейф — Рейф Ф.И. Новые параллельные словари языков русского, фр., нем. и англ. Карлсруэ, 1865.
- Салт.-Щедр. 15 — Салтыков-Щедрин М.Е. Пошехонские рассказы. Собр. соч.: в 20 т. Т. 15. Ч. 2. М., 1973.
- Салт.-Щедр. 17 — Салтыков-Щедрин М.Е. Пошехонская старина. Собр. соч.: в 20 т. Т. 17. М., 1975.
- Сл 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук. Репр. изд.: в 2 кн. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2001. Кн. I (Т. I, II). 928 с.; Кн. II (Т. III, IV). 1092 с.
- Сл. 1861 — Полный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб., 1861.
- СМур — газета «Северный муравей».
- СП — газета «Северная пчела».
- СПВ — газета «Санкт-Петербургские ведомости».
- СПоч — газета «Северная почта».
- Татищев — Полный французско-русский словарь. 3-е изд. Т. 2. СПб., 1824.
- Толль — Настольный словарь для справок по всем отраслям знания (справочный энциклопедический словарь): в 3 т. / Сост. Ф. Толля. СПб., 1863–1864. Приложение. СПб., 1866.
- ХГ — «Художественная газета».
- Ogilvie — The Imperial Dictionary, English, Technological, and Scientific. Ed. by John Ogilvie. Vol. II. London, 1859.

Литература

- Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. 3-е изд. М., 1982.
- Виноградов В.В. История слов. М., 1999.
- Греч А.Н. Справочное место русского слова. 2-е изд. СПб., 1843.
- Дягилева И.Б. «Идеология гомеопатии»: к истории одного понятия в русском языке XIX века // Эволюция понятий в свете истории русской культуры. М., 2012. С. 297–305.
- Дягилева И.Б. Новая иноязычная лексика в газете «Северная пчела» // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии XVII–XIX вв. К 50-летию Картотеки «Словаря русского языка XVIII века» / Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. Т. XVIII, ч. 3. СПб., 2013. С. 205–218.
- Лямина Е.Э., Самовер Н.В. «Бедный Жозеф»: жизнь и смерть Иосифа Виельгорского. М., 1999.
- Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Глагол, наречие, предлоги и союзы в русском литературном языке XIX века. М., 1964.
- Янурик С. Проблемы освоения английских заимствований в русском языке XIX века (на основе газетных материалов) // Славянская историческая лексикология и лексикография. Вып. 2. СПб., 2019. С. 275–287. DOI 10.30842/265837552019

Дягилева Ирина Борисовна, канд. филол. наук; Институт лингвистических исследований РАН, 199053, г. Санкт-Петербург; Тучков пер. д. 9; ст. науч. сотрудник; e-mail: idiaghileva@yandex.ru

Для цитирования. Дягилева И.Б. Динамика заимствования в русской газетной публицистике первой половины XIX века // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2020. Вып. 3. С. 28–41. DOI 10.30842/26583755202002

References

- Dyagileva I.B. ‘Homeopathy Ideology’: History of the Concept in the Russian Language of the 19th Century. Evolution of Concepts through the History of the Russian Culture. Moscow, 2012. P. 297–305. (In Russ.)
- Dyagileva I.B. New Loan-words in the Newspaper “Severnaya Pchela”. Problems of Historical Lexicology and Lexicography of the 17–19th Centuries. Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies. Vol. 18. Part 3. St. Petersburg, 2013. P. 205–218. (In Russ.)
- Essays on the Historical Grammar of the Russian Literary Language of the 19th Century. Verb, Adverb, Prepositions and Conjunctions in the Russian Literary Language of the 19th century. Moscow, 1964. (In Russ.)
- Grech A.N. Reference Point of the Russian Word. 2nd ed. St. Petersburg, 1843. (In Russ.)
- Janurik S. On the Adaptation of English Loanwords in Russian in the 19th Century (on the basis of newspaper materials). Slavic Historical Lexicology and Lexicography. Issue 2, St. Petersburg, 2019. P. 275–287. DOI 10.30842/265837552019 (In Russ.)
- Lyamina E., Samover N. ‘Poor Joseph’: Life and Death of Iosif Viel’gorskiy. Moscow, 1999. (In Russ.)
- Vinogradov V.V. Essays on the History of the Russian Literary Language of the 17–19th Centuries. 3d ed. Moscow, 1982. (In Russ.)
- Vinogradov V.V. The History of Words. Moscow, 1999. (In Russ.)

Irina B. Diaghileva, PhD, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Senior Research Officer, 9 Tuchkov per., 199053, Saint Petersburg, Russian Federation. E-mail address: idiaghileva@yandex.ru

For Citation: Diaghileva I.B. (2020). Dynamics of borrowing in Russian newspaper journalism of the first half of the 19th century. *Slavyanskaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya* [Slavic historical lexicology and lexicography], 3, pp. 28–41. DOI 10.30842/26583755202002 (In Russ.)

Sofia I. Iordanidi

ORCID iD: 0000-0002-5180-3474

С.И. Иорданиди

RUSSIAN *FEREZ'*: SEMANTICS AND WORD- FORMATIVE POTENTIAL

РУССК. *ФЕРЕЗЬ*: СЕМАНТИКА И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Аннотация. Статья посвящена исследованию семантики лексемы *фэрезь*, мн. ч. *фэрези* (фонетический вариант *фэрязь*, мн. ч. *фэрязи*), получившей широкое распространение в среднерусском языке XVI–XVII вв., и ее словообразовательному потенциалу. Инвариантное значение *фэрезь* — название длинной верхней одежды (мужской и женской), без воротника и пояса, с рукавами или без рукавов. Существовало множество вариантов этой одежды и по фактуре (ткани золотые, бархатные, шелковые, шерстяные), и по предназначению (выходные, домашние, ездовые, холодные, теплые) и т. д. В диалектном языке *фэрезь* сохраняется в ряде говоров до настоящего времени, но семантика лексемы сужается до обозначения женской одежды — *платья, сарафана* и *юбки*. Отмечаются и другие значения — ‘ткани для пошива *фэрези*’ и детали отделки одежды — ‘мелкие складки или сборки на юбках’. Меняется также грамматический род: это уже субстантив не женского, а мужского рода. Вопрос о происхождении *фэрезь* в русском языке, по данным некоторых этимологических и исторических словарей, окончательно не решен. Согласно некоторым из них, своим происхождением *фэрезь* обязан среднегреческому или восточным языкам (главным образом турецкому). Польское слово *ferezja*, по мнению ряда этимологов, заимствовано непосредственно из турецкого *ferace, feräce, ferece* ‘верхняя накидка женщин’; ‘верхняя одежда богословов’. В статье приведен материал не только исторических и современных словарей русского языка, но также примеры из Картотеки «Словаря русского языка XI–XVII вв.» и Национального корпуса русского языка. Показано, что *фэрезь*, являясь продуктивной морфемой, мотивирует возникновение ряда суффиксальных дериватов — субстантивных и адъективных (*фэрезенокъ, фэрезецъ, фэрезешко, фэрезья, фэрезникъ, фэрезейный, фэрезный*), образуя тем самым словообразовательное гнездо, которое до сих пор еще не было описано.

Ключевые слова: среднерусский язык, лексическая морфема, суффиксальный дериват, словообразовательный потенциал, словоформа

Summary. The article is devoted to the study of the word *ferez'* semantics (pl. *ferezi*, phonetic variant is *fer'az'*, pl. *fer'azi*), which was widely used in the Middle Russian language of the 16–17th centuries, and its word-formative potential. The invariant meaning of *ferez'* is ‘the long dress (men’s and women’s) without collar and belt, with sleeves or without sleeves’. There were many types of this clothing, both in textile (gold, velvet, silk, woolen fabrics), and in purpose (weekend, home, riding, cold, warm, etc.). In the dialectal Russian language the *ferez'* is preserved in some dialects till nowadays. But its semantics narrows to the designation of women’s clothing – a dress, a sundress and a skirt. Some other meanings are noted: ‘fabrics for sewing the *ferez'*’ and details of the furnishing of clothes, ‘small folds or gathers on skirts’. The grammatical gender of the word also changed: instead of the feminine, it is used in the masculine gender form. The origin of the *ferez'* in the Russian language according to some etymological and historical dictionaries is not investigated finally. According to some of them, the *ferez'* owes its origin to the Middle Greek or the eastern languages (mainly Turkish). The Polish *ferezja*, according to some lexicologists, is borrowed directly from the Turkish *ferace, feräce* ‘women’s upper cape’, ‘theologians outerclothing’. The article presents the material not only of the Russian language historical and modern dictionaries, but also from the Card Index of the “Dictionary of the Russian Language of the 11–17th Centuries” and the National Corpus of the Russian language. It is shown that the *ferez'*, being a productive morpheme, motivates a number of suffix derivatives, substantive and adjective (*ferezenok, ferezets, ferezishko, ferezeia, fereznik, ferezeynyj, fereznyj*), thus forming the word-formative family of words, which has not yet been described.

Keywords: Middle Russian language, lexical root-morpheme, derivational suffix, word-formative potential, variation of word form

Семантико-синтаксическая структура сущ. *фэрезь* (фонетически также *фэрязь*) отличается прозрачностью. В русской и зарубежной лингвистике распространено такое понятие, как лексическая (корневая) морфема. *Фэрезь* можно назвать лексической морфемой: являясь непроемным словом, не обреме-

ненным какими-либо аффиксами (флексия здесь нулевая), оно имеет собственное лексическое значение и обладает существенным деривационным потенциалом. В корне слова, как известно, эксплицирована тенденция к расширению и «прорастанию» семантики за счет сочетания с деривационными морфемами. Так образуются словообразовательные гнезда. В данном случае речь идет о таких производных, как *ферезенокъ*, *ферезецъ*, *ферезишко*, *ферезникъ*, *ферезья*, *ферезейный*, *ферезный*. Ниже каждый из дериватов будет рассмотрен отдельно.

Словарные материалы

Инвариантное значение *ферезь* (*ферязь*) может быть представлено следующим образом — ‘верхняя мужская или женская распашная одежда с длинными рукавами или без рукавов’. Слово, обозначающее эту реалию, фиксируется во множестве исторических и современных словарей без особых вариаций в описании ее деталей. В (САР¹ 6: 483) обнаруживается такое значение *фэрязь*, как ‘камчатная, штофная ферези; нарядный сарафан’¹. В Лексиконе Э. Вейсмана *фэрезь* соотносится с немецким ‘плащ’ (Вейсман: 506). *Фэрязь* в (САР² 4: 386) толкуется как ‘мужское длинное платье, без перехвата и воротника с длинными рукавами’ и ‘платье, застегнутое до земли, которое женщины носили под летником’. И.И. Срезневский дает следующую дефиницию лексеме *фэрезь*: ‘верхняя комнатная одежда без перехвата и воротника с длинными, суживающимися к запястью рукавами’ (Срезневский 3: 1354). Еще одна фиксация *ферезь* засвидетельствована в (DVR: 429)², но без толкования. А.Н. Чудинов полагает, что лексема *фэрезь*, *фэрязь* обозначает ‘одежду с длинными рукавами, которую носили древнерусские мужчины и женщины’ (Чудинов 1910: 663). *Фэрязь*, *фэрази*, *фэрезь*, *фэрези* упоминается в «Большом церковнославянском словаре» Р. Дерксена³ с таким же значением: ‘древнерусская

---

¹ «Оно (*ферязь* — *С.И.*) обозначало богатую и нарядную одежду, без перехвата в поясе и без воротника, с длинными, суживающимися к запястью рукавами. Застегивались ферязи пуговицами или завязывались. Носили их летом и зимой. Зимние делали на меху. Ферязь была преимущественно парадной одеждой. Приведем несколько описаний, сделанных иностранными послами в XVI–XVII в.: “Сверх кафтана надевают распашное платье из дорогой шелковой материи, подбитое мехом и обшито золотым галуном: оно называется ферезью”; “На них ловко сидели красные полукафтаны, а другие, вроде длинного плаща, были накинута на шею, мастерски вышитые, подбитые соболем, — они называют их ферезью”; “Поверх этого кафтана они носят еще другой, покрывающий икры и называющийся ферезью”. Ферези носили повсеместно. К середине XVII в. покроя их несколько меняется. Они превращаются в придворную одежду и именуется ферезеями, которые иногда шили с учетом западной моды, короткополые. Царский указ 1679 г. определил ферези как церемониальную одежду особо знатных лиц: “Великий государь указал в Московском государстве бояром и окольных и ближним людям ходить в ферезях цветных, всяких чинов людям — в кафтанах всяких”. В грамотке 1681 г. один из москвичей пишет своему приятелю: “Да писал ты ко мне про ферези, их на Москве не носят и делать их не велят”. Дело в том, что в 1681 г. запрет на ферези был повторен еще более строго, о чем летописец сообщает: “Того же году повелением царя и великого князя Феодора Алексеевича вся Россия самодержца Московского государства всяких чинов российским людям старинного платья однорядок и ферезей никому носить не указано, то платье оставлено, а велено платье всем носить служилое, какое кому бог прилучил”. В XVIII в. ферези — нарядный крестьянский сарафан, тип платья у простолюдинок» [Судаков 1989]. Еще более подробное и основательное описание царских одежд, в частности *ферязей*, содержится в работе [Забелин: 2014, 970–1045]; документальное представление материала находится в [Строев 1844]. П.И. Савваитов при рассказе об одежде и царских особ, и служилых людей, и простого народа почти целиком опирается на упомянутое исследование И.Е. Забелина [Савваитов 1896: 157–158].

²Это рукопись XVI в., отредактированная Дж. Стоуном и подготовленная к печати В.Ф. Конновой, вышла в свет лишь в 1996 г.

³См. Датский портал по славистике и восточноевропейским исследованиям: østeuropastudier.

верхняя одежда'. Более подробно описывает *фэрьязь, фэрезь* В.И. Даль: 'мужское долгое платье, с длинными рукавами, без воротника и перехвата' и 'женское платье, застегнутое донизу (т. е. сарафан?)'. Автор отмечает наличие этой лексемы в новг., твр., ярс. и других говорах в значении 'праздничный сарафан, мещанский, городской сарафан с лифом; без пуговиц' (Даль 1955 4: 533). Следует упомянуть также труд А.В. Висковатова «Историческое описание одежды и вооружения Российских войск», в котором дано достаточно подробное описание этого вида одежды: «Сверх него (кафтана — *С.И.*) надевали другое платье, без перехвата и воротника, длиною почти до лодыжек и почти с такими же длинными рукавами. Оно называлось Фереизи, Фереизя и Фереизь, застегивалось наперед длинными петлицами с пуговицами, а делалось из разных бумажных и шелковых материй, также из сукна, бархата и парчи. Простолюдины надевали фереизь прямо на рубаху и предпочитали для нея цвета: синий и белый» [Висковатов 1899: 14].

В части словарей XVIII–XIX вв. (Гелтергоф; Нордстет; Калайдович; Шимкевич) эта лексема не отмечена.

Словари современного русского языка в ряде случаев фиксируют *фэрьязь* с соответствующими пометами. В (ССРЛЯ 16: 1323) значение 'старинная русская народная одежда (мужская и женская) без воротника и перехвата в поясе' сопровождается примерами из исторических романов. *Фэрьязь*: «К ней бы и *фэрьязь* пристала и девичья коронка новгородская. Вельтман. Сердце и думка; У старика вчера купил себе парчи узорчатой на *фэрьязь*; Мей, Царс. невеста, I, 1; С помощью старого слуги он обулся, надел кольчугу, накинул широкую *фэрьязь*. Злобин, Степан Разин, I, 6. *Фэрезь*: Вот статная, красивая девушка из Торжка. Богатая *фэрезь* ее как жар горит. Лажечк. Ледян. дом, I, 1». *Фэрьязь* отмечается также в (БТС: 1420), в тексте и исторических комментариях «Толкового словаря русского языка» (Шведова 2011: 1048), а также в (Ушаков 4: 535; МАС⁴ 4: 559) и мн. др. Кстати, А.А. Зализняк приводит словоизменительную парадигму сущ. *фэрьязь* в «Грамматическом словаре: Словоизменение» (Зализняк 2008: 514). В (СУМ 10: 579) также отмечена *фэрьязь*; предложена обычная дефиниция: 'Староруський верхній народний одяг (чоловічий і жіночий) без коміра й без перехвату'. В «Словаре украинского языка» Б.Д. Гринченко этого слова нет (Гринченко 4: 376).

Интересна судьба *фэрьязь (фэрьязи)* в диалектах. Материалы «Словаря русских народных говоров» свидетельствуют как о сужении семантического спектра этой лексемы, так и о развитии родовариантности. Диалектные записи XIX–XXI вв. демонстрируют единственно возможное значение *фэрьязь* как *женской* одежды (*сарафан, блуза, юбка*), но в части случаев уже не женск., а мужск. рода. Приведем все значения этой лексемы и наиболее яркие примеры, зафиксированные в СРНГ: «*Фэрьязь*, м. 1. Нарядный сарафан с закрытой спинкой, застегивающийся спереди на пуговицы. Твр., 1820. Пск. *Фэрьязи*, кто называл сарафаном, а кто *фэрьязем*. *Фэрьязи* из крашенины с разрезом впереди до полу с лентами и пуговками. Я куплю те трои *фэрьязи*. Новг. || Ситцевый сарафан. *Фэрьязь*, как сарафан, сарафанно точивный, а *фэрьязи* из ситцу шили. Ленингр., 2005. || Нарядный сарафан без пуговиц. *Фэрьязи* — сарафан без пуго-

виц, сшитый из ситца или навки, или другой нарядной материи. Твер., 1852. || Повседневный сарафан, обычно у городских мещанок. Новг., 1848. || Сарафан с плечиками. **Ферязи широкие с плечиками.** Смол., 2005. 2. Мн. Лямки, поддерживающие на плечах сарафан. А во эти плечики у сарафана. Где их лифой звали, а где и плечиками, а у нас их **фerezями** звали. Сарафан на **фerezях.** Смол., 2005. 3. Широкая длинная юбка на лямках, со сборками. Костром., 1852. **Ферязь** был со сборками, юбка длинная до пят. Моск. Раньше широкая юбка называлась **фerezем.** Новг. **Ферязи** шли широки и в сборку. Пск. 4. Любое женское платье. **Ферязи** были. Теперь платье, тогда **фerezи.** Ленингр. 5. О поношенной, старой одежде. Ну, какое-нибудь так барахло, обувь ли там, всякие **фerezи.** Карел. 2005. 6. Материал для юбки — хлопчатобумажная или льняная однотонная ткань. **Ферязь** купляли на юбку. Пск. 7. Мн. Отделка платья в виде мелких складок. Бывало, едут девки — платья все в **фerezях.** Смол. 2005» (СРНГ 49: 93–94). Как видно из приведенного материала, семантика слова **фerezь** сужается до значения ‘женская одежда (сарафан, юбка)’. Развивающаяся далее трансформация семантической структуры приводит к появлению таких значений, как ‘материал для пошива ферязи’ и ‘способы украшения юбки (мелкие складки, сборки)’. В (ЯОС 10: 27) семантика слова **фerezь** — это ‘широкая юбка со сборками (носили пожилые)’.

Ferezja, ferezya фигурирует также в польских этимологических и исторических словарях как специфический вид одежды, распространенной на территории Польши: «‘suknia wierzchnia’ o szerokich rękawach, nie przepasywana, często czervona, a podszywana futrem, w 16:17 w. noszona przez zamożnych» (Brückner: 120). С.Б. Линде также фиксирует лексему **ferezya** в польском со значением ‘верхняя одежда’ (Linde: 637); **ferezja** документирована в «Словаре польского языка» под редакцией В. Дорошевского (SJPD: 846). **Ferezja, ferezya, ferezyia** также засвидетельствована в многотомном Словаре польского языка (SJPKN 1: 733). В «Большом словаре польского языка» выделено два значения **ferezja**: 1) ‘męskie okrycie wierzchnie, noszone m.in. w Polsce w XVI–XVII w.’; 2) ‘długi płaszcz noszony dawniej przez kobiety w Turcji’ (WSJP PWN). **Ferezja** представлена также в значении ‘казакин’ (DSPR: 1898, 105)⁴.

Картотека СлРЯ XI–XVII вв. и другие источники⁵

Как свидетельствуют материалы среднерусского периода, исследуемое слово особенно широко было распространено на протяжении XVI–XVII вв. Первая фиксация **фerezь** обнаруживается, по-видимому, в Домострое, памятнике середины XVI в.: *А поезжжаномъ досталъ^ь нымъ стол кривой, а поставецъ полнои, свѣщник опоясанъ, фerezи спущены, шапка горлатнаѧ или рысья... да в̄-коровайника такоже оподсаны, фerezи спущены, по в̄-кушака через плечо* [Забелин 1881: 176].

Рассмотрим более подробно имеющиеся в нашем распоряжении материалы. Отмечаются в основном формы мн. ч. **фerezи**⁶, а также **фerezь, фerezь**

⁴ Лишь в Википедии дается определение слову **фerezи** как «старинной русской и польской одежды (мужской и женской) с длинными рукавами, без воротника и перехвата».

⁵ Шифры источников даются в соответствии с принятыми в Указателе к СлРЯ XI–XVII вв.

женск. рода. Итак, ниже представлены подкрепленные материалом следующие значения интересующей нас лексемы:

1. 'Верхняя распашная мужская одежда без воротника и пояса, с узкими рукавами или без них': **Ферезь** сдѣлать камка Турская на червчѣ шолкъ бѣль... завязки шолкъ червчатъ. Оп.им. Ив.Гр. 1582–1583, 8. Принесъ къ Якову и къ Тишинѣ Антоней Поссевинусъ отъ папы жалованье... Якову чѣпу золоту, да **ферези** бархатъ червчатъ гладкой да кафтанъ отласъ золотной. Рим.имп.д. I., 884. 1583 г. Принесъ плателнай казначей старецъ Иевъ, что продалъ **ферези**, тофта зелена, поношены, князя Григорьевскыи Звенигородцкогго, взято сорокъ алтынъ. Кн.прих.Болд.м., сст. 216–256. 1593–1607 гг. Царевичю Асманаку: **ферези**, сукно багрецъ червчатъ, на корсакѣхъ, завязки шолкъ зеленъ съ золотомъ, кафтанъ камка кизыль-башская, шолкъ аль да зеленъ, на черевѣхъ на лисьихъ. АИ II, 17. 1599 г. Новгородецъ Ждан Иванов сѣнь 2 половинки сукна аглинского меншой земли... 4 штаны лятчинные, 100 аришин покромей двои **ферези** суконные да теплые. Там.кн.Тихв.м. №3, 150 об.–160. 1626 г. Явилъ новгородецъ Гаврила Гавриловъ красилник, двои **ферези** киндяшины. Там же №17.9. 1628 г. А живота, государь, нашего взяли... двои **ферези** холодные тафтѣные, однѣ зеленые, а другіе червчатые, да трои киндяшные **ферези** холодные лазаревы, да двои **ферези** теплые... а цѣна, государь, **ферезямъ** сорѣкъ два рубли. АХУ III, 118. 1632 г. А на Государѣ было платья: зипунъ ходилной, шапка бархатная другая, **ферези** теплые дорогилные. Выходы цар., 96. 1641 г. Да у негож Дмитрея ево платья... **ферези** пупчатые пот крашениною желтою, кафтан соболеи. Якутск.а. к. 3, №6, сст. 34. 1641 г. Офонка ходил с нимъ к Ондрѣю Ростопчину, носили **ферези**. МДБП, 261. 1643 г. Положено въ сундукъ у Андрея Галкина однорядка кафтанъ бархатный, **ферези** лѣтникъ обьяринный, муштукъ турской, лѣтникъ тафтѣной зеленъ. Д.Моск.пр. о мятежах. 143. 1648 г. Ивашко... продал... летник... камчатной, **ферези** дорогилные, 2 телогреи. Хоз.Мор.П, 151. 1651 г. А денег де послал с тѣм своим чловеком с окинфеиком двѣсти рублевъ да платья: шубу пушчетую да на нем платья однорядка вишневая с пуговицы серебряны, золочены **ферези** лиси лапчатые под дорагами нагрудникъ камчатной. Арх.Толстого, 15, сст. 13. 1652 г. Новгородецъ посацкой члѣкъ Онисим Осипов явил товару 30 **ферези** теплыи крашенинныи, 4 **ферези** холодныи крашенинныи. Кн.там.Свир.м. №198, л. 9. 1661 г. Емуж [портному] дано восемь денегъ: починил старыи **ферези** тоеж дѣвки Мароицы. Кн. Ивер.м.І. №20, 111 об. 1665 г. А на Великомъ Государѣ было платья: **ферези**, отласъ бѣль, безъ испода. Выходы цар., 606. 1675 г. А платья на него положили: охабень вишневой, пуговицы серебряныи, **ферези** теплыи киндяшныи. ДАИ IX, 63. 1676 г. **Ферези** камчатныи зеленые, нашивка золотная. МДБП, 213. 1676 г.

Пополним эти примеры материалом из [Строев 1844]: А на Государѣ было платья: однорядка вишнева чистая; **ферези** и зипунъ, и шапка, и посохъ. 1633, 7. А на Государѣ было платья: опашень, зупфъ красновишнева съ серебряною съ кизылбашскою нашивкою, **ферези** <...> на черевѣхъ на бѣльихъ. 1633,

---

⁶ Ферязи, ферези употребляются в форме как ед., так и мн. ч., не привнося в значение мн. ч. каких-либо семантических отличий от собственно сингулятива.

14. А на Государь было платьа: однорядка новая, сукно вишнево, круживо кованое съ зеленымъ шолком; **фerezи** и зипунъ, шапка и посохъ, комнатные. 1334, 31. А на Государь было платьа: **фerezи** яринной цвѣтъ <...> съ вишневою обнищью, шапка бархатная другая, съ душкою, петли низаны жемчугомъ. 1634, 32. А на Государь было платьа: опашень, зуфъ зелена съ золотою нашивкою, шапка бархатная вторая; **фerezи** и зипунъ и посохъ комнатные. 1637, 51. А на Государь было платьа: опашень зуфъ вишнева, зипунъ ходилной, **фerezи** киндячные, шапка суконная вишнева съ пухомъ, посохъ каповой. 1639, 78. А на Государь было платьа: <...> **фerezи** теплые кутняные, полосы шолкъ червчатъ да бѣль, исподъ пупки собольи. 1648, 191. А на государь было платьа: **фerezи** теплые, тафта желта, исподъ черева бѣльи. 1650, 251. А на государь было платьа: **фerezи** гъздовые, армяшныи; кафтанъ гъздовой, отласъ червчатъ гладкой. 1657, 49. А на немъ Великомъ Государь было платьа: <...> **фerezи** <...> по серебряной землѣ, по немъ травы и птицы золоты съ шолки, исподъ пупки || собольи. 1673, 510–511. А на Великомъ Государь было платьа: **фerezи**, отласъ бѣль, безъ испода. 1675, 606 и мн. др.

2. ‘Женская верхняя одежда без воротника и пояса’. [Перечень в явке о покраже]. Да **фerezи** женские камчаты желтые, на нихъ дватцать пять пуговиць серебряныхъ бѣльихъ... другие **фerezи** теплые женские на заячинахъ подъ крашениной подъ лазуревою, нашивка гарусная. Арх.Стр.П, 204. 1611 г. Николские волости проскурни Параскови Михайловы дочери проданы **фerezи**. Взято 45 алтынъ. Кн.прих.Свир.м. №159, 146. 1615–1630 гг.

Национальный корпус русского языка

В НКРЯ представлено 49 примеров употребления лексемы. Здесь представим некоторые из них:

*К сожалению, разнообразие-то по большей части музейное (армяк, **ферязь**, кафтан, опашень, плис, граденаплъ, мадеполам).* (Вл. Иваницкий. Толстовка // Знание – сила. 2009);

*А насчет кафтана, — продолжал он, натягивая на уши шапку, — это ты зря, так все нынче ходят, мода у нас такая. Только не кафтан, а **ферязь**. Вишь, какая ширина в плечах и без отложного воротника.* (Николай Дежнев. Принцип неопределенности. 2009);

*На кафтан или зипун надевали **ферязь** или терлик, а поверх того охабень или бострог.* (М.Г. Гаспаров. Записи и выписки. 2001);

*На ее величестве была надета из дорогой парчи **ферязь**, украшенная бриллиантами и изумрудами, жемчугом и другими драгоценностями.* (М. Величенко, Г. Миролубова. Исторический бал // Родина, 1997);

*Великий князь московский Иванн Данилович Калита, когда принимал иноземных послов, одевался в свои самые нарядные одежды: на нем длинная шелковая с золотом **ферязь** и алая мантия с горностаевой опушкой, на голове вышитая золотом шапка.* (С.М. Голицын. Сказания о земле Московской. 1968–1988);

*На боярине серебрястой парчи **ферязь** без рукавов, рукава алой бархатной исподней одежды расшиты жемчугом, **ферязь** — летняя, суженная книзу из-за сытого брюха, выпиравшего наружу; у подола **ферязи** виднелись корот-*

кие, толстые ноги в сафьянных красных сапогах; носки сапог глядели в стороны. (А.П. Чапыгин. Гулящие люди. 1937);

На съезде на дворе Бутурлин вручил Хмельницкому знамя, булаву, **ферязь**, шапку и соболи, причем, подавая каждую вещь, говорил речь. (С.М. Соловьев. История России с древнейших времен. Том десятый. 1860);

Из русских народных одежд Общество предлагает описать... мужские и женские одежды: азамъ, армяк, убрус, фата, варьги, голицы, душегрейка, епанча, епанечка, зипун, исподница, кабат, кафтан, кебеняк, кожух, корзю, кофта, коць, летник, ментель, однорядка, опашень, окабень, платно, понева, поддевка, порты, полукафтанье, приволока... **ферязь**, фуфайка, холодник... (Н.А. Добролюбов. Литературные мелочи прошлого года. 1859);

Овсяников своею важностью и неподвижностью, смышленостью и ленью, своим прямодушием и упорством напоминал мне русских бояр допетровских времен... **Ферязь** бы к нему пристала. (И.С. Тургенев. Одноворец Овсяников. 1847);

На нем было новое светлое платье, парчевая **ферязь** с высоким стоячим воротником, которого отворот лежал на спине. (Ф.В. Булгарин. Дмитрий Самозванец. 1830);

Женская **ферязь** платье почти одного покроя с нынешними сарафанами. (М.Н. Загоскин. Юрий Милославский, или русские в 1612 году. 1829).

Происхождение

Изучение происхождения слов в русском языке не потеряло своей актуальности и в наши дни. Множество этимологических штудий еще не могут дать ответы на возникающие вопросы об этимологии той или иной лексемы. Не стало исключением и интересующая нас **ферезь**, **ферязь**.

Попытки определить источник происхождения **ферези** предпринимаются с давних пор. М. Фасмер, давая принятую в лексикографии дефиницию **фэрезь**, **фэрязь** как ‘мужское длинное платье с длинными рукавами без воротника и пояса’ и ‘женское платье, застегнутое донизу, праздничный сарафан’, полагает, что оно появилось «через турецкое *feredže* ‘верхняя одежда’ из ср.-греч. *φορεσία* от *φορεσία* ‘кафтан, платье’» (Фасмер² 4: 190)⁷.

П.И. Савваитов делает попытку этимологизировать **ферязь**, ссылаясь на наличие такой реалии в турецком: «У турок есть мужская и женская одежда, называемая *ферадже*, обыкновенно *фередже*. У женщин — это верхнее длинное платье с застежками или пуговицами; а у мужчин — длинное же платье в роде подрясника» [Савваитов 1896: 157]. Такой же точки зрения придерживается и А.В. Висковатов: «Ферязь — слово персидское. Появляется в 11 веке. Длинная до лодыжек с такими же длинными рукавами, плечи широкие, уже кафтанов в подоле, почти всегда без кружев» [Висковатов 1899: 14]. А.Н. Чудинов приводит слово **фередж** отдельной словарной статьей, указывая на ее арабское происхождение, но в значении опирается на турецкую реалию: ‘турецкое верхнее

⁷ В словаре А.Г. Преображенского лексема *ферезь*, *ферязь* отсутствует — как вообще все слова на букву *ф*. Ученый ограничивается этимологизацией только общеславянских корней (см. Преображенский 1959).

платье наподобие халата' (Чудинов 1910: 663). Этимологизировать *ферязь* беретса и И.Е. Забелин: «<...> совсем неизвестные в нашей древности и очень известные в XVI и XVII столетиях пресловутые фerezи, может быть, окажутся по своему имени происходящими от лат. *forensia, forensis* <...>» [Забелин 2014: 970]. Хотя в другом месте ученый высказывает мысль о том, что речь может идти не о заимствовании «наших фerezей» у турок, а об одном и том же источнике, откуда идут «и наши фerezии» и «турецкие фeredже», т. е. о Византии и даже о Риме [Там же: 981]. Эти поиски исследователя в попытках определить единственно возможный источник «наших фerezей», возможно, следует принять во внимание.

В лексикографических и этимологических источниках славянских языков (преимущественно польского) относительно происхождения *ferezeja* высказываются предположения о восточном происхождении слова (турецкое, персидское, арабское и под.). Ф. Миклошич связывает *ferezь, ferezja* с турецким *feredže, feradže* (Miklosich: 58). Турецкий как источник польского *ferezja* указан и в словаре Дорошевского, где находим следующие дефиниции: «*feredzia ź. 'długie wierzchnie ubranie tureckie'*» и «*ferezja ź. — 'wierzchnie męskie okrecie, najczęściej czerwonego koloru, zwykle podobite i obramowane futrem'*» [SJPD 2: 846].

Тур. *feredže* как прямое заимствование в словацком языке представлено в (HSSJ 1: 365): (Fatima) bežala domov, čo lecht'šejšé a drahše bilo, posbirala, dolimán mužský a feredsehe obláka BR 1785.

Таким образом, в русском и польском языках обнаруживается исключительная близость, если не почти полная синонимия *фerezь, фerezея, ferezja*. Этот факт дает основание задуматься о том, не является ли польский язык источником сред.-русского эквивалента. Перед этимологами славянских языков стоит задача построить всю цепочку заимствования, дав ответы на следующие вопросы: *фerezь, ферязь, фerezея* из ст.-польск.? Ст.-польск., возможно, из венгерск.? Венгерск.? из диал. турецк.? Турецк. из сред.-греч.? Ср.-греч. из арабо-персидск.? Такая последовательность кажется весьма вероятной, но нужна большая и подробная доказательная база.

Суффиксальные дериваты

В словообразовательной истории непроизводное *фerezь* становится источником суффиксальных дериватов — субстантивных и адъективных.

Для данного раздела кажется весьма актуальным очень точное наблюдение И.Ф. Калайдовича, который писал: «Каждое чужезычное слово, перешедшее в наш язык, само становится корнем будущих производных слов, хотя в природном своем языке оно было и некоренное» (Калайдович: 340). Иначе говоря, заимствованная лексическая морфема, выражающая содержательную часть слова, становится мотивирующей для образования соответствующего словообразовательного гнезда с помощью аффиксальных морфем. Таковы уже упоминавшиеся дериваты от *фerezь* — *фerezенокъ, фerezецъ, фerezишко, фerezникъ, фerezея, фerezейный, фerezный*.

Прямое значение слова (название одного из видов верхней одежды), отсутствие многозначности и переносных значений могли бы дать основания к

интерпретации его как принадлежащего специальной лексике, с соответствующей пометой в лексикографических источниках. Но **ферезь** прочно вошел в словарный состав языка, став источником ряда производных лексем (также имеющих только одно значение). Рассматриваемые в этом разделе производные могут быть разделены на две группы: I. Субстантивные и II. Адъективные. Обратимся к конкретному материалу.

I

Ферезенокъ, м. (от **ферезь**). Образовано от лексической морфемы с помощью суффикса *-онок-*. Значение суффиксальной морфемы: ‘экспрессия ласкательности, уничижительности либо уменьшительности, дополняющая мотивирующее слово’⁸.

1. ‘Старая поношенная ферезь’: *Роспис<ь> Матвѣя Глѣбова... всякои рухляди... штанишка ветчаные красные в них пояс шелковои, штанишка ветчаные же камчатые в лоскуте, ферезенка драные. Якут.а., к. 5 №8, сст. 7. 1643 г. Да послѣ смерти моеи дат<ь> жены Овдот<ь>и Семеновои приданого... шуба боран<ь>я одева<ль>ная да корова красная да ферезенка ветчаные крашениньные. А.Свир.м., №223. 1661 г.*

2. ‘Детская ферезь’: *Роспись платья и рухледи стол<ь>ника Петра Ивановича Годунова... да дѣтиного [платья] в ферезенки собол<ь>и пластинчатых под серебряным зарбасом. А.Верхот.съезж.избы., к. 13. 1667 г. Следует обратить внимание на вариативность *-а* и *-и* формах мн. числа: **ферезенка** и **ферезенки** (смещение II. п. мн. ч. мужск. и сред. рода).*

Ферезецъ, м. (от **ферезь**). Образовано от лексической морфемы с помощью суффикса *-ец-*. Значение суффиксальной морфемы: ‘предмет, похожий на тот, который назван мотивирующим словом, но имеет некоторые отличия’.

1. ‘Укороченная ферезь’: *Постригся слуга Шишен Елизаревъ, продана с него рухлядь сапоги борановые, взяты 5 алтынъ, рубашку да портки, взято 9 алтынъ, 2 де обнартка да ферезицы тафтяны износок, да шапку, взято 2 рубля. Кн.прих.-расх.Волокол.м. №6, 152–152 об. 1587–1588 гг. Жалованья Сибирскимъ царевичамъ и царицамъ, и царевнамъ, царевичю Кумышу, цареву Кучюмову сыну: ферезицы, камка Кизылбаишская, шолкъ аль да зеленъ, на черевъхъ на бѣлыхъ. АИ II, 17. 1599 г. Ферезсы невелики: бархатъ червчатъ съ круживомъ. Оп.им.кн.Мстисл., 4. XVII в.*

2. ‘Детские ферези’: *Два кафтана кумашные, теплые, дѣтиные. Два ферезицы кумашные, холодные, дѣтиные. АЮБ III, 269. XV–XVII вв.*

Ферезья⁹, ж. Образовано от лексической морфемы **ферезь** с помощью суффикса *-е[j(a)]*. Значение суффиксальной морфемы: ‘предмет, характеризу-

⁸ В определении значения суффиксальных морфем мы ориентируемся на «Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка» В.В. Лопатина и И.С. Улуханова (ССА), будучи уверенными в том, что «базовая» семантика аффиксальных морфем в части случаев остается в основном неизменной на протяжении истории языка.

⁹ И.Е. Забелин пишет: «В Выходных книгах ферезея впервые появляется с 16 сентября 1659 г., но в Кроильных книгах она появляется еще с октября 1654 г. Можно полагать, что и это не первый случай кройки. Она кроилась с этим именем для стельников в 1648 г. Как новая одежда она, однако, сохраняла свой старый покрой. Ее длина и ширина равнялась другим верхним одеждам с длинными рукавами, какие были и у ферязей <...>. Царь Алексей Михайлович любил эту одежду, особенно в первые годы, как она появилась, и можно сказать, что в

ющийся признаками, отличающими его от мотивирующего слова'. В нашем случае это 'парадная верхняя одежда из золотых и других дорогих тканей, подбитая или опушенная мехом, с застежкой у шеи, иногда с меховым воротником': *Подано емужъ Государю платья на перемъгну: фerezья, сукно голубое, холодная, съ ускимъ круживомъ. Выходы цар., 314. 1632–1682 гг. А на Государь было платья: фerezья, бархатъ рудожелтъ гладкой, нашивка турецкая золотая съ олмазы, исподъ соболей. Там же, 340. А на Государь было платья: фerezья, сукно голубое, с широкимъ круживомъ, исподъ соболей. Там же, 346. А на Государь было платья: фerezья, обьярь по серебряной земли травы золоты, исподъ соболей. Там же, 347. А на Государь было платья: фerezья, сукно скорлатъ червчетъ, съ широкимъ круживомъ, исподъ соболей. Там же, 358. А на Госдарь было платья: ... фerezья, аксамитъ по голубой земли, исподъ соболей. Там же, 418. Фerezья червчатая, бархатная, двоemorхая, подложена отласомъ золотнымъ по бъллой земль, у ней 11 пуговиць золотыхъ съ искры яхонтовыми червчатыми. Росп.им.Н.Ром., 57. 1655–1659 гг. А великии государь в то время сидълъ в Грановитой полате в фerezье соболье подъ оксамитомъ золотнымъ в своемъ царскомъ мѣсте. Днев.зап.ПТД, 71. 1657–1675 гг. Давыду здѣлано исподней кафтанъ киндячной да верхняя одежда фerezья, китайское золото мишурное, да сумка кожаная, латы отъ головы до колѣней желѣза бѣлого. Док.моск.театра, 71. 1676 г. Полковникомъ и головамъ въ бархатныхъ фerezьяхъ, а полуголовамъ въ обьяринныхъ, а сотникомъ въ цвѣтномъ платьѣ. Разряд.зап.Фед.Ал., 8. 1676 г. Великий государь указал в Московскомъ государстве бояромъ и окольничимъ и ближнимъ людемъ ходить в фьрезеяхъ цвѣтныхъ, всякихъ чиновъ людемъ в кафтанахъ всякихъ, а в охабняхъ и в однорядкахъ ходить не велено. Зап.прик.людей, I. 1679 г.*

Ферезишко, ср. Образовано от лексической морфемы **фerezь** с помощью суффикса **-ишк-**. Значение суффиксальной морфемы: 'предмет, названный мотивирующим словом, с экспрессией пренебрежительности, уничижительности'¹⁰.

'Верхняя комнатная недорогая одежда': *И взял пол алтына фerezишка голубые зенденинные ветшаны взял алтынъ б алтынъ. Кн.прих.Кир.м. №1, 9 об. 1568 г. Ферезишка миткальны бѣлы ветчаны, цѣна 20 алтынъ. Оп.им.Тат., 31. 1608 г. Продал ногавицы суконные зелены; тот Юре почал меня*

некотором отношении она сделалась для него как бы модным платьем, в котором он бывал не только на городских выходах и загородных выездах, но и в домашних выходах в дворцовые церкви. Вместе с тем <...> ферезея составила часть воинского наряда, который отличался от других нарядов главным образом среднею ездовой одеждою — чугою. Мало-помалу ферезея стала приобретать значение официального парадного мундира» [Забелин 2014: 983–984]. И еще интересный факт, связанный с *ферезеей*: «Спустя 23 года после женитьбы царя Алексея на Милославской при вторичном бракосочетании на Наталье Кирилловне Нарышкиных государь в первый день брака, 22 января 1671 г., оделся совсем иначе <...>. В этот день ему были поданы <...> вновь введенная одежда ферезея, под нею ферези, а под ним зипун с пристяжным ожерельем и пр.» [Там же: 1014]. И еще: «Алексей Михайлович дал ей даже особое имя, дотоле небывалое — ферезея, которая стала надеваться уже на самые одежды как на старую среднюю одежды» [Там же: 983].

¹⁰ Оформление дериватов с суф. **-ишк-** по ср. роду независимо от родовой принадлежности производящей лексемы последовательно демонстрируют памятники делового языка XVI – второй половины XVII в., отражающие особенности северных говоров того времени: *братишко, бобылишко, дворишко, домишко, деревнишко, животишко, землишко, избиишко, кафтанишко, конишко, купчишко, лесиишко* и мн. др. [Иорданиди 1982: 225].

бит<ь> плетю и однарятченкою и фerezишка мои изодрал камчатные и ожерел<ь>е жемчужное у меня с шеи оборвал. Якут.а., к. 1, № 1, сст. 160. 1639 г.

Фerezникъ, м. Образовано от лексической морфемы с помощью суффикса *-ник-*. Значение суффиксальной морфемы: ‘лицо, производящее действие в отношении предмета, названного мотивирующим словом’.

‘Тот, кто шьет фerezи и фerezъи’: *Явилъ новгородецъ Гаврило фerezникъ полукармазину три аришина въ косячка стамиду <...> три половинки сукна <...> фerezеи суконных холодныхъ <...> да четверны фerezеи.* Там.кн.Тихв.м., 43 об. 1663 г.

II

Фerezейный, прил. Образовано от **фerezь** с помощью адъективного суффикса *-ейн(ый)*. Значение суффиксальной морфемы: ‘предназначенный для предмета, названного мотивирующим словом’.

‘Пристяжное украшение на фerezи’: *Четыре алама фerezейные, пизаные, прорезные, на красномъ бархате бошой жемчюгъ.* Отр.стар.оп., 327. к. XVI в. ~ XVII в.

Фerezный, прил. Образовано от **фerezь** с помощью суффикса *-н(ый)*. Значение суффиксальной морфемы: ‘имеющий отношение к мотивирующему слову’.

‘Имеющий отношение к фerezи, фerezъе’: *Коробочка з... рухлядью... а въ ней... нашивчишко фerezное, новолочишко подушечное... А.Моск., 99. 1610–1622 гг. А живота у него взяли... да пять пугвиц ожереиных, жемчюги да дватцат двъ пугвицы серебряных фerezных да шелку всяково золотников с пят. А.Тихв.м., к. №2, 17. 1641 г. Нашивка золотная кружковая фerezная цъна 3 руб. Тов.цен.роsp., 84. 1649 г. Явилъ навгородецъ Яков Василеи Романов зъ да роги... две завъсы турские, косякъ бархатъи семь мешков корсачьих, ѣ завяски фerezные, фъ аришинъ пуху выдряного.* Пам.Кн.Тихв.м. 1297, 21 об. 1684 г.

Как видно из приведенного материала, суффиксальные дериваты образованы от варианта лексической морфемы **фerezь**. Вопрос именно об этом фонетическом варианте как более предпочтительном в процессе образования дериватов требует дополнительных разысканий. Здесь можно сослаться, как кажется, на роль лингвистической прагматики, участвующей в выборе тех или иных конструкций и форм.

***

Итак, **фerezь** обладает значительным деривационным потенциалом, о котором свидетельствуют субстантивные и адъективные образования, распространенные в деловом языке среднерусского периода. Эта лексема получает дальнейшее распространение в диалектах, претерпев некоторые изменения в своей семантической структуре, а также изменив грамматический род: **фerezь** начинает обозначать только название женской одежды в роли субстантива муж. рода. Семантическое совпадение между русск. **фerezь** и польск. *ferezja* должно быть принято во внимание при их этимологическом истолковании.

Источники

- БТС — Большой толковый словарь русского языка: А–Я / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.
- Вейсман Э. Немецко-латинский лексикон купно с первыми началами русского языка: к общей пользе. СПб., 1731.
- Гелтергоф Ф. Российский целлариус. Этимологический российский лексикон. М., 1771.
- Гринченко Б.Д. Словарь украинского языка: в 4 т. Киев, 1907–1909.
- Даль 1955 — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1955–1956.
- Дерксен Р. Большой церковно-славянский словарь // Датский портал по славистике и восточнославянским исследованиям østeuropastudier. 2020. [Электронный ресурс]. URL: proto-slavic-ru>church-slavonic/csl-rus-slovo.html (дата обращения: 10.08.2020).
- Зализняк А.А. Грамматический словарь: Словоизменение. 5-е изд., испр. М.: АСТ-Пресс, 2008. 795 с.
- Калайдович И.Ф. Опыт правил для составления русского производного слова // Труды Общества любителей российской словесности при Имп. Московском университете. Кн. 15. Ч. 5. М., 1824. С. 330–390.
- КДРС — Картотека «Словаря XI–XVII вв.» (Москва, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН).
- МАС⁴ — Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стереотип. М.: Русский язык; Полиграфресурсы. 1999.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.08.2020)
- Нордстет И. Российский, с немецким и французскими переводами. Словарь, сочиненный И. Нордстетом: в 2 т. СПб., 1780–1782.
- Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка: в 2 т. М., 1959.
- Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам: [в 3 т.] / Изд. ОРЯС. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1893–1903.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. Вып. 1–50. Л.; СПб.: Наука, 1965–2018 (издание продолжается).
- ССА — Лопатин В. В., Улуханов И. С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: Азбуковник, 2016. 812 с.
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.
- СУМ — Словник української мови: в 11 т. Київ, 1970–1980.
- Ушаков — Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.», ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940.
- Фасмер² — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс, 1986–1987.
- Шведова Н.Ю. (отв. ред.). Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: Азбуковник, 2011. 1015 с.
- Шимкевич Ф. Корнеслов русского языка, сравненного со всеми главнейшими славянскими языками и с двадцатью четырьмя иностранными: в 2 т. СПб., 1842.
- Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. 3-е изд. СПб., 1910.
- ЯОС — Ярославский областной словарь: в 10 т. Ярославль, 1981–1991.
- Brückner — Brückner A. Słownik etimologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957.
- DSPR — Dubrowski P. Dokładny słownik polsko-ruski. Warszawa, 1898.
- DVR — A Dictionarie of the Vulgar Russe Tongue, Attributed to Mark Ridley. Köln: Böhlau Verlag, 1996.
- HSSJ — Historický slovník slovenského jazyka. D. 1–8. Bratislava, 1991–2008.
- Linde — Linde S.B. Słownik języka polskiego. T. 1–6. Warszawa, 1807–1814.

- Miklosich — Miklosich F. Etimologisches Wörterbuch der Slavischen Sprachen. Wien, 1886.
 SJPД — Słownik języka polskiego. T. 1–11 / Red. W. Doroszewski. Warszawa, 1958–1969.
 SJPККН — Słownik języka polskiego. T. 1–8 / Red. J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki.
 Warszawa, 1898–1919.
 WSJP PWN — Wielki słownik języka polskiego PAN / red. P. Żmigrodski. Instytut języka polskiego PAN, Kraków, 2007. Available at: <http://www.wsjp.pl> (accessed 10.08.2020)

Литература

- Висковатов — Историческое описание одежды и вооружения Российских войск с рисунками, составленное по высочайшему повелению / Под ред. А.В. Висковатова. СПб., 1899. Ч. I.
 Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях / Отв. ред. О. А. Платонов. М., 2014.
 Забелин И.Е. Домострой по списку Имп. Общества древностей российских / Изд. И.Е. Забелина // ЧОИДР. 1881. Кн. 2. С. I–IV, 1–202.
 Иорданиди С.И. Из истории форм существительных именительного множественного на -á в русском языке // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1980. М., 1982. С. 212–236.
 Савваитов П.И. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное. СПб., 1896.
 Строев П.М. Выходы государей царей и великих князей, Михаила Феодоровича, Алексея Михайловича, Феодора Алексеевича, всея Руси самодержцев (с 1632 по 1682 г.). М., 1844.
 Судаков Г.В. Были о словах и вещах. Архангельск; Вологда, 1989. 267 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/sud/akov/byly/index.htm> (дата обращения 10.08.2020)

Иорданиди Софья Ивановна, д. филол. наук; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, г. Москва, ул. Волхонка 18/2; ведущий науч. сотрудник; e-mail: siordanidi@yandex.ru

Для цитирования. Иорданиди С.И. Русск. *фerezь*: семантика и словообразовательный потенциал // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2020. Вып. 3. С. 42–55.

References

- Viskovatov — Istoricheskoe opisanie odezhdy i vooruzhenija Rossijskikh vojsk s risunkami, sostavlennoe po vysochajshemu poveleniju / Pod red. A.V. Viskovatova SPb., 1899. Issue I. (In Russ.)
 Zabelin I.E. Domashnij byt russkikh tsarej v 16 i 17 stoletiax / Otv. red. O.A. Platonov. M., 2014. (In Russ.)
 Zabelin I.E. Domostroj po spisku Imp. Obshchestva drevnostej rossijskikh / Izd. I.E. Zabelina // CHOIDR, 1881. No 2. Pp. I–IV, 1–202. (In Russ.)
 Iordanidi S.I. Iz istorii form sushchestvitel'nykh imenitel'nogo mnozhestvennogo na -a v russkom yazyke // Obshcheslav'anskij lingvisticheskij atlas. Materialy i issledovania 1980. M., 1982. Pp. 212–236. (In Russ.)
 Savvaitov P.I. Opisanie starinnykh russkikh utvarej, odezhd, oruzhija, ratnykh dospekhov i konskogo pribora, v azbuchnom por'adke raspolozhennoe. SPb., 1896. (In Russ.)
 Stroev P.M. Vykходы gosudarej tsarej i velikikh kn'azej, Mikhaila Feodorovicha, Aleksija Mikhajlovicha, Feodora Aleksievicha, vseja Rusi samoderzhtsev (s 1632 po 1682 g.). M., 1844. (In Russ.)
 Sudakov G.V. Byli o slovakh i veshchakh. Arkhangel'sk; Vologda, 1989. 267 p. (In Russ.) Available at: <https://www.booksite.ru/fulltext/sud/akov/byly/index.htm> (accessed 10.08.2020)

Sofia I. Iordanidi, Dr. of Sci. Phil., Leading Research Officer, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, 18/2 Volkhonka str., Moscow, Russian Federation. E-mail address: siordanidi@yandex.ru

For Citation: Iordanidi S.I. (2020). Russian *feréz'*: semantics and word-formative potential. *Slavyanskaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya* [Slavic historical lexicology and lexicography], 3, pp. 42–55. (In Russ.)

Irina E. Kuznetsova

И.Е. Кузнецова

**MASTERING BORROWINGS OSVOENIE ZAИМСТВОВАНИЙ,
THAT HAVE OPTIONS FOR PRE- ИМЕЮЩИХ ВАРИАНТЫ НА
AND PRO-, CORRELATED WITH ПРЕ- И ПРО-, СООТНОСИМЫЕ С
RUSSIAN PREFIXED FORMATIONS РУССКИМИ ПРИСТАВОЧНЫМИ
FOR PRE- AND PRO- (NOUN ОБРАЗОВАНИЯМИ НА ПРЕ- И ПРО-
PROSPECTUS) (СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ ПРОСПЕКТ)¹**

Аннотация. В статье рассматриваются функционирование в русском языке соотносимых с варьированием русскоязычных приставок *пре-* и *про-* вариантов на *пре-* и *про-* заимствованного существительного *проспект* и факторы, повлиявшие на формирование его семантики. Процесс освоения языком иноязычных заимствований в каждом конкретном случае имеет свои особенности, изучение которых не только позволяет дать более точное лексикографическое описание слова, но и дает возможность последующего обобщения и выявления закономерностей развития русского языка.

Ключевые слова: русский язык, русский язык XVIII века, история слов, заимствования, вариантность, проспект

Summary. The article examines the functioning in the Russian language of pre- and pro-variants of borrowed noun prospectus correlated with the variation of the Russian-language prefixes pre- and pro- and the factors that influenced the formation of its semantics. The process of mastering foreign language borrowings by the language has its own characteristics in each specific case, studying which not only allows you to give a more accurate lexicographic description of the word, but also makes it possible to subsequently generalize and identify the patterns of development of the Russian language.

Keywords: Russian language, the 18th century Russian language, history of words, borrowings, variation, prospect

Специфика «Словаря русского языка XVIII века» как исторического словаря, который «представляет динамику форм языкового выражения в установленных хронологических пределах» [Проект 1977: 5], определяет то, что в нем детально отражается процесс освоения языком иноязычных заимствований. В каждом конкретном случае этот процесс имеет свои особенности, обусловленные как экстралингвистическими, так и собственно языковыми факторами. Изучение этих особенностей, с одной стороны, позволяет дать более точное лексикографическое описание слова, а с другой — дает возможность последующего обобщения и выявления закономерностей развития русского языка. В этом плане представляет интерес изучение функционирования в языке вариантов заимствованных слов на *пре-* и *про-* (таких, как, например, *препозиция* — *пропозиция*, *претекция* — *протекция* и т. п.) и их соотносимость с варьированием русскоязычных приставок *пре-* и *про-* (ср.: *прогрешение* — *прегрешение*, *преходить* — *проходить* и т. п.).

Существительное *проспект* является одним из иноязычных слов, имеющих в русском языке XVIII века в числе других вариантов варианты на *пре-*.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00522 «Историко-лексикологическое исследование и лексикографическое описание русского языка XVIII века (префиксальные образования с *пре-* и *пред-*)».

Это слово было заимствовано на рубеже XVII–XVIII веков. В картотеке «Словаря русского языка XVIII века» (далее — КС XVIII) оно впервые зафиксировано именно в вариантной форме на *пре-* — *прешпект*: *Заплачено переплетчику за подклейку холстом двух листов **прешпекта** Питербургскаго да **прешпекта** Москвы 30 ливров* (АБП II 65², 1717). Значение слова в приведенном примере можно определить и как ‘план, чертеж, изображающий в масштабе на плоскости местность, сооружение и т. п.’, и как ‘изображение вида, пейзаж’: контекст не позволяет определить однозначно, позднее слово употребляется в обоих значениях. Поскольку речь идет о записанных подьячим расходах Петра I в Париже, куда он прибыл из Амстердама и Антверпена, можно предположить, что в этом варианте *ш* появляется под влиянием произношения слова *prospect* в голландском языке. Однако начальное *пре-* здесь трудно объяснить иноязычным влиянием.

Второй из наиболее ранних выявленных примеров употребления слова *проспект* — в переводе трактата Самуэля фон Пуфендорфа «О должности человека и гражданина по закону естественному», где, по сути, оно является простой транслитерацией переводимого слова. Очевидно, переводчик Иосиф Кречетовский и его редактор Гавриил Бужинский [Круглов 2011: 4] не смогли подобрать точно передающий значение русский эквивалент:

*Между оными числятся прибытокъ, и свободное онаго употребленіе, пожитокъ, жилье и въ немъ пребываніе, рабскіе услуги, и симъ подобная. Вещественныя паки раздѣляются на услуги, помѣстья гражданскаго и деревенскаго, таковыя суть личныя напримѣръ: услуга въ ношеніи бремене или тяжкихъ вещей, свѣтлостеи, что бы свѣтлостями не зашкодитъ **проспектамъ**, какъ устроить да бы другому не вредила капель съ строенія, и прочая* (Пуф. ДЧ, 1726)³ (в оригинале: *Illæ funt, v. g. servitus oneris ferendi, luminum, ne luminibus officiat, prospectus, stillicidii recipiendi, &c.* Примечание: *Quod in prospectu quis habet, ne quid ei officiat ad gratiores prospectum & liberum, Ibid. leg. xv.* [Pufendorfii 1758: 332], значение слова *prospectus* здесь — ‘обзор, вид’).

До конца 30-х годов XVIII века слово *проспект* употребляется только в этих трех названных значениях (‘план, чертеж, изображающий в масштабе на плоскости местность, сооружение и т. п.’, ‘обзор, вид’ и ‘изображение вида, пейзаж’):

*Описаніе сего придѣла и **проспектъ** наружный съ фундаментомъ онаго придѣла на мѣди изрядно изображенный можно видѣть въ *Tonpeel van Savoyen** (Прим. Вед. 1728 216).

***Прешпект** россійск. флота при Котлинѣ...* (из описи книг и «грыдорованных медных досок» Моск. Синод. Тип., 1731 г.) (ОДАС II 816, 1729)⁴.

*Въ присланномъ **проспектъ** церкви нумеровъ не подписано* (МАН I 87, 1731).

*Гость удивляется красовидному ихъ селенію, роцамъ, полямъ, потокамъ, горамъ и удолямъ, и далекимъ **проспектамъ*** (Пркп. СР III 192, 1734).

² Шифры источников XVIII в. даются по: Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования словарем. Указатель источников. Л., 1984. С. 58–142; см. также на сайте ИЛИ РАН: https://iling.spb.ru/departements/historical_lexicography/18c/sources.html. Источники XVIII века, не входящие в число источников словаря, перечислены в конце статьи.

³ Цитируется по НКРЯ.

⁴ Цитируется по НКРЯ.

Позже, в «Историческом описании одного театрального действия, которое называется опера» Якоба фон Штелина, существительное *проспект* употребляется для обозначения заднего плана театральных декораций (*В проспектъ видны были великолѣпныя триумфальныя ворота* (Прим. Вед. 1738 180)) и способа изображения объемных предметов на плоскости таких декораций (*Во второмъ дѣйствіи показывалъ театръ городъ Флоренцію въ проспектъ, со всѣми при немъ находящимися холмиками* (Прим. Вед. 1738 133)). Очевидно, что Штелин контаминирует значения слов *проспект* и *перспектива*, последнее появилось в русском языке примерно в то же время, что и *проспект*, или немного раньше, ср.:

Видѣль въ томъ монастырѣ палату, въ которой дѣлають комедіи, убрана перспективами, какъ обыкновенно бытъ въ комедіяхъ (Пут. Тлст. II 36, 1698–1699).

У него-жъ работали для строенія къ театру, преспективы писали живописцы, рамы къ нимъ дѣлали столяры (ДМТ 93, 1702).

Большаа послѣдняя картина содержитъ Персеуша, иже свободивъ Андромеду отъ звѣра морскаго вводитъ сію въ чертогъ свой... В перспективѣ гора к нейже бѣ привязана Андромеда (Врата 1704).

Для обозначения заднего плана декораций слово *проспект* употребляется Штелиным и позже: *Сквозь средніе триумфальныя ворота является въ проспектъ городъ и рѣка Москва, а надъ ними на горизонтѣ восходящее солнце* (Фейерв. 1749). В других источниках КС XVIII такие примеры единичны: *Заль въ трактирѣ съ двумя дверьми въ проспектъ, и двумя дверьми по бокамъ* (Левш. Слуга 136, 1795).

Существительное *перспектива* в начале XVIII века только осваивается русским языком и, как и слово *проспект*, имеет множество вариантов. Обращает на себя внимание тот факт, что до 1740 года вариант на *пре-* (чаще с *-ш-* в корне — *прешпектива*) в абсолютном большинстве случаев используется для обозначения аллеи или дороги, улицы. Так, из имеющихся в КС XVIII 35 примеров употребления до 1740 года слова *перспектива* и его вариантов не в значениях ‘аллея’ и ‘дорога’ только один фиксирует вариант *прешпектива*, в то время как там же имеется 10 относящихся к тому же периоду примеров использования для обозначения дороги или аллеи вариантов на *пре-* (*прешпектива* — 8 и *преспектива* — 2):

Я сани здѣсь покидаю, а гду водою (понеже Волховъ прошелъ) до прешпективы, а тамъ калясками (ПРГ I 136, 1723).

И гхали отъ помянутаго монастыря большою прешпективою, и мимо ямской слободы другою прешпективою, которая къ мосту чрезъ рѣку Фонтанну (Прим. Вед. 1736 1).

Однако «освоение “чужеземных” слов проявляется не только в появлении различных модификаций слова, но и в процессе включения их в русскую словообразовательную систему: возникают новообразования от иноязычных слов, в которых также отражается процесс варьирования» [Мальшева 2015: 472]. В XVIII в. от существительного *перспектива* образуются прилагательные *пер-*

спективный и *перспективный*, которые, в свою очередь, представлены в языке того времени рядом вариантов.

В использовании вариантов прилагательного *перспективный* наблюдается примерно такая же картина, как и в использовании существительного *перспектива*: из имеющихся в КС XVIII 5 примеров употребления прилагательного в сочетании со словом *дорога* три — варианты на *пре-* (из 12 других случаев на *пре-* только один): *Которые торгуютъ на Адмиралтейской сторонѣ на мосту на преспективной дорогѣ .. отнюдь бы не торговали* (ПСЗ V 592, 1718).

Прилагательное *перспективная*, употребляющееся в этот период только как определение существительного *дорога*, используется только в вариантной форме на *пре-*:

Дорога преспективная очень худа, а особливо чрезъ мосты высокіе, которые чрезъ рѣки многія не крѣпки (ПРГ I 137, 1723).

Позади тѣхъ лесовъ учинены грани и прочищены прешпективныя дороги (ВТС III 713, 1727).

Такую же форму имеет и субстантивированное прилагательное: *Его Величество слушалъ всенощное и ночевалъ у прешпективной* (ЖКФ 1720 36).

Какую именно дорогу называли *перспективной*, *преспективной* или *перспективной*? Во-первых, не вызывает сомнения, что так называли аллею, то есть дорогу или дорожку, обсаженную по обеим сторонам деревьями или кустарником: *Передъ той церковью поставляется стѣнь, сдѣлана такъ, какъ дѣлается въ садахъ прешпективы* (Пут. Глст. 357, 1697–1699).

Л. Гальди отмечает, что значение ‘аллея’ у слова *перспектив* приводит Вейсманов лексикон, а также Н.А. Смирнов в своем «Словаре иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого»⁵, и высказывает мнение, что появление у слова этого значения обусловлено влиянием французского языка [Гальди 1958: 22–23].

Имеющиеся в КС XVIII примеры показывают, что выражением *перспективная/преспективная/перспективная дорога*, а также словом *преспективная* называли не только специально обсаженную деревьями дорогу, но и прорубленную среди деревьев:

Позволяется прешпективныя дороги, или алеи въ такихъ роцахъ прорубать (ПСЗ VII 85, 1723).

По обѣимъ сторонамъ преизрядные виды просѣченныхъ въ лѣсу перспективныхъ дорогъ (Прим. Вед. 1738 180).

Такую специально прорубленную дорогу, широкую и проложенную прямо, отличали от узкой проселочной дороги: *Я сюда доехалъ черепомъ, а отсель черепа по дорогѣ, гдѣ подводы стоятъ, нѣтъ; а проселачная уска; также і на преспективной, сказывают, черепу нѣтъ* (ПРГ I 36, 1723).

Существительное *перспектива* сохраняет до конца 80-х годов значение ‘прямо проложенная широкая дорога’ и употребляется как в качестве нарицательного, так и в составе названия улиц:

---

⁵ Л. Гальди имеет в виду следующее издание: Смирнов Н.А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. (Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого). Сб. ОРЯС. СПб., 1910. Т. 88, №2. С. 27–360.

*Во Мценскѣ переночевавъ на другой день прежде полдень отправились мы далее въ путь начиная оный въездомъ на нагорную крутую сторону широкою **перспективою**, къ щастью путешественниковъ нынѣ плитнякомъ хорошо вымощенною (Пут. Зуева 110, 1781–1782).*

*На Васильевскомъ острову въ 10 линіи между большою и малою **перспективами** продается на камѣнномъ фундаментѣ деревянной домъ (Спб. в. 1780 Приб. к №1).*

Однако примеры такого употребления слова *перспектива* в 90-е годы уже отсутствуют.

В значении ‘прямо проложенная широкая дорога, улица’ словосочетание *прешпективная дорога/улица* и существительное *першпективная* также используются до начала 90-х годов XVIII века, однако уже с 60-х годов примеры такого употребления единичны, чаще эти слова входят в состав названий улиц:

*На Васильевскомъ острову въ пятой линіи блиско малой **першпективной** желающимъ нанять или купить Академіи Наукъ Профессора Миллера деревянно домъ .. о цѣнѣ могутъ осведомиться (Спб. в. 1760 20).*

*Церковь Трехъ Святителей во второй части города по **Прешпективной** улице (Оп. Ирк. нам. 67, 1790).*

На наш взгляд, варианты на *пре-* слов *перспектива* и *перспективный* либо сами являются результатом контаминации, либо, что представляется более вероятным, в реальной языковой практике легко контаминируют с лексемой *проспект*, имеющей также варианты на *пре-*, в результате чего во второй половине XVIII века помимо уже перечисленных выше значений у слова *проспект* появляются значения ‘аллея’ и ‘прямо проложенная широкая дорога’:

*При сем Новом Царствующемъ Граде столко множество преизрядныхъ и великихъ садовъ, которые насаждени всякими заморскими деревьями, также различными плодами и цветами умноженныя, **прешпектами** и алеями учрежденныя, фонтанами и кашкадами, и различными историческими статуями украшенныя, которые хотя б за двести бы лет или несколько сот лет при какомъ бы старожитномъ городе, такія преславныя сады находились, какъ здесь в Новомъ Городе имеются (А.И. Богданов. Описание Санктпетербурга, 1751)⁶.*

*По полудни <...> Ея Императорское Величество <...> соизволили проходить за эрмитажъ и смотрѣть вновѣ сдѣланныхъ **прешпектовъ** и дорогъ на Английскій манеръ (ЖКФ 1774 450).*

*Прошу изъяснить способъ, какъ бы лучше и способнѣе расаживать по **проспектамъ** липы (СЖ II 153, 1779).*

*Я пріѣхалъ въ знакомый мнѣ, на Невскомъ **преспектѣ**, домъ и стѣль подѣ окошкою (А.С. Шишков. Записки, 1780–1814)⁷.*

О контаминации слов наглядно говорит, в частности, появление варианта *першпекта*, который можно назвать «промежуточным»: *Поѣхали въ каретахъ гулять на Васильевской Островъ, мимо биржи, на большую **першпективу**. Недоѣзжая до галерной гавани, воротились, и тамъ съ большою **першпекты** поворотили по осьмой линіи на среднюю (Зап. Пор. 320, 1765).*

⁶ Цитируется по НКРЯ.

⁷ Цитируется по НКРЯ.

В свою очередь, у прилагательного *преспективая/прешпективая* появляются варианты на *про-*:

*Онъ сбиль бы меня съ себя, еслибъ по особливому моему счастью не случилось скакать ему симъ образомъ по прямой и огражденной съ обѣихъ сторонъ пряслами **прошпективной** дорогъ, ведущей прямо къ зятниной мельницѣ* (Зап. БлТВ I 218, 1753).

*Театръ перемѣняется и представляетъ вдали домъ, по сторонамъ оранжерейныя деревья поставленныя на **проспективной** дороге* (Судьба дерев. 22, 1782).

К концу XVIII века значение ‘прямо проложенная широкая дорога, улица’ уверенно закрепляется за словом *проспект*, которое употребляется и в составе устоявшихся названий улиц: *Между тѣмъ они ѣдутъ въ одной каретѣ по Нѣвскому **проспекту**: въ окошкѣ одного дома стояла превеликая собака* (Спб. М. II 141, 1793). С начала XIX в. существительное *проспект* полностью вытесняет на картах и планах слова *преспектива* и *першпективая*, которые до 90-х годов использовались для обозначения широких и прямых улиц (ранее слово *проспект* встречалось только в значении ‘изображение вида, пейзаж’, ср.: *План столичнаго города Санктпетербурга съ изображеніемъ знатнѣйшихъ онаго **проспектовъ*** (1753)). Устойчивость использования варианта *проспект*, его широкая распространенность свидетельствуют о завершении продолжавшегося в течение века процесса освоения русским языком слова *проспект*. Этот процесс осложнялся контаминацией с лексемой *перспектива* и ее производными, обусловленной, в частности, наличием у этих слов сходных вариантов на *пре-* и *про-*, соотносимых с варьированием русскоязычных приставок *пре-* и *про-*.

Источники

- КС XVIII — Картотека «Словаря русского языка XVIII века» (Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН)
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 09.10.2020)
- Pufendorfii S. «De Officio Hominis & Civis Juxta Legem Naturalem Libri Duo» Londini: impensis G. Thurlbourn, 1758. [Электронный ресурс]. URL: <http://lawlibrary.wm.edu/wythepedia/library/PufendorfDeOfficioHominis1758.pdf> (дата обращения 09.10.2020)

Литература

- Гальди Л. Слова романского происхождения в русском языке. М., 1958.
- Круглов В.М. Предисловие // Пуфендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному: русский перевод 1726 г. / Лингвистическое издание, словоуказатель, комментарии подг. В.М. Круглов: в 2 т. Т. I. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 3–4.
- Малышева И. А. Вариантность в языке деловых памятников начала XVIII века // Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие. Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого / Отв. ред. О.Н. Крылова, М.Н. Приемышева. СПб., 2015. С. 463–475.
- Проект — Словарь русского языка XVIII века. Проект / Отв. ред. Ю.С. Сорокин. Л., 1977.

Кузнецова Ирина Евгеньевна; Институт лингвистических исследований РАН, 199053, г. Санкт-Петербург; Тучков пер. д. 9; научн. сотр.; e-mail: kuznetsova4irina@rambler.ru

Для цитирования. Кузнецова И.Е. Освоение заимствований, имеющих варианты на *пре-* и *про-*, соотносимые с русскими приставочными образованиями на *пре-* и *про-* (существительное *проспект*) // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2020. Вып. 3. С. 56–62. DOI 10.30842/26583755202003

References

- Gal'di, L. (1958). Slova romanskogo proiskhozhdeniya v russkom yazyke. Moscow. (In Russ.)
- Kruglov V.M. (2011). Predislovie // Pufendorf S. O dolzhnosti cheloveka i grazhdanina po zakonu estestvennomu: russkij perevod 1726 g. / Lingvisticheskoe izdanie, slovoukazatel', komentarii podg. V.M. Kruglov: v 2 t. T. I. SPb.: Nestor-Istoriya Publ. P. 3–4. (In Russ.)
- Malysheva I. A. (2015). Variantnost' v yazyke delovyh pamyatnikov nachala XVIII veka // Akademik A.A. Shakhmatov: zhizn', tvorchestvo, nauchnoe nasledie. Sbornik statej k 150-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo / Otv. red. O.N. Krylova, M.N. Priemysheva. SPb. P. 463–475. (In Russ.)
- Proekt 1977 — Slovar' russkogo yazyka XVIII veka. Proekt / Otv. red. Yu.S. Sorokin. Leningrad. (In Russ.)

Irina E. Kuznetsova, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Research Officer, 9 Tuchkov per., 199053, Saint Petersburg, Russian Federation. E-mail address: kuznetsova4irina@rambler.ru

For Citation: *Kuznetsova I.E.* Mastering borrowings that have options for *pre-* and *pro-*, correlated with Russian prefixed formations for *pre-* and *pro-* (noun *prospectus*). *Slavyanskaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya* [Slavic historical lexicology and lexicography], 3, pp. 56–62. DOI 10.30842/26583755202003 (In Russ.)

S. Ragasova
A.A. Khusnutdinov

C. Рагасова
А.А. Хуснутдинов

WORDS OF THE ISLAMIC THEME IN RUSSIAN (TO A LEXIC GROUP FORMING)

СЛОВА ИСЛАМСКОЙ ТЕМАТИКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (К ФОРМИРОВАНИЮ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ГРУППЫ)

Аннотация. Распространение ислама и возрастание его влияния на экономические, социальные и политические процессы в мире находит отражение в разных языках. С этим связано, в частности, проникновение в словарный состав разных языков слов, значение которых так или иначе связано с исламом как мировой религией и мусульманской культурой. В статье эта лексическая группа определяется как «слова исламской тематики». Пути проникновения слов исламской тематики и процессы их освоения в разных языках могут отличаться, что может быть связано с историей и культурой народа — носителя данного языка, его контактами с другими народами и т. д. Особый интерес в этом плане представляет русский язык, который отражает в своем словарном составе особенности межъязыковых контактов, которые имели место в истории России.

Актуальность изучения слов исламской тематики определяется также рядом происходящих в наши дни процессов: распространение ислама как мировой религии и рост в мире числа лиц, исповедующих ислам и причисляющих себя к мусульманам; миграция мусульманского населения в «немусульманские» регионы; рост числа прямых контактов мусульманского и немусульманского населения («соседское» проживание, совместная работа, совместное обучение детей в школе, смешанные браки и т. д.); расширение возможностей коммуникации и обмена информацией (интернет, СМИ и др.), а также такие особенности современной общественно-политической и экономической ситуации в мире, как обострение борьбы за сферы влияния в разных регионах земного шара и за превосходство в определенных областях науки и жизни, радикализация политических движений, разрастание конфликтов на этнической и религиозной почве, активизация религиозного экстремизма, разползание по миру терроризма и т. д.

В русском языке имеется значительный пласт слов исламской тематики, который складывается на протяжении нескольких столетий (*Аллах, визирь, дервиш, ислам, мечеть, минарет, намаз, Рамадан, чадра, эмир* и др.). Они активно используются в современной русской речи не только в общении людей, проживающих в регионах, где основной религией является ислам, но и в общении людей «немусульманских» регионов России.

Группа слов, тематически связанных с исламом и мусульманской культурой, осваивается русским языком на протяжении нескольких столетий. Для данной статьи из всего массива слов выбирается несколько лексических единиц (*басурман, ислам, магометанин, халаль* и их производные), чья история функционирования с момента их фиксации до настоящего времени представляет различные способы и пути освоения русским языком слов исламской тематики. Такое исследование дает возможность проследить и описать весь процесс формирования данной группы лексических единиц в словарном составе русского языка, их место в языке и соотношение с другими единицами. Исследование истории слов исламской тематики позволяет также увидеть и объяснить многие особенности использования самих этих слов в современной русской речи.

Наблюдения над особенностями функционирования слов исламской тематики в русском языке показывают, что данная группа слов является необходимой частью словарного состава, а выражаемые этими лексическими единицами значения входят в общую семантическую систему русского языка, покрывая свой участок в его понятийной сети. Отмечается также постоянное пополнение этой группы слов новыми единицами и их активизация в устной и письменной речи. Этим определяется важность полноценного научного, в том числе и лексикографического, описания слов исламской тематики в русском языке, их истории с момента появления в языке до современного состояния. Такое описание необходимо для кодификации этих единиц, определяющей возможности их корректного использования в разных речевых ситуациях.

Ключевые слова: русский язык, ислам, мусульманская культура, слова исламской тематики, заимствование слова, освоение заимствованных слов, история слова в языке

Summary. The spread of Islam and its increasing influence on economic, social and political processes in the world is reflected in different languages. This is connected, in particular, with the penetration into the vocabulary of different languages of the words, which meanings are somehow related to Islam as a world religion and Muslim culture. In the article, this lexical group is defined as “words of Islamic theme”. The ways of penetration of Islamic-related words and the processes of their development in different languages may differ, what may be connected with

the history and culture of the people who are native speakers of this language, their contacts with other peoples, etc. Of particular interest in this regard is the Russian language, which reflects in its vocabulary the features of interlanguage contacts that took place in the history of Russia.

The actuality to study the words of Islamic theme is also determined by a number of processes which take place today: the spread of Islam as a world religion and the growing number of people in the world professing Islam and concerning themselves as Muslims; Muslim migration to "non-Muslim" regions; increasing of direct contacts between the Muslim and non-Muslim population ("neighborly" living, common work, common education of children at schools, mixed marriages, etc.); expanding the possibilities of communication and information exchange (Internet, media, etc.), as well as such features of the current socio-political and economic situation in the world as the intensification of the struggle for spheres of influence in different regions of the globe and for supremacy in certain areas of science and life, the radicalization of political movements, the growth of ethnic and religious conflicts, the intensification of religious extremism, the spread of terrorism around the world, etc.

In the Russian language there is a significant stratum of Islamic-themed words that has developed over several centuries (Allah, vizier, dervish, islam, mosque, minaret, namaz, Ramadan, chadra, emir, etc.). They are actively used in modern Russian speech not only in the communication of people living in the regions where Islam is the main religion, but also in the communication of people in the "non-Muslim" regions of Russia.

A group of words thematically related to Islam and Muslim culture has been developed by the Russian language for several centuries. For this article, from the entire array of Islamic-related words, several lexical units are selected (basurman, islam, mohammedan, halal and their derivatives), which functioning history from the moment of their fixation to the present shows various ways and ways of mastering Islamic-language words in Russian. Such a study makes it possible to trace and describe the entire process to form this group of lexical units in the vocabulary of the Russian language, their place in the language and the relationship with other units. A study of the history of Islamic-related words also allows seeing and explaining many characteristic features of these words usage in contemporary Russian speech.

Observations on the peculiarities how the Islamic-language words function in the Russian language show that this group of words is a necessary part of the vocabulary, and the meanings expressed by these lexical units are a part of the general semantic system of the Russian language, covering its place in its conceptual system. The constant replenishment of this group of words with new units and their activation in oral and written speech is also stated. This determines the importance of a full scientific, including lexicographic, description of Islamic-related words in the Russian language, their history from the moment of their appearance in the language to the current state. Such a description is necessary for the codification of these units, which determines the possibility to use them correctly in different speech situations.

Keywords: Russian language, Islam, Muslim culture, Islamic-related words, borrowing words, borrowed words developing, word history in a language

Распространение ислама и возрастание его влияния на экономические, социальные и политические процессы в мире находит отражение в разных языках. С этим связано, в частности, проникновение в словарный состав разных языков слов, значение которых так или иначе связано с исламом как мировой религией и мусульманской культурой (такие слова мы будем определять как «слова исламской тематики»). Эта часть словарного состава в каждом из языков требует полноценного научного (в том числе и лексикографического) описания, что имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

Актуальность изучения слов исламской тематики определяется рядом происходящих в наши дни процессов: распространение ислама как мировой религии и рост в мире числа лиц, исповедующих ислам и причисляющих себя к мусульманам; миграция мусульманского населения в «немусульманские» регионы; рост числа прямых контактов мусульманского и немусульманского населения («соседское» проживание, совместная работа, совместное обучение детей в школе, смешанные браки и т. д.); расширение возможностей коммуникации и обмена информацией (интернет, СМИ и др.), а также такие особенности современной общественно-политической и экономической ситуации в мире, как обострение борьбы за сферы влияния в разных регионах земного шара и за превосходство в определенных областях науки и жизни, радикализация политиче-

ских движений, разрастание конфликтов на этнической и религиозной почве, активизация религиозного экстремизма, расползание по миру терроризма и т. д.

Актуальность всестороннего научного изучения слов исламской тематики определяется еще и тем, что возникновение непонимания и конфликтных ситуаций между мусульманами и немусульманами обычно связано либо с незнанием особенностей исламской религии и мусульманской культуры (чаще всего в бытовом общении), либо с сознательным использованием такого незнания для достижения преследуемых автором целей (обычно националистического или антиисламского характера). Одной из причин этого является недостаточность объективной и доступной информации, в частности то, что значительное число слов исламской тематики, активно используемых в живой речи, или просто не фиксируется современными словарями, или в их лексикографическом описании отмечается неполнота, неточность и даже искаженность представляемых сведений. Именно этим в большинстве случаев объясняется некорректное использование слов исламской тематики в устной речи, СМИ и в сети интернет. Отсюда следует вывод о необходимости объективного и научно корректного описания слов исламской тематики как части словарного состава языка и их «кодификации» (в широком смысле), что позволит избегать ошибок в использовании таких слов и распознавать случаи целенаправленного манипулирования ими в устной и письменной речи. Научное описание слов исламской тематики предполагает не только изучение особенностей функционирования их в современной речи, но и исследование истории этих слов с момента их появления в языке до современного состояния.

Пути проникновения слов исламской тематики и процессы их освоения в разных языках могут отличаться, что связано с историей и культурой народа — носителя данного языка, его контактами с другими народами и т. д. Особый интерес в этом плане представляет русский язык, который в своем словарном составе отражает особенности межъязыковых контактов, имевших место в истории России.

В русском языке имеется значительный пласт слов исламской тематики, который складывается на протяжении нескольких столетий (*Аллах, аят, аятолла, ваххабизм, визирь, дервиш, джихад, имам, ислам, исламизм, Мекка, мечеть, минарет, моджахед, мулла, мусульманин, Коран, Курбан-Байрам, навруз, намаз, Рамадан, сура, ураза, хадж, хиджаб, халиф, халяль, харам, чадра, шариат, шахид, шейх, эмир* и др.). Они активно используются в современной русской речи не только в общении людей, проживающих в регионах, где основной религией является ислам, но и в общении людей «немусульманских» регионов России. Для данной статьи из всего массива слов исламской тематики в русском языке выбрано несколько лексических единиц (с их производными), история функционирования которых представляет различные способы и пути освоения языком иноязычных элементов. Укажем на несколько таких процессов, особенности каждого из которых иллюстрирует выбранное нами слово.

1. Басурман. Исследователи считают, что это слово пришло в русский язык еще в домонгольский период и могло быть перенято русскими от половцев или волжских болгар. Отмечается, что слово *басурман* возникло путем

трансформации арабского слова *муслим*; слово это, попадая в языки других мусульманских народов, прежде всего в тюркские диалекты и языки, подверглось фонетической трансформации и в ряде языков, например в киргизском и кумыкском, получило форму *бусурман* (см. об этом [Благова 1969], [Огиенко 1915] и др.). Ср. также: «**басурман, бусурман** “нехристь, мусульманин”, др.-русск. *бесурменинь*, Ипатьевск. под 1184 г. Заимств. из тат., казах., *musulman*, тур. *müslim, müslümân*, народн. *müsürman*. Особенно близки русск. формам тюрк. формы с *b-*, напр. кирг. *busurman*, кумык., балкар. *busurman*; <...> *b-* имеется также в кыпч. и волжско-болг. Источником этих слов является перс. *muslimân* (мн.) из араб. *muslim* <...>» (Фасмер² I: 132–133), «**бесерменин** «мусульманин», др.-русск. *бесерменинь*, Афан. Никит. 14; чаще в XVI в., также *бесурменинь*, Лаврентьевск. под 1262 г., *бесерменьство*, Афан. Никит., *бесерменскъ*, Палея XIV в.<...>» (Там же: 160), «**бусурман** «язычник», др.-русск. *бусурмань* — то же, Задонщина <...>» (Там же: 251–252).

Наблюдения показывают, что слово *бусурман* (в различных вариантах) весьма активно функционирует в русском языке уже несколько столетий. Оно употреблялось в трех значениях, причем каждое из них сохраняет свою активность и в современной речи, ср.: (1) *Неодобр., часто пренебр.* Человек, исповедующий ислам; азиат, турок. *Как на Казань ходили, так в ту пору он, князек-то, приотстал да и другим воеводам заказывал не трогать басурман... трусоват был под Казанью он, так вот...* Ал. Алтаев, Гроза на Москве¹. *Взял он с собой десяток казаков да проводника-киргиза — хороший был товарищ, хоть и басурман, — и в пески ушел.* Б. Васильев, Были и небыли. *Кстати, я собираюсь на зиму перебраться в Марокко или Алжир. Говорят очень мило — только басурман многовато. Что сейчас модно?;* (2) *Неодобр., часто презр.* Иноверец, человек не православной веры; безбожник, язычник. <Приказчик> *закричал: — Ах вы нехристи, басурманы... что вы молчите, разве я не приказчик Матвей Соколов?* Лермонтов, Вадим. *Замоскворецкие жители жалели его, как человека погибшего, или презирали его, как басурмана, который не ходит в баню по субботам и по постам ест скоромное.* А. Н. Островский, Записки замоскворецкого жителя; (3) *Неодобр., часто пренебр.* Иноходец, иностранец. — *И нужно было нанимать в дядьки басурмана, как будто у барина не стало и своих людей!* Пушкин, Капитанская дочка. *Вот затрещали барабаны, И отступили басурманы.* Лермонтов, Бородино. <Это> *всего лишь сообщение о том, как дела обстоят у басурман и как это следует учитывать тому, кто поедет в Индию.* М. Соколов, Мусульмане и англосаксы.

Как видно из примеров, слово *бусурман* в русском языке имело обычно негативную эмоционально-экспрессивную окраску: оно, как правило, использовалось с неодобрением, а часто и для выражения пренебрежительного и даже презрительного отношения говорящего к объекту наименования. Аналогичную окраску имеют и производные от слова *бусурман* и его варианты, например: *А будет кого бусурмане какими либо мерами насильством или обманом русскаго человека к своей бусурманской вере принудит, и по своей бусурманской вере обрежет, а сыщется про это допряма, и того бусурмана по сыску казнить,*

¹ Примеры цитируются по Национальному корпусу русского языка (НКРЯ).

сжечь огнем безо всякого милосердия. А кого он русскаго человека **обусурманит**, и того русскаго человека отослать к Патриарху, или к иной власти, велети ему учинит указ по правилам Святых апостол и Святых отец. Ислам в Российской Империи (законодательные акты, описания, статистика). Мы чувствуем и кланяемся сестрице твоей, а нашей господыне, великой княгине Софье Фоминишне за то, что она Русь нашу полюбила паче своей родной земли (да стоит ли упоминать об этой соромной земле, которую поедает поганый **бесермен**, аки татарская саранча). Лажечников, Басурман. А как же, девынька, надо было закон соблюсти, не **басурманка** я какая! Д. Мордовцев, Москва слезам не верит. Во втором мсн залез другой турок и, видать, желая новую жену в гарем, мечтал познакомиться! **Бесермен** проклятый! : -) нет, не настолько он меня увлекает. Твоя подпись в статусе (ICQ переписка). См. также материалы словарей (СРЯ XVIII 1: 149; Даль 1989 1: 164).

В современных словарях слово *басурман* квалифицируется как устаревшее и употребляющееся бранно или с неодобрением, ср.: «**БАСУРМАН**, а, мн. басурмане, ман, м. Устар. Неодобр. Человек иной веры (обычно о мусульманине); иноверец. [Кирилл] последнее время дружбу с басурманом Алисом свел. Алис — шемаханский персиян, — веры нашей не понимает. С. Бород. Дм. Донской. ◊ Бранно. [Приказчик] закричал: — Ах вы нехристи, басурманы... что вы молчите, разве я не приказчик Матвей Соколов? Лерм. Вадим. [Федосья:] Ты, басурман, сними шапку-то! М. Горький. Последние. // Иноземец (обычно с оттенком неодобрительности). — И нужно было нанимать в дядьки басурмана, как будто у барина не стало и своих людей! Пушкин. Кап. Дочка. Вот затрещали барабаны, И отступили басурманы. Лерм. Бородино» (БАС 1: 412–413). Здесь следует указать, что помета «устар.» при этих словах не соответствует их реальному употреблению в современной русской речи: слово *басурман* и его производные, а также их варианты активно используются в устном общении, в сети интернет, СМИ, в художественных и нехудожественных текстах разных типов и жанров.

Отметим также, что в современной речи у слов *басурман* и *басурманка* формируется новое значение — ‘шалун, озорник, проказник’. В этом значении они используются по отношению к людям, которые поступают не так, как следует, совершают поступки, вызывающие неодобрение окружающих, например: *А потом оказалось, что Юлька, блаженная, подседа на что-то, периодами ничего не втыкает, ни где остров Баян, ни где север, ни где юг, сидит, улыбается только, снежинки считает, в носу ковыряет, как басурманка* *какая, про космос не слышит, советов не слушает.* В. Дергачёва, Монологи. *Мальчишки опять в огород залезли, все гряды истоптали. Вот басурманы!* (из устной речи). В таком значении эти слова могут употребляться и по отношению к животным, ср.: *Гляди, басурманка* *какая <о кошке>, на стол залезла!* (из устной речи). Это значение отмечают и некоторые словари, например: «**БАСУРМАН**, -а, мн. -мане и -маны, -ман и -ов; м. 1. Устар., неодобр. Человек иной веры (преимущественно о мусульманине); иноземец; иноверец. 2. Шутл. О чрезмерно шаловливом, озорном, непослушном ребенке. *Опять босиком бегаешь, б!* <Ба-

сурманка, -и; *мн. род.* -нок, *дат.* -нкам; *ж.* **Басурманский**, -ая, -ое (1 зн.). **Басурмански**, *нареч.*» (БТС: 61).

Таким образом, слово *басурман* отражает один из путей проникновения и распространения слов исламской тематики в русском языке: слово попадает в русский язык сразу в нескольких вариантах и значениях, быстро закрепляется в устной и письменной речи и обрастает производными словами, новыми формами и значениями. Как показывают материалы толковых словарей и тексты, размещенные в «Национальном корпусе русского языка», в современной русской речи активно употребляются также слова *басурманить*, *басурманка*, *басурманский*, *басурманщина*, *бусурман*, *бусурманский*.

2. Ислам. Исламизм. Иную историю в русском языке имеют слова *ислам* и *исламизм* и их производные. Само слово *исламизм* появилось в середине XVIII века во Франции и впервые было использовано Вольтером в значении ‘религия Могамета’. В таком значении оно стало употребляться во всей Европе на протяжении XVIII–XIX веков (например, в словаре «New English Dictionary» (1900) *исламизм* характеризуется так: «The religious system of the Moslems; Mohammedanism» — религиозная система мусульман, магометанство). В XX в. это слово было вытеснено арабским термином *ислам*, но в конце века слово *исламизм* вновь становится актуальным, когда возникает необходимость отграничить *ислам* от его политического варианта [Krammer]. В XIX в. и до конца XX в. слова *ислам* и *исламизм* воспринимались как дублиеты и использовались для обозначения мусульманской религии, ср.: «**ИСЛАМ**, исламизм м. мохамеданство, мусульманство, вера Мохамеда; в переводе: путь ко спасению» (Даль 1989 2: 52); «**ИСЛАМИЗМ**, исламизма, *мн. нет*, м. (религ.). Религиозная система ислама» (Ушаков 1: 1235); «**Исламизм**, а, м. Вероучение ислама» (ССРЛЯ 5: 473). В этом же словаре фиксируется и производное от *исламизма* прилагательное *исламистский* как ‘относящийся к исламу’ (Там же: 474).

В современном русском языке слова *ислам* и *исламизм*, а также их производные *исламский* и *исламистский* расходятся в значениях: слово *исламизм* используется для обозначения крайне радикального политического течения в исламе, ср.: «**Исламизм**, а, м. Полит. = Исламский фундаментализм», «**Исламский фундаментализм**. Полит. религиозно-политическое течение некоторых мусульманских организаций, основанное на крайней ортодоксальности, неприимости к другим вероисповеданиям и использующее в своей политике экстремистские и террористические методы; исламизм» (ТС XXI: 427). Однако в живой речи эти слова часто не разграничиваются, поэтому обычными являются сочетания *исламский экстремизм*, *исламский терроризм* и т. п. Такие контексты попадают и в иллюстративный материал словарей, ср.: «**Исламский терроризм** уже не обходит Россию. Многие улики, хотя твердых доказательств пока еще нет, указывают на участие **исламских экстремистов** в осенних терактах против жилых домов в Москве, Волгодонске и Буйнакске, в результате которых погибло около 300 человек. <...>» (Там же). Неразграничение названных имен существительных и прилагательных является не только некорректным, но и недопустимым, так как способствует формированию негативного

отношения к исламской религии и к мусульманам, распространению исламофобии, разжиганию религиозной вражды и национальной розни.

Таким образом, история слов *ислам* и *исланизм* показывает еще один путь слов исламской тематики в русском языке: слова, бывшие первоначально дублетами и использовавшиеся в разные исторические периоды с отчетливым стремлением вытеснить друг друга из активного лексического фонда, в наши дни расходятся в значениях и обретают свое место и в словарном составе русского языка, и в его семантической системе.

3. Магометанин. Слово *магометанин* (варианты *мухамеданин/махомеданин*) достаточно быстро было освоено русским языком, на что указывают производные от него: *магометане*, *магометанский*, *по-магометански*. Слово *магометанин* образовано от имени пророка Мухаммеда (Магомета) по аналогии со словом *христианин*. В таком же значении оно использовалось в русском языке: *христианин* — последователь учения Христа, *магометанин* — последователь учения Магомета. Например: «<...> *Въ той же полатке на полуденной стене сделано место, где магометане приходя молятся.* Арс. Сух. Проскинитарий, 186. 1653 г. *И ночевали въ селе Аримафеи; тутъ живутъ все махометане.* Там же, 90. *Северный, уже двоеглавный орел и благоверный поразитъ вас всех махметановъ поганов.* Спафарий. О сивиллах, 1 об. 1672 г. *Сей злодей веру свою черырежды пременил...кафоликъ сый сталъ протестантъ, потомъ грекъ, а въ конецъ магометанинъ.* ДАИ XII, 389. 1696 г.» (СлРЯ XI–XVII 9: 7).

В словарях современного русского языка фиксируются слова *магометане*, *магометанец*, *магометанин*, *магометанка*, *магометанство*, например: «**МАГОМЕТАНЕ**, -тан; *мн.* Устар. Последователи магометанства; мусульмане. *Правоверные м.*», «**МАГОМЕТАНСТВО**, -а; *ср.* Устар. Мусульманство, ислам» (БТС: 512); «**МАГОМЕТАНЕЦ**, -нца, *м.* Устар. То же, что магометанин», «**МАГОМЕТАНИН**, а, *мн.* магометане, тан, *м.* Устар. Мусульманин» (БАС 9: 404) (см. там же *магометанка*, *магометанский*, *по-магометански*, *магометанство*). Словари нашего времени отмечают указанные слова как устаревшие синонимы слов *мусульманин*, *мусульманка*, *мусульманский*, *мусульманство* (вероятно, по причине того, что слова *магометанин*, *магометанство* и т. п. имели более активное употребление в прошлую эпоху).

Однако слова *магометанин* и *мусульманин* нельзя рассматривать как дублеты или как полные синонимы: слово *магометанин* имеет ярко выраженную негативную окраску, так как оно не только указывает на лицо, исповедующее ислам, но и выражает пренебрежительное (а иногда и презрительное) отношение говорящего к объекту именованного. Эта негативная окраска отчетливо прослеживается в большинстве контекстов, в которых используется данное слово, например.: *Магометане вновь продемонстрировали свое презрение к русским* (заголовок статьи в СМИ); *На видео видно, как молодой марокканский исламист гуляет по ночному городу Вербье и поёт «молитвы», где просит Аллаха уничтожить всех христиан. Поющий магометанин является сыном марокканского имама Эль-Алами Амауча, который ведёт активную деятельность в Бельгии* [статья из сети интернет]. Наличие у слов *магометанин*, *магометанка*, *магометанский*, *магометанство* негативной окраски не случайно. Согласно

исламской догматике, человек не может поклоняться никому другому, как только Богу. Название религии по имени пророка Мухаммада у мусульман воспринимается так, будто они поклоняются не Богу, а пророку Мухаммаду, который, в отличие от христианской догматики, являлся простым человеком и не был наделен божественными качествами. А поклонение человеку или приписывание ему божественных качеств в исламе считается большим грехом. Поэтому употребление слова *магометанин* для обозначения мусульман самими мусульманами воспринимается как оскорбительное.

Таким образом, история пары слов *магометанин* и *мусульманин* отражает еще один путь освоения слов исламской тематики в русском языке: слово *магометанин* в процессе своего функционирования в языке приобретает ярко выраженную негативную эмоционально-экспрессивную окраску, которая передается и другим словам, связанным с ним словообразовательными отношениями (*магометанка, магометанство, магометанский*). Такая негативная окраска накладывает существенные ограничения на использование этих слов в речи, в особенности в общении с лицами, исповедующими ислам или причисляющими себя к мусульманам. Эта особенность, по нашему мнению, должна учитываться при лексикографической разработке названных выше слов в словарях русского языка, которая должна быть дополнена обязательным указанием на их негативную — пренебрежительную и даже презрительную — эмоционально-экспрессивную окраску, а само это указание, в свою очередь, может быть дополнено информацией, объясняющей причины наличия у этих слов такой негативной окраски. Эти сведения помогут пользователю существенно ограничить употребление указанных слов в своей речи, в частности исключить использование их в «нейтральных» контекстах. С другой стороны, такие сведения дадут возможность носителям языка сознательно подходить к выбору слова для обозначения представителей исламской религии, что особенно важно для публичной речи, адресованной или доступной широкому и неопределенному кругу лиц (СМИ, интернет и т. д.).

4. Халяль. Это слово вошло в русский язык уже в наши дни. В исламской и исламоведческой литературе этим словом обозначается все то, что дозволено мусульманину и не противоречит догмам исламской религии, включая поведение человека, питание, напитки и т. д. (противопол. *харам*). В таком значении оно употребляется и в современной речи, например: *Халяль в переводе с арабского — «то, что разрешено Аллахом». За пределами исламского мира термин относится, в основном, к продуктам питания. Но халяль не ограничивается этим. Амина Ахмед Мохаммед, представитель Международного центра сертификации «Халяль»: халяль — это не только еда! Это может быть и еда, и косметика, и фармацевтические материалы и товары, которые соприкасаются с пищей, это может быть и кожа. Все это попадает в категорию «халяль»* [статья из сети интернет]. *Полки мясных отделов крупных магазинов все чаще пустеют в тех местах, где еще утром выкладывали упаковки, маркированные странным восточным словом «халяль». Какая пища не относится к халялю? Шариат запрещает есть свинину, мясо хищных птиц и наземных плотоядных животных. Кроме того, нельзя употреблять в пищу мясо живот-*

ных, которые погибли от удушения или травмы, а также мясо неизвестного происхождения и кровь животных. Категорически запрещен и алкоголь. К. Котова Что такое халяльные продукты?

Особые требования, предъявляемые к продуктам *халяль*, выводят на первый план в значении этого слова семантический признак, который может быть обозначен как 'не содержащий вредных для здоровья веществ, безопасный для здоровья, экологичный', ср.: *Согласно стандартам сертификации «Халяль», животное должно быть здоровым, забой должен происходить гуманным методом: одно животное не должно видеть, как забивают другое; забивать должны быстро и остро отточенным ножом путём перерезания шейной артерии; в это же время забойщик произносит молитву «Бисмилляхи Рахмани Рахим», в переводе с арабского «во имя Аллаха Милостивого и Милосердного». Поэтому в стандарт «Халяль» входит понимание экологичности продукции. Понятие «халяль», таким образом, означает, что продукт натуральный, без вредных примесей. Могут ли куриные яйца быть не халяль?*

Активизация этого семантического признака в значении слова *халяль* позволяет значительно расширить его сочетаемость (в особенности у прилагательного *халяльный*), что приводит к изменениям в лексическом значении, ср.: *продукты халяль, халяльные товары, халяльные услуги, гостиничный халяль, халяльный отель, халяльный туризм, халяльная клиника, халяльный бизнес, халяльная экономика* и т. д. Например: *«Мы прививаем вкус к широкому спектру халяльных товаров и услуг от еды до путешествий и финансов растущей международной аудитории, для которой халяль — часть образа жизни. И это относится к каждому мусульманину на нашей планете! 1,6 млрд. человек или каждый пятый житель Земли исповедуют ислам, и численность мусульманского населения продолжает расти. Так что в будущем халяльного бизнеса аналитики уверены. Дубай хочет стать центром новой халяльной экономики. Халяль: не только еда, но и бизнес. Эксперты отмечают, что мусульмане готовы тратить все больше денег именно на халяльные отели и курорты, принося тем самым некоторые убытки отельному делу в странах Запада и исламского мира, не соответствующих предъявленным требованиям. Гостиничный халяль: всё только начинается. В ближайшем будущем Казань ждет появление специализированной халяль-клиники, в которой станет возможным выполнение всех требований по оказанию медицинских услуг в соответствии с канонами Ислама. Все, что вам нужно знать о медицине по стандарту халяль.*

Таким образом, в начале нашего века слово *халяль* стремительно входит в общее употребление, развивает в себе новые значения, расширяет свою сочетаемость и адаптируется к грамматическому строю русского языка (ср. *продукты халяль* и *халяльные продукты*), обретая свое место в словарном составе языка и парадигматические связи с другими словами в лексической системе. Возможно, это слово открывает дорогу другим словам исламской тематики, которые в будущем могут таким же образом войти в общее употребление и найти свое место в активном словарном фонде русского языка.

В заключение отметим, что пути и способы освоения слов исламской тематики в русском языке не ограничиваются указанными выше: в этой группе можно выделить целые ряды единиц, история функционирования которых представляет интерес с рассматриваемой точки зрения (*ваххабизм, гяур, джихад, джихад-мобиль, хиджаб, шахид, шейх* и др.).

Источники

- БАС — Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. Т. 1–26. СПб.: Наука, 2004–2019 (издание продолжается). Т. 1. М.; СПб., 2004. 663 с.
- БТС — Большой толковый словарь русского языка: А–Я / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.
- Даль 1989 — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1989–1991.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.04.2020)
- СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова. Вып. 1–31. М., 1975–2019 (издание продолжается). Вып. 1. М.: Наука, 1975. 375 с.
- СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. Вып. 1–22. Л.; СПб.: Наука, 1984–2019 (издание продолжается). Вып. 1. Л.: Наука, 1984. 224 с.
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.
- ТС XX — Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г. Н. Скляревской. СПб.: «Фолио-Пресс», 1998. 699 с.
- ТС XXI — Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Скляревской. М.: ЭКСМО, 2006. 1131 с.
- Ушаков — Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.», ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940.
- Фасмер² — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс, 1986–1987.
- Kramer — Kramer M. Coming to Terms: Fundamentalists or Islamists? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.meforum.org/541/coming-to-terms-fundamentalists-or-islamists> (дата обращения 12.03.2015)

Литература

- Благова Г. Ф. Историко-этимологические заметки о словах басурман–мусульманин и магометанин–мухаммеданин (мохаммеданин) // Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка. М.: Наука, 1969. С. 312–322.
- Добаев И. П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика / Отв. ред. Ю. Г. Волков. Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ, 2002. 334 с.
- Игнатенко А. А. Эндогенный радикализм в исламе // Ислам и политика: Сборник статей. М.: Институт религии и политики, 2004. С. 8–40.
- Ислам в Российской Империи (законодательные акты, описания, статистика) / Сост. Д. Ю. Арапов. М.: «Академкнига», 2001. 363 с.
- Огиенко И. И. Иноземные элементы в русском языке. Киев, 1915. 136 с.

Рагасова Симона, стажер-исследователь кафедры русского языка и методики преподавания ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», г. Иваново; e-mail: simona.ragasova@gmail.com

Хуснутдинов Арсен Александрович, д. филол. наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания; ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», г. Иваново, Российская Федерация; e-mail: arsen1418@mail.ru

Для цитирования. *Рагасова С., Хуснутдинов А.А.* Слова исламской тематики в русском языке (к формированию лексической группы) // *Славянская историческая лексикология и лексикография.* 2020. Вып. 3. С. 63–73.

References

- Blagova G. F. Istoriko-etimologicheskie zametki o slovakh basurman–musul'manin i magometanin–mukhammedanin (mokhammedanin) // *Issledovaniya po slovoobrazovaniyu i leksikologii drevnerusskogo yazyka.* M.: Nauka Publ., 1969. S. 312–322. (In Russ.)
- Dobaev I. P. *Islamskiy radikalizm: genezis, evolyutsiya, praktika* / Otv. red. Yu. G. Volkov. Rostov-na-Donu: SKNTs VSh Publ., 2002. 334 s. (In Russ.)
- Ignatenko A. A. Endogennyy radikalizm v islame // *Islam i politika: Sbornik statey.* M.: Institut religii i politiki Publ., 2004. S. 8–40. (In Russ.)
- Islam v Rossiyskoy Imperii (zakonodatel'nye akty, opisaniya, statistika).* Sost. D. Yu. Arapov. M.: Akademkniga Publ., 2001. 363 s. (In Russ.)
- Ogienko I. I. *Inozemnye elementy v russkom yazyke.* Kiev, 1915. 136 s. (In Russ.)

Simona Ragasova, Intern, Department of Russian language and teaching methods, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation. E-mail address: simona.ragasova@gmail.com

Arsen A. Khusnutdinov, Dr. of Sci. Phil., Professor, Department of Russian language and teaching methods, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation. E-mail address: arsen1418@mail.ru

For Citation: Ragasova S., Khusnutdinov A. A. (2020). Words of the Islamic theme in Russian (to a lexic group forming). *Slavyanskaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya* [Slavic historical lexicology and lexicography], 3, pp. 63–73. (In Russ.)

Petr A. Semenov

ORCID iD: 0000-0001-9825-6044

П.А. Семенов

**ON THE CHARACTERISTICS OF
SEMANTIC SLAVONICISMS IN
THE RUSSIAN LITERARY
LANGUAGE OF THE 18th
CENTURY**

**К ХАРАКТЕРИСТИКЕ
СЕМАНТИЧЕСКИХ
СЛАВЯНИЗМОВ В РУССКОМ
ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ XVIII
ВЕКА**

Аннотация. Статья посвящена анализу семантических славянизмов в русском литературном языке XVIII в. Раскрыта природа этого семантического явления, выделены основные типы семантических славянизмов, рассмотрены некоторые закономерности эволюции этой семантической категории. Автор приходит к выводу, что семантическим славянизмом является, как правило, общеславянский лексико-семантический вариант, вышедший из активного употребления в литературном языке Нового времени, но сохранившийся в церковно-книжных текстах и в произведениях высокого стиля русского литературного языка.

Ключевые слова: семантический славянизм, славянизм (лексический), русизм, лексико-семантический вариант, семантическая категория, стилистическая категория, высокий стиль

Summary. The article is devoted to the analysis of semantic Slavonicisms in Russian literary language of the 18th century. The nature of this semantic phenomenon is revealed, the basic types of semantic Slavonicisms are singled out, some regularities of evolution of this semantic category are considered. The author comes to the conclusion that semantic Slavonicisms is, as a rule, a common-Slavonic lexical and semantic variant, which has come out of active use in the literary language of the New Age, but has survived in church-literary texts and in works of high style of Russian literary language.

Keywords: semantic slavism (slavonicism), slavonicism (Church Slavonic word), russicism (russism), lexico-semantic variant, semantic category, stylistic category, high style

1. Постановка вопроса. Проблема так называемых семантических славянизмов относится к числу малоисследованных в русистике, несмотря на свою уже почти столетнюю историю. Впервые на это семантическое явление обратил внимание, как нам кажется, В. В. Виноградов в статье «К истории лексики русского литературного языка» (1927), отметив существование в литературном языке ряда лексем, в которых наблюдается «пересечение двух рядов значений — церковно-книжных и обыденных» [Виноградов 1977: 27]. Такие лексемы было бы целесообразно называть **славянорусизмами**, а их лексико-семантические варианты (далее — ЛСВ), восходящие к старославянскому или церковнославянскому и церковно-книжному источникам, — **семантическими славянизмами**. Термин образован по аналогии с семантическими диалектизмами (общенародными словами, имеющими в говорах иное значение, нежели в литературном языке).

Итак, под семантическими славянизмами будем понимать такие значения (или ЛСВ) многозначных слов, которые: (а) восходят к старославянскому (или церковнославянскому) языку — этимологический критерий; (б) функционируют почти исключительно в памятниках книжно-славянского типа языка или высокого штиля — стилистический критерий. Для признания ЛСВ семантическим славянизмом достаточно выполнения хотя бы одного из двух названных

условий. При этом второй критерий важнее, поскольку, как будет показано ниже, значительная часть семантических славянизмов генетически представляет собой не «югославянизмы» («болгаризмы»), а общеславянские ЛСВ, которые осмыслены носителями языка как славянизмы в силу угасания их внутренней формы и вытеснения прямого значения переносным. «Классические» примеры семантических славянизмов, чаще всего приводимые в разных исследованиях: *вонять* ‘пахнуть’ (русск. ‘дурно пахнуть’), *течь* ‘идти’ (русск. ‘литься’), *мечта* ‘видение, призрак’ (русск. ‘создание воображения’, ‘желание, стремление’), *страсть* ‘страдание’ (русск. ‘сильное чувство’, ‘крайнее увлечение’), *пиво* ‘питье’ (русск. ‘напиток из солода и хмеля’) и др. Как видно из приведенных примеров, «русские» значения являются живыми в современном языке, а «славянские», как правило, мертвыми, либо они отошли на периферию. Однако в русском литературном языке XVIII в. и в литературном языке предпушкинского периода ситуация была иной: многие семантические славянизмы еще продолжали функционировать в произведениях высокого штиля, а также в средних поэтических и прозаических жанрах, сохраняя отпечаток книжности. Вот почему изучение этого семантического явления в диахроническом плане является актуальным.

Между тем, как уже было сказано, семантические славянизмы до сих пор находились на периферии исследовательского внимания. Связано это с тем, что специалисты в области исторической семантики не считают категорию славянизмов «своей», проводя ее «по ведомству» стилистики. Для семантики, особенно структурной, категории «славянизм», «европеизм», «мифологизм» и т. п. «ненаучны». Историческая стилистика, в свою очередь, равнодушна к вопросам семантической эволюции, поскольку ее главная задача — изучение стилистических функций этих единиц, их жанрово-стилистического распределения и т. п. Конечно, подобная лексика попадала в поле зрения исследователей. Так, семантическая эволюция многих из подобных слов описана в исследовании Е. С. Копорской, посвященном семантической истории славянизмов в русском литературном языке Нового времени [Копорская 1988], но при этом не делался акцент на том, какие из ЛСВ являются «славянскими», а какие развились на русской почве. Иными словами, семантические славянизмы как особая семантико-стилистическая категория не выделялись и рассматривались в общей массе славянизмов.

Не беря на себя задачи рассмотреть проблему семантических славянизмов в целом, в настоящей статье остановимся на динамике этого семантического явления в русском литературном языке XVIII в. Удачным материалом для исследования семантических славянизмов именно в диахроническом, динамическом аспекте являются лексикографические источники — «Словарь Академии Российской» и «Словарь русского языка XVIII в.». Последний особенно ценен тем, что с помощью различных помет и условных значков фиксирует динамические явления в области лексики и семантики.

2. Семантические славянизмы и лексические славянизмы. Возникает вопрос о соотношении категории «семантический славянизм» со смежной категорией «лексический славянизм». Под лексическими славянизмами понимаются, как известно, такие случаи, когда **вся лексема**, во всей совокупности своих ЛСВ, (а) генетически восходит к старославянскому (церковнославянскому) языку (этимологический критерий) либо (б) функционально ограничена книжно-славянскими памятниками или памятниками высокого штиля (стилистический критерий). Такая лексема может иметь формальные (фонетико-морфологические) признаки славянизма (*град, ночь, излить, житие, упоение* и т. п.) либо не иметь их (*истина, лобзать, уста, десница* и др.).

Очевидно, что в тех случаях, когда славянизм является полисемантом, не всегда возможно провести четкую грань между лексическим и семантическим славянизмом и наряду с «классическими» примерами семантических славянизмов, приведенными выше, можно выделить ряд переходных случаев:

1) Слова с формальными признаками славянизмов, производные значения которых нейтрализовались. Например, некоторые лексемы с префиксами *из-/ис-, воз-/вос-, пре-, пред-* могут быть отнесены к лексическим славянизмам по формальным основаниям, но некоторые из них развили переносные значения, которые в современном русском литературном языке заместили собой прямые. Ср.: *возлагать* ‘положить на что-л.’ (исходное значение, воспринимаемое как славянизм: *возлагать крест, руку*) и ‘счесть причиной или основанием чего-л.’, ‘поручить, вверить’, ‘обременять’ (*возлагать вину, возлагать обязанности*) — нейтральные значения, воспринимаемые как «русские» (СРЯ XVIII 4: 12–13).

Парадокс этих единиц заключается в том, что их производные, переносные значения могли сформироваться достаточно давно, еще в эпоху первых письменных памятников, на почве старославянского или церковнославянского языка. Так, переносные значения глагола *возлагать* фиксируются уже в старославянских и церковнославянских памятниках и в памятниках книжно-славянского типа древнерусского литературного языка. Ср. следующие примеры: *събираѣтъ же бръмена тѣжъка. И не оудобъ носима. I възлагаѣтъ на плешта чл(о)в(вѣчь)ска.* Мф. 23: 2–4. Мар., Ас., Зогр. (ФССЯ: 120). Памятники книжно-славянского типа древнерусского литературного языка: *епитимыѣ възлагашеть.* ЖФСт. XII в. *Къ бо(з)оу бо все възлагати. А не своимъ хотѣньемъ работати.* ПНЧ. XIV в. (СДРЯ 2: 75). При этом в прямом, исходном значении такие единицы могли употребляться крайне редко даже в самых ранних текстах. По словам И. С. Улуканова, «абстрактность и переносность не являются свойствами, присущими искони всей старославянской и церковнославянской лексике <...>. Эти качества развиваются в процессе употребления и обусловлены содержанием тех церковно-книжных произведений, в которых она обычно употребляется. Глаголы *предати, прервати, преступити, пресечи* и т. п. не потому редко употреблялись для называния конкретного материального действия, что их исконные значения препятствовали такому употреблению, а потому, что содержание религиозно-философских произведений обуславливало иные употребления глагола. Слово *краткый* не потому не сочеталось с названиями конкретных предметов, что его значение препятствовало этому, а пото-

му, что такие сочетания не были типичны для произведений тех жанров, в которых употреблялось слово, и т. п. Вторичное развитие абстрактных и переносных значений свойственно многим славянизмам (ср. хотя бы историю слов *обязать* — *обвязать*, *отвергнуть*, *отвлечь*, *исказить*, *оградить* и т. п., ср. этимологию старославянского *подражать* — первоначально ‘идти за кем-либо’)) [Улуханов 2004: 99].

Очевидно, что к единицам этого типа следует подходить исторически: до тех пор пока сфера их употребления ограничивалась церковнославянскими и книжно-славянскими текстами, мы вправе рассматривать их как лексические славянизмы во всем их семантическом объеме; как только одно из значений (обычно прямое) архаизировалось и отошло на периферию лексико-семантической системы, а производные значения нейтрализовались, лексема перестала быть славянизмом в стилистическом смысле; как семантический (и стилистический) славянизм функционирует лишь ее архаизировавшийся ЛСВ. XVIII век был рубежным в этом отношении: весьма значительный пласт формально-генетических славянизмов в этот период нейтрализуется и Сл XVIII маркирует пометой *Слав.* не всю лексему, а лишь одно из ее значений (см.: *возлагать*, *возбуждать*, *возобладать*, *отвлечь*, *изрыть*, *исходить*, *изверг*, *искусный* и мн. др.).

2) Есть группа лексем с формальными признаками славянизмов, у которых как «славянское» воспринимается и прямое значение, и некоторые из производных; в семантической структуре слова наблюдается своего рода «чересполосица» «славянских» и «русских» ЛСВ. Ср. историю слов *изверг*, *извергать*, *изводить*, *десница* и нек. др. Так, САР¹ при лексеме *десница* как «славянское» маркирует только переносное значение:

Десница, *цы*. С. Ж. 1) Правая рука, правица. *Видѣхъ в десницѣ стѣдѣщаго на престолѣ книгу*. Апок. V.1. *Благословен Господь мой Бог Мою десницу укрѣпивый*. М. Л. 2)* В Сл. индѣ значит: покровительство, могущество Божие. *Десницею Божиею вознесися*. Дѣян. II.33. *Спаси десницею твоею*. Псал. CVII.7. *Твоей десницею покрывай От клеветаний ложных*. М. Л. (САР¹ 2: 656).

Отсутствие пометы *Сл.* при всей лексеме объяснимо: во-первых, слово *десница* было для XVIII в. обычным, почти безэквивалентным обозначением правой руки; ср. сочетание *десная рука*, которое воспринимается как маркированное (там же), а также *правица*, маркируемое в САР как *Сл.* Во-вторых, как «славянское» осознается переносное значение, и маркировка всей лексемы помешала бы составителям словаря в данном случае оттенить как специфически церковно-книжное это производное значение. Заметим, что «Словарь рус. яз. XVIII века» пометами *Слав.*, *Ритор.* маркирует лексему в целом (СРЯ XVIII 6: 111).

3) Есть, наконец, лексемы с формальными признаками славянизмов, которые в XVIII в. во всех своих значениях перестали восприниматься как славянизмы. Исторически разные ЛСВ такого полисеманта могли сформироваться еще на базе старославянского языка, но при этом не быть чуждыми и живой восточнославянской речи. Так, например, глагол *воспитать* первоначально имел значения ‘вскармливать’, ‘кормить грудью’. Этот ЛСВ функционировал во всех разновидностях языка без каких-либо жанрово-стилистических ограничений.

Об этом свидетельствует, в частности, и его употребление в современных народных говорах (ср. контексты типа *воспитывать поросенка, телят* в значении ‘откармливать’). Но глагол довольно рано, на заре славянской книжности, развил переносное значение ‘наставлять, давать образование, воспитание’. Оно фиксируется уже в старославянских памятниках: *приде в назареть в немъже бѣ въспитанъ*. Л. 4. 16 (СС: 153); в памятниках разных жанров и стилистических регистров древнерусского литературного языка: *родивъши въспита добронравнѣ. Наоучивъши ю книгамаъ*. ПрЛ. XIII в. *ѡгоже язъ надѣяхса со всакою твердостію въспитати*. ЖВИ XIV–XV вв. (СДРЯ 2: 99); *воспитаи дѣти съ прещениемъ, обрящещи отъ нихъ покои и благословение*. Дм. 30. XVI в.; *безумно сердиться на человека, что онъ не самымъ обычаемъ воспитанъ былъ, какъ мы*. Лудольф. 70. 1696 г. (СОРЯ 3: 58). Таким образом, к Новому времени глагол нейтрализовался во всех своих значениях, поэтому в Сл XVIII он не сопровождается никакими стилистическими пометами. То же можно сказать и о его производных *воспитание, воспитанник* и др.

3. Типология семантических славянизмов. Начать описание семантических славянизмов целесообразно с установления их основных типов.

1) Как уже было сказано, чаще всего «славянским» является **прямое, исходное значение** полисеманта. В современном русском языке это значение либо окончательно утратилось, либо воспринимается как архаичное. С этимологической точки зрения это значение, как правило, является общеславянским (т. е. генетически это не «югославянизм»); славянизмом оно является только функционально.

Ср. следующие примеры: *бодрый* ‘не дремлющий, не спящий’, *брань* ‘война’ (ср. русск. *оборона*), *влага* ‘вода’, ‘жидкость’, *водворить* ‘устроить на жительство, поселить’, *водитель* ‘тот, кто ведет или водит кого-то’, *возбуждать* ‘заставлять проснуться, пробуждать’, *возлагать* ‘положить на что-л.’, *возобладать* ‘овладеть, завладеть’, *возразить* ‘отразить, отбить’, *воня* ‘запах’ (ср. русск. *вонь*), *воспитать* ‘вскормить’, *восстать* ‘подняться, встать на ноги’, *восхитить* ‘схватить’, ‘выхватить’, *гроб* ‘могила’, *друг* ‘другой, ближний человек’, *жена* ‘женщина’, *искусный* ‘испытанный, проверенный’, *изверг* ‘недоносок, выкидыш’, *исходить* ‘выйти откуда-л.’, *изрыть* ‘вырыть, выкопать’, *изъять* ‘извлечь, вынуть’, *изумиться* ‘выйти из ума, лишиться ума’, *мерцать* ‘темнеть, меркнуть’, *мечта* ‘видение, призрак’, *обаяние* ‘колдовство’, *обитель* ‘место обитания, проживания’, *отвлечь* ‘оттащить, оттянуть в сторону’, *отвращать* ‘отвернуть, уклонить в сторону’, *позор* ‘зрелище’, *работа* ‘рабство’ и др.

Отметим некоторые особенности семантических славянизмов этого типа:

а) Как видно из подавляющего большинства вышеприведенных примеров, это значение максимально приближено к деривационному (ср.: *водитель* ‘тот, кто водит’, *возбуждать* ‘пробуждать, будить’, *воспитать* ‘вскормить’, *отвлечь* ‘оттащить’ и т. п.); либо семантика этих ЛСВ характеризуется минимальной степенью фразеологичности (*воплощение* ‘принятие образа человека’, *изверг* ‘недоносок, выкидыш’, *завидеть* ‘следовать, подражать кому-л.’, *издохнуть* ‘испустить дух, умереть’, *изумиться* ‘лишиться ума, обезуметь’, *позор* ‘зрелище’ и др.).

б) Этот тип значения весьма характерен для глаголов с пространственными приставками (*из-, воз-, низ-, пре-* и др.). Ср., напр.:

Извожду, диши, изведох, дити, извести. Сл. В общем употреблении: Извожу, водишь, извел, изводить, известь. Гл. д. 1) Вывожу кого откуда; избавляю. *Се извожду его вам вон.* Иоан. XIX.4. *Изведи из темницы душу мою.* Пс. CXLII.2. 2) Погубляю, истребляю; на жизнь, на благосостояние посягаю. *Сей злодѣй извести меня думал.* 3) Трачу, употребляю все без остатку. *Все деньги извел. Не всю изводи бумагу* (САР¹ 1: 536).

Семантическим славянизмом является только первое значение, именно при нем иллюстрации из канонических текстов с *жд*-формами, и именно к нему относится помета *Сл.*

Аналогично интерпретируется в словаре глагол *издавать*:

Издаю, ешь, издал, издам, вать, издать. Гл. д. 1) **В Сл.** Отдаю, раздаю, изживаю. *Врачем издавши все имѣние.* Лук. VIII. 43. 2) **В обыкнов. Языкѣ** употребляется по большей части в следующих случаях. *Издавать голос.* А) говоря о буквах значит: произноситься, выговариваться. б) относительно к струнам, мусикийским орудиям и звонким тѣлам: звучать, испускать звук.. (САР¹ 2: 495).

в) То же наблюдается у многих отглагольных существительных, прямое значение которых, фактически тождественное деривационному, сопровождается в САР пометой *Сл.*:

Дарование, ния. С. Ср. 1) **В Сл.** значит то же, что *дар.* *Образы грѣха смерть, дарование же Божие живот вѣчный.* Римл. VI.23. *Весма почиташе его и многими дарований удвоил его.* Царств. Лѣтоп. 155. 2) Природная изящность, способность к чему душевная или тѣлесная. *Дарования душевныя суть память, разум, способный к тонкому и обширному понятию и проч. Дарования тѣлесныя суть: красота, крѣпость сил, приятный голос и проч. Украшен тѣлесными и душевными дарованиями* (САР¹ 2: 467–468).

Наказание, ния. С. Ср. **Сл.** 1) Научение, наставление. *В наше наказание предписашася.* Римл. XV.4. 2) Означает также самое учение. *Тыже возненавидѣл еси наказание.* Псал. XLIX.17. *Наказанию и разуму научимся.* Псал. CXVIII.66. 3) **В общем языка употреблении:** учинение побоев, выговора кому, или карание каким нибудь образом за преступление. *Аще наказание терпите.* Евр. XII.7. *Наказания в законах главный имѣют предмет воздержатъ народ от преступлений. Учинить наказание. Наказание денежное, тѣлесное* (САР¹ 3: 367–368). Ср. также: *Наказанный, ная, ное.* Прил. **Сл.** 1) Наученный, наставленный. *Наказан извѣстно отеческому закону.* Дѣян. XXII.3. *Буйх и ненаказанных стязаний отрицайся.* 2 Тим. II.23. 2) **В общем языка употреблении:** претерпевший наказание. *Наказанный преступник* (САР¹ 3: 368).

г) Некоторые семантические славянизмы этого типа образуют словообразовательные пары или микрогнезда, в пределах которых «славянское» значение выступает в качестве инвариантного:

бдети ‘не спать’ — *бодрый* ‘не спящий’ — *бодрость* ‘бдительность, неусыпность’;

брань ‘война’ — *бранный* ‘военный’ — *браниться* ‘сражаться’;

влага ‘вода, жидкость’ — *влажный* ‘жидкий’;
воспитать ‘вскормить’ — *воспитание* ‘вскармливание’ — *воспитанный* ‘вскормленный’;
восстать ‘подняться, встать на ноги’ — *восстание* ‘вставание’;
восхитить ‘схватить, похитить’ — *восхищение* ‘похищение’;
изумиться ‘лишиться ума’ — *изумление* ‘потеря ума’;
отвращать ‘отвергнуть, отклонить’ — *отвращение* ‘отвержение, отклонение’ — *отвратительный* ‘способствующий предотвращению, устранению чего-л.’

д) К этому же типу семантических славянизмов с нефразеологичной семантикой относятся и ЛСВ некоторых сложных слов, напр.: *благорасположение* ‘удобное расположение, размещение где-л.’; *высокопарный* ‘высоко парящий, летающий’; *животворить* ‘давать, поддерживать жизнь’.

е) Между прямым («славянским») и производным («русским») значениями могло возникнуть столь значительное семантическое расхождение, что семантические «славянизм» и «русизм» современным языковым сознанием (и в современных лингвистических описаниях) воспринимаются и интерпретируются как омонимы. Однако составители САР в большинстве подобных случаев видят полисемию:

Позор, ра. С. М. Сл. 1) Зрѣлице, нѣкое представление общенародное. *Всенародный позор. И вси пришедиши народи на позор сей..* Лук. XXIII.48. 2) Посмѣшище, поругание. *И будут в позор всякой плоти. Исаи. LXVI.24. Зане позор быхом миру и ангелом и человеком. I. К Коринф. IV.9* (САР¹ 3: 145–146).

Судя по цитатному материалу, производное значение сформировалось еще в праславянскую эпоху и встречалось, наряду с исходным, в церковнославянских текстах. Однако другие дериваты того же корня показывают, что прямое значение архаизировалось и сохранилось только в церковнославянских и древнерусских текстах, тогда как переносное продолжает употребляться в живой речи и, следовательно, функционально «славянизмом» не является. Ср.:

Позорище, ща. С. Ср. Сл. Зрѣлице, общенародное представление. *Устремися же единодушно на позорище.* Дѣян. XIX.29.

Позорую, еши, позоровах, позоровати. Гл. д. **старин.** Вышедший из употребления. Смотрю на что на улицѣ; или на выставленное для общаго зрѣния или на что необыкновенное. *В Киевѣ рыболовы ловяще рыбы, выволокоша в неводѣ дѣтищ, его же сходящися позоровахом до вечера.* Ник. Лѣт. I.153. (САР¹ 3: 146–147).

В случаях неочевидной производности САР может исказить иерархию значений, поставив «славенское» значение на второе место и отразив тем самым не генетическое соотношение значений, а реальную употребительность в речи. Ср.:

Дряхлый, лая, лое. Дряхл, ла, ло. Прил. 1) Говорится о человекѣ и др. животных: от старости изнемогший, лишившийся бодрости, крѣпости тѣлесной. *Человекъ дряхлый. Он дряхл, на силу бродит.* 2) **В Сл.** означает: смутен, печален: *Он же дряхл быв о словеси.* Марк. X.22 (САР¹ 2: 779).

Этимологи генетически первичным считают второе значение (Фасмер⁴ 1: 546–547; Черных³ 1: 271–272).

2) Вторая группа единиц — это такие полисеманты, у которых ни «славянские», ни «русские» значения не могут рассматриваться как исходные: они развивались параллельно, как разные пути преобразования деривационной семантики в лексическую. Ср.: *окрылять* ‘покрывать крыльями’ (слав.) и ‘давать крылья’ (русс.). Такие семантические славянизмы по отношению к русизмам нередко рассматривают как омонимы, особенно это характерно для современной лексикографической практики. Однако составители САР, как уже было замечено, склонны рассматривать такие единицы как полисемантические, выделяя в их семантической структуре «славянские» и «русские» значения. Ср. следующий пример:

Законник, нника. С. М. 1) Учитель закона; знающий законы божественные и гражданские. *И се законник нъкий восста, искушая его.* Лук. X.25. *Он у нас почитается великим законником.* 2) Сл. Исполнитель закона и предписаний законных. *Но законник Христу, да приобретаю беззаконныя.* К коринф. IX.31 (САР¹ 3: 10).

От единиц первой группы они отличаются, во-первых, тем, что это всегда производные лексемы с прозрачной внутренней формой; во-вторых, как уже было отмечено, ни «славянский», ни «русский» ЛСВ не может быть со всей определенностью назван исходным. Как правило, это лексемы, широко употребительные в современном языке в «русских» значениях. «Славянские» значения в целом прозрачны, имеют налет архаичности, но в рассматриваемую эпоху еще не вышли из употребления. Ср. следующие примеры:

Лексема	«Славянский» ЛСВ	«Русский» ЛСВ
<i>Бедный</i>	‘объятый бедами’	‘неимущий’, ‘скудный’, ‘несчастный, жалкий’
<i>Болезнь</i>	‘боль’	‘недуг, заболевание’
<i>Бранный</i>	‘военный’	‘относящийся к ругани, ругательный’
<i>Видение</i>	‘внешность, облик, вид’	‘восприятие зрением’
<i>Воинственный</i>	‘военный’	‘обладающий воинским духом’, ‘храбрый, решительный’
<i>Горесть</i>	‘горький вкус, горечь’	‘горе’, ‘огорчение’
<i>Господний</i>	‘господский’	‘относящийся к Господу’, ‘принадлежащий Господу’
<i>Делание</i>	‘деятельность, работа, дело’	‘изготовление, производство’, ‘исполнение’

<i>Живить</i>	‘давать жизнь’	‘оживлять, бодрить’
<i>Животворить</i>	‘давать, поддерживать жизнь’, ‘создавать все живое, все сущее’	‘оживлять, бодрить’
<i>Животный</i>	‘содержащий в себе жизнь’	‘относящийся к живому существу, животному’
<i>Жительство</i>	‘жизнь, существование’, ‘образ жизни’	‘проживание’
<i>Злость</i>	‘зло’	‘проявление зла’
<i>Зрение</i>	‘взор, взгляд’, ‘зрелище’, ‘вид’	‘видение, зрительное восприятие’
<i>Измена</i>	‘изменение, перемена’	‘предательство, нарушение верности’
<i>Независтный</i>	‘чуждый зависти’, ‘обильный, щедрый’	‘незавидный, плохой’
<i>Нравный</i>	‘нравственный’	‘своенравный’
<i>Ожесточить</i>	‘отвергнуть, оттолкнуть’	‘сделать жестоким’
<i>Обтечь</i>	‘совершить круговое движение’, ‘пройти, проехать какое-л. пространство’, ‘обогнать, обойти’	‘обогнуть течением’
<i>Общаться</i>	‘приобщаться’	‘поддерживать общение’
<i>Озлоблять</i>	‘притеснять, причинять ущерб, делать зло’	‘делать злым, злить’
<i>Окрылять</i>	‘укрыть, оградить крыльями’	‘дать крылья’
<i>Опасный</i>	‘тот, кто остерегается, опасается, осторожный’	‘несущий в себе опасность’
<i>Отяготить</i>	‘налечь, навалиться тяжестью’	‘стать тяжелым’
<i>Отвратительный</i>	‘способствующий предотвращению, устранению чего-л.’	‘вызывающий отвращение, неприятный’
<i>Последний</i>	‘последующий, будущий’	‘конечный в ряду’, ‘окончательный’

При внимательном рассмотрении можно заметить некоторую закономерность: «русские» значения, как правило, все-таки отстоят дальше от деривационного значения лексем; «славянизмы» представляют собой по преимуществу модификационный тип семантики, а «русизмы» — мутационный. Некоторые

«русизмы» этой группы способны к развитию метафорических значений. Ср. следующие ЛСВ: *измена* ‘предательство’, *окрылять* ‘вдохновлять’, *отвратительный* ‘отталкивающий, неприятный’.

Некоторые из этих лексем имеют в русском литературном языке паронимы, которые взяли на себя соответствующие значения, «разгрузив» полисемию. Ср.: *измена–изменение, нравный–нравственный, горесть–горечь, господний–господский*.

В ряде случаев можно говорить не о полисемии, а об омонимии. Ср.: *дружина* ‘жена’ (слав.) — ‘войско’ (русск.), *иноязычный* ‘иноплеменный’ (слав.) — ‘относящийся к иностранному языку’ (русск.), *миролюбец* ‘тот, кто привержен к мирским радостям, мирской суете’ (слав.) — ‘тот, кто любит мир, покой’ (русск.).

3) Значительно меньше единиц, у которых семантическим славянизмом является **переносное значение**. Объясняется это тем, что большинство переносных значений славянизмов вошли в общий язык и перестали восприниматься как «славянские», а многие переносные значения развивались вне рамок церковной книжности, уже на русской почве [Копорская 1988: 25]. Тем не менее СРЯ XVIII связывает целый ряд переносных значений с церковно-книжным источником и сопровождает эти ЛСВ пометами «слав.», «церк.», «церк.-сл.»: *возродить* ‘духовно обновить греховного человека’, *высота* ‘надменность, высокомерие’, *двигать* ‘возбуждать, вызывать’, *дерзновение* ‘смелая надежда, упование, уверенность’, *доброта* ‘красота’, *известный* ‘истинный, достоверный’, *наитие* ‘влияние, воздействие’, *немоцный* ‘слабый духом, безвольный’, *пасти* ‘сохранять, беречь’, ‘заботиться о ком-, чем-л.’, *покрыть* ‘оказать защиту, поддержку’.

О том, что все эти ЛСВ действительно можно рассматривать как славянизмы, убедительно свидетельствует цитатный материал, приводимый словарем. Ср., напр., *дерзновение* ‘упование, надежда’: *Аще совѣсть наша незазрит, дерзновение имѣем к Богу*. Бусл. 30. *Я ль не воскликну с дерзновеньем: есть вѣчна Истина, — есть Бог!* Држ. Соч. V. 2 (СРЯ XVIII 6: 109). *Доброта* ‘красота’: *Свѣт в правду тебе возсияет, Царь доброты Есфири егда возжелает*. Есф. 260. <Деввица> *многими природными добротами цвѣтущая*. Пркп. СР 219 (Там же: 157). *Пасти* ‘сохранять, беречь’: *Всем нам, православным христианом, надобно опасно себя пасти..* Псшк. Зерк. 47. *Храни его <царя> на брани, Покой в пути паси; Твои незримы длани Вездѣ над ним носи* (СРЯ XVIII 18: 231).

В большинстве случаев это метафорические переносы, но возможны и метонимии: *зима* ‘холод’, *зимний* ‘холодный’, *неплодство* ‘неспособность к деторождению’, *нетление* ‘бессмертие’, *изложитъ* ‘изъять, отвергнуть’, *отложить* ‘снять с себя’ и др. Если же говорить о метафорических переносах, следует отметить их важную особенность: большинство характеризует духовную или социальную жизнь человека.

4) Четвертую группу образуют такие лексические единицы, у которых от исходного «славянского» значения развивались переносные значения как на церковнославянской (книжно-славянской), так и на русской почве. Семантическая структура таких единиц представляет «слоеный пирог» из церковно-

книжных и светско-литературных ЛСВ, находящихся в разных отношениях друг к другу. Примером такого семантического развития может служить глагол *восстать* и его дериваты (*восстание, восставший* и др.). Сравним интерпретацию его значений и их стилистическую оценку в САР¹ и СРЯ XVIII.

В САР¹ при всех значениях полисеманта имеются канонические цитаты, но как *Сл.* маркируется только одно из переносных значений. Ср.:

Возстаю, ешь, возстал, возстану, возстать. Гл. ср. 1) Поднимаюся, становлюся на ноги. *Тебѣ глаголю, возстани и возми одр свои и иди в дом твои.* Марк. II.11. *Прикоснуса костем Елисейевым и оживе и воста на ноги своя.* 4 Цар. XIII.21. *Воста рано Авимелех и призва вся отроки своя.* Быт. XX.8. 2) *Иду противу кого; противником кому становлюся, дѣлаюся. *Воста Каин на Авеля брата своего и уби его.* Быт. IV.8. *Тако сотворю сонму сему злomu, возставшему на мя.* Числ. XIV.35. *Возстать на своего ближняго. Уже свидѣтели возстали неправедные на меня.* Л. 3) *Иду против кого войною. *Воста на него сила Сирская.* 2. Пар. XXIV.23. *Возстать на сосѣдственныя народы.* 4) *Возкресаю. *Яко востают мертвы.* Лук. XX.37. *Яко воистинну воста Господь и явися Симону.* Лук. XXIV.34. 5) **В Сл.** наслѣдую кому в правлении, бываю преемником, возхожу на престол. *Возстах вмѣсто Давида отца моего, и стѣдох на престолѣ Израилевѣ 3 Царств. VIII.20. Иже обратися к Господеву всѣм сердцем своим и по нем не воста подобен ему.* 4 Царств. XXIII.25. 6) Говоря о непогодѣ употребляется в видѣ недостаточнаго и значит: подняться, начать сильно дуть, вѣять. *Возстал сильный вѣтр, сильная погода* (САР¹ 5: 791–792).

Сходную семантическую структуру имеют лексемы *влага, власть, воздвигнуть, возразить, возревновать, вообразить, воспитать, восходить, десница, извергать, изводить, ископать, осенить* и нек. др.

5) Семантическим славянизмом может быть **оттеночное значение**. Обычно это незначительный метонимический сдвиг. Ср. интерпретацию в САР глагола *дарить* (*даровать*):

Дарю, ришь, рить, в Сл. *Дарую, риши, даровах, даровати, и Дарствую, еши, дарствовах, дарствовати.* Гл. д. Даю, приношу что кому в дар. *Много ему разных вещей дарили, когда он был в случаѣ. Если эта вещь вам нравится, я вам ее дарю.* — **В Славенском же языкѣ** означает нерѣдко награждаю, жалую. *Аврааму обѣтованием дарова Бог.* Галат. III.8. *Како убо и не с ним вся нам дарствует.* Римл. VIII.32. *И оному дает, и сему дарствует.* Слово Иоан. Златоуст на день Пасхи. *Даровать кому жизнь, живот..* (САР¹ 1: 466).

Ср. также: *возвратить* ‘заставить отказаться от чего-л., отступить’, *всецелый* ‘невредимый, ненарушенный’, *державный* ‘наделенный могуществом, силой’, *немудрый* ‘не очень умный’, *неустроенный* ‘непостоянный, беспорядочный’ и нек. др.

б) Есть незначительное количество случаев (не более 10 единиц, в зависимости от их интерпретации), когда славянизмом является **фразеологически связанное значение**. В наши задачи не входит рассмотрение вопроса природы фразеологически связаннаго значения и границ фразеологического сочетания (его отграничения от фразеологических единств, с одной стороны, и от свобод-

ных словосочетаний, с другой). Заметим только, что под фразеологически связанным значением будем понимать такое производное (переносное) значение славянизма, которое ограничивает его валентность только данной фразеологической единицей (валентность лексемы с фразеологически связанным значением равна единице или стремится к единице).

Сами фразеологические сочетания русского языка исследованы достаточно хорошо, в т. ч. и в историческом плане [см., напр.: Филиппова 1968; Палевская 1972; Дидковская 1978 и др.]; в меньшей степени предметом рассмотрения была природа фразеологически связанного значения; еще в меньшей степени — вклад старославянского (церковнославянского) языка в формирование этого типа единиц.

XVIII век называют веком расцвета фразеологических сочетаний и обычно связывают их развитие с влиянием французского языка, однако в основном это относится к глагольно-именным сочетаниям типа *производить впечатление, возлагать надежду* и т. п. [Виноградов 1982: 140; Филиппова 1968: 7]. Сказанное, однако, не означает, что подобных сочетаний не было в русском языке предшествующих эпох, в старославянском и церковнославянском языках. Заметим также, что это не обязательно глагольно-именные сочетания. Формульность древнего текста способствовала семантическому обособлению отдельных ЛСВ, их закреплению только за определенным словосочетанием. По словам И. С. Улуханова, «благодаря частой повторяемости одних и тех же образов и ситуаций в памятниках церковно-книжного характера создаются своего рода семантические “типы” слово + семантически ограниченная группа слов (ср. рассмотренные выше *предати* врагу, мучителю, *преступити* закон, заповедь и т. п.) и автоматически воспроизводимые формулы (*предати смерти, предати суду, предати забвению*). <...> Повторение одних и тех же сочетаний приводит к невозможности употребления слова в иных контекстах. Появляются фразеологически связанные значения слова (таково, например, значение *предать* — ‘подвергнуть чему-л.’). <...> Окружение слова становится замкнутым, конечным, иногда ограничивается одним-двумя словами» [Улуханов 2004: 99–100].

Приведем примеры адъективно-субстантивных фразеологических сочетаний, в которых значение славянизма — имени прилагательного можно рассматривать как фразеологически связанное: *безсемянный* ‘непорочный’ в *безсемянное зачатие*; *крайний* ‘исключительный, непостижимый’ в сочетаниях *крайний ум, благоразумие*; *кромешный* ‘крайний, полный’ в сочетаниях *кромешный ад, тьма, бездна*.

Фразеологизироваться может и значение субстантивного компонента. Ср.: *египетская работа* (рабство), *Новая благодать* (Новый Завет), *воевода небесных сил* (архангел). Очевидно, что такое сочетание тяготеет к фразеологическим единствам. Ср. также адъективное сочетание *от млечных ногтей* ‘с младенчества’. В. В. Виноградов подчеркивает, что граница между фразеологическим сочетанием и фразеологическим единством может быть зыбкой: «Затемнение или увядание значений такого несвободного слова ведет к утрате им даже той относительной лексической отдельности, которой оно раньше обладало. Тогда фразеологическое сочетание постепенно превращается во фразеоло-

гическое единство и само несвободное слово становится словом потенциальным, а не реальным. Например, в литературном языке книжное слово *претворить* утрачивает свое церковнославянское значение “превратить” и сохраняется лишь в выражениях *претворить в жизнь, претворить в дело, ср. претвориться в жизнь, претвориться в дело*» [Виноградов 1977: 160].

Фразеологически связанное значение может стать единственным значением лексемы, и тогда она переходит в разряд лексических славянизмов. Ср., напр., значение лексемы *кромешный* ‘полный, абсолютный’, которая в XVIII в. вне фразеологического сочетания уже не употребляется. В древнерусских памятниках она еще употребляется в значениях ‘внешний’ (прямое значение): *кромешный мир*; ‘адский’ (*кромешный огонь*), ‘тайный’ (*кромешное мѣсто*), хотя абсолютно преобладали сочетания *кромешная тьма, ад, бездна* (СДРЯ 4: 301–302). Несколько позже фразеологизировалось значение славянизма *исчадие*. В современном русском языке он употребляется только в сочетаниях *исчадие ада, геенны* и т. п. в значении ‘порождение’. В церковнославянском и древнерусском языках славянизм употреблялся в свободных значениях ‘дитя’, ‘потомство’: *сыну мои ищадье мое*. ЗЦ XIV в. *И от тѣх ражахуться гиганти. Сиречь за невѣздержаніе племя сыновѣ сифовыхъ къ дщереми ищадію каиню*. Пал. 1406 (СДРЯ 4: 127). Возможна была и генерализация значения (‘порождение’, ‘плод’), и образное употребление: *ищадие дьявола, ехидново* (Там же). В XVIII в. также сохраняется свободное употребление лексемы: *О небо! Вскричал старик, это мои изчадия! Это мои дѣти*. ПД. II. 306. *Животныя нѣкоторыя изчадия своя долѣе во чревь носят, нежели другія*. Комов. 30 (Сл XVIII 9: 169). Возможны и переносные употребления, и генерализация значения. Ср.: *Латинский язык оставил по себѣ единыя изчадия: Италианской, Французской и Испанской*. Антн. 19. *Астрология есть изчадие суевѣрія*. Антн. 15 (Там же). В XIX в. ситуация меняется, и словари, в частности ССРЛЯ, в качестве единственного дают фразеологически связанное значение ‘порождение, детище’ (ССРЛЯ 5: 580). XVIII–XIX вв. стали, таким образом, рубежными в истории этой лексемы.

7) Славянизмом может быть и **конструктивно обусловленное значение**. Обычно это метонимический сдвиг в семантике лексемы. Ср. следующие примеры: *блаженствовать* (кому) ‘оказывать милость’: *И стерегись воспротивиться всѣхъ сильнѣйшей Богинѣ, Хочет котора тебѣ блаженствовать в мирѣ всецѣло*. Трд. Тилем. (СРЯ XVIII 2: 58); *воинствовать* (кому) ‘держат чью-л. сторону’: *Но вездѣ <книги Баронія> папѣ воинствуют, срам и безчестіе его покрывают, ползу же и господство его разширяти тщатся*. Феатр. Ист. Предисл. 5 (СРЯ XVIII 4: 32).

Если перенос метафорический, то такое значение тяготеет к фразеологически связанным. Ср.: *воздвигнуть* ‘возвеличить, прославить’: *Побѣдоносный Луз, что крѣпостію сил, О Португальцы! Вас воздвиг и утвердил*. Кстрв Соч. 213 (СРЯ XVIII 3: 291). Семантическое развитие шло, вероятно, следующим путем: ‘поднять вверх’ (исходное значение) > ‘выдвинуть вперед’ (метонимический сдвиг) > ‘явить, показать’ (метонимический сдвиг) > образн. ‘возвеличить, прославить’.

4. Судьба семантических славянизмов в русском литературном языке. Подавляющее большинство семантических славянизмов в современном русском литературном языке находится на периферии лексико-семантической системы, в то время как сами эти лексемы, как правило, являются широко употребительными, стилистически нейтральными или книжными единицами, имеющими разнообразные деривационные и семантические связи. Ср.: *возбуждать, возлагать, воздвигнуть, изверг, изъять, искусный, изящный, издохнуть, отвращать, окрылять, обаяние, друг, жена, мечта, работа, позор* и мн. др. Этот факт и делает важным изучение «пассивной» зоны значений и употреблений этой лексики, ее «генетической памяти». «В языковой системе смысловая сущность слова не исчерпывается свойственными ему значениями. Слово по большей части включает в себе указания на смежные ряды слов и значений. Оно насыщено отражениями других звеньев языковой системы» [Виноградов 1977: 165].

С историко-семасиологической точки зрения можно выделить **три группы семантических славянизмов**, судьба которых по-разному сложилась в русском литературном языке XVIII в. и — шире — в русском литературном языке Нового времени.

1) Семантические славянизмы, вышедшие из употребления на протяжении XVIII в.: *безместие* ‘что-л. неуместное, неподобающее, нелепое’; *благой* ‘высоких достоинств, хороший’; *благорасположение* ‘удобное расположение, размещение где-л.’; *бодрый* ‘не дремлющий, не спящий’; *весьма* ‘отнюдь, никак’, ‘никоим образом’, ‘вообще’; *вещество* ‘предмет, вещь’; *взыскатель* ‘тот, кто ищет’; ‘тот, кто находит’; *возразить* ‘отразить, отбить’; *возревновать* ‘вознегодовать, возроптать’; *воображение* ‘придание определенного вида, образа’; ‘изображение’; *вообразить* ‘придать вид, образ’; ‘изобразить, начертить, нарисовать’; *восхитить* ‘схватить, выхватить’; *восхищение* ‘похищение’; *дарование* ‘дар’; *делание* ‘деятельность, работа, дело’; *дряхлый* ‘печальный, смутный’; *животный* ‘содержащий в себе жизнь’, ‘животворный, живительный’; *завидеть* ‘следовать, подражать кому-л.’; *злоба* ‘беда, бедствие’; *зрение* ‘зрелище, вид’; *уго* ‘ярмо’; *извлечься* ‘снять с себя’; *извернуть* ‘опрокинуть, испровергнуть, перевернуть’; *издать* ‘выдать, раздать’; *измыть* ‘вымыть’; *изумиться* ‘лишиться ума, рассудка, обезуметь’; *изумление* ‘потеря рассудка, иступление, беспамятство’; *иногда* ‘некогда, однажды’; ‘в другой раз, когда-н.’; *искренний* ‘близкий родственно или дружески’; *искусный* ‘испытанный, проверенный’; *исплевать* ‘выплюнуть’; *исплесть* ‘сплести’; *испражнить* ‘прекратить существование, свести на нет’; *испражниться* ‘уничтожиться, упраздниться’; *лукавство* ‘зло, несправедность, все дурное’; *многожды* ‘весьма, очень, гораздо’; *молва* ‘шум, ропот, выражение неудовольствия’; *молиться* ‘горячо просить, умолять’; *неделя* ‘воскресенье’; *недро* ‘пазуха’, ‘грудь’; *неисправление* ‘недостаток, несовершенство, изъян’; *оправдание* ‘закон, заповедь’; *поприще* ‘верста’ и мн. др.

Подавляющее большинство этих слов сохранилось в современном языке, но имеет другое значение.

2) Семантические славянизмы, сузившие свое употребление, ограничив его церковно-профессиональной сферой. СРЯ XVIII обычно сопровождает такие ЛСВ пометами «церк.-слав.» или «кн.-слав.»: *агнец* ‘Иисус Христос’, ‘четвероугольная часть просфоры’, *бранный* ‘состоящий из брения’, *буйство* ‘безумие, беззаконие’, *виноград* ‘виноградник’, *возглас* ‘последние слова молитвы’, *говеть* ‘уважать, почитать’, *дракон* ‘Сатана, дьявол’, *живой* ‘извечно существующий, вечный (о Боге)’, *клеть* ‘монашеский покой, келья’, *масть* ‘благовонное масло’ и нек. др. В целом это незначительный пласт церковнославянской лексики, однако некоторые из семантических славянизмов этой группы со временем расширили свое значение, выйдя за пределы церковно-профессиональной сферы. Ср.: *вклад* ‘пожертвование в виде денег или ценностей в церковь или монастырь’, *вкладчик* ‘лицо, сделавшее вклад в церковь или монастырь’, *вратарь* ‘сторож, охраняющий ворота монастыря’.

3) Семантические славянизмы, продолжившие функционировать в русском литературном языке XIX в., но с определенными жанрово-стилистическими ограничениями: *безгласие* ‘немота’; *бисер* ‘жемчуг’; *бодрость* ‘бдительность’; *бранный* ‘военный’; *брань* ‘война’; ‘защита, оборона’; *влага* ‘вода’; *влажный* ‘жидкий’, ‘мокрый, сырой’; *водворить* ‘устроить на жительство, поселить’; *водитель* ‘тот, кто ведет или водит кого-л.’; *возбуждать* ‘заставлять проснуться, пробудить’; *возлагать* ‘положить на что-л.’; *возобладать* ‘овладеть, завладеть’; *воплощение* ‘принятие образа человека’, ‘облечение в плоть, рождение’; *восстать* ‘подняться, стать на ноги’, ‘подняться вверх, на высоту’; ‘внезапно начаться’; *высокопарный* ‘высоко парящий, летающий’; *гроб* ‘могила’; *друг* ‘человек по отношению к другому, ближний’; *жена* ‘женщина’; *извергать* ‘удалить, устранить’; ‘выкинуть, родить мертвым’; *изводить* ‘выводить’, ‘произвести на свет, породить’; *издохнуть* ‘испустить дух, умереть’; *изрыть* ‘выкопать, вырыть’; *изъять* ‘извлечь, вынуть откуда-л.’; *исколоть* ‘убить, заколов’; *ископать* ‘выкопать’; *испить* ‘выпить все, без остатка’; *исходить* ‘выходить’; *крепость* ‘мощь, могущество (Бога)’; *мерцать* ‘темнеть, меркнуть’; *мечта* ‘видение, призрак’; *мышца* ‘рука’; *обаяние* ‘чарование, колдовство’; *обитель* ‘место обитания, жилище’; *окрылять* ‘укрыть, оградить крыльями’; *осенить* ‘осветить, озарить’; ‘взять под свое покровительство’; *отвлечь* ‘оттащить, оттянуть’; *отвращать* ‘отвергнуть, уклонить в сторону’; *отвращение* ‘отворачивание’; *отгрестись* ‘воздержаться от чего-л., остеречься чего-л.’; *позор* ‘зрелище, вид’ и др.

Все эти единицы в литературном языке XVIII–XIX вв. были стилистически маркированными и выполняли функции пиитизмов, поэтизмов, историзмов и др. [см.: Замкова 1975: 193–202; Семенов 1996]. Подавляющее большинство этих лексем оказалось способным к семантическому развитию, прежде всего к метафоризации. Именно это обстоятельство способствовало закреплению их в литературном языке и восприятию (на фоне более поздних переносных значений) «славянских» ЛСВ как стилистически маркированных, имеющих оттенки книжности, высокости, поэтичности и др.

Выводы. Рассмотренный материал позволяет сделать ряд выводов общего характера:

1) Семантическим славянизмом обычно является прямое, исходное значение полисеманта. Связано это с тем, что «славянское» значение — более древнее, восходящее к старославянским и церковнославянским источникам, а производные значения — более поздние, которые могли развиваться уже на русской почве в текстах разной жанрово-стилистической принадлежности. Этимологически это исходное значение почти во всех случаях, за небольшим исключением, является общеславянским, но, будучи сохраненными преимущественно в текстах определенной жанрово-стилистической принадлежности (старославянских, церковнославянских, книжно-славянских памятниках, произведениях высокого штиля), они воспринимаются и интерпретируются как семантические славянизмы, что отражается соответствующими пометами словарей. Способность этого пласта лексики к широкой словообразовательной и семантической деривации привела в конечном итоге к тому, что исходные ЛСВ были вытеснены на периферию (XVIII в.), а впоследствии, в современном русском языке, и вовсе вышли из употребления.

2) Значительная часть семантических славянизмов в словообразовательном плане представляет собой производные слова. В производном слове деривационное значение является той «рамкой», в пределах которой формируется лексическая семантика, и границы этой «рамки» задают разные возможности семантического развития. Поэтому одно и то же производное слово могло давать разные ЛСВ, один из которых осмысливался как «славянский» (в силу своей жанрово-стилистической прикреплённости), другие — как «русские» (*озлоблять* ‘причинять зло’ и ‘делать злым’; *окрылять* ‘ограждать крыльями’ и ‘дать крылья’; *законник* ‘исполнитель закона’ и ‘знаток закона’ и др.). Русский язык, за свою тысячелетнюю историю накопивший огромное количество аффиксальных производных, постепенно «разгружает» полисемию некоторых словообразовательных дериватов. Результатом этого процесса стало образование паронимов: распределение значений между прежними словообразовательными синонимами привело к восприятию «угасшего» значения у одного из таких слов как значения «славянского» в силу его архаичности, а у другого паронима это значение становилось основным (ср. историю слов *нравный–нравственный*, *болезнь–боль*, *видение–вид* и т. п.).

3) В семантической истории славянизмов постоянно присутствовал стилистический фактор. Содержание текста задавало вектор семантической эволюции, поэтому по-разному реализовывался семантический потенциал славянизма в зависимости от того, в каком стилистическом регистре он функционировал. Тексты отвлеченного философского, богословского содержания способствовали развитию у славянизмов отвлеченных значений (ср. историю слов *возбуждать*, *восстать*, *вкушать*, *наитие*, *изящный* и др.); использование славянизма в текстах другого типа, напр., в художественно-повествовательных, деловых, напротив, направляло развитие лексемы в сторону конкретизации ее семантики, сужения значения (ср. историю слов *брань*, *пиво*, *наказание*, *позор* и т. п.). Естественно, что эти последние значения формировались в основном на русской почве и на их фоне исходные значения воспринимаются и интерпретируются как семантические славянизмы.

4) Историки языка неоднократно указывали на формульный характер древнего текста [Колесов 1989: 14 и др.]. Эта особенность вела к тому, что некоторые значения могли реализовываться только в составе определенных формул. Такие фразеологически связанные значения (см. историю слов *исчадие*, *кромешный*, *крайний* и др.) также включаются в класс семантических славянизмов. При этом, чем шире состав формулы, чем больше возможностей ее варьирования, тем меньше степень связанности такого значения, а следовательно, и его прикрепленность к определенному фразеологическому сочетанию. Такой ЛСВ входит во фразеологические серии (термин В. В. Виноградова), иногда весьма обширные (ср.: *излить* — *гнев*, *ярость*, *злобу*, *желчь*, *досаду*...). Как «славянские» могут интерпретироваться и некоторые конструктивно обусловленные значения (ср.: *благоволить* — кого и кому).

5) Исследователями неоднократно подчеркивалось, что метафорический перенос «был излюбленным способом образования новых отвлеченных значений в старославянском и церковнославянском языках. Книжно-славянские слова, функционирующие в русском литературном языке Нового времени, обладали разветвленной сетью метафорических значений, образность которых ощущалась в разной степени. Многие из переносных значений на русской почве получают дальнейшее развитие: расширение синтагматических связей, закрепление образных употреблений в значениях» [Копорская 1988: 25]. Проанализированный материал позволяет сделать вывод о двух типах метафорических переносов славянизмов — «старых» и «новых». «Старые» переносы (напр., *дерзновение* ‘надежда, упование’, *немоцный* ‘слабый духом, безвольный’) обычно ограничивали сферу своего функционирования церковной книжностью и высоким стилем литературного языка, становясь семантическими славянизмами; «новые» же переносы развивались, как правило, на базе исходных значений славянизма и создавали основу отвлеченной лексики современного русского языка (ср. историю славянизмов первой группы: *возбуждать*, *возлагать*, *возражать*, *изумляться*, *исходить*, *обаяние*, *высокопарный*, *животворящий* и мн. др.).

Славянизмы относятся к той группе лексико-стилистических категорий, в которых в наибольшей степени отражена история народа, «семантическая память» этой лексики уходит далеко в глубь веков, и «в том, что в семантике многих славянизмов сохранились отголоски бывших значений и употреблений — их большая культурная и художественная ценность» [Там же: 220]. Сказанное в полной мере относится и к семантическим славянизмам, история которых стала предметом рассмотрения в настоящей статье.

Источники

- САР¹ — Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный: в 6 ч. СПб., 1789–1794.
- СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / Рос. акад. наук, Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова. Т. 1–12. М., 1988–2019 (издание продолжается).
- СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. Вып. 1–22. Л.; СПб.: Наука, 1984–2019 (издание продолжается).
- СОРЯ — Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Вып. 1–8. СПб.: Наука, 2004–2018 (издание продолжается).

- СС — Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М.: Русский язык, 1994. 842 с.
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.
- Фасмер⁴ — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 4-е изд., стереотип. М.: Астрель: АСТ, 2007.
- ФССЯ — Фразеологический словарь старославянского языка / Научно-исследоват. словарная лаборатория МаГУ; отв. ред. С. Г. Шулежкова. М.: Флинта: Наука, 2011. 424 с.
- Черных³ — Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1999.

Литература

- Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. 312 с.
- Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. 3-е изд. М.: Высш. школа, 1982. 528 с.
- Дидковская В. Г. Сочетаемость глагольных фразеологизмов и фразеологических сочетаний со словом (на материале языка конца XVIII – начала XIX вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1978. 15 с.
- Замкова В. В. Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII в. Л.: Наука, 1975. 224 с.
- Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 296 с.
- Копорская Е. С. Семантическая история славянизмов в русском литературном языке нового времени. М.: Наука, 1988. 232 с.
- Палевская М. Ф. Основные модели фразеологических единиц со структурой словосочетания в русском языке XVIII в. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1972. 308 с.
- Семенов П. А. Проблема классификации стилистических функций славянизмов (Диахронический аспект) // Вестник Новгородского гос. ун-та. Серия «Гуманитарные науки». 1996. №4. С. 134–138.
- Улуханов И. С. Славянизмы в русском языке (глаголы с неполногласными приставками). М.: «Управление технологиями», 2004. 268 с.
- Филиппова В. М. Развитие глагольной фразеологии в русском литературном языке XVIII в. // Русская литературная речь в XVIII веке. М.: Наука, 1968. С. 3–160.

Семенов Петр Александрович, д. филол. наук; Балтийский институт экологии, политики и права (БИЭПП), г. Санкт-Петербург; профессор; e-mail: 2331638@mail.ru

Для цитирования. Семенов П.А. К характеристике семантических славянизмов в русском литературном языке XVIII века // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2020. Вып. 3. С. 74–92.

References

- Vinogradov V. V. [Izbrannyye trudy. Leksikologiya i leksikografiya]. Selected Works. Lexicology and lexicography. M.: Nauka Publ., 1977. 312 p. (In Russ.)
- Vinogradov V. V. [Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vekov]. Essays on the history of Russian literary language of the 17–19th centuries. 3rd ed. M.: Vysshaya shkola Publ., 1982. 528 p. (In Russ.)
- Didkovskaya V. G. [Sochetayemost' glagol'nykh frazeologizmov i frazeologicheskikh sochetaniy so slovom (na materiale yazyka kontsa 18 – nachala 19 vv.)]. Combinability of verbal phraseological units and phraseological combinations with a word (based on the material of the language of the late 18th – early 19th centuries): author. dis. ... cand. philol. sciences. L., 1978. 15 p. (In Russ.)

- Zamkova V. V. [Slavyanizm kak stilisticheskaya kategoriya v russkom literaturnom yazyke XVIII v.]. Slavism as a stylistic category in the Russian literary language of the 18th century. L.: Nauka Publ., 1975. 224 p. (In Russ.)
- Kolesov V. V. [Drevnerusskiy literaturnyy yazyk]. Old Russian literary language. L.: Publishing house of Leningrad State University, 1988. 296 p. (In Russ.)
- Koporskaya E. S. [Semanticheskaya istoriya slavyanizmov v russkom literaturnom yazyke novogo vremeni]. The semantic history of Slavisms in the Russian literary language of modern times. M.: Nauka Publ., 1988. 232 p. (In Russ.)
- Palevskaya M. F. [Osnovnyye modeli frazeologicheskikh yedinit so strukturoy slovosochetaniya v russkom yazyke XVIII v.]. Basic models of phraseological units with the phrase structure in Russian language of the 18th century. Chisinau: Cartya Moldovenienasca Publ., 1972. 308 p. (In Russ.)
- Semenov P. A. [Problema klassifikatsii stilisticheskikh funktsiy slavyanizmov (Diakhronicheskiy aspekt)]. The problem of the classification of the stylistic functions of the Slavisms (Diachronic aspect) // Bulletin of the Novgorod State University. Series «Humanities». 1996. No. 4. P. 134–138. (In Russ.)
- Ulukhanov I. S. [Slavyanizmy v russkom yazyke]. Slavisms in Russian. M: «Upravleniye tekhnologiyami» Publ. 2004. 268 p. (In Russ.)
- Filippova V. M. [Razvitiye glagol'noy frazeologii v russkom literaturnom yazyke XVIII v.] Development of verbal phraseology in Russian literary language of the 18th century // Russian literary speech in the 18th century. M.: Nauka Publ., 1968. P. 3–160. (In Russ.)

Petr A. Semenov, Dr. of Sci. Phil., University of Ecology, Politics & Law (BUEPL), Professor, Saint Petersburg, Russian Federation. E-mail address: 2331638@mail.ru

For Citation: Semenov P.A. (2020). On the characteristics of semantic Slavonicisms in the Russian literary language of the 18th century. *Slavyanskaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya* [Slavic historical lexicology and lexicography], 3, pp. 74–92. (In Russ.)

Valentina N. Kalinovskaya
ORCID iD: 0000-0001-7517-7538
Natalia V. Skryabina

В.Н. Калиновская,
Н.В. Скрябина

FROM A PLAIN DOCTOR TO A MEDICAL CHARLATANISM

ОТ ПЛОЩАДНОГО ЛЕКАРЯ К ВРАЧЕБНОМУ ШАРЛАТАНСТВУ¹

Аннотация. Статья посвящена истории употребления слов *шарлатан*, *шарлатанский*, *шарлатанство* в текстах русской публицистики, авторами которых были врачи. Основной темой, поднимаемой в этих произведениях медиков, является широко распространенная в XIX – нач. XX века реклама сомнительных лекарств. В статьях, посвященных разоблачениям такого рода рекламы, активно употреблялись указанные лексемы.

Ключевые слова: русский язык; русский язык XIX века; публицистика XIX века; история слов *шарлатан*, *шарлатанский*, *шарлатанство*.

Summary. The article is devoted to the history of the use of the words *charlatan*, *charlatanskiy*, *charlatanstvo* in the texts of the Russian periodical press, the authors of which were doctors. The main theme raised in these works of physicians is the widespread advertising of dubious drugs at the beginning of the 20th century. These lexemes were actively used in articles devoted to exposing this kind of advertising.

Keywords: Russian language, the 19th century Russian language, the 19th century publicism, history of words *charlatan*, *charlatanstvo*.

Преобладание эмпиризма в медицине XVI–XVII вв. обусловило тенденцию к использованию так называемых «тайных», или «секретных», средств. В те времена народные поверья приписывали их изготовителям сверхъестественную способность исцелять все недуги, что исключало какое бы то ни было предварительное изучение лечебных свойств предлагаемых ими снадобий. В Европе изготовители таких средств, корыстно эксплуатировавшие веру людей в их целительную силу, именовались *шарлатанами*. В XIX веке возникли целые «фабрики», занимающиеся приготовлением тайных, секретных, нередко патентованных средств; особенно широкое распространение они получили в Америке, Англии, Франции, Германии, появились они и в России.

Если принципом научной медицины являлась индивидуализация больного, то принципом производства готовых лекарств была нивелировка больных. На эту тему стали издаваться популярные брошюры. В рекламных текстах, популяризовавших такого рода препараты, стали упоминаться имена известных медицинских авторитетов. Для чудесных «лекарств» придумывались самые причудливые названия. Все это помогало фабрикантам тайных средств сбывать свою продукцию. О непреходящем интересе к теме шарлатанства, ее актуальности в связи с современными проблемами медицины и необходимостью просвещать читателя посредством увлекательного чтения свидетельствует появление таких книг-бестселлеров, как совместный труд доктора медицины и журналиста Лидии Канг и Нэйта Педерсена «История шарлатанства», переведенный с англ. кандидатом мед. наук, известным нейрохирургом, поэтом и переводчиком

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00413 «Русский язык в медиапространстве XIX века».

медицинских текстов Алексеем Кашеевым. Именно под действием таких экстралингвистических факторов в сочинениях врачей и фармацевтов с высокой частотностью начинают употребляться лексемы *шарлатан*, *шарлатанский*, *шарлатанизм* и *шарлатанство*, а также словосочетания с этими словами.

Лексема *шарлатан* в русской лексикографии впервые была зафиксирована в «Российском с немецким и французским переводом словаре, сочиненном Надворным советником Иваном Нордстетом» (1782): *Шарлатан* ‘обманщик, обольститель, площадной лекарь’ является транслитерацией фр. *un charlatan*. (Нордстет 2: 871). В «Новом Словотолкователе» Яновского (1806) в отличие от лексикографического источника XVIII века, в котором приведен лишь синонимический ряд русских эквивалентов, у заимствованного слова выделено три значения, и прямое, основное значение дано на первом месте: *Шарлатан*. 1. ‘площадной лекарь, который выхваляя свои лекарства, по площадям продает’; 2. ‘хвастун, самохвал, всяк, кто работам и трудам своим приписывает большую цену, нежели они заслуживают, или величается большими достоинствами, нежели какие имеет в самом деле’; 3. ‘обманщик, обольститель, кто красивыми обольстительными словами уловляет другого для достижения своей цели’ (Яновский 3: 1165). У Яновского зафиксировано также производное *шарлатанство* с толкованием ‘хвастовство, чванство, самохвальство, обольщение, плутовская уловка, умышленное ласкательство, лестные обнадеживания, уверения шарлатана, имеющие целью достижение своей цели’ (Там же). Характер толкования указывает на его мотивирующую связь с производными значениями ядерной лексемы.

Обращение к «Полному французско-русскому словарю», составленному И. Татищевым (1816), позволяет установить более объективную картину формирования данного гнезда слов в русском литературном языке. Словарь свидетельствует о наличии такого гнезда в языке-оригинале и дает соответствующие языку-источнику значения конкретных слов:

Charlatan s. m. — ‘Площадный лекарь, мальханщик, шарлатан; — величавый, но ничего не знающий врач; обманщик, обольститель’;

Charlataner — ‘Обманывать, обольщать, морочить, шарлатанить, выманывать деньги ласкательством’;

Charlatanisque — ‘Шарлатанский’;

Charlatanisme — ‘Характер и поступки шарлатана, шарлатанизм’ (Татищев 1: 355).

Можно констатировать, что в русском языке по крайней мере четыре лексемы (включая оформленные по законам русской грамматики *шарлатанский* и *шарлатанить*) являются прямыми заимствованиями из французского языка. Отметим, что в словаре указано актуальное для XIX века употребление слова *шарлатан* по отношению к врачу-дилетанту, которое получит развитие в публицистических текстах медиков и фармацевтов.

История усвоения заимствованных понятий и соответствующей им лексики отражена в толковых словарях русского языка рассматриваемого периода. Лексемы *шарлатан* и *шарлатанский* зафиксированы в «Словаре церковнославянского и русского языка» (1847) наряду с производным *шарлатанство*, воз-

никшим на русской почве: *шарлатан* ‘выдающий себя за знатока перед не знающими дела; обманщик, оболгатель’; *шарлатанский* ‘принадлежащий или свойственный шарлатанам’; *шарлатанство* ‘поступки шарлатанов’ (Сл 1847 4: 449). Обратим внимание на то, что значение ‘площадной лекарь’ в толкованиях слов в этом словаре не актуализировано. Не акцентируется внимание на таком значении и в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, где слово *шарлатан* и его производные представлены следующим образом: *Шарлатан* — ‘обманщик, хвостун и надувала; кто морочит людей, пускает пыль в глаза, отводит, туманит, разными приемами дурачит и обирает. Он ничего не смыслит в этом деле, только шарлатанит, и легковверные, за шарлатанство его, приплачиваются’... <шарлат>-анские приемы (Даль 2001 4: 1027–1028). Можно заметить, что при семантизации указанных лексем происходит смещение в сторону расширительного употребления слов, акцент делается на оценке самих действий, производимых действующим лицом, — на это указывает большое количество оценочных лексем и суждений в словарных дефинициях.

К концу XIX века даже в словарях иностранных слов при лексеме *шарлатан* дается именно расширительное, более общее значение. Так, в «Словаре иностранных слов» Залесского (1881) слово *шарлатан* имеет помету, указывающую на язык-источник — (фр.), и толкуется как ‘тот, кто с небольшими сведениями представляет из себя знатока или человека опытного в каком-либо деле’ (Залесский 2: 167). Именно с таким значением слово переходит в лексикографические источники середины XX века.

Аналогичную картину наблюдаем и в отношении его производных. «Словарь современного русского литературного языка» толкует лексему *шарлатан* с производными следующим образом: *шарлатан* — ‘невежда, выдающий себя за знатока, специалиста; обманщик, плут’; *шарлатанский* ‘относящийся к шарлатану, свойственный ему. || Содержащий в себе обман, плутовство’. *Подлые концессионеры глотают миллионы во имя разных шарлатанских проектов*. Гл. Усп. Письмо Н.К. Михайловскому, 14 марта 1876; *шарлатанство* — ‘поведение, образ действий, свойственный шарлатану; бессовестный обман, основанный на незнании, на невежестве окружающих’. *Сен-Жермен был шарлатан; но одним шарлатанством не мог бы он добиться до известности, которою пользовался*. Вяз. Фонвизин (ССРЛЯ 17: 1283–1284).

Начиная со второй половины XVIII века, данные заимствования начинают использоваться русскими авторами в качестве экспрессивного языкового средства при создании художественного образа, в описании реалий европейской жизни, как оценочные слова, они являются элементом публицистического стиля (в картотеке «Словаря русского языка XVIII века» примеры их употребления представлены цитатами из сочинений А. Сумарокова, А. Храповицкого, Д. Фонвизина, А. Болотова). В XIX веке они уже активно входят в лексикон русского человека, встречаясь как в переводной литературе, так и в оригинальных произведениях различных жанров. Так, в сочинениях современников А.С. Пушкина и в текстах самого поэта данная лексика реализует самый широкий спектр семантических оттенков. Весьма показательным примером употребления слова *шарлатан* в его исходном, прямом значении может служить следующая цитата из неоконченной повести А.С. Пушкина «Египетские ночи», в

которой появившийся персонаж ассоциируется с одним из «героев», окруженных романтическим ореолом их таинственного ремесла: *Он <незнакомец> был высокого росту — худощав и казался лет тридцати. Черты смуглого его лица были выразительны: бледный высокий лоб, осененный черными клоками волос, черные сверкающие глаза, орлиный нос и густая борода, окружающая впалые желто-смуглые щеки, обличали в нем иностранца. На нем был черный фрак, побелевший уже по швам; панталоны летние (хотя на дворе стояла уже глубокая осень); под истертым черным галстуком на желтоватой манишке блестел фальшивый алмаз; шершавая шляпа, казалось, видала и ведро и ненастье. Встретясь с этим человеком в лесу, вы приняли бы его за разбойника; в обществе — за политического заговорщика; в передней — за **шарлатана**, торгующего эликсирами и мышьяком (1835) [Пушкин Ен: 246].*

Однако в контексте обсуждаемой темы важно выделить у слов *шарлатан/шарлатанство* значение ‘тот, кто выдает себя за знатока; псевдоученый’/ ‘ложное знание; псевдоученость’, которое постепенно становится более актуальным. Именно такой смысл улавливается в употреблении слов в тексте пушкинского дневника: *17 марта. Вчера было совещание литературное у Греча об издании русского Conversation's Lexikon. Нас было человек со сто, большею частью неизвестных мне русских великих людей. Греч сказал мне предварительно: «Плюшар в этом деле есть **шарлатан**, а я пальяс: пью его лекарство и хвалю его». Так и вышло. Я подсмотрел много **шарлатанства** и очень мало толку. Предприятие в миллион, а выгоды не вижу. Не говорю уже о чести. Охота лезть в омут, где полощутся Булгарин, Полевой и Свиньин [Пушкин Ап: 31].* Интересно, что в комментариях к изданию пушкинского текста (где он приводит высказывание Н.И. Греча и свою реакцию на замечание хозяина собрания) дается пояснение к слову *шарлатан*: «Шарлатан здесь в старинном значении: уличный торговец лекарствами, при которых когда-то состояли паяцы («пальяс»), потешавшие прохожих и привлекавшие их к приобретению лекарств» [Там же]. С этим утверждением вряд ли можно согласиться, поскольку здесь мы имеем дело с образным контекстом, в котором образ «площадного лекаря» является представителем иного референта. Слово выступает маркером этической оценки деятельности другого человека. Употребление анализируемой лексики в текстах XIX века для характеристики отрицательных сторон научной деятельности — пренебрежения фактами, поверхностности суждений, голословности и преждевременности научных утверждений — становится сильным стилистическим средством в публицистических текстах.

Исключительность употребления слов *шарлатан, шарлатанство* в сочинениях на медицинские темы закономерно объясняется особенностями развития медицинского знания, медицины как науки в XIX веке, которое происходило на фоне успехов других наук и в связи с общим вектором социально-экономического развития в Европе и России. Коммерциализация человеческой деятельности, в особенности в гуманитарной сфере, вызывала жесткую критику у современников, актуализировала необходимость борьбы с отрицательными проявлениями научного и технического прогресса. В отношении медицинского знания авторами статей ставилась задача преодоления невежества, просвещение читателей.

Причиной актуализации первоначального прямого значения указанной лексемы в ряде текстов XIX века послужило появление во врачебной деятельности большого количества так называемых тайных, или секретных, средств и их реклама. Социокультурным и сугубо медицинским проблемам (по мере приобретения медициной научного характера), связанным с указанным явлением, были посвящены литературные тексты разных жанров, авторами которых были врачи и фармацевты. В данной статье рассматриваются языковые факты употребления слова *шарлатан* и его производных на материале таких текстов. В них следует отметить не только особое употребление конкретных лексем из словообразовательного гнезда, но и рост лексической сочетаемости анализируемой лексики. Если взять за критерий оценки текстов, в которых встречается этот ряд слов, их тематику, то можно выделить несколько групп текстов, освещающих следующие темы:

- врачебная деятельность (1);
- производство лекарственных средств (2);
- торговля лекарственными средствами и их реклама в печати (3).

Употребление лексем *шарлатан*, *шарлатанство* и *шарлатанизм* в первой группе источников характеризуется наряду с актуализацией исходного 'площадной лекарь' усилением оценочного компонента в семантике. Эта особенность характеризует как переводные тексты, так и оригинальные сочинения. Контекстуально это подчеркивается выстраиванием соответствующих оппозиций на основе модели лексического сочетания (*в руках кого*): *Но если мышьяк в руках осмотрительного врача может делать чудеса, то напротив какие ужасные последствия он может иметь в руках шарлатана* [Шнейдер 1827: 8]. Лексема *шарлатан* становится обозначением не только «площадного лекаря», но и «мнимого» специалиста: *Чтобы привлечь толпу ротозеев и других кабинетный шарлатан, подобно уличному, имеет тоже свою музыку, но его кларнет и барабан: реклама. В противоположность уличному шарлатану, который всегда универсален, кабинетный шарлатан по большей части специалист, т. е., он посвящает себя специально лечению какой-либо из частей тела, наприм. глаза, уха, зубов или какой-нибудь болезни, как-то подагры, рака, или случайной болезни, которую я не хочу назвать* [Д-р Вердо 1870: 15]. В данном тексте оппозиция прямого и номинативно-производного (расширительного) значений достигается за счет определений *уличный* и *кабинетный*.

Употребление указанной лексики в оригинальных сочинениях русских авторов, как правило, связано с критикой использования во врачебной деятельности сомнительных лекарственных средств: *В Америке весьма недавно присяжный суд в Йорке присудил к смертной казни шарлатана за лечение больной оспой мориссоновыми пилюлями, от которых она умерла* [Козлов 1856: 5]; *Такому изменению характера секретных лекарств, предвещающему возможность их совершенного изгнания из употребления, кроме успеха наук и образованности, содействовали и распоряжения правительств, препятствующие развитию этой вредной отрасли врачебного шарлатанства* [Там же: 4]. Заимствование *шарлатанизм* употреблено для резко отрицательной оценки процесса коммерциализации врачебной деятельности: *Но, говоря вообще, русские врачи никогда не унижались и не доходили до степени шарлатанизма иностранных*

врачей, своими рекламами наполняющих столбцы, как политических, так и медицинских газет и журналов [Прохоров 1885: 199].

Усиление экспрессивного компонента в семантике слов *шарлатан*, *шарлатанство* обнаруживаем в более поздних текстах начала XX века. Данная тенденция связывается с осознанием объективного внутреннего противоречия (*развитие науки и прогресс шарлатанства; благоприятная почва для процветания и свить себе гнездо*), являющегося следствием развития науки и популяризации научного знания в их отношении к социально-экономическим процессам: *Рядом с развитием науки совершается прогресс шарлатанства. — Это игра на демократизации научных истин — определил шарлатанство покойный М. Бертело. И он был прав. Демократизация научных истин состоит в том, что все, кто читает газеты или журналы, не говоря уже о популярных брошюрах, приблизительно, поверхностно знают о многом, чего добивалась десятилетиями наука. Эта-то поверхностность научных сведений, можно сказать сведений понаслышке, создает благоприятную почву для процветания шарлатанства. Прежде всего, шарлатанство свило себе гнездо в медицине, а потом в вопросе сохранения жизни и красоты. Франция и Америка дали нам блестящих представителей этого рода людей [ФЖ 1913 (7): 77].*

Критическое отношение к реальности — к существованию специфической коммерческой отрасли медицины как явления — нашло отражение в оформлении особых номинативных единиц для обозначения этой сферы деятельности и ее главного деятеля (*врачебное шарлатанство и шарлатан-лечитель*): Л.Н. Малиновский указал, что ныне действующий закон дает широкий простор к развитию деятельности *шарлатанов-лечителей* и что борьба с ними на этой почве не только трудна, но и бесплодна. Когда они привлекаются к ответственности, то налагаются ничтожные штрафы, которые и для объявителей, тратящих огромные средства на рекламы, и для газет, получающих огромные средства от этих реклам, конечно, не могут быть сдерживающим началом [ЖРОЗ 1913: 130]; Гз.! *Врачебное шарлатанство* представляет наибольший вопрос не только для нас, взявших на себя почин в борьбе с ним, но и для Правительства, и прежде всего для главного врачебного Управления, которое, как известно, с своей стороны, озабочено изысканием способов и мер для противудействия злу [Там же: 122]; В настоящее время наблюдается два течения в области *врачебного шарлатанства*: одно — увлечение растительными веществами, другое — радиоактивностью. Результатом первого явились такие врачебные панацеи, как «набор 171 травы», доктора Пакти из Лондона, «набор из индийских трав» от луэса, вытяжка растительных соков из мхов Байтсэля, — средство, ввозимое из Америки, различные растительные настойки, микстуры, изготовляемые якобы по тибетским рецептам и по большей части представляющие собою вытяжки из листьев ... берез, подорожника или клевера. Радиоактивность также широко эксплуатируется. В чем только не нашли этих излучений! Можно найти такие препараты, как «радиоактивный гипс». Это — не что иное, как светящаяся в темноте сернистая известь (кальций); радиоактивная соль — обыкновенная поваренная соль, с тою только разницею, что фунт ее в лавке стоит 2 коп., а в баночках фирмы David Rapoulé она обойдется около 4 руб. [ФЖ 1913 (7):77].

Вторую группу текстов образуют сочинения, посвященные критике производства сомнительных лекарственных препаратов, которые иначе как «подделка», «фальсификация», «вред», «дерзость» не характеризуются: «*Фармацевтический журнал*», который еще до 1-го Созыва нашего Собрания (1911 г., №17, и 1912 г. №№42, 45 и 47) занимался вопросом о **шарлатанстве в химико-фармацевтической промышленности** (подделка фармацевтических препаратов; протекающий от шарлатанства вред для фармацевтического дела в России), посвятил нашему обращению статью под заглавием: «Лучше поздно, чем никогда» (1913 г., №6) [ЖРОЗ 1913: 124].

Анализируемая в статье лексика в подобных текстах встречается в структуре составных наименований с оценочным компонентом лекарственное шарлатанство (подобно сочетанию врачебное шарлатанство), шарлатанские средства, шарлатанские приемы, шарлатан-изобретатель: Средство это прямо показывает всю дерзость **шарлатанов-изобретателей** секретных средств. Они, как видно, пользуются всеми людскими слабостями, и вместо того чтобы стараться искоренить в обществе всякую тень верования в сверхъестественное и необычайное и уничтожить всякие признаки суеверия и предрассудков, стараются развить как можно более эти недостатки общества [Ашик 1868: 18]; *Poudre de charbon de Belloc*. Д-р Беллок рекомендовал уголь из тополевого дерева для внутреннего употребления, восхваляя его как средство, ускоряющее пищеварение, при первых страданиях желудка и поправляющее аппетит. Соединившись с аптекарем Фрером, он начал его продавать. Но в скором времени оказалось, что уголь из тополевого дерева ничем не отличается от обыкновенного угля и нисколько не оправдывает рекомендации изобретателя, а потому это лекарство должно быть причислено к **шарлатанским средствам** [Там же: 24]; В течение двух лет на страницах нашего журнала велась борьба с фальсификацией лекарственных веществ, с **шарлатанскими приемами** их изготовления и распространения, с наглым, невежественным и бесстыдным рекламированием препаратов, лишенных и тени научных оснований и спекулирующих нам некультурность, темные инстинкты, малое умение разбираться в вещах низших слоев населения [ФЖ 1913 (6): 55]; Мы считаем себя уполномоченными на это во-первых ввиду того, что **лекарственное шарлатанство** есть явление, касающееся не только врачей и не главным образом их. Явление это не в меньшей степени касается фармацевтов, как производителей лекарств [Там же].

Третью группу текстов представляют критические публикации, развивающие в органах общей и медицинской печати тему рекламы незаконной, с точки зрения авторов, врачебной и фармацевтической деятельности. Такого рода критика способствовала возникновению лексической сочетаемости, типичной для освещения актуального для развития «доказательной» (говоря современным языком) медицины вопроса: Последовало циркулярное распоряжение по делам печати, напоминающее, что ввиду возмутительных реклам никакие врачебные объявления без дозволения врачебных начальств печатаны быть не могут. В Петербурге циркуляр этот произвел желаемое действие: **шарлатанские объявления** исчезли [Прохоров 1885: 201–202]; Многие корреспонденты горько жалуются на Правительство и, прежде всего, на медицинское началь-

ство за то, что не принимаются меры к ограничению **шарлатанской литературы** и к уничтожению опасных для здоровья и кармана лечащихся **шарлатанских лавочек**, а некоторые, кроме того, сетуют на органы общей и медицинской печати, что они печатают заведомо лживые и бесчестные рекламы и объявления [ЖРОЗ 1913: 122–123]; Если жаждущие знания и помощи обращаются к таким **шарлатанским изданиям**, как «Вестник здоровья», «Травы и их значение в медицине» и т. п., то это происходит от неосведомленности относительно характера названных журналов; а насколько ощутительна потребность в популярных медицинских печатных органах, видно из того, что некоторые больные, страждущие специальными болезнями, напр., ушными, бугорчаткой, за отсутствием у себя дома врачебной помощи, выписывают, как это видно из писем специальные органы, издаваемые не для публики, а для врачей, — такие, как журналы ушных, носовых и горловых болезней д-ров Брамсона и Цитовича, «Туберкулез» д-ра Гайковича и многие др. [Там же: 123]; <Шарлатанство> избирает своей жертвой не малокровие и не головную боль. Это слишком невинно для господ шарлатанов. Туберкулез, гонорея, луэс — это подходит гораздо более к их целям полнейшей эксплуатации невежественного больного. То лечение не дает быстрых результатов, то лечение оказалось бесполезным, зачастую по вине самого больного, то стыдно обращаться к врачу, ибо болезнь секретного характера. Тут-то выступает на сцену шарлатан и в своих широковещательных плакатах, одобренных двумя-тремя учеными фразами, именами мифических профессоров и врачей и благодарственными письмами десятков несуществующих потребителей, обещают спасение за 3–5 рублей. Больной идет на это, ибо он невежественен, ибо он не привык верить врачу, ибо они не в состоянии сознательно отдать предпочтение врачу и медицине. «Нет больше чахотки», «чахотка-смерть» кричит плакат и посылает больному Туссолиновые лепешки или Лециталь, сопровождаемые «ученой литературой», заимствованной из **шарлатанского же журнала** [ФЖ 1913 (6): 56]. Выявленные в текстах сочетания позволяют выстроить ряд специфических номинативных единиц по принципу градуальности: **шарлатанское объявление** — **шарлатанский журнал** — **шарлатанское издание** — **шарлатанская литература**.

Наблюдения за функционированием слов **шарлатан**, **шарлатанский**, **шарлатанство** и **шарлатанизм** в публицистических текстах XIX века (оригинальных и переводных) позволяют сделать некоторые предварительные выводы относительно эволюции семантики ядерной лексемы **шарлатан** в направлении от конкретного в сторону расширительного общего значения, что нашло отражение в семантике производных. Это развитие отчетливо проявляется при сравнении семантической структуры слов данного словообразовательного гнезда в языке-источнике (см. Татищев) и дефиниций, представленных в толковых словарях русского языка XIX–XX вв. Начиная со «Словаря церковнославянского и русского языка» (1847) из представленного семантического ряда исчезает прямое значение ‘площадной лекарь’, а при толковании лексемы в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля появляется оценочная лексика. В «Словаре современного русского литературного языка» указывается исключительно производное значение, подтвержденное примерами из литературных произведений XIX века.

В то же время можно видеть, что усиление оценочного компонента в семантике слов, позволяющего применять их расширительно, не исключало актуализации прямого значения 'площадной лекарь' при выстраивании оппозиции «норма» – «не-норма». Данная лексика становится отрицательным маркером той сферы врачебной деятельности, которая возникает в XIX веке в противовес научной медицине и фармацевтике (ср. *уличный шарлатан* и *кабинетный шарлатан*) и характеризуется в медицинской публицистике изучаемого периода как «научное шарлатанство» («подделка», «фальсификация», «вред»). Именно в такой функции выступают анализируемые лексемы, употребляемые в текстах XIX века независимо или в составе атрибутивных лексических словосочетаний (*шарлатан-лечитель, шарлатан-изобретатель, врачебное шарлатанство, лекарственное шарлатанство, шарлатанство в химико-фармацевтической промышленности, шарлатанизм иностранных врачей, шарлатанское средство, шарлатанские приемы, шарлатанское объявление, шарлатанская литература, шарлатанское издание, шарлатанский журнал, шарлатанская лавочка*).

Анализируемые языковые факты являются ценным источником историко-культурной информации, касающейся социальных процессов, обусловленных развитием медицины и фармацевтики как научных отраслей.

Источники

- Ашик В.А. О патентованных, так называемых секретных средствах. СПб., 1868. 52 с.
- Даль 2001 — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Астрель АСТ, 2001. Т. 4: О–Я. 1144 с.
- Д-р Вердо. Шарлатанство и шарлатаны в медицине: Психол. этюд / Пер. с фр. В.А. Ашик. СПб., 1870. 32 с.
- ЖРОЗ 1913 — С совещаний редакторов Петербургских медицинских изданий по вопросу о борьбе с врачебным шарлатанством. Протокол 3-го Совещания 7-го апреля 1913 г. // Журнал Русского Общества охранения народного здоровья. 1913. №5–6. С. 122–130.
- Залеский А. Новейший полный справочный словарь; 75000 иностранных общеупотребительных в русском языке слов. Содержащий в себе слова, заимствованные из европ. и др. яз., вошедшие в отечественную литературу и употребляемые в технике, коммерции, пром-сти, медицине и др. отраслях знания / Сост. по новейшим рус. и иностр. лексикографич. источникам филологом А. Залеским. Ч. 1–2; Ч. 2-я печ. в тип. т-ва «Общественная польза». 1880. 176 с.
- Козлов Н. О секретных врачебных средствах. СПб., 1856. 54с.
- Нордстет И. Российский, с немецким и французским переводами, словарь / Сочиненный надворным советником Иваном Нордстетом. СПб.: Изданием типографшика и книгопродавца И.К. Шнора, 1780–1782; Ч. 2: О до конца алфавита. 1782. С. 435–886.
- Прохоров П.Н. Земско-аптечное дело // Протоколы 4-го Санитарного Съезда земских врачей С.-Петербургской губернии 3–13 апреля 1885 г. СПб., 1885. С. 195–215.
- Пушкин Ап — Пушкин А.С. Автобиографическая проза (Дневники) // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. Т. 8. Автобиографическая и историческая проза. История Пугачева. Записки Моро де Бразе. 1978. С. 7–47.
- Пушкин Ен — Пушкин А.С. Египетские ночи // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. Т. 6. Художественная проза. 1978. С. 244–257.
- Сл 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук. Репр. изд.: в 2 кн. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2001. Кн. I (Т. I, II). 928 с.; Кн. II (Т. III, IV). 1092 с.

- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965. Т. 17 (Х–Я). 1965. 2126 с.
- Татищев И.И. Полный французско-русский словарь, составленный по новейшему изданию Лексикона Французской академии и умноженный вновь введенными словами, также техническими терминами надворным советником Иваном Татищевым: ч. 1–2. М.: тип. Селивановского, 1816; Ч. 1. От А до Н. 1068 с.
- ФЖ 1913 (6) — Лучше поздно, чем никогда // Фармацевтический журнал. №6. 9 февраля 1913 г. С. 55–57.
- ФЖ 1913 (7) — Научное шарлатанство // Фармацевтический журнал №7. 16 февраля 1913 г. С. 77–78.
- Шнейдер П.И. О мерах врачебной полиции против обстоятельств вредных обществу или о вредных вещах, угрожающих здоровью людей в пище, в питье и других необходимых в общежитии предметах, о средствах узнавать умышленные и неумышленные вредные подмеси и предохранять здоровье от опасности, также о вредном влиянии на общество и искоренении вредных растений и лжеврачей или шарлатанов / Пер. с нем. яз. д-р Иван Зацепин. М., 1827. 336 с.
- Яновский Н.М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий разные в русском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины...: ч. 1–3. СПб.: при Императорской Академии наук, 1803–1806; Ч. 3 [От О до Ф]. 1806. 1322 с.

Литература

Канг Л., Педерсен Н. История шарлатанства / пер. с англ. А. Кашеева. М.: «Livebook», 2019. 400 с.

Калиновская Валентина Николаевна, канд. филол. наук; *Институт лингвистических исследований РАН, 199053, г. Санкт-Петербург; Тучков пер. д. 9; ведущий науч. сотрудник; e-mail: kalinovskaiavn@yandex.ru*

Скрябина Наталья Викторовна, Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова, г. Санкт-Петербург; ул. Академика Лебедева д. 6; библиограф; e-mail: nataliaskryabina@yandex.ru

Для цитирования. *Калиновская В.Н., Скрябина Н.В.* От площадного лекаря к врачебному шарлатанству // *Славянская историческая лексикология и лексикография.* 2020. Вып. 3. С. 93–102. DOI 10.30842/26583755202004

References

Kang, L., Pedersen, N. (2019). Istoriya sharlatanstva [Quackery. A Brief History of the Worst Ways to Cure Everything] / per. s angl. A. Kashcheev. Moscow: «Livebook» Publ. 400 p. (In Russ.)

Valentina N. Kalinovskaya, PhD, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Leading Research Officer, 9 Tuchkov per., 199053, Saint Petersburg, Russian Federation. E-mail address: kalinovskaiavn@yandex.ru

Natalia V. Skryabina, S.M. Kirov Military Medical Academy, 6 Acad. Lebedev str., St. Petersburg, Russian Federation; bibliographer; E-mail address: nataliaskryabina@yandex.ru

For Citation: Kalinovskaya V.N., Scryabina N.V. (2020). From a plain doctor to a medical charlatanism. *Slavyanskaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya* [Slavic historical lexicology and lexicography], 3, pp. 93–102. DOI 10.30842/26583755202004 (In Russ.)

**ЛЕКСИКОГРАФИЯ,
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ**

*Ludmila Yu. Astakhina**Л.Ю. Астахина***DIARY ENTRY AS A SOURCE
ON THE HISTORY OF WORDS****ДНЕВНИК КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ ЛЕКСИКИ¹**

Аннотация. В статье делается попытка анализа лексической содержательности Дневника А.В. Никитенко (академика, профессора, цензора) с целью привлечения этого текста как источника для дифференциального «Словаря русского языка XIX в.»

Ключевые слова: русский язык; русский язык XIX века; история слов; лингвистическое источниковедение; А.В. Никитенко

Summary. The article attempts to analyze the lexical content of the A.V. Nikitenko (academician, Professor, censor) Diary in order to use this text as a source for the differential Dictionary of the 19th century Russian language.

Keywords: Russian language, Russian language of the 19th century, history of words, linguistic source studies, A.V. Nikitenko

Александр Васильевич Никитенко (12.3.1804–2.7.1877) был действительным членом Академии наук, профессором, преподавателем Петербургского университета, Екатерининского института, Смольного монастыря, Римско-католической академии, Аудиторского училища, Земледельческого училища, цензором, редактором журнала «Сын отечества» и издаваемой Министерством внутренних дел ежедневной официальной газеты «Северная почта», в которой он пытался проводить либеральные идеи, стремясь к примирению крайних взглядов в обществе.

Вышедший из крепостных, получивший университетское образование, А.В. Никитенко трудился одно время помощником попечителя Петербургского учебного округа, блестяще владел деловым литературным слогом и всегда был озабочен успехом дела. О своих взглядах он написал 26 февраля 1859 г.: «Я полагаю необходимым для России всякие улучшения, считая главными началами в них: гласность, законность и развитие способов народного воспитания и образования, другими словами, как, говоря модными словами, я верую в необходимость прогресса. Но есть два рода прогресса: один можно назвать прогрессом сломя голову, который часто проскакивает мимо цели, и другой — умеренно, постепенно, но верными шагами идущий к цели. Я поборник последнего — и неуклонный» [Никитенко 2: 64].

А.В. Никитенко оставил Дневник, который вел более 50 лет (1826–1877 гг.), изданный в трех томах в 1955–1956 гг. И.Я. Айзенштоком; в нем представлена широкая картина жизни XIX века. В лингвистическом отношении это источник, сопоставимый по своему характеру скорее с частной перепиской, который можно изучать в связи с эволюцией языка.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-29-09113 «Электронный исторический словарь заимствованной лексики в русском языке XI–XVII вв.: грецизмы и полонизмы».

Жанр дневника — особый, предполагающий откровенную беседу с самим собой, обнаруживающий стремление ответить на различные вопросы. Автору необходимо что-то додумать, в чем-то разобраться, в чем-то себя убедить, оправдать свой взгляд на происходящее, обосновать неправоту коллег, объяснить несправедливость вышестоящего начальника и т. п. Несмотря на деспотические условия николаевской действительности 30–40-х годов XIX века, в Дневнике находим не только описание событий, но и отношение к ним автора и окружающих его людей.

Дневник для Никитенко был заключительным аккордом в конце непростого трудового дня, когда можно было остаться наедине с собой, отвлечься от обязательных деловых бумаг и обратиться к бумаге, ничем не заполненной, к чистому листу, готовому принять взволновавшие его мысли, излить наболевшее — разное: хорошее и плохое, что-то важное осознать, объяснить самому себе.

По мнению некоторых исследователей, литературный язык XIX века мало изменился. Даже в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» значительная часть примеров была извлечена из книг писателей XIX века. В Дневнике Никитенко встречаются слова, которые вышли из употребления или со временем изменили свое семантическое и стилистическое наполнение, приобрели новые оттенки. Они понятны, некоторые отмечены в «Словаре русского языка XVIII века», многие — в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, для автора которого они были вполне естественными, повседневными. Однако, читая Дневник Никитенко, «наталкиваясь» на эти слова, они останавливают внимание, потому что теперь «мы так не говорим». Фразы, в которых они встречаются, кажутся сейчас как бы подсвеченными временем и особой индивидуальностью, свойственной личности автора. Он стремился употреблять слова для более ясного или более уместного выражения мысли, для проявления одобрения, иронии, снисходительности или явного неприятия того явления, о котором упоминает. У него есть слова, которые он сам образовал. Они сформированы по правилам и известным моделям русского языка, понятны без перевода. В них отражается стилистическое своеобразие авторской речи и как бы сквозит истинная натура автора.

Примеры, приводимые в настоящей статье, извлечены из записей 1-го и особенно 2-го тома Дневника, относящихся к событиям 30–60-х годов XIX века — годам правления Николая I и Александра II, отмеченным реформами, бурными выступлениями студентов, крестьянскими волнениями. Профессор Петербургского университета, академик Никитенко проявлял значительную активность, особенно в 60-х гг. Он был членом цензурного комитета, читал лекции по русской словесности, участвовал в организации правительственной газеты «Северная почта», которая, как он предполагал, могла бы определять курс правительства к постепенному внедрению в России прогрессивных перемен. «Надо привести в систему либеральные идеи и высказать прямо, чего должно и можно хотеть», — писал он 1 апреля 1859 г. [Никитенко 2: 82]. Но надежды его не оправдались, наступило разочарование, и вскоре он вышел из редакции.

Приведем несколько слов, созданных самим А. В. Никитенко. 10 апреля 1858 г., в четверг, Никитенко записывает: *Вечером доклад министру по комитету цензурного устава <...> Мы хотим улучшений и думаем, что можем достигнуть их без помощи общественного мнения, посредством той же бюрократии, которая так погрязла в **крадстве**. А между тем правительству, очевидно, полезнее и безопаснее союз с печатью, чем война с нею» [Никитенко 2: 17]. Еще раз это слово встретилось в записи 21 марта 1861 г., во вторник, когда Никитенко размышляет: *То, что касается устройства вещей на земле, превосходно. Но нельзя того же сказать о судьбе живущих на ней <...> Снаружи — благочиние и благолепие, внутри — смятение, беспорядок и всякого рода **крадства**. Если это больница, то там больных не лечат или дурно лечат. Если это школа, то в ней никто не заботится о воспитании* [Там же: 181]. Автору известно слово *воровство*, но, видимо, он считает его здесь неуместным, а *крадство* употребляет еще и во множественном числе. В «Словаре Академии Российской, по азбучному порядку расположенном» этого слова нет (САР² III: 368–369). У В.И. Даля в этом значении зафиксированы *крадьба*, *кража* (Даль 1989 II: 189). Видимо, *крадство* для автора — деликатное выражение описываемого процесса: семантика слова, скорее всего, обозначает здесь неполноту качества, хотя и постоянство процесса. А может быть, здесь скрыта горькая ирония: бюрократы ведь «брали по чину», а синоним *воровство* — слово грубое, обозначающее прямое, явное покушение на чужое имущество. Слово *воровство* Никитенко употребил 2 апреля 1847 г. по поводу дел в Петербурге: *Вот, например, теперь весь город занят толками о казенных **воровствах**. Наши администраторы подняли страшное **воровство** по России* [Никитенко 1: 302]; встречается также в записи от 1 августа 1864 г., характеризуя положение в губерниях: *Вот и пресловутая акцизная система! **Воровства** совершаются с неслыханною наглостию, краденое, разумеется, никогда не отыскивается* [Никитенко 2: 454]. *Крадство* не зафиксировано словарями. СРЯ XVIII фиксирует *крадеж* ‘кража, похищение’, *крадьба* ‘воровство, кража’, *крадун* ‘тот, кто крадет’, *крадца* Слав. ‘вор’ (СРЯ XVIII 10: 219). В «Словаре русских народных говоров» отмечены *крадѣжъ* и *крадѣжь* ‘кража, воровство’ на смоленской территории в 1914 и на ярославской в 1916 г. (СРНГ 15: 160).*

Словотворчество было не чуждо автору Дневника. Описывая детей, Никитенко образует слово с уменьшительным суффиксом, которое также не зафиксировано в словарях. *«Все они совершенные **дикаренки**. В деревнях наших еще будет долго царить непроницаемый мрак, если правительство не озаботится открытием там школ»*, — пишет он 17 августа 1861 г. о крестьянских детях, познакомившись с ними в купленной им деревне [Никитенко 2: 204]. Для обозначения группы детей, вызвавших симпатию, он берет суффиксы, употребляемые в названиях детенышей животных. *«Сегодня я долго сидел в Пале-Рояле, любуясь детьми, которых нянюшки приводят туда играть. Премилые дети эти **французята**: резвые живые как котята, исполненные детской грации»*, — записал он 1 сентября 1860 г. во время путешествия по Франции [Там же: 145].

В САР² при лексеме *дикий* разработано целое гнездо: *дикость* ‘нелюдность, необходимость, застенчивость, также робость, боязливость’; *дикарь* (1) ‘то же, что дикий’ и (2) ‘удаляющийся от людского сообщества, нелюдим’ (САР² II: 78). В Словаре В. Даля среди оттенков к *дикий* отмечены ‘неручной; необузданный, свирепый; суровый; застенчивый, чуждающийся людей’; ‘странный, необычный’ (Даль 1989 I: 436). Отмечены суффиксальные образования: прилагательные *диконькой* [мужичек], *диловатый*, *диконек*, *дилохонек*; существительные *дикарь*, *дикарка*. Никитенко не использовал этих слов, они противоречили его отношению к крестьянским детям. Словом *дикаренки* он выразил свое грустное впечатление от поведения детей, с горечью осознавая причину такого положения в российской деревне. Контрастом звучит его высказывание о французских детях из аристократических семей.

А.В. Никитенко был чуток и к новообразованиям, которые слышал от других людей. Он отразил в Дневнике сложное слово, придуманное Ф.И. Тютчевым 24 декабря 1858 г. на обеде у графа Блудова и тут же подхваченное современниками: ... <зашел> *разговор о знаменитом, только что состоявшемся учреждении для сдерживания писателей... Но кто же члены этого «троемужия», как называет его Тютчев?* [Никитенко 2: 50–51]; <Князь Н.А. Орлов> *тоже находит новоучрежденное литературное «троемужие» неразумным* [Там же: 51]. Членами этого комитета должны были быть Н.А. Муханов, А.В. Адлерберг и А.Е. Тимашев. «*Если бы нарочно постарались отыскать самых неспособных для этой роли людей, то лучше не нашли бы*», — пишет далее Никитенко. В названии отразилось неприятие, насмешка и презрение к новому учреждению, которое, не имея цензурных прав, должно было воздействовать на писателей «мерами кроткого назидания».

Это же отношение проявилось в его внимании к слову *смутники*, которым швейцар называл бунтующих студентов университета. В воскресенье 22 октября 1861 г. Никитенко записывает: *Швейцар Савельич с прискорбием мне говорил, что некоторые из студентов (смутников, как он их называет) бродят по коридорам и уговаривают товарищей не ходить на лекции. Впрочем, немудрено, что университет пуст* [Никитенко 2: 232]. Это слово перекликается и по форме и по семантике с псевдогапаксом *смутеник*, который был обнаружен в книге документов «Дело о патриархе Никоне» (Д. патр.).

Автор Дневника употребил слово со значением отрезка времени, не нашедшее отражения в словарях. В понедельник 6 октября 1858 г. он записывает: *У графа Блудова². Он меня на этот раз порадовал своею бодростью и свежестью, несмотря на то, что третьего дня был встревожен пожаром, происшедшим рядом с ним. Мы очень приятно проговорили с ним все послеобеда, до девяти часов <так в изд. — Л. А.>. Речь касалась и цензуры*» [Никитенко 2: 38]. Слово *послеобеда*, образованное из существительного с предлогом, у Никитенко применяется к обозначению времени беседы, состоявшейся после за-

---

² В 50–60-х гг. Д.Н. Блудов (1785–1864) был президентом Академии наук и председателем Государственного совета. Никитенко бывал в его доме, и 20 апреля 1858 г., за полгода до приведенной выше беседы, он записал: *Право, нельзя не любить графа Блудова. Как он свеж умом и сердцем, несмотря на свои за семьдесят лет! А какая доброта!* [Никитенко 2: 18].

ного обеда, которое прошло, по-видимому, быстро и незаметно, в приятном общении. Местоимение *всё*, употребленное автором, дало ему уверенность в том, что перед ним «единое» существительное. Между прочим, это слово встретилось в дневнике Софьи Андреевны Толстой в записи от 6 марта 1891 г.: *Левочка каждое послеобеда ходит с ними* <маленькими детьми — Л.А.> *по всему дому* [Толстой 1: 124]. Заметим, что в этом издании часть *после* пришлась на конец строки и слово дано без переноса, но определительное местоимение *каждое* не позволяет сомневаться в бытовании этого слова в семье как существительного среднего рода. СРЯ XVIII включил слова *послеобеденный*, *послеобедный* и *послеобеднешний* ‘наступающий, бывающий после обеда’ (СРЯ XVIII 22: 171). Не бытовало ли образование *послеобеда* исключительно в высших кругах дворянства как отличительная черта речи?

На несколько случаев *послеобеда* и *дообеда* в источниках XVIII в. указала И.А. Малышева в книге «Путешествие братьев Демидовых по Европе. Письма и подневные Журналы. 1756–1761 годы», которые не вошли в СРЯ XVIII. Здесь с благодарностью приводим несколько примеров: *14-го числа дообеда препроводили чтением разных книг* [Малышева 2006: 243]. Ср. далее: *...15-го числа дообеда читали разные книги...* [Там же]; *9-го числа дообеда препроводили вечерашним образом* [Малышева: 301]; *послеобеда проводили у обер-эгермейстера Бредала и у него же ужинали* [Там же: 300], *мы обедали у его превосходительства барона Корфа, с коим проводили послеобеда в одном великом и хорошем концерте* [Там же: 305] и др.

Отношения с министром внутренних дел П.А. Валуевым складывались у Никитенко иначе. 23 июля 1864 г. он пишет: <В Совете по делам печати> *Валуеву захотелось меня уколоть. Главное, он не любит, чтобы кто-нибудь смел иметь свое мнение там, где он министерствует* <...> *Во всякой чужой мысли он видит личное себе оскорбление* [Никитенко 2: 18]. Здесь употреблен глагол, в котором звучит неодобрительное отношение к деятельности министра П.А. Валуева. СРЯ XVIII фиксирует глагол *министерствовать* ‘быть министром, отправлять государственные дела’ с цитатой из письма Карамзина: *Министерствуй с Богом, будь здоров, спокоен и не забывай нас* (СРЯ XVIII 12: 196). Возможно, и для Карамзина это слово было эмоционально окрашенным.

По той же модели образован глагол *сенаторствовать*: *Вечером приезжал ко мне проститься мой старый и один из самых верных друзей моих Ребиндер, который едет в Москву сенаторствовать. Грустно мне расстаться с ним!* <...> *К нему обыкновенно обращался я, когда душа переполнится впечатлениями от какого-нибудь события, от какой-нибудь идеи, а иногда и так просто, когда душе захочется отдохнуть от житейского тревожения* [Никитенко 2: 208]. Никитенко понимает, что серьезная, плодотворная работа в московском отделении Сената (находилось там с XVIII в.) вряд ли могла быть; здесь главное — честь предложена, от которой не следует отказываться умному человеку. И это соображение, и грусть расставания с дорогим человеком заставляют автора прибегать к иронии, выраженной в таком редко встречающемся глаголе.

Склонность автора к образованиям подобного рода (глаголам с двумя суффиксами *-ство-* и *-ва-*, обозначающим длительность или постоянство действия) зафиксирована в записи 23 июня 1839 г.: *Хозяйки наши, две сестры... умны и властолюбивы до деспотизма. И прекрасно: пусть бы они законодательствовали как хотят в сфере своего знания и опытности, какая досталась им по праву их лет, пола и состояния. Нет! диктаторскую свою волю распространяют на все, что живет и дышит около них...* [Никитенко 1: 209]. Сл XVIII включил этот глагол без цитат и без оттенка иронии: *законодательствовать* ‘составлять и издавать законы’ (Сл XVIII 7: 248), ссылаясь на САР² (САР² III: 11). По-видимому, такие глагольные формы были активны в XIX веке — 6 октября 1835 г. Никитенко пишет: *Он <великий князь Михаил Павлович> председательствует в нашем комитете* [Никитенко 1: 175]. *Председательствовать* встречается у Никитенко неоднократно.

Отглагольные существительные со значением процесса автор использует неоднократно, т. к. именно в 40–60-е годы, перед предстоящими реформами, он был особенно активен, востребован как профессор, общественный деятель, наконец, как цензор. Есть в Дневнике несколько слов со значением процесса, которые в середине XX в. оценивались лексикографами уже как вышедшие из активного употребления и сопровождались пометой *устар<евшее>*.

12 апреля 1859 г. Никитенко записывает: *Заезжал к Ребиндеру, у которого просидел довольно долго вместе с <А.Н.> Струговицким и <Г.П.> Галаганом, приехавшим в Петербург для присутствия в крестьянском комитете* [Никитенко 2: 83]. Слово *присутствование* в XIX в. было нейтральным по стилю и широко употреблявшимся. Оно отмечено в САР² как ‘то же, что присутствие в 1-м значении’. Основные толкования, которые приводятся при этом слове: 1) Личная бытность, пребывание кого в каком месте; 2) Заседание в судебном месте; 3) Судебная комната (САР² V: 437). В.И. Даль отметил в том же значении слово *присутствие* (Даль 1989 III: 448). В ССРЛЯ находим *присутствование* как ‘Устар. Действие по гл. присутствовать’ (ССРЛЯ 11: 780). Один из примеров для обозначения процесса взят из книги П.И. Чайковского «Описание путешествия за границу»: *Я ожидал, когда меня пригласят в Москву для присутствия на первой репетиции* [с. 1]. Заметим, что пример взят из текста XIX в., а помета *устар.* дана авторами в середине XX в. Для Никитенко необходимо было отразить длительность процесса, и у него *присутствование* было точнее, чем *присутствие*, тем более что последнее было многозначно. К XX в. слово *присутствование* вышло из употребления, перейдя в разряд историзмов; ту же судьбу претерпели два последних значения слова *присутствие*.

А.В. Никитенко нередко участвовал в различного рода заседаниях на высоком уровне. В записи 17 декабря 1860 г. он отмечает: *Вечером заседание в Главном управлении цензуры. По словам Адлерберга, которого считают здесь представителем государя и голос его — отголоском последнего... в печати нельзя обсуждать ни одного вопроса общественного <...> Напрасно... я и Делянов доказывали невозможность такой системы, и что правительство само*

для своей собственной пользы должно желать гласного **обсуживания** разных общественных и административных предметов [Никитенко 2: 167].

Слово *обсуживание* В.И. Даль не включил в словарь, есть только *обсуждение* (Даль 1989 II: 623). В СРЯ XVIII и САР² глагол *обсуждать* и его производные не отмечены. Но в ССРЛЯ есть *обсуждать* и *обсуживать*, а также *обсуживание* с пометой *устар.* ‘действие по глаг. *обсуживать*’ с примером из статьи писателя XIX в. Д.И. Писарева о книге И.А. Гончарова «Обломов»: <...> *явилась цель для чувства, явилось **обсуживание** любимой личности* (ССРЛЯ 8: 457–458). Глагол *обсуживать* с пометой *устар.* имеет значение ‘рассматривать, разбирать, обдумывать’ и следующие оттенки ‘разбирать, оценивать достоинства и недостатки кого-чего-л.’ и ‘обсуждать что-л., толковать о чем-л.’ Слово, видимо, широко бытовало в XIX в. как нейтральный атрибут делового стиля, а помету *устар.* вынуждены были поставить авторы словаря в XX веке, когда оно уже вышло из активного лексикона деловых людей.

19 февраля 1861 г. Александр II отменил крепостное право, а 3-го мая Никитенко записывает: *Однако добродушный русский народ, который, по словам Погодина, встретил свободу с умилением сердца, кротко и благодарно, начинает в разных местах проявлять свое вековое невежество и грубое непонимание закона и права. Вчера опять тамбовский помещик рассказывал мне, что у него в имении тоже были сцены неповиновения властям: «Не хотим работать, и дай нам земли, сколько хотим». Опять принуждены были призвать солдат для **растолкования** им, что работать должно и что земля не вся их* [Никитенко 2: 188]. Никитенко явно сочувствует помещику, недоволен действиями крестьян, а слово *растолкование* независимо от намерения автора приобретает зловещий смысл: читателю ясно, как будут «растолковывать» солдаты суть нового закона крестьянам. Но другого слова автор подобрать не смог или не захотел, это — самое нейтральное: *Растолкованье* — действ. по гл. *растолковать, растолковывать* ‘объяснять, изъяснять, разъяснять, делать понятным, растолмачить’ (Даль 1989 IV: 74). В САР² есть только *толковать* ‘рассуждать, переговариваться, беседовать, разбирать дело, советоваться, условливаться’. Приведен оттенок ‘что, объяснять, давать чему толк, смысл, значение, выводить догадки и заключения’ (САР² VI: 411–412). ССРЛЯ отмечает *растолкование* как ‘действие по знач. глаг. *растолковать*’ (ССРЛЯ 12: 906).

Отношение к событиям 1861 г., когда происходили бурные выступления студентов университета, отразилось в Дневнике А.В. Никитенко в записи 18 сентября 1861 г.: *Прочитал я, наконец, знаменитое воззвание «К молодому поколению». Лживость, нелепость и наглость его могли бы изумить всякого мыслящего человека, если бы что-либо могло изумлять в настоящее время. Хороша, например, мысль о **перерезании** ста тысяч дворян* [Никитенко 2: 209]. Точнее слово, чем *перерезание*, автору трудно подобрать для так называемого «нейтрального» обозначения того действия, процесса, о котором идет речь. Ведь в воззвании имеется в виду уничтожение, *резня* дворян. Но Никитенко, сторонник умеренных действий и постепенного внедрения прогресса, не мог написать такого слова. Он использовал слово длинное, «растянутое», а значит, не так уж резко выражающее эту страшную мысль. Но все же слово *резня* он

употребил чуть ниже, напоминая о последствиях революции во Франции: *Опыт французской резни ничему не научил наших реформаторов... тому, что ужасы и разбой анархии ведут к диктатуре* [Там же]. У Даля это слово включено в словарную статью на *перерезывать* 'кого: мнж. зарезать во множестве' (*Волки за зиму много овец перерезали*), а существительное *перерезание* толкуется как действие по глаголу, но без примеров (Даль 1989 III: 81). В САР² *перерезать* поясняет глагол *резать*: «р. насмерть, зарезать; резанье... Передрались и перерезались» (САР² IV: 120). Далее есть *резня* 'драка насмерть, сражение или убийство холодным оружием, большое кровопролитие' (САР² IV: 121). В СРЯ XVIII (19: 127) словом *перерезание* как производным от гл. *перерезать* (без толкования) характеризуется процесс разрезания соковых трубочек у растения (пример взят из научной статьи журнала «Экономический магазин», ч. I: 231, 1780 г.).

Для описания стремления людей к известности, популярности Никитенко воспользовался словом *добивание*, встретившимся в записи 27 марта 1860 г.: *В час собрание Общества для пособия литераторам. Прочитан был отчет... пошли к фотографу Кучаеву, который просил у нас позволения снять с нас портреты в группе. Я противился этому. Мне вообще не нравится какое бы то ни было добивание популярности, показывание себя* [Никитенко 2: 113]. В САР² даны *добивание* 'доколачивание, действие добивающего' и глагол *добиваться* 'стараться, домогаться, приобрести что, достичь до чего' («Добиваться чина. Добиваться к месту») (САР² II: 94). У Даля это слово приведено как существительное, образованное от глагола *добивать*: *добивание* *гвоздя* (Даль 1989 I: 442). Попало оно и в «Большой академический словарь русского языка»: в цитате из «Войны и мира» Л. Н. Толстого (*добивание* *разбитых сборищ французов*) и в описании хоккейной игры, когда «*выкатывался на добивание кто-нибудь из партнеров и <врезал> шайбу в ворота*» из книги «Итак, новый хоккей» (БАС 5: 148). У Никитенко контекст особый: *добивание* — действие от глагола *добиваться*. Чем он мог заменить это слово? Стремление (к известности)? Желание? Жажда? Эти оба слова имеют семантический оттенок усилия, натиска, агрессивности, возможно, иногда и с положительной окраской, а *добивание* показалось уместным для выражения негативного отношения к стремлению людей выделиться на фоне других.

Отглагольные существительные естественны у А.В. Никитенко при обозначении процессов. В записи 18 сентября 1861 г. читаем: *Нечего сказать, дешевый патриотизм! Нет! Это неблагородная трусливая жадность к популярности и игранию роли на свете, к поклонению людей легковверных и недалгих, лишь бы их было побольше; это тщеславное и преступное желание на чужой счет прослыть вторым Мадзини и проч.* [Никитенко 2: 209]. Слово отмечено в Ефремовской кормчей XII в.: «Аще кто клирикъ призванъ будеть на бракъ, ти егда убо на прѣльсть вьнидетъ играние да вьстанеть, абие да отьидеть. [Ефр. корм.: 160]. В Словаре Даля при глаголе *играть* дано образование («Игранье — ср<авнительно> длит<ельное> дейст<вие> по гл<аголу>») (Даль 1989 II: 7)), но примеров нет. В СРЯ XVIII отражено более широкое употребление слова: *играние* *в кости*, *играние* *на трубе*, *проклиная он судьбу и ея лютое играние*

(Юнг ТВ 13, 1777 г.; ЖКФ 89, 1711 г.) — *игранье* (СРЯ XVIII. 8: 248). Возможно, что и в XIX в. слово было активно в языке, но в настоящее время *играние роли* мы заменили бы на *исполнение роли*, причем только по отношению к актерской игре.

Имея в виду положение в стране после реформ, объявленных в феврале, 5 мая 1861 г. А.В. Никитенко записал: *Дворянство в Москве все, по словам Краевского, сильно негодует на нынешнее положение вещей. Словом, все приходит в разладицу и безобразие* [Никитенко 2: 189]. Отразил он и мнение А.И. Герцена, находящегося в Лондоне: «Колокол» в восторге от студенческих историй и прямо приглашает студентов не думать о науке, а развивать пропаганду восстания <...> Не есть ли все это процесс перерождения — и это всеобщее шатание умов, и быстрая, тревожная *разладица* отношений, деморализация, бестолковое увлечение молодых умов, тупое бездействие зрелых и возмужалых — это всеобщее брожение (запись 19 ноября 1861 г.) [Там же: 241]. В Словаре В.И. Даля слово *разладица* отмечено в словарной статье на *разлаживать, разладить*: «Разладье ср., разладица ж. ‘разлад во всех знч., нелады, ссора’. В разладицу дело не поладится» (Даль 1989 IV: 32). В САР² *разладица* — *разлад, расстрой, разладье* ‘раздор, несогласие’ (САР² V: 853–854). В ССРЛЯ слово зафиксировано с пометой *разговорное* — ‘то же, что разлад’ с примерами из произведений И. Гончарова, Г. Успенского, Д. Григоровича, в конструкциях ‘с кем, чем; между кем, чем’, отмечены выражения «вступать, входить в разладицу или быть, находиться и т. п. в разладице с кем, чем» (ССРЛЯ 12: 339). В СРНГ есть ссылка на Даля (*В разладицу дело не наладится*), приведены слова *разладье, разлад, ссора*, есть и отсылка к САР² (СРНГ 33: 349). Заметим, во времена В.И. Даля *безобразие* понималось как отсутствие внешней красоты ‘отсутствие должного образа, вида, наружности; недостаток красоты, красоты, стати, склада, басы; уродливость, нескладность, безвкусие’ (Даль 1989 I: 67). У Никитенко оно выступает как синоним к *разладица* и понимается автором как ‘нестроение, нарушение порядка’, что отражено в СРЯ XVIII: **Безобразие**... ‘отклонение от должного, обычного вида; отсутствие красоты, гармонии; порядка в чем-л’. (СРЯ XVIII 1: 181). В САР² приведен оттенок ‘о чем-либо, вызывающем неодобрение, неприемлемом, предосудительном’ (САР² IV: 530). В ССРЛЯ *безобразие* не только ‘уродство внешняя некрасивость’, но и ‘нарушение установленных правил; произвол, бесчинство’ [ССРЛЯ, 2: 353–354]. Сейчас это слово с отрицательной коннотацией можно отнести к антиобщественным или преступным действиям человека.

Нередки в Дневнике Никитенко отглагольные названия деятелей, образованные при помощи суффикса *-тель*, например, *возбуждатель, зажигающий, согласитель, умствователь* и др., которые в настоящее время не употребляются: *Делу этому <наказу цензорам> угрожало попасть в руки великого инструктормейстера барона Медема или канцеляриста Берте, этого великого возбуждателя вопросов, о которых само правительство охотно забывает* (запись 18 марта 1861 г.) [Никитенко 2: 180]. В СРЯ XVIII даны как производные от глаголов *возбудить* и *возбуждать* — *возбудитель* и *возбуждатель* (САР²) с примером из Истории Пуффендорфа 1718 г. (СРЯ XVIII 3: 274). У Даля при

глаголе *возбуждать* также есть *возбудитель*, *-тельница* ‘кто или что возбуждает’ (Даль 1989 I: 294). Словообразовательное гнездо глагола *возбуждать* отмечено в ССРЛЯ. Из существительных же приведено только *возбудитель* в ином значении ‘причина возникновения какого-л. явления (микроб)’ (ССРЛЯ 2: 533).

В записи 8 декабря 1860 г. находим: *Считая себя передовыми людьми, руководителями общественного мнения, они действовали как зажигатели, как демагоги, чем и доказали свою незрелость и неспособность управлять общественным движением* [Никитенко 2: 165]. СРЯ XVIII фиксирует у *зажигатель* и *зажигальщик* значения (1) ‘поджигатель’ и (2) ‘тот, кто зажигает что-л.’ – *зажигатель свеч* (СРЯ XVIII 7: 221). У Даля в глаголе *зажигать* кроме прямого значения ‘заставлять гореть огнем или иным способом побуждать загораться’ есть оттенок ‘возбуждать ссору, драку или вообще страсти, быть зачинщиком’ (А в игре в рюхи, в чушки зажигать означало начинать, бить первым). В производных же *зажигатель*, *-ница* приведено только значение ‘поджигальщик, кто поджигает злоумышленно’ (Даль 1989 I: 577–578).

2 апреля 1859 г. Никитенко записал: *Правительство никак не должно показывать что оно — враг новых идей, если они сделались всеобщими. Его роль в этом случае есть роль согласителя этих идей с общими интересами и безопасностью и благом государства* [Никитенко 2: 82]. У Даля в глаголе *соглашать* производные *соглашатель* или *согласитель*, *-ница* толкуются как ‘согласивший кого на что или кого с кем, примиритель; || согласивший что с чем, устранивший разногласие, противоречие несообразность чего-либо’, также как *согласователь*, *-ница* (Даль 1989 IV: 259).

Отглагольное существительное *умствователь* Никитенко употребил по отношению к передовым мыслителям-современникам: «*Фейербах и многие другие умствователи отвергают разумную божественную личность*» (запись 16 августа 1858 г.) [Никитенко 2: 35]. Здесь проявилось отрицательное отношение к философу. Философ — слишком высокое звание для ученого, чтобы автор мог применить его к Фейербаху и другим подобным. Здесь же — ирония, недоверие, неприятие, возможно, из-за поверхностного знакомства с идеями, с работами этих мыслителей. В ССРЛЯ как *устаревшее* отмечен глагол *умствовать* в двух значениях ‘думать, размышлять, мыслить’ и ‘Разг. пускаться в слишком отвлеченные или ненужные рассуждения, мудрствовать’. Один из примеров к слову *умствователь* ‘тот, кто умствует <...> пускается в отвлеченные бесплодные рассуждения’ взят из текстов А.С. Пушкина (*Василий Львович <...> утверждал, что всегда был против умствователей*) (ССРЛЯ 16: 635). Раньше всего по времени этот глагол находит пояснение в САР²: ‘посредством соображения в уме стараться постигнуть истину’ (О сем предмете многие умствовали, однако достаточно решить не могли) (САР² VI: 972). У Даля находим: *Умствовать* ‘мыслить, размышлять, думать, об[раз]думывать, соображать в уме, в мыслях, думую выводя заключения; философствовать, мечтать’, также <Умство>ватель, *-ница* ‘кто умствует, мудрец, философ, умозритель, теоретик, мечтатель’ (Даль 1989 IV: 495–496).

При обозначении деятелей А.В. Никитенко употребляет слова с приставкой *ультра-*, которая, видимо, только входила в употребление во второй поло-

вине XIX в. В ССРЛЯ *ультра-* описывается как ‘первая часть сложных существительных и прилагательных, вносящая значение крайний, предельный или крайне, предельно, сверх’, а также как самостоятельное слово. К последнему случаю приведены примеры из высказываний современников А.В. Никитенко — соответственно А.И. Герцена и Н. Г. Чернышевского (*Эти были свирепые, о которых я сказал, были те ультра <...> которых можно назвать Собакевичами и Ноздревыми, нигилизм черный*. Былое и думы; *Кажется я принадлежу к крайней партии, ультра*. Дневник (ССРЛЯ 16: 563–564). А.В. Никитенко был сторонником постепенного преобразования общественных институтов и явлений, другие же люди, на его взгляд, были слишком активны: *Первое правило наших ультралибералов в том, чтобы воспрещать свободу мнений всем, кроме самих себя* (запись от 12 ноября 1860 г.) [Никитенко 2: 164]; *Ультралибералы наделали и, вероятно, наделают еще много вреда делу свободы* (запись 18 ноября 1861 г.) [Там же: 240].

Но в это время Никитенко чаще озабочен отношением к нему коллег: *Все члены университета ультрапрогрессисты: сделали врагами моими за то, что я не одобряю поступков студентов <...> Эти господа <...> лгут, клеветуют, приписывают мне мысли, каких я никогда и не имел; слова, каких никогда не произносил* (запись 5 октября 1861 г.) [Там же: 221]; *Всего лучше бы самую программу конкурса <на кафедре философии> отстранить домогательство некоторых господ искателей, которых сует к нам в университет партия великих ультрапрогрессистов, не заботясь о том, что эти философы перевернут кверху ногами мозг в головах наших юношей* (запись 11 декабря 1860 г.) [Там же: 166]; *Страшную будущность готовят России все эти ультрапрогрессисты. И чего хотят они? Вместо постепенных, конечно, безотлагательных реформ <...> они хотят крутого переворота, хотят революции <...> Безумные слепцы! Будто они не знают, какая революция возможна в России!* (запись 14 апреля 1862 г.) [Там же: 268].

Как видим, словом *ультрапрогрессисты* Никитенко называл недовольных реформами 1861 г. людей с передовыми по тому времени взглядами. Они хотели быстрых и безотлагательных перемен, которые, по их мнению, должны были улучшить положение России, а дальновидный и осторожный Никитенко думал о последствиях таких действий.

Во время путешествия по Германии А.В. Никитенко записывал свои впечатления от увиденного и тоже не обошелся без *ультра*³. Так, оказавшись в Кельне, он пишет: *Словом, это ультранемецкий город, крайность безвкусыя и равнодушия ко всему, кроме денег и торговых расчетов. Даже благородный, величественный Рейн, добежав до Кельна, принимает какой-то пошлоделовитый вид и лежит в плоских неопрятных берегах. Его яркоизумрудный цвет превращается здесь в какой-то мутный, грязный* (запись 9 сентября 1860 г.) [Там же: 149]. Здесь кроме прилагательного с приставкой *ультра-* употреблены сложные прилагательные *яркоизумрудный* и придуманное *пошлоделовитый*,

---

³ В Словаре Даля на *ультра-* начинается только *ультрамарин* ‘ископаемое лазурик и голубая из него краска’ (Даль 1989 IV: 490).

последнее как оценочное суждение уместно из-за приведенного выше впечатления автора от вида города.

Сложные слова у Никитенко своеобразны и выразительны. Внешность девушки Екатерины Васильевны Зиновьевой, к которой его пригласили давать уроки, он описывает так: *Ей лет семнадцать. Это бледное, эфирное, голубо-окое маленькое существо* (запись 18 февраля 1830 г.) [Никитенко 1: 90]. О женщине, которая была в курсе всех событий своего времени (30-х годов XIX в.), он написал: *Я пришел к г-ну С. в три часа <...> Екатерина Лукьяновна <жена С., отставного директора морского департамента> была уже в гостиной. Она встретила меня с восторгом. Из уст ее полилась река сладких речей с обычными ей декламаторскими восклицаниями. Она принадлежит к числу тех широковещих, впрочем неглупых дам, которые болтают обо всем: о погоде, шляпках, философии, французской революции, о делах Бельгии, о Дибиче, польской войне и проч.* (запись 16 марта 1831 г.) [Там же: 104]. Синонимом к слову *широковещий*, пожалуй, явилось бы *всезнающий*, но Никитенко проявляет свое неодобрительное (*болтают*) отношение к описываемой ситуации.

Сложные образования с *-любие*, *-любец* нередки у автора Дневника: *Всякое доверие к высшему порядку вещей, к высшим началам деятельности исчезло. Нет ни обществлюбия, ни человеколюбия; мелочный, отвратительный эгоизм проповедуется теми, которые призваны наставлять юношество, насаждать образование...* (запись 15 апреля 1834 г.) [Там же: 142]; *Он <С.М. Строев> долго жил в Париже и, кажется, не принадлежит к числу тех отчизнолюбцев, которые зря громят Запад и все, что не отзывает родной поэзией кнута и штыка* (запись 28 декабря 1838 г.) [Там же: 204]. В СРЯ XVIII находим *отчизнолюбивый* ‘относящийся с любовью к родине; патриотический’, *отчизнолюбие* ‘любовь к родине, патриотизм’ (СРЯ XVIII 18: 128). Никитенко в середине XIX в. к *отчизнолюбцам* относится с иронией.

В этом же словаре находим и слово *злополучие* со значением ‘несчастье, беда’ (СРЯ XVIII 8: 194), которое в Дневнике встретилось 28 октября 1841 г.: *Слова, слова и слова! Жить в словах и для слов, с душою, жаждущею истины, с умом, стремящимся к верным существенным результатам, — это действительное, глубокое злополучие* [Никитенко 1: 240], а еще более уместное и сильное, близкое словарному, употребление — после смерти сына: *Глаза мои, полные слез, тускло смотрели на внешние предметы: они блуждали только в страшной бездне моего собственного злополучия, тщетно стараясь уловить хоть один луч отрады* (запись 1 июня 1847 г.) [Там же: 305]. Как видим, автору Дневника было на что опереться: богатая лексика предшествующего времени влияла на его речевой уровень, высока была его начитанность, заметна опора на богатства русского языка, открытые писателями XVIII века.

О распространенности образований с начальным *пол-*, *полу-* в XIX веке говорят многочисленные употребления в Дневнике Никитенко. В СРЯ XVIII в статье на *полу-* находим два значения: ‘представляющий собой половину целого, половинный’ и ‘наполовину, не совсем, не до конца’. Слова в статье даны без цитат, списком и с указанием источников. У Никитенко приставка *полу-* используется довольно активно: *Мне иногда удается увлечь моих слушателей.*

Я ратую против всяких полумыслей и полувывражений в литературе, против мишурного блеска и неестественности (запись 25 января 1837 г.) [Никитенко 1: 193]; Всякая постепенность на этом пути <уничтожения крепостного права> была бы полумерою, а полумеры всегда ошибочны и часто пагубны, потому что создают фальшивые положения вещей (запись 9 апреля 1841 г.) [Там же: 231]; Булгарин прочел, и очень дурно, отрывок из своего полуромана, полуистории о Суворове (запись 31 января 1843 г.) [Там же: 260]; По возвращении его <В.С. Печерина> из-за границы я сильно восставал против его эгоизма и полуфилософии⁴, следствием чего даже было наше взаимное охлаждение (запись 8 октября 1841 г.) [Там же: 239].

Сложные слова давали Никитенко возможность с большой точностью выражать мысли о процессе обучения юношества: *Пусть он <преподаватель русской словесности> задает учащимся сочинения и настаивает на том, чтобы учащиеся выражали свои мысли с строгою точностью и логическою последовательностью. Прочь всякое щегольство фразою, всякое пусторечие (запись 15 июня 1861 г.) [Никитенко 2: 197]. Ср.: Пусторечить, -речь 'пустословить, -словие' (Даль 1989 III: 541).*

Никитенко часто описывает знакомых ему людей, приводя свои подробные соображения относительно их характера, ума, жизненных возможностей и тоже не избегая сложных слов: *Был Петр Попов, молодой человек 23 лет, с отличными способностями, блестящим умом, и богатой фантазией <...> В начале нашего знакомства я заметил, что эта многообъемлющая душа не имела ни определенной цели своих стремлений, ни сосредоточенности в силах, чтобы положительною деятельностью спасти себя от внутреннего недовольства (8 октября 1832 г.) [Никитенко 1: 120].*

Переосмысление древнего слова в духе времени находим у Никитенко в ранней записи от 8 ноября 1826 г.: *Восстановление классической учености в России — мера важная. Мы будем изучать древних, писать на них комментарии, подражать им — и творческий самостоятельный дух наш мало-помалу притупится: мы научимся повиноваться, чтобы не сказать — рабствовать» [Там же: 34]. Автор Дневника, по его признанию, был не в ладах с латынью, поэтому изучение еще и греческого языка (согласно «классической учености») никак не могло вызывать его одобрения. А слово рабствовать было известно давно, зафиксировано в источнике XVI в. и не имело неодобрительного оттенка. Оно включено в СлРЯ XI–XVII вв. из рукописного Жития Серапиона Новгородского XVI в.: **Рабствоватьи**. Работы рабствоватьи — делать, выполнять работы. Да и работы в монастыре рабствують». Ж.Серап.Новг., 10 (СлРЯ XI–XVII 21: 110).*

Еще одно необычное слово Никитенко употребил, являясь инспектором Аудиторской школы и пытаясь усовершенствовать преподавание в ней: *Назначение ее <школы> важное: она должна возвысить и, если можно так сказать, оправосудить военную часть армии. Идея моя принята в соображение военным министром (запись 31 января 1843 г.) [Никитенко 1: 260]. У Даля в*

---

⁴ Слово полуфилософия вошло в СРЯ XVIII из книги Н.М. Карамзина «Письма русского путешественника» (V, 410) [СРЯ XVIII 21: 193–194].

статье на слово *судить* в подразделе *судьба* есть пример: «Что судьба скажет, хоть правосуд, хоть кривосуд, а так и быть» (Даль 1989 IV: 356), а в статье *оправдывать* при глаголе *оправить* ‘оправдать, освободить от обвинения, признать правым’ есть пример: «Его в суде оправили» (Даль 1989 II: 683). Аналогичное глаголу *оправосудить* словообразование наблюдаем в слове *оправоверить* ‘осуществить обряд принятия христианства’ (СРЯ XVIII 17: 39).

В Дневнике А.В. Никитенко встречается много образных оборотов, которые включают как известные просторечные элементы (*хоть мост мости, сходит с рук, плашмя лежат, на шаромыжку, дрожат как овцы*), так и сформированные автором (*бить прутом по воде, тысячи блестящих искр, держаться в окопах, свирепствовать как ураган, ужас и бич, чтобы жизнь пенилась, срезать как коса, живые развалины*) и др. Приведем несколько таких высказываний: *Блестящая наша аристократия <на карнавале>! Звездами хоть мост мости* (запись 17 февраля 1835 г.) [Никитенко 1: 168]; *Ему <цензору П.А. Корсакову> многое сходит с рук, от чего не поздоровилось бы другим* (запись 22 января 1842 г.) [Там же: 244]; *После предстоящего выпуска <из Аудиторского училища> ожидают массу наград. Большинство моих сослуживцев плашмя лежат, простирая руки кто к Станиславу, кто к Анне <к орденам>, к перстню, к табакерке* (запись 8 января 1842 г.) [Там же: 242–243]; *Но кажется, доброму делу не бывать, ибо сюда вмешались частные интересы, а у меня нет времени, да, наконец, и охоты бить прутом по воде. Я и то уж много времени и труда отдал этой школе, а сделать удалось очень мало* (запись 28 января 1843 г.) [Там же: 260]; *Клейнмихель <...> был у нас на экзамене и свирепствовал как ураган. Это ужас и бич для подчиненных. Генералы и те трепещут перед ним, как овцы перед волком* (запись 20 января 1837 г.) [Там же: 192]; *Ум его рассыпается в тысячах блестящих искр и каждая искра или светит или жжет* (запись 28 декабря 1835 г.) [Там же: 176]; *Там шум и песни замолкали только в четыре часа утра. Это право недурно. Надо, чтобы жизнь иногда пенилась* (запись 16 июля 1836 г.) [Там же: 185]; *Дурное свойство реакции то, что она, как коса, проходит полосами и срезывает все — и дурные травы и хорошие* (запись 14 июня 1862 г.) [Никитенко 2: 280]; *Все идет, говоря русским словом, «на шаромыжку».* Ум и плутовство — синонимы (запись 15 января 1841 г.) [Никитенко 1: 228]. — Ср.: Взять на шеромыжку ‘получить обманом, плутовством’ (Даль 1989 IV: 629). После защиты диссертации на степень доктора философии 14 февраля 1837 г. А.В. Никитенко записывает: *Я крепко держался в моих окопах и не терял присутствия духа* [Никитенко 1: 198]. А горькое настроение автора дневника во время похорон его бывшей ученицы, тридцатисемилетней Марии Антоновны Корсини, выразилось в описании людей, которых он знал раньше, в молодости, внешне совсем другими: *Две живые развалины подошли ко мне на похоронах: <Л.В.> Дубельт, столь некогда страшный — впрочем, страшный только своим местом, а не сердцем и характером, — и <Н.И.> Греч, тоже некогда знаменитый. Обменявшись общими местами, мы расстались* (запись 14 февраля 1859 г.) [Никитенко 2: 62].

Встречаются в Дневнике А.В. Никитенко высказывания, изречения, которые могут восприниматься как своего рода афоризмы. В них он выражает мысли о цензуре, молодых писателях, о науке, философии, искусстве, музыке, о положении простого человека в России, о мыслящих и талантливых людях и др. Приведем некоторые из них: *У нас нет недостатка в талантах <...> Но как могут они писать, когда им запрещено мыслить?* (запись 11 апреля 1835 г.) [Никитенко 1: 171]; *Что было бы с людьми, если бы они не изобретали для себя игрушек?* (запись 31 декабря 1838 г.) [Там же: 205]; *Невольно подумал я: какую национальную философию можно вывести из наблюдений над человеком в России — над русским бытом, жизнью и природой? Из этого, пожалуй, выйдет философия полного отчаяния* (запись 30 июня 1839 г.) [Там же: 210]; *Они думают, что уже много делают, если не делают зла. Впрочем, они правы: и то хорошо* (запись 25 октября 1839 г.) [Там же: 214]; *Справедливость и мужество суть главные опоры нравственного порядка вещей* (запись 26 декабря 1839 г.) [Там же: 216]; *Музыка — это совершеннейшее из искусств, и власть ее над человеческим сердцем безгранична* (запись 14 апреля 1841 г.) [Там же: 231]; *Истинная сила не нуждается ни в какой тактике: она горда и презирает ухищрения* (запись 10 декабря 1840 г.) [Там же: 227]; *Незнание природы и жизни производит в искусстве одни общие места* (запись 20 ноября 1840 г.) [Там же: 225]. Искренни его высказывания о принципах преподавания русской изящной словесности, которые порой звучат как лозунги: *Мое естественное влечение — обратить кафедру в трибуну. Я желаю больше действовать на чувство и волю людей, чем развивать перед ними теорию науки. Мне кажется, что я больше оратор, чем профессор. Познания у меня средство, а не цель <...> Искусство должно служить человечеству, а не человечество искусству* (запись 28 июля 1841 г.) [Там же: 235].

Некоторые мысли А.В. Никитенко оказались созвучными мыслям людей более позднего времени: *России необходим еще новый Петр Великий. Первый Петр великий ее построил, второму надлежало бы ее устроить. Теперь в ней все в хаосе. Кто выведет ее из этого хаоса? Где могущественный светлый ум, который разделит бы стихии и свяжет их в гармоническое целое?* (запись 3 августа 1839 г.) [Никитенко 1: 213].

Примеры можно продолжать, но, думается, и этого достаточно, чтобы получить представление о взглядах и своеобразном языке образованного, активного, нестандартно мыслящего человека, академика, профессора российской словесности, отразившего в своем Дневнике мысли и настроения известных людей и состояние современного ему общества. Возможно, что в дифференциальном «Словаре русского языка XIX века» мог бы найти место этот пласт лексики, а Дневник А.В. Никитенко — послужить богатым источником для этого издания.

Источники

БАС — Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. Т. 1–26. СПб.: Наука, 2004–2019 (издание продолжается).

Д. патр. — Дѣло о патріархѣ Никонѣ / Изд. Археографической комиссіи по документамъ Московской Синодальной (бывшей Патріаршей) Библіотеки. СПб., 1897. 510 с.

- Даль 1989 — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1989–1991.
- Малышева И.А. Путешествие братьев Демидовых по Европе. Письма и подневные Журналы. 1756–1761 годы. М.: Индрик, 2006.
- Никитенко А.В. Дневник / Подготовка текста и примечания И.Я. Айзенштока. В 3 т. М.: ГИХЛ, 1955–1956.
- САР² — Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный: в 6 ч. СПб., 1806–1822.
- СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова. Вып. 1–31. М., 1975–2019 (издание продолжается).
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. Вып. 1–50. Л.; СПб.: Наука, 1965–2018 (издание продолжается).
- СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. Вып. 1–22. Л.; СПб.: Наука, 1984–2019 (издание продолжается).
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.
- Толстой — Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: ГИХЛ, 1955.

Астахина Людмила Юрьевна, д. филол. наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, г. Москва, ул. Волхонка 18/2; ведущий науч. сотрудник Отдела лингвистического источниковедения и истории русского языка; e-mail: lastakhina@yandex.ru

Ludmila Ju. Astakhina, Dr. of Sci. Phil., Leading Research Officer, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, 18/2 Volkhonka str., Moscow, Russian Federation. E-mail address: lastakhina@yandex.ru

Для цитирования. Астахина Л.Ю. Дневник как источник по истории лексики // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2020. Вып. 3. С. 105–120.

For Citation: Astakhina L.Ju. (2020). Diary entry as a source on the history of words // *Slavyanskaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya* [Slavic historical lexicology and lexicography], 3, pp. 105–120. (In Russ.)

*Liljana Makarioska**Л. Макаријоска*

**COMPOSITES IN THE
OLD/CHURCH SLAVONIC
LEXICOGRAPHY (ON EXAMPLES
FROM THE “DICTIONARY OF THE
MACEDONIAN RECENSION OF
CHURCH SLAVONIC”)**

**СЛОЖЕНКИТЕ ВО
СТАРО/ЦРКОВНОСЛОВЕНСКАТА
ЛЕКСИКОГРАФИЈА (ВРЗ
ПРИМЕРИ ОД „РЕЧНИКОТ НА
ЦРКОВНОСЛОВЕНСКИОТ ЈАЗИК
ОД МАКЕДОНСКА РЕДАКЦИЈА“)**

Апстракт. Анализата на сложенките во црковнословенската лексикографија покрај нивната документираност, ги потврдува нивните структурни особености, зборообразувачките тенденции, соодносот со грчките паралели, синонимните односи, застапеноста во текстовите со различна хронолошка, територијална и жанровска припадност, како и совпаѓањата и разликите пројавени во различни редакции на црковнословенскиот јазик. Од аспект на зборообразувачката варијантност се izdelуваат сложенките образувани со различни префикси и суфикси. Од аспект на преведувачката постапка, се izdelуваат сложенки што се формално зависни од грчките модели (калки), образувања по аналогија на грчките зборообразувачки модели со помош на соодветни домашни компоненти како еден од основните начини за именување апстрактни поими. Ретките или сложенките со единечна или ограничена употреба, претставуваат значаен дел од црковнословенскиот лексички фонд, веројатно имале и поширока употреба во старо/црковнословенскиот период, иако лексикографски се документирани само во еден речник или се карактеристични за одделна редакција на црковнословенскиот јазик.

Клучни зборови: црковнословенски јазик, историска лексикографија, лексика, зборообразување, сложенки, калки, ретки сложенки, синоними

Summary. The analysis of the composites in the Church Slavonic lexicography, in addition to their representation, confirm their structural features, word-derivation tendencies, relations to the Greek parallels, synonymy, their frequency in the texts with various chronological, territorial and genre affiliation, as well as the equivalents and variations in various redactions of Church Slavonic. Regarding the word-derivation variety, there are composites derived with various prefixes and suffixes. With respect to the translation practice, there are composites which are formally directly related to the Greek models, i.e. calques, derivations by analogy to the Greek word-derivation models, using adequate local components as one of the basic methods for naming abstract notions. Rare or unique compounds represent considerable part of the Church Slavonic lexical fund, and they probably were widely used in the Old/Church Slavonic period, although being lexicographically documented in only one dictionary or specific to only one redaction of Church Slavonic.

Keywords: Church Slavonic language, historical lexicography, lexis, word-derivation, calques, rare composites, synonyms

Вовед. Црковнословенскиот лексички фонд, лексикографски е претставен во речниците на старо/црковнословенскиот јазик, кои овозможуваат да се збогатат сознанијата за односот кон јазикот на предлошките, како и за низа специфичности во репертоарот, зборообразувачката структура на употребените лексеми и нивната семантика. Лексичкиот фонд на сите редакциските речници содржи општопозната лексика, а разликите се должат на лексички и зборообразувачки варијанти односно подновувања и избор на лексички единици поврзани со јазичната средина во која се пишувани ракописите. Споредбената анализа е прилог кон согледувањето на специфичностите на лексиката на секој одделен речник и неговиот влог во расветлувањето на развојот на црковнословенскиот лексички фонд.

Предмет на нашиот интерес се сложенките документираны во „Речникот на црковнословенскиот јазик од македонска редакција“ (натаму РЦЈМР)¹, од структурно-формален, односно зборообразувачки аспект, споредбено со одделни речници на старо/црковнословенскиот јазик.

При досегашните истражувања на лексиката на црковнословенскиот јазик, несомнено е значењето на речникот „Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum“ на Ф. Миклошич (натаму Mikl). Тој е конципиран како речник на старословенскиот јазик², а според изворите е единствен речник којшто ја обработува лексиката од различни редакции на црковнословенскиот јазик, на пр. црковнословенски текстови од македонска редакција, но и повеќе хрватскоглаголски извори за „Rječnik crkvenoslavenskoga jezika hrvatske redakcije“ (натаму RCJHR) [в. Nazor 1992: 13–19] итн. Четири томниот „Slovník jazyka staroslověnského“, т. н. Прашки речник (натаму SJS), покрај 18 канонски текстови вклучува уште 77 извори од XII до XVI век, меѓу кои и одделни извори за РЦЈМР: Ohr, Slep, Mak, Grig, Lobk, Pog, Von (в. РЦЈМР I: 45–48). Овој речник на своевиден начин ги оформува специфичните методолошки постапки за црковнословенската лексикографија кои се прифатени при работата на РЦЈМР при што се наведува и исцрпеноста на илустративниот материјал, синонимите и застапеноста на зборот во Mikl, SJS и „Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)“ (натаму CC).

Одделните редакциски речници на црковнословенскиот јазик, па во тие рамки и РЦЈМР и RCJHR се сообразуваат со лексикографската концепција на Комисијата за црковнословенски речници при Меѓународниот славистички комитет, но со почитување на специфичностите на одделните лексички системи [сп. Рибарова 2007: 189–194, 2007а: 161–168]. Во рамките на активностите на Комисијата значајно место зазема и *Споредбениот индекс кон речниците обработувани во рамките на Комисијата за црковнословенски речници* (натаму СИРКЦСР), што го опфаќа речничкиот фонд во CC, SJS, RCJHR, РЦЈМР, како и во *Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.* (натаму СДРЯ) и овозможува да се согледаат специфичностите на лексиката на секој речник и неговиот влог во црковнословенскиот лексички фонд.

Сложенките во црковнословенскиот јазик. Значаен дел од сложенките во старословенскиот јазик имаат мошне старо потекло, односно се наследени од прасловенскиот [Цейтлин 1977: 186]. При основната класификација, главно од структурен или зборообразувачки аспект, се izdelуваат двокомпонентни сложенки со словенска или несловенска (грчка) основа и трокомпонентни сложенки, на пр. во КРЦЈМР:

---

¹ Корпусот на РЦЈМР ја опфаќа лексиката на 29 текстови пишувани на македонските простори во периодот од XII до XVI век и тоа библиски: евангелија, апостоли, псалтири, паримејници (во кои се вклучени и деловите со литургиска или едукативна функција што ги содржат: календарите, тропарите, молитвите, коментарот кон псалтирот), како и небиблски текстови: триоди, минеј, пролог, паренезис, дамаскин. Картотеките се организирани во предметна картотека според изворите, азбучна картотека по азбучен ред, грчка во врска со грчките извори, односно грчките паралели и помошна картотека (РЦЈМР I: 14–16).

² Од аспект на овој речник под старословенски се подразбира најстариот литературен јазик на Словените во сите временски и територијални варијанти, од почетоците па до крајот на неговата употреба во одделни средини, односно од X до XVIII век.

ВЪСЕБЛАГОРОДЪНЪ, ВЪСЕБЛАГОСЛОВЕНЪ, ВЪСЕБЛАГОУСТЬНО, КРЪСТОБОГОРОДИЧЪНЪ, МЪНОГОЗЪЛОУСТИВЪ, МЪНОГОМИЛОСРЪДЪ, МЪНОГОУЛОВЪКОЛЮБИВЪ, ПРИСНОЖИВОДАТЕЛЪНЪ, ПРИСНОЖИВОПОДАТЕЛЪ, ПРИСНОЖИВОТВОРИТИ, ПЪСНОСЛОВОСЛОВИТИ, ЧЕТВОРОДЕСАТОСВЪТЪЛЪ; сложенки без сврзувачки вокал меѓу компонентите: грѣхъпаданне, грѣхъотъпаданне, пжтѣшьствие и многу почесто со составен, сврзувачки вокал -о-: миротворѣць, любодѣнство, благодлюбие или -е- (зад -ј и палатални согласки): ницелюбѣць, лъжесѣвѣдѣтель, доушелюбѣць, вѣньценосьць, додека примерите на двојните форми, покрај со е и со о како: боуословне, мжжожена, вѣньценосьць, сръдѣцовѣдѣць го потврдуваат стремежот за обопштување на -о- како сврзувачки вокал. Има и сложенки со падежна форма како прва компонента: домоуладѣйка, животоуначалѣникъ, законаписателъ, законапрѣстѣпление, законоупрѣложение, клатвѣпрѣстѣпѣникъ, лъжноучителъ, мироубогатѣнъ, родоуначалѣникъ, свѣтоуначалѣнъ.

Од формално-структурен аспект се izdelуваат бессуфиксни сложенки: богословъ, ветѣхословъ, козирогъ, лицемѣрь, ношѣдѣнъ, полоунощъ, приснодѣва, но најголем број се суфиксни образувања, а речниците на црковнословенскиот јазик од одделна редакција укажуваат и на определени зборообразувачки тенденции во суфиксацијата и префиксацијата на сложенките. Поретки се сложенките со префиксирана прва компонента: бездѣлосръдне, невѣзблагодѣтѣнъ, облаговонити, облагожѣвати, оживотворити, а почесто со втора: благонзванѣвъ, благосѣтворити, богонасаждѣнѣнъ, зѣлопроизволителъ, плодопрношение, присноусподинати, присноодратѣнѣнъ.

Од аспект на жанровската припадност на текстовите, појавата на сложенките се поврзува со барањата на стилот, поаѓајќи од простиот збор како стилистички неутрален, наспроти сложениот како високо книжен. Поради тоа евидентно е дека сложенките се помалку својствени на пр. за проповедувачкиот јазик на евангелието, што било повеќе наклонето кон стилистички неутралната лексика [Цейтлин 1973: 431–432], или за паримејните текстови [Миовски 1997: 129], а на небиблиските текстови им е многу посвојствено сложувањето како стилистичко средство.

Во поглед на припадноста на сложенките кон определена зборовна група, според КРЦЈМР најбројни се придавките (1077), па именките (958), потоа глаголите (243) и прилозите (171), на пр. од 240 сложенки со благо- придавки се 34%, именки 31%, глаголи 22,5% и прилози 12,5%, од 58 сложенки со добро-придавки се 29 или 50%, именки 26%, глаголи 17%, додека прилози 7%. Во СС од 99 лексички единици со благ- и благо- 36% се именки, 34% придавки, 25% глаголи и 5% прилози. Очигледно во библиските текстови преовладале именските групи пред глаголите и претставуваат 70%. [Клименко 2001: 23].

Од аспект на преведувачката постапка помеѓу старословенскиот и грчкиот јазик, постоела изразена разлика во образувањето зборови со сложување, што претставувало мошне продуктивен начин на зборообразување во грчкиот, но многу ограничен во старословенскиот [Večerka 1997: 367].

Проучувањата потврдуваат дека калкирањето, т. е. образувањето нови зборови по аналогија на грчките зборообразувачки модели со соодветни до-

машни компоненти, претставува еден од основните начини за именување апстрактни поими неопходни за книжевниот јазик, па затоа оваа појава семантички се поврзува со сферата на духовниот, односно црковно-религиозниот живот³. Преведувачите ги искористувале богатите изразни можности на старословенскиот јазик во согласност со неговиот зборообразувачки систем [Вялкина 1966: 170, 177; Molnár 1985: 49–50, Ефимова 2007: 117–128 и др.], покрај непосредно применувале и семантичко калкирање⁴, а сложенките ги употребувале и со стилистички цели⁵.

Вјалкина [Вялкина 1964: 108–113] посветува внимание на грчките паралели во староруските ракописи од XI–XIV век или на односот на словенските сложенки кон грчките оригинали, па разликува буквален превод на двете компоненти и создавање нов, сложен збор според обрасци познати во јазикот или соодветна енокоренска морфема. Посочува три начини на предавање на грчките сложенки со прва компонента фило- и тоа: со „вистински“ калки, со калки со промена на местата на компонентите и со синтаagma, на пр. *φιλότιμος* – чъстолюбие, любочъстие, любьзна чъсть [Вялкина 1966: 163]. На пр. и во КРЦЈМР бележиме: *φιλοξενία* – страннолюбие, *φιλοπόνως* – любитроудно, троудолюбьзно, *φιλοτιμεῖσθαι* – пространа любьты, чъстьнь бывати, дарити.

При основната класификација и анализа на сложенките [сп. Мострова 2004: 401] главно се изделуваат: 1. структурни калки, и тоа а) структурни калки, што ги преведуваат точно двете компоненти на грчките сложенки⁶, б) структурни калки, што ги преведуваат компонентите меѓутоа со промена на местата⁷, в) делумни структурни калки, кај кои едниот член е точно преведен, а

³ Сепак, покрај калките од грчкиот јазик, некои од сложенките употребени уште во Климентовите дела не се под директно влијание на грчкиот јазик. За разлика од преводните текстови, во оригиналните текстови на Климент и Наум Охридски (а и на подоцнежните македонски книжевни творци), се регистрирани на пр. 153 сложенки од кои 90 не се потврдени во библиските ракописи [Поп-Атанасова 2002: 127]. Климент Охридски како познавач на византиската литература и грчкиот јазик, во својот јазичен израз вклучува сложенки како називи со религиозен карактер: богоблаженъ, богонзвѣранъ, всесвѣтъль, всещъстнь, пръвождѣникъ, теклонцѣнитъ, теклонцѣньнь; голем број лексеми за изразување на божествената природа на Св. Троица: единороднь, едннороджень, еднносщънь, едннносщънь, живодавьць, живоносънь, цидорѣжителъ, равньопрѣстольнь, трисъставънь, тринсавънь, триупостасънь, тръбезначальнь [Поп-Атанасова 2004: 81–90, Макаријоска 2009: 200].

⁴ Во врска со калкирањето како продуктивен начин за нови образувања и збогатувањето на црковнословенскиот лексички фонд, Чернишева [2018: 28] ја истакнува потребата од проследување и разликување на застапеноста на сложенките во преводните и оригиналните текстови, посочувајќи дека во Сл XI–XVII век на пр. најголем дел, 40 од 48 сложенки со свѣтло- (*λαμπρο-* и *φωσ-*), се во непрводни, оригинални текстови, а истото се однесува и на образувањата со свое-, како и на 29 лексеми со сквернен- и скверно- (*αἰσχρο-*), додека поголем дел од 46 сложенки со свято- (*ἱερο-* и *ἅγιο-*) и од 80 со священно- (*ἱερο-*) се во преводни текстови.

⁵ На пр. при употреба на низа сложенки со иста прва компонента и сл. во дамаскиот: того ради сътвори адамъ самовластна самосвѣтна самопроизволна самохотна самосъдѣшленна илѣти хотѣние свое илѣти власть свою повелѣвати хотѣнию своему и что хоцеть сътворити или добро възлюбити или зло въсхоцеть.

⁶ Богоразоумие – *θεογνωσία*, вельгласно – *μεγαλοφώνως*, доухоносънь – *πνευματοφόρος*, дълголѣтънь – *μακροχρόνιος*, дългоживотънь, дългожизньнь – *μακρόβιος*, доврогласънь – *εὐήχος*, дълводньовати – *δισημερεύειν*, едннопрѣстольнь – *ὀμόθρονος*, живодавьць, жнзгодавьць – *ζωοδότης*, златооустъ – *Χρυσόστομος*, зълословити – *κακολογεῖν*, каменосрѣдътънь – *λιθοκάριδος*, дългоглавьнь – *πολυκέφαλος*, дългогласъно – *πολυμερῶς*, плодоносънь – *καρποφόρος* пръвородънь – *πρωτότοκος*, сдѣхотворение – *γελωτοποιία*, сдѣрътоносънь – *θανατηφόρος*, тоудотворьць – *θανματουργός*.

⁷ братолюбие – *φιλαδελφία*, страннопредельць – *φιλόξενος*, сьребьролюбьць – *φιλάργυρος*, любѣрколюбие – *φιλανθρωπία*.

другиот е модифициран со, според смислата, послободен превод⁸ и г) хибридни образувања⁹, 2. образувања што се формално независни од грчките модели а) новообразувања, кои не се образувани под влијание на соодветните грчки сложенки, ама следат установен модел, б) сложенки, кои преведуваат еднокоренски грчки форми, в) сложенки, што претставуваат превод на грчки изрази или синтагми.

Некои сложенки се непосредно преземени од грчки, на пр.: алфавитъ – *ἀλφάβητον*, газофилакна – *γασοφυλακεῖον*, додеканмеръ – *δωδεκαήμερος*, идололатрија – *εἰδωλολατρία*, иподромъ, иподромие – *ἵππόδρομος*, каравокъръ – *καραβοκύρι*, архиднакъ – *ἀρχιδιάκονος*, архиепископъ – *ἀρχιεπίσκοπος*, митрополитъ – *μητροπολιτής*, олофоръ – *ὀμοφόριον*, олоуџни – *ὀμοούσιος*, орфанотрофъ – *ὄρφανοτρόφος*, протоасннькритъ – *προτοασηκρήτης*, протоспатръ – *προτοσπαθάριος*, теологъ – *θεολόγος*, теотокионъ – *θεοτόκιον*, теофилъ – *Θεόφιλος*, декаполне, декаполь (и десатиградъ) – *Δεκάπολις*.

Сопоставувањето на сложенките со грчките паралели потврдува дека најчесто станува збор за структурни калки¹⁰ – црковнословенските сложенки буквално ги предаваат грчките, односно се образувани според грчки модели со соодветни словенски компоненти (се поврзува семантиката на две компоненти и по потреба се модифицира), додека на слободниот однос кон грчкиот текст укажуваат повеќе различни преводни сложенките што е потврда за изразните и зборообразувачки можности на црковнословенскиот јазик. Според Шуман [Schumann 1958] во старословенските ракописи се среќаваат 1096 лексеми во чијашто зборообразувачка и семантичка структура се набљудува калкирање на грчки обрасци. Според Цејтлин [Цейтлин 1977] од 54 типа сложенки во 39 првата компонента одговара на соодветен член од грчката сложенка: благо-/εὖ-, бого-/θεο-, брато-/ἀδελφ-, веле-, вель-/μεγαλο-, вино-/οἶνο-, вџсе-/παντο-, длъго-/μακρο-, добро-/εὖ-, доуше-/ψυχο-, живо-/ζωο-, законо-/νομο-, зъло-/κακο-, едно-, нно-/ἄλλο-, моно-, крџво-/αἶμο-, коупно-/ὄμο- итн. Тенденцијата кон точно калкирање на зборообразувачките модели е карактеристична за сите ракописи од XIV век,

⁸ странъноприемльць – *φιλόξενος*.

⁹ Молнар [Molnar 1985: 65] го претпочита терминот „полукалки“ за хибридните сложенки во кои едната компонента е од словенско, а другата (почесто првата компонента) од несловенско, грчко потекло, на пр.

алектороулашение – *ἀλεκτοροφωνία*, идоложрџтвџнь – *εἰδωλόθυτος*, идоложрџенџ – *εἰδωλόθυτος*, идолослоуџение – *εἰδωλολατρεία*, идолотрџбџнџнь – *εἰδωλόλατρης*, идолотрџбџнь – *εἰδωλόθυτος*, канџднловџжнџгатель – *κανδηλάπτης*, манноприемльнь – *μανναδόχος*, муроносџца – *μυροφόρος*, муроположџница – *μυροθήκη*, муротџжџльнџница – *μυρολογίαστρα*, плнџнџтотворение – *πλινθουργία*, додека втората компонента од грчко потекло во: лџжеапостоль – *ψευδαπόστολος*, равџноанџель – *ἰσαγγελος*, равџноапостоль – *ἰσαπόστολος*, самоуџпостасънџ – *αὐθυτόστατος*.

¹⁰ За вистински сложенки (композиции) се сметаат само оние што се образувани од два семантички самостојни збора, а такви можат да бидат само зборовите со номинативна функција – именките, глаголите, придавките. Во тој случај двете компоненти на сложенките до определен степен го чуваат првобитното значење и истовремено означуваат нешто ново и неделиво. Во суфиксните и префиксните образувања, недостасува тој семантички дуализам зашто службените зборови немаат свое самостојно значење, туку само го видоизменуваат значењето на основниот збор.

но се пројавува во различен степен и дава различни резултати во зависност од книжевните центри во кои се создадени [Мострова 2004: 409].

Првите компоненти имаат различна продуктивност и различни можности за врзување со други основи, а според КРЦЈМР најчесто како прва компонента се јавуваат: благо- (246) и бого- (214)¹¹, следат вьсе- (135), мьного- (110), зьло- (76), едно- (65), добро- (54), прьво- (46), присно- (40), любо- (39), само- (36), свѣто- (30), ино- (25), равьно- (25), прѣжде (23), дьвоє- (22), чловѣко- (20), ново- (20), живо- (19), велико- (14) итн. Анализата на сложенките во руските ракописи од XI до XVII век укажува на најзастапените први компоненти во сложенките [сп. Низаметдинова 2013: 211–215, 222], на пр: благо- (540), бого- (211), вьсе- (207), велнко- (77), зьло- (73), водо- (72,) добро- (67), мьного- (59), едно- (54), келе- (53), звѣздо- (21), три-/тре- (21), злато- (20), дво-/двоє- (20), ино- (16), любо- (14), равнo- (14), само- (14), перво- (13), христо- (13), дүше- (12), законо- (10), право- (9), бело- (9), вино- (9), брато- (8), мало- (8), ново- (8) итн., а во врска со вторите компоненти најчести коренски морфеми се: -люб- (36), -нос- (24), -лик-, -лиц-, -лич- (17), -твор- (14), -вѣр- (12), образ- (11), -мысл- (10), -глас- (9), -имен- (9), -род- (9), вид- (8), -ден- (8), -слав- (8) итн.

На пр. сп. КРЦЈМР еквивалент на грчкото εὖ- е словенското благо-¹². Сп. *εὐαγγέλιον* – благовѣствование, благовѣщение, *εὐαγγελίστρια* – благовѣстѣница, *εὐάρεστος* – благогодѣнѣ, благооугодѣникѣ, благооугодѣнѣ, *εὐδοκεῖν* – благоволити, благоизволити, благохвалити, *εὐθυμεῖν* – благодоушити (сѧ), благодоушьствовати, *εὐλογεῖν* – благовѣствовати сѧ, благовѣстити сѧ, благовѣщати (сѧ), благославлѣти, благословествити (сѧ), благословестковати, благословестити, благословити (сѧ), благословлѣти, благослововати (сѧ), благословѣствне, възблагословити (сѧ), *εὐσέβεια* – благовѣрне, благовѣрствне, благовѣрство, благочѣстне, благочѣсть итн., како и добро-: *εὐσμος* – добровонѣнѣ, *εὐήχος* – доброгласнѣ, *εὐχαριστεῖν* – добродарѣствити, *εὐσχήμων* – доброобразнѣ, *εὐπαθεῖν*, *εὐπορεῖν* – добропринмати, *εὐποιεῖν*, *εὐεργετεῖν* – добросѣтворити, што е соодветно и на кало-: *καλοποιεῖν* – добросѣтворити, добротворити, *καλοδιδάσκαλος* – доброоучителѣница. И на грчкото ἀγαθo- соодветствуваат благо-, добро-¹³: *ἀγαθοδότης* – добродѣтѣль, *ἀγαθοποιεῖν* – благословити, благотворити, добродѣгати, добросѣтворити, добротворити, *ἀγαθοποιός* – добродѣи, *ἀγαθουργεῖν* – благотворити, добротворити, *ἀγαθύνειν* – благосѣтворити. Од проследувањето на сложенките во старословенските ракописи се доаѓа до заклучок дека сложенките на добро- потполно се совпаѓаат во своето

¹¹ Во RCJHR се документирани 92 сложенки со благо- и 18 сложенки бого-.

¹² Анализата укажува дека дури 93 сложенки од КРЦЈМР не се потврдени во СС, во Mikl и во SJS, а и во RCJHR има непотврдени во Mikl, SJS, PЦЈМР на пр.: благоходождникѣ, благооуредне, благообилне, благодѣтствне.

¹³ Грч. компонента εὖ- се предава со благо-, добро-, скоро-, и со красьно во красьнопырсьць, грч. *καλο-*, *ἀγαθo-*, со добро- и во еден пр. со благо-, грч. *εἶδαλο-* идоло-, кѣмнро-, капнште-, *αὐτο-* со само-, севѣ- [Низаметдинова 2013: 126]

значење со зборовите на благо- доколку имаат иста втора компонента [Цейтлин 1986: 234]. Притоа обично во грчкиот текст како прва компонента се јавува *εὖ-*. Сложенките со добро- се јавуваат како понов лексички слој во споредба со сложенките со благо-. Во РЦЈМР се документирани повеќе синоними со благо- и добро-: *благодоушествовати* – *добродоушествовати*, *благообразънъ* – *доброобразънъ*, *благоуразумънъ* – *доброразуумънъ*; со благо-, мило- и благомилло-: *благосръдне* – *милосръдне*; *благосръдъ* – *милосръдъ* – *благомилосръдъ*; *благосръдъ(чь)нъ* – *милосръдънъ*, во РСЈНР *благогласънъ* – *доброгласънъ*, *благодѣѣнне* – *добродѣѣнне* итн¹⁴.

Во прилог на смисловиот превод говорат бројните примери кога една грчка сложенка има повеќе словенски паралели, а примерите со делумно послободен израз во однос на грчката сложенка укажуваат на послободниот однос на преведувачот при преведувањето: *εὐχαριστεῖν*: благодарити, благодати, благохвалити, добродарствити, *εὐλαβής*: благовѣрнъ, богочестивъ, *εὐδοκία*: благоволение, благословение, волѣ, изволение, пројавениот стремеж да се излезе од грчката конструкција и да се даде адекватен превод во духот на словенскиот јазик. Сп. *εὐσχήμων* – благообразънъ, доброобразънъ, говѣннъ; *σκληροπρόσωπος* – жестокъ, жестолнкъ, *οἰνοφλυγία* – пиянство; *ἀλληλοφάγος* – дроугъ дроуга сѣдати.

При структурните калки соодветно на грчкото *θεο-* е бого-: *θεοτόκος* – богонекѣствна, богородица¹⁵, *θεογεννήτωρ* – богонекѣствнага, богородица, *θεονύμφευτος* – богонекѣствна, *θεολογεῖν* – богословити, *θεομακάριστος* – богоблаженъ, *θεοπρεπής* – боголѣпнъ, *θεόσδοτος* – богоданнъ, *θεοστράτευτος* – боговоиньскъ, *θεοτύπωτος* – благообразънъ, *Θεόφιλος* – боголюбивъ итн. Според анализата 95 сложенки со бого- од РЦЈМР не се потврдени во СС, во Mikl и во SJS. И РСЈНР бележи сложенки со бого- непотврдени во Mikl, SJS и РЦЈМР: боголюбно, богомръзъць, богообѣтнъ.

На полу- му соодветствува мѣного-: *πολυθρήνητος* – мѣногоплачѣнъ, *πολυτίμητος* – мѣногоцѣннъ, *πολυστένακτος* – мѣноговъздыханнъ, *πολυτόκος* – мѣногоплоднъ, *πολυτρόπως* – мѣногоразличнъ, *πολύφωτος* – мѣногоскѣтѣлъ, *πολυχρόνιος* – мѣногогодишнъ, *πολυώδιнос* – мѣногоболѣзннъ, *πολυώνυμος* – мѣногоименинъ, *πολυτάραχος* – мѣногомжтнъ, *πολύτεκνος* – мѣногоплоднъ,

¹⁴ Сп. и Срезневский: *благободзникъ* – *добрободзникъ*; *благоволение* – *добрволение*; *благовольство* – *добрвоольство*; *благовоение* – *добрвоение*; *благовонънъ* – *добрвоонънъ*; *благовонъство* – *добрвоонъство*; *благовѣрнъ*, *добрвѣрнъ*; *благовѣрство* – *добрвѣрство*; *благгодънъ* – *добргодънъ*; *благодавъць* – *добрдавъць*; *благодарствне* – *добрдарствне*; *благодоушне* – *добрдоушне*; *благодоушествовати* – *добрдоушествовати*; *благодѣтель* – *добрдѣтель*; *благодѣтельнъ*, *добрдѣтельнъ*; *благодѣѣнне* – *добрдѣѣнне*; *благонзволение* – *добронзволение*; *благокраснъ*, *добркраснъ*; *благонравне*, *добрнравне*; *благонравнъ* – *добрнравнъ*; *благообразънъ* – *добробразънъ*; *благоплодне* – *добрплодне*; *благолоучѣнъ* – *добрполоучѣнъ*; *благородне* – *доброродне*; *благородънъ* – *доброродънъ* и др. (в. [Макаријоска 2017: 167–174]).

¹⁵ На пр. и *θεοτόκος* божица, *θεογεννήτω* божна мати, *ἀειπάρθενος* богородица, дѣва, приснодѣва, но и: *κυριοτόκος* – богородица. Богородица во РЦЈМР е именувана и како: *мариа*, *богородительница*, *богонекѣста*, *владычица*, *дѣва*, *дѣвица*, *приснодѣва*, *родителница*, *богородица*. Епитетите се чести уште во Климентовите творби, на пр.: *везджъжнага*, *вездневѣствнага*, *благодатна*, *богонекѣствнага*, *браконенскоусьнага*, *непорочнага*, *прѣнепорочнага*, *обрадованнага*, *прѣрадованнага*, *прѣчистага*, *чистага* итн. [сп. Макаријоска 2009: 202]. За именувањето на Богородица во руските ракописи в. подетално Чернышева [2017: 283–302].

многочадънъ, *πολυτελής* – многоцѣньнъ, *πολύτιμος* – многоцѣньнъ, *οὐ πολυχρόνιος* – немноголѣтънъ; *πολυμερῶς* – многочастъно, *πολύνοσος* – многоболѣзньнъ, *πολυπαθής* – многострастънъ, *πολυποίκιλος* – многоразличънъ, *πολυκέφαλος* – многоглавънъ, *πολλυλογία* – многоглаголанне, на οἶνο- вино-: *οἶνοπότης* – винопицца, *οἶνοποσία* – винопитне, на ψυχο- доуше-: *ψυχοτρόφος* – доушепиттаа, *ψυχοφθόρος* – доушетѣлѣ(нь)нъ, *ψυχοφελής* – доушепользънъ, на κακο- зѣло-: *κακόδοξος* – зѣловѣрьнъ, *κακοήθεια* – зѣлонравне, *κακολογεῖν* – зѣлословесити, зѣлословесити, зѣлословити, озѣлословити, *κακοπαθεῖν* – зѣлострадати, *κακοπιστία* – зѣловѣрне, *κακόπιστος* – зѣловѣрьнъ, *κακόφρων* – зѣлооумънъ на αὐτο- само-: *αὐτοφυής* – самоничънъ, *αὐτοκρατορία* – самодръжне, *αὐτοκράτωρ* – самодръжъць, *αὐτόπτης* – самовидъць, νομο- законо-¹⁶: *νομογράφος* – законодавъць, *νομοδιδάσκαλος* – законооучитель, *νομοθέτης* – законодавъць, законоположъникъ, ψευδο- лъже-: *ψευδοδιδάσκαλος* – лъжоучитель, *ψευδολόγος* – лъжесловесъникъ, *ψευδομαρτυρεῖν* – лъжепослосъствовать, лъжесъвѣдѣтельствовати, *ψευδομαρτυρία* – лъжесъвѣдѣние, лъжесъвѣдѣтельство, *ψευδομάρτυς* – лъжесъвѣдѣтель, *ψευδοπροφήτης* – лъжепророкъ итн.

Според КРЦЈМ првата компонента едно- се среќава со своето основно бројно значење при предавање на моно-: *μονογενής* – единородънъ, единорожденъ, единочадъ, единочадънъ, *μονοειδής* – единозрачънъ, *μονόκερος* – единорогъ, *μονότροπος* – единомыслънъ, единобразънъ, па единоначалънъ, а во повеќе примери означува ‘ист, еднаков’ како еквивалент на ὅμο-: *ὁμόθρονος* – единопрѣстольнъ, *ὁμοθυμαδόν* – единоподано, единогоушьно, *ὁμόνοια* – единомышленне, *ὁμοούσιος* – единосъщънъ, *ὁμόφρων* – единомыслъць.

При калкирањето на сложенките, обично, не доаѓа до промена на местата на нивните компоненти. Исклучок претставуваат образувањата со φίλο- во првиот дел¹⁷: братолюбне, братолюбленне – *φιλαδελφία*, сластолюбне – *φιληδονία*, сластолюбъць – *φιλήδονος*, странънолюбне – *φιλοξενία*, странънопримецъць, странънолюбъць – *φιλόξενος*, сребролюбне – *φιλαργυρία*, сребролюбъць – *φιλάργυρος*, чловѣколюбне – *φιλανθρωπία* и чловѣколюбъць – *φιάνθρωπος*, маслопѣтие – *εὐχέλαιον*, началосътъникъ – *ἐκατόνταρχος* (покрај сътоначалъникъ каде што се задржува редоследот), свѣщенъноначалъникъ – *ἀρχιερεύς*. Втората компонента од сложенката може и самостојно да се употребува, на пр.: благотворение, благожъхание, богоборъць, богоотъць,

¹⁶ Сп. и сложенките со прва компонента законо- што ги предаваат грчките со втора компонента -νομος, -νομία: законопрѣстѣпникъ – *παράνομος*; законопрѣложение – *παρανομία*.

¹⁷ Ваквиот превод Вјалкина [Вјалкина 1966: 170] го објаснува со една особеност својствена на словенските јазици, а имено постпозиција на компонентата што изразува дејство (-люб-, -прим-) во однос на компонентата што претставува објект на тоа дејство (братъ, странънъ, сребро, чловѣкъ).

велехвадение, великомъченикъ, винопитие, десатоначалникъ, зълострадание, многосъпанне, чловѣкоугодникъ, чудотворецъ итн., но, често, претставува несамостоен лексички елемент: благолѣпие, благодѣше, боголюбие, вѣсонимецъ, велерѣчие, водолѣи, двоедоушие, лихонимство, ногоболие. Таа покажува поголема разновидност, и во грчките и во нивните словенски еквиваленти, за *εὐτυχία* – благолѣпие, благодѣше, *τὸ εὐᾶδες* – благовоение, благожъвание, за *νομοθέτης, νομοδότης* – законодавецъ, законоположъникъ.

Како особено показателни за постоењето на веќе утврден модел на сложен збор во црковнословенскиот јазик [Вялкина 1966: 182], се издвојуваат сложениците на местото на прост, енокоренски грчки збор. На пр.: благодѣте – *χάρις*, благожъвание – *μύρον*, блждословенъ – *ἀπνης*, вѣсонимецъ – *δαίμονισμένος*, велнокорѣмененъ – *μεγίστος*, велмъжъскъ – *δυνατός*, врьтоградъ – *κῆπος*, добродѣте и добродѣтелъ – *ἀρετή*, жестосрдие – *πύρωσις*, маломоце – *κυλλός*, многоотлъстъ – *παχύς*, многологъи – *δύνασθαι*, прѣлюбодѣнство – *μοιχεία*, скотоложъство, стоудоложъствие – *ἀσέλγεια*. Исто така префиксиран збор, на пр. со привативно *ἀ-* се преведува со сложенка: *ἀνομος* – законопрѣстѣпникъ, *ἀσεβής* – законопрѣстѣпнъ, *ἀτίμητος* – многовесеѣннъ, *ἀσχήμων* – зълобразнъ, неблагодарнъ; *ἀσχημονεῖν* – зълобразити сѧ, зълобразовати сѧ, *ἀγνώμων* – зълвольнъ, *ἀσεβής* – законопрѣстѣпнъ, *ἀχάριστος* – безблагодѣтенъ.

Преведувачот ги преведувал точно именките и придавките создавајќи зборови-калки, но сложените глаголи обично се преведувале описно [Вялкина 1974: 164], пр. во КРЦЈМР: *μονομαχεῖν* – изити на сѣте, *ναυαγεῖν* – корабел испроврѣши сѧ, ладна испроврѣши сѧ, *ἀντιπολεμεῖν* – брати сѧ и противити сѧ, брати сѧ противѧ, *φιλοεικεῖν* – впрѣкы глаголати, стръмъ глаголати, *ἐμφιλοχαρεῖν* – любезно вѣмѣстити сѧ, *ἐμφιλοχαρεῖν* – любезно вѣмѣстити сѧ, *στεφανηφορεῖν* – вѣнче носити, *νομοθετεῖν* – законъ дати, законъ положити, вѣ законѣ положити, законъ поставити, *γεωσπορεῖν* – землж сѣпати, *ἀλληλοφαγεῖν* – самъ себе гисти, *μνησικακεῖν* – враждж помнѣти, зълбж вѣспоманѣти, зълбж поманѣти, *ὀπλοποιεῖν* – оржжиемъ осѣдити, *ψευδολατρεῖν* – слоужити лъжи.

Статистичката анализа на сложенките во руските ракописи од XI–XVII век го потврдува соодносот на словенските сложенки и нивните грчки еквиваленти – покрај 349 калки, кај 31 сложенка има промена на местата на компонентите, на 36 им соодветствуваат енокоренски грчки лексеми, а на 9 грчки изрази [Низаметдинова 2013: 74].

Лексички и зборообразувачки синоними. Употребата на синонимите во црковнословенскиот јазик не е резултат на непостоењето на единствена лексичка норма, туку на тенденцијата за разнообразност преку искористувањето на

богатите зборообразувачки изразни можности на јазикот¹⁸. Потврда за стре-
межот на преведувачите да пронајдат најдобар начин за изразување на смислата
на контекстот се примерите во кои компонентите од грчките сложенки се пре-
дадени еднаш со еден, а друг пат со друг словенски корен¹⁹.

Десподова [1974: 279–285] izdelува лексички, односно зборообразувачки
варијанти што се должат на различни грчки предлошки, варијанти што се
објаснуваат со историјата на старословенскиот јазик, варијанти што се употре-
буваат по традиција во определена група текстови, за разлика од друга група,
односно варијанти како индивидуални особености на еден ракопис и лексички
дублети што имаат чисто стилистичка вредност (пр. за избегнување на честото
повторување на еден ист збор).

Лексичките и зборообразувачките синоними кај сложенките во македон-
ските евангелски ракописи ги разгледува Бицевска [1980: 175–195] и притоа
разликува: синоними што преведуваат еден грчки збор: богословъ, богословъць –
θεολόγος, лихонманне, лихонмъствие, лихонмъство – *πλεονεξία*, лъжепослухъ,
лъжесъвѣдѣтель – *ψευδομάρτυς*, синонимни двојки во кои секој синоним има свој
грчки еквивалент: благодѣтель – *εὐεργέτης* и добродѣтель – *ἀρετή*, любодѣство –
μοιχαλίσ и любодѣание, прѣлюбодѣание – *πορνεία*, *πορνή* и синонимни двојки што
преведуваат паралелно два или повеќе грчки зборови: благодѣание, добродѣание –
ἀγαθοποιία, *εὐεργεσία*, *εὐποιία*, любодѣецъ, любодѣи – *πόρνος*, *μοιχός*.

Се izdelуваат најчести лексички синоними врз основа на првата компо-
нента, веќе споменатите со благо- и добро-: благодоушьствовати (покрај благодоушити,
благодоушьновати) – добродоушьствовати; благообразънь – доброобразънь; благо-
разоумънь – доброразоумънь; со благо- и мило- благомил-: благосрѣдне – милосрѣдне; благо-
срѣдъ – мило-
срѣдъ – благомилосрѣдъ; благосрѣдъ(чь)нь – милосрѣдънь; благо- и бого-: благо-
чѣстивъ – богочѣстивъ, благородительница – богородительница, дълго- и мѣного-: дълготрѣпѣливъ –
мѣноготрѣпѣливъ, добро- и мѣного-: доброплодовитъ – мѣногоплодовитъ, едно- и ино-: едно-
рогъ – инорогъ, единорожънь – инорожъ, инорожънь, единородънь – инородънь, едночадъ, едно-
чадънь – иночадъ, прѣво- и прѣжде: прѣвовъзлежение – прѣждевъзлежение,
прѣвовъзлѣганне – прѣждевъзлѣганне, прѣвосѣданне – прѣждесѣданне. Бележиме синони-
ми со прва компонента трѣ- и префиксиранни форми со прѣ-: *τρισμακάριστος*:
трѣблаженъ – прѣблаженъ, трѣсвѣтъль – прѣсвѣтъль.

Од синонимите врз основа на втората компонента ќе ги споменеме: благо-
вонне – благожханне, благовидънь – благообразънь, великомощънь – великосильнь,

¹⁸ Се izdelуваат и антонимските парови: благовольнь – зѣловольнь, благовѣрне – зѣловѣрне, благословне – зѣлословне,
чловѣколюбъць – чловѣконенавидъць и др.

¹⁹ Во дамаскилот: благолѣпне и благодѣание – *εὐτυχία*, благобонне и благожханне – *τὸ εὐῶδες*, законодавьць и законопо-
ложъникъ за *νομοθέτης*.

дългоживотънъ — дълголѣтънъ, високомыслити — високомждровати, двомыслънъ — двоумльнъ, единородънъ — единочадъ, законоположителъ, законоположьникъ — законаписателъ, лъжепослоушьствовати — лъжесъвѣдѣтельствовати, самодръжьць — самовластьць итн.

При предавањето на грчките сложенки преведувачот настојувал пред сè точно да ја преведе коренската морфема, а афиксите ги употребувал послободно, па оттаму разнообразноста во нивната употреба и во рамки на еден ракопис. Оваа појава се објаснува и со тенденцијата за разновидност и одбегнување на повторувањето на сложенките. Во однос на зборообразувачката варијантност, односно синонимија забележавме дека се чести зборообразувачките синоними врз основа на првата компонента:

двоє-/дъво-: дъвоѣриє — дъвоєѣриє, дъвоименитъ — дъвоименитъ, законо-/законъно-: законположьникъ — законъноположьникъ, земльно-/земльно-: земльнородънъ — земльнородънъ, лъже-/лъжи-: лъжебратига — лъжибратигага, лъжепророкъ — лъжипророкъ, сръдо-/сръдъце-: сръдовѣдъць — сръдъцовѣдъць итн., врз основа на втората: братолюбие — братолюбение, житомѣриє — житомѣрение, въседръжителъ — въседръжьць лъжесъвѣдѣние — лъжесъвѣдѣтельство, богопокоривъ — богопокорънъ, лъженменитъ — лъженменънъ — лъженменованъ. Сп. и: богоприемъникъ, богоприемъць — *θεοδόχος*, боуехъитрость, боуехъитръство — *μαροτεχνία*, зълострадание, зълострастие — *κακοπάθεια*, мълногообъгание, мълногогание, мълногоастие — *πολυφαγία*, чловѣконенавидъць, чловѣконенавистъникъ — *ἀνθρωποκτόνος*, чловѣкооугodie, чловѣкооугождение — *ἀνθρωπαρέσκεια*.

При образувањето на сложенките учествуваат помал број суфикси во споредба со суфиксите што учествуваат во суфиксацијата на енокоренските лексеми, меѓутоа тие се одликуваат со поизразена полифункционалност, а освен тоа и продуктивноста на суфиксите не е еднаква [Макаријоска 2002: 8]. Најчесто се среќаваат суфиксите -ие, -ние за именување дејства, а -ьць и -ьникъ за лица, главно вршители на дејства [Мострова 2004: 399–402]²⁰. Од разгледуваниите суфикси за образување називи на лица во СДРЯ од вкупно 1387 сложенки, суфиксот -ьць е најчесто потврден суфикс и учествува во 272 сложенки, суфиксот -никъ во 141, -тель во 56, а 34 сложенки се бессуфиксни, а од другите девербативни превладуваат -ние со 265 потврди, -ство со 95 и -ствие со 26. Од вкупно 87 деривати со суфикс -ьць со значење ‘лице’ во старословенските ракописи, 51 се сложенки [Цейтлин 1977: 115]. Во прилог на ова сознание говори и анализата на КРЦЈМР [сп. Макаријоска 2002: 216, 246], пред сè состојбата со суфик-

²⁰ Врз основа на анализата на сложенките во категоријата *nomina agentis* од трите најпродуктивни зборообразувачки типа со -тель, -ьникъ, -ьць, Мострова [1994: 302–310] заклучува дека во XIV век сложенките со суфиксот -ьникъ (со изразен полисемантички карактер) значително се намалуваат (29%) во однос на сложенките на -тель, а со највисока продуктивноста има зборообразувачкиот тип на -ьць, што се должи на проширувањето на тематскиот круг на преводните текстови и барањата за постигнување на максимална формална и смислова идентичност на преводите, преку соодветни еквивалентни изразни средства.

сот -ъць, каде што од вкупно 156 образувања, сложенки се 119²¹ (еднокоренски се 28, а образувања од префиксирани глаголи 9), што претставува повеќе од 75% од потврдените именки, за разлика од најпродуктивниот меѓу агентивните суфикси -ъникъ²² каде што сложенките учествуваат со само 10-ина %.

И во РЦЈМР и во РСЈНР најчести се: -ъць, -ица, -никъ, -тељ, а во РЦЈМР и -тељница. На пр. во РЦЈМР од вкупно 156 сложенки *nomina agentis*, 119 се со -ъць. Во врска со сложенките со благо- во РЦЈМР со -ниѐ се образувани 27, со -иѐ 19, со -ъство, -ъствие 12, со -ъць и со -ица по 4, со -никъ 3, со -тељ 2 итн. Честа е употребата на истокоренските деривати со суфиксите -тељ, -никъ, -ъць. Пр. во РЦЈМР: богоповѣдатељ — богоповѣдъникъ, таиновѣстителељ — таиновѣстъникъ, единомъсльць — единомъсльникъ, мъногострадалцьць — мъногострадалъникъ, мѣжеложцьць — мѣжеложъникъ, свѣтоносцьць — свѣтоносъникъ, въседръжьцьць — въседръжителељ, благодавьцьць — благодатељ итн.

На продуктивноста на апстрактните именки на -ъство²³ се должи продуктивноста на глаголите на -ъствовати, во РЦЈМР: лицемѣрьствовати. Типична е и конкуренцијата на -иѐ наспрема -ъствие, -ъство, пр. во РЦЈМР: благовѣриѐ — благовѣръствие, благовѣръство, благодарѐ — благодаръствие, благодаръство, благословѐ — благословъствие, благословъство, братолюбѐ — братолюбъство, едниначлѐ — едниначлъство, прѣкословѐ — прѣкословъствие, съмѣреномѣдрѐ — съмѣреномѣдръство, формите со -ъствие, -ъство: лихонмѣствие — лихонмѣство, стоудольжьствие — стоудольжьство.

Основни суфикси при образување сложени придавки во КРЦЈМР се: -авъ, -атъ, -ивъ/-ливъ, -итъ (-овитъ, -ѐвитъ), -итънъ, -ънъ, -тељнъ, -ъствънъ: шестокрилатъ, нищелюбивъ, странънолюбивъ, благопослоушьливъ, всесмѣшьливъ, длъготръпѣливъ, мъноготръпѣливъ, едниначлѐнитъ, зълончлѐнитъ, мъногончлѐнитъ, тълончлѐнитъ, христончлѐ-

²¹ На пр. благодавьць, благолюбъць, боговидць, богоносць, богословць, богочътьць, даролюбць, законодавьць, свѣздожьць, знаменосць, крвооидць, мъногословць, нищелюбць, пѣснописьць, побѣдоносць, пшеницодавць, самовидць, смѣхотворць, странънопримць, сребролюбць, тоудотворць, ѣдрописьць, сп. и часословць, трѣпѣсньць, четворопѣсньць. Карактеристично е што втората компонента може да се јави само кај една сложенка (пр. -гнѣвьць, -гоубць, -мъсльць, -жьрьць, -родць, -ложць, -житць). најмногубројни се сложенките со -любць (24): боголюбць, богатолюбць, блждолюбць, грѣхлюбць, даролюбць, доушелюбць; -давць (14): богатодавць, жинзодавць, занмодавць, законодавьць, пшеницодавць; -носць (11): богоносць, вѣнъноносць, свѣтоносць; -творць (8): добротворць, дѣтотворць, животворць, смѣхотворць; письць (7): словописьць, скорописьць, пѣснописьць; -видць (6): боговидць, благовидць, доловидць; -борць (7): богоборць, доухоборць, ратоворць, самоборць; -дръжьць (4): долодръжьць, самодръжьць, ратовдръжьць итн. Обично вторите компоненти не се среќаваат во самостојна употреба, на пр.: гнѣвьць, гоубць, властьць, дръжьць, живць/житць, мъсльць, родць, ложць, трѣпць итн.

²² добротроудъникъ, богооудъникъ, благооудъникъ, свѣтонаставъникъ, дѣлоприставъникъ, законопрѣстѣпъникъ итн.

²³ Од анализата на дериватите на -ъствие, -ъство во КРЦЈМР произлегува дека 46 од нив се сложенки.

НИТЪ, ДОБРОПЛОДОВИТЪ, МЪНОГОПЛОДОВИТЪ, РЪЧЕВИТЪ, ВЪСЕНМЕНИТЪНЪ, ЗЪЛОСКВЪРЪНЪНЪ, ПРИСНОЖИВОТЪНЪ, МЪНОГОКЛЕВЕТЪНЪ, НЕПРАКОВЪРЪНЪ, ЧЕТВОРОДЕСАТЪНЪ, ВЪСЕГОУБИТЕЛЪНЪ, ГЛЖБОРОДИТЕЛЪНЪ, ДОБРОЖИТЕЛЪНЪ, ЗЪЛОИЗВОЛИТЕЛЪНЪ, МАЛОСТОПАТЕЛЪНЪ, МЪНОГОСТОПАТЕЛЪНЪ, МЪРОСЪПАСИТЕЛЪНЪ, ПРИСНОЖИВОДАТЕЛЪНЪ, БЛАГОДЪНЪСТВЪНЪ, ВЪСЕПРАЗДЪНЪСТВЪНЪ, ЕДИНОДЪИСТВЪНЪ, ЗЛАТОБОЖЪСТВЪНЪ, МЪНОГОБОЖЪСТВЪНЪ, ЕДИНОЕСТЪСТВЪНЪ, ЕДИНОСЪЩЪСТВЪНЪ, ЗЛАТОБОЖЪСТВЪНЪ, НЕБЛАГОДАРЪСТВЪНЪ.

Кај глаголите впечатлива е застапеноста на образувањата со -овати, -ствовати: БЛАГОДОУШЪНОВАТИ, ЕДИНОВАСТВОВАТИ, ЕДИНОМЪДРОВАТИ, ЛИЦЕМЪРОВАТИ, НЕВЪЗБЛАГОДЪТЪНОВАТИ, ОБЛАГОЖХОВАТИ, БЛАГОГОВЪНИНЪСТВОВАТИ, БОГОПАВЪСТВОВАТИ, ВЪСЕПЛОДЪСТВОВАТИ, ДЪЛГОЛЪТЪСТВОВАТИ, ЕДИНОМЪДРЪСТВОВАТИ, ЗЛАТОДЪИСТВОВАТИ, ЛИЦЕМЪРЪСТВОВАТИ, МЪНОГОЖИТЕЛЪСТВОВАТИ, ОДОБРОВОНЪСТВОВАТИ, СТРАНЪНОЛЮБЪСТВОВАТИ и др.

Кај прилозите образувани од некои придавки има паралелни форми со -о и -ѣ, но не може да се установи разлика меѓу нив, на пр. во РЦЈМР: благодарно – благодарѣнѣ, благолѣпно – благолѣпнѣ, благообразно – благообразнѣ, благооугодно – благооугоднѣ, благочѣстно – благочѣстнѣ и др. [в. и Макаријоска 2009: 95–96].

Ретки сложенки. Особено значење имаат зборовите со ретка (ограничена, единечна) употреба, кои не се застапени во другите речници на црковнословенскиот јазик. Осврнувајќи се на ретките зборови во 19 библиски извори од XII до XV век за РЦЈМР, Десподова [1989: 53] истакнува дека од 8 755 заглавни зборови во Индексот кон Речникот на библиските текстови²⁴ (ИРМБР) 2 092 или скоро 24% се употребени само во еден ракопис и тоа најчесто со една потврда, а интересно е да се одбележи дека поголем број ретки зборови од старословенските ракописи документирани во SJS и посочени од Цејтлин [Цејтлин 1977: 31–37] се среќаваат во повеќе македонски библиски ракописи. Ретките зборови, на пр. во евангелијата и псалтирите, обично не се наоѓаат во основниот евангелски и псалтирен текст, туку во календарот на апракосите и во заглавијата на четвороевангелијата, во коментарот кон псалмите, во кантиката и во молитвите. Поголемиот дел од ретките зборови се стилски неутрални, а мал дел се стилски маркирани [Десподова 1989: 56–57].

Зборовите со ограничена употреба несомнено имале поширока употреба во старословенскиот период, а поголемиот дел од нив се составен дел на старословенската јазична норма и имаат големо значење за проучување на историјата на црковнословенскиот јазик и неговиот лексички фонд. При споредбата со SJS може да се забележат низа ретки примери²⁵, а материјалот за РЦЈМР, РСЈНР донесуваат нови потврди на лексеми кои во рамките на SJS имаат единечна или ограничена употреба, што потврдува дека зборот ретко застапен

²⁴Во Индексот се евидентирани 10 199 заглавни зборови (без 1 465 упатни речнички статии).

²⁵ На пр. во споредба со другите редакциски речници, само во SJS се застапени: анџелозрачѣнѣ, боголџкавѣ, братоуубинствѣнѣ, братосѣмѣсне, велеглавѣ, во РСЈНР: архивнскоупнѣ, архидѣконство, архидѣлатель, архнерѣнствѣне, архикровѣць, боголюбити, богомола итн.

во една, може да се покаже како почест, па дури и како карактеристичен за одделна редакција на црковнословенскиот јазик [Рибарова 2007: 161–168], но несомнено имале и поширока употреба, иако лексикографски не се документирани или се карактеристични за одделна редакција [Рибарова 1998: 62]. Ретките зборови во РСЈНР главно се зборообразувачки варијанти, па без ономастичките во првиот том од РСЈНР се изделуваат 306 ретки зборови непотврдени во Mikl и SJS, од кои 75 хапакси, додека во вториот 262 од кои 131 хапакс [Reinhart 2017: 158].

Во КРЦЈМР има ретки сложенки и компоненти што се потврдени само во една сложенка²⁶, нови зборообразувачки префиксни и суфиксни варијанти, подновувања²⁷, како и бројни примери за нови можности на документирање на семантичката структура на лексичките единици. Присутноста на големиот број лексикографски непотврдени зборови се должи пред сè на жанровскиот опфат на изворите за РЦЈМР и на вклучувањето на текстови кои не се или се само делумно лексикографски обработени, коментарот кон псалтирот, прологот²⁸, паренезисот²⁹ и македонскиот превод на дамаскиот³⁰. Текстовите од материјалната база за редакциските речници се разликуваат и според карактерот, односно жанровската припадност (литургиски/библиски наспроти небиблиски) што се одразува и на стилските особености односно на употребата на сложенките. На пр. во РСЈНР нема сложенки со прва компонента *ѓро-*, *коупно-*, *скоро-*, *таинно-*, а некои што се добро потврдени во РЦЈМР, во РСЈНР се мошне ретки, на пр. има една сложенка со *велико-*: *великооумьнь*, две со *доуше-*: *доушеловица*, *доушегоубивь* [Sudec 2016: 324–329].

Во химнографските текстови сложенките претставуваат средство на книжниот висок стил, па на јазикот му ја даваат потребната свеченост и возвишеност: *дoблeмѣдpьнѣ*, *пoдвигoпoлoжѣннѣ*, *приснoблaгoслoвeнѣ*, *приснoчѣстѣнѣ*, *свѣщeннoглaгoльнѣ*, *скoрoпoмoщѣннѣ*, *тaиннoрaзoумьннѣ*, *тѣжѣкocрѣдѣ*, *чeтвoрo-*

---

²⁶ Според КРЦЈМР 64 први компоненти влегуваат само во едно образување, на пр.: *алекторо-*, *амбо-*, *ангело-*, *астро-*, *багрѣно-*, *басно-*, *бѣстро-*, *бѣдно-*, *бѣсо-*, *ветъхо-*, *вѣско-*, *врѣденино-*, *врѣхо-*, *глѣбо-*, *гнѣво-*, *горько-*, *грѣдо-*, *даньно-*, *доухо-*, *дньно-*, *дѣвство-*, *жестоко-*, *занио-*, *зачало-*, *звѣро-*, *иконо-*, *камено-*, *канѣдило-*, *караво-*, *ключе-*, *клатѣ-*, *кози-*, *козьло-*, *коинко-*, *коль-*, *копне-*, *крадо-*, *красьно-*, *крилато-*, *кромѣ-*, *крѣно-*, *коупно-*, *кѣзно-*, *лико-*, *листо-*, *лоуѣ-*, *лѣстиво-*, *лѣто-*, *манно-*, *масло-*, *младо-*, *мрѣтво-*, *мѣшело-*, *мѣченико-*, *напрасно-*, *ного-*, *обѣшено-*, *обѣча-*, *пастыро-*, *панинѣто-*, *пророко-*, *поуство-*, *пшеницо-*, *чисто-*. Во руските ракописи од XI–XVII век само во едно образување се застапени, на пр. *богато-*, *бѣстро-*, *гнѣво-*, *горе-*, *гробо-*, *дебело-*, *дерзо-*, *драго-*, *духо-*, *жито-*, *жреко-*, *книго-*, *колесо-*, *колeно-*, *копне-*, *люто-*, *мудро-*, *народо-*, *образо-*, *отце-*, *побѣдо-*, *праздно-*, *роко-*, *стадо-*, *сто-*, *хлѣво-*, *царе-*, *часо-*, *чино-*, *шесто-* и др. [Низаметдинова 2013: 211].

²⁷ На пр. во поголем број се застапени и прилозите образувани од пошироко познатите придавки: *благовоньнѣ*, *благогласьно*, *благоговѣнно*, *благодарьно*, *благодарьнѣ*, *благолѣпньнѣ*.

²⁸ На пр.: *благодарьнѣ*, *благолѣпньнѣ*, помалку познатите грцизми: *архипапѣ*, *орфанотрофѣ*.

²⁹ На пр.: *бездмилосрѣдѣ*, *благокѣзнѣ*, *благороумѣньство*, *соуровогадѣць*, *подвигодавѣць*, *нетѣщеславьно*, *новосажденьнѣ*, *начало-стадѣннѣ*.

³⁰ На пр.: *брѣзопжтотроудьннѣ*, *бѣсондѣць*, *велнокосильнѣ*, *врѣденинооумьнѣ*, *всегдатѣльнѣ*, *всенеѣистѣ*, *всеносьнѣ*, *красьногласьнѣ*, *малостоателнѣ*, *маслопѣтне*, *мѣжожена*, *самосѣмѣшленнѣ*, *сладѣкоцѣлованне*, *тѣрночрѣнѣ*.

десатосвѣтъль, тръвечернь³¹. Во триодите од КРЦЈМР има сложенки непотврдени во останатите редакциски речници во СИРКЦСР, на пр. со всѣ-: всѣсекестисльнь, всѣсблагоденъ, всѣсвладичьнь, всѣгдаблагоденъ, всѣсидивьнь, всѣсдостойно, всѣсдръжително, всѣсдѣиствьнь, всѣсдѣианне, всѣсживотьнь, всѣсзавѣтънь и др., во минејот има сложенки недокументирани во SJS и Mikl: копненосьнь, кореносѣкатель, лъстикомждрьнь, любострадалць, огневѣщаньнь, огнедоуховьнь, приснодѣвстввьнь, пшеницодавьць, росодательнь, свѣтоподательница, свѣщенънотанникъ, страсотръпчьскы, тихолѣпно, тажькоматежьнь, христонменитъ, цѣстокраситель, чюдотълѣньнь, азьиковрѣдне, азьикохвалнь, или во другите редакциски речници во СИРКЦСР, на пр.: благопрстителнь, благопрѣданьнь, благооутишьнь, богостижнь, богооукрасити, вьсокопрѣстольнь, вѣньцеславнь, горькочюднь, грѣхолюбьно, гоубительнороднь, дѣтѣльнословеснь, златобожьстввьнь, зьлобѣсовьскъ [Макаријоска 2017: 107–109].

Химнографските текстови од КРЦЈМР изобилуваат со сложенки со прва компонента свѣт-, на пр. минејот: свѣтодание, свѣтовидьнь, свѣтодательнь, свѣтолитие, свѣтолоучьнь, свѣтоносица, свѣтоподательница, свѣторожденьнь, свѣтосианьнь, свѣтогавление, свѣтогавленьнь, триодите: свѣтовидѣние; свѣтовѣплътити са, свѣтозарьнь, свѣтонсточникъ, свѣтонаставьникъ, свѣтоносьникъ, свѣтоносити, свѣтоносць, свѣтообразьно, свѣтоприемнь, , свѣтосънитие. Со сложенките со паче-, тръ- се потсилува значењето: пачеествьнь, тръблаженъ, тръбогатънь, тръвеликъ, тръклатъ, тръсвѣтъль, тръсианьнь, тръславьнь, тръсватъ, тръбезначальнь. И во Климентовите творби се среќаваат: тръбезначальнь, тръблаженъ, тръвѣрстввьнь, тръплетьнь, тръсвѣтъль, тръсватъ, тръслъньчьнь³².

И споредбената анализа со речници што не се опфатени во СИРКЦСР, го расветлува богатството на црковнословенскиот лексички фонд. На пр. Христова [2018: 55–70] во словенско-грчкиот речник-индекс на ретките сложенки во шест хомилии (преписи од XV в.), преведени од грчки, посочува 60-ина ретки сложенки споредбено со повеќе речници меѓу кои и СС, Mikl, SJS, „Речник на црковнославјанскиот език“ (РЦЕ) од Бончев и др. и заклучува дека најчесто се документирани во Mikl и РЦЕ: радостотворьнь, садодѣиствьнь, садодѣлатель, некои само во Mikl: благодарьзновеньнь, благопокорьнь, благооувѣтливъ, великодоровитъ, мьногоцвѣтънь, огнедѣхновеньнь, само во РЦЕ: вьздоухошьстввьнь, любопраздньстввьнь, мьропродательнь, облакосъставьнь, седмодатънь, седмосвѣтильнь, седмосвѣтънь, скипътроносць, парьмоноснь, а голем број во ниту еден од речниците: благолиствьвьнь, вьздоухосъпада-

³¹ Од вкупно 135 сложенки во кои како прва компонента се јавува всѣ- дури 92 сложенки се карактеристични за химнографските текстови, од 30 сложенки со свѣто- дури 25, од 110 сложенки со мьного- 31, од 54 сложенки со добро- 15 се јавуваат само во химнографските текстови итн. [Макаријоска 2017: 105].

³² На пр.: тръблаженъ ‘три пати блажен, преблажен’ се употребува покрај блаженъ и прѣблаженъ, а со истото значење за обраќање кон светецот се употребува и когоблаженъ; тръсианьнь ‘сјаен, за Св. Тројство претставено како тројно светло’ се употребува во согласност со догматското учење за троичниот состав како Бог-отец, Дух-Свети и Бог-син [Поп-Атанасова 2004: 82–86].

тельнѣ, всѣспозлащенѣ, живопѣсатель, златобагрѣнѣ, истинословѣ, коупьноложнѣ, любослѣшателѣ, любослѣшателѣнѣ, нержкодѣланнѣ, пророкоотѣць, прѣвонсходѣнѣ, свѣтондѣнитѣ, скоропрѣтворѣнѣ, сѣмезачатнѣ, сѣнопѣсаннѣ, оудѣтотворити.

Споредбената анализа на сложенките според првата компонента, на пр. со благо- и со добро-, потврдува дека во *Indexy k staroslověnskému slovníku* (ISS) се документирани 78 сложенки со благо- и 30 со добро-, во Mikl (1963: 22–29, 164–167) 432 сложенки со благо- и 177 со добро-, во SJS има 438 со благо- и 165 со добро³³, во РЦЈМР има 240 сложенки со благо-, 58 со добро-, додека во РСЈНР има 92 сложенки со благо-. Во врска со влогот на одделни редакциски речници ќе укажеме дека во СДРЈ се документирани 194 сложенки со благо- непотврдени во останатите редакциски речници. На пр. во РЦЈМР се потврдени сложенки со добро- непотврдени во останатите речници: добробогазникѣ, добродавѣчь, добродѣланнѣ, доброжителѣнѣ, добролиствѣнѣ, добролюбнѣ, добролюбѣзнѣ, доброплодовитѣ, доброприати, добросианнѣ, доброславѣнѣ, добротѣщи, добротроудѣникѣ, односно 93 сложенки од РЦЈМР не се документирани во СС, во Mikl и во SJS. Само неколку од РСЈНР не се непотврдени ниту во Mikl, ниту во SJS ниту во РЦЈМР: благоходождѣникѣ, благооурѣднѣ, благоурѣдѣнѣ, благопрѣбѣваннѣ, благообилнѣ, благодѣтствнѣ.

Од сложенките со даро- 9 се потврдени само во СДРЈ: даровѣздатель, даролюбѣ, даропринѣманнѣ, даропринѣмѣникѣ, даропринѣмѣць, дароприношеннѣ, даропригѣтелѣ, даротѣзонѣменнѣ, дарогадѣць, 2 во СРР: дародарѣствнѣ, даролюбѣнѣ, 5 во РЦЈМР: даролюбѣць, дароносити, дароносица, дароноснѣ, дароносѣнѣ, од сложенките со длѣго- 2 само во SJS: длѣгодѣнѣствовати, длѣготрѣпѣлно, 3 во РСЈНР: длѣговѣчьнѣ, длѣгодѣнѣ, длѣгожелѣтелѣнѣ, 9 во СДРЈ: длѣговрѣмѣнѣнѣ, длѣгодоушнѣ, длѣгодоушѣнѣ, длѣгодѣнѣ, длѣгоживѣць, длѣголѣтнѣ, длѣгороуѣкѣ, длѣгословнѣ, длѣготрѣпѣлѣнѣ, во СРР: длѣгодѣнѣствоуѣти, 5 во РЦЈМР: длѣгоживотѣнѣ, длѣголѣтѣствовати, длѣгословити, длѣготрѣпѣ, длѣготрѣпѣнѣ.

Во РСЈНР има само една сложенка со прва компонента живо- (СИРКЦСР I: 688–690): животворити, додека РЦЈМР со живо- бележи 11 сложенки непотврдени во останатите редакциски речници: живодавѣнѣ, живодаровѣнѣ, живодарѣнѣ, живодателѣнѣ, живонсѣчѣнѣ, живонаписати, живопѣсаннѣ, животѣщи, животворѣнѣ, животворѣчь, животѣщи, а 7 има во СДРЈ: живодатѣнѣ, живозѣдательнѣ, живоподобѣнѣ, живоразжѣженѣ, живораствѣнѣ, животворѣннѣ, животворѣнѣ, само во СРЈ: живоначѣлнѣ. Со живо-

³³ Срезневски документира 249 сложенки со благо- и 113 со добро-, а В.И. Дал во „Толковий словарь живого великорусского языка“ 329 со благ-, благо- [сп. Клименко 2001: 23] и 142 со добро-.

то- (СИРКЦСР I: 691) само во СДРЯ има 4: животодавецъ, животолюбие, животолюбьзовати, животородень. Во СС, SJS, РСЈНР, има само една сложенка со прва компонента живо-: живодавецъ, а покрај живодавецъ единствено РЦЈМР ги бележи: живодавѣнь, живодателъ, живодателѣнь (СИРКЦСР I: 693). Од сложенките со иконо- (СИРКЦСР II: 64–65) покрај познатата иконоборецъ, единствено во СДРЯ се потврдени: иконожыгъчига, иконописецъ, иконоразвѣнци, иконоразвѣтель. Во врска со сложенките со крѣво- (СИРКЦСР II: 218–220) само во СДРЯ се потврдени 8: крѣвомѣсьецъ, крѣвомѣшене, крѣвопитие, крѣвопивецъ, крѣвопиецъ, крѣвопролитецъ, крѣвогадъ, крѣвогадѣнь, 3 во СРР: крѣвообразѣнь, крѣвопролителъ, крѣвотечение, 4 во РЦЈМР: крѣвоматѣнь, крѣвомѣчение, крѣвоточѣнь, крѣвогадѣецъ.

Во врска со сложенките со лѣже-/лѣжи- (СИРКЦСР II: 292–296) единствено SJS бележи 4: лѣжевѣрьѣнь, лѣжеоклеветание, лѣжесѣвѣстовати, лѣжисѣвѣдѣтельство, РСЈНР 2: лѣжебогатѣствие, лѣжесѣвѣдоковати, додека со 25 ретки сложенки се одликува СДРЯ: лѣжебожѣнь, лѣжевлѣшьвение, лѣжеглаголане, лѣжедѣиствовати, лѣженменецъ, лѣженадѣписанѣ, лѣженаписанѣ, лѣженарицаемъ, лѣжепослоушьство, лѣжеприписанѣ, лѣжепророчѣство, лѣжесѣватителъ, лѣжеславити, лѣжеславѣникъ, лѣжелавѣнь, лѣжесловесне, лѣжесловесѣнь, лѣжесловити, лѣжесловѣнь, лѣжесловѣецъ, лѣжесѣказателъ, лѣжесѣмѣрене, лѣжехристѣианѣ, лѣжиобличителъ, лѣжиоклеветати. СДРЯ се izdelува и со 29 ретки сложенки со мало- (СИРКЦСР II: 330–334): маловѣшенѣ, маловѣрне, малоглаголане, малогрѣшьѣнь, маловѣлѣние, малодоушевѣнь, малодоушити, малодоушѣне, малодоушьѣ, малодѣние, малолишение, малолѣпне, малолѣтие, малопицѣнь, малоразоумѣющѣи, малорѣчѣне, малоскидѣникъ, малоскидѣнь, малословесѣникъ, малословесѣнь, малословесѣнѣ, малословѣнти, малословѣно, малострадалѣнь, малосѣмѣсльѣнь, малосѣтѣжане, малотрѣбоване, малоумѣнь, малогадене, само во РСЈНР се застапени 5: маловрѣдѣнь, малодоушьство, маложивѣ, малооудрѣ, малочоудѣнь, 3 во СРР: маловѣчѣнь, маложивотѣнь, малокористѣнь, а 4 во РЦЈМР: малодоушьствовати, малосильѣнь, малостоятелѣнь, малогавленѣ.

СИРКЦСР овозможува да се проследат зборообразувачките тенденции, па може да се izdelат сложенки со прва компонента која се бележи само во еден или два речника, на пр.: во РЦЈМР се бележи сложенка со канѣдило-: канѣдиловѣжигателъ, како и во СРР: канѣдиложежѣецъ, во РЦЈМР се бележи сложенка со компонента ного-: ногоболне, во СДРЯ: ногооумѣвальница. Кај сложенките со камено- (СИРКЦСР II: 139–140) во СДРЯ се бележи: каменодоушьѣнь, во РЦЈМР: каменосрѣдѣчѣнь, додека во СРЈ/СРР: каменооумѣне, каменооумѣнь, каменожтробѣнь, каменочоувѣствѣнь. Во врска со сложенките со криво- (СИРКЦСР II: 209–210) само во СДРЯ се потврдени: кривовѣрьѣнь, кривовѣрьство, кривоглаголати, кривосѣказати, кривосѣказѣници, во SJS: кривотворити, во РСЈНР: криворотѣецъ, со ключе- во SJS: ключедрѣжѣецъ, во СДРЯ и РЦЈМР: ключехранителъ.

Само во СДРЈ се документирани сложенки со први компоненти игро- (сп. СИРКЦСР II: 2): игродѣланиѣ, игрољубѣнь, игрољубѣць, игротворѣць, како и со истинно-/истиньно-: истиннољубѣно, истиннољубѣць, истиньнољубѣне, истиньнољубѣнь, истиньноподвижь-никъ; само во РЦЈМР сложенка со крилато-: крилатообразьно, а во СРР со безмѣро-, безмѣрно-: безмѣродарьнь, безмѣроножьнь, безмѣрноблагъ, безмѣрнодаровителнь, безмѣрноименитъ, безмѣрноличтьнь, безмѣрноразоумьнь, безмѣрносилне, безмѣрносиленъ (СИРКЦСР II: 218–220) итн.

Несомнено, споредбената анализа на сложенките во редакциските речници на црковнословенскиот јазик, овозможува увид во нивната потврденост во богатиот црковнословенски лексички фонд, односот на компонентите, нивната честота, продуктивноста на зборообразувачките средства, но и за грчките паралели на сложените зборови или за односот на словенските сложенки кон грчките оригинали, додека преку анализа на сложенките во секој речник одделно, по-комплексно може да се проследи жанровската и хронолошката распространетост, како и еволуцијата на нивното значење, што обично се изведува од севкупноста на значењето на компонентите.

Извори

- ИРМБР – Индекс кон Речникот на македонските библиски ракописи // Македонистика 4/1985, ред. В. Деспосова, З. Рибарова, Скопје 1985.
- КРЦЈМР – Картотека на „Речникот на црковнословенскиот јазик од македонска редакција“ (Скопје, Одделение за историја на македонскиот јазик, Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“)
- РГЦСЛП – Речник на грчкоцрковнословенските лексички паралели, ред. М. Аргировски, Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“, Скопје 2003.
- РЦЕ – Бончев А. Речник на црковнославјанскиот јазик, т. I (2002), т. II (2012), НБ “Св. св. Кирил и Методиј“, София 2002–2012.
- РЦЈМР – Речник на црковнословенскиот јазик од македонска редакција, т. I, Вовед, а-в, гл. ур. З. Рибарова, ред. Л. Макаријоска, З. Рибарова, Р. Угринова-Скаловска), св. 8–13 т. II, Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“, Скопје 2006–2018.
- СДРЈ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / Рос. акад. наук, Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова. Т. 1–12. М., 1988–2019 (издание продолжается).
- СИРКЦСР – Споредбен индекс кон речниците обработувани во рамките на Комисијата за црковнословенски речници при МКС“, I, а–з (2015) II н–о (2018) ред. Зденка Рибарова, МАНУ, Скопје 2015, 2018. <http://ical.manu.edu.mk/books/Sporedben%20indeksMANU.pdf>; http://ical.manu.edu.mk/images/pub/Sporedben_indeksMANU-II.pdf
- Срезневский — Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам: [в 3 т.] / Изд. ОРЯС. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1893–1903.
- СРЈ – Српскословенски речник јеванђеља.
- СРР – Оглед српског редакциског речника.
- СС – Старославјанскиот јазик (по рукописам X–XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой, М.: Русский язык, 1994. 842 с.
- ISS – Ribarova Z. Indexy k staroslovinskému slovníku, (red. Bláhová E.), Praha 2003.
- Mikl – Miklosich F. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum emendatum auctum, 1862–1865, repr. Wiena 1963.
- RCJHR I – Rječnik crkvenoslavenskoga jezika hrvatske redakcije. I. svezak. (gl. ur. Biserka Grabar, Zoe Hauptová i František Vaclav Mareš). Staroslavenski institut, Zagreb 2000.

- RCJHR II – Rječnik crkvenoslavenskoga jezika hrvatske redakcije. II. svezak. (gl. ur. Zoe Hauptová i Zdenka Ribarova), Staroslavenski institut, Zagreb 2015.
- SJS – Slovník jazyka staroslověnského (hl. red. J. Kurz, Z. Hauptová), t. I–IV. Nakladatelství Československé Akademie Věd – Akademie Věd České Republiky, Praha 1958–1997.

Литература

- Бицевска, К. Лексички и зборообразувачки синоними кај сложенките во старословенскиот јазик (на материјалот на евангелските текстови) // Македонски јазик XXXI, 1980, С. 175–195.
- Вялкина, Л. В. Греческие параллели сложных слов в древнерусском языке XI–XIV вв. // Лексикология и словообразование древнерусского языка, Москва 1966, С. 154–188.
- Вялкина, Л. В. Словообразовательная структура сложных слов в древнерусском языке XI–XIV вв. // Вопросы словообразования и лексикологии древнерусского языка, Москва 1974, С. 156–195.
- Десподова, В. Зборови со ретка употреба во македонските библиски ракописи // Климент Охридски и улогата на Охридската книжевна школа во развитокот на словенската просвета, Скопје: МАНУ 1989, С. 53–61.
- Ефимова, В. С. О старославянском калькировании как специфическом способе словообразования // Byzantinoslavica. Т. LXV, 2, Praha, 2007, С. 117–128.
- Клименко, Л.П. Лексика с корнем благ- и композиты с компонентом благо- в старославянском языке X–XI вв. // Вестн. Нижегород. университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Филология. Вып.1 (3). Изд-во ННГУ, Н. Новгород 2001, С. 22–30.
- Макаријоска, Л. Девербативните именки во македонските црковнословенски ракописи од XII–XVI век, Посебни изданија, кн. 32, Скопје: Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“, 2002.
- Макаријоска, Л. Студии од историското зборообразување, Посебни изданија, кн. 67, Скопје: Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“, 2009.
- Макаријоска, Л. Сложенките со компонента благо- и добро- во црковнословенската лексикографија // «И.И. Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы. К 205-летию со дня рождения И.И. Срезневского: сборник статей Международной научно-практической конференции, 21–23 сентября 2017 г., отв. ред. Е.П. Осипова, Рязан. гос. универ-т им. С.А. Есенина, Рязань 2017, С. 167–174.
- Макаријоска, Л. Влогот на химнографската лексика во Речникот на црковнословенскиот јазик од македонска редакција/The contribution of the hymnographical lexis to the Dictionary of the Macedonian Recension of Church Slavonic // Filologija, 68, 2017, С. 97–115.
- Миовски, М. Лексиката на македонските паримејници наспрема старословенскиот лексички фонд // Реферати на македонските слависти на XII Меѓународен славистички конгрес во Краков, (ур. Б. Видоески и др.), Прилози на ОЛЈН, XXII/1–2, Скопје: МАНУ, 1997, С. 123–132.
- Мострова, Т. Сложни съществителни име със суффикс -тель в паметници от XIV век // Български език, XLIII/XLIV (1993/1994), кн. 4, 1994, С. 302–310.
- Мострова, Т. Сложни думи в преводи от XIV век // Преводите през XIV столетие на Балканите, София 2004, С. 397–412.
- Низаметдинова, Н. Н. Сложные слова в русском языке XIV–XVII вв.: Словообразовательная структура, семантика, морфемика // Министерство образования Московской области, ИИУ Московский государственный университет, Москва 2013.
- Низаметдинова, Н. Х. К проблеме происхождения словообразовательных моделей сложных слов в древнерусском языке // Русский язык: История и современность, Москва 1996, С. 39–50.
- Поп-Атанасова, С. Лексиката на македонската црковна поезија, Скопје: Менора 2002.

- Поп-Атанасова, С. Од лексиката во поетските дела на Климент Охридски // Македонски јазик, LIV, 2004, С. 81–90.
- Рибарова, З. За Речникот на македонските црковнословенски текстови // Предавања на XXX меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура, Скопје: Универзитет „Св. Кирил и Методиј“, 1998, С. 57–64.
- Рибарова, З. Осврт врз Речникот на црковнословенскиот јазик од македонска редакција (По повод завршувањето на првиот том) // Класика – Балканистика – Палеославистика. Научен собир по повод 85-годишнината од раѓањето и 60 години научна работа на акад. Петар Хр. Илиевски, Скопје: МАНУ 2007, С. 161–168.
- Рибарова, З. Принципи на палеословенистичка лексикографија и Речникот на црковнословенскиот јазик од македонска редакција // XXXIII научна конференција на XXXIX меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура, Скопје: Универзитет „Св. Кирил и Методиј“, 2007, С. 189–194.
- Христова, К. 2018: Редки сложни думи в шест слова за блага вест в Рилските сборници на Владислав Граматик и Мардарий Рилски. Речник-индекс // Филологически форум, Издание на Факултета по славянски филологии, Год. IV (2018), бр. 2 (8), 2018, С. 55–70.
- Цейтлин, Р. М. Лексика старословянскогo языка, Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв, Москва 1977.
- Цейтлин, Р. М. Лексика древнеболгарских рукописей X–XI вв, София: Изд-во Болгарской академии наук, 1986.
- Чернышева, М. И. Семантика словообразовательных моделей с начальными благо- и бого- (новые данные) // Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов. Охрид, 10–16 сент. 2008 г. Доклады российской делегации. Москва 2008, С. 540–553.
- Чернышева, М. И. Именования Богородицы в древней славяно-русской письменности, Славянское и балканское языкознание: Палеославистика. Москва: Институт славяноведения РАН, 2017, С. 283–304.
- Чернышева, М. И. Традиционные и новые аспекты изучения роли греческого языка на раннем этапе становления лексики письменного русского языка // Славянская историческая лексикология и лексикография. Вып. 1. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2018, С. 13–33.
- Molnár, N. The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Gospel Texts, Budapest 1985.
- Nazor, A. Hrvatskoglagoljski izvori u Miklošičevu Lexiconu palaeoslovenico-graeco-latinum // Miklošičev zbornik, Mednarodni simpozij v Ljubljani, ur. Jože Toporišič i dr., SAZU, Univerza v Ljubljani, Obdobja, 13, Ljubljana 1992, S. 13–19.
- Reinhart, J. Rijetke riječi u Riječniku crkvenoslavenskoga jezika hrvatske redakcije // Filologija 68, 2017, S. 157–169.
- Ribarova, Z. Srovnávací index k slovníkům zpracovávaným v rámci Komise pro církevněslovanské slovníky // Církevněslovanská lexikografie 2006. SÚ AV ČR, Praha 2008, S. 85–105.
- Sudec, S. Imenske složenice u hrvatskom i makedonskom crkvenoslavenskom jeziku // Осми научен собир на млади македонисти, Конференција во чест на проф. Л. Минова-Ѓуркова, Скопје: Универзитет „Св. Кирил и Методиј“, Филолошки факултет „Блаже Конески“, 2016, С. 323–337.
- Schumann, K. Die griechischen Lehnbildungen und Lehnbedeutungen im Altbulgarischen, Berlin 1958.
- Večerka, R. The Influence of Greek on Old Church Slavonic // Byzantinoslavica LVIII (1997) 2, Prague 1997, P. 363–386.

Лилјана Макаријоска, доктор на филолошки науки; Универзитет „Св. Кирил и Методиј“, научен советник; Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“, редовен професор, Скопје; e-mail: lmakarijoska@gmail.com

Для цитирования. Макаријоска Л. Сложенките во старо/црковнословенската лексикографија (врз примери од „Речникот на црковнословенскиот јазик од македонска редакција“) // Славјанска историческа лексикологија и лексикографија. 2020. Вып. 3. С. 121–142.

References

- Bicevska, K. Lexical and word-formation synonyms of compounds in Old Slavonic (on the material of the Gospel texts. *Makedonski jazik*. 1980. No. XXXI. P. 175–195. (In Mac.)
- Vjalkina, L. V. Greek parallels of compounds in the Old Russian language in 11–14 ct. *Leksikologija i slovoobrazovanie drevnerusskogo jazyka*. Moskva. 1966. P. 154–188. (In Russ.)
- Vjalkina, L. V. Derivational structure of compounds in the Old Russian language of the 11–14 centuries. *Voprosy slovoobrazovanija i leksikologii drevnerusskogo jazyka*. Moskva. 1974. P. 156–195. (In Russ)
- Despodova, V. Rare words (hapax legomena) in Macedonian biblical manuscripts. *Kliment Ohridski i ulogata na Ohridskata knizhevna shkola vo razvitokot na slovenskata prosveta*. Skopje: MANU. 1989. P. 53–61. (In Mac.)
- Efimova, V. S. On Old Slavonic calques as a specific way of word-formation. *Byzantinoslavica*. Praha. 2007. Vol. LXV. No. 2. P. 117–128. (In Russ.)
- Klimenko, L. P. Lexis with blag- and compounds with blago- component in Old Church Slavonic of 10-11 centuries. *Vestn. Nizhegor. universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Filologija*. Issue 1 (3). NNGU. N. Novgorod 2001. P. 22–30. (In Russ.)
- Makarijoska, L. Deverbative nouns in Macedonian Old Church Slavic manuscripts of 12-14 ct. *Posebni izdanija*. No. 32. 2002. Skopje: Institut za makedonski jazik „Krstе Misirkov“. (In Mac.)
- Makarijoska, L. Study of Historical Word-formation. *Posebni izdanija*. No. 67. 2009. Skopje: Institut za makedonski jazik „Krstе Misirkov“. (In Mac.)
- Makarijoska, L. Compounds with component blago- and dobro- in Church Slavic lexicography. I.I. Sreznevskij i russkoe istoricheskoe jazykoznanie: opyt i perspektivy. *K 205-letiju so dnja rozhdenija I.I. Sreznevskogo: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, 21–23 sentjabrja 2017 g., red. E.P. Osipova, Rjazan. gos. univer-t im. S.A. Esenina, Rjazan' 2017*. P. 167–174. (In Mac.)
- Makarijoska, L. The contribution of the hymnographical lexis to the Dictionary of the Macedonian Recension of Church Slavonic. *Filologija*. 2017. No. 68. P. 97–115. (In Mac.)
- Miovski, M. The lexis of Macedonian Prophetologions versus Old Slavic lexical fund. *Referati na makedonskite slavisti na XII Megjunaroden slavistichki kongres vo Krakov, (ur. B. Vidoeski i dr.)*. Prilozi na OLLN. 1997. No. XXII/1–2. Skopje: MANU. P. 123–132. (In Mac.)
- Mostrova, T. Compound nouns with suffix -tel' in manuscripts from 14 ct. *B"lgarski ezik*. 1994. No. XLIII/XLIV (1993/1994). Vol. 4. P. 302–310. (In Bulg.)
- Mostrova, T. Compounds in translations dated 14 ct. *Prevodite prez XIV stoletie na Balkanite*. 2004. Sofija 2004. P. 397–412. (In Bulg.)
- Nizametdinova, N. H. On the problem of the origin of derivational models of compounds in the Old Russian language. *Russkij jazyk: Istorija i sovremennost'*. 1996. Moskva. P. 39–50. (In Russ.)
- Nizametdinova, N. N. Compounds in Russian Language of 14 – 17 centuries: Word-formation structure, semantics, morphemics. *Ministerstvo obrazovanija Moskovskoj oblasti, IIU Moskovskij gosudarstvennyj universitet*. Moskva, 2013. (In Russ.)
- Pop-Atanasova, S. Lexis of Macedonian Church Slavic poetry. Skopje: Menora 2002. (In Mac.)
- Pop-Atanasova, S. On the lexis of poetry of Klement of Ohrid. *Makedonski jazik*. No. LIV. 2004. P. 81–90. (In Mac.)
- Ribarova, Z. On the Dictionary of the Macedonian Recension of Church Slavonic. *Predavanja na XXX megjunaroden seminar za makedonski jazik, literatura i kultura*, Skopje: Univerzitet „Sv. Kiril i Metodij“. 1998. P. 57–64. (In Mac.)
- Ribarova, Z. Principles of paleoslavistic lexicography and Dictionary of the Macedonian Recension of Church Slavonic. *XXXIII nauchna konferencija na XXXIX megjunaroden seminar za*

- makedonski jazik, literatura i kultura. Skopje: Univerzitet „Sv. Kiril i Metodij“. 2007. P. 189–194. (In Mac.)
- Ribarova, Z. Review on the Dictionary of the Macedonian Recension of Church Slavonic (in honor of finishing Volume 1). *Klasika – Balkanistika – Paleoslavistika*. Nauchen sobir po povod 85-godishninatata od ragjanjeto i 60 godini nauchna rabota na akad. Petar Hr. Ilievski, Skopje: MANU 2007. P. 161–168. (In Mac.)
- Hristova, K. 2018: Rare compounds in six words for good (divine) news in the books of Rila of Vladislav Gramatik and Mardarij Rilski. *Rechnik-indeks. Filologicheski forum. Izdanie na Fakulteta po slavjanski filologii. Issue IV (2018). No. 2 (8)*. 2018. P. 55–70 (In Bulg.)
- Cejtlin, R. M. *Old Slavic Lexis. Opyt analiza motivirovannyh slov po dannym drevnebolgarskih rukopisej 10–11 vv.* Moskva. 1977. (In Russ.)
- Cejtlin R. M. *Lexis of Old Bulgarian manuscripts of 10–11 vv.* Sofija: Izd-vo Bolgarskoj akademii nauk. 1986. (In Russ.)
- Chernysheva, M. I. Semantics of word-formation models with components blago- and bogo- (new data). *Slavjanskoe jazykoznanie. XIV Mezhdunarodnyj s"zd slavistov. Ohrid. 10–16 sentjabrja 2008. Doklady rossijskoj delegacii. Moskva 2008*. P. 540–553. (In Russ.)
- Chernysheva, M. I. Names for Mother of God in Russian Old Slavic literature. *Slavjanskoe i balkanskoe jazykoznanie: Paleoslavistika*. Moskva: Institut slavjanovedenija RAN. 2017. P. 283–304. (In Russ.)
- Chernysheva, M. I. Traditional and new aspects of studying the roles of the Greek language in early phases of standardization of standard Russian lexis. *Slavjanskaja istoricheskaja leksikologija i leksikografija. Issue 1*. SPb.: Institut lingvist. issledovanij RAN. 2018. P. 13–33. (In Russ.)

Liljana Makarijoska, Dr. Sci Phil., Ss. Cyril and Methodius University in Skopje Institut of macedonian language „Krste Misirkov“, E-mail address: lmakarijoska@gmail.com

For Citation: Makarioska L. (2020). Composites in the Old/Church Slavonic lexicography (on examples from the “Dictionary of the Macedonian recension of Church Slavonic”). *Slavyanskaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya* [Slavic historical lexicology and lexicography], 3, pp. 121–142. (In Mac.)

Irina A. Malysheva

И.А. Малышева

**PREDLOG IN THE «GENERAL
GEOGRAPHY» BY
F. POLIKARPOV (1718)**

**ПРЕДЛОГ В «ГЕОГРАФИИ
ГЕНЕРАЛЬНОЙ»
Ф. ПОЛИКАРПОВА (1718 г.)¹**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности употребления слова *предлог* в одном из ранних научных текстов — в переводе с латинского языка «Географии генеральной» Б. Варения, выполненном Ф. Поликарповым (1718 г.). Слово *предлог* используется для обозначения нескольких общенаучных понятий (положение, требующее рассмотрения, пояснения; гипотеза; вопрос, задача и др.), формирование которых в русском научном языке относится к первым десятилетиям XVIII века. Установление основных понятий, обозначаемых словом *предлог*, основывается на общем содержании раздела текста, на соотношении слова *предлог* со словами *предложение*, *гипотеза*, *проблема*, *вопрос* и др., на сопоставлении употребления слова *предлог* в научных сочинениях других авторов. Анализ проводится при сопоставлении текста латинского оригинала и русского перевода.

Ключевые слова: русский язык, XVIII век, научный текст, Б. Варений, Ф. Поликарпов, перевод, научная терминология, предлог

Summary. The article deals with features of using the word *предлог* in one of the early scientific texts "General Geography" by B. Varenia translated from Latin by F. Polikarpov (1718 yr.). The word *предлог* denominates several general scientific concepts (provision requiring consideration, clarification, hypothesis, question, task, etc.). These general scientific concepts were formed in the first decades of the 18th century. Basic concepts of the word *предлог* were determined on the general content of the section of the text, on the correlation of the word *предлог* with the words *предложение*, *гипотеза*, *проблема*, *вопрос*, etc., on the comparison of the word usage (*предлог*) in the scientific texts of other authors. The analysis includes comparing the Latin original text and Russian translation.

Keywords: Russian language, 18th century, scientific text, B. Vareniy, F. Polikarpov, translation, scientific terminology, preposition

В первой трети XVIII века начинают формироваться способы обозначения общенаучных понятий, выражающих представления о законах природы и законах науки. Особое место в этом процессе отводится слову *предложение*², наряду с которым в общем значении 'положение, требующее доказательств, за которым следует доказательство', употреблялись слова *предлог*, *подлог*, *представление*, *пропозиция*, *проблема*, *сентенция* [Кутина 1966: 62–64].

Каждое из этих слов включается в ряд общенаучной терминологии первой трети XVIII века как наименование и обобщенного понятия (например, *представление* 'понятие о чем-л., познание чего-л.'), и отдельного общенаучного понятия (*подлог* 'предмет интересов, занятий', *проблема* 'вопрос, задача', *сентенция* 'мнение'), и целого спектра подобных понятий (*предложение*). Примером последнего является и слово *предлог*³.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–012–00522 «Историко-лексикологическое исследование и лексикографическое описание русского языка XVIII века (префиксальные образования с *пре-* и *пред-*)».

² Слово *предложение* означало некое научное положение вообще: «Это общее значение позволило — в условиях начавшейся филиации понятий и отсутствия соответствующих терминологических ресурсов — употреблять его для обозначения научных положений самых различных видов и рангов. Контексты с очевидностью свидетельствуют, что сл. *предложение* употреблялось для выражения таких понятий, как аксиома, теорема, гипотеза, закон, теория, проблема» [Кутина 1966: 63].

³ Слово *предлог* в значении 'изъявление, выражение' отмечено уже в ранних письменных памятниках (СДРЯ VIII: 95; СлРЯ XI–XVII 18: 195).

Употребление слова *предлог* для обозначения общенаучных понятий хорошо прослеживается в одном из ранних научных текстов — «Географии генеральной» Бернарда Варения (Bernhardi Varenii. Geographia Generalis) в переводе Ф. Поликарпова (1718 г.). Книга Варения написана на латинском языке, впервые опубликована в 1650 г. в Амстердаме; затем были однотипные издания 1664 и 1671 гг., позднее на латинском языке она издавалась в 1672, 1681, 1693, 1712, 1715 гг.⁴ По свидетельству исследователей, Ф. Поликарпов переводил с издания 1664 г. [Лукичева 1974: 291]⁵.

Латинский текст «Географии генеральной» четко структурирован: книга (Liber), часть (Pars), разделение (Sectio), глава (Caput), предлог (Propositio). Внутри предлога могут выделяться фрагменты, которые содержат еще более частные вопросы, подтверждающие и конкретизирующие содержание предлога. Эти фрагменты иногда имеют нумерацию внутри текста, но чаще они вычленяются лишь по смыслу⁶. Следует отметить, что и латинский, и русский тексты имеют шрифтовые выделения (разрядка, курсив, более мелкий шрифт), что связано с общим рубрицированием текста, с выделением основной мысли (темы), излагаемой в данном разделе, с выделением частных положений, выступающих в качестве доказательства главной идеи какого-либо раздела, и под.

Русское издание повторяет общую структуру латинского текста: весь текст разделяется на три книги, внутри каждой из них выделяются главы, каждая из которых имеет название: *Глава третья. О фигуръ или видъ земноводнаго круга* (с. 17). *Глава Пятая. О движении земном* (с. 40). *Глава третья на десять. О свойствах нѣких океана и частей его* (с. 111). *Глава пятая на десять. О езерах, прудах и блатях* (с. 181). *Глава двадесять первая. О вѣтрах в особенности, и о непогодъ* (с. 337). *Глава двадесять шестая. О свѣтъ, теплотъ, хладъ, и о дождях в разных земли частъх, или зонах [то есть поясъх] и о иных свойствах зон* (с. 408). *Глава двадесять осмая. О сравнении аффектов небесных, в различных мѣстъх земли* (с. 475). Первые шесть глав посвящены общим вопросам: о размере Земли, о земном движении, о положении Земли среди планет и звезд и др. С седьмой главы начинается изложение конкретных вопросов в изучении географии Земли, и главы начинают разделяться на части, называемые *предлоги* (нумерация предлогов отдельная в каждой главе). Каждый такой раздел главы (предлог) посвящен какому-либо более частному вопросу общей темы, заявленной в названии главы: *Глава шестая о мѣстоположении круга земноводнаго, по респекту планет и звѣзд. <...> Предлог первыи. Из каких*

⁴ Об истории создания см.: [Илизаров и др. 2018].

⁵ В статье использовано издание 1712 г.: Bernhardi Varenii. Geographia Generalis. Cantabrigiae. MDCCXII. Сравнение с изданием 1650 г. показало, что они однотипны.

⁶ Например, в тексте «Географии» как обозначение частного положения, раскрывающего или подтверждающего основное, один раз отмечено слово *параграф*: *Предлог 1. Свѣта, теплоты, стужи, дождевъ, и иных метеоровъ къ рождению <...> причины дѣствителны сия суть. 1: Лучей солнечныхъ на мѣсто всякое приходящихъ, и ударяющихся косина и кривизна болия ли меншая, или ниедина. <...> 4: Луны болия или меншая елевация надъ оризонтомъ, тояжде болия или меншее унижение подъ оризонтъ, тояжде долгое замедление, или меншее дневное надъ оризонтомъ. Причины тыяжде суть, которые въ трехъ прешедшихъ параграфахъ мы привели* (Геогр. ген. 408–409); ср.: *Cause caedem sunt, quas in tribus praecedentibus paragraphis adduximus* (Var. 323). В СРЯ XVIII ранний пример фиксации слова *параграф* ('небольшой раздел текста, выделяемый внутри более крупного', 'знак, обозначающий такой раздел') датируется 1724 годом (СРЯ XVIII 18: 203). Перевод Ф. Поликарпова показывает несколько более раннее употребление.

корпусков или тѣлес простых и подобных круг земноводныи состоится, или сложен есть изъявити (Геогр. ген. 48, 53). Глава девятая о горах во обществѣ. <...> **Предлог** осмыи. Како горы сталися, изъясняет (Геогр. ген. 71, 79). Глава шестая на десять. О рѣках в обществѣ. **Предлог** 1. Соберем в сем предлозѣ дефиниции [сирѣчь опредѣления или описания] к сему учению нуждныя. (Геогр. ген. 193, 207). Глава осмая на десять. О премѣнѣ мѣст воды и земли <...> **Предлог** 15. Рѣки нѣкия извѣстныя страны земель заемлют, которых не занимали, разных ради вин (Геогр. ген. 262, 278). Глава двадесять первая. О вѣтрах в особности, и о непогодах. <...> **Предлог** 10. Вѣтры нѣкия внезапны суть и быстроударителны, но не долго стоящия (Геогр. ген. 337, 355).

Основная позиция слова *предлог* в общей структуре текста (как обозначение раздела) на первый взгляд может вызвать ошибочное понимание его как ‘параграф, раздел’. Однако *предлог* часто употребляется и в самом тексте, и для более точного его толкования необходимо в каждом случае рассматривать как более широкий контекст, так и сопоставлять употребление слова со случаями возникающих синонимических пар со словами *предложение, ипотезис, проблема, рассуждение, вопрос* и др. Не менее важно сопоставить употребление слова *предлог* в аналогичных контекстах у других авторов не только в начале столетия, но и в более поздние годы.

Словом *предлог* во всех отмеченных при анализе текста контекстах Ф. Поликарпов перевел лат. *propositio*, одно из значений которого — ‘основное положение, предмет, тема’ [Дворецкий²: 824]:

<p>Предлог, 8. Сланость или сланыи вкус вод океановых происходит от частиц соли <...> Первыи сего предлога член изъясняет дознание <...> что соль из воды морския бывает преварением воды (Геогр. ген. 133).</p>	<p>Propositio VIII. Salsedo sive salsus sapor aquarum Oceani provenit vel existit à particulis salis quae eis admixtae sunt. <...> Primum Propositionis hujus membrum probat experientia <...> Sal ex aqua marina fieri aquae decoctione (Var. 107).</p>
<p>Предлогъ 19. Море ко многимъ брегамъ чрезъ шесть часовъ съ 12 мин: натекаеть и чрезъ толикожъ часовъ оттекаетъ или убываетъ <...> Доволно и высоко первыи предлога членъ изтолковали мы въ доказаниі предлога 11 (Геогр. ген. 170).</p>	<p>Propositio XIX. Mare ad pleraque littora sex horis cum duodecim minutis affluit, et totidem horis refluit. <...> Satis superque primum Propositionis membrum explicavimus in demonstratione Propositionis XI (Var. 134).</p>
<p>Предлог 5. Езер тѣх, которые приемлют в себя рѣк, но не испускают, рождение и хранение изъясняется. <...> Тѣх езер малое есть число на земли. 1: В прешедшем предлозѣ сказали мы, что езеро Никарагва производит рѣку, которая в малое езеро втекает (Геогр. ген. 186).</p>	<p>Propositio V. Lacuum eorum qui recipiunt fluvios, sed non emittunt, generationem et conservationem explicare. <...> Horum lacuum exiguus est numerus in Tellure. 1: In praecedenti propositione diximus, quod lacus Nicaraguam emittat fluvium, qui in lacum parvum desinat (Var. 147).</p>
<p>Предлог 36. Зари утренния начало мѣстоположения, сирѣчь, воздух восточныи <...> бѣлѣющиися зрится, егда солнце около осминадесяти градусов под оризонтом унижено есть. <...> Сеи предлог опирается и зависит на искусствѣ и присмотрении (Геогр. ген. 317).</p>	<p>Propositio XXXVI. Crepusculi matutini initium, hoc est, aer Orientalis illuminatus vel albicans conspicitur, cum Sol octodecim circiter gradibus infra Horizontem depressus est <...> Haec propositio experientiae innitur et observationi (Var. 245).</p>

<p>Предлог 8. <...> Из троих прежде реченных предлогов рассуждаем, ежели плавание от коего мѣста земли составляется, или корабль всегда управляется ко странѣ нѣкоторой начальной, путь корабля быти округлой (Геогр. ген. 634).</p>	<p>Propositio VIII. <...> Ex tribus praecedentibus propositionibus colligimus, si navigatio à quovis Telluris loco instituat, vel navis continue dirigatur versus plagam aliquam Cardinalem, viam navis fore circularem (Var. 502).</p>
--	---

Содержание предлога может быть различным (изложение необходимых сведений, например, перечисление больших островов; сведения о важных географических понятиях; объяснение, толкование каких-либо вопросов географии; обсуждение спорных вопросов; практические примеры, как найти ответ на какой-либо вопрос или сделать какой-либо необходимый прибор и т. п.): **Предлог четвертый** Островов великих на наличии круга земноводнаго числим десять, которые суть (Геогр. ген. 63). **Предлог вторый**. Горы высоту чрез геодезию сыскати (Геогр. ген. 72). **Предлог осмый**. Горам противопологаются рвы, пещеры и пропасти, которые не на многих земли мѣстахъ обрѣтаются (Геогр. ген. 94). **Предлог 15**. Натечение моря есть наглое, сирѣчь прирастителне, но оттечение есть природное воды движение (Геогр. ген. 164). **Предлог 8**. Море каспийское, езеро есть, или нѣдро океаново (Геогр. ген. 189). **Предлог 24**. Елико аер густѣе есть, толико паче звѣзда под оризонт есть, егда в первых являтися начинает (Геогр. ген. 300). **Предлог 1**. Суперфицию или наличность земную, которую вода объемлет, познати, колика есть, и ону, юже земля обдержит (Геогр. ген. 263). **Предлог 39**. Облаков высоту чрез геодетическое размѣрение изъобрѣсти (Геогр. ген. 320). **Предлог 15**. Употребление таблицы климат показуется (Геогр. ген. 408). **Предлог 5**. Глобус земныи сострояти (Геогр. ген. 556).

***

Основным и самым частотным значением слова *предлог* в большинстве употреблений является ‘основной вопрос, положение, которое требует рассмотрения, объяснения, толкования’, иначе говоря то, что *предлагается* (*предложено*)⁷ для размышления, понимания — «умствования»: **Предлог третий**. изъясляет, како земля и вода согласуются, и круг земноводныи составляют. Земля, то есть сухая круга земноводнаго часть, не единою и равною суперficieю опредѣляется, но многия имѣет юдоли, и многия возвышенныи части (Геогр. ген. 56–57). **Предлог 27**. Аще одинаго мѣста аер есть густѣе и нижеае, нежели другаго мѣста аер <...> Сего **предлога** из прешедшаго 25 и 26 го явно есть доказание (Геогр. ген. 303). **Предлог 35**. Возвращение лучей солнечных от частиц воздуха есть особая причина зари, сирѣчь свѣта прежде возхождения и послѣ западения солнечнаго (Геогр. ген. 316).

⁷ Глаголы *предложить*–*предложиться*/*предлагать*–*предлагаться* часто или вводят в содержание предлога, или резюмируют сказанное: *Мы* <...> *прежде в сеи главѣ о натурѣ и состоянши географском нѣчто предложим* (Геогр. ген. 1). *Предложится* *рассуждение о приходѣ или приражении солнца на меридианы разных мѣст* (Геогр. ген. 22). *И древних философов сентенция прежде предложенная имѣет трудность* (Геогр. ген. 57). *О горах множащая предложатся к познанию достойная, и в географии к толкованию потребная* (Геогр. ген. 71). *Предлог 3*. *Тѣх езер, которые ни выпускают, ни приемлют рѣк, рождение и соблюдение предлагается* (Геогр. ген. 182). *Причины времен оных и свѣта, предложены в началѣ сея главы* (Геогр. ген. 453).

Следует обратить внимание и на формулировки положения, которое излагается в предлоге. Нередко название предлога содержит глаголы *изъявлять, изъяснять, рассуждать, толковать, учить* и под., которые вводят читателя в круг вопросов, которые будут изложены, разъяснены, и раскрывают характер самого содержания (сообщение необходимых сведений, рассуждение, объяснение, предположение, вопрос и др.): *Предлог третии. **изъявляет**, како земля и вода согласуются, и круг земноводных составляют* (Геогр. ген. 54). *Предлог 16: В тѣх мѣстах моря, к которому луна вертикална есть, натечение и стечение есть наибольшее. <...> Понеже на том мѣстѣ есть стиснение большее, и надмение воды большее <...> оттуду послѣдует то, что предложение **въщает*** (Геогр. ген. 165). *Предлог 5. Езер тѣх, которые приемлют в себя рѣк, но не испускают, рождение и хранение **изъявляется*** (Геогр. ген. 186). *В послѣдующем предлозѣ <...> **изтолкуется**, како учинено, что едина рѣка в ров или дно другая рѣки течет* (Геогр. ген. 209). *Явственныи источник глаголется, якоже въ предлозѣ пятом **учили** мы, гдѣ вода изходит пропушена из инаго мѣста вышшаго чрез подземныи проход* (Геогр. ген. 236). *В главѣ мимошедшей, в предлозѣ 16, **изчислили** мы рѣки, которые зерна златыя приносят* (Геогр. ген. 246). *Предлог 6. Вод кислых причины или рождения, различия, и виды **сказуются*** (Геогр. ген. 249). *Предлог 10. Мѣлеи рождение **толкуется*** (Геогр. ген. 270). *Из троих прежде реченных предлогов **рассуждаем**, еже плавание от коего мѣста земли составляется, <...> путь корабля быти округлои* (Геогр. ген. 634).

Способ изложения предлагаемого материала проявляется и в употреблении в самом тексте предлога таких слов, как *вопрос, рассуждение, испытание, проблема*, которые определяют и содержание самого слова предлог: *Предлог 1. Океана и всѣх мѣст мокрых суперфициа есть круглая, сферовидная, или есть часть суперфиции сферичныя, еяже центр тоижде есть, иже всея вселенныя. Правда сего **рассуждения** является от оных аргументов, которыми во главѣ 3 мы показали* (Геогр. ген. 111). *Предлог 17. Чего ради море в ноци сияти и блистати зрится, наипаче егда волны бывают зѣльные от непогоды. <...> К толкованию предложеннаго **испытания** прилично быти мнится учение, которое учит что цвѣты моря от нѣкоего разнаго колебания бывают и являются* (Геогр. ген. 146). *Предлог 5. Откуда происходит вода, которая из источников истекает. Тако предлагаем **вопрос** сеи претрудныи, обаче труднѣе видится, якоже инные его предлагают* (Геогр. ген. 196). *Предлог 8. В данном дни года сыскать или издавати на глобусѣ оныя мѣста, надъ которыми солнце возходит на странѣ коеи данои. О самой землѣ предложитися и разрѣшитися надлежала **проблема** сия, и послѣдующая: ежели разумно дѣйствовати будемъ* (Геогр. ген. 496).

Наиболее часто предлог встает в один ряд со словом предложение — как уже отмечено, одним «из распространеннейших слов русского научного языка» (Л.Л. Кутина)⁸. Эта связь двух слов, конкурирующих в обозначении формиру-

⁸ Значение ‘положение, предмет речи; тема, вопрос’ у слова предложение отмечают и в более ранних текстах: *К сему предложению укрѣпляя вводитъ апсль* (ad idem propositum induxit apostolus). Длр., 204. XVIII~1501 г. (СлРЯ XI–XVII 18: 196).

ющихся общенаучных понятий, совершенно очевидна и проявляется в их параллельном употреблении, нередко в одном контексте: **Предлог 2:** <...> *Сего предложения правда от первья части доказывается чрез прешедшее предложение.* <...> *Но кромъ вышеписаннаго предлога покажем разсуждение сие от послѣдствующаго предлога* (Геогр. ген. 114). **Предлог 11.** <...> *Возми диаграмма [разписание литер] предлога 9 го <...> Сказали мы при конць предложения девятаго, что бы кто в показании сем возмог требовати* (Геогр. ген. 157, 159). **Предлог 11.** *Дану количеству или числу часов дне должаишаго в коем нибудь мѣстѣ или параллелѣ земном, обрѣтати широту мѣста <...> онаго параллеля <...> Сие же предложение много генералнѣе предложитися может тако* (Геогр. ген. 401–402)⁹.

Слово *предложение*, как и *предлог*, является переводом (калькой) лат. *propositio*:

<p><i>Троякие суть причины географскаго учения, истинну предложенеи утверждающия. 1: Геометрическая, арифметическая, и тригонометрическая предложения. 2: Астрономская уставления и познания <...> 3: Искусство, понеже болия географии часть <...> искусством и усмотрением утверждаются</i> (Геогр. ген. 4–5).</p>	<p><i>Triplicia sunt principia, quibus Geographia utitur ad confirmandam Propositionum veritatem. Primo, Geometricae, Arichmeticae atque Trigonometricae propositiones. Secundo, Astronomica praecepta et theoremata <...> Tertio, Experientia. Etenim maxima Geographiae pars <...> sola experiential et observatione hominum nititur</i> (Var. 3–4).</p>
<p>Предлогъ 12: <i>В полномѣсячях, и в новомѣсячях движение моря общее, от востока к западу згльнѣ бывает.</i> <...> <i>Искусство сему предложению довольно подтверждает, ибо свидѣлствуют навигаторы, что океан надъымается и волнуется в полномѣсячях и в новомѣсячях</i> (Геогр. ген. 160).</p>	<p>Propositio XII. <i>In pleniluniis et noviluniis motus maris generalis ab Oriente in Occidentem est vehementior <...> Experientia propositionem hanc satis superque comprobat: steantur quippe nautae, Oceanum turgere et aestuare in pleniluniis et noviluniis, in quadris vero malaciam esse; calma dicitur</i> (Var. 126–127).</p>
<p>Предлогъ 2. <i>Дистанция двоих мѣст на суперфиции земной кратчайшая, или путь кратчайшии от единаго мѣста ко иному есть токмо единыи <...> Мы же разсуждаем токмо пути от единаго мѣста ко иному, которыя на малои суперфиции земной, и того ради кривыя лини: Сего ради прилагаем в предложении дистанцию кратчайшую на суперфиции земной</i> (Геогр. ген. 597–598).</p>	<p>Propositio 2. <i>Distantia duorum locorum in superficie Telluris brevissima, sive via brevissima ab uno loco ad alium est <...> Nos vera consideramus illas tantum via ab uno loco ad alium quae in ipsa sunt superficie Telluris, et proinde curvae lineae: ideo addimus in Propositione, distantiam brevissimam in superficie Telluris</i> (Var. 471).</p>

Как известно, перевод «Географии генеральной» был выполнен по поручению Петра I, после окончания работы рукопись была Петру представлена, однако одобрения не получила, и по требованию царя была подготовлена новая

⁹ Ср. в других более поздних текстах: **Предложение** *первое.* Если обѣ движуция силы дѣйствуют под одним направлением: то без всякаго затруднения можно почестъ их за одну силу (Физ. Крафта 75 (1779)). **Предложение** *второе.* Если тѣ двѣ силы дѣйствуют на тѣло в прямо противоположных направлениях: то тогда будут два случая <...> (Физ. Крафта 76).

В статье используются материалы КС XVIII. Шифры источников XVIII в. даются по: [Указатель 1984]; см. также на сайте ИЛИ РАН: https://iling.spb.ru/departements/historical_lexicography/18c/sources.html.

редакция перевода¹⁰. Правка, связанная с задачей поправить «не высокими словами славенскими, но простым русским языком», коснулась преимущественно грамматики, лексические же замены в большей степени отражали поиск более удачного эквивалента для передачи латинской терминологии [Лукичева 1974; Живов 1986]. Однако некоторая лексическая правка, по мнению В.М. Живова, может говорить о стремлении заменить церковнославянские слова «простыми». К такой правке можно отнести замену отглагольных существительных на существительные с нулевым суффиксом: *знамение–знак, толкование–толк* и под. [Живов 1986: 254]. В этот ряд встанут и слова *предложение–предлог*¹¹.

Первоначально для обозначения отдельной части главы переводчик использовал именно слово *предложение*: «Многочисленные подразделения глав книги были обозначены в рукописи словом *предложение*; в печатном издании они названы *предлогами*» [Лукичева 1974: 294]. Однако или правка не была последовательной, или правщик сознательно дифференцировал эти слова (в заголовках разделов используется исключительно *предлог*, внутри текста оба слова конкурируют), но обращает на себя внимание тот факт, что слово *предлог* более активно, а в большей части текста (2-я и 3-я главы) слово *предложение* появляется крайне редко: **Предлог 35.** <...> *Сеи предлог опирается и зависит на искусствѣ и присмотрении* (Геогр. ген. 317). **Предлог 7.** <...> *Сыщи мѣста, на которых солнце вертикално было бы в данном дни года, по предлогу девятому главы 24* (Геогр. ген. 464). **Предлог 5.** *Которые на экваторѣ живут, не имѣют антиков. А перишки оных суть тиже со антиподы их.* <...> **Предлога** *сего правда от дефиниции антиков перишковых и антиподов ясна есть, убо не требует доказанія* (Геогр. ген. 478). **Пять сия предложения** *тако явныя суть истинны, яко всякому их взыскующему удобно есть оную присмотрѣти и уразумѣти* (Геогр. ген. 599)¹².

Анализ употребления слова *предлог* в «Географии генеральной» интересен тем, что при сопоставлении примеров слова *предлог* в аналогичных контекстах других сочинений дает возможность проследить потенциальные (достаточно широкие) возможности данного слова в научном тексте. Сложность анализа заключается в том, что значения слова *предлог* в данном тексте неявны, скрыты, их невозможно установить из микротекста. Это, к сожалению, не позволяет использовать материал «Географии генеральной», в частности, для лексикографирования значений слова *предлог*, поскольку невозможно подтвердить

¹⁰ Ф. Поликарпов, «не сочувствовавший культурным и языковым преобразованиям Петра», отказался от переработки своего труда, и на основе изучения правки, внесенной в начальный вариант перевода, исследователи сделали вывод, что «переработка перевода из цсл. в рус. была сделана не Ф. Поликарповым (как принято было думать), а Софронием Лихудом» [Живов 1986: 248; см. также: Живов 1996: 91–96].

¹¹ К этому же, вероятно, можно отнести и использование Ф. Поликарповым слова *намѣрок* (не *намѣрение*), появление в одном контексте слов *вопрос* и *вопрошение*. См. дальше.

¹² Пересечение слов *предлог* и *предложение* как обозначение того, что предложено, что предлагается на чье-л. усмотрение, обсуждение, проявляется, например, и в новом для XVIII века значении «приглашение к вступлению в брак». У слова *предлог* данное значение отмечено в редком (единичном) употреблении у Державина: [Владимир:] *Но что же мой предлог? Узель в возлюбленной какой успѣх имѣет? Могу ли льстится?* (Держ. Соч. IV 144). У слова *предложение* оно фиксируется с середины столетия: **Предложение** <г-же Салли вступить в брак> *учинено в порядкѣ, и цѣлый Лондон немедленно о том свѣдал* (Маркиз V 58 (1764)). [Г. Скородум:] *Я бы уговорил вѣрно старика согласиться на мое предложение, я бы женился на его дочери* (Кокошкин Поход 43 (1790)).

их цитатой, достаточной для представления в словаре. Значения слова выявляются только из его широкого контекстного положения: формулировка заголовка и содержание раздела, который обозначается словом *предлог*, комментарии в тексте, соотношение со словами, которые могут подтвердить значение, и др. — то, что позволит говорить о возможном семантическом наполнении слова *предлог*. Подобный анализ поможет выявить спектр использования слова, которое в определенном употреблении может раскрывать свой семантический потенциал и приобретать целый ряд значений, которые покажут более широкое участие слова *предлог* в формировании общенаучных понятий в первой трети XVIII века.

***

Употребление слова *предлог* для обозначения такого понятия, как научное положение, требующее доказательства (предположение, гипотеза), можно увидеть исходя из тех комментариев, которые добавляет автор (авторы) в изложение сути научного положения:

<p>Глава седмая. О существъ земли и состоянни. <...> Предлог первый. Из каких корпусов или тѣлес простых и подобных круг земноводный состоится, или сложен есть изъявити. Различна суть о сеи вещи философская мнѣния (Геогр. ген. 53).</p>	<p>Caput VII. De Telluris substantia et constitutione <...> Propositio I. Ex quibus corporibus simplicibus et similaribus Tellus constet sive composite sit, exponere. Diversae sunt super hac re Philosophorum opiniones (Var. 41–42).</p>
<p>Предлог вторый. Круг земноводный разделяется на часть сухую и мокрую или на землю и воду, к которым иннии атмосферы присовокупляют (Геогр. ген. 54).</p>	<p>Propositio II. Tellus dividitur in partem siccam et liquidam, sive in Terram et Aquam, quibus alii atmospheram adjungunt (Var. 42).</p>
<p>Предлог пятый. Каким образом круга земноводнаго части, которая от суперфикции есть от нашего обитания суть отдалены против центра, составлены суть. неизвѣстно есть. Нѣкоторые мнят, что вода есть около центра земли на исподи. Но достовѣрнѣе есть, что земля то мѣсто объемлет (Геогр. ген. 57).</p>	<p>Propositio V. Quomodo Telluris partes, qua à superficie, hoc est, nostra habitatione sunt remota versus centrum, constituta sint, incertum est. Quidam existimant, aquam esse circa Telluris centrum in imo, sed verisimile magis est, terram eum occupare locum (Var. 45).</p>
<p>Предлог 2. Атмосфера глаголется обстояние около всего земноводнаго круга <...> Приемлется и за самыя возкурения около всея земли. <...> Иннии же философи мнят, что кромѣ тѣх возкурении в разстоянии около земноводнаго круга есть нѣкое тѣло особое и простое <...> Тише послѣ сего воздуха до луннаго круга полагают инное тонкое тѣло (Геогр. ген. 285).</p>	<p>Propositio II. Atmosphaera dicitur spacium circa totam Tellurem <...> Sumitur etiam pro ipsis exhalationibus circa totam Tellurem. <...> Alii vero Philosophi existimant, quod praeter illas exhalationes in spatio circa Tellurem sit corpus aliquod peculiare et simplex <...> Iidem post aërem hunc usque ad Lunarem orbem ponunt aliud subtile corpus (Var. 222).</p>

Слово *гипотеза* (*hypothesis*) часто стоит в латинском оригинале, однако у переводчика к нему разное отношение. Как отмечают, переводческим правилом Ф. Поликарпова было «объяснять — но не переводить» [Биржакова и др. 1972:

71], что он применил и в переводе «Географии». Это проявляется, например, в активном глоссировании латинской терминологии, однако нередко Ф. Поликарпов использует и иные способы: калькирование, транслитерация, перевод¹³. Причем никакой закономерности или последовательности в предпочтении того или иного способа не прослеживается.

В одном из первых появлений слова *hypothesis* в тексте переводчик, последовательно переводя лат. *propositio* словами *предлог* или *предложение*, для других понятий ищет русские эквиваленты: *theorema* – *рассуждение*, *hypothesis* – *намерок*. Для сравнения приведем параллельные фрагменты из латинского оригинала и русского и французского переводов XVIII века:

<p><i>Propositio II. Oceanus non est majoris altitudinis, quam terra littoral, aque ideo terra et aqua ejusdem fere sunt altitudinis ubique, exceptis montibus exclsis.</i> <i>Hujus Propositionis veritas à priori quidem demonstrator per praecedentem propositionem. <...></i> <i>Verum sine praecedenti propositione ostendemus theorem hoc à posteriori hunc in modum, ut praecedens propositio ex hac possit ostendi, si praecedenti Demonstrationi minus fidamus propter factas hypotheses (Var. 1712 93).</i></p>	<p>Глава 13. Предлог 2. <i>Океан не есть болия высота, не же бреги земныя, и того ради земля и вода едва не тояжде суть высоты вездѣ, кромѣ гор высоких.</i> <i>Сего предложения правда от первыя части доказывается чрез прешедшее предложение. <...></i> <i>Но кромѣ вышеписаннаго предлога покажем рассуждение сие от послѣдствующаго предлога сим образом, да бы прежнии предлог от сего послѣдствующаго мог показатися. аще вышеписанному доказанию меньше повѣрим ради учиненных намѣрков (Геогр. ген. 114).</i></p>	<p><i>Proposition II. La mer n'est pas plus haute que la terre, et par consequent la terre et l'eau, sont presque par-tout de la même hauteur, si on en excepte les hautes montagnes.</i> <i>Cette proposition se démontre par la précédente. <...></i> <i>Mais quelqu'un fera peut-être difficulté d'accorder la dernière proposition, à cause de l'hypothese qu'on a faite. Il faut donc démontrer la vérité de ce Théorème sans cela, et uniquement par ses effets connus (Var. 1755 7).</i></p>
---	---	---

Слово *намѣрок* как 'предположение, намерение' (вероятно, как единичное) не отмечено Л.Л. Кутиной в ряду предпринимаемых попыток передать средствами русского языка новое научное понятие (*предвоспринятое мнение, предношение, предъятие, предустановление, предвзятие*) [Кутина 1966: 65–66]. В Сл XVIII оно в одном из значений, подтвержденных иной цитатой из «Географии генеральной», дано как 'предварительный план': *Сеи убо перспективы намѣрок есть: способ же которым его познати или здѣлати трудятся, сеи есть.* Геогр. ген. 563 (СРЯ XVIII 13: 239). Однако в данном контексте словом *намѣрок* переведено лат. *finis* (*Hic quidem est finis Perspectivae: Methodus autem, qua illum obtinere vel praestare allaborant atque assequi se existimant, est haec:* <...> (Var. 446)), и, вероятно, более точным толкованием должно быть 'намерение, цель' (далее в тексте следует, какими способами это намерение можно исполнить). Т. е. слово *намерок* является редким (в КС XVIII еще только два при-

¹³ Э.В. Лукичева, сравнивавшая печатный текст «Географии» и рукописный оригинал с внесенной в него правкой, отметила, что «в действиях Ф. Поликарпова обнаруживаются две противоположные тенденции: 1) избегать латинских заимствований, приспособляя имеющиеся в русском языке слова для выражения терминологического значения; 2) употреблять слова латинского оригинала для точного обозначения научного понятия» [Лукичева 1974: 295].

мера¹⁴) синонимом к слову *намерение*, у которого определяются такие значения, как ‘замысел, предположение, желание что-л. сделать’ и ‘цель’ (СРЯ XVIII 13: 239). И в приведенном контексте (*аще вышеписанному доказанию меньше повърим ради учиненных **намърков***) слово *намерок* употреблено скорее всего для обозначения предварительных доказательств, предположений, которые могли бы подтвердить вторую часть высказанного в предлоге: первая часть *доказуется чрез прешедшее **предложение***, вторая часть формулировки предлога (почему земля и вода не везде одинаковой высоты) может быть истолкована в следующем предлоге — *да бы прежнии **предлог** от сего послѣдствующаго мог показатися*.

В других случаях (чаще) при переводе слова *hypothesis* Ф. Поликарпов использует кальку — *подлог*¹⁵:

<p>Глава шестая о мѣстоположении круга земноводнаго по респекту планет и звѣзд. <...> Общая сентенция [или мысль] Философов и астрономов птоlemeиских устави-ла. что круг земноводный обдержит центра всея вселенныя <...> А коперникане <...> полагают солнце в центрѣ всѣх звѣзд <...> Понеже сего подлога и опредѣления и астрономия и географиа требуетъ. Такъ, что или птоlemeиской или пифагорской сентенции послѣдовати будещи (Геогр. ген. 48).</p>	<p>Caput VI. De situ seu loco Telluris respectu Planetarum et Stellarum. <...></p> <p><i>Hac enim hypothesi et Astronomia et Geographia indigent: ita ut Ptolemaicam sive Pythagoricam sententiam seguaris</i> (Var. 38–39).</p>
<p>Глава 7. Предлог I. О существѣ земли и состоянши. <...> Недавно картезии тцался по такому подлогу и разумѣнью, вся натуральная являемая изтолковати (Геогр. ген. 53).</p>	<p>Propositio I. <...> <i>Nuper Cartesius conatus est juxta talem hypothesin omnia naturalla phaenomena explicare</i> (Var. 42).</p>
<p>Предлог 9. Остроумный картезии механический способ изтолковал, которым луна движение тое воды и воздуха дѣйствует. Ибо полагает по общему своему подлогу, что землю окружают безчисленная атома или несѣкомая (Геогр. ген. 152).</p>	<p><i>Acutissimus Cartesius mechanicum explicavit modum, quo Luna motum hunc Aquæ tum Aëris essiciat. Supponit enim juxta generalem suam hypothesin, quod circa Tellurem circumgyrentur infiniti atomi</i> (Var. 120).</p>
<p>Глава двадесять вторая. О предувѣдомленях сего учителства. <...> Ко вразумлению истинному оных <свойств>, надлежит изыскать дознание послѣдствующих опредѣлений и подлогов и причин (Геогр. ген. 365).</p>	<p>Caput XXII. De Pracognitis hujus Doctrina. <...> <i>Ad illas recte intelligendas requiritur cognitio sequentium Definitionum et hypothesium</i> (Var. 287).</p>

¹⁴ По тамошнему *намърку* ты поступал как можно вам (Маниф. О престолонасл. 4 (1718)). *Идоменей, удивляясь Много Величеству, он каковым то дѣйствовал бодро, И спросить не-держает, какой **намърок** имѣет* (Трд. Тилем. I 177 (1766)).

¹⁵ «Лат. hypothesis — транслитерация греч. ὑπόθεσις <...> Греч. ὑποτίθημι образовано при помощи приставки ὑπό “под-” от глагола τίθημι “класть, полагать, ставить”» (ЭСРЯ I: 80). Ср. в переводе В. Тредиаковского «Жития канцлера Франциска Бакона»: *В Философии разумное **предуложение*** <на поле: Hypothesis>, и блистающая теория больше бывают удобны образованию читателей (Жит. Бак. 117 (1760)). Ср. также в более поздних текстах: *Будучи не великой охотник до так называемых Греческим словом ипофезесов или **предположений**, он <автор> не долго мѣшкает над именуемыми в школах причинами близкими и непосредственными* (Дом. леч. I 9 (1790)). *Иныя из них <истин> выводятся из **предположений** [hypothesis] согласных с природою* (Пнк. 1792 47).

В другом месте переводчик включает в текст слово *ипотезис*, но сопровождает его глоссами:

<p>Предлог 14. Атмосфера или высота воздуха над землею, во вѣсѣх ли мѣстах таяждесть в единое время. И круга ли есть фигура сия. <...> Ибо могут здѣ тѣже ипотезисы [подлоги и доводы¹⁶,] которых тамо взяли мы. <...> Сего ради, воздуха фигура есть сферична не овалная, якоже нѣщыи соизволяют. Но развѣ ипотезис [подлог] реченная уступится, то падет доказание (Геогр. ген. 293).</p>	<p>Propositio XIV. An atmosphere sive aeris altitude supra tellurem sit in ombia bus locis eadem ad idem tempus. Et an ejus figura sit sphaerica? <...> <i>Quia valent hic eadem hypotheses, quasi bi assumpsimus.</i> <...> <i>Quare aeris figura est sphaerica, non ovalis, ut quidam volunt. Sed nisi hypothesis dicta concedatur, ruit demonstration</i> (Var. 227–228).</p>
---	---

В тексте перевода слова *предлог* и *гипотеза* (*ипотезис*) не взаимозаменяются. *Ипотезис* выступает как обозначение доводов, доказательств, которые могут повлиять (подтвердить или опровергнуть) на истинность научного положения, сформулированного как предлог. Таким образом косвенно подтверждается содержание предлога: гипотетическое научное положение, предположение, которое может быть истолковано по-разному и поэтому требует привлечения таких пояснений, доказательств, которые могут истине этого предположения «дать доказание».

Подтверждением такого вывода могут послужить примеры (достаточно частые в тексте), когда слово *предлог* (и *предложение*) употребляется в сочетании со словами *истина*, *правда*, *вина*¹⁷: **Предлог** *первыи. Океанъ нераздѣльнымъ трактомъ всю землю и части земныя обходитъ, и его суперфиция чрезъ земли средиположенныя весма нигдѣ не преторгается*, <...> **Предложения** *правда токмо искусством испытатися может, перво от плавания по морю круг всея земли* (Геогр. ген. 100). **Предлог 1.** *Ниедина вода чиста есть, и элементална: но содержит или примѣшанныя имѣет частицы, <...> или туки, и проч. <...>* **Предлога** *правда чрез дознание явлена есть* (Геогр. ген. 241). **Предлог 14.** *Чего ради вѣтры западные не так часты, якоже восточные. Сего вина явлена есть от предлога десятаго* (Геогр. ген. 333). **Предлог 7.** <...> *Еже о мѣстах пояса горячаго речеса, то показуется тако: Сыщи количество должашаго дня на мѣстах тропиковых, то есть которые горячии пояс граничат, чрез предлог 6 сего. И явна будет истинна предлога* (Геогр. ген. 397–398). **Предлог 3.** <...> *Правда предлога чрез прешедшия опредѣления удобно показуется, и на глобусъ изъявитися может* (Геогр. ген. 413). **Предлог 4.** <...> *Учиня уравнение, явлена будет правда предлога* (Геогр. ген. 494–495).

В таких контекстах могут быть сочетания *показать предлог*, *демонстрация предлога* или слово *демонстрация*: **Предлог 6.** *На мѣстах земли сѣверных, егда солнце движется от перваго градуса козерога, к первому градусу рака <...> дни возрастают всегда. <...> Сим же образом со днями между первым*

¹⁶ Подлог в качестве слова научного языка в значении ‘предмет интересов, занятий’ или ‘утверждение, доказательство’ в XVIII в. употреблялся редко (СлРЯXVIII 20: 226). См. также: [Кутина 1966: 65]. Слово *довод* ‘доказательство, аргумент’ в текстах XVIII в. встречается чаще, однако при общем нарастании употребления в данном значении отмечается снижение его научности и переход в разряд обиходного употребления (СРЯ XVIII 6: 167).

¹⁷ Одним из значений слова *вина* в XVIII в. было ‘основание, довод’ (СРЯ XVIII 3: 163).

градусом рака, и первым градусом козерога положенными дѣйствовати будем. и на мѣстах южных подобным образом **покажем предлог**, паче явна будет **демонстрация**, аще чрез самыя параллелев дуги выше и ниже оризонта суция будет (Геогр. ген. 397). **Предлогъ**, 8. *Всѣ мѣста земли, которые во едином и томже параллелѣ положены суть, имѣют всѣ дни года равны, и сего ради тоежде наидолжаишаго дня количество. Удобна есть демонстрация сего предлога* чрез глобус (Геогр. ген. 398).

***

Сочетания *правда предлога* (и *предложения*) и *вина предлога* отмечены и в контекстах, содержащих утверждение, что излагаемое научное положение не требует доказательства, поскольку истина его не вызывает сомнений. Таким образом, слово *предлог* обозначает еще одно понятие — очевидная истина, т. е. аксиома: **Предлог 22.** *Вѣтры многожды продолжают, многожды уменьшают в нѣкоем мѣстѣ время натечения или оттечения. <...> Правда предложения* велики явственна есть, что ни единого требует доказанія (Геогр. ген. 174). **Предлог 10.** *Протоки рѣк елико ко источникам суть ближе, толь выше, и коль ко устьям рѣк или к морю ближе, толь болѣе ниже. <...> Вина предлога* явна есть: понеже вода не течет, развѣ от мѣста вышшаго к нижнему (Геогр. ген. 212). **Предлог 27.** *Нѣкие рѣки славны суть и знамениты ради далекаго тракта, нѣкоторые ради широты <...> Предлога правда* никоего требует доказанія (Геогр. ген. 237). **Предлог 19.** *Чего ради посреде океана мало островов, и ни едино их совокупление обрѣтается <...> Нѣсть чего бы ради сумнѣватися о правдѣ предлога*, которую искусство явственно показывает (Геогр. ген. 283). **Предлогъ 5.** *Которые на экваторѣ живут, не имѣют антиков. <...> Предлога сего правда* от дефиниции антиков перишков и антиподов ясна есть, убо не требует доказанія (Геогр. ген. 478). **Предлог 5.** *<...> Пять предложения* тако явны суть истинны, яко всякому их взыскующему удобно есть оную присмотрѣти и уразумѣти (Геогр. ген. 599, последний абзац в пятом предлоге, подводный итог всем пяти).

Так же, как и в случае со словом *гипотеза*, в «Географии генеральной» нет случаев взаимозамены слов *предлог* (или *предложение*) и слова *аксиома* (оно не встречается в тексте перевода)¹⁸. Однако приведенные примеры, на наш взгляд, достаточно аргументировано подтверждают употребление слова *предлог* и в этом значении¹⁹.

***

Еще одно понятие, которое в «Географии» обозначается словом *предлог*, — задача, вопрос. Проявляется оно, во-первых, в самом характере содержания раздела-предлога, во-вторых, в соотношении слов *предлог*, *проблема*, *вопрос*.

---

¹⁸ Слово *аксиома* отмечено в русском языке с 1708 г. (СРЯ XVIII 1: 39) и в первой трети века употреблялось преимущественно как термин геометрии [См.: Кутина 1964: 74–75].

¹⁹ Л.Л. Кутина, говоря о данном значении у слова *предложение*, приводит иллюстрацию из «Географии генеральной» и со словом *предлог*: «Предлог 10. Места земли на экваторе положенныя ни единыя имеют широты или елевации полюса <...> Явна есть истинна сего предлога, того ради не требует изъяснения и толкования. Геогр. генер., 381» [Кутина 1966: 63].

О значении ‘задача, вопрос’ у слова *предлог*²⁰ могут свидетельствовать разделы, в которых предлагается провести тот или иной опыт, выполнить какое-либо задание, совершить определенные действия с помощью каких-либо инструментов (чаще это глобус) с тем, чтобы на практике освоить предлагаемые понятия. Характер таких разделов подчеркивается употреблением глаголов в повелительном наклонении: *Предлог четвертый. Имгя разстояние, от его же границы в первых зрится верх горы, оттуду сыскати высоту горы чрез географию* (Геогр. ген. 74). *Предлогъ 1. Глобусъ земныи тако повъсь или поставь, что бы свѣтѣнцу солнцу, части оныя глобуса освѣщалися, <...> Мгъсто, на котором глобус тако поставити надлежит, замгъти на самом глобусѣ, и к меридиану приведи, и да будет на пунктѣ меридиана стоящем признак мглом* (Геогр. ген. 492). *Предлогъ 3. Елико мгста земная от параллеля солнечнаго к нгъкому дни суть далечае, толико к меншей высотѣ тгми же часами солнце возвышается над оризонт оных. Возми на глобусѣ мгста тогожде меридиана <...> Потом опишии параллель солнца вмгъсто коего хоцещи взятаго дне* (Геогр. ген. 494)²¹.

Слово *предлог* в значении ‘вопрос, задача’, определяя порядковый номер раздела и изложение сути предлагаемого вопроса, в самом тексте раздела нередко заменяется словом *проблема*: *Предлогъ шестый. Егда будетъ долгота стгни, которая отъ горы какія протяжается, и дана будетъ въ то время высота солнца, сыскати высоту горы. Сию проблему предложимъ паче ради древности и утгхи, нежели ради того, еже бы намъ мнгти что чрезъ стгнь лучше и правдивгье могла бы познаватися высота* (Геогр. ген. 77). *Предлогъ 8. Глобус поставляти, дабы обраты его зргли на обраты земныя <...> Может еще такожде на маппах географских проблема предложитися* (Геогр. ген. 377–378). *Предлогъ 18. В данном дни и часѣ, в котором лунное затмгние будетъ, или было, изгьявляти на глобусѣ всѣ мгста, которые оно видгти могли бы. <...> Сия проблема от предгидуцаго мало разнится, и много удобнгье ргшение имгет* (Геогр. ген. 502). *Предлогъ 7. Сыскать долготу мгста, на котором обргтаемся <...> Сия есть она проблема, которая ргшение за толь велико навигаторы от математиков изыскуют* (Геогр. ген. 522). *Предлогъ 9. Поставя широту и долготу двоих мгст, сыскать их дистанцию. <...> Удобнгье есть проблемы ргшение, ежели таблицы логарифмов представим* (Геогр. ген. 601, 605).

²⁰ Значение ‘проблема, вопрос’ имело и слово *предложение*, преимущественно в математическом языке [См.: Кутина 1966: 64]. Примеры обнаруживаются еще и в середине столетия: *Задачи обыкновенно состоят из трех частей: то есть из предложения. ргшения и доказательства. В предложении предписывается, что дглатъ* (Арифм. Анчкв 1764 7). *Практическое предложение требующее доказательства называется задача* (Коз. ФП 33 (1768)).

²¹ Ср. употребление в «Геометрии» А. Ганнибала транслитерированного *пропозицио* как обозначение задания, задачи: *Пропозицио .2. В триангуле ректгъангуле знаемы .2. бока которые замыкают угол прямой наиди углы эго или острые* (Геом. Ганн. 100 (1725)). *Пропозицио .4.я В триангуле экзигон знают .2. бока и един угол сыскат протчие углы* (Геом. Ганн. 102 (1725)). В аналогичном употреблении в научных и учебных текстах начала века отмечается и слово *проблема*: *Проблема, 4. Аще дается широта, и разнство долготы, увгдати разстояние по долготѣ* (Арифм. Магн. 301 (1703)). *Проблема (6). Спусти из точки К перпендикуляр на отклоненную черту* (Мет. бомб б/с (1708)). *Проблема осмая. О искании Супефиции, в Трапециумѣ прямоугольном* (Геом. 65 (1714)).

Появление в переводе слова *проблема* не является авторством переводчика, он передает текст максимально близко к оригиналу:

<p>Предлог шестыи. Егда будет долгота стѣни, которая от горы какия протяжается, и дана будет в то время высота солнца, сыскати высоту горы.</p> <p>Сию проблему предложим паче ради древности и утѣхи, нежели ради того, еже бы нам мнѣти что чрез стѣнь лучше и правдивѣе могла бы познаватися высота (Геогр. ген. 77).</p>	<p>Propositio VI. Data longiudine umbra, quam mons aliquis spargit, et data ad id tempus altitudine Solis, invenire montis altitudinem.</p> <p>Ноч problema proponemus magis propter antiquitatem et jucunditatem, quam quod per umbram accurate obtineri posse altitudinem putemus (Var. 62).</p>
<p>Предлог 3. Усмотря мѣсто на земли или на глобусѣ, указать, всѣ оныя мѣста, к коим даное мѣсто едино нѣкое мѣстоположение, или страну имѣет. <...> Может еще проблема болшею забавою предложитися сице (Геогр. ген. 553).</p>	<p>Propositio 3. Dato loco in Tellure vel globo, exhibere omnia illa loca, ad quae datus locus unum aliquem datum situm seu plagam habet. <...> Potest etiam Problema majori delectatione proponi ita (Var. 438).</p>
<p>Предлогъ 9. Поставя широту и долготу двоихъ мѣсть, сыскать ихъ дистанцію. Удобно есть рѣшение сея проблемы чрезъ глобусѣ, и планисферуум католическое (Геогр. ген. 601).</p>	<p>Propositio 9. Datâ latitudine et longiudine duorum locorum, invenire eorum distantiam. Facilis est solutione hujus problematis per Globum; et Planisphaerium Catholicum (Var. 475).</p>

В латинском тексте *проблемами* (problemata) названы части первой книги (6–18). В оглавлении (каталоге) это не отражено.

Каталог русского текста состоит из трех колонок, в первой из которых даны номера предлогов, во второй — названия книг, глав и предлогов, в третьей — указаны страницы. В первой колонке перед нумерацией стоит общее слово *предлог*. При второй главе (*Предъувѣдомления нѣкая о геометрии и тригонометрии, яже учащимся географии вѣдати подобает*) первые 5 номеров идут под названием *предлог*, с 6-го по 12-й они даны как *проблемы*, далее опять идут *предлоги*.

В разделах проблем излагаются практические понятия, вопросы, навыки, которыми учащиеся должны владеть, чтобы усвоить материал, который излагается в книге: **Проблемы**. 6: Давши линию прямую и пунктъ, внутрь или внѣ ея, вести отъ онаго пункта линию перпендикулярную. <...> 7: Циркуль и периферию на четыре части пресѣкати. Поведи вкупѣ диаметръ, и отъ центра движи надъ оною перепендикулярно. <...> 8: Периферию циркуля на градусы разсѣкати. Глаголется градусъ, часть триста шестьдесятая периферии. <...> К разрѣшению прочее **проблемы** взяв прежде квадрант круга, возми по разстоянию циркуля полудиаметр круга (Геогр. ген. 10). На данном полудиаметрѣ круга и полудиаметра, сыскати в тоиже мѣрѣ периферию циркуля <...> Рѣшение **проблемы** залежит на пропорции диаметра к периферии (Геогр. ген. 11). К разрѣшению **проблемы**, от данаго диаметра сыщи периферию циркуля болюаго. по том умножи чрезъ мультипликацию диаметр на сию периферию. то произведется суперфициа глобуса в квадратнои мѣрѣ (Геогр. ген. 12).

Как отмечают исследователи, слово *проблема* в русском научном языке начинает активно употребляться с начала XVIII века²² в значении ‘задача, предложение, требующие решения на основе некоторых исходных данных’ — первоначально в таких науках, как математика, механика, навигация, фортификация, что отражают, в частности, переводы с западноевропейских языков [Биржакова и др. 1972: 312].

Ответ на вопрос, в каком значении употребляется слово *предлог* в заголовке раздела, если этот раздел содержит задание, можно увидеть в таких высказываниях: *Предлогов иные нѣчто здѣлать предлагают и называются **проблемы**, иные стоят только в размышлении, которые для сего теоремы называются* (Эвклид 12 (1739)). Ср.: *Можно нѣколико сот проблемат задать, и оныя на глобусъ разрѣшить и разсудить* (Геогр. 1719 414). *Такогож состоянія суть другіе многіе физическіе задачи, <...> и такіе хотя часто полезныя **проблематы** [задачи] в совершенство привести невозможно было* (Прим. Вед. 1729 232). Ср. аналогичное употребление слова *предложение* в более поздних текстах: *Задачи обыкновенно состоятъ из трех частей: то есть из **предложения**, рѣшенія и доказательства. В предложении предписывается, что дѣлать* (Арифм. Анчкв 1764 7). *Когда **предложение** будет такое, в котором нѣчто к рѣшенію предлагается, тогда оно называется **проблема*** (Мат. Мур. 15 (1752))²³.

В один ряд со словом *проблема* встает слово *вопрос* (реже *вопрошение*), которое в границах общего значения ‘положение, требующее разрешения; проблема’ в данных контекстах употребляется как обозначение задачи, предлагаемой для обсуждения и решения (СРЯ XVIII 4: 66–67): *Предлог осмыи. Како горы сталися, изъясняет. Сеи **вопрос** нѣкоторые от философов воздвигли: мнози же непотребен быти разумѣют* (Геогр. ген. 79). *Предлогъ 17. Чего ради море в ноци сияти и блистати зрится, наипаче егда волны бывают зѣлныя от непогоды. **Вопрос** сеи или явление, взыскует познания о причинах трудных сего стязания цвѣтов, различное разумѣние естествословцов о оных* (Геогр. ген. 146). *Предлог 13. Чего ради ниедин вѣтр перпендикулярно из воздуха на мѣста земная вѣет. О сем **вопросе** Аристотель в книгѣ второй метеоров, <...> зѣло мрачно пишет* (Геогр. ген. 332). *Предлог 16. Чего ради вѣтры полуденныя и западныя являются теплѣе, нежели восточныя и сѣверныя <...> Тако обыкл сеи **вопрос** обще предлагатися* (Геогр. ген. 333). *Предлог 2. Како времена года, весну, лѣто, осень, и зиму опредѣлити надлежит. <...> **Вопрос** двѣ содержит трудности <...> Вторая трудность, которая ради предложено **вопрошение**,*

²² Наиболее раннюю фиксацию слово *проблема* имеет в «Лексиконе» Ф. Поликарпова: «Задание, проблема, аргумент, πρόβλημα, <...> argumentum» (ЛП 114). Последующие словари определяют его как «вопрос мудрый, предложение» (ЛВН 15), «вопрос, задача» (Сл. Кург. 1790 251), «предложение» (САР¹ IV: 1086), не подчеркивая (за исключением ЛВН) сложность или спорность вопроса. САР² уже толкует слово *проблема* как «предложение, которое можно защищать и опровергать» (САР² V: 489).

²³ О словах *предлог* и *предложение* в соотношении со словом *проблема* как терминах геометрии писала Л.Л. Кутина, отмечая, что слово *предлог* могло быть употреблено в названии раздела задач на построение линий — О предлогах линейных [Кутина 1964: 76]. *Предлог* и *предложение* рассматриваются как кальки со слова *проблема*: «про – пред- и прош. страд. βέβλεμαι от лежать» [Там же: 76]. Ср.: Проблема, пол., лат. problema (греч. πρόβλημα), брошенное вперед (Смр. 242).

предлежитъ сия: Отъ самага ли теплоты или студености градуса надлежитъ определяти времена, весну, лѣто, осень, зиму (Геогр. ген. 410–411)²⁴.

В семантическом ряду *проблема – задача – вопрос – вопрошение – предложение – предлог* последнему элементу отводят обычно более скромное место [Биржакова и др. 1972: 312–315], тем не менее *предлог* мог занимать позицию каждого из слов данного ряда, как показывает текст «Географии».

***

Наблюдения над употреблением слова *предлог* в русском переводе «Географии генеральной» приводят к следующим выводам. Как уже сказано, переводчик довольно точно следует оригиналу и последовательно переводит лат. *propositio* словами *предлог* и *предложение* как в заголовке раздела (исключительно *предлог*), так и в самом тексте (*предлог*, реже *предложение*).

Тем не менее русский текст достаточно полно показывает потенциал слова *предлог* как общенаучного термина на ранних этапах формирования научного языка: оно равноправно входит в ряд *предложение, гипотеза, аксиома, проблема, вопрос*. В «Географии генеральной» *предлог* почти полностью повторяет семантический объем слова *предложение* и в то же время преобладает по частотности употребления. Возможности использования слова *предлог* в качестве наименования общих научных понятий подтверждаются и достаточно долгой его жизнью в научных текстах разного характера (естественнонаучных, философских).

Источники

- Геогр. ген. — Варений Б. География генеральная Небесных и земноводных круги / Перев. с лат. Ф. Поликарпова. М., 1718.
- Дворецкий² — Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М: Русский язык, 1976. 1096 с.
- КС XVIII — Картотека «Словаря русского языка XVIII века» (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург).
- ЛВН — Лексикон вокабулам новым по алфавиту (нач. XVIII в.) // Сб. ОРЯС. Т. LXXXVIII. №2. СПб., 1910. С. 363–382.
- ЛП — Поликарпов Ф.П. Лексикон трехязычный. Сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище. М., 1704.
- САР¹ — Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный: в 6 ч. СПб., 1789–1794.
- САР² — Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный: в 6 ч. СПб., 1806–1822.
- СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / Рос. акад. наук, Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова. Т. 1–12. М., 1988–2019 (издание продолжается).
- Сл. Кург. 1790 — Курганов Н.Г. Словарь разноязычной, или толкование еврейских, греческих, латинских, французских, немецких и прочих иноземских употребляемых в русском языке // Писмовник, содержащий в себе науку российского языка. СПб., 1790. С. 216–285.

---

²⁴ Предлог может содержать задаваемый вопрос и ответ на него: *Предлог 20. Вопрос: На коликое расстояние мѣста един и тойже вѣтр простирается; Отвѣтъ: Зѣло велико в сем есть разнствие* (Геогр. ген. 337). Сл XVIII в такой позиции определяет слово *вопрос* как ‘слово-сигнал, предваряющее передачу самого положения, которое требует ответа, решения’ (Сл XVIII 4: 67).

- СЛРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова. Вып. 1–31. М., 1975–2019 (издание продолжается).
- Смр. — Смирнов Н.А. Западное влияние на русский язык в петровскую эпоху (Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого) // Сб. ОРЯС. Отд. русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Т. LXXXVIII. №2. СПб., 1910. С. 27–360.
- СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. Вып. 1–22. Л.; СПб.: Наука, 1984–2019 (издание продолжается).
- ЭСРЯ — Этимологический словарь русского языка / Под общ. ред. А.Ф. Журавлева, Н.М. Шанского. Вып. 1–11. М.: Изд-во МГУ, 1963–2014. (издание продолжается).
- Var. — Bernhardtii Varenii. Geographia Generalis. Cantabrigiae. MDCCXII (1712).
- Var. 1755 — Geographie générale, par Bernard Varenius. T. II. Paris, MDCCLV (1755).

Литература

- Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972. 432 с.
- Живов В.М. Новые материалы для истории перевода «Географии генеральной» Бернарда Варения // Известия АН СССР. Серия лит-ры и языка. 1986. Т. 45. №3. С. 246–260.
- Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. 591 с.
- Илизаров С.С., Снытко В.А., Шипек Т. «География генеральная» Бернхарда Варена: 300 лет первой публикации в России // Acta Geographica Silesiana, 12/4 (32). WNoZ US, Sosnowiec, 2018. S. 13–19.
- Кутина Л.Л. Формирование языка русской науки (терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII века). М.; Л., 1964. 220 с.
- Кутина Л.Л. Формирование терминологии физики в России. Период предмоносовский: первая треть XVIII века. М.; Л., 1966. 288 с.
- Лукичева Э.В. Федор Поликарпов — переводчик «Географии генеральной» Бернарда Варения // XVIII век. Вып. 9. Проблемы литературного развития в России первой четверти XVIII века. Л., 1974. С. 289–296.
- Указатель 1984 — Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования словарем. Указатель источников. Л., 1984. С. 58–141.

Мальшева Ирина Алексеевна, д. филол. наук; Институт лингвистических исследований РАН, 199053, г. Санкт-Петербург; Тучков пер. д. 9; ведущий науч. сотрудник; e-mail: iamalysheva@mail.ru

Для цитирования. Мальшева И.А. Предлог в «Географии генеральной» Ф. Поликарпова (1718) // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2020. Вып. 3. С. 143–160. DOI 10.30842/26583755202005

References

- Birzhakova Ye.E., Vojnova L.A., Kutina L.L. Ocherki po istoricheskoi leksikologii russkogo jazyka XVIII veka. Jazykovye kontakty i zaimstvovaniya. L., 1972. 432 p. (In Russ.)
- Zhivov V.M. Novye materialy dlja istorii perevoda «Geografii general'noj» Bernarda Varenija // Izvestija AN SSSR. Serija lit-ry i jazyka. 1986. Vol. 45. № 3. P. 246–260. (In Russ.)
- Zhivov V.M. Jazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka. M., 1996. 591 p. (In Russ.)
- Ilizarov S.S., Snytko V.A., Shhipek T. «Geografija general'naja» Bernharda Varena: 300 let pervoj publikacii v Rossii // Acta Geographica Silesiana, 12/4 (32). WNoZ US, Sosnowiec, 2018. P. 13–19. (In Russ.)
- Kutina L.L. Formirovanie jazyka russkoj nauki (terminologija matematiki, astronomii, geografii v pervoj treti XVIII veka). M.; L., 1964. 220 p. (In Russ.)

- Kutina L.L. Formirovanie terminologii fiziki v Rossii. Period predlomonosovskij: pervaja tret' XVIII veka. M.; L., 1966. 288 p. (In Russ.)
- Lukicheva Je.V. Fedor Polikarpov — perevodchik «Geografii general'noj» Bernarda Varenija // XVIII vek. Vol. 9. Problemy literaturnogo razvitija v Rossii pervoj chetverti XVIII veka. L., 1974. P. 289–296. (In Russ.)
- Ukazatel' 1984 — Slovar' russkogo jazyka XVIII veka. Pravila pol'zovanija slovarem. Ukazatel' istochnikov. L., 1984. P. 58–141. (In Russ.)

Irina A. Malysheva, Dr. of Sci. Phil., Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Leading Research Officer, 9 Tuchkov per., 199053, Saint Petersburg, Russian Federation. E-mail address: iamalysheva@mail.ru

For Citation: Malysheva I.A. (2020). *Predlog* in the “General Geography” by F. Polikarpov (1718). *Slavyanskaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya* [Slavic historical lexicology and lexicography], 3, pp. 143–160. DOI 10.30842/26583755202005 (In Russ.)

*Irina A. Malysheva
Elena A. Zacharova*

*И.А. Мальшева,
Е.А. Захарова*

VERBS WITH *PERE-/PRE-* IN THE HISTORICAL DICTIONARY: PRACTICAL SOLUTIONS

ГЛАГОЛЫ С *ПЕРЕ-/ПРЕ-* В ИСТОРИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ: ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ¹

Аннотация. Статья посвящена практическим вопросам описания глаголов с приставкой *pre-* в историческом словаре русского языка. В русском языке XVIII века однокоренные глаголы с полногласным и неполногласным префиксом *pere-* и *pre-* могут иметь и совпадающую, и различающуюся семантическую структуру, в связи с этим лексикологически оправданно как общее, так и раздельное представление их в словаре. При лексикографической разработке многих глаголов с *pre-* возникает целый ряд сложных и спорных вопросов, касающихся характера толкования, отсылки к словарной статье соотносительных глаголов с *pere-*, особого отношения к материалу на *pre-*, который дополняет опубликованные словарные статьи глаголов на *pere-/pre-* при их совместной разработке и др.

Ключевые слова: Глагол, префиксы *pere-/pre-*, лексикографическое описание, исторический словарь

Summary. The article deals with practical questions of describing verbs with a prefix *pre-* in the historical dictionary of the Russian language. Cognate verbs with prefixes *pere-* and *pre-* may have both coincident and different semantic structures in the 18th century Russian language. The peculiarities of the semantic structure explain the lexicological correctness of both general and separate representations of this type of verbs in the dictionary. Numerous controversial issues arise in the lexicographical analysis of many verbs with *pre-*. The controversial questions concern the nature of the interpretation, the references to the vocabulary article of relative verbs with *pere-*, the special relationship to the material with *pre-*, which complements the published vocabulary articles of verbs with *pere-/pre-* in their combined development, and others.

Keywords: verb, prefixes *pere-/pre-*, lexicographical description, historical dictionary.

В исторических словарях русского языка, представляющих лексику более раннего языкового состояния (XI–XVII вв.), принято раздельное описание соотносительных глаголов с полногласным и неполногласным префиксом *pere-/pre-*. Это мотивировано многими причинами и прежде всего более выраженной дифференциацией полногласных и неполногласных вариантов как в семантическом, так и в функциональном отношении.

XVIII век в этом отношении дает более сложную картину: «Чистота двух различных типов языка была нарушена, явилось и развивалось их взаимодействие и взаимопроникновение, но все-таки, наряду с русским языком, сохранялся и старый тип церковнославянского языка в определенных разделах книжности» [Сорокин 1965: 26]. Лексика с префиксами *pere-/pre-* (в том числе и глаголы) отражает несколько тенденций развития русского языка в XVIII веке. В семантическом отношении параллельные лексемы с префиксом *pre-* утрачивают влияние, существенно сужают былой семантический спектр, о чем позволяет судить, в частности, сопоставление материалов исторических словарей. Кроме того, варианты с приставкой *pre-*, как правило, не развивают новых значений и занимают периферийное место в лексической системе языка. Для сти-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00522 «Историко-лексикологическое исследование и лексикографическое описание русского языка XVIII века (префиксальные образования с *pre-* и *пред-*)».

листической дифференциации контекстов, тяготеющих к высокому слогу (и в русле общей преобладающей в письменном языке тенденции смешения стилей), славянизмы/неославянизмы сохраняют свое употребление, хотя и ограниченное. Употребление лексем со славянской огласовкой характерно чаще для поэтических контекстов (особенно в конце века).

В Проекте «Словаря русского языка XVIII века» (далее — СРЯ XVIII) не прописаны единые принципы представления полногласных и неполногласных вариантов, поскольку авторы хорошо осознавали невозможность однозначного решения при описании столь сложного в отношении и семантических, и стилистических характеристик материала: «Практические соображения могут вызвать отказ от совместной разработки единиц, принимаемых в принципе за варианты в языке XVIII в. Это относится прежде всего к полногласным и неполногласным парам. Если состав их значений очень обширен, то даже при семантической идентичности их возможны значительные отклонения в сочетательном спектре, синтаксических моделях значений, фразеологии. Вопрос о разработке подобных пар должен решаться применительно к каждому отдельному слову» [Проект 1977: 40].

Практическое решение этой общей проблемы в значительной степени затронуло лексикографическое представление глаголов с *пере-* и *пре-*. На общем фоне лексикографического описания полногласных и неполногласных вариантов глаголы с приставками *пере-/пре-* (*переварить/переваривать* — *преварить/преваривать*; *перейти/переходить* — *прейти/преходить*; *переменивать/переменивать* — *пременить/пременять*; *пересмотреть/пересматривать* — *пресмотреть/пресматривать*; *переступить/переступать* — *преступить/преступать*; *пересытит/пересыщать* — *пресытит/пресыщать* и мн. др.) представляют значительные трудности, обусловленные как многочисленностью пар глаголов с *пере-/пре-*, сложностью самого характера семантических и стилистических различий, несовпадением в сочетаемости, так и поисками наиболее оптимального и полного их описания.

Отдельные случаи казались бесспорными, поэтому в Проекте были даны рекомендации по их представлению в Словаре, однако по мере накопления и исследования материала возникала необходимость отступлений и от этих разработанных в Проекте правил. Так, при определении принципов гнездования слов предлагалось при глаголе наряду, например, с многократными (*давивал*, *хаживал* и под.) и однократными (*стрельнуть*, *кольнуть* и под.) глаголами показывать и глаголы с *пре-*, «выражающие значение особой полноты проявления действия, напр. *преогорчить*, *препрославиться* при *огорчить*, *прославиться*» [Проект 1977: 30]. Однако в процессе анализа этого также неоднозначного материала от этого подхода было решено отказаться. Глаголы с *пре-* в усилительном значении, составляющие значительную группу в общем составе глаголов с неполногласным префиксом, в подготавливаемом выпуске Словаря будут представлены на своих алфавитных местах [См.: Малышева 2019].

Как показало исследование материала, только параллельный анализ глаголов с полногласной и неполногласной приставкой позволяет принять тот или иной вариант разработки.

При описании глаголов с *пере-/пре-* в СРЯ XVIII приняты два основных способа².

1. Разработка полногласного и неполногласного вариантов в одной словарной статье.

а) При полном совпадении лексикографической семантической схемы, например: *Перевѣсити/Перевѣшивать* — (слав.) *Превѣсити/(слав.) Превѣшивать* (СРЯ XVIII 19: 42); *Перевити/Перевивать* — (слав.) *Превити/(слав.) Превивати* (Там же: 43); *Передвинуть/Передвигать* — ◀ (слав.) *Предвигнути/◀ (слав.) Предвигати* (Там же: 58); *Передрать/Передирать* — ◀ (слав.) *Предрати/◀ (слав.) Предирати* (Там же: 64); *Перезимовать/Перезимовывать* — ◀ (слав.) *Презимовати/Презимововати* (Там же: 69); *Перелетѣть/Перелетать* — (слав.) *Прелетѣти/(слав.) Прелетати* (Там же: 84); *Перемѣшать/Перемѣшивать* — *Премѣшати/Премѣшивати* (Там же: 99); *Переселить/Переселять* — (слав.) *Преселити/(слав.) Преселять* (Там же: 132); *Перехитрить/Перехитрять* — (слав.) *Прехитрити/(слав.) Прехитрять* (Там же: 156) и др. Лексемы с *пре-* часто стилистически и хронологически маркированы (слав.; ◀ — выход из употребления).

б) При частичном несовпадении семантики параллельных лексем перед различающей дефиницией приводится именно тот компонент, к которому дефиниция относится. Например, глаголы *Перевести/Переводить* — (слав.) *Превести/Преводити* имеют полностью совпадающую семантическую схему в значениях ‘ведя, сопровождая, переместить с одного места на другое’, ‘перенести, свести (изображение, рисунок)’, ‘сделать перевод с одного языка на другой’, ‘истребить, уничтожить’, ‘истратить, израсходовать попусту’. Однако значение ‘переслать деньги, оформить кредитное распоряжение’ отмечено только у глагола *перевести*, и в Словаре перед данной дефиницией показан только этот глагол (СРЯ XVIII 19: 41–42). Аналогичным примером является глагол *Передраться*: если значение ‘порваться, разодраться на части’ свойственно всему ряду *Передраться/Передираться* — *Предратися/Предиратися*, то в значениях ‘подраться между собой’ и ‘подраться со всеми, многими поочередно’ употребляется только *передраться* (Там же: 64).

В общей словарной статье в СРЯ XVIII описано немногим более 20 глаголов с *пере-/пре-*.

2. Разработка полногласного и неполногласного вариантов в отдельных словарных статьях.

Раздельное лексикографическое описание глаголы с *пере-* и *пре-* получают в следующих случаях.

² Глаголы с префиксом *пере-* описаны в 19-м выпуске «Словаря русского языка XVIII века», глаголы с *пре-* войдут в 23-й выпуск.

а) При существенном расхождении семантической схемы, например, *Переложить/Переложать* (7 значений) (СРЯ XVIII 19: 87) — *Преложити/Преложати* (4 значения, причем о совпадении семантики можно говорить только для первого значения ‘положить в другое, на другое место’, однако у неполногласного варианта оно отмечено как уже выходящее из употребления — ◀); *Переправиться/Переправляться* (3 лексических значения) (Там же: 120–121) — *Преправиться/Преправляться/Преправливаться* (1 лексическое значение — ‘переехать или перейти через реку’): *Ио непрестанно вездѣ бѣгала по свѣту, <...> один толко нил преправливаться еи чрез себя недопустил* (Кн. времен¹ 49)³. *Бѣдственна есть, отважиться преправляться чрез рѣку при зрѣнии неприятеля* (Древн. ист. VI 128).

Глагол *Перебрать/Перебирать* в СРЯ XVIII показан в 8 значениях, достаточно развернутых и (за исключением одного) нейтральных (СРЯ XVIII 19: 35–36) — неполногласный вариант *Пребирать* (сов. и несов. в.) представлен в КС XVIII единичными примерами начала века в значении ‘избрать, выбрать; подобрать’: *Пребираю, зри избираю* (ЛП 32 (2 паг.)). *Самый штиль, или сочиненнаго слова состав неразумный, гнусный, <...> рѣчи в нем надменные, и таковыя пребираные, каковыя невѣжам <...> кажутся быть высокіе* (Реш. д. 7 (2 паг.)). *Князь Ракоцы дал Вулфу конвой доброй, а той секретарь пребирался до короля швецкаго* (Шфрв ПК I 160)⁴.

Количество установленных значений может совпадать: *Переломить/Переламывать/Переломлять* (3 значения,) (СРЯ XVIII 19: 89–90) — *Преломить/Преламывать/Преломлять* (3 значения). Однако «наполнение» каждого из значений у полногласных и неполногласных вариантов имеет свою структуру и свои особенности. Так, у глаголов с *пере-* очень активно значение ‘сломать пополам, разломить надвое’, у глаголов с неполногласным префиксом развивается новое специальное значение ‘изменить направление (о свете)’, которое на протяжении столетия проявляется в том числе и в процессах адъективации причастий, и в возникновении терминологических сочетаний (*преломленный луч; преломляющая поверхность, среда*), кроме того, глаголы с *пре-* имеют свою фразеологию (*преломить жезл* ‘признать себя побежденным’, *преломить скипетр* ‘одержать победу, покорить кого-л.’, *преломить хлеб* ‘разделить с кем-л. трапезу в знак приязни, дружбы’): *Преломленной Свѣт призмами с надлежащею точностію показывает тройственное число первообразных простых Цвѣтов* (Лом. СС I 345). *Прямых лучей с лучами преломленными сравнить не возможно* (Учен. расс. II 26). *Призвав богов, преломил он хлѣб с Полидором* (Хрс. Полид. II 26).

³ Шифры источников и словарей XVIII в. даются по: Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования словарем. Указатель источников. Л., 1984. С. 58–141; см. также на сайте ИЛИ РАН: https://iling.spb.ru/departements/historical_lexicography/18c/sources.html. Шифры новых источников СРЯ XVIII, не вошедших в опубликованные дополнения, указаны в конце статьи.

⁴ Ср. *Прибирати* (пре-) ‘подбирать, подыскивать подходящее, нужное, соответствующее чему-л.’ (СлРЯ XI–XVII 19: 93). В текстах XVIII века в значении ‘выбрать, избрать’ более активен глагол *Прибрать/Прибирать*: *А к ним для учения к кирпичному дѣлу прибраны будут полгѣтчики с тюменских казачьих и стрѣльцких и ямщицких и крестьянских дѣтей, с двадцати человек по человеку* (ПСИ I 29). *Начал <Петр> из вольных чинов шляхетства и всяких прибирать в тот полк, и умножил до одного баталиона, и назывались потѣшные, которых было с триста человек* (АК I 56). *Прибрал он <Ванька Каин> к себѣ в товарищи четырех человек, <...> пошел с ними для воровства опять в Нѣмецкую слободу* (В. Каин 16).

Различия могут проявляться в особенностях употребления полногласного и неполногласного вариантов. Так, глагол *Перемѣнить/Перемѣнять/Перемѣнивать* описан в СРЯ XVIII в 4-х значениях, каждое из которых представлено развернутой семантической схемой, включающей оттенки значений, особые случаи употребления, различные типы лексической и грамматической сочетаемости, случаи адъективации и др. (СРЯ XVIII 19: 94–95). Глагол *Премѣнить/Премѣнять* в целом сохраняет активность на протяжении столетия (у него также определяется 4 значения), однако он представлен меньшим количеством употреблений, утрачивает значение ‘произвести обмен, обменять’ (оно было слабо развито и у полногласного варианта); в отличие от глагола с *пере-* с середины века становится частотным в поэтическом языке: *День всегда плывет за днем; Ночь же ночи премѣняет* (Трд. СП II 70). *Се солнце бѣг свой премѣняет, И к вам течет умножить день* (Лом. СС I 68). *Ты мою свободу премѣнил в неволю, Ты утѣхи в горесть обратил* (Члкв Песни I 24). Кроме того, у глагола *Премѣнять* выявляется значение ‘сменять поочередно одно другим’: *Здѣсь водится так, когда сойдутся на Прадо, то на одном мѣстѣ не сидят, и больше гуляют, чтоб лутче пользоваться гульбищем, премѣняя движение с покоем* (Маркиз III 38).

Общей тенденцией для языка XVIII века, как уже отмечено, является сокращение употребительности образований с приставкой *пре-* и существенное обеднение их семантики сравнительно с полисемией предыдущего периода бытования слова в языке. Примеры глаголов с приставкой *пре-*, имеющих более широкое семантическое поле, чем их параллель с приставкой *пере-*, можно отнести к редким случаям. Так, глагол *Препоясать/Препоясывать* толкуется как ‘опоясать, подпоясать снова или иначе’ и имеет отсылочную помету Ср. *препоясать–препоясывать* (СРЯ XVIII 19: 119). У глагола *Препоясать/Препоясывать* определяются 2 значения (‘повязать пояс или что-л. его заменяющее, подпоясать’ и ‘охватить со всех сторон’), в каждом из которых выделяются оттенки значения, особенности употребления (*перен.*, *образно*), особые черты грамматической сочетаемости (*чем*), собственная фразеология (*препоясать чресла* ‘подготовиться к войне, битве’): *Туники сии препоясывали они <римляне> поясами, и сверх оных другую одежду без рукавов надевали* (ПЭ II 116). *Мечь препоясан был по бедръ его* (Зрит. II 193). *Да укрѣплю десницу вашу, Вас силой свыше пропояшу* (Птрв 53). *Да препояшет радость холмы* (Држ. Соч. II 55). [Rossia:] *Поздравление приношу ти <Петру>, да мужественнѣ чресла твоя препоясавши, дерзновеннѣ врагов Россійских да истребляеши* (Слава росс. 29).

Еще одним подобным примером могут стать глаголы *Переслѣдовать* и *Преслѣдовать*. Глагол с полногласием представлен в Словаре в значении ‘гнаться за кем-л. с целью поймать, схватить; преследовать’ и иллюстрирован единичной цитатой из памятника петровского времени (СРЯ XVIII 19: 137). Глагол *Преслѣдовать* отсутствует в СлРЯ XI–XVII, раннюю лексикографическую фиксацию имеет в ЛП (1704 г.), но в текстах отмечается с середины XVIII столетия, заметно активизируясь к последней четверти века. В процессе активного употребления глагол развил сложную семантическую структуру,

включающую несколько самостоятельных значений (и оттенков значений) как прямых, так и переносных ('приходить, прибывать куда-л. раньше кого-л. другого', 'двигаться следом, непосредственно за кем-, чем-л.', 'постоянно сопутствовать кому-, чему-л., сопровождать кого-, что-л.' 'интересуясь чем-л., внимательно наблюдать, следить за состоянием, развитием чего-л.'): *По возвращении от <...> охоты, в то время, когда преследуя своего отца, была в готовности прибыть в замок, рвзвая Софиина лошадь <...> вздумала вдруг на дыбы становиться и збрасывать ее с себя* (Т. Ионес I 177). *Закон воспримлет человека под защиту свою до его рождения, и в таком виде определяет его права, он преследует ему при его рождении* (Рдщв ПСС III 173). *Громовые удары один другого преследовали с страшным треском* (Спб. М. I 210). *Печальных ваших мьст вид мрачной, Гдъ грусть преследует за мной. Ни птиц ночных вопль томный, страшной Не бремяют меня тоской* (Пельск. 17). *<Ломоносов> преследовал электрической силъ в ея дъйствих* (Рдщв Пут. 450). Кроме того, у этого глагола отмечаются разные типы синтаксической сочетаемости, как свойственной всем значениям (*кого-что, кому-чему*), так и различающейся при разных значениях (*за кем-чем, кому в чем*).

Аналогичный процесс наблюдается и в парах *Пересытитъ* (несов. в. не отмечен), *Пересытиться/Пересыщаться* — *Пресытитъ/Пресыщать, Пресытиться/Пресыщаться*. Полногласные варианты встречаются в текстах с середины столетия (в Словаре помечены знаком входа — ◁) и представлены небольшим количеством употреблений (СРЯ XVIII 19: 146). В отличие от них глаголы с *пре-* представлены бóльшим количеством примеров, расширяют контекстное употребление, отмечены в разных формах причастий и деепричастий и др.: *Пресыщенное брюхо неспособно к учению* (ВЛ 67). *Возсядь с нами при трапезъ, и собесъдуй; мы пресыщены уже твоим дружеством* (Хрс. Кадм 51). *Тяжкая из стихий вода, разторгнув состав земли и, пресытяся ея разворов, катится <...> в разверзтый зев* (Рдщв Влад. 7). *Он же пресытившиися обильным велергъчием похвальных твоих слов, возгремит не твоим хотя слогом, но будет твой воспитанник* (Рдщв Пут. 446).

Междусловные семантические связи в подобных случаях обозначаются:

а) отсылочным определением *То же, что <...>: Переобразить*. То же, что преобразить. *Переобразиться*. То же, что преобразиться. (СРЯ XVIII 19: 108); *Преодолеть*. То же, что преодолеть. (Там же: 109); *Превязати/Превязывати*. То же, что перевязать (1). *На льных гривах их <коней> пречудныя красы Блистали золотом превязаны власы* (Илиада (К) 147); *Престать/Преставать*. То же, что перестать (1). *Кто в себъ яствы не держит возми желудовыя чашки навари их в воде и воду пей на рану и от того престанет блевать* (Травн. тобол. 40). *Ежели де такие грамоты те персоны получают, то весма война престанет, ибо видит то Порта, что неправедно зачала* (Шфрв ПК I 240). *Хотя я и много раз предпринимал ее <Донну Клару> не видгть, однако в противность тому не преставая к ней хаживал* (Маркиз IV 134);

б) с помощью пометы *Ср.* (Сравни). Помета может соотносить отдельные значения, тогда она ставится после значения: см. например, *Перепродать/Перепродавать*: помета *Ср. препродать* отнесена к значению 'повторно

продать купленное (обычно с целью извлечения прибыли)’ (СРЯ XVIII 19: 121); у глагола **Премочь** помета Ср. *перемочь* поставлена при первом значении ‘преодолеть, победить’: *А когда увидят, что неприятель премагает, то всякой Камчадал заколов жену и дѣтей своих или стремглав низвергается, или с оружием устремляется на неприятеля* (Краш. ОЗК II 65). Помета может соотносить целые словарные статьи, тогда она ставится в конце словарной статьи: см., например, *Перейти/Переходить* (Там же: 71–73).

***

При работе над 23-м выпуском «Словаря русского языка XVIII века», бóльшую часть которого составляют слова с приставкой *пре-*, с описанием глаголов возникли определенные сложности. Проблемы во многом обусловлены тем, что в последние годы благодаря новым технологиям значительно увеличилась источниковая база Словаря. Это в свою очередь привело к значительному пополнению Картотеки, к большому количеству нового лексического материала, в том числе и расширяющего уже имеющиеся сведения о том или ином слове. Кроме того, дополнительная специальная выборка на *пре-* была произведена в том числе и из текстов, изначально включенных в источники СРЯ XVIII, что также увеличило имеющийся материал. По лексикографической разработке новый материал можно условно разделить на две группы:

1. Глаголы на *пре-*, которые по всем правилам Словаря получают самостоятельное описание.

а) Отсутствие пары с *пере-*.

Преваживать ‘намеренно, обманно выдавать что-л. за другое’: *Пастушка старая не тако разсуждала: Она невинность их <нимф> преваживала в зло, За тѣм что время ей любиться протекло* (Модн. изд. I 116)⁵; **Прeverгнуть** ‘обратить в бегство’: *Генерала Розена для осторожности, дабы не отрѣзан и не превергнут был, заранѣй, дабы отход свой и совокупление учинить мог, указом доволнить* (ПБП IV 196); **Превлечь** ‘побудить примкнуть к кому-, чему-л., склонить к чему-л.; привлечь’: *Каннская баталия покорила Аннибалу самых сильных Италианских народов, превлекла на его сторону жителей великия Греции* (Древн. ист. I 254); **Превручить/Превручать** ‘вручить, посвятить, передать’: *Надѣюсь, что сочинит слово самая моя горячая ревность, <...> что я все <...> Августѣйшей Елисаветѣ, наивозможнѣйше и наипристойнѣйше, посвящаю, превручаю, благоговѣйнѣйше приношу в жертву* (Трд. Витийство 75). *Женщины <...> превручали себя их <германцев> мужеству, и молили их, не дать им быть рабынями Римлян* (Римск. ист. XII 218); **Препомрачить** ‘лишить способности понимать’, ‘лишить глаза́ возможности видеть’: *Мысль о подобном успѣхѣ препомрачила Аннибала своею великостію; не мог он ея вдруг обнять* (Римск. ист. V 60). *Черты благородны, Но и-сановны, приятностьмиж нѣжными всѣ срастворенны, Тут Тилемаха очам предъявляются препомрачѣнным* (Трд. Тилем. II 219).

б) Отличия в семантике.

---

⁵ Ср.: **Вадити** ‘наговаривать, клеветать’ (СРЯ XVIII 2: 197).

Глаголы могут совпадать в одном или нескольких (но не всех) значениях.

Глагол **Преварить/Превáривать/Преваря́ти** в отличие от полногласного варианта, зафиксированного в 5-ти значениях (СРЯ XVIII 19: 37–38), представлен в меньшем количестве употреблений и только в 2-х значениях — ‘длительной варкой добавить нужные качества’ и ‘сварить еще раз; переварить’: *Неже как во инои водѣ преварится <горох>, которыи нѣколько тучнѣе и мягче будет* (Геогр. ген. 218). *Аще в котлѣ оная вода преварена, и как устоится, вылита будет, а в котлѣ на днѣ ни песок ни глина не останется* (Геогр. ген. 235). *Преваряю, паки варю, перевариваю* (ЛП 33 (2 паг.)).

Нередко неполногласные варианты совпадают лишь в одном из значений, отмеченных у глаголов с *пере-*.

У глагола **Перебросить/Перебрасывать** отмечается три значения: ‘бросить через что-л.’, ‘бросать с одного места на другое’, ‘кинуть дальше намеченного места’ (СРЯ XVIII 19: 36). Неполногласный вариант зафиксирован только в первом из названных значений в одном употреблении: *Он за поставленную цѣль Пребрасывал кружцы тяжелые нерѣдко?* (Држ. Соч. V 205).

Перевернуться — из 4-х значений, отмеченных у глагола **Перевернуться/Перевертываться** (СРЯ XVIII 19: 39), совпадает только в первом ‘повернуться с одной стороны на другую’: *Из древних Греков и Римлян, да перевернутся всѣ по листам от доски до доски, не найдется поистиннѣ ниедин, колико их ни читается, который бы об Естественной всѣхъ человекѣв Равности, <...> помыслил и ея признал* (Римск. ист. III 35 (Предувед.)).

Превязáти/Превязывати/Превязовати — совпадает только в первом из трех значений (‘обмотав, обернув чем-л., завязать; обвязать’), однако добавляя собственную сочетаемость и переносное употребление: *Прежде царие вмѣсто вѣнца главу превязоваху* (Апофеосис 163). *На льных гривах их <коней> пре-чудныя красы Блестали золотом превязаны власы* (Илиада (К) 147). *Вы <Музы> легкими меня толпами окружите, И путь склоните мой и очи превязите. Пусть буду с вами я и буду заблуждать* (Мур. Опыт 291). *<Материя> сама собою многотрудна, и неисчетными преткновеніями превязана* (Лом. СС I 262).

Прегородить — отмечен только в значении ‘разделить на части перегородкой, изгородью’: *Внутре в казарме прегаражено четыре каморы белых о трех печах* (ВКЭ VI 344). Глагол **Прегородить/Прегоразживать** помимо этого значения имеет второе: ‘поставить преграду кому-, чему-л.’ (СРЯ XVIII 19: 52).

Прекреститься — совпадает только в первом значении из трех, зафиксированных у полногласного варианта ‘осенить себя крестным знаменіем’ (СРЯ XVIII 19: 80): *Мила Дуня <...> Покидает ложе мягкое, И рукой своей атласною Прекрестившись, умывается* (Ипп. IV 206).

У глагола **Перескочить/Перескакивать** СРЯ XVIII определяет три значения: ‘скачком переместиться через что-л., перепрыгнуть’, ‘скачком переместиться с одного места на другое’, ‘неожиданно перейти с одного предмета на другой в разговоре, чтении, рассуждении и т. п.’: *<Козероги> перескакивают пропасти и удерживаются ногами на малѣйших остриях*. Сл. нат. ист. I 219. *Захотѣлось ему <Ермаку> перескочить со своея лодки на другую. Но при сем случаѣ упал он в воду и утонул*. Пут. Бел. 160. *Стих, слово пропустить, выпу-*

стить, перескочить. Ад. I 167 (СРЯ XVIII 19: 136). Неполногласный вариант **Прескочить** отмечен только в первом значении: [Финикс:] *Когда десятая пришла ночь темная, <...> отверз двери чертога моего и изшед прескочил ограду двора и <...> утекл* (Илиада (Е) 284). *Как лев, котораго на паствь к овчу стаду Укръп чрез высоту хотяща прескочить Стрълюю уязвив пастух не мог сразить, <...> Таков и Диомид в полки Троян ворвался* (Илиада (К) 121).

Престроить — отмечено только во втором из 2-х значений глагола **Перестроить/Перестраивать** — ‘настроить (музыкальный инструмент) заново или на другой лад’ (СРЯ XVIII 19: 142–143): *Дщерь пѣсни! — стань на гроб Героя! Пой слезно, арфы ключ престроя!* (Бобр. РП II 56).

Иногда вновь обнаруженный пример служит иллюстрацией лишь к одному из оттенков основного значения. Так, цитата с глаголом **Прерѣзать** в сочетании с существительным *горло* иллюстрирует сдвиг в первом из трех значений, отмеченных у глагола **Перерѣзать/Перерѣзывать** — ‘разрезая, разделить надвое, на части’ (СРЯ XVIII 19: 127): *Филомелла скочив вдруг, острым мечем горло ему <Итису> прерѣзала* (Кн. времен II 130); цитата с глаголом **Пресилить** дополняет иллюстративный материал к оттенку ‘перебороть, превозмочь какое-л. чувство, состояние и т. п.’ внутри основного значения ‘оказавшись сильнее, одолеть, победить’, отмеченного у глагола **Пересилить/Пересилтъ/Пересиливать** (СРЯ XVIII 19: 134–135): [Мстислав:] *Пойду против небес — пойду противу ада; Любвию моей пресилю естество* (Нклв Сорена 271).

Различия могут проявляться не только в структуре семантики, но и в активности того или иного значения. Так, у глагола **Пережить/Переживать** наиболее активны значения ‘прожить дольше кого-л., остаться жить после смерти кого-л.’ и ‘прожить, просуществовать какой-л. срок, время’ (Сл XVIII 19: 68–69). У глагола **Прежити/Преживати** первое значение представлено лишь оттенком ‘остаться, сохраниться дольше чего-л.’: *Естьли должно погибнуть тебѣ, свѣтило могущее; <...> то слава наша преживет лучи твои!* (МЖ II 128). Более активным является второе значение: *Задумал седмнадцать лѣтъ на власти быти, По судьбам седми недѣль не возмогл прежити* (МАН IV 707). *Во многих мѣстах были они <деревья> самыя огромныя, прежившия уже многия вѣка* (Зап. БлТВ II 582).

Подобные примеры можно продолжить.

Глаголы могут не совпадать в значении. Так, глагол **Перепоручить** (отмеченный знаком сокращения употребления) имеет толкование ‘обязать, заставить всех, многих заручиться чьей-л. порукой, поручиться друг за друга’⁶ и зафиксирован в небольшом количестве примеров: *По приводѣ к присягѣ всѣх рекрут, перепоручить круговую порукою, чтоб они из службы не бѣгали, и того друг за другом смотрѣли*. ПСЗ IX 421 (СРЯ XVIII 19: 119). Глагол же **Препоручить/Препоручать** активно употреблялся в ином значении — ‘поручить, доверить кому-л. какое-л. дело, заботу о ком-, чем-л.’⁷, показывая оттенки значения (‘вручить, вверить’), расширяя синтаксические связи (*препоручить себя*), развивая новое значение (‘рекомендовать’) и т. п.: *Да сверх того препоручаем вам*

⁶ Ср.: **Перепоручити** ‘взять вновь поручную запись’ (СлРЯ XI–XVII 14: 279).

⁷ Ср.: **Препоручити** ‘поручить, доверить (попечению)’ (СлРЯ XI–XVII 19: 27).

смотрение иметь как над наземными напидками, так и над продажей соляною (Док. Пуг. 156). [Пудовиков:] За счастье нахожусь препоручить себя в вашу дружбу, и приемлю участие в вашем благополучии (Левш. Слуга 186). [Праволов:] Подарки всем судьям из глаза ты на глаз, С поклоном от меня препоручил? (Капн. Яб. 35). Мы препоручаем ее <книгу «Китайский мудрец»> для чтения не только что всему юношеству, но и средовзъчным и престарьлым людям (Спб. учен. вед. 170).

Глагол **Переслушать/Переслушивать**, отмеченный в текстах с XVII в. (только в форме сов. в.) в значении ‘выслушать все, многое или всех, многих’ (СлРЯ XI–XVII 14: 289), в XVIII в. развивает и значение повторяемости действия ‘прослушать, выслушать снова, еще раз’ (СРЯ XVIII 19: 137). Глагол же **Преслушати/Преслушати** на протяжении XVIII века сохраняет свои древнейшие значения — ‘ослушаться кого-л., пренебречь чьими-л. наставлениями, приказами, просьбами’, ‘нарушать какие-л. правила, узаконения’⁸: *И просила <Анна> меня, чтоб снею откушать вместе. Я по прошению ея преслушати не хотел, вместе снею отобедал* (Александр 146). *Когда же во Дворъ разсъялися слухи, Что Душенька в раю преслушала закон, И что ее за грѣх оставил Купидон: Оставили ее и всѣ прислужны Духи* (Богд. 97).

***

Сложность представляют случаи, когда в новые материалы вошли глаголы с *пре-*, которые по правилам Словаря должны быть представлены в одной словарной статье с полногласным вариантом. Так, спорными являются случаи, когда новый материал представляет лишь отсутствующий «фрагмент» в словарной статье глагола с *пере-*: например, в словарной статье представлена только одна из форм (сов. или несов. в.) глагола с *пре-*. Авторы и редакторы Словаря оказываются перед дилеммой: пренебречь этим материалом и оставить его до времени подготовки дополненного издания Словаря или включить его в готовящийся выпуск, нарушив таким образом существующие правила.

Например, в словарной статье **Перевѣситься/Перевѣшиваться** дан и неполногласный вариант несов. в. **Превѣшиваться** (СРЯ XVIII 19: 41). Новые материалы дополнили этот ряд формой сов. в. **Превѣситься** (в переносном значении): *Другие <...> Страстей не выдержав борьбы И доблестей путь презря, правды, Превѣсясь злом, как водопады, Падут стремглав на низ во мглах: — Быв идолы, — бывают прах* (Држ. Соч. II 259).

Аналогичным примером служат словарные статьи глаголов **Перевезти/Превезти/Перевозить** и **Перевезтись/Превезтись/Перевозиться**. В словарную статью **Перевезти/Превезти/Перевозить** включен неполногласный вариант сов. в. **Превезти**, но отсутствует форма несов. в. **Превозить** (СРЯ XVIII 19: 38–39). В новых материалах данная форма обнаружена: *Тако может быть странствует несчастная Европа, из царства в царство превозимая и жертвою корыстолюбивому человечеству служащая* (Хрс. Кадм 7). *Их <турков> мчат кони, превозят чолны, <...> Покрыты их судами волны, Теку-*

⁸ Ср.: **Преслушати** ‘ослушиваться (ослушаться), не подчиняться (не подчиниться)’, а также ‘не считаться (не посчитаться) с кем-л.; преступать (преступить что-л.)’ (Там же: 47).

щими в союзный Крым (Птрв 37). Глагол **Превозиться**, отсутствующий в словарной статье **Перевезтись/Превезтисся/Перевозиться**, отмечен в новых материалах только в страдат. значении, и в своей разработке в 23-м выпуске корректирует формулировку 3-го значения ‘страд. к перевозить (1)’, добавляя неполногласный вариант ‘страд. к перевозить (1)’: *Повель <Кесарь> же и людей оных перевозящихся <через Босфор> исчисляти* (Бароний 1369). Кроме того, благодаря новым материалам дополняются ряды причастий: *превозимый* и *превозящийся*.

В словарную статью **Переволочь/Переволочить** ‘волоча, передвинуть с одного места на другое’ (СРЯ XVIII 19: 45) мог быть включен глагол **Преволочь**: *Ежели на мѣстѣ коем либо твердо поставити надлежит <глобус>, то преволочь надобно стебелце желѣзное от сего мѣста сквозѣ центр глобуса до противоположеннаго пункта* (Геогр. ген. 492).

Словарная статья **Передвинуть/Передвигать** включает и неполногласные варианты **Предвигнути/Предвигати** (СРЯ XVIII 19: 58–59). Аналогичным образом была бы оформлена словарная статья глагола **Передвинуться/Передвигаться**, однако при ее составлении отсутствовали материалы с неполногласным префиксом (Там же: 59), в новых материалах обнаружен глагол **Предвигнутися**, который в подготавливаемом выпуске будет разработан отдельно: *Понеже егда часть океана двинется, то по нуждѣ мѣсто премѣняеть, и сего ради сие мѣсто нижеае станется къ мѣсту ближняя воды; та ближняя вода подвинется на сие мѣсто, и сего ближняя часть на оногo мѣсто предвинется* (Геогр. ген. 147).

Глагол **Переправиться** представлен в словаре формами сов. и несов. в. (**Переправиться/Переправляться**), к тому же несов. в. имеет и менее активную форму **Переправливаться** (в словаре стоит знак сокращения употребления) (СРЯ XVIII 19: 120–121). Неполногласный вариант из новых материалов представлен лишь формой **Преправливатися** в значении ‘то же, что переправляться (1)’: *Ио непрестанно вездѣ бѣгала по свѣту, в котором бѣшенствѣ один толко нил преправливатися ей чрез себя недопустил* (Кн. времен¹ 49).

Глагол **Преродить** имеет то же значение, что и глагол **Переродить/Перерождать** — ‘изменить, преобразить’ (СРЯ XVIII 19: 128), и мог быть описан в одной словарной статье с полногласным вариантом: *Он <Петр I> Сам Себя переродил, Чтоб преродить сынов России* (Бобр. РП I 5).

Новые материалы с *пере-*, дополняющие словарные статьи глаголов с *пере-*, предполагается включить в подготавливаемый выпуск СРЯ XVIII, несмотря на то что это будет отступать от принятых в Словаре правил. Но эти отклонения, невольные нарушения его принципов вызваны стремлением авторов, с одной стороны, более полно показать имеющийся лексический материал, который при строгом следовании правилам не попадет в данное словарное описание, создав некоторое искажение лексической картины языка XVIII века, с другой — сохранить и более полно представить в лексикографическом собрании системные отношения целого ряда слов с коррелирующими признаками *пере-/пре-*⁹.

⁹ К сожалению, за пределами показа остается большая часть причастий и деепричастий от глаголов на *пере-/пре-* (при их совместной разработке), обнаруженная в источниках уже после публикации выпуска (СРЯ XVIII

Источники

- ВКЭ — Вторая Камчатская экспедиция: Морские отряды: в 4 ч. / Сост. Н. Охотина-Линд, Петер Ульф Мёллер / Отв. ред. Виланд Хинтцше. СПб.: Нестор-История, 2001–2015.
- Кн. премен — Книги метаморфосеон, или премен, Пувлием Овидием Насоном стихом описанных. [1700-е гг., до 1706 г.] Ркп. БАН, П.І.Б.101.
- Кн. премен¹ — Книги метаморфосеон се есть Премен Публием Насоном описанных. [1700-е гг.] Ркп. РНБ, Q.XVIII.4.
- КС XVIII — Картотека «Словаря русского языка XVIII века» (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург).
- Модн. изд. — Модное ежемесячное издание или Библиотека для дамского туалета: в 4 ч. М., 1779.
- СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова. Вып. 1–31. М., 1975–2019 (издание продолжается).
- СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. Вып. 1–22. Л.; СПб.: Наука, 1984–2019 (издание продолжается).
- Шфрв ПК — Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова: в 3 ч. (1706–1723) / Изд. подгот. Т.А. Базарова, Ю.Б. Фомина. СПб., 2011.

Литература

- Мальшева И.А. Глаголы с *pre-* в русском языке XVIII века: значение усиления действия // Славянская историческая лексикология и лексикография. Вып. 2. СПб., 2019. С. 29–43. DOI 10.30842/265837552019
- Проект 1977 — Словарь русского языка XVIII века. Проект / Отв. ред. Ю.С. Сорокин. Л., 1977.
- Сорокин Ю.С. О «Словаре русского языка XVIII века» // Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века. М.; Л., 1965. С. 5–42.

Мальшева Ирина Алексеевна, д. филол. наук; Институт лингвистических исследований РАН, 199053, г. Санкт-Петербург; Тучков пер. д. 9; ведущий науч. сотрудник; e-mail: iamalysheva@mail.ru

Захарова Елена Александровна, Институт лингвистических исследований РАН, 199053, г. Санкт-Петербург; Тучков пер. д. 9; научн. сопр.; e-mail: xviiiicentury@mail.ru

Для цитирования. Мальшева И.А., Захарова Е.А. Глаголы с *пере-/пре-* в историческом словаре: практические решения // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2020. Вып. 3. С. 161–173. DOI 10.30842/26583755202006

References

- Malysheva I.A. Glagoly s *pre-* v russkom jazyke XVIII veka: znachenie usilenija dejstvija // Slavjanskaja istoricheskaja leksikologija i leksikografija. Vyp. 2. SPb., 2019. P. 29–43. (In Russ.) DOI 10.30842/265837552019
- Proekt 1977 — Slovar' russkogo jazyka XVIII veka. Proekt / Otv. red. Ju.S. Sorokin. L., 1977. (In Russ.)
- Sorokin Ju.S. O «Slovare russkogo jazyka XVIII veka» / Materialy i issledovanija po leksike russkogo jazyka XVIII veka. M.; L., 1965. P. 5–42. (In Russ.)

19: 32–163): *перевязывая, передавши, перезимовавший, перезаложа, перекатывая, перекисший, перелетывая, перелоя, переломившийся, переломливаемый, переноса, переносясь, переписавшись, переплетившийся, переплетаясь, перепутываясь, переспевший, перехватываемый; преводя, преводящий, преводивший, предвигающий, предвигая, прелазя, преливающийся, преплывавший* и др.

Irina A. Malysheva, Dr. of Sci. Phil., Leading Research Officer, 9 Tuchkov per., 199053, Saint Petersburg, Russian Federation. E-mail address: iamalysheva@mail.ru

Elena A. Zacharova, Research Officer, 9 Tuchkov per., 199053, Saint Petersburg, Russian Federation. E-mail address: xviiiicentury@mail.ru

For Citation: Malysheva I.A., Zacharova E.A. (2020). Verbs with *pere-/pre-* in the historical dictionary: practical solutions. *Slavyanskaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya* [Slavic historical lexicology and lexicography], 3, pp. 161–173. DOI 10.30842/26583755202006 (In Russ.)

Svetlana A. Ezerinya
ORCID iD: 0000-0002-6504-2389

С.А. Эзериня

OPINION-BASED JOURNALISM AND THE 19th CENTURY RUSSIAN LEXICOGRAPHY

ПУБЛИЦИСТИКА И РУССКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ XIX ВЕКА

Аннотация. Вслед за формированием и развитием русского литературного языка (а вопрос о его составе, общественно-политической роли, функциях и исторических судьбах особенно остро стоял перед российским обществом во второй трети XIX века и крайне заинтересованно обсуждался отечественными публицистами) появляется насущная задача совершенствования отечественной лексикографии, существенного расширения и научно обоснованного документирования ее эмпирической базы, в том числе за счет привлечения текстов публицистической направленности (включая материалы периодических изданий).

В XIX веке взаимодействие и взаимовлияние отечественной публицистики и лексикографии протекало в трех основных направлениях. 1) Возникающие и формирующиеся в рамках публицистических произведений лексико-фразеологические единицы (включая лексические, семантические, «стилистические» неологемы, устойчивые сочетания различных функциональных стилей и т. д.) непосредственно пополняют словники словарей в качестве отдельных вокабул. 2) Публицистические тексты становятся источником подтверждающих существование соответствующего языкового факта цитат-иллюстраций для ряда лексикографических изданий. 3) Наблюдается обратная связь публицистики и лексикографии в форме публикаций на страницах периодических изданий рецензий журналистов, общественных деятелей и ученых на новые словари.

Ключевые слова: XIX век, язык русской публицистики, русская лексикология и лексикография

Summary. In the middle of the 19th century, the Russian literary language, its vocabulary and different lexical elements, its socio-political role, functions and historical perspectives were the center of attention for Russian society, being most interestedly discussed by opinion-based journalists as well. The formation, shaping and development of the language called to life the pressing task to improve and bring Russian lexicographical practices up to date, to expand significantly and scientifically its empiric base, the latter being aimed to comprehend various publicistically-oriented texts from numerous Russian periodicals (including metropolitan and regional newspapers).

In the given period, mutual influence and interaction of Russian opinion-based journalism and lexicography displayed three main tendencies. 1) Lexical-phraseological units (including lexical, semantic, “stylistic” neologisms, phraseological units, etc.), that had been born to life or taken shape due to opinion-based journalistic works, were included in Russian dictionaries of various types as relevant headwords of their glossaries. 2) Publicistic works became used as an important source for textual illustrations aimed to justify existence and functioning of the appropriate language unit. 3) There exists an inverse link between the journalism and lexicography in the form of reviews and criticisms by journalists, public persons as well as scientists published in periodicals.

Keywords: 19th century, the language of Russian opinion-based journalism, Russian lexicology and lexicography

XIX век общеизвестен как золотой век классической русской художественной литературы, но одновременно это и время расцвета отечественной публицистики, когда в русском литературном языке формируется и к концу века окончательно оформляется общественно-публицистический стиль в общем кластере стилей литературного языка. Следует отметить, что этот стиль «постепенно становится ведущим в системе общенациональных средств языкового выражения, оттеснив на второе место стиль литературно-художественный, занимавший до того первенствующее положение среди стилей русского литературного языка» [Мещерский 1981: 236].

Отличительной чертой публицистических произведений, посвященных актуальным проблемам и явлениям текущей жизни, является обращение к ним в эмоциональном, оценочном ключе, и определяющую роль здесь играет авторская позиция, вследствие чего историю русской публицистики допустимо рассматривать как историю русских авторов-публицистов. Охват тем, интересовавших отечественных публицистов этого периода, чрезвычайно широк и многообразен, как была многообразна и стихия русской жизни девятнадцатого столетия. В первую очередь затрагивалась тематика общественно-политическая, экономическая, социальная (крепостное право, место России в Европе и мире, пути развития страны, национальное самосознание, национальный русский характер и язык, проблемы русской жизни, роль и миссия литературы, назначение журналистики, достигшей небывалой ранее общественной значимости (определяющим здесь является творчество В.Г. Белинского, обозначившего в известном очерке 1846 года «Николай Алексеевич Полевой» журналистику как арену непрекращающейся битвы за умы, имеющей своей целью формирование общественного мнения), а также философская, научная, военная, религиозная и др. тематика. Особое место в этом ряду занимает художественная публицистика, фокусом исследования которой становятся не общие тенденции и события, а сам человек, его судьба и внутренний мир, что требует от автора психологичности подхода при описании действующих лиц публицистического произведения, понимания мотивов их побуждений и действий (А.С. Пушкин, Н.А. Некрасов, М.Е. Салтыков-Щедрин, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, Гл. Успенский и др.). При этом форма таких произведений может быть как прозаической, так и поэтической.

Русская публицистика исторически ассоциируется в первую очередь с журналистикой, периодикой, хотя в свет выходили и отдельные книги и сборники публицистической направленности (вспомним, например, знаменитые «Арабески» Н.В. Гоголя (1835)). Тем не менее преимущество, безусловно, остается за периодическими изданиями (иногда периодика неправомерно воспринимается почти синонимом публицистики), количество которых по сравнению с предыдущим столетием в XIX веке увеличивается на порядок. Так, в XVIII веке в России начиная с 1702 года насчитывается порядка 100 подобного рода изданий, в XIX же веке их численность достигает уже более 2000 наименований [Русская 1959: 9–10].

К концу XIX века в русской публицистике вырабатывается точный, простой и понятный, «образованный» и вместе с тем художественно-выразительный стиль изложения любой темы, пусть самой сложной и отвлекенной (в середине века особенный вклад в это важнейшее дело внесли В.Г. Белинский, Н.В. Гоголь, М.Ю. Лермонтов) [Мещерский 1981: 234], что способствовало его превращению, по выражению Ю.С. Сорокина, в «мощное орудие мысли» [Сорокин 1965: 546], что не могло не привлечь живое внимание лексикографов.

Вслед за формированием и развитием русского литературного языка (а вопрос о его составе, общественно-политической роли, функциях и исторических судьбах особенно остро стоял перед российским обществом во второй

трети XIX века и крайне заинтересованно обсуждался отечественными публицистами) появляется насущная задача совершенствования отечественной лексикографии, существенного расширения и научно обоснованного документирования ее эмпирической базы, в том числе за счет привлечения текстов публицистической направленности (включая материалы периодических изданий).

Взаимодействие и взаимовлияние отечественной публицистики и лексикографии, как следует из наших материалов, в XIX веке протекало в трех основных направлениях.

1. Возникающие и формирующиеся в рамках публицистических произведений лексико-фразеологические единицы (включая лексические, семантические, «стилистические» неолексемы, устойчивые сочетания различных функциональных стилей и т. д.) непосредственно пополняют словники словарей в качестве отдельных единиц описания, соответствующих вокабул. В качестве примера можно привести пласт заимствований на *-изм*, *-ист*. Ю.С. Сорокин в связи с этой группой лексики отмечает, что «приток в литературный язык этих существительных <...> постепенно нарастает в первые три десятилетия XIX века. Этому много способствовала карамзинская школа «нового слога», а затем развитие журналистики в 20-х гг. XIX в. (ср. примеры новых слов этого рода в «Московском телеграфе»)» [Сорокин 1965: 254]. В дальнейшем только у одного В.Г. Белинского их насчитывается порядка 130 единиц, «группы этих существительных составили, наконец, активный словообразовательный разряд, а соответствующие морфемы стали привычными средствами русского словообразования» [Там же: 256]. Различные лексикографические издания XIX века (энциклопедические и толковые словари, словари иностранных слов и слов «метких и ходячих») фиксируют десятки неолексем данного типа, относящихся к разным функциональным сферам и предметным областям и закрепившихся в литературном языке во многом благодаря произведениям публицистического характера (e.g. *алармист*, *байронизм*, *бонапартизм–бонапартист*, *буддизм–буддист*, *гуманизм–гуманист*, *декадизм*, *драматизм*, *дуализм–дуалист*, *европеизм*, *идеализм*, *исламизм*, *коммунизм–коммунист*, *легитимизм–легитимист*, *национализм–националист*, *нигилизм–нигилист*, *оп(н)ортунизм–оп(н)ортунист*, *пессимизм–пессимист*, *терроризм–террорист*, *турист*, *универсализм*, *утопист* и др.)¹.

2. Публицистические тексты в массовом порядке становятся источником подтверждающих существование соответствующего языкового факта цитат-иллюстраций для некоторых типов лексикографических изданий, в первую очередь — толковых и фразеологических.

3. Наблюдается и определенная обратная связь публицистики и лексикографии: на страницах периодических изданий публикуются рецензии журналистов, писателей, общественных деятелей и ученых на выходящие в свет те или иные словари (особенно заинтересованный массовый отклик закономерно получило такое фундаментальное лексикографическое издание, как вышедший в начале 1890-х годов толковый «Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук»; так, в 1892 г. рецензии на него

---

¹ По материалам автора статьи.

появились в журналах «Вестник Европы», «Образование», «Славянское обозрение», «Русская школа», «Исторический вестник», «Живая старина» и др. [История 1998: 237–238]).

Из данных трех направлений наименее изученным оказывается второе, именно на этом вопросе мы и остановимся в данной статье.

I. История иллюстрирования лексики цитатами из литературных текстов различных авторов в отечественной толковой лексикографии начинается с XVIII века, с САР¹, допускавшего наряду с извлечениями из текстов религиозного, исторического и юридического характера отдельные минимальные отрывки из произведений наиболее авторитетных с точки зрения составителей словаря писателей и поэтов того времени — Ломоносова, Сумарокова, Тредиаковского и некоторых других; при этом обычно давалась отсылка исключительно на сокращенную фамилию автора, без указания названия произведения. В целом же предпочтение отдавалось анонимным примерам, речениям в соответствии с принятыми русскими лексикографами на вооружение традициями и практикой «Словаря Французской Академии», основывавшимися на тезисе о том, что речения «дают более четкое представление о слове, нежели цитаты из писателей» [История 1998: 120]². Аналогичная картина наблюдается и в САР², в этом отношении полностью следовавшем за словарем-предшественником.

Словарь 1847 года также не выходит за рамки сложившейся теперь уже в русской лексикографии традиции тестовых иллюстраций. Так, в Предисловии отмечается: «Отделение Русского языка и словесности <...> приняло к руководству следующие правила: 1) Помещать в Словаре вообще слова, составляющие принадлежность языка в разные эпохи его существования <...> 8) Не обременять слов излишними примерами, а ставить только необходимо нужные, для показания истинного значения их, особливо при словах малоизвестных, или искаженных злоупотреблением» (Сл 1847 I: XII). В этом словаре уже значительно по сравнению с предыдущими расширяется круг цитируемых литераторов — классиков и современников, в списке источников цитирования впервые появляются названия периодических изданий, как достаточно специальной направленности («Земледельческая газета»), так и ориентированного на широкий круг читателей («Северная пчела»). Однако ни одно, ни другое издание, как оказалось после фронтального прочтения словаря, не стало источником цитирования публицистического текста; очевидно, свой отпечаток не могли не наложить общие идеологические (и цензурные) установки эпохи правления Николая I. «Земледельческая газета» в своей единственной на весь словарь цитате была призвана подтвердить существование и значение областного слова *заскороживать* («Заборанивать»; *Земл. Газ. 1836, №28* (Сл 1847 II: 55)), фиксируемого позже в Словаре Даля и отсутствующего в областных словарях XIX века. Что касается «Северной пчелы», помещавшей на своих страницах в числе прочих и злободневные публицистические материалы, то она послужила всего лишь местом публикации одного из приказов Военного министра 1845 года, извлечение

---

² Исторически это было обоснованно, поскольку литературные формы как французского, так и русского языков этого периода весьма значительно отличались от форм повседневного употребления.

из текста которого должно было обосновать включение в словарь лексемы *старослужащий* (*‘Давно находящийся в службе’*; *Приказ Воен. Министра 26 Февр. 1845 г. Стъв. пч. 1845 г. №56* (Сл 1847 IV: 220)). Также название газеты используется в словаре в составе предложения на слово *редакция* в его втором значении (*‘Лица, занимающиеся изданием книги или журнала’*; *Редакция Стъверной Пчелы* (Сл 1847 IV: 61)).

В.И. Даль в своем «Толковом словаре живого великорусского языка» принципиально ограничивается преимущественно иллюстрациями-речениями и фольклорными материалами, особо оговаривая это в «Напутном слове»: «Примеров книжных у меня почти нет, не потому чтобы я ими небрег, нет, я признаю это за недостаток словаря, а потому, что у меня не достало времени рыться за ними и отыскивать их; для этого также нужны не дни, а годы» (Даль I: IX). Очевидно, что и здесь публицистические тексты в интересующем нас смысле остаются за рамками словаря.

Ситуация в этом отношении изменяется только к концу XIX века, на что оказывают влияние и экстралингвистические, и собственно лингвистические факторы. В первую очередь, остро возникает общественная и научная потребность в создании нового словаря, словаря именно русского литературного языка, включающего широкий пласт действительно употребительной на данный исторический момент лексики и фразеологии, функционирование которых должно было быть подкреплено соответствующими примерами из обширного списка текстовых источников (включая многочисленные литературные), составляющих эмпирическую базу словаря. В соответствии с этими установками в вышедшем в самом начале 1890-х годов новом академическом «Словаре русского языка» под редакцией академика Я.К. Грота цитаты-иллюстрации назывались «оправдательными примерами», а в Предисловии было отмечено: «В прежнем академическом словаре выписки из книг делались очень редко, и притом большею частью из памятников старинной письменности; при словах современного языка они являлись совершенно случайно и заимствовались из весьма немногих писателей. В настоящем издании, напротив, такие извлечения составляют весьма существенную часть его, и источником для них служат все первоклассные и некоторые второстепенные писатели» (Сл. Грота I: XI–XII). Таким образом, Словарь Грота становится первым в истории русской академической лексикографии изданием, широко использовавшим лексическое богатство русской классической литературы и сочинений русских общественных деятелей и ученых, а также материалы специальных и общих периодических изданий [История 1998: 218–219].

Для того чтобы получить объективное представление о степени включения в данный Словарь иллюстративного материала публицистического характера, автором статьи было проведено его фронтальное прочтение на первые буквы (А–В), что, конечно, не претендует на исчерпывающее исследование, но тем не менее позволяет сделать достаточно достоверные научные выводы. Так, для обследованной части Словаря было выявлено более 60 цитат из русской публицистики (что примечательно, не только XIX века, но и предшествующей

эпохи)³. Количественное распределение по цитируемости для авторов публицистических произведений выглядит следующим образом:

А–В (66): Некрасов — 22, Салтыков-Щедрин — 16, А. Пушкин — 15, Гоголь — 5, Гл. Успенский — 3, Катков — 2, Л. Толстой — 1, Д. Давыдов — 1, Погодин — 1; также источником цитирования впервые послужили журналы «Всякая всячина» и «Благонамеренный».

Конечно, по сравнению с общим количеством слов в словнике Словаря на эти буквы (14 307 [История 1998: 222]) и, соответственно, общим количеством всех «оправдательных примеров»⁴ это совсем немного, но включение такого рода материалов в толковый словарь оказывается новым словом в истории отечественной лексикографии и, в свою очередь, отражением социально-политической атмосферы и умонастроений российского общества⁵.

Интересно отметить, что такие цитаты привлекаются составителями словаря для иллюстрирования употребления самых разных типов и групп лексики — как отдельных слов, так и лексем в составе сочетаний, что можно увидеть из следующих примеров (стилистическая квалификация приводимых ниже лексических фактов дана автором статьи, поскольку многие из них в Словаре еще не получают соответствующих помет):

Общелитературная лексика: *арест, аристократия, аттестовать, афера, бесстыжество, благонамеренный, блюститель, борьба, буйный, булава, бывалость, варяг, ведренный, великосветский, верховодец, верховый, всё* (нареч.), *вещественный, влияние, вольнолюбивый* (первая лексикографическая фиксация) и др.

Разговорная: *бездоходье, бестолковица, брѣх, вавилоны, *верхогляд, взвизг, взять (~ да и), Владимирка, вральня* (Шуточн. Комната, где собираются врали. — Тамъ [въ Москвѣ] газетная вѣчно полна; Рядомъ съ ней, нареченная “вральней”, Есть тамъ мрачная зала одна. Некрас. Газетная. (Словарь Грота: 543)), *всезнайка, *выматывать* (‘вызнавать’), *выуживание* (~ новостей) и др.

Лексика высокого стиля: *взложить, воззреть, восставать* (‘вставать’).

Просторечная: *бац* (с бацу), *беспорточник, бубнить* (‘болтать без умолку’), *влезть* (~ в дружбу), *вод* («где курам вод»), *втемяшиться, вежество*.

Областная: *вызудить* (Арханг. ирон. 1. Выпить, осушить’, ... *онъ... не сразу обдираль его [просителя], а любил постепенно вызудить у него жизнь. Салт. Гг. Ташкентцы. (Словарь Грота: 622)).

Индивидуально-авторская: *впрашиваться* (Просьбами добиваться какого-либо мѣста. Много тутъ конкурентовъ было: и голова впрашивался, и батальонный командиръ освѣдомлялся, чѣмъ пахнетъ. Салтык. Благонам. рѣчи. (Словарь Грота: 538)).

Фразеология: *барашек в бумажке*.

Иллюстрирование последнего фразеологизма заслуживает особого внимания, поскольку, как показывают обследованные словари и наши данные, это

³ При подсчете учитывался не только источник цитаты, но и ее характер и непосредственное содержание.

⁴ Даже если принять общее число цитат на порядок меньшим по сравнению с количеством вокабул.

⁵ Напомним, что издания Академии Наук за всю историю своего существования практически не подвергались внешнему цензурированию в отличие от периодики и других изданий.

первый в отечественной лексикографии случай извлечения цитаты непосредственно из периодического издания, без указания автора текста; к тому же она носит яркий публицистический характер (видимо, по цензурным соображениям текст был взят из журнала эпохи Екатерины II «Всякая всячина», хотя само явление остается жизненно актуальным и на момент составления Словаря, и по сей день). Приведем полностью этот примечательный лексикографический факт:

Бара'шекъ, шка, м. ...

*Бара'шекъ въ бума'жкѣ. Взятка. *Подьячіе со встѣхъ берут деньги ... деньги эти челобитчики обвертываютъ бумагою... то выдумали они [подьячіе] сіе слово: «принеси мнѣ барашка в бумажкѣ».*

Всякая всячина. (Словарь Грота: 113)

Следующие выпуски «Словаря русского языка», со II-го тома уже в редакции академика А.А. Шахматова, как известно, демонстрируют принципиально новый подход к иллюстрированию лексики, что вытекало из теоретических лексикографических установок нового редактора Словаря на «тезаурусность» последнего, на исчерпывающую полноту его словника. Так, весьма существенно расширяется и углубляется эмпирическая база Словаря (одних только периодических изданий XVIII и XIX вв., столичных и региональных, в списке источников II-го тома насчитывается уже более 40, хотя по факту их в Словаре цитируется несколько больше⁶), объектом иллюстрирования становится каждое отдельное словоупотребление, что приводит к очевидному перевесу цитатного материала над речениями (как это было в русской лексикографии ранее) [История 1998: 228].

Для сопоставления со Словарем Грота автором статьи был детально изучен Словарь Шахматова (буква Е). На этот сравнительно небольшой по отношению к другим буквам словник (1326 вокабул)⁷ насчитывается 87 публицистических цитат, иллюстрирующих еще более широкий по сравнению с предшественником спектр лексики (добавляется книжная лексика, лексика терминологического характера, лексика языка периодики):

Общелитературная лексика: *евангельский, еврейский* (~ий вопрос), *европеизм, европейский, егермейстер, егерский, единение, единительный, единить, единиться, единица, единично, единоборство, единовластие, единоверие, единство* (5 цитат из публицистики на различные значения), *единый* (4 цитаты из публицистики на различные значения), *ежедневный, ежедневное* (существ.), *ежедневно, естественный* (12 цитат из публицистики на 4 значения и сочетания с существительными) и др.

Книжная: *европеизирование, единокровие, единоутробие* и др.

Терминологическая: *единогласие* (юрид. — А. Кони), *единоначатие* (ритор., 'анафора' — А. Пушкин), *единосущный* (религ. — Белинский), *единоторжье* ('монополия' — Белинский), *ересеучитель* (религ. — архиепископ Никанор).

⁶ Например, в списке источников отсутствуют «Литературная газета» и «Современник».

⁷ Подсчет автора статьи.

Разговорная: *егозить, ёжик, езон* ('грубый, неотёсанный человек'), *ерунда, ехидствовать* и др.

Лексика высокого стиля: *еже, есмь.*

Просторечная: *коли ежели да* (на вокабулу *ежели*), *ёрничество.*

Индивидуально-авторская: *евангелизировать* (архиепископ Никанор), *ежедневник* ('ежедневное издание' — Белинский), *ежемгновенно* (Салтыков-Щедрин), *ежоворукавичный* (Салтыков-Щедрин).

Фразеология: *египетская тьма* (Короленко), *ежовые рукавицы* (Салтыков-Щедрин).

Лексика языка периодики: *евразиат, европействовать, еженедельник* (цит. название).

В некоторых случаях отсылка на периодическое издание дается опосредованно, а сам источник в общий список не включается; в этом отношении примечательна словарная статья на слово *евразиат*, приведем ее полностью:

Евразиа'тъ, а, м. Слово, употребляемое въ английской Индіи для обозначенія лицъ, происходящихъ отъ смѣшанныхъ браковъ англичанъ или другихъ европейцевъ съ туземцами. Изъ английскихъ газетъ и книгъ этотъ терминъ перешель, напр., въ Туркестанскія вѣдомости и пр. (Сообщ. бар. Розень⁸).

(Словарь Шахматова: 10)

Существенно расширяется и спектр публицистически иллюстрируемых грамматических разрядов слов — помимо знаменательных частей речи (существительных, прилагательных, наречий, глаголов, как в Словаре Грота) цитатами из публицистики подтверждаются некоторые употребления вынесенных по генетическому или стилистическому признаку в отдельную вокабулу отдельных глагольных форм (*есмь, есть*), а также служебных слов (например, союза *коли ежели да*).

С совершенствованием эмпирической базы Словаря естественным образом увеличивается количество публицистов — авторов подтверждающих то или иное словоупотребление цитат, а также цитируемых газет и журналов. Приведем полученную статистику:

Е (87): Л. Толстой — 31, Салтыков-Щедрин — 18, Достоевский — 17, А. Пушкин — 6, Белинский — 6, Гл. Успенский — 6, Градовский — 6, С.Т. Аксаков — 4, Некрасов — 4, Кони — 3, Гоголь — 2, архиеп. Никанор⁹ — 2, Надеждин — 1, Короленко — 1, Буренин — 1, В.Р. Бестужев-Рюмин — 1;

газеты и журналы: *со ссылкой на период. издание без указания автора цитируемого текста* — «Санкт-Петербургские Ведомости» (1857, 1862), «Новое Время» (1893 (bis)), «Церковные Ведомости» (1896, 1897), «Санкт-Петербургский Вестник» (1831), «Русь» (1881), «Еженедельник для охотников» (1823 — цит. название); *с указанием период. издания и автора цитируемого текста* — «Телескоп» (1836, Надеждин), «Литературная газета» (1830, Пушкин), «Современник» (1836, Пушкин), «Журнал Министерства народного про-

⁸ Барон В.Р. Розен, востоковед-арабист, вице-президент Академии Наук, профессор арабской словесности Императорского Санкт-Петербургского университета.

⁹ Примечательно, что в Словаре цитируется единственный, полемически направленный именно против Л. Толстого труд Никанора, архиепископа Херсонского и Одесского, который так и называется: «Против Льва Толстого, восемь бесед» (Одесса, 1894).

свещения» (1888, К.Н. Бестужев-Рюмин), «Туркестанские Ведомости» (барон В.Р. Розен).

Примечательно различие лидеров цитирования в разных редакциях Словаря: Некрасов, Салтыков-Щедрин и А. Пушкин у Грота и Л. Толстой, Салтыков-Щедрин и Достоевский у Шахматова; вызвано ли это личными субъективными пристрастиями составителей, определялось ли это объективно материалами эмпирической базы—словарной картотеки или же нарастающей публицистической активностью отдельных авторов (напр., Льва Толстого), сыграли ли свою роль эти или какие-то другие факторы совокупно или по отдельности, сказать сейчас затруднительно, это тема отдельного исследования. Невозможно в рамках данной статьи также произвести требующую дополнительного изучения четкую корреляцию между авторами и различными аспектами лексических фактов (номинативными, грамматическими, сочетаемостными, стилистическими, диахроническими и др.), иллюстрируемых извлечениями из их произведений. Пока же мы могли видеть, что начиная со Словаря Грота—Шахматова при создании фундаментальных словарей русского языка для толкового словаря (а тем более его «тезаурусной» разновидности) публицистические произведения наряду с текстами классической художественной литературы становятся весьма значимым источником иллюстративного материала практически для всех лексико-грамматических и стилистических разрядов лексики.

II. К концу XIX века складывается еще один уникальный лексикографический жанр, для которого еще в большей степени, чем для толковых словарей, публицистика оказывается привлекательной в качестве источника иллюстративного материала. Речь идет о жанре фразеологических словарей, одним из ярчайших представителей которого в это время является сборник цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и иносказаний «Ходячие и меткие слова» известного филолога, педагога и общественного деятеля М.И. Михельсона, вышедший в свет практически одновременно с академическим «Словарем русского языка». Его целью было заявлено ознакомление «читателей с фразеологией их родного языка, как обыкновенный словарь знакомит со словами вообще, входящими в состав того или другого языка» (Михельсон. Предисловие ко второму изданию: VIII), и в силу специфики жанра словаря его эмпирическую базу составляла в первую очередь художественная литература и художественная публицистика (русская — преимущественно XIX века, иностранная — без четко определенных временных рамок, от античности и до 1890-х годов). Список источников в сборнике опущен, вероятно, сознательно, из цензурных соображений, поскольку круг привлекаемых авторов весьма обширен и включает новые и иногда неоднозначные с точки зрения политической благонадежности имена. Так, в этом словаре впервые в отечественной лексикографической практике используются цитаты из острополитической публицистики Герцена¹⁰ (закономерно без указания произведения), касающейся событий и явлений русской жизни. Например:

---

¹⁰ В Словаре Шахматова после выпуска 1897 года в списке источников уже упоминаются 2 произведения Герцена — повесть «Сорока-воровка» и книга воспоминаний «Былое и думы», но Михельсон в этом отношении является настоящим первопроходцем.

Базаровы, Базаровщина.

Ср. *Базаровы* пройдут даже очень скоро. Это слишком натянутый, взвинченный тип, чтоб ему долго удержаться. *Базаровщина* — болѣзнь юношеская; она, какъ прорѣзываніе зубовъ, совершеннолѣтію не пристала.

А.И. Герценъ¹¹.

Ср. Въ *Базаровѣ* воплотилось — на мои глаза — то едва народившееся, еще бродившее начало, которое потомъ получило названіе нигилизма.

И.С. Тургеневъ. По поводу “Отцов и Дѣтей”.

(Михельсон: 12)

Специфика лексикографического жанра также определяла особенности подачи в словаре материала, в том числе цитатного, и в Предисловии к сборнику М.И. Михельсон отмечал, что «при приведении пословичных выражений и отдельных ходячих слов <...> приводятся также разные цитаты писателей, в которых встречаются эти слова, и цитаты, сами по себе, иногда и меткие, *но уже не в смысле ходячих или метких цитат*, а лишь в виде *примеров*, для бóльшого пояснения, как надо понимать смысл приведенных слов» (Михельсон. Предисловие ко второму изданию: X, курсив автора)¹².

Для статистической наглядности автором статьи были проанализированы материалы словаря на первые три буквы (608 вокабул). Количество цитаций авторов-публицистов здесь распределилось следующим образом: **А-В (101)**: Салтыков-Щедрин — 75, Гл. Успенский — 11, Некрасов — 7, Достоевский — 7, Белинский — 2, Н.Ф. Павлов — 2, Герцен — 1, Григорович — 1, Надеждин — 1, И.С. Тургенев — 1, А.С. Суворин — 1, П.И. Вейнберг — 1.

Отдельные лексемы, включенные в сборник, характеризуются собирательным или переносным по отношению к основному, не фиксируемому в словаре значению либо служат своего рода номинативным «ярлыком» для обозначения конкретного социального явления, а с точки зрения грамматики ожидаемо являются знаменательными частями речи (существительными, прилагательными и глаголами), целый ряд из них иллюстрируется цитатами из публицистики, в т. ч.:

абракадабра (иноск.), *амфитрион* (‘радушный хозяин, хлебосол’), *анафема* (бран.), *апатия* (иноск. ‘равнодушие’), *апогей* (иноск.), *артист* (иноск. ‘ловкий плут’), *базаровщина*, *Базаровы*, *бурбон* (‘выслужившийся солдат, необразованный, грубый’), *взятка*, *винегрет* (иноск.), *вспрыснуть* (‘выпить по случаю удачного конца дела’), *выгореть* (‘удаваться, хорошо кончиться’)¹³.

¹¹ Цитата (сокращенная и несколько измененная по отношению к оригиналу) из статьи Герцена «Еще раз Базаров» 1868 года, опубликованной в Женеве в том же году и в царской России не издававшейся. Для сравнения приведем ее более полный вариант: «Базаровы пройдут... и даже очень скоро. Это слишком натянутый, школьный, взвинченный тип, чтоб ему долго удержаться. На его смену напрашивался уже тип, в весне дней своих сгнивший, тип православного студента, консерватора и казеннокоштного патриота, в котором отпрыгнулось все гнусное императорской Руси и который сам сконфузился после серенады Иверской и молебна Каткову. ... «Если, — говорит Писарев, — базаровщина — болезнь нашего времени, то ее придется выстрадать». Ну и довольно. Болезнь эта к лицу только до окончания университетского курса; она, как прорезывание зубов, совершеннолетию не пристала». А.И. Герцен. Собр. соч. В 30 т. Т. 20. Кн. 1. М., 1960. С. 340–345.

¹² См. приведенный выше пример, в котором автор аккуратно обходит вопрос определения значения лексем; предполагается, что читатель достаточно образован и знает русскую литературу — и получает лишь отсылку к цитируемым произведениям Герцена и Тургенева.

¹³ Пометы и значения приведены в соответствии со Сборником М.И. Михельсона.

Сочетания лексем (в т. ч. фразеологизмы, поговорки, пословицы) получают здесь значительно более подробное описание по сравнению с общим толковым Словарем Грота (это вытекает из специализации словаря), а некоторые вообще отсутствуют в последнем; публицистические произведения привлекаются для иллюстрирования, например, следующих лексико-фразеологических фактов:

*абиуг (с первого абиуга)*¹⁴, *авгиевы конюшни*¹⁵, *адмиральский час*¹⁶, *аза в глаза не знает*¹⁷, *акробат благотворительности* (Григорович, название повести 1885 года (во мн. ч.), ставшее нарицательным)¹⁸, *альфа и омега*¹⁹, *альтернативы (~ предстоят)*²⁰, *глаза Аргуса*²¹, *арена жизни*²², *атлет (умственный ~)*²³, *безденежье — перед деньгами*²⁴, *бодливой корове бог рог не дает*²⁵, *борьба за существование*²⁶, *в пользу бедных*²⁷, *в слабом настроении* (биржев., цитата из Салтыкова-Щедрина)²⁸ и др.

Дальнейшее обследование этого уникального лексикографического труда, сопоставление его эмпирической базы и словника, техники подачи словарного материала с толковыми словарями и последующими фразеологическими словарями, несомненно, представляют большой интерес с точки зрения филологической науки. В рамках данной статьи мы можем с уверенностью подчеркнуть важную для исторической лексикологии и лексикографии взаимодополняемость этих лексикографических памятников, их стремление к объективности и максимальному соответствию реальной языковой ситуации, что обеспечивалось, насколько это было технически возможно на тот момент, полной и разносторонней эмпирической базой (к началу XX века уже уверенно включавшей наряду с художественной литературой и разножанровую публицистику). В качестве ремарки заметим, что для данных словарей (на указанном объеме материала) наиболее авторитетным и неизменно цитируемым в числе первых автором-публицистом оказывается Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин, непревзойденный мастер художественного публицистического слова, чье 130-летие со дня смерти мы отмечали в прошлом году.

---

¹⁴ В Словаре Грота не иллюстрируется.

¹⁵ В Словаре Грота отсутствует.

¹⁶ В Словаре Грота не иллюстрируется.

¹⁷ В Словаре Грота не иллюстрируется.

¹⁸ В Словаре Грота отсутствует.

¹⁹ В Словаре Грота другой иллюстративный пример.

²⁰ В Словаре Грота отсутствует.

²¹ В Словаре Грота отсутствует.

²² В Словаре Грота отсутствует.

²³ В Словаре Грота приведено только прямое значение без иллюстраций.

²⁴ В Словаре Грота отсутствует.

²⁵ В Словаре Грота не иллюстрируется.

²⁶ В Словаре Грота описывается только как научный термин.

²⁷ В Словаре Грота отсутствует.

²⁸ В Словаре Грота отсутствует.

Источники

- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 ч. М.: Общество люб. рос. словесности, 1863–1866.
- Михельсон М.И. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). Второе пересмотренное и значительно пополненное издание. СПб., 1896.
- САР¹ — Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный: в 6 ч. СПб., 1789–1794.
- САР² — Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный: в 6 ч. СПб., 1806–1822.
- Сл 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук. Репр. изд.: в 2 кн. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2001. Кн. I (Т. I, II). 928 с.; Кн. II (Т. III, IV). 1092 с.
- Словарь Грота — Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук. Т. 1. А–Д. СПб., 1891.
- Словарь Шахматова — Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук. Т. 2. Вып. 1. Е–Железный. СПб., 1897.

Литература

- История русской лексикографии / Отв. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб., 1998.
- Мещерский Н.А. История русского литературного языка. Л., 1981.
- Русская периодическая печать (1702–1894): Справочник / Сост. коллектив авторов; под ред. А.Г. Дементьева, А.В. Западова, М.С. Черепанова. М., 1959.
- Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка 30–90-е годы XIX века. М.; Л., 1965.

Эзериня Светлана Аркадьевна, канд. филол. наук; Институт лингвистических исследований РАН, 199053, г. Санкт-Петербург; Тучков пер. д. 9; ст. науч. сотрудник; e-mail: sezerspb@yandex.ru

Для цитирования. Эзериня С.А. Публицистика и русская лексикография XIX века // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2020. Вып. 3. С. 174–185. DOI 10.30842/26583755202007

References

- Istoriya russkoy leksikografii / Otv. red. F.P. Sorokoletov. SPb., 1998. (In Russ.)
- Meshcherskiy N.A. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka. L., 1981. (In Russ.)
- Russkaya periodicheskaya pechat' (1702–1894): Spravochnik / Sost. kollektiv avtorov; pod red. A.G. Dement'eva, A.V. Zapadova, M.S. Cherepakhova. M., 1959. (In Russ.)
- Sorokin Yu.S. Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka 30–90-e gody XIX veka. M.; L., 1965. (In Russ.)

Svetlana A. Ezerinya, PhD, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Senior Research Officer, 9 Tuchkov per., 199053, Saint Petersburg, Russian Federation. E-mail address: sezerspb@yandex.ru

For Citation: Ezerinya S.A. (2020). Opinion-based journalism and the 19th century Russian lexicography. *Slavyanskaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya* [Slavic historical lexicology and lexicography], 3, pp. 174–185. DOI 10.30842/26583755202007 (In Russ.)

**THE NEW LIFE OF OLD
ANGLICISMS IN RUSSIAN (ON
THE DISTINCTION BETWEEN
POLYSEMY AND HOMONYMY IN
RUSSIAN LEXICOGRAPHY)**

**НОВАЯ ЖИЗНЬ СТАРЫХ
АНГЛИЦИЗМОВ В РУССКОМ
ЯЗЫКЕ (К ВОПРОСУ О
РАЗГРАНИЧЕНИИ СЛУЧАЕВ
МНОГОЗНАЧНОСТИ И
ОМОНИМИИ В РУССКОЙ
ЛЕКСИКОГРАФИИ)¹**

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются шестнадцать лексических единиц английского происхождения (*бот, буфер, винчестер, дерби, драйвер, мисс, монитор, порт, рекордер, скаут, скутер, спикер, твист, тендер, топ, трек*), заимствованных русским языком в XVIII–XIX вв. и приобретших новые значения в XX–XXI вв. В ходе анализа указанные слова описываются в разных аспектах: приводится краткий обзор истории словарной фиксации каждого из этих англицизмов, сопоставляются способы их представления в лексикографических изданиях последних десятилетий и делается попытка определить, какую роль играет полисемия и омонимия в семантическом развитии данных английских заимствований в современном русском языке. Некоторые из анализируемых лексем можно считать многозначными, а другие необходимо описать в виде омонимов. Особый интерес представляют промежуточные случаи, в которых вопрос о лексикографировании неологизмов остается открытым.

Ключевые слова: англицизмы, русская лексикография, многозначность, омонимия, новые значения, неологизмы, вторичное заимствование

Summary. In the present paper, the author analyses sixteen words of foreign origin (*boat, buffer, winchester, derby, driver, miss, monitor, port, recorder, scout, scooter, speaker, twist, tender, top, track*) borrowed into the Russian language from English in the 18th and 19th centuries which have developed new meanings in the 20th and 21st centuries. In the study, these loanwords are described in various aspects: the author gives a short overview of the history of their registration in dictionaries, offers a comparative analysis of the ways of their lexicographic representation, and tries to determine the role polysemy and homonymy play in the semantic development of these Anglicisms in Russian. Some of analysed lexical units can be regarded as instances of polysemy, while others can be qualified as homonyms. Of special interest are intermediate cases in which the questions of lexicographic registration of neologisms stay open.

Keywords: English loanwords, Russian lexicography, polysemy, homonymy, new meanings, neologisms, secondary borrowing

Разграничение случаев омонимии и полисемии, обусловленных процессами появления в русском языке неологизмов-заимствований и семантических неологизмов, вызывает значительные трудности. Данные языковые явления объединяются на основе признака наличия у лексемы нескольких значений, и в этом случае речь идет о «лексической неоднозначности» [Григоренко 2010: 58–59]. Однако применение этого обобщенного понятия не позволяет лексикографам решить проблемы представления таких лексических единиц в словарных материалах. Установить отсутствие или наличие семантических отношений между существовавшими ранее и возникшими недавно значениями заимство-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Фонда «За русский язык и культуру в Венгрии» (РЯИК) в рамках научного проекта № 20-512-23009 «Новая иноязычная лексика в русской и венгерской лексикографии XIX и XXI веков».

ванных слов особенно трудно, когда они восходят к одному и тому же языку-источнику.

При заимствовании двух или более значений многозначного прототипа связь между этими отдельными значениями часто теряется, и они воспринимаются как омонимы. Однако ранее разорванные смысловые отношения могут быть восстановлены, если в принимающий язык впоследствии проникают и другие значения иноязычного этимона, и тогда мы имеем дело с полисемией [Шагалова 2004: 656].

Одним из методов разграничения омонимии и полисемии является подстановка синонимов к каждому омониму или ко всем значениям многозначного слова. Если ряды оказываются семантически далекими друг от друга, это «несомненно свидетельствует в пользу омонимии, несмотря на единство происхождения» [Ваулина 2007: 51].

В «Проекте» нового многотомного толкового словаря русского языка XXI в. под редакцией Г. Н. Складневской из разнообразных групп омонимов, описываемых в готовящемся издании, называются лишь «слова, имеющие различный источник происхождения, разную этимологию» [Складневская 2019: 18]. Вопрос о том, насколько могут создавать омонимию иноязычные слова, имеющие одинаковый этимологический прототип, не затрагивается. Среди примеров, относящихся к разным частям речи, упоминается англицизм *онлайн* в функции наречия, существительного и неизменяемого прилагательного [Складневская 2019: 20–21], но изучение грамматической омонимии не входит в задачи настоящей статьи.

Ниже рассматриваются шестнадцать лексических единиц английского происхождения (*бот, буфер, винчестер, дерби, драйвер, мисс, монитор, порт, рекордер, скаут, скутер, спикер, твист, тендер, топ, трек*), зафиксированных в словарном разделе монографии В. М. Аристовой (1978), заимствованных русским языком в XVIII–XIX вв. и приобретших новые значения в XX–XXI вв. В ходе анализа приводится краткий обзор истории словарной фиксации каждого из этих англицизмов, сопоставляются методы их представления в лексикографических изданиях последних десятилетий и делается попытка определить, какую роль играет омонимия и многозначность в семантическом развитии данных английских заимствований в русском языке.

1. Случаи полисемии

1.1. Слово *мисс* было заимствовано из английского языка во второй половине XVIII в. В форме *мис* оно датируется 1765 г. (СРЯ XVIII 12: 211) и впервые отмечается в Словаре Жданова 1784 г. (ЭСРЯ 10: 230). В других работах первая фиксация этой лексической единицы отнесена к более позднему периоду [Яновский 1804] (ССРЛЯ 6: 1054, Аристова 1978: 106–107).

В академических толковых словарях наряду с основным значением существительного («наименование незамужней женщины в Англии и США») упоминается использование слова также в качестве историзма: «англичанка-воспитательница, гувернантка в буржуазно-дворянском быту дореволюционной России» (ССРЛЯ 6: 1054, МАС² 2: 277). В изданиях рубежа XX и XXI вв. второе

значение заимствования ('девушка') приводится с пометой «шутл.» (БТС 1998: 546, СТС 2001: 351).

С конца 1980-х гг. в сочетании со следующим далее существительным англицизм стал обозначать молодую женщину — победителя конкурса красоты. Наиболее ранний случай употребления этого семантического неологизма в русском языке отмечается в 1988 г. (НСЗ-80: 469). В другом справочнике по неологии можно найти еще одно значение слова: 'о спортсменке, одержавшей значительную победу в каком-л. международном соревновании, чемпионате' [пример 1984 г.] (СНС 1995: 386).

В лексикографических изданиях последних лет новый смысл иноязычной лексемы *мисс* описывается как второе или третье значение многозначного слова: 'лучшая среди девушек по красоте на различных конкурсах' (Крысин 1998: 445, Шведова 2007: 450, НСИС 2008: 533, Крысин 2012: 206); 'о девушке, занявшей первое место на конкурсе красоты' (БАС 10: 232).

1.2. Англицизм *дерби* был заимствован русским языком в конце XIX в.: 'скачки' [БЕ 1893], а в начале XX в. зафиксирован в значении 'приз' [Вайсблит 1926] [Аристова 1978: 89]. Существительное происходит от англ. *Derby Stakes* — конные состязания, проводимые в местечке Эпсом близ Лондона с 1780-х гг. и названные по имени их учредителя, графа Дерби Эдварда Смита-Стэнли. В русском языке это слово встречается с 1886 г., когда в России стали проводиться скачки такого типа (Аникин 13: 220).

В большинстве словарей отмечается только это историческое значение заимствования: 'конские скачки' (ССРЛЯ 3: 708, МАС² 1: 388), 'соревнования на главный приз года для лошадей' (Крысин 1998: 218, БАС 5: 16), 'ипподромные состязания' (БТС 1998: 251, СТС 2001: 157, НСИС 2008: 251).

В 1990-е гг. слово *дерби* стало употребляться в русском языке в более широком смысле: 'о спортивных состязаниях вообще' (НСЗ-90 1: 493). Первое упоминание исследуемого семантического неологизма датируется 1998 г.: «В настоящее "дерби" превратились <...> встречи двух петербургских команд» (Санкт-Петербургские ведомости, 11.11.1998).

В современном русском языке англицизм *дерби* известен в основном как название спортивного соревнования (чаще футбольного) между командами одного города или региона (Ходжагельдыев, Шурупова 2018: 48). Неологизм возник под влиянием англ. *local derby* по аналогии с конными состязаниями, ср. рус. *мерсисайдское дерби*, из англ. *Merseyside derby*, о матче команд «Эвертон» и «Ливерпуль» из Ливерпуля (Аникин 13: 220).

В лексикографических изданиях последних лет историческое значение слова и новое его употребление обычно описываются в одной словарной статье (ТС XXI: 299, Черкасова 2009: 84, Крысин 2012: 93–94).

1.3. Англицизм *скутер* 'маломерное судно' (Аристова 1978: 121) был заимствован русским языком в первой трети XX в. и отмечается в лексикографии с 1930-х гг.: 'плоскодонная лодка с подвесным мотором' (СИС 1937: 527). В этом единственном значении он и зафиксирован в больших толковых словарях русского языка: 'одноместное спортивное скользящее судно с подвесным двигателем' (ССРЛЯ 13: 1099–1100, МАС² 4: 126, БТС 1998: 1204, СТС 2001: 752).

В неологических справочниках 1980-х гг. заимствование встречается в новом значении, обозначая другое транспортное средство: 'трехколесный пассажирский мотороллер (в Индии)' (НСЗ-80: 749). Несмотря на небольшое различие в графическом облике слова (*скуттер*), речь идет о семантическом неологизме, что подтверждается и обозначением «*» в неологическом словаре-ежегоднике (НРЛ-85: 235).

В конце XX в. смысловой объем анализируемой иноязычной лексемы расширился еще больше, о чем свидетельствуют разнообразные ее определения в лексикографических изданиях начала XXI в.: 'малогабаритный мотороллер, мопед с простым управлением; мокик' (ТС XXI: 924); 'небольшой самокат на маленьких колесиках; кикбайк' (НСИС 2008: 782–783); 'легкий мотоцикл' (Крысин 2012: 317, БАС 26: 99).

Наиболее полное описание английского заимствования *скутер* приводится в последнем издании «Словаря новейших иностранных слов» Е. Н. Шагаловой, в котором словарная статья содержит четыре значения и выделяется наличием значительного количества синонимичных выражений: 1. 'мопед, мокик, мотороллер'; 2. 'электроскутер'; 3. 'современный самокат на маленьких колесиках; кикскутер; кикборд'; 4. 'то же, что аквабайк; байк; водный мотоцикл; гидроцикл; джет; джет-ски' (Шагалова 2017: 381).

Поскольку все перечисленные наименования обозначают определенные средства передвижения и представляют собой в основном спортивные снаряды, у нас нет никаких оснований сомневаться в том, что перед нами полисемия.

1.4. Существительное *буфер* было заимствовано из английского языка во второй половине XIX в.: 'устройство для ослабления толчков' [Березин 1874]. В дальнейшем этот англицизм стал употребляться также в переносном значении: 'государство, ослабляющее враждебность двух других' [СИС 1933] [Аристова 1978: 81]. Слово *буфер* в политическом смысле встречается уже с 1880-х гг.: «буфер между двумя цивилизованными народами» (Северный вестник, 1886/1) (Сорокин 1965: 475, Черных³ 1: 127, Аникин 5: 232–233).

В академических толковых словарях русского языка обычно отмечаются оба значения английского заимствования (ССРЛЯ 1: 708–709, МАС² 1: 127, БТС 1998: 105, СТС 2001: 61), а в одном издании представлено и выражение *государство-буфер* (ССРЛЯ 1: 709). В последнее время смысловой объем слова расширился в переносном употреблении: 'промежуточное звено, ослабляющее столкновение, конфликт между двумя сторонами' (НСИС 2008: 154).

В 1990-е гг. англицизм *буфер* приобрел новое значение под влиянием словосочетания *буферная память*: 'часть памяти компьютера, предназначенная для промежуточного хранения данных и используемая при работе с какими-л. внешними устройствами' (ТС XX: 115, СТС 2001: 61, ТС XXI: 163, Крысин 2009: 59, БАС 2: 275). В ряде словарей новый термин *буфер* приводится как второе, третье или четвертое значение полисемантического слова (АТС 1: 494–495, Крысин 2012: 60, НСИС 2008: 154). При наличии в смысловой структуре слова общей семы 'что-то промежуточное' это решение составителей упомянутых изданий кажется вполне оправданным.

2. Промежуточные случаи

2.1. Первая фиксация слова *скаут* ‘разведчик’ относится к рубежу XIX–XX вв.: «*Скаут* — конные разведчики в американскую войну 1861–1865 гг.» [БЕ 1900] [Аристова 1978: 121].

В 20–30-е гг. XX в. зафиксировано самое распространенное в русском языке значение слова: ‘в буржуазных странах — член детской или юношеской организации военно-политического характера, первоначально созданной в Англии в начале XX в.’ (Гранат 1923, СИС 1937: 92, ССРЛЯ 13: 908). При этом необходимо подчеркнуть, что «в советское время насаждалось отрицательное отношение к скаутам как идеологическим противникам коммунистической детской организации — пионерской» (ТС XXI: 920). В словарях постперестроечного периода приводится уже более объективное описание этого понятия: ‘член детской или юношеской организации, возникшей в Англии в конце XIX – начале XX вв. в качестве основной формы внешкольного воспитания детей и подростков’ (Крысин 1998: 648, ТС XX: 590, БАС 25: 642).

В 90-е гг. XX в. рассматриваемый англицизм приобрел новый смысл, который получил лексикографическое отражение лишь в двух изданиях: ‘лицо, которое вербует модели в разных странах для какого-л. агентства’ (Максимова 1998: 99–100); ‘специалист по отбору (найму) игроков для спортивного клуба’ (ТС XXI: 920). Любопытно отметить, что два автора-составителя представляют новое значение слова *скаут* различным образом: в словаре англицизмов Т. В. Максимовой оно приводится в составе многозначного слова, а в толковом словаре под редакцией Г. Н. Складневской наблюдается омонимия.

По данным неологического словаря-десятилетника, изучаемый англицизм в 1997 г. уже активно употреблялось в русском языке в своем новом значении, о чем свидетельствует его производная форма: «В каждом клубе НХЛ есть *скаутская* служба, которая занимается селекцией игроков для своей команды» (Коммерсантъ-Daily, 24.06.1997) (НСЗ-90 3: 743).

Неологизм впервые встречается в основном корпусе НКРЯ в том же году: «Каждая команда имеет *скаутов* (разведчиков), которые работают: одни — в колледжах Америки, другие — в юниорской лиге в Канаде, а третьи — мотаются по Европе. Они составляют полную картину о каждом более или менее заметном молодом хоккеисте» (Вячеслав Фетисов: Овертайм, 1997).

В английском языке в слове *scout* основным является значение ‘военный разведчик’. Оно и приводится на первом месте в разных толковых словарях. От него произведено в переносном смысле название специалиста по отбору талантливых игроков или моделей (*a talent scout, a modelling scout*). С учетом того, что во всех этих профессиях суть деятельности человека заключается в сборе сведений о ком-л., на основе этого общего семантического компонента англицизм *скаут* в своем историческом и новейшем смысле можно считать многозначным словом. В то же время по сравнению с общеизвестным значением слова в русском языке (‘член детской или юношеской организации’) его новое употребление в спортивной лексике и в мире модельных агентств представляется нам скорее омонимичным.

2.2. Первая фиксация слова *трек* относится к последней четверти XIX в.: ‘площадка, дорожка для состязания’ [Даль 1884] [Аристова 1978: 128].

В современном русском языке исходное спортивное значение англицизма по-прежнему остается основным: ‘дорожка специального устройства для гоночных состязаний’ (ССРЛЯ 15: 875); ‘сооружение с круговой трассой для вело- и мотогонок’ (Комлев 1999: 362). В одном толковом словаре начала XXI в. отмечается также употребление слова в отношении к другому виду спорта: ‘часть площадки для игры в гольф’ (Шведова 2007: 998).

На рубеже XX–XXI вв. в ряде лексикографических изданий данное заимствование трактуется уже как многозначное слово, расширившее сферу применения и в области физики: ‘след, который оставляет заряженная частица в веществе’ (Крысин 1998: 711, СТС 2001: 841, НСИС 2008: 865; в этом смысле впервые см. НСЗ-70: 729–730, СНС 1995: 790).

В 1990-е гг. англицизм *трек* приобрел новое значение, зафиксированное в некоторых словарях последних лет: ‘музыкальная дорожка из альбома, записанная на музыкальном диске или в цифровом формате’ (ТС XXI: 998); ‘дорожка фонограммы; звуковая дорожка’ (Шагалова 2011: 591, Шагалова 2017: 452).

По данным неологического словаря-десятилетия, это семантическое нововведение в русском языке впервые встречалось в 1996 г.: «Большинство *трэков* с этого альбома также являются собой старые известные хиты г-на Лозы» (Московский комсомолец, 19.04.1996) (НСЗ-90 3: 1127). Однако в «Словаре новейших иностранных слов» Е. Н. Шагаловой первая фиксация англицизма в данном значении датируется годом раньше: «Николай заимствовал пару *трэков* с этой пластинки» (АиФ-ЯМ, 1995/5) (Шагалова 2009: 758).

Отдельные значения полисемантического английского слова *track* были заимствованы русским языком в различные исторические периоды. Их связывает общая сема ‘дорожка’ (для спортивных состязаний, музыкальная и др.), что позволяет причислить англицизм *трек* к многозначным словам. Однако ввиду того, что анализируемая лексема используется в разных сферах жизни и принадлежит одновременно к различным тематическим группам, ее можно приписывать и к омонимам. В русской лексикографии параллельная фиксация старого (спортивного) и нового (музыкального) значения слова нами не обнаружилась.

2.3. Первая фиксация слова *спикер* относится ко второй половине XIX в.: 1. ‘оратор’ [Толль 1864]; 2. ‘президент нижней палаты (общин) в Англии’ [БЕ 1900]; ‘президент палаты депутатов американского конгресса’ (Аристова 1978: 122).

До начала 1990-х гг. этот термин политической лексики не выходил за рамки понятий англоязычного мира, в словарях оно всегда снабжалось пометами «в Великобритании» и «в США». В постперестроечный период англицизм расширил сферу применения, став привычным названием для описания новой политической жизни России: «в последнее время употребляется по отношению к председателям Государственной думы и Совета Федерации России» (Комлев 1995: 106). Интересно отметить, что в последующем издании этого словаря новое значение заимствования получило стилистическую помету «разг.» (Комлев 1999: 336). Такое решение автора-составителя, наверное, объясняется тем, что слово *спикер* до сих пор является неофициальным наименованием упомянутых

выше должностей. При этом в других лексикографических изданиях указание на разговорный характер нового значения слова отсутствует и часто предлагается более широкое понимание данного термина: ‘председатель верхней или нижней палаты парламента’ (ТС XXI: 945).

Начиная с 1930-х гг. в словарях иностранных слов отмечается и другое значение лексемы *спикер* в спортивной лексике (СИС 1933: 1114, СИС 1937: 536). В толковых словарях русского языка оно приводится последовательно на втором месте в словарной статье многозначного слова: ‘лицо, объявляющее зрителям решение судей на соревнованиях по боксу’ (ССРЛЯ 14: 510, МАС² 4: 223, БТС 1998: 1248, СТС 2001: 782).

В конце 1980-х гг. в русской неографии первым зарегистрировано новое, предметное значение исследуемого англицизма: «Появился тренированный мужчина со *спикером* (радиопереговорным пеналом) на груди» (Правда, 19.01.1988) (НРЛ-88: 349). Употребление иноязычного названия в техническом смысле характерно прежде всего для жаргона: ‘акустическая колонка’ (Елистратов 2000: 442).

В «Словаре англицизмов» М. Ю. Семеновой это последнее определение приводится как третье значение полисемантического слова и снабжается стилистической пометой «сленг» (Семенова 2003: 196). При этом в неологическом словаре-десятилетнике по материалам 1990-х гг. нововведение представлено в качестве омонима к политическому термину: *спикер*¹ — ‘председатель высшего законодательного органа или одной из его палат в РФ и других государствах бывшего СССР; председатель законодательного органа субъекта федерации в России’; *спикер*² — ‘цифровое устройство для воспроизведения звука; аудиоклонка’ (*проф.*) (НСЗ-90 3: 1023–1024).

В начале XXI в. у слова *спикер* появилось еще одно значение: в последнее время оно стало обозначать и приглашенного лектора, выступающего на публичных форумах: «В этом году организаторы форума в качестве главного *спикера* мероприятия пригласили Арнольда Шварценеггера» (https://www.dp.ru/a/2019/10/03/Arnold_SHvarcenegger_put).

На наш взгляд, полную семантическую структуру английского заимствования *спикер* можно представить в виде омонимической пары, первый член которой охватывает все значения одушевленного существительного, а второй включает только наименование технического устройства.

2.4. Слово *монитор* было заимствовано русским языком в XIX в. в двух разных значениях: 1. ‘ведущий корабль’ [Толль 1864]; 2. ‘ящерица-варан’ [БЕ 1896] [Аристова 1978: 107]. В настоящее время второе значение данной лексемы можно считать явно устаревшим так же, как и другое историческое употребление слова, отмечаемое в академическом толковом словаре русского языка: ‘помощник учителя, из числа старших учеников, в школах взаимного обучения, существовавших в конце XVIII и начале XIX в. в ряде стран’ (ССРЛЯ 6: 1229).

Во второй половине XX в. в лексикографических справочниках начинают преобладать новые, технические значения изучаемого заимствования: ‘устройство для контроля качества телевизионного изображения’ (СНС 1995: 395, Крысин 1998: 451); ‘устройство отображения текстовой и графической инфор-

мации в компьютере' (ТС ХХ: 398). Эти два значения обычно представлены в одной словарной статье: 1. 'контролирующее устройство'; 2. 'телевизионный экран; дисплей' (НСЗ-60: 293, СТС 2001: 358, Шведова 2007: 459, Крысин 2009: 166, Крысин 2012: 210).

Однако в случае параллельной регистрации старых и новых значений слова *монитор* возникают определенные колебания в форме подачи материала. В одной части изданий авторами предпочитается описание семантического объема заимствования в рамках многозначности: 1. 'военный корабль'; 2. 'техническое устройство' (Крысин 1998: 451); 1. 'корабль'; 2–5. технические значения (НСИС 2008: 540); 1–3. технические значения; 4. 'корабль'; 5. 'помощник учителя' (Черкасова 2009: 266). В отличие от этих словарей иностранных слов в академических толковых словарях можно найти сложную систему представления семантики англицизма, совмещающую многозначность с омонимией: *монитор*¹ — 'помощник учителя'; *монитор*² — 1. 'корабль'; 2. 'гидромонитор', т. е. 'прибор, дающий сильную струю воды' (ССРЛЯ 6: 1229); *монитор*¹ — 1. 'корабль'; 2. 'гидромонитор'; *монитор*² — 1. 'контрольный прибор'; 2. 'телевизионный экран' (МАС² 2: 296); *монитор*¹ — 1. 'контрольный прибор'; 2. 'дисплей'; *монитор*² — 'гидромонитор' (БТС 1998: 555); *монитор*¹ — 'помощник учителя'; *монитор*² — 'корабль'; *монитор*³ — 'гидромонитор', *монитор*⁴ — 1. 'контрольный прибор'; 2. 'телевизионный экран'; 3. 'дисплей' (БАС 10: 377).

В начале ХХI в. возникло еще одно значение анализируемого слова в компьютерной сфере: 'антивирусная программа'. Интересно отметить, что оно приводится разными способами даже у одного и того же составителя двух словарей: сначала наблюдается полисемия (Скляревская, Ваулина 2004: 137), а потом — омонимия (ТС ХХI: 608).

2.5. Существительное *порт* 'отверстие в борту' представляет собой заимствование XVIII в. из англ. *port(-hole)* [Жданов 1784] [Аристова 1978: 114–115]. В словарях иностранных слов оно зафиксировано с 60-х гг. XIX в. [Михельсон 1866] (ССРЛЯ 10: 1398). Данная лексема является омонимом к слову *порт* 'гавань, пристань', пришедшему в русский язык через англ. *port* или нем. *Port* из франц. *port* в Петровскую эпоху (Фасмер² 3: 334, Шапошников 2: 176).

В академических толковых словарях эти два значения иноязычного слова представлены в виде омонимов: *порт*¹ — 'место для стоянки и ремонта судов'; *порт*² — 'отверстие в борту судна для орудий (у военных судов) или для погрузки и разгрузки с нижней палубы (у транспортных судов)' (ССРЛЯ 10: 1398, МАС² 3: 305–306, БТС 1998: 927, Крысин 1998: 552).

С развитием компьютерной технологии в конце ХХ в. у англицизма *порт* появилось новое значение, первая фиксация которого относится к 1990 г.: «мониторы, адаптеры, *порты*, сопроцессоры» (НРЛ-90: 647). В неологическом словаре-десятилетнике термин информатики объясняется таким образом: 'часть электронной схемы персонального компьютера, предназначенная для подсоединения линии связи' (НСЗ-90 3: 285–287).

В лексикографических изданиях неологизм фиксируется относительно редко. Его можно найти в словаре англицизмов Т. В. Максимовой: 'блок со-

пряжения компьютера с внешними устройствами, например, принтером' (Максимова 1998: 86), а также в новом издании толкового словаря под редакцией С. А. Кузнецова: *порт*² — 'устройство, с помощью которого к компьютеру могут быть подключены другие устройства' (СТС 2001: 580).

В справочниках, показывающих оба значения англицизма, применяются различные способы подачи материала: *порт*² — 1. 'вырезы в бортах судов'; 2. 'блок для подключения компьютера к другим компьютерам или внешним устройствам' (НСИС 2008: 665); *порт*² — 'вырез в борту у судов'; *порт*³ — 'разъем в компьютере для подключения оборудования определенного типа' (БАС 19: 18–19). При наличии общей семы 'отверстие', восходящей к лат. *porta* 'ворота', в функциональном аспекте между двумя значениями обнаруживается определенная семантическая связь, но поскольку они четко разграничиваются по сфере применения (морская лексика и терминология информатики), на наш взгляд, в данном случае стоит говорить скорее об омонимии.

2.6. Англицизм *драйвер* был заимствован русским языком несколько раз, сначала в конце XVIII в., а потом во второй половине XX в.: 1. 'парус' [Шишков 1795, Яновский 1803]; 2. 'водитель' [Аристова 1978: 92]. По данным В. М. Аристовой, в последнем значении иноязычное слово впервые отмечается в 1964 г.: «Это *драйверы* — водители грузовых машин» (В. Червинский: В стране кенгуру и эму). В русской неографии заимствование зафиксировано как жаргонизм: 'водитель легкового автомобиля, такси' (НСЗ-80: 215). В этом справочнике первое употребление неологизма относится к 1980 г.: «"Жигули" и *драйвер*» (В. Конецкий: Вчерашние заботы).

Во время перестройки слово *драйвер* приобрело еще одно новое значение: 'программа, управляющая опросом клавиатуры компьютерного устройства' (НРЛ-88: 106). В этом значении оно и вошло в неологический словарь-десятилетник по материалам 1990-х гг., в котором получило помету «проф.» и обозначается звездочкой, т. е. квалифицируется как семантический неологизм (НСЗ-90 1: 541).

В большинстве лексикографических изданий последних лет приводится только новое, компьютерное значение этого заимствования и дается более обобщенное определение термина: 'служебная программа, обеспечивающая взаимодействие других программ с различными устройствами компьютера' (БТС 1998: 282, Крысин 2000: 850, СТС 2001: 174, НСИС 2008: 282, Крысин 2012: 108–109, БАС 5: 359).

В некоторых словарях англицизм *драйвер* описан в форме многозначного слова: 1. *инф.* 'программа'; 2. *мол. сленг* 'водитель, шофер' (Комлев 1995: 45, Комлев 1999: 127). Особый интерес представляет определение второго значения этой лексемы в новейшем словаре английских заимствований: 1. 'компьютерная программа'; 2. 'вещь, которая имеет большое значение, оказывает большое влияние на достижение успеха' (Ходжагельдыев, Шурупова 2018: 52). Один из наиболее ранних случаев употребления слова в данном смысле датируется 2014 г.: «Эксперты назвали добычу углеводородов в Арктике возможным *драйвером* развития российской экономики» (<https://www.interfax.ru/business/412009>).

При одновременной регистрации старых и новых семантических особенностей слова в русской лексикографии наблюдается подача англицизма в виде двойной или тройной омонимии: *драйвер*¹ — жарг. ‘водитель’; *драйвер*² — инф. ‘программа’ (ТС XXI: 327–328, Егорова 2014: 225); *драйвер*¹ — мор. ‘парус’; *драйвер*² — сленг. ‘шофер, таксист, водитель’; *драйвер*³ — комп. ‘управляющая программа’ (Семенова 2003: 87). Последний способ описания всего семантического объема англицизма представляется нам наиболее удачным решением вопроса.

В то же время в научной литературе, посвященной проблеме разграничения случаев омонимии и полисемии применительно к иноязычным неологизмам, англицизм *драйвер* трактуется иначе. Е. Н. Шагалова связывает значения ‘водитель автомобиля, такси’ и ‘компьютерная программа’ на основе одного из значений производящего английского глагола *drive* ‘управлять’ (т. е. ‘управляющий машиной’ и ‘управляющая программа’) и считает, что слово сохраняет свою многозначность и в русском языке [Шагалова 2004: 657].

О. В. Григоренко также относит его к заимствованиям-полисемантам, перечисляя не менее 6 значений этой лексемы: 1. разг. ‘автогонщик’; 2. жарг. ‘водитель автомобиля, такси’; 3. ‘спортсмен, занимающийся драйвингом (одной из дисциплин конного спорта)’; 4. ‘компьютерная программа’; 5. ‘в гольфе — клюшка для самого далекого удара’; 6. ‘в акустике — динамическая головка промежуточных частот’ [Григоренко 2010: 60–61]. В дальнейшем, однако, сам автор признает, что квалификация таких лексических единиц как полисемантов в русском языке имеет «внешний» характер, поскольку связь между разными значениями «для носителей русского языка в большинстве случаев является достаточно условной» (Григоренко 2010: 61).

3. Случаи омонимии

3.1. Иноязычное слово *top* впервые отмечается в русской лексикографии в конце XVIII в.: ‘вершина’ [Шишков 1795], ср. «*Топ* — верхний конец мачты» [Бурдон–Михельсон 1903] [Аристова 1978: 127]. В академических толковых словарях приводится то же самое значение, но в них морской термин считается заимствованием из голландского языка и указывается другой источник, первым зафиксировавший данную лексическую единицу [Яновский 1806] (ССРЛЯ 15: 630, МАС² 4: 382).

В конце XX в. под влиянием английского языка у лексемы *top* появилось два новых значения: 1. ‘модель блузки с бретельками вместо рукавов’ (НРЛ-83: 85); 2. ‘первые места, позиции в рейтинге популярности’ (НСЗ-90 3: 1107). Наиболее ранние случаи употребления слова во втором значении относятся к 1990 г. (см. также Шагалова 2009: 742–743).

Интересно отметить, что в ряде лексикографических изданий представлено либо только первое (Крысин 2009: 265, Крысин 2012: 344), либо только второе значение неологизма (ТС XX: 633, СТС 2001: 835).

Для регистрации нескольких новых значений анализируемого нововведения характерна его подача в форме многозначного слова (Шагалова 2011: 576). В более позднем издании словаря этого автора отмечено и третье его значение:

‘топ-менеджер’ [пример 2013 г.] (Шагалова 2017: 442). В то же время в новейшем словаре английских заимствований представлено не менее 5 значений данной лексемы: наряду с предыдущими определениями, включены еще и ‘столешница’ и ‘лучший, выдающийся представитель той или иной профессии’ (Ходжагельдыев, Шурупова 2018: 155).

При одновременной фиксации старого значения и новых семантических особенностей заимствования *top* в русской лексикографии можно обнаружить двойную или тройную омонимию: *top*¹ — ‘верхушка мачты’; *top*² — ‘предмет одежды’ (Крысин 1998: 702, Семенова 2003: 217); *top*¹ и *top*² аналогично, а *top*³ — ‘список призеров, участников конкурса, хит-парада и т. п. в пределах 10–20 мест’ (НСИС 2008: 852).

В отличие от упомянутых выше словарей (ср. Шагалова 2011; Шагалова 2017; Ходжагельдыев, Шурупова 2018) в некоторых лексикографических изданиях последних лет новые значения англицизма также подаются в виде омонимической пары: *top*¹ — ‘предмет одежды’; *top*² — ‘список призеров, победителей, лучших в какой-либо сфере’ (ТС XXI: 988, Черкасова 2009: 413). Нам представляется, что такое решение в пользу омонимии точно отражает реальные семантические отношения между двумя неологизмами (и сюда же можно включить еще *top*³ — ‘топ-менеджер’).

3.2. Слово *рекордер* впервые отмечается во второй половине XIX в.: ‘главный судья города’ [Толль 1864], ‘регистратор’ [Мартыновский 1894] [Аристова 1978: 117].

Первая регистрация этого англицизма в современном техническом значении относится к последним годам XX в.: ‘устройство в звуко- или видеозаписывающем аппарате для механической записи звука, изображения’ (Крысин 1998: 599).

Первое упоминание слова в этом смысле встречается в основном корпусе НКРЯ в середине 1960-х гг.: «Механические колебания воздуха при звукозаписи превращаются сначала микрофоном в электрические, а электрические *рекордер* вновь превращает в механические» (М. Езерский: Граммофонная пластинка // «Химия и жизнь», 1966).

В словарях последних лет можно обнаружить более обобщенное определение слова: ‘устройство, предназначенное для записи входящего сигнала на физический носитель’ (Шагалова 2017: 330–331).

В одном лексикографическом издании отмечается другое историческое значение слова: ‘вид деревянной флейты, основная флейта барочной музыки (XVII – начало XVIII в.)’ (Черкасова 2009: 344).

Интересно отметить, что в диахронном аспекте изучаемый англицизм в русском языке полностью повторяет семантическую структуру этимона, представленную в «Оксфордском толковом словаре английского языка»: 1. ‘записывающее устройство’; 2. ‘регистратор’; 3. ‘судья’; 4. ‘вид флейты’ (см. <https://www.lexico.com/definition/recorder>).

Ввиду того что актуальным для современного русского языка является только первое (т. е. техническое) значение слова, при синхронном подходе вопрос о полисемии или омонимии не возникает. Однако в историческом аспекте,

на наш взгляд, рассматриваемую лексическую единицу следует описать в виде тройной омонимии: *рекордер*¹ — ‘техническое устройство’; *рекордер*² — *устар.* ‘лицо (судья или регистратор)’; *рекордер*³ — *устар.* ‘музыкальный инструмент’.

3.3. Англицизм *тендер* был заимствован русским языком в XIX в. в двух значениях: 1. ‘небольшое судно, сопровождающее более крупное’ [Сл 1847]; 2. ‘вагон у локомотива с водой и топливом’ [Мартыновский 1894] [Аристова 1978: 125].

В академических толковых словарях русского языка эти названия транспортных средств описываются как отдельные значения полисемантического слова: 1. ‘вагон особой конструкции, прицепляемый непосредственно к паровозу и служащий для хранения воды и топлива’; 2. ‘одномачтовый военный корабль парусного флота’; ‘одномачтовая парусная спортивная яхта’ (ССРЛЯ 15: 273, МАС² 4: 352).

В начале 1990-х гг. слово *тендер* стало употребляться также в экономической лексике русского языка. В неологическом словаре-десятилетнике термин отмечается в двух значениях: 1. ‘конкурсный отбор предложений на поставку товаров, оказание услуг, выполнение каких-л. работ и т. п., проводимый в форме торгов’; 2. ‘торги, аукцион’ (НСЗ-90 3: 1092–1093). Первая фиксация этого неологизма датируется 1993 и 1992 гг. соответственно. В то же время на основе иллюстративного материала «Словаря новейших иностранных слов» Е. Н. Шагаловой можно проследить, что в публицистике данное нововведение встречалось уже в 1990 г.: «Будут, очевидно, аукционы и система *тендеров* (конкурсов)» (Литературная газета 1990/37) (Шагалова 2009: 725).

В ряде лексикографических изданий приводится только новое, коммерческое значение англицизма, которое определяется через понятия ‘конкурсная форма’ и ‘конкурс’ (ТС XXI: 979, Крысин 2009: 260, Шагалова 2011: 568, Шагалова 2017: 434). При этом в других словарях предлагается более подробное описание термина в виде многозначного слова, которое включает в себя семы ‘предложение’, ‘заявка’, ‘оферта’ и ‘торги’ (ТС XX: 627, Комлев 1999: 352).

С точки зрения основной проблематики, рассматриваемой в настоящей статье, особый интерес представляют случаи одновременной фиксации старых и новейших значений англицизма *тендер* в русской лексикографии. Колебания в описании заимствованного слова обнаруживаются даже у одного и того же автора-составителя. В первом издании словаря иноязычных слов Л. П. Крысина экономический термин зафиксирован как третье значение полисемантического слова: 1. ‘вагон’; 2. ‘судно’; 3. ‘коммерческий конкурс, торги, аукционная распродажа’ (Крысин 1998: 691). В последующем варианте словаря лексикограф решил разделить старые и новые значения данной лексемы, представив их в виде омонимов: *тендер*¹ — 1. ‘вагон’; 2. ‘судно’; *тендер*² — ‘коммерческий конкурс, торги, аукционная распродажа’ (Крысин 2012: 338).

Аналогичное решение было принято также в других изданиях русской академической лексикографии конца XX – начала XXI в. (БТС 1998: 1314, СТС 2001: 825, Шведова 2007: 977, НСИС 2008: 835). Это кажется вполне целесообразным ввиду того, что две основные составляющие семантического объема ан-

глицизма (названия транспортных средств и термин экономики) различаются в такой степени, что между ними никаких взаимоотношений не наблюдается, т. е. они выступают в качестве омонимов.

3.4. Первая фиксация слова *твист* относится к последней четверти XIX в.: ‘ткань из крученых шелковых и бумажных нитей’ [Даль 1882] [Аристова 1978: 125]. В этом значении оно зафиксировано также в словарях иностранных слов в конце XIX в. и начале XX в.: ‘пряжа из бумаги с шерстью’ (Чудинов 1894: 843), ‘бумажная пряжа’ (Попов 1911: 380).

Впоследствии данный англицизм вышел из употребления и начал новую жизнь только в начале 60-х гг. XX в., когда под названием *твист* широкое распространение получил ‘ритмический парный танец с характерными движениями бедер’ (НСЗ-60: 475, СНС 1995: 755, МАС² 4: 344).

Первое упоминание слова в основном корпусе НКРЯ встречается в начале 1960-х гг.: «Ведь это не какой-нибудь рок-н-ролл или *твист* — члены этого общества гуляли по Москве нагишом» (Варлам Шаламов: Начало, 1962).

Мы считаем, что в историческом аспекте устаревшее и современное значения слова *твист* должны быть представлены в виде омонимов.

3.5. Слово *винчестер* было заимствовано из английского языка во второй половине XIX в.: ‘система ружья’ [Толль 1875] [Аристова 1978: 84]. Название восходит к имени Оливера Винчестера, владельца известной американской фирмы, производившей винтовки и ружья (ЭСРЯ 3: 102). Широкою известность получила модель винтовки 1866 г. (Аникин 7: 207). В академических толковых словарях русского языка зафиксировано только данное значение англицизма: ‘род магазинной винтовки’ (ССРЛЯ 2: 384); ‘род охотничьего ружья’ (МАС² 1: 177).

В конце 1980-х гг. иноязычное слово приобрело новый смысл: ‘тип твердого (жесткого) диска для компьютера’ (НСЗ-80: 123). На начальном этапе неологизм использовался прежде всего в профессиональной речи: «Так жаргон компьютерщиков именует емкий жесткий диск» (НРЛ-88: 63). В последнее время лексема *винчестер* стала нейтральным термином информатики и представлена в словарях без всяких стилистических помет (ТС XX: 143, Крысин 2009: 64). В некоторых изданиях приводится большое количество синонимов к изучаемому заимствованию: *накопитель на жестком диске; жесткий (магнитный) диск; винчестерный диск; хард; хард-диск* (Шагалова 2009: 147; Шагалова 2017: 104).

При одновременной фиксации старого и нового значения данного существительного в русской лексикографии наблюдается определенный разнобой. В отдельных словарях отмечается способ подачи англицизма в виде многозначного слова: 1. ‘винтовка’; 2. ‘жесткий диск’ (БТС 1998: 132, СТС 2001: 79, НСИС 2008: 172). Однако в большинстве случаев авторы-составители предпочтение отдают омонимии: *винчестер*¹ — ‘род охотничьего ружья’; *винчестер*² — ‘жесткий магнитный диск’ (Крысин 1998: 149, Крысин 2012: 67, Семенова 2003: 62–63, Шведова 2007: 93, Аникин 7: 207, БАС 2: 580, АТС 2: 19).

Существуют также разногласия насчет происхождения компьютерного термина. Часто встречается версия, согласно которой название якобы восходит

к городу Винчестер в Великобритании — месту первоначальной разработки жестких дисков. В упомянутом английском городе на самом деле работает филиал фирмы IBM, но в 1973 г. технология создания винчестеров впервые была применена не там, а в США. Наименование диска возникло по аналогии с известной в Америке автоматической винтовкой *Winchester model 1894*, называемой *30/30*, в результате случайного совпадения с неофициальным обозначением у инженеров-разработчиков модели жесткого диска *30/30* (два модуля по 30 мегабайт) (ТС XXI: 204, Аникин 7: 207). Интересно отметить, что данное название к 1990-м гг. в Европе и США уже вышло из употребления, а в некоторых языках (в том числе в русском и венгерском) сохраняется и до наших дней.

Поскольку при номинации термина информатики метонимический перенос произошел в языке-источнике, англицизм *винчестер* в компьютерном значении был заимствован русским языком в готовом виде. Таким образом, старое и новейшее употребление слова необходимо разграничить в виде омонимов.

3.6. По данным В. М. Аристовой, существительное *бот* было заимствовано из английского языка в начале XVIII в.: ‘лодка, небольшое судно’ [Лексикон 1717] [Аристова 1978: 79]. В академическом толковом словаре русского языка отмечается более поздняя фиксация слова и наряду с английским в качестве его возможного источника назван голландский язык [Нордстет 1780] (ССРЛЯ 1: 591). В значении морского термина оно представлено и в словаре русского языка XVIII в.: ‘небольшое гребное судно’ (СРЯ XVIII 2: 115).

Данное название было известно уже в XVI–XVII вв., хотя в русском языке того времени оно считалось малоупотребительным. Слово впервые отмечается в Статейном списке российских послов о бытности их в Дании 1564 г. (ЭСРЯ 2: 177). Включен этот термин также в исторический словарь более раннего периода: ‘небольшое судно’ (СлРЯ XI–XVII 1: 302).

Поскольку сделанное в Англии Петром I судно («дедушка» русского флота) называлось *бот аглинской*, часто производят это слово из англ. *boat*. В то же время следует учесть, что учитель Петра Франц Тиммерман был выходцем из Гамбурга, поэтому источником могли быть также нж.-нем. и голл. *boot* (Фасмер² 1: 199–200, Аникин 4: 113). Во многих лексикографических изданиях упоминается только голландское происхождение слова (БТС 1998: 93, Крысин 1998: 124, СТС 2001: 53, НСИС 2008: 144, БАС 2: 149, АТС 1: 419).

В начале XXI в. название *бот* стало применяться в лексике информатики: ‘программа, незаконно устанавливаемая на чужом компьютере, позволяющая злоумышленнику выполнять действия с использованием ресурсов зараженного компьютера (рассылать спам, перебирать пароли в удаленной системе и т. д.)’ (Черкасова 2009: 39; Шагалова 2011: 101), а также: ‘компьютер, на котором установлена такая программа; компьютер-зомби’ (Шагалова 2017: 75).

Поскольку в своем морском и компьютерном значении слово *бот* можно отнести к различным иноязычным этимонам, перед нами классический пример омонимии: *бот*¹ — мор. ‘судно’ [< англ. *boat*]; *бот*² — инф. ‘программа’ [< англ. *bot* < *robot*].

***

Как показывает сопоставительный анализ различных словарей русского языка, в лексикографической практике разграничение случаев омонимии и многозначности не прослеживается последовательно. Наши наблюдения над процессами семантического развития шестнадцати английских заимствований в современном русском языке подтверждают высказывание О. С. Ахмановой о том, что степень «омонимизации» того или другого семантического отношения может быть далеко не одинаковой (Ахманова 1974: 5).

В первой группе рассмотренных иноязычных слов (*мисс, дерби, скутер, буфер*) наличие в их смысловой структуре общего компонента ('девушка', 'соревнование', 'средство передвижения', 'что-то промежуточное') позволяет говорить о развитии полисемии. Во вторую категорию входят многозначные англицизмы, в которых омонимичность отдельных значений проявляется в возрастающей степени либо потому, что они обозначают понятия, относящиеся к разным тематическим группам (*скаут, трек, монитор, порт*), либо потому, что они различаются по признаку одушевленности/неодушевленности (*спикер, драйвер*). В остальных примерах (*топ, рекордер, тендер, твист, винчестер*) отношения, существующие между значениями прототипа в языке-источнике, едва ли ощущаются носителями русского языка, не владеющими английским языком. Поэтому, на наш взгляд, последние слова, наряду с лексемой *бот*, в лексикографических изданиях необходимо описать в виде омонимов.

Особый интерес представляют промежуточные случаи, обсуждаемые во втором разделе настоящей статьи. Вопрос о словарной фиксации данных англицизмов в рассматриваемом аспекте остается открытым.

Источники

- Аникин — Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 1–13. М., 2007–2019 (издание продолжается).
- АТС — Академический толковый словарь русского языка. Т. 1–2. М., 2016 (издание продолжается).
- Ахманова — Ахманова О. С. Словарь омонимов русского языка. М., 1974.
- БАС — Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. Т. 1–26. СПб.: Наука, 2004–2019 (издание продолжается).
- БТС — Большой толковый словарь русского языка: А–Я / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.
- Гранат — Энциклопедический словарь Гранат. Т. 39. М., 1923.
- Егорова — Егорова Т. В. Словарь иностранных слов современного русского языка. М., 2014.
- Елистратов — Елистратов В. С. Словарь русского арго (материалы 1980–1990-х гг.). М., 2000.
- Комлев 1995 — Комлев Н. Г. Словарь новых иностранных слов (с переводом, этимологией и толкованием). М., 1995.
- Комлев 1999 — Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. М., 1999.
- Крысин 1998 — Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 1998.
- Крысин 2009 — Крысин Л. П. 1000 новых иностранных слов. М., 2009.
- Крысин 2012 — Крысин Л. П. Современный словарь иностранных слов. М., 2012.
- Максимова — Максимова Т. В. Словарь англицизмов (50–90-е годы XX в.). Волгоград, 1998.
- МАС² — Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.

- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.08.2020)
- НРЛ-83 — Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1983. М., 1987.
- НРЛ-85 — Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1985. СПб., 1996.
- НРЛ-88 — Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1988. СПб., 1996.
- НРЛ-90 — Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1990. СПб., 2004.
- НСЗ-60 — Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов. М., 1971.
- НСЗ-70 — Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов. М., 1984.
- НСЗ-80 — Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов. СПб., 1997.
- НСЗ-90 — Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века. Т. 1–3. СПб., 2009–2014.
- НСИС 2008 — Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В. Новый словарь иностранных слов. М., 2008.
- Попов — Попов М. Словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. М., 1911.
- Семенова — Семенова М. Ю. Словарь англицизмов. Ростов-на-Дону, 2003.
- СИС 1933 — Словарь иностранных слов. М., 1933.
- СИС 1937 — Словарь иностранных слов. М., 1937.
- Скляревская, Ваулина — Скляревская Г. Н., Ваулина Е. Ю. Давайте говорить правильно! Новейшие и наиболее распространенные заимствования в современном русском языке. СПб.; М., 2004.
- СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова. Вып. 1–31. М., 1975–2019 (издание продолжается).
- СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. Вып. 1–22. Л.; СПб.: Наука, 1984–2019 (издание продолжается).
- СНС — Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х годов). СПб., 1995.
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.
- СТС — Современный толковый словарь русского языка. СПб., 2001.
- ТС XX — Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г. Н. Скляревской. СПб., 1998.
- Фасмер² — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс, 1986–1987.
- Ходжагельдыев, Шурупова — Ходжагельдыев Б. Д., Шурупова О. С. Иллюстрированный словарь английских заимствований в русском языке последних лет. М., 2018.
- Черкасова — Черкасова М. Н., Черкасова Л. Н. Современный словарь иностранных слов. Ростов-на-Дону, 2009.
- Черных³ — Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1999.
- Чудинов — Чудинов А. Н. (ред.) Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб., 1894.
- Шагалова 2009 — Шагалова Е. Н. Словарь новейших иностранных слов (конец XX – начало XXI вв.). М., 2009.
- Шагалова 2011 — Шагалова Е. Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века. М., 2011.
- Шагалова 2017 — Шагалова Е. Н. Словарь новейших иностранных слов. М., 2017.
- Шапошников — Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / Сост. А. К. Шапошников. М., 2010.

- Шведова — Шведова Н. Ю. (отв. ред.) Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2007.
- ЭСРЯ — Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н.М. Шанского, А.Ф. Журавлева. Вып. 1–11. М., 1963–2014 (издание продолжается).

Литература

- Аристова В. М. Англо-русские языковые контакты (англизмы в русском языке). Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 152 с.
- Ваулина Е. Ю. Принципы описания омонимии в «Нормативном толковом словаре живого русского языка» // Нормативный толковый словарь живого русского языка: теоретические проблемы и практические трудности / Ред. Г. Н. Складаревская. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2007. С. 42–63.
- Григоренко О. В. Явления полисемии и омонимии в аспекте неологизации состава наименований лиц в современном русском языке // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2010. №2. С. 58–65.
- Складаревская Г. Н. (ред.) Словарь русского языка XXI века. Проект. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. 144 с.
- Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е гг. XIX века. М.; Л.: Наука, 1965. 565 с.
- Шагалова Е. Н. Омонимия и многозначность в неографии (на материале иноязычных инноваций) // Материалы международной конференции по компьютерной лингвистике «Диалог 2004». С. 656–660. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/2563/shagalova.pdf> (дата обращения 20.07.2020).

Янурик Сабольч, канд. филол. наук; кафедра русского языка и литературы, Будапештский университет им. Лоранда Этвеша, Будапешт; Венгрия; старший преподаватель; e-mail: janurik@yahoo.com

Для цитирования. Янурик С. Новая жизнь старых англицизмов в русском языке (к вопросу о разграничении случаев многозначности и омонимии в русской лексикографии) // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2020. Вып. 3. С. 186–203.

References

- Aristova V. M. English–Russian Language Contacts (Anglicisms in Russian). Leningrad: LGU Publ., 1978. 152 p. (In Russ.)
- Vaulina E. Yu. The Principles of Describing Homonymy in the “Normative Explanatory Dictionary of the Living Russian Language”. In: Normative Explanatory Dictionary of the Living Russian Language. Theoretical Problems and Practical Difficulties. Sklyarevskaya G. N. (ed.). St. Petersburg, 2007. P. 42–63. (In Russ.)
- Grigorenko O. V. The Phenomenon of Polysemy and Homonymy in the Aspect of the Neologization of Persons’ Nominations in Present-Day Russian. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2010. No 2. P. 58–65. (In Russ.)
- Sklyarevskaya G. N. (ed.) The Dictionary of the Russian Language in the 21st Century. Draft. St. Petersburg, 2019. 144 p. (In Russ.)
- Sorokin Yu. S. The Development of the Vocabulary of Standard Russian from 1830s to the 1890s. Moscow–Leningrad: Nauka Publ., 1965. 565 p. (In Russ.)
- Shagalova E. N. Homonymy and Polysemy in Neography (on the Basis of Foreign Neologisms). Proceedings of the International Conference on Computational Linguistics “Dialogue 2004”. P. 656–660. Available at: <http://www.dialog-21.ru/media/2563/shagalova.pdf> (accessed 20.07.2020) (In Russ.)

Szabolcs Janurik, PhD, Eötvös Loránd University, 4/D Múzeum krt., Budapest, Hungary, Senior lecturer. E-mail address: janurik@yahoo.com

For Citation: Janurik Sz. (2020). The new life of old Anglicisms in Russian (On the distinction between polysemy and homonymy in Russian lexicography). *Slavyanskaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya* [Slavic historical lexicology and lexicography], 3, pp. 186–203. (In Russ.)

**СЛОВО
И
РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТЕКСТ**

Roman I. Vorontsov

ORCID iD: 0000-0003-0705-598X

Р.И. Воронцов

**POETICS OF PROPER NAMES IN
CAMICIA ROSSA BY ALEXANDER
HERZEN (MY PAST AND
THOUGHTS, 6, X)**

**«ШЕКСПИРОВ ДЕНЬ
ПРЕВРАТИЛСЯ В ДЕНЬ
ГАРИБАЛЬДИ»:
ОНОМАСТИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА
ОЧЕРКА А.И. ГЕРЦЕНА «САМИЦΙΑ
ROSSA» («БЫЛОЕ И ДУМЫ», 6, X)**

Аннотация. Статья посвящена анализу ономастической поэтики мемуарных произведений А.И. Герцена. На показательном материале очерка «Camicia rossa», входящего в состав «Былого и думы», рассматриваются особенности употребления Герценом ономастической метафоры — важного для автора лексико-семантического средства художественной выразительности и когнитивно-стилистического приема. Раскрываются содержательно-концептуальные и текстообразовательные возможности герценовской ономастической метафоры, предлагается интерпретация ее художественной специфики.

Ключевые слова: ономастика, поэтика, метафора, Герцен, Былое и думы, Шекспир, Гарибальди

Summary. The paper contains the analysis of proper names' poetics typical of Alexander Herzen's memoirs. Based on *Camicia rossa* essay (a part of *My Past and Thoughts*), the author shows the specificity of Herzen's onomastic allusive metaphor, which is an essential lexical, semantic, cognitive and stylistic instrument of the writer's artistic manner of expression. The study is focused on the role that proper name allusions play in the conceptualization and evolution of the text. An original interpretation of Herzen's onomastic allusive metaphors is also proposed.

Keywords: onomastics, poetics, metaphor, Herzen, My Past and Thoughts, Shakespeare, Garibaldi

Наблюдение за словоупотреблением А.И. Герцена, к которому многократно обращались исследователи, до сих пор представляет интерес для исторической лексикологии русского языка. Занимая одно из центральных мест в русской публицистике второй половины XIX века — как по степени влияния на умы современников, так и по богатству и стилистическому многообразию языка, — Герцен в своих публицистических и мемуарных произведениях создает широчайшую перспективу общественной, политической, культурной жизни России и Западной Европы. Откровенность и эмоциональность автора, наряду с присущим ему литературным мастерством, сообщают этой картине свойства убедительности и достоверности.

Подчеркивая смысловую насыщенность словоупотребления Герцена, Л.Я. Гинзбург характеризует такую форму его реализации, как «объясняющая метафора», когда «столкновение понятий <...> порождает далеко расходящиеся ряды ассоциаций, заставляет читателя с молниеносной быстротой перебирать множество пропущенных звеньев» [Гинзбург 1957: 183]. Одной из разновидностей «объясняющей метафоры» Герцена становится метафора ономастическая. В середине XIX века этот механизм номинации уже является общепринятым средством выразительности и — что особенно важно — используется как способ познания действительности. Еще в 1830-е годы в литературном языке была

преодолена традиция эмблематического употребления собственных имен, восходящая к барочным и классицистическим поэтикам XVIII века. На новом этапе ономастическая метафора часто приобретает черты символа, открывающего перед познающим субъектом бесконечную перспективу смыслового варьирования.

Герцен в полной мере воспринимает и обогащает существующую традицию метафорического употребления собственных имен. Главной новацией Герцена в этой области становится раскрытие текстообразующего потенциала ономастической метафоры, наряду с ее когнитивными возможностями. Онимы участвуют в выстраивании композиции и передаче идейного содержания произведения, а радиус действия ономастических метафор и создаваемых ими образов нередко распространяется на весь текст¹.

Большой интерес с точки зрения поэтики имен собственных представляет очерк Герцена «*Samicia rossa*»². Впервые опубликованный в листах «Колокола» за 1864 год, очерк впоследствии стал одной из глав «Былого и дум» (часть 6, глава X). Композиция и идейное содержание этой главы до некоторой степени определяются системой ономастических метафор, выдержанных в типичном для Герцена смысловом и лаконичном духе. Прежде чем перейти к разбору этих метафор, остановимся на фабуле очерка.

Глава «*Samicia rossa*» посвящена приезду в Лондон Джузеппе Гарибальди в апреле 1864 года. Получив многочисленные приглашения от частных лиц, Гарибальди — в расчете на то, что ему удастся заручиться поддержкой Англии для присоединения Венеции и Рима к независимой Италии, — прибыл в Лондон 4 апреля. Встреченный английским народом с невероятным энтузиазмом, герой Рисорджименто, с другой стороны, оказался в центре политического противостояния между либеральным премьер-министром Палмерстоном и консервативной партией. На Палмерстона оказывалось давление и со стороны австрийского и французского королевских дворов, недовольных визитом Гарибальди. В результате премьер-министру пришлось уступить. Правящие круги Англии, обеспокоенные теплым приемом, который был оказан итальянцу англичанами, попытались взять организацию его пребывания в стране под свой контроль и изолировать его от общения с народом. Когда же этот план не сработал, английскому правительству не оставалось ничего другого, кроме как выслать Гарибальди из страны под предлогом его выдуманной болезни. 22 апреля Гарибальди отплыл от английских берегов, а на следующий день в газетах было опубликовано его письмо «К английскому народу», в котором он выражал сожаление, что не смог посетить всех своих друзей по независимым от него причинам. Именно в этот день, 23 апреля 1864 года, когда полиция разгоняла митинг, собравшийся для выяснения причин высылки Гарибальди, в Лондоне праздновали трехсотлетие со дня рождения Шекспира.

Это совпадение и определило композиционное решение герценовского очерка, начинающегося словами: «Шекспиров день превратился в день Гарибальди. Сближение это вытянуто за волосы историей, такие натяжки удаются

---

¹ Подробно см.: [Воронцов 2017].

² *Итал.*: красная рубашка — одежда итальянских добровольцев, сражавшихся под командованием Дж. Гарибальди.

ей одной» (Герцен 11: 254). Фраза, представляющая, по словам итальянского историка, весь смысл описываемого события [Rossi 2010: 198], с самого начала выводит шекспировские аллюзии на первый план, они становятся своего рода обрамлением очерка и задают первую из трех линий ономастической метафоры, участвующих в идейном и композиционном структурировании текста. Две другие линии — назовем их «библейской» и «военно-исторической» — представлены излюбленными герценовскими отсылками, во-первых, к сюжету заклания Исаака, а во-вторых, к истории (для Герцена же — скорее, современности) военных столкновений в Европе XIX в.

Отношение Герцена к Шекспиру как к одному из гениев мировой литературы (наравне с Гете, Байроном и в меньшей степени Шиллером) хорошо известно. «Велик, необъятен Шекспир! <...> Что это за сила гения так уловить жизнь во всей необъятности ее от Гамлета до могильщика!» (Герцен 22: 65) — пишет Герцен жене в 1839 году. Многогранность действительности, близость и взаимопроникновение ее высоких и низких проявлений, характерные для шекспировской драмы, определяют то, как Герцен использует в своем тексте шекспировские образы. Прежде всего, они нужны ему, чтобы «подчеркнуть подлинный трагизм» [Левин 1988: 140] описываемых обстоятельств. Так, в другом месте «Былого и дум» Герцен развивает метафору сна, «убитого» Макбетом, имея в виду крушение демократических иллюзий в 1848 году, когда потерпели поражение европейские революции: «Долго спать все же нельзя было; неумолимый Макбет действительной жизни заносил уже свою руку, чтоб убить “сон”...» (Герцен 10: 28). Создаваемая метафора не имеет четкой референции, и образ безжалостного убийцы принимает поистине космический масштаб. Показательно и то, что эту оценку событиям 1848 года Герцен дает гораздо позже, пережив в начале 1850-х целый ряд личных трагедий.

Отсылки к шекспировским образам у Герцена почти всегда носят остро-публицистический характер [Левин 1988: 154]. Именно соединение трагедийности и публицистического накала характеризует основную — «шекспировскую» — линию ономастической метафоры в очерке «*Camicia rossa*».

Здесь Герцен с большой любовью создает «апофеоз» Гарибальди — истинно народного героя, обманутого и преданного власть предержащими, — но в то же время ярко показывает его политическую ограниченность [Гинзбург 1957: 344]. «Святая простота человека, наивная простота масс и тайные скопы за стеной, интриги, ложь» — в этом сочетании Герцен видит «шекспировскую фантазию <...> на сером фоне Англии, с чисто шекспировской близостью великого и отвратительного, раздирающего душу и скрипящего по тарелке» (Герцен 11: 254). Многократно подчеркиваемая простота Гарибальди, его добродушие и нравственная твердость, помноженные на превратности его героической судьбы («К величию героя прибавился венец мученика» (Герцен 11: 257)), подсказывают Герцену сопоставление с королем Лиром: «Ступай, великое дитя, великая сила, великий юродивый и великая *простота*. Ступай на свою скалу, плебей в красной рубашке и король Лир! Гонерилья тебя гонит, оставь ее, у тебя есть бедная Корделия, она не разлюбит тебя и не умрет!» (Герцен 11: 291). Гонимый английским (а на самом деле — и любым другим) правительством —

Гонерильей, хотя и горячо поддерживаемый народом — Корделией, король Лир-Гарибальди вынужден удалиться в свое последнее прибежище, на свою «скалу» — остров Капреру. Несмотря на многочисленные победы и достижения, несмотря на безоговорочную народную любовь, Гарибальди оказывается за скобками политической жизни Европы, неспособный — в силу своих лучших качеств — участвовать в интригах и политической игре, а значит — и не имеющий политических перспектив.

Для гонителей Гарибальди Герцен тоже находит шекспировское имя — Яго: «Яго — всё крошечные, но зато какое количество и какая у них честность!» (Герцен 11: 254). Во время пребывания в Лондоне «великий плебей», оказавшийся в центре придворной интриги, был постоянно окружен кольцом шпионов и осведомителей, пытавшихся под видом помощников и советников оградить его от встреч с народом и с неудобными для правительства людьми (как правило, революционными эмигрантами). В более широком смысле имя Яго приложимо и к тем представителям английского правительства и парламента, которые засвидетельствовали выдуманную болезнь Гарибальди, создав таким образом повод и оправдание для его высылки.

«Шекспировская» линия ономастической метафоры перекликается в очерке с библейскими аллюзиями: изгнаннику и мученику королю Лиру сопоставляется жертвенный агнец Исаак. Заклание Исаака — излюбленный сюжет Герцена, регулярно проецирующийся на описываемые события посредством ономастической метафоры. Имя Исаака встречается в «Былом и думах» трижды. «Исааками» называет Герцен друзей и агентов Маццини и Ледрю-Роллена, посылаемых ими из лондонской эмиграции в Италию и Францию «на заклание» (Герцен 11: 28). «Исааками книгопечатания» называются издатели, выпустившие в Лондоне брошюру «какого-то Адамса» о возможности тираноубийства и отданные за это под суд (Герцен 11: 119). Третий пример — в главе «*Samicia rossa*», где разворачивается целая метафорическая ситуация: «Семидесятипятилетний Авраам, судившийся месяца два тому назад за какие-то шашни с новой Агарью, принес на жертву своего галифакского Исаака» (Герцен 11: 263).

4 апреля 1864 года, в день прибытия Гарибальди, английским премьер-министром Палмерстоном («Авраамом») была принята отставка члена парламента от Галифакса Дж. Стансфилда («Исаака»), так же, как и премьер-министр, являвшегося представителем либеральной партии. Палмерстону пришлось пойти на этот шаг под давлением консерваторов и французской прокуратуры, обвинившей Стансфилда в связях с «великим карбонаро», Джузеппе Маццини, находившимся в Лондоне, и в подготовке совместно с ним покушения на Наполеона III («Агарь»). Герцен узнает о случившемся из газеты, которую читает сразу после первой встречи с Гарибальди, и без труда связывает оба события. Отставка Стансфилда становится первым эпизодом политической игры, развернувшейся в Лондоне вокруг приезда Гарибальди, и, по мнению Герцена, является безусловным просчетом премьер-министра.

Если Стансфилд — это первая жертва интриги, то последней и главной жертвой становится сам Гарибальди, изгнанный из Англии под благовидным предлогом. Эти два события, начало и конец всей истории, также осмысляются

Герценом через связанные ономастические метафоры, которые позволяют ему замкнуть композицию очерка и расставить финальные штрихи.

И здесь мы подходим к третьей — «военно-исторической» — линии ономастической метафоры. Два ключевых эпизода, связанных с пребыванием в Лондоне Гарибальди, Герцен описывает с помощью отсылок к событиям недавней австро-итало-французской войны, одного из периодов Рисорджименто, когда войска Сардинского королевства в коалиции с Францией сражались против Австрийской империи. Важнейшими событиями этой войны стали битвы при Мадженте и при Сольферино. В обоих сражениях, состоявшихся в течение одного месяца (4 и 24 июня 1859 года соответственно), Австрия потерпела сокрушительные поражения, предопределившие невыгодное для нее Виллафранкское перемирие.

В «*Samicia rossa*» поражения австрийской армии ассоциативно сближаются с моральными поражениями (с точки зрения Герцена) английского премьер-министра Палмерстона, сначала пошедшего на отставку Стансфилда («Это была Мажента» (Герцен 11: 263)), а затем и на высылку Гарибальди («Это Сольферино!» (Герцен 11: 287)). Двойная ономастическая метафора оказывается инструментом композиционного членения текста очерка, поскольку важным ее основанием является календарное совпадение: как и битвы при Мадженте и Сольферино, события, описанные Герценом, также уложились в один месяц: 4 апреля 1864 года Стансфилд был отправлен в отставку, а 22 апреля Гарибальди покинул Англию.

Таким образом, ономастическая метафора в очерке Герцена «*Samicia rossa*» наглядно демонстрирует свои текстообразовательные возможности. Три линии ономастической метафоры помогают Герцену и передать идейное содержание, и выстроить композицию, и структурировать текст. Ономастические средства, подсказанные случайным совпадением дат, становятся для Герцена важным инструментом концептуализации текста: они актуализируют семантику жертвенности и героизма, интриганства и предательства, моральной победы и поражения. Нетривиальное употребление и глубокий символизм используемых имен собственных, и без того свойственные художественной манере Герцена-мемуариста, здесь становятся основой, на которой создается «резкий рисунок, общий очерк людей и событий», характерный для всех герценовских текстов, посвященных Западу [Гинзбург 1957: 92].

Источники

Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. / АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького / гл. ред. В.П. Волгин и др. М.: Наука, 1954–1966.

Литература

Воронцов Р.И. Ономастическая метафора в «Былом и думам» А.И. Герцена // *Studia Slavica Hung.* 2017. 62 (2). С. 305–327. DOI: 10.1556/060.2017.62.2.4

Гинзбург Л.Я. «Былое и думы» Герцена. Л.: Гослитиздат, 1957. 374 с.

Левин Ю.Д. Шекспир и русская литература XIX века. Л.: Наука, 1988. 327 с.

Rossi, L. (a cura di). *Giuseppe Garibaldi: due secoli di interpretazioni*. Roma: Gangemi, 2010. 448 p.

Воронцов Роман Игоревич, канд. филол. наук; Институт лингвистических исследований РАН, 199053, г. Санкт-Петербург; Тучков пер. д. 9; науч. сотрудник; e-mail: roman.vorontsov.86@gmail.com

Для цитирования. Воронцов Р.И. «Шекспиров день превратился в день Гарибальди»: Ономастическая поэтика очерка А.И. Герцена «Camicia rossa» («Былое и думы», 6, X) // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2020. Вып. 3. С. 207–212. DOI 10.30842/26583755202008

References

- Vorontsov, R.I. (2017). The onomastic allusive metaphor in *My Past and Thoughts* by Alexander Herzen, *Studia Slavica Hung.*, 62(2), 305–327. (In Russ.) DOI: 10.1556/060.2017.62.2.4
- Ginzburg, L.Ya. (1957). *My Past and Thoughts* by Herzen. Leningrad: Goslitizdat Publ. (In Russ.)
- Levin, Yu.D. (1988). Shakespeare and the 19th century Russian literature. Leningrad: Nauka Publ. (In Russ.)
- Rossi, L. (Ed.) (2010). Giuseppe Garibaldi: two centuries of interpretations. Rome: Gangemi Publ. (In Italian)

Roman I. Vorontsov, PhD, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Research Officer, 9 Tuchkov per., 199053, Saint Petersburg, Russian Federation. E-mail address: roman.vorontsov.86@gmail.com

For Citation: Vorontsov R. I. (2020). Poetics of proper names in *Camicia rossa* by Alexander Herzen (*My Past and Thoughts*, 6, X). *Slavyanskaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya* [Slavic historical lexicology and lexicography], 3, pp. 207–212. DOI 10.30842/26583755202008 (In Russ.)

Tatyana D. Korkina

Т.Д. Коркина

LEXIS WITH PREFIXES *PRE-* AND *PRED-* IN BOLOTOV'S WORKSЛЕКСИКА НА *ПРЕ-* И *ПРЕД-* В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.Т. БОЛОТОВА¹

Аннотация. Статья посвящена языковой практике неординарного и всесторонне образованного человека, оставившего после себя огромное литературное наследие (существенная часть которого осталась неопубликованной) — Андрея Тимофеевича Болотова (1738–1833). На материале основных переводных и оригинальных печатных разножанровых текстов, часть из которых пока не включена в список источников «Словаря русского языка XVIII века», проведено описание лексики с префиксами *пре-/пред-*; особое внимание уделено уникальным и, как правило, единичным авторским новообразованиям. Проведенное исследование показало активность лексических образований такого типа. Самую большую группу подобных образований составляют глаголы, однако продуктивную группу представляют собой и существительные: отмечены единичные образования на *пре-/пред-*, встретившиеся только в сочинениях Болотова. Кроме того, привлечение более широкого круга источников позволило выявить лексику, дополняющую материалы Картотеки «Словаря русского языка XVIII века».

Ключевые слова: русский язык, XVIII век, А.Т. Болотов, лексика на *пре-* и *пред-*, продуктивные модели, словообразовательные неологизмы, авторские образования

Summary: The article is devoted to the linguistic practice of an extraordinary and well-round educated person who left a huge literary legacy (a significant part of it remained unpublished) – Andrei Timofeevich Bolotov (1738–1833). Based on the material of the translated and original printed texts of different genres, some of which have not yet been included in the list of sources in the Dictionary of the 18th Century Russian Language, a description of vocabulary with *pre-* and *pred-* prefixes is carried out, special attention is paid to unique author's new formations, as a rule, single ones. The conducted research has shown the activity of lexical formations of this type. The largest group of such formations is made up of verbs, however, a productive group of author's formations are nouns: singular formations with *pre-/pred-*, found only in the Bolotov's works. In addition, the involvement of a wider range of sources made it possible to identify vocabulary supplementing the materials of the Card catalog belonging to the Dictionary of the 18th Century Russian Language.

Keywords: Russian language, 18th century, A.T. Bolotov, vocabulary with *pre-* and *pred-*, productive models, word-formation neologisms, author's formations

0. Формирование русского литературного языка, новых языковых стилей, развитие светской художественной и научной литературы в середине XVIII века происходит в условиях, с одной стороны, интенсивного слияния различных языковых стихий: смешения элементов старого книжного (церковнославянского) языка с элементами народно-разговорными и официально-деловыми — и, с другой стороны, снижения активности процесса заимствования с целью ограждения русского языка от многочисленных иностранных слов. Одним из ведущих языковых процессов этого времени стало активное пополнение лексического состава русского языка словообразовательными неологизмами, созданными по славянской модели (с использованием префиксов, свойственных церковнославянскому языку — *воз-*, *из-*, *низ-*, *пре-*), чему немало способствовало состояние префиксальной системы, находящейся в процессе активного формирования. Исследователи языка данного периода отмечают значи-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–012–00522 «Историко-лексикологическое исследование и лексикографическое описание русского языка XVIII века (префиксальные образования с *пре-* и *пред-*)».

тельное расширение словопроизводственной базы, количественный рост префиксальных образований, активное вовлечение в круг приставочных образований новых основ [Биржакова 1990: 136; Коноплина 1990: 119; Кутина 1990: 99; Малышева 2018b: 418 и др.]. Таким образом, исследование префиксальных образований середины и второй половины XVIII века представляет собой важную часть общего изучения лексических новообразований XVIII века и является актуальным и в настоящее время, поскольку «этому типу словообразования уделено значительно меньше внимания, чем, например, образованиям суффиксальным» [Малышева 2018b: 418].

В языке XVIII века образования с префиксами *пре-* и *пред-* — интенсивно пополняющийся и активно функционирующий пласт лексического состава, который «содержит свыше 2000 единиц, разных по своему значению, стилистическим характеристикам, активности в языке XVIII в., продуктивности образования и т. д.» [Там же: 419]. Среди подобных образований немалое место занимают авторские (в том числе и новообразования).

1. А. Т. Болотов (1738–1833) — крайне неординарный и всесторонне образованный человек, один из ярчайших представителей эпохи классицизма и начала сентиментальной традиции в литературе, писатель, мемуарист, переводчик, ботаник и энциклопедист, основатель одних из первых русских журналов, посвященных сельскому хозяйству, — «Сельский житель» (1778–1779) и «Экономический магазин» (1780–1789), член трех научных обществ: Вольного экономического (с 1761 г.), Московского общества сельского хозяйства (с 1820 г.) и Королевско-Саксонского Лейпцигского экономического общества (с 1794 г.). Болотов активно занимался просветительской и педагогической деятельностью, организовывая учебные заведения и театры.

Его литературная деятельность была разнообразной: он работал в разных жанрах (создавал философские трактаты, мемуары, писал для детей), занимался переводами (философские трактаты, художественная литература²), писал критические обзоры и рецензии на выходящую литературу³. В итоге он оставил после себя огромное литературное наследие — «350 томов обычного формата» [Венгеров 1897: 107 — цит. по: Щеблыгина 1996: 5], — большая часть которого представлена лишь в виде рукописей, хранящихся в архивах Москвы и Петербурга.

В отечественном языкознании представлено небольшое количество работ, посвященных языку произведений А.Т. Болотова. Чаще источником исследова-

---

² Болотов переводил много произведений иностранной литературы, но издать удалось только часть переводов, среди которых роман А. Бевеуса «Генриетта или Гусарское похищение», пер. с нем. М., 1782; «Жизнь и странные приключения умершего в 1788 г. Карла Эдуарда» пер. с нем. М., 1794; Ле Камю де Мезьер «Н. Аабба или торжество невинности», пер. с фр. М., 1788. Не удалось увидеть свет подготовленным им русскоязычным вариантам «прекрасного» романа «Герфорд и Кларушка» и очень понравившегося ему романа Ф.Г. Дюкре-Дюмениля «Лолота и Фанфан», который он перевел всего за два месяца. Эту судьбу разделили и многие другие работы Болотова: переводы Г. Филдинга «Амелия», С.Ф. Жанлис «Зелия или искренность», Ш.Ж. Ла Мольера «Милорд Станлей или добродетельный преступник» [Щеблыгина 1996: 146].

³ Необходимость таких обзоров, по мнению Болотова, продиктована резким увеличением количества издаваемых книг: «дабы не покупать негодных книг и за тем не упустить хороших». Болотов рецензировал в основном французские романы. Из русских произведений, прорецензированных им, следует отметить «Похождения некоторого россиянина», «Разные повествования, сочиненные некоторою россиянкою», два романа Ф. Эмина «Непостоянная фортуна или похождения Мирамонда» и «Любовный вертоград» и роман П. Львова «Российская Памела» [Щеблыгина 1996: 149].

ний становятся «Записки» Болотова, рассматриваемые в одном ряду с «записками» второй половины XVIII в. [Геранина 2008; Редькина 2016], и материалы «Экономического магазина» [Азроянц 2012]. Лингвисты, обращавшиеся к сочинениям Болотова, интересовались его мемуарами в основном как источником для изучения просторечной лексики [Князькова 1974; Щербакова 2006]⁴.

Немногочисленные исследования позволяют сделать некоторые выводы о языковой практике Болотова, характеризующейся избирательностью по отношению как к иноязычной⁵, так и к славянской по происхождению лексике, которая «встречается в каждой статье изучаемого источника <«Экономического магазина» — Т. К.>, но степень концентрации славянизмов варьируется в зависимости от темы, жанра и цели работы, а также личности автора. В материалах, составленных в эпистолярной форме и имеющих своей целью обратиться к определенному читателю и завязать с ним дружеские отношения, язык Болотова и его корреспондентов насыщен книжными, а в некоторых письмах и высокими славянизмами» [Азроянц 2012: 15].

Свое отрицательное отношение к активному производству сложных слов по церковнославянским образцам, например, у П. Львова, Болотов выразил так: «Что касается до отваги господина сочинителя помещать тут же в сочинении своем многие совсем вновь испеченные и нимало еще необыкновенные слова, как, например, *себялюбие, себялюбивый, белольнистая борода, флейтоигральщик, челопреклонцы, великодумцы, щедрохищники* и другие тому подобные; так в сем случае он совсем неизвинителен, и ему б было слишком еще рано навязывать читателям подобные новости, а надлежало б наперед аккредитоваться поболе в сочинениях» [Литературное 1933: 217 — цит. по: Виноградов 1982: 133–134]. И в своей рецензии на перевод с французского сочинения «Луиза, или хижина среди мхов» (1790), сделанный П. Белавиным, он писал о неудачно созданных автором фразеологических кальках так: «Того сказать не можно, чтоб не было в нем никаких несовершенств, а особливо в рассуждении изображения некоторых речений и фраз, которые переведены слишком буквально и на французском языке хороши, а на русском еще не очень обыкновенны и слишком еще новы, как, например, *прижимать к сердцу* или *святой ангел* и прочее тому подобное» [Морозов 1933: 203–204 — цит. по: Виноградов 1982: 180–181].

---

⁴ В своих сочинениях А.Т. Болотов часто использует глагольные приставочные образования, в том числе просторечные и авторские. Например, только в работах Болотова отмечены такие слова — с приставкой *за-*: *загваздать, загваздаться, загикать, заговляться, зазиране, закукование* (СРЯ XVIII 7: 192, 193, 197, 225, 260) и др.; с *о-*: *осоветь* (СРЯ XVIII 17: 137), *очухать, ошарашнуть* (СРЯ XVIII 18: 162); с двойными приставками отмечены глаголы на *пона-*: *понаготовить, понаметать, понасмотреться, понатвердить* (СРЯ XVIII 22: 14, 15, 16); на *пораз-*: *поразбросать, поразведриться, поразверстаться, поразвить, поразвертнуть, поразграбить, поразменяться, поразобраться, поразъехаться, пораспознать, пораспроведать, пораспутать, порассердить, порассориться* (кроме Болотова, отмечено в САР¹ в толкующей части к слову *посдорить* (САР¹ II: 656), *порастеряться, порастревожить* (СРЯ XVIII 22: 88, 89, 91, 92, 93, 94, 95); на *поне-*: *понесчастливиться* (с пометой *Един.*) (СРЯ XVIII 22: 20), на *раз-* (*рас-*): *распроведать, распроведание, распрямливать* и др.

⁵ «Использование освоенных иностранных слов является одним из важных положений языковой теории Болотова, который считал, что в текст не следует включать новые слова и выражения, не успевшие “аккредитоваться поболе в сочинениях”» [Азроянц 2012: 15; Геранина 2008: 24].

Таким образом, по мнению А.Т. Болотова, при создании сочинения писателю следует избирательно подходить к выбору иноязычной лексики и к созданию новых лексических образований.

2. Как уже было сказано выше, в русском языке XVIII века образования на *пре-* и *пред-* — интенсивно пополняющийся и активно функционирующий пласт лексического состава. Цель настоящего исследования состоит в описании лексики с префиксами *пре-* и *пред-*, выявлении частотности и оригинальности⁶ подобных образований у А.Т. Болотова на материале его основных переводных и оригинальных печатных разножанровых текстов, в том числе тех, которые пока еще не вошли в список источников КС XVIII⁷.

Методом сплошной выборки была выявлена лексика на *пре-* и *пред-*, в общей сложности ее объем составляет около 480 лексем.

Имена существительные

В XVIII веке расширение словарного состава в кругу имен существительных особенно интенсивно происходило за счет отвлеченной лексики, к числу которой относятся «существительные с суффиксами *-ость* и *-ние*, представляющие наиболее обширные группы новообразований, и существительные на *-ство*, отчасти сходные с существительными на *-ость*» [Мальцева и др. 1975: 6]. Как показывает наш материал, А.Т. Болотов активно использовал отвлеченную лексику с такими суффиксами в сочетании с префиксами *пре-* и *пред-*.

Одной из самых продуктивных моделей образования отвлеченных существительных в XVIII в. является образование с помощью суффиксов *-ениј/-аниј-*. В исследованных нами сочинениях Болотова примеры существительных с *пре-*, образованных по данной модели, самые многочисленны: *пребывание, перевозношение, превращение, предавание, презирание, презрение, преклонение, прекращение, преложение, прельщение, пременение, пренесение, преоборание, преображение, преодоление, преодоление, преподавание, препоручение, препровождение, препятствие, преселение, преследование, преслушание, пресечение, преставление, преступление, преуготовление, прехождение* и др.; *предвещание, предвкушение, предложение, предначинание, предосуждение, предписание, предпринимание, предпровождение, предсказание, предсказывание, представление, предубеждение, предуведомление, предугадывание, предуготовление, предупреждение, предшествование* и др. Перечисленные слова активно употреблялись в текстах XVIII века и представлены у многих авторов.

---

⁶ «Многочисленность в XVIII в. окказиональных и параллельно возникающих образований, с одной стороны, и недостаточная изученность источников, — с другой, обуславливают трудности в разграничении бытования (т. е. вообще наличия, «встречаемости») слова по отношению к его общей литературной истории». Поэтому «случаи употребления слов в это время нуждаются в тщательной интерпретации и могут быть правильно поняты и объяснены лишь с учетом полной исторической перспективы развития слов, соотношения разных параллельных средств выражения» [Веселитский 1972: 17].

⁷ Шифры источников и словарей XVIII в. даются в статье по: Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования словарем. Указатель источников. Л., 1984. С. 58–142; см. также на сайте ИЛИ РАН: https://iling.spb.ru/departements/historical_lexicography/18c/sources.html. Шифры новых источников СРЯ XVIII, не вошедших в опубликованные дополнения, указаны в конце статьи в разделе Источники.

Однако в группе подобных существительных у Болотова встречаются единичные образования, созданные по продуктивным для русского языка моделям, но не найденные в других источниках.

Так, в Памятнике ПВ отмечено слово *препоручивание*: *Звание его <Алексея Григорьевича Бобринского>, сходственное с Бобриковскою волостью, и отменное от всех прочих казенных деревень управление сих волостей, <...> несмешивание доходов с них ни с какими иными государственными, а доставливание оных в особо назначаемые места и <...> **препоручивание** оных всегда особым командирам и содержание их во всем почти на дворянском праве — подавали повод к таковым заключениям, и все почти не сомневались, что они выбудут некогда из казенного ведомства и пожалованы будут помянутому знаменитому воспитаннику* (Памятник ПВ: 70). Согласно данным КС XVIII, во второй половине XVIII в., особенно в последней его трети, частотно употребление отглагольного существительного *препоручение* (в этом тексте Болотова также отмечено единичное употребление данного слова). Такая форма получила лексикографическую фиксацию (САР¹ V: 220; Гм II: 552; САР² V: 231)⁸.

В переводном источнике «Разсуждения о начале и конце нынешняго и о состоянии будущаго мира» встретилось единичное образование от основы церковнославянского глагола несовершенного вида — *предвкушание* ‘мысленное представление, внутреннее ощущение приятного от чего-л. ожидаемого или предстоящего’: *Единственно из чаяния, упования, или надежды, наполняющей их души, и которую они великим блаженством и **предвкушанием** самага неба почитать причину имѣли* (Рассуждение: 217). Такая форма выявлена только у Болотова.

Отметим, что в этом же тексте употреблено и слово *предвкушение*, получившее лексикографическую фиксацию (ЛВ¹ I 179; САР² V: 162–163): *Одним словом, тут-то ощущаем мы **предвкушение** будущей жизни* (Рассуждение: 64)⁹.

Обращает на себя внимание еще одно авторское образование с отрицательной приставкой — *непредпринимание*: *Все дѣло в том состоит, чтоб мы отважились на собственное самих себя принуждение, <...> к оставлению и **непредприниманию** и маленьких наших худых дѣл, не взирая, что они нам милы и приятны* (Путеводитель II: 66). Слово *предпринимание*, согласно данным КС XVIII, отмечается со второй половины века¹⁰ и встречается, в основном, у Болотова в «Записках» и в журналах, где он печатался (ЭМ и ТВЭО): *Беспрерывное занятие себя чѣм-нибудь любопытным и веселым, как наприкладъ, <...> **предприниманием** тысячи разных любопытных дѣл и упражнений, <...> доставляло мнѣ несмѣтное множество минут приятных и прямо счастливых* (Зап. Блтв II: 648). Кроме этого, данное слово отмечено в переводном тексте второй половины XVIII в.: *Корыстолюбие, трудолюбие и **предпринимание***

⁸ Отметим, что в приведенной цитате интересующее нас слово с суффиксом *-ива-* стоит в одном ряду с существительными, образованными с помощью этого же суффикса, — *несмешивание, доставливание*, второе из которых также встретилось только у Болотова.

⁹ В САР¹ при глаголе *предвкушати, предвкусити* (САР¹ III: 1110) существительных *предвкушение* или *предвкушание* не дано.

¹⁰ СлРЯ XI–XVII его не фиксирует.

дѣл, неумѣренность и безпорядочное желание производимы бывают владычеством Ража-Гуна (Багуат-Гета: 157).

В XVIII веке особенно велико число новообразований с суффиксом *-ость*, продуктивность которого возрастает с XVII в. [Мальцева и др. 1975: 10–11]. Распространение данного суффикса в XVIII веке нередко вытесняет параллельные образования с другими суффиксами, «прежде всего *-ство, -(н)ие*» [Веселитский 1972: 80]. Однако в сочинениях А.Т. Болотова существительные с префиксами *пре-/пред-*, оканчивающиеся на *-ость*, составляют немногочисленную группу и характеризуются низкой частотностью (отмечены в исследуемых текстах 1–3 раза). Среди них слова, созданные от основ отглагольных прилагательных с суффиксами *-л-, -н-*: *предосторожность, преклонность, прелестность, преданность, престарелость*.

В первом томе «Записок» А.Т. Болотова отмечено единичное употребление отглагольного существительного *непреоборимость*: *Словом, все стечение обстоятельств было для нас несчастливое, и единая польза, происшедшая нам от сего сражения была та, что войска наши прославились на оной неописанною своею храбростью и **непреоборимостью*** (Зап. БлТВ I: 791). В источниках второй половины века отмечено прилагательное *преоборимый*, в том числе и с отрицательной приставкой. Единичное употребление глагола *преоборить* встретилось в «Поучительных словах» П.Г. Левшина: *Возможно ли, чтоб сими оружиями укрепленный Христианский подвижник, мог или страстьми, или затруднениями, или нещастиями преоборим быть?* (Митр. Платон Сл. II: 72). В СРЯ XVIII в гнезде слова *непреоборимый* дано существительное *непреоборимость* со знаком входа и ссылкой на САР² (СРЯ XVIII 15: 15). Можно предположить, что либо у А.Т. Болотова встречается более раннее употребление данного слова, либо его следует отнести к авторским новообразованиям.

Еще меньшую по количеству группу составляют существительные с *пре-/пред-*, оканчивающиеся на *-ство*: *превосходительство, превосходство, преимущество, премножество, предводительство*. Данная лексика была для времени Болотова общеупотребительной, и она отмечена во многих источниках XVIII века.

К авторским новообразованиям Болотова можно отнести отмеченные в «Записках» слова с *пред-*, образованные от субстантивов. Среди них, например, однокоренные синонимы *предспальня* и *предспальник* в значении ‘помещение, находящее перед спальней’: *Для нас поставлялся обыкновенно ломберный столик посреди **предспальни**, и тут должны мы были сидеть и учиться, наблюдая возможнейшую тишину и благопристойность* (Зап. БлТВ I: 183); *Мое удивление еще увеличилось, когда увидел я, что самые генералы в лентах и кавалериях, приехавшие при мне, не осмеливались прямо и без спроса входить в его **предспальню**, но с некоторым унижением у стоящих подле дверей лакеев спрашивали, можно ли им войтить и не помешают ли Михаиле Александровичу* (Зап. БлТВ I: 313); *Расположились мы сами жить в **предспальникъ**, а людей*

помѣстили в спальнѣ (Зап. БлТВ IV: 861)¹¹. В СРЯ XVIII со знаком ◁ (новое слово) у нескольких авторов отмечен полногласный вариант — *передспальня* и образованное от него прилагательное *передспальный* (СРЯ XVIII 19: 64)¹².

Только у Болотова встречается и слово *предполоводье*: *Сдѣлавшееся в половине онаго <февраля> тепло, испортившее совсѣм дороги и произведшее самое **предполоводье**, принудило племянниц моих долге у меня прогостить* (Зап. БлТВ V: 740).

Имена прилагательные

А.Т. Болотов активно пользуется словообразовательной моделью *пре-* + прилагательное, где префикс выступает со значением усиления, высшей степени признака.

Самую многочисленную группу формируют образования прилагательных на *пре-* с суффиксом *-н-* — *предлинный, предородный, преизрядный, презлобный, преосторожный, преразумный, пресильный, пресмирный, престрашный, претрудный, преужасный* и др.: *При прозбах наших и молениях к Творцу нам должно быть всегда весьма во всем **преосторожным** и помнить просим мы кого* (ДСВ: 138); *Не заведет ли сей путь <...> в дебри и пустыни **преужасныя**?* (Путеводитель I: 31) и т. д. Кроме того, в текстах нередко используется превосходная степень на *пре-* с суффиксами *-ейш-/-айш-* — *пребеднейший, превеличайший, превосходнейший, превысочайший, преглупейший, прежесточайший, прекраснейший, премудрейший, пресвятейший, преславнейший* и др.: *В самой **пресвятѣйшей** души нашего Спасителя находилось подобное тому желание* (Рассуждение: 201); *Творцу и Богу нашему не можно и взыскивать от нас того, чтоб мы исправились и натуру свою перемѣнили; потому что сему **пресовершеннѣйшему** Существу неотмѣнно надобно быть правосуднѣйшему, такоеж взыскание было бы не согласно с правосудием и ему не прилично* (Путеводитель I: 327) и т. д. В некоторых случаях данное значение усиливается с помощью дополнительного присоединения приставок *наи-* и *все-* — *наипреумнейший, наипремудрейший, всепремудрейший, наипрекраснейший*: *Бог есть Творец мира, или мир и бытие и распоряжение, и красоту свою получил от руки одного безконечнаго, совершеннѣйшаго, всевъдущаго, **всепремудрѣйшаго** и всемогущаго существа* (Рассуждение: 23); ***Наипреумнѣйший** человек имѣет довольно способности к исполнению сей должности* (Рассуждение: 60); *Большая часть людей проживает весь вѣкъ в сем мирѣ, не зная, и умирают, не видав великолѣпия и красот сего своего обиталища, и подобятся в сем случаѣ таким людям, которые жилиб, на примѣр, в каком нибудь **наипрекраснѣйшем** городѣ, но отправляли дѣла свои и из домов выходили только в ночное время* (Путеводитель II: 415) и т. д.

¹¹ Данная модель широко используется в языке XVIII в., ср.: *предбанная, предвратие, предгорье, предградие, преддверие, преддворие, предместие, предсение, предхрамие, предцерковие* и др.; ср. также: *предпочивальный* (покой, комната). На этой же странице «Записок» Болотовым употреблен вариант с *пере-*: *Так как нам с обоими его младшими дѣтьми, Иваном и Андреем, не оставалось во всей сей половине мѣста для учения, <...> мы принуждены были учиться у самого генерала в **передспальне*** (Зап. БлТВ I: 183).

¹² В СлРЯ XI–XVII не зафиксированы ни полногласный, ни неполногласный варианты.

Среди подобных прилагательных обращает на себя внимание слово *пренаказанный*, которое, без сомнения, можно отнести к авторским новообразованиям. Оно образовано от причастия, и появление его мотивировано содержанием текста, которое подчеркивается и лексическим повтором: *Мое щастие и неизреченное щастие еще, что имѣю в сем случаѣ дѣло не с смертным челоуком, а с Существом, безконечною благостию преисполненным. Естьлиб находился я в таких же обстоятельствах с каким нибудь смертным владыкою, могущим наказывать меня по своему произволению, <...> то давно не осталось бы и праха моего на землѣ, давноб я уже наказан и пренаказан был от него за то* (ЧХ: 187). Этот прием повтора однокоренных глаголов нередко встречается в текстах более раннего периода, с одной стороны, эмоционально усиливая смысл текста, с другой — являясь, как пишет И.С. Улуханов, способом передачи в переводном тексте различных греческих глаголов-синонимов [Улуханов 1975: 172; см. подобные примеры в текстах XVIII в.: Малышева 2018: 38].

Вторым примером авторского словообразования является прилагательное *преднедавний*, встретившееся в одном из произведений Болотова: *В преднедавном времени и сделано было положение, чтоб всем солдатам не долее служить 25 лет, а по прошествии оных всякий имел право проситься в отставку* (Памятник ПВ: 38). Аналогичные образования в значении предшествования какому-либо времени отмечены также в единичных случаях, ср.: *предвременный*: *Сие-то предвременное познание большаго общества <...> навлекало ему болѣзнь* (Рдщв Уш. 14); *Ты, ты предвременной и скорой Нас смертию постѣк, Когда на брани тек* (Држ. Соч. V 125); и *предсущественный* ‘существовавший ранее’: *Сѣмя зачатия было предсущественно* (Рдщв Чел. III 143).

Глаголы

Глаголы с *пре-* широко представлены в текстах XI–XVII вв.¹³ В XVIII веке продуктивность данной модели на фоне взаимодействия русской и церковнославянской языковых стихий способствовала появлению в русском языке новых глаголов, образованных по данной модели и непосредственно не связанных с церковнославянской традицией [Малышева 2019: 29]¹⁴.

В исследуемых текстах А.Т. Болотова глаголы на *пре-/пред-* в сравнении с другими частями речи, построенными по той же модели, составляют самую многочисленную группу. Среди них слова, активно употребляющиеся в XVIII веке: *пребывать* — *пребыть*, *превозносить(ся)* — *превознести(-тись)*, *превозвышать*, *превосходить* — *превзойти*, *превращать(ся)* — *превратиться(ся)*, *преграждать* — *преградить*, *предавать(ся)* — *предать(ся)*, *предчувствовать*, *преимуществовать*, *преисполнить(ся)*, *преклонить(ся)* — *преклонять*, *прекословить*, *прельщать(ся)* — *прельстить(ся)*, *пременять(ся)* — *пременить*, *пренебрегать* — *пренебречь*, *преоборать* — *преоборотить*, *преодолевать* — *преодолеть(ся)*, *препоручать(ся)* — *препоручить*, *препроводить* — *препровождать(ся)*, *прерывать* — *прервать*, *пресекать(ся)* — *пресечь(ся)*,

¹³ См. об этом: [Улуханов 2010].

¹⁴ Подробнее о глаголах с приставкой *пре-* в значении усиления действия в русском языке XVIII века см. [Малышева 2019], о семантике глагола *предать* в русском языке XVIII века см. [Кузнецова 2019].

преселять — преселить(ся), преставать — престать, претерпевать — претерпеть, презирать — презреть, прекратить(ся), преломить, преминовать, не преминуть, преобороть(ся), преобратиться, преподать, препятствовать, преследовать, пресмыкаться, представлять, преступить, претворять(ся), претыкаться, преходить, предшествовать и мн. др.

Нередко в текстах (иногда в одном источнике) Болотов употребляет глаголы в том же значении, но с полногласной приставкой. Например, *пременить* и *переменять*: *Премудрости Божеской гораздо де приличнѣе свѣтъ **премѣнить**, нежели уничтожить* (Рассуждения: 109); *Когда материя, из которой свѣтъ составлен, вѣчная; когда не имѣла она своего начала, то не выдет ли из того, что ей уже натурально не можно быть созданием Божеским; что она состоит сама из себя, и стоит сама собою; что Бог не имѣет уже власти и права учреждать, **перемѣнять** и распоряжать оныя?* (Рассуждения: 15); *перервать* и *прерывать*: *Дозвольте мнѣ сударыня вашу рѣчь на часок **перервать*** (ДФ II: 29)¹⁵; *Сие еще пуце заставило дѣтей смѣяться. Клеон, надсѣдаясь со смѣху, **прерывая** голос, говорит* (ДФ II: 280); *престать* и *переставать*: *Тысячи проступок ежедневно не **престаю** я дѣлать!* (ЧХ: 12); *Любезныя дѣти, пора уже **переставать** говорить. Видите ли, что уже почти смеркается* (ДФ II: 364) и др.

В «Чувствованиях христианина» отмечены славянизмы на *пре-*, которые не отмечены в других сочинениях Болотова. Например, глаголы *преоборять* и *преобороть*: *Буду **преоборять** наглость оных <страстей>, и стараться побѣдить сих внутренних и опаснѣйших злодѣев моих* (ЧХ: 20); *Вмѣсто того, чтоб храбро против их <неприятелей> вооружиться и наглость их **преоборить**, <...> я иду на встрѣчу им, отдаюсь самопроизвольно в плѣн* (ЧХ: 70). А также глаголы *преселить* и *преселиться* в сочетании *преселить(-ся)* в вечность: *Из жизни сей в вѣчность **преселиться** не долго* (ЧХ: 131); *всякой час окружены мы тысячью опасностей, могущих лишить нас жизни и **преселить** в вѣчность* (ЧХ: 159). В этом же тексте и в этом же сочетании отмечено единичное употребление глагола с полногласной приставкой: *Один час, одна минута, один миг достаточен уже к тому, и в состоянши **переселить** его в вѣчность* (ЧХ: 42).

Славянизмы на *пре-* отмечены в единичных случаях в текстах Болотова и других жанров: ***Преграждать** им <неприятелям> пути к получению помощи от своих товарищей таких же бунтовщиков* (Путеводитель I: 368); *Я никак на это не отважусь и боюсь **преступить** повеление генеральское* (Зап. БлТВ I: 810).

Болотов активно использует глаголы на *пред-*: *предварить, предъохранить(-ся) — предохранять, предпринимать — предпринять — предпрियाсть, предвидеть(ся), предводительствовать, предвозвещать — предвозвестить, предлежать, предлагать(ся) — предложить, предоставлять(ся) — предоставить, предписывать(ся) — предписать, предполагать(ся) — предположить, предпослать, предпочитать(ся) — предпочесть, предсказывать — предсказать, представлять(ся), предстоять, предъуведомить, предъупреждать — предупредить, предугадывать, предуготовлять, предугнать, предусматри-*

¹⁵ В этом источнике в значении 'прервать речь' чаще встречается сочетание *перервать речь*.

вать — предусмотреть, предъявлять — предъявить, представлять — представить, представлять — представить(ся) и др.

Интерес представляют отмеченные у Болотова глаголы *предъуказать* и *предуказывать*: Многие в сем пункте в мгньних своих весьма погръшают, и не примъчая сих божеских награждений и наказаний, думают, что беззакония довольно не наказуются, а добродѣтели не награждаются, и весьма не справедливо ропщут на своего Создателя, и тѣм не вѣдомо как гръшат пред тѣм, которому *предуказывать* никакого не имѣют они права (ДФ I: 308); Господь Единый толко может нам все давать и отнимать никто *предъуказатъ* не может Ему в раздаче благ своих (ДСВ: 520). Согласно материалам КС XVIII, этот глагол не встречается в других текстах, только у А.Н. Радищева отмечена форма деепричастия *предъуказуя*: Люди, ослѣпляющиеся внѣшностию, и чтущие в человекѣ чин, а не человекѣ, завидуя ему и, *предъуказуя* его возвышение, обучилися уже его почитать заранѣе (Рдщв Уш. 9). Не дан этот глагол ни в СДРЯ, ни в СлРЯ XI–XVII, лексикографическую фиксацию получили лишь существительные *предуказание* (РЦ: 195) и *предуказатель* (ЛП: 245).

Интересно употребление Болотовым редкой формы страдательного причастия прошедшего времени от глагола *преодолѣть*: *Преодолѣто* ли было какое нибудь негодное стремительство, до того меня не допускавшее? (ЧХ: 210). Это единичный пример фиксации данной формы в материалах КС XVIII.

3. Выводы. Рассмотрение лексики на *пре-/пред-* в произведениях А.Т. Болотова позволяет сделать вывод об активности таких лексических образований в текстах данного автора, об отсутствии во многих случаях связи данных префиксов с церковнославянской традицией. Самую большую группу таких образований составляют глаголы, но при этом именно она (как и группа прилагательных) в меньшей степени реализует потенциал авторских новообразований.

Наиболее продуктивную группу в плане авторских образований представляют собой существительные: отмечены единичные образования на *пре-/пред-*, созданные по продуктивным для XVIII века моделям, встретившиеся только в текстах А.Т. Болотова. Кроме того, привлечение более широкого круга источников, которые пока не вошли в список источников СРЯ XVIII, позволило выявить лексику, дополняющую материалы КС XVIII: *предвкушение, препоручивание, пренаказанный, преднедавный* и др.

Источники

Багуат-Гета — Багуат-Гета, или беседы Кришны с Аржуном, с примечаниями, переведенная с подлинника писанного на древнем Браминском языке, называемом Санскритта, на Английской, и с сего на российской язык. М., 1788.

ДСВ — Дюжина сотен вздохов, чувствований и мыслей христианских / Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992.

ДФ — Детская философия, или нравоучительные разговоры между госпожею и ея детьми, сочиненные для поспешествования истинной пользе молодых людей. Ч. I. М., 1776; Ч. II. М., 1779.

- КС XVIII — Картоoteca «Словаря русского языка XVIII века» (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург).
- Основания — Основания умственной и нравоучительной философии обще с сокращенною историею философическою, сочиненныя Иоанном Готтлобом Гейнекцием и с латинскаго языка на российской переведенныя. М., 1766.
- Памятник ПВ — Памятник претекших времян, или Краткие исторические записки о бывших происшестввах и о носившихся в народе слухах. 1796 / Изд. П.С. Киселева. М., 1875.
- Путеводитель — Путеводитель к истинному человеческому счастью, или Опыт нравоучительных и отчасти философических разсуждений о благополучии человеческой жизни и средствах к приобретению онаго. Ч. I, II. М., 1784.
- Разсуждение — Разсуждения о начале и конце нынешняго и о состоянии будущаго мира. М., 1783.
- САР¹ — Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный: в 6 ч. СПб., 1789–1794.
- САР² — Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный: в 6 ч. СПб., 1806–1822.
- СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / Рос. акад. наук, Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова. Т. 1–12. М., 1988–2019 (издание продолжается).
- СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова. Вып. 1–31. М., 1975–2019 (издание продолжается).
- СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. Вып. 1–22. Л.; СПб.: Наука, 1984–2019 (издание продолжается).
- ЧХ — Чувствования христианина, при начале и конце каждого дня в неделе, относящиеся к самому себе и к Богу. М., 1781.

Литература

- Азроянц А.А. «Экономический магазин» А.Т. Болотова как источник по истории русского литературного языка XVIII века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 20 с.
- Биржакова Е.Э. К вопросу об отражении словообразовательных процессов русского языка в двуязычной лексикографии последней трети XVIII века // Развитие словарного состава русского языка XVIII века. Л., 1990. С. 136–153.
- Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней): Т. I–VI. 1889–1904. Т. V. СПб., 1897. 484 с.
- Веселитский В.В. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII – начала XIX в. М., 1972. 319 с.
- Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков: Учебник. 3-е изд. М., 1982. 528 с.
- Геранина И.Н. Заимствованная лексика в аспекте изучения языковой личности (на материале записок XVIII века) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2008. №9 (13). С. 22–24.
- Коноплина Е.Д. К вопросу о роли префикса в управлении (на материале глаголов движения) // Развитие словарного состава русского языка XVIII века. Л., 1990. С. 114–135.
- Кузнецова И.Е. Синтагматические связи глагола предать в русском языке XVIII века // Славянская историческая лексикология и лексикография: сб. научных трудов. Вып. 2 / Институт лингвистических исследований РАН / Отв. ред. В.Н. Калиновская, И.А. Малышева. СПб.: ИЛИ РАН, 2019. С. 44–48.
- Кутина Л.Л. К вопросу о неославянизмах (глаголы с приставкой низ- в русском языке XVIII века) // Развитие словарного состава русского языка XVIII века. Л., 1990. С. 99–113.
- Литературное наследство [XVIII век] / Обл. работы И.Ф. Рерберга. М., 1933. №9–10. С. 191–221.
- Малышева И.А. Префиксальные образования в русском языке XVIII века (прилагательные с пред-) // Славянская историческая лексикология и лексикография: сб. научных трудов.

- Вып. 1 / Институт лингвистических исследований РАН / Ред. Е.В. Генералова, В.Н. Калиновская, И.А. Малышева, М.Н. Приемьшева. СПб.: ИЛИ РАН, 2018а. С. 54–67.
- Малышева И.А. Слова с пре-, пред- в русском языке XVIII века // *Studia Russica XXVI*. Budapest, 2018b. С. 418–425.
- Малышева И.А. Глаголы с пре- в русском языке XVIII века: значение усиления действия // *Славянская историческая лексикология и лексикография: сб. научных трудов*. Вып. 2 / Институт лингвистических исследований РАН / Отв. ред. В.Н. Калиновская, И.А. Малышева. СПб.: ИЛИ РАН, 2019. С. 29–43.
- Мальцева И.М., Молотков А.И., Петрова З.М. Лексические новообразования в русском языке XVIII в. Л., 1975. 371 с.
- Морозов И. Из неизданного литературного наследия Болотова // *Литературное наследство*. М., 1933. №9–10. С. 153–190.
- Редькина Н.С. Формирование русской фразеологии под влиянием французского языка (на материале «записок» XVIII в.) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов, 2016. №8: в 2 ч. Ч. 2. С. 152–154.
- Улуханов И.С. Некоторые вопросы техники переводов с греческого, сделанных на Руси // *Древнерусский язык. Лексикология и словообразование*. М., 1975. С. 167–183.
- Улуханов И.С. Славянизмы в русском языке. Глаголы с неполногласными приставками. 2-е изд. М., 2010.
- Щеблыгина И.В. А.Т. Болотов и его система ценностей: дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. 182 с.
- Щербакова Н.Н. Словообразование русской просторечной лексики XVIII века: дис. ... д. филол. наук: 10.02.01. Омск, 2006. 353 с.

Коркина Татьяна Дмитриевна, канд. филол. наук; *Институт лингвистических исследований РАН, 199053, г. Санкт-Петербург; Тучков пер. д. 9; науч. сотрудник; e-mail: TDK2006@bk.ru*

Для цитирования. Коркина Т.Д. Лексика на пре- и пред- в произведениях А.Т. Болотова // *Славянская историческая лексикология и лексикография*. 2020. Вып. 3. С. 213–225. DOI 10.30842/26583755202009

References

- Azrojanc A.A. «Jekonomicheskij magazin» A.T. Bolotova kak istochnik po istorii russkogo literaturnogo jazyka XVIII veka: avtoref. ... kand. filol. nauk. M., 2012. 20 p. (In Russ.)
- Birzhakova Je.E. K voprosu ob otrazhenii slovoobrazovatel'nyh processov russkogo jazyka v dvujazyčnoj leksikografii poslednej treti XVIII veka // *Razvitie slovarnogo sostava russkogo jazyka XVIII veka*. L., 1990. P. 136–153. (In Russ.)
- Vengerov S.A. Kritiko-biograficheskij slovar' russkih pisatelej i uchenyh (ot nachala russkoj obrazovannosti do nashih dnej): Vol. I–VI. 1889–1904. Vol. V. SPb., 1897. 484 p. (In Russ.)
- Veselitskij V.V. Otvlechennaja leksika v russkom literaturnom jazyke XVIII – nachala XIX v. M., 1972. 319 p. (In Russ.)
- Vinogradov V.V. Oчерki po istorii russkogo literaturnogo jazyka XVII–XIX vekov: Uchebnik. 3-e izd. M., 1982. 528 p. (In Russ.)
- Geranina I.N. Zaimstvovannaja leksika v aspekte izuchenija jazykovoj lichnosti (na materiale zapisok XVIII veka) // *Izvestija Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo*. 2008. №9 (13). P. 22–24. (In Russ.)
- Konoplina JE.D. K voprosu o roli prefiksa v upravlenii (na materiale glagolov dvizhenija) // *Razvitie slovarnogo sostava russkogo jazyka XVIII veka*. L., 1990. P. 114–135. (In Russ.)
- Kuznecova IJe. Sintagmatische svjazi glagola predat' v russkom jazyke XVIII veka // *Slavjanskaja istoricheskaja leksikologija i leksikografija: sb. nauchnyh trudov*. Vyp. 2 / Institut lingvisticheskikh issledovanij RAN / Отв. ред. V.N. Kalinovskaja, I.A. Malysheva. SPb.: IЛИ RAN Publ., 2019. P. 44–48. (In Russ.)

- Kutina L.L. K voprosu o neoslavjanizmah (glagoly s prstavkoj *niz-* v russkom jazyke XVIII veka) // Razvitie slovarnogo sostava russkogo jazyka XVIII veka. L., 1990. P. 99–113. (In Russ.)
- Literaturnoe nasledstvo [XVIII vek] / Obl. raboty I.F. Rerberga. M., 1933. №9–10. P. 191–221. (In Russ.)
- Malysheva I.A. Prefiksals'nye obrazovanija v russkom jazyke XVIII veka (prilagatel'nye s *pred-*) // Slavjanskaja istoricheskaja leksikologija i leksikografija: sb. nauchnyh trudov. Vyp. 1 / Institut lingvisticheskikh issledovanij RAN / Red. E.V. Generalova, V.N. Kalinovskaja, I.A. Malysheva, M.N. Priemysheva. SPb.: ILI RAN Publ., 2018a. P. 54–67. (In Russ.)
- Malysheva I.A. Slova s *pre-*, *pred-* v russkom jazyke XVIII veka // Studia Russica XXVI. Budapest, 2018b. P. 418–425. (In Russ.)
- Malysheva I.A. Glagoly s *pre-* v russkom jazyke XVIII veka: znachenie usilenija dejstvija // Slavjanskaja istoricheskaja leksikologija i leksikografija: sb. nauchnyh trudov. Vyp. 2 / Institut lingvisticheskikh issledovanij RAN / Otv. red. V.N. Kalinovskaja, I.A. Malysheva. SPb.: ILI RAN Publ., 2019. P. 29–43. (In Russ.)
- Mal'ceva I.M., Molotkov A.I., Petrova Z.M. Leksicheskie novoobrazovanija v russkom jazyke XVIII v. L., 1975. 371 p. (In Russ.)
- Morozov I. Iz neizdannogo literaturnogo nasledija Bolotova // Literaturnoe nasledstvo. M., 1933. №9–10. P. 153–190. (In Russ.)
- Red'kina N.S. Formirovanie russkoj frazeologii pod vlijaniem francuzskogo jazyka (na materiale «zapisok» XVIII v.) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov, 2016. №8: v 2 ch. Ch. 2. P. 152–154. (In Russ.)
- Uluhanov I.S. Nekotorye voprosy tehniki perevodov s grecheskogo, sdelannyh na Rusi // Drevnerusskij jazyk. Leksikologija i slovoobrazovanie. M., 1975. P. 167–183. (In Russ.)
- Uluhanov I.S. Slavjanizmy v russkom jazyke. Glagoly s nepolnoglasyymi prstavkami. 2-e izd. M., 2010. (In Russ.)
- Shheblygina I.V. A.T. Bolotov i ego sistema cennostej: dis. ... kand. ist. nauk. M., 1996. 182 p. (In Russ.)
- Shherbakova N.N. Slovoobrazovanie russkoj prostorečnoj leksiki XVIII veka: dis. ... d. filol. nauk: 10.02.01. Omsk, 2006. 353 p. (In Russ.)

Tatyana Dmitrievna Korkina, PhD, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Research Officer, 9 Tuchkov per., 199053, Saint Petersburg, Russian Federation. E-mail address: TDK2006@bk.ru

For Citation: Korkina T. D. (2020). Lexis with prefixes *pre-* and *pred-* in Bolotov's works. *Slavyanskaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya* [Slavic historical lexicology and lexicography], 3, pp. 213–225. DOI 10.30842/26583755202009 (In Russ.)

Natalia V. Patroeva
ORCID iD: 0000-0003-3836-6393

Н.В. Патроева

**FATE OF NEDONOSOK
(PREMATURELY BORN CHILD):
STORY OF “NONPOETIC” WORD
IN RUSSIAN LYRICS**

**ИСТОРИЯ «ПРОЗАИЗМА»
НЕДОНОСОК В РУССКОМ
ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ¹**

Аннотация. В статье воссоздается история бытования «прозаизма» *недоносок* в русской поэзии XIX–XX веков. Целью работы является исследование семантических трансформаций «непоэтического» слова в лирическом дискурсе, приводящих к сдвигам в парадигматике и синтагматике лексемы. С опорой на материалы толковых и исторических словарей русского языка автор рассматривает, как узусальное значение расширяется и обогащается в поэтическом контексте.

В словарях XVIII века отражается единственное (прямое) значение слова *недоносок*. Переносное (метафорическое, оценочное) значение появляется в художественных, публицистических и эпистолярных источниках не ранее 1820-х годов. По данным «Национального корпуса русского языка», на протяжении трех веков в русской поэзии фиксируется только 21 вхождение слова *недоносок*, в то время как русская художественная проза дает около 200 вхождений. Лексема «недоносок» анализируется на материале лирических произведений первой половины XIX столетия с точки зрения образной семантики, богатого ассоциативного потенциала и интертекстуального «ореола». Поэты пушкинского и следующих поколений уже самим фактом художественного использования этой «маргинальной» для лирики лексемы оказываются близки друг другу в стремлении увеличить смысловой объем и расширить ассоциативную нагруженность «непоэтического» слова. П.А. Вяземский «отрывком» «Байрон» 1824–27 гг. положил начало поэтической традиции, которая в 1835 г. нашла свое яркое воплощение в стихотворении «Недоносок» Е.А. Баратынского. Слово *недоносок* встречается и в не опубликованной до начала XX в. песне А.С. Пушкина «Уродился я, бедный недоносок...».

Тропеические репрезентации между тем свидетельствуют о референтной экспансии лексемы на протяжении XIX–XX веков: поэтические контексты отражают образно-символические «приращения» смысла и некоторые попытки синтагматического расширения словоупотребления, однако даже метафорическое использование слова *недоносок* демонстрирует узость его валентностных связей.

Ключевые слова: лексема *недоносок*, русская поэтическая традиция, «прозаизм», «поэтизм», поэтическая лексика, аллюзия, реминисценция

Summary. The article recreates the story of the existence of the “prosaism” *nedonosok* (prematurely born child) in the Russian poetry of the 19th–20th centuries. The aim of the work is to study the semantic transformations of the “non-poetic” word in the lyrical discourse, leading to shifts in the paradigmatics and syntagmatics of the lexeme. Based on materials from the explanatory and historical dictionaries of the Russian language, the author considers how the everyday meaning is expanded and enriched in a poetic context.

The dictionaries of the 18th century show the single (direct) meaning of the word “*prematurely born child*”. The figurative (metaphorical, evaluative) meaning appears in artistic, journalistic and epistolary sources not earlier than the 1820s. According to the “National Corpus of the Russian Language”, only 21 occurrences of the word “nedonosok” (prematurely born child) are recorded in the Russian poetry while Russian fiction gives about 200 entries. The “nedonosok” (prematurely born child) lexeme is analyzed on the basis of the lyric works of the first half of the 19th century in terms of figurative semantics, big associative potential and intertextual “halo”. P.A. Vyazemsky started a poetic tradition by the “fragment” “Byron” in 1824–27, that tradition was vividly shown in poem “Nedonosok” in 1835 by E.A. Baratynsky. The word “nedonosok” (prematurely born child) is also used in the song of A.S. Pushkin “I was born, poor nedonosok...”, which wasn’t published before the beginning of the 20th century.

Tropic representations meanwhile indicate a referential expansion of the lexeme throughout the 19th–20th centuries: poetic contexts reflect figuratively-symbolic “increments” of meaning and some attempts to syntagmatically expand the usage of words, but even the metaphorical use of the word nonsense shows the narrowness of its valency relations.

Keywords: lexeme “nedonosok” (prematurely born child), Russian poetic tradition, “prosaism”, “poetizm”, poetic vocabulary, allusion, reminiscence

¹ Статья опубликована при содействии «Союза литераторов России».

*Поэзия тем и отличается от автоматической речи,
что будит нас и встряхивает на середине слова.
(О. Мандельштам. Из «Разговоров о Данте»)*

*Как мы, едва слова употребив,
Им придаем значение иное
(Ю. Мориц. «К весне»)*

Согласно «Словарю русского языка XVIII века», в памятниках этой эпохи отражается прямое значение слова *недоносок* — ‘ребенок или животное, рожденные преждевременно’ (СРЯ XVIII 14: 169), а первая лексикографическая фиксация слова *недоносок* встречается в «Лексиконе треязычном, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище. Из различных древних и новых книг собранное и по славенскому алфавиту в чин разположенное» Ф.П. Поликарпова-Орлова, который отражает языковое состояние рубежа XVII–XVIII вв. и ориентируется преимущественно, но все же не исключительно на книжную и церковно-славянскую лексику. Опубликованные более века спустя словари (САР¹; САР²) неизвестному старославянскому языку лексеме *недоносок* не фиксируют. «Дитя, рожденное прежде времени» — такое толкование лексемы, подаваемой в качестве однозначной, находим в (Сл 1847: 432). В.И. Даль также представляет лишь это прямое значение (Даль 1978 2: 1335).

«Давая предмету название, человек «метит» его, выделяет из общей массы вещей, делает его «своим», частью своего мира. Эта номинативная функция языка, составляющая условие и пару к функции когнитивной, также отражается в русской поэзии. Предмет нуждается в словесном обозначении для того, чтобы стать собой, самоидентифицироваться», — замечает Б.Ю. Норман [Норман 2020: 13]. Интересно проследить развитие и трансформацию семантики узуального слова в лирическом роде: поэты, экспериментируя с лексемой, содействуют расширению ее смыслового потенциала и сочетаемости, изменению парадигматических и грамматических свойств.

По данным «Национального корпуса русского языка» (далее — НКРЯ), на протяжении трех веков в русской поэзии фиксируется только 21 вхождение слова *недоносок* (для сравнения: в прозе 197 словоупотреблений, то есть почти в 10 раз чаще!).

Как нам удалось выяснить, пользуясь НКРЯ, первым, кто отважился использовать стилистически сниженное, не освященное книжной церковно-славянской традицией употребления, и отнюдь не поэтическое слово *недоносок* в стихотворном жанре, на русской почве был П.А. Вяземский² — в «отрывке» «Байрон» (1824/27 гг.) в составе генитивной метафоры, выражающей идею еще не созревшего в душе художника творения:

Так вспыхнуть из тебя оно было готово —
На языке земном несбыточное слово,
То слово, где б слились, как в верный отголосок,
И жизни зрелый плод, и *жизни недоносок..!* [Вяземский 1982: 178]

² Словарь языка П.А. Вяземского подтверждает однократное использование поэтом лексемы *недоносок* [Васильев, Жаткин 2015: 129].

Таким образом, уже первое употребление слова *недоносок* в поэтическом контексте сразу демонстрирует семантическое расширение, приращение переносного смысла. Возможно, что образ был почерпнут Вяземским из письма князю его литературного наставника И.И. Дмитриева, который уже в начале 1820-х годов так отозвался о только что появившейся пушкинской поэме: «Что скажете о нашем “Руслане”, о котором так много кричали? Мне кажется, это **недоносок** пригожего отца и прекрасной матери (музы)...» [Письма И.И. Дмитриева 1898: 25].

Стихотворение Е.А. Баратынского «Недоносок» написано и напечатано в 1835 году, а позже включено в известный философско-поэтический цикл «Сумерки» (1842 г.). Далекое от традиционной поэтической фразеологии «школы гармонической точности», а потому сразу останавливающее на себе внимание читателя слово *недоносок* в тексте Баратынского используется в качестве заглавной номинации и повторяется затем в заключительной строфе, так что обе позиции оказываются подчеркнутыми, акцентированными по смыслу. Поскольку сразу после заглавия местоимение «Я» отсылает читателя к странному существу «из племени духов» (таким образом, лирическому «я» в стихотворении Баратынского соответствует необычный внутренний субъект), и название стихотворения поначалу ассоциируется в сознании потенциального внешнего адресата прежде всего с именем некоего «духа». Только в концовке стихотворения, начинающейся как-то неожиданно, с середины стиха после многоточия: «...На земле оживил я **недоносок**...» [Баратынский 1987: 182], — заглавная номинация повторяется, при этом она вдруг изменяет свою референтную отнесенность: «недоносок» оказывается теперь неким «отбывшим без бытия» земным созданием, хотя используется окказионально форма неодушевленности.

Помимо Вяземского и Баратынского, «прозаизм» *недоносок*, и тоже только единожды, использовал А.С. Пушкин. К 1828 г. относится не законченный Пушкиным, однако не публиковавшийся до начала XX столетия, а потому современной автору читательской публике неизвестный отрывок «Уродился я, бедный недоносок...» [Пушкин 1957: 95]. Стихотворение Пушкина напоминает искусно стилизованную народную необрядовую песню — жалобу героя на свою несчастливую судьбину:

Уродился я, бедный недоносок.

С глупых лет брожу я сиротою... [Пушкин 1957: 95].

Следующий после Баратынского пример, иллюстрирующий однако редкое для поэзии прямо-номинативное значение лексемы *недоносок*, мы находим в написанном только полвека спустя стихотворении Константина Случевского в «Рассказе посланца» (1880 г.):

*... сказал Господь,
Что осенить пришлось бы благодатью
Одних только сирот мертворожденных,
Детей без имени и недоносков!*³

---

³ В дальнейшем стихотворные произведения, если нет иных указаний, цит. по поэтическому подкорпусу НКРЯ.

Напротив, скорее, к переносному смыслу ('неполноценный в физическом и/или умственном отношении человек') отсылает контекст поэмы «Старинные октавы» (1895–1899) Дмитрия Мережковского:

*Но в старших классах алгебры учитель
Был хуже немцев — русский буквоед...
Незловивый старательный мучитель,
Он страшен был душе моей, как бред...
В лице — подобье бледной мертвой маски...
Он — неуклюж, горбат, и хром, и кос, —
Казался жалким странным недоноском.*

Подобную же функцию яркой портретной характеристики героя слово *недоносок* выполняет у Осипа Мандельштама в стихотворении 1914 г. «Перед войной»: «недоноском» поэт, используя гораздо более характерное для живой речи, драматургического диалога или прямой речи героев прозаического произведения переносное значение, здесь называет последнего короля Италии Виктора Эммануила III, отличавшегося очень маленьким ростом:

*Или возит кирпичи
Солнца дряхлая повозка
И в руках у недоноска
Рима ржавые ключи?*

Двадцатью годами ранее у П.П. Потемкина в стихотворении 1910 г. «На вал» лексема *недоносок* употреблена так же — метафорически и с бранной коннотацией:

*Раздражена и зла,
Мамаша «недоноском»
Папашу назвала.*

Н.А. Заболоцкий в мучительных поисках собственного поэтического голоса прибегает к почерпнутому, очевидно, именно у «поэта мысли» Баратынского образу в стихотворении «Белая ночь» (имеется в виду его первая редакция 1926 г., впоследствии измененная) из сб. «Столбцы». Только заспиртованный «недоносок» у Заболоцкого не парит «меж землей и небесами», как «дух» Баратынского, а только мечтает о них («просится»). В стихотворении Заболоцкого представлено развернутое сравнение, устанавливающее образный параллелизм между белой петербургской (ленинградской) ночью и «недоноском» — младенчески безгрешным «ангелом» из Кунсткамеры:

*Так недоносок или ангел,
Открыв молочные глаза,
Качается в спиртовой банке
И просится на небеса.* [Заболоцкий 1983: 29]

Комментируя образ-аллюзию Заболоцкого, М.М. Гельфонд пишет: «Заболоцкий резко переосмысливает образ, созданный его предшественником. Прежде всего, недоносок «Белой ночи» грубо и зримо телесен. Атрибутами его телесности становятся «молочные глаза» и «спиртовая банка», в которую он

погружен. Передающий бессмысленный взгляд героя эпитет *молочные* напоминает о несостоявшемся младенчестве героя, то есть одновременно — о детстве и смерти. Слову «недоносок» возвращается тем самым прямое, резко сниженное значение». [Гельфонд 2004: 46–47] (см. также [Гельфонд 2009: 56–67]).

Н.А. Заболоцкий вернется к слову *недоносок* еще раз позднее, в поэме 1931 г. «Торжество земледелия»:

С о л д а т
*Предки, все это понятно,
Но, однако, важно знать,
Не пойдём ли мы обратно,
Если будем лишь рожать?*

П р е д к и
*Дурень ты и старый мерин,
Недоносок рыжей клячи!
Твой рассудок непомерен,
Верно, выдуман иначе.*

Здесь, при выражении «предками» недовольства потревожившим их тени солдатом, стилистически сниженное словоупотребление оказывается гораздо более эстетически мотивированным.

К метафорическому образу поэта — «недоноска площадей» прибегает в поэме «Магдалина» 1919 г. Анатолий Борисович Мариенгоф, что в общем контексте поэмы также насыщает образ библейскими аллюзиями и ассоциациями с пушкинским «Пророком» и «Недоноском» Баратынского:

*Нелюбы
Опять распяли
Поэта в зеркальных озерах витрин...
Магдалина, я тоже ведь, тоже
Недоносок
Проклятьями утрамбованных площадей.*

В 1921 г. Максимилиан Волошин использует в «Красной Пасхе» слово в прямом значении, описывая ужасы голода военных лет, однако дополняет контекст образом не воскресшего на Пасху Христа, что подчеркивает трагизм человеческого существования и так и не состоявшегося бытия мертворожденных:

*Весна пришла
Зловещая, голодная, больная.
Глядело солнце в мир незрячим оком.
Из сжатых чресл рождались **недоноски**
Безрукие, безглазые...
Зима в тот год была Страстной неделей,
И красный май сплелся с кровавой Пасхой,
Но в ту весну Христос не воскресал.*

Еще несколько примеров употребления слова *недоносок* находим в произведениях поэтов, мало публиковавшихся на родине, — многие из этих стихотворений пришли к русскому читателю уже много лет спустя после их создания:

С.Я. Парнок. «Гони стихи ночные прочь...» (1931)

*Гони стихи ночные прочь,
Не надо недоносков духа...*

Д.Б. Кедрин. «Афродита» (1931)

*Пошщи твое небо / В склерозных распятыях Дюрера,
В недоносках Джиото, / В гнилых откровеньях Гойя.*

М.А. Тарловский. Поэма «Веселый странник» (1935)

*«Под музыку вселенских завирух,
О древний танк звеня косою крестьянской,
Мы встретили, — сказал он, — чванный дух
Британской мощи и алчбы британской...
И вот — стоим, враждой обагрены,
Глаза — в глаза, под ропот миноносок, —
Помпезный пережиток старины
И будущего грозный недоносок...»*

Д.Л. Андреев. Поэма «Песнь о Монсальвате» (1934–1938)

*— Так зачем же ты хочешь судьбу разделить
С судьбой недоносков земли?*

Е.Л. Кропивницкий. Стихотворение «Недоносок» (1947)

*Мертворожденное дитя,
Печальный недоносок.
И вот столяр, как бы шутя,
Готовит гроб из досок.*

А.А. Штейнберг. Поэма «К верховьям» (1963–1967)

*Никто присяжным земледельцем
Сморчка бы этого не счел:
Ему с таким убогим тельцем
Сидеть бы только возле пчел.
Подобным недоноскам хилым
Не по плечу крестьянский труд,
А что взаправду им по силам —
Лишь после смерти разберут.*

С.М. Гандлевский. «Далеко от соленых степей саранчи...» (1978)

*Я найду тебя в комнате, зыбкой от слез,
Где стоял КВН, недоносок прогресса...*

Судьбу слова *недоносок* в русской поэзии актуально проследить в процессе выявления парадигматических и синтагматических свойств слова и в связи с прямо-номинативным либо метафорически-оценочным его значением:

1) нулевая падежная рамка: ... оживил я *недоносок* (Баратынский); *Детей без имени и недоносков* (Случевский); *Мамаша «недоноском» Папашу назвала* (Потемкин); *недоносок или ангел* (Заболоцкий);

2) атрибутивное сочетание: *бедный недоносок* (Пушкин); *русская душа ... их «буйный недоносок»* (Баласогло); *жалким странным недоноском* (Мережковский); *недоноски безрукие, безглазые* (Волошин); *печальный недоносок* (Кропивницкий); *недоноском хилым* (Штейнберг);

3) генитивное сочетание: *жизни недоносок* (Вяземский); *недоноски Рима* (Мандельштам); *недоносок площадей* (Мариенгоф); *недоноски Джигото* (Кедрин); *недоносок духа* (Парнок); *недоносок земли* (Андреев); *недоносок прогресса* (Гандлевский);

4) трехчленное сочетание (с Р. п. существительного и эпитетом-прилагательным): *недоносок рыжей клячи* (Заболоцкий); *будущего грозный недоносок* (Тарловский).

Как показывает анализ синтагматики и парадигматики «непоэтического» слова, лексема *недоносок* используется почти исключительно в метафорическом значении, наделенном неодобрительной либо сочувственной коннотацией, редко без сопровождения атрибутов-эпитетов, чаще всего в составе генитивной метафоры. Только 25% контекстов демонстрируют форму множественного числа и лишь чуть более трети репрезентаций являются косвенно-падежными, что доказывает тенденцию к сокращению падежной и числовой парадигмы слова в «грамматике поэзии», остальные занимают позицию субъекта, прямого объекта либо употребляются в обособленном аппозитивном сочетании. Трансформацию грамматических свойств наблюдаем также в отношении приобретения лексемой формы неодушевленности (см. пример из Баратынского).

В целом проведенное исследование доказывает маргинальность разговорно-просторечного по своей стилистической окраске слова в лирическом дискурсе. Тем выразительнее оказываются случаи образно-метафорического и символического использования лексемы *недоносок*, свидетельствующие о смелых экспериментах русских поэтов: прямо-номинативное или также имеющееся в языковом сознании носителей русского языка и наделенное отрицательной коннотацией переносное значение привлекаются для номинации или характеристики героев редко; гораздо более активно поэты трансформируют исходную коннотацию и меняют денотативную отнесенность слова для формирования более глубоких и смелых метафор и многозначных символов.

Источники

- Баратынский Е.А. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М.: Современник, 1987. 183 с.
- Баратынский Е.А. Полное собрание сочинений. Л.: Сов. писатель, 1989. 464 с.
- Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Словарь поэтического языка П.А. Вяземского (с приложением малоизвестных и непубликовавшихся его стихотворений). М.: Флинта; Наука, 2015. 424 с.
- Вяземский П.А. Сочинения: в 2 т. М.: Худож. лит-ра, 1982. Т. 1. 460 с.
- Даль 1978 — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1978–1980. Т. 2. И–О. М., 1979. 779 с.

- Заболоцкий Н.А. Собрание сочинений: в 3 т. М.: Худож. лит-ра, 1983. Т. 1. Столбцы и поэмы 1926–1933; Стихотворения 1932–1958; Стихотворения разных лет; Проза. Предисловие Н. Степанова; Примеч. Е. Заболоцкой, Л. Шубина. 1983. 655 с.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.04.2020)
- Письма И.И. Дмитриева к кн. П.А. Вяземскому 1810–1836 годов: Из Остафьевского архива. Изданы с предисловием и примечаниями Николая Барсукова. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1898. 147 с.
- Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 3. 558 с.
- САР¹ — Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный: в 6 ч. СПб., 1789–1794. Ч. IV: От М до Р. СПб.: при Императорской Академии Наук, 1793. 784 с.
- САР² — Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный: в 6 ч. СПб., 1806–1822. Ч. III: К–Н. СПб.: При Императорской Академии наук, 1814. 722 с.
- Сл 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук. Репр. изд.: в 2 кн. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2001. Кн. I (Т. I, II). 928 с.; Кн. II (Т. III, IV). 1092 с.
- СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. Вып. 1–22. Л.; СПб.: Наука, 1984–2019 (издание продолжается). Вып. 14. М., 2004. 169 с.

Литература

- Гельфонд М.М. Боратынский в прочтении Заболоцкого: поэтика элегии и гротеска // Новый филологический вестник. 2009. №2 (9). С. 56–67.
- Гельфонд М.М. «Нестерпимая тоска разъединенья...» (об одном образе Боратынского в лирике Заболоцкого) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Филология. 2004. №1. С. 45–49.
- Норман Б.Ю. Языковые категории в сознании и творчестве русского поэта / Trierer Studien zur Slavistik. Band 7. Trier: PETER LANG, 2020. 159 с.

Патроева Наталья Викторовна, д. филол. наук; Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск; заведующий кафедрой русского языка; e-mail: nvpatr@list.ru

Для цитирования. Патроева Н.В. История «прозаизма» недоносок в русском поэтическом дискурсе // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2020. Вып. 3. С. 226–233.

References

- Gel'fond M.M. Boratynsky in reading Zabolotsky: poetics of elegia and grotesque. New Philological Bulletin. 2009. №2 (9). Pp. 56–67. (In Russ.)
- Gel'fond M.M. «“Unbearable anguish of separation ...” (about one image of Boratynsky in the lyrics of Zabolotsky). Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Philology. 2004. №1. Pp. 45–49. (In Russ.)
- Norman B.Yu. Language categories in the consciousness and work of the Russian poet. Trierer Studien zur Slavistik. Band 7. Trier: PETER LANG Publ., 2020. 159 p. (In Russ.)

Natalia V. Patroeva, Dr. of Sci. Phil., Head of the Department of Russian Language, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russian Federation. E-mail address: nvpatr@list.ru

For Citation: Patroeva N.V. (2020). Fate of *nedonosok* (prematurely born child): story of “nonpoetic” word in Russian lyrics. *Slavyanskaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya* [Slavic historical lexicology and lexicography], 3, pp. 226–233. (In Russ.)

А. А. Khusnutdinov

А. А. Хуснутдинов

PHRASEOLOGY IN THE A.N. OSTROVSKY'S "NOTES" ON THEATER

ФРАЗЕОЛОГИЯ В «ЗАПИСКАХ» О ТЕАТРЕ А. Н. ОСТРОВСКОГО

Аннотация. Фразеология А. Н. Островского, несмотря на наличие некоторого числа научных публикаций разных типов и жанров, в том числе и лексикографических трудов, не может считаться исследованной в достаточной степени. Между тем актуальность такого исследования очевидна: Островский относится к числу классиков русской литературы, его произведения широко известны, его пьесы не сходят со сцены и в наши дни, а цитаты из художественных произведений драматурга широко используются составителями словарей для иллюстрации употребления слова в русском языке (в том числе и в русском языке XIX века). Однако даже в четырехтомном «Словаре языка А. Н. Островского» (2012), основанном на материале всех текстов писателя, фразеология отбирается и описывается избирательно, только в той степени, в какой это было необходимо для указания на возможность использования описываемого в словарной статье слова в составе тех или иных устойчивых сочетаний. «Фразеологический словарь драматургии А. Н. Островского» А. Г. Ломова (1988) ограничивается только материалом 54 оригинальных пьес, оставляя в стороне фразеологию других художественных произведений и нехудожественных текстов писателя. Поэтому фразеология нехудожественных текстов Островского до настоящего времени практически не изучена. В этом отношении особый интерес представляет фразеология Островского в его публицистических текстах.

Основную часть публицистики Островского составляют так называемые «записки» драматурга о русском театре. «Записки» Островского в жанровом отношении весьма разнообразны: от «записок», созданных для публикации в газете, до «записок», адресованных должностному лицу, преимущественно театральной администрации, и специальным комиссиям, деятельность которых касалась театральных дел в России. По тематике «записки» посвящены вопросам, которые волновали Островского и которые он хотел донести до сведения общественности: это суждения о положении театрального дела в России и необходимости создания русского национального театра, об авторских правах драматических писателей, о воспитании актеров, их профессиональной подготовке, а также различные проекты и предложения, касающиеся усовершенствований в сфере театральной жизни. Характерной чертой текстов «записок» является их публицистичность — обращение к обсуждению злободневных проблем, касающихся жизни общества, открытое и прямое выражение авторской позиции, полемичность, стремление воздействовать на адресата, широкий набор используемых языковых средств и др. Особое место среди этих средств занимает фразеология. Целью данной работы является показать некоторые особенности использования фразеологии в «записках» Островского о театре, указывающие на то, что эта фразеология может быть принята во внимание и при описании фразеологического лексикона Островского, и при составлении общих и специальных словарей русского языка, в первую очередь словаря русского языка XIX века. Поэтому в тексте статьи в качестве примеров приводятся контексты, которые могут быть использованы в качестве иллюстративного материала при составлении словарей русского языка.

Фразеология в «записках» Островского о театре достаточно объемна и разнообразна. В этом отношении она, на наш взгляд, не уступает фразеологии его художественных произведений. Особенностью публицистики Островского является широкое использование двух типов устойчивых выражений: устойчивых сочетаний слов предикативного характера, которые определяются учеными как устойчивые фразы или фразеологические выражения (пословицы, поговорки, крылатые выражения), и идиом, которые представляют собой особые — несловные — образования, состоящие из компонентов, генетически восходящих к словам или ассоциирующихся со словами, неразложимые, целостные семантически и грамматически, употребляющиеся в речи в сочетаниях со словами, вступая с ними в отношения и связи по законам лексической и грамматической сочетаемости в соответствии с лексико-грамматическими свойствами этих единиц языка (фразеологические сращения и фразеологические единства). В тексте статьи дается характеристика состава и особенностей использования — нетрансформированного и трансформированного — указанных типов устойчивых выражений.

Наблюдения над использованием фразеологии в «записках» А. Н. Островского о театре позволяют сделать несколько выводов. Во-первых, вывод о том, что не только художественные, но и нехудожественные тексты Островского, в первую очередь его публицистика, могут использоваться как источники при научном, в том числе и лексикографическом, описании русского языка в целом и русского языка XIX века в частности. Это касается и фразеологии. Во-вторых, характеристика фразеологического лексикона Островского с точки зрения состава и использования должна осуществляться с учетом языкового материала как художественных, так и нехудожественных текстов русского драматурга. В частности, исследование фразеологии в публицистических

текстах писателя существенно расширяет наши представления и о фразеологии писателя, и о фразеологии русского языка того времени. Наконец, следует указать на то, что фразеология Островского требует полноценного и объективного научного описания в специальных — фразеологических — словарях, а не только использования отдельных контекстов из его текстов в качестве примеров для иллюстрации употребления фразеологической единицы в речи при составлении словарей русского языка.

Ключевые слова: А. Н. Островский, русский язык, публицистика, фразеология, язык личности, трансформация фразеологических единиц, авторское употребление идиом

Summary. Despite a number of scientific publications of various types and genres, including lexicographic works, the phraseology of A. N. Ostrovsky cannot be considered sufficiently examined. Meanwhile, the necessity of such a study is obvious: Ostrovsky is one of the classics in Russian literature, his works are widely known, his plays are still on the scene and quotes from the playwright's works are widely used by dictionaries to illustrate the word's usage in Russian (including the Russian language of the XIX century). However, even in the four-volume "Language Dictionary of A. N. Ostrovsky" (2012), based on all the writer's texts, phraseology is chosen and described selectively, only to the extent that was necessary to indicate the possibility to use the word – which is described in the dictionary article – in the structure of certain stable combinations. "Phraseological Dictionary of A. N. Ostrovsky's Drama" by A. G. Lomov (1988) is limited only to the material of his 54 plays, leaving aside the phraseology of other literary works and non-fiction texts of the writer. Therefore, the phraseology of non-fiction texts by Ostrovsky has not yet been practically studied. In this regard, the phraseology of Ostrovsky in his publicistic texts is of particular interest.

The major part of Ostrovsky's publicistic works includes the so-called "notes" of the playwright about the Russian theater. Ostrovsky's "notes" are very diverse in genre: from notes to be published in a newspaper, to written appeals addressed to officials, primarily theater administrations, and special commissions whose activities are connected with theater business in Russia. If to speak about the themes, "notes" consider the issues that Ostrovsky worried about and which he wanted the public to pay attention to: these were judgments about the situation in the Russian theater and the necessity to establish a national theater, about the copyrights of the authors for the theater, the education of actors, their professional training; also they include various projects and proposals regarding improvements in theatrical life. A characteristic feature of the "notes" texts is their publicistic character – appeal to discuss burning issues of the social life, open and direct expression of the author's position, their controversy, desire to influence the addressee, a wide range of language tools, etc. Phraseology occupies a special place among these tools. *The aim of this work* is to show some features of the phraseology usage in Ostrovsky's "notes" on theater, indicating that this phraseology can be taken into account when describing the phraseological lexicon of Ostrovsky, and also when compiling general and special dictionaries of the Russian language, primarily the Russian language dictionary of the XIX century. Therefore, in the text of this article contexts are given as examples that can be used as illustrative material to compile dictionaries of the Russian language.

Phraseology in the "notes" of Ostrovsky on theater is quite numerous and various. In this regard, in our opinion, it is not inferior to the phraseology of his literary works. Characteristic feature of Ostrovsky's non-fiction works is the widespread usage of two types of stable expressions: stable combinations of predicative words, which are defined by scientists as stable phrases or phraseological expressions (proverbs, sayings, catchphrases), and idioms that are special – non-verbal – formations consisting of components genetically related to words or associated with words indecomposable, integral semantically and grammatically, used in speech in combination with words, taking with them some relationships and connections according to the laws of lexical and grammatical compatibility according to the lexico-grammatical properties of these language units (phraseological combinations and phraseological unities). The text of the article gives a description of the composition and features of such usage – non-transformed and transformed – in the indicated types of stable expressions. Observations on the usage of phraseology in the "notes" of A. N. Ostrovsky concerning theater allow us to come to several conclusions. Firstly, the conclusion that not only literary, but also non-fiction texts by Ostrovsky, primarily his publicistic works, can be used as sources in the scientific – including lexicographic – description of the Russian language in general and the Russian language of the 19th century in particular. This is also true and applicable to phraseology. Secondly, the characterization of Ostrovsky's phraseological lexicon concerning its composition and usage should be carried out taking into account the language material of both the literary and non-fiction texts of the Russian playwright. In particular, the study of phraseology in the journalistic texts of the writer significantly expands our ideas both about the phraseology of the writer and the phraseology of the Russian language of that time. Finally, it should be pointed out that Ostrovsky's phraseology requires a full and objective scientific description in special – phraseological – dictionaries, but not only usage of some extracts and contexts from his works as examples to illustrate the phraseological unit in speech when compiling Russian language dictionaries.

Keywords: A. N. Ostrovsky, Russian language, publicism, phraseology, the language of a person, transformation of phraseological units, author's usage of idioms

Александр Николаевич Островский относится к числу классиков русской литературы, его произведения широко известны, его пьесы не сходят со сцены и в наши дни, а цитаты из художественных произведений драматурга широко используются составителями словарей для иллюстрации употребления слова в

русском языке (в том числе и в русском языке XIX века). Использование слова Островским в художественных и нехудожественных текстах описано в «Словаре языка А. Н. Островского» (2012), однако следует сказать, что фразеология в этот словарь включалась избирательно и разрабатывалась она только в той степени, в какой это было необходимо для указания на возможность использования описываемого в словарной статье слова в составе тех или иных устойчивых сочетаний. Полноценное описание значительной по объему и разнообразной по составу фразеологии Островского, как указывают составители, возможно только в специальном словаре, в котором каждая фразеологическая единица может получить всестороннюю и детальную характеристику, ср.: **«6. Устойчивые сочетания и фразеология. Фразеологический лексикон А. Н. Островского обширен и разнообразен. Он может быть полноценно описан только в специальном фразеологическом словаре. В настоящий словарь устойчивые сочетания и фразеология включаются с целью показать возможности использования того или иного слова в составе сочетаний идиоматического и неидиоматического характера. Поэтому устойчивые сочетания слов и фразеология описываются внутри словарной статьи в соответствии с общими принципами, принятыми в словаре»** [Словарь 1: 12].

Следует указать также, что если фразеология русского драматурга оказывалась в поле внимания исследователей (отметим здесь «Фразеологический словарь драматургии А. Н. Островского» А. Г. Ломова [Ломов 1988]), то фразеология его нехудожественных текстов практически не изучена. В этом отношении особый интерес представляет фразеология Островского в его публицистических текстах.

Основную часть публицистики Островского составляют так называемые «записки» драматурга о русском театре (см. об этом в соответствующих статьях словаря «А. Н. Островский. Энциклопедия» 2012). «Записки» Островского в жанровом отношении весьма разнообразны: от «записок», созданных для публикации в газете, до «записок», адресованных должностному лицу, преимущественно театральной администрации, и специальным комиссиям, деятельность которых касалась театральных дел в России. Среди них статья для публикации в газете *«Обстоятельства, препятствующие развитию драматического театра в России»*, *«Записка о московском Артистическом кружке»*, составленная в 1866 году и адресованная министру имп. Двора гр. В. Ф. Адлербергу, в чьем ведении находилось театральное дело в России, *«Записка о московском Артистическом кружке»*, составленная в 1867 году от имени старшин Артистического кружка как отчет о деятельности кружка и обоснование просьбы разрешить проведение денежной лотереи для расширения «цивилизующей и благотворительной деятельности» кружка, *«Записка о положении драматического искусства в России в настоящее время»*, представленная в Комиссию для пересмотра законоположений по всем частям театрального ведомства, *«Записка о театральном училище»*, адресованная управляющему московскими театрами А. А. Майкову для представления в Министерство, *«Записка об авторских правах драматических писателей»*, *«Докладная записка об авторских правах драматических писателей»*, *«Объяснительная записка к уставу Русского драма-*

тического общества», «Записка о положении 13 ноября 1828 года» (положение о вознаграждении сочинителям и переводчикам драматических пьес и опер), «Записка о театральных школах», «Записка по поводу проекта “Правила о премиях императорских театров за драматические произведения”», «Официальное письмо Н. С. Петрову», «Соображения по поводу устройства в Москве театра, не зависимо от петербургской дирекции, и самостоятельного управления» и др.

Уже названия «записок» дают представление об их тематике и вопросах, которые волновали Островского и которые он хотел донести до сведения общественности: о положении театрального дела в России и необходимости создания русского национального театра, об авторских правах драматических писателей, о воспитании актеров, их профессиональной подготовке, а также различные проекты и предложения, касающиеся усовершенствований в сфере театральной жизни.

Характерной чертой текстов «записок» является их публицистичность — обращение к обсуждению злободневных проблем, касающихся жизни общества, открытое и прямое выражение авторской позиции, полемичность, стремление воздействовать на адресата, широкий набор используемых языковых средств и др. Особое место среди этих средств занимает фразеология. Для иллюстрации приведем несколько отрывков из разных текстов, выделив в них фразеологизмы: *«Наконец, самым вредным, самым губительным следствием настоящей драматической цензуры для репертуара я считаю страх запрещения пьесы. Автор, в особенности начинающий, у которого запрещены одна или две пьесы без объяснения ему причин, поневоле должен всего бояться, чтобы не потерять и вперед своего труда. Пришла ему широкая мысль — он ее укорачивает; удался сильный характер — он его ослабляет; пришли в голову бойкие и веские фразы — он их сглаживает, потому что во всем этом он видит причины к запрещению, по незнанию действительной причины. Такое постоянное укорачивание, урезывание себя вредно действует на производительные способности, долго потом отзывается во всей деятельности; я говорю это по собственному опыту. Чтобы только иметь надежду видеть свои произведения на сцене, волей-неволей гонишь из головы серьезные, жизненные идеи, выбираешь задачи пообщее, сюжеты помельче, характеры побледнее. Можно сказать с полною уверенностью, что страх запрещения должно считать главной причиной бесцветности нашего репертуара»* (Обстоятельства, препятствующие развитию драматического театра в России); *«В декабре прошлого года я приезжал в Петербург именно с той целью, чтобы объяснить с вашим превосходительством, но я так мало имел времени для объяснения с вами и нашел неожиданно такую перемену в вашем превосходительстве в отношении, что чувство горечи, ощущаемое при сознании правоты от всякой несправедливости, и тот непонятный конфуз и столбняк, который находит на всякого правого человека при виде, что его честность заподозрена, мешали мне высказаться перед вашим превосходительством вполне. По приезде из Петербурга я почувствовал припадку тяжелой и мучительной болезни, причинами которой были труды не по силам (я просидел три с половиной месяца, не разги-*

*бая спины, и написал 14 актов) и нравственные потрясения и огорчения, которые я постоянно испытывал во все время моей драматической деятельности и которые **разбили мои нервы** и создали во мне болезненную, излишнюю чувствительность. Теперь я понемногу оправляюсь и очень рад, что имею силы высказаться перед вашим превосходительством и **облегчить** свою **душу**. Я всегда жертвовал материальными выгодами другим, более возвышенным целям, во всю свою жизнь я **не сделал** ни одного **шага**, который можно бы было объяснить корыстным побуждением. Причины, уже давно побуждавшие меня отречься от деятельности, которую я не без основания считал своим единственным призванием, побуждавшие меня **сойти с дороги**, по которой неуклонно **шел** более двадцати лет, не могли быть маловажными. Они не вдруг побороли меня, а постепенно, и только уж неотразимая их сила сломила меня окончательно. Их-то теперь я и буду **иметь честь** изложить вашему превосходительству» (Докладная записка об авторских правах драматических писателей); «Назначение меня в Комиссию было для меня неопианным счастьем; я знал, что подобный случай не повторится, и спешил как можно яснее и убедительнее передать весь запас своих знаний. Но у меня была такая масса сведений, что только **привести их в порядок** и разделить на рубрики стоило огромного труда, и я работал **до изнеможения**. Я пробыл пять месяцев в Петербурге и, кроме своего кабинета и Комиссии, не видал ничего; сознание, что я работаю для общего дела, для будущности русского театра, которому я посвятил всю свою жизнь, не позволяло мне жалеть себя. **Я сеял доброе семя, но «ночью пришел враг мой и посеял между пшеницею плевелы»**. Мои доклады слушались, принимались единогласно, но уж было заметно, что **ходу им не дадут**. И действительно, еще Комиссия далеко не кончила своих заседаний, а оказалось, что судьба русского театра уж решена <...>. Тут я понял, какую оплошность я сделал, поделикатившись и не представив свою записку прямо министру» (Официальное письмо Н. С. Петрову). Таким образом, разнообразные по типам и жанрам тексты Островского о театре и театральной деятельности в России, определяемые им самим и его публикаторами как «записки», имеют ярко выраженный публицистический характер. Поэтому использование фразеологии в «записках» Островского о театре представляет особый интерес как для характеристики фразеологии в языке Островского в целом и в его нехудожественных текстах в частности, так и для характеристики фразеологии русского языка в границах «от Пушкина до наших дней», в т. ч. и фразеологии русского языка XIX века.*

В данной работе мы не ставим задачей дать полную и всестороннюю характеристику состава и употребления фразеологии в публицистике Островского. Мы хотим лишь указать на некоторые особенности использования фразеологии в «записках» Островского о театре с целью показать, что эта фразеология может быть принята во внимание не только для описания фразеологического лексикона Островского, но и при составлении общих и специальных словарей русского языка, в первую очередь словаря русского языка XIX века.

Фразеология в «записках» Островского о театре достаточно объемна и разнообразна. В этом отношении она, на наш взгляд, не уступает фразеологии

его художественных произведений (с учетом, разумеется, специфики нехудожественных текстов).

Здесь в первую очередь следует указать на два типа фразеологических единиц, которые активно используются в «записках». К первому типу относятся устойчивые сочетания слов предикативного характера (сочетания, представляющие собой по форме отдельные предложения) — устойчивые фразы (по терминологии В. Л. Архангельского) или фразеологические выражения (по терминологии Н. М. Шанского). В состав устойчивых сочетаний этого типа включаются пословицы и поговорки и крылатые выражения, отличие которых видится в том, что пословицы и поговорки являются народными (авторство их не может быть установлено), а крылатые выражения представляют собой цитируемые в разных речевых ситуациях фрагменты известных произведений, обычно художественных текстов различных жанров. Второй тип единиц — идиоматические выражения (фразеологические сращения и фразеологические единства, по терминологии В. В. Виноградова, метафорические сочетания и идиомы, по терминологии Б. А. Ларина), которые представляют собой особые — несловные — образования, состоящие из компонентов (звуковых комплексов), генетически восходящих к словам или ассоциирующихся со словами, неразложимые, целостные семантически (представляют одно понятие) и грамматически (выступают как один член предложения), употребляющиеся в речи в сочетаниях со словами, вступая с ними в отношения и связи по законам лексической и грамматической сочетаемости в соответствии с лексико-грамматическими свойствами этих единиц языка. Эти разновидности устойчивых выражений широко и разнообразно используются Островским. Покажем особенности использования фразеологии в публицистике Островского на отдельных фрагментах, извлеченных из текстов разных «записок» (далее примеры приводятся без указания на источники).

1. Особенностью публицистики Островского является широкое использование устойчивых фраз — пословиц, поговорок, крылатых выражений, см., например: *«Кланяться да бегать, льстить начальству я никогда не умел; говорят, что с летами, под гнетом обстоятельств, сознание собственного достоинства исчезает, что **нужда научит калачи есть**, — со мной, благодарение богу, этого не случилось»*; *«Если б я был один, я бы, вероятно, несмотря на все невзгоды, продолжал работать для театра, необеспеченность меня бы не испугала: **одна голова не бедна**, но я теперь человек семейный и в рискованном положении оставаться не могу из боязни быть виноватым перед своими детьми»*; *«Но “копеечные расчеты” — только слово нехорошее, а дело-то хорошо: по русской пословице, **копейка рубль бережет**. Экономия везде нужна, потому что она есть не что иное, как благоразумие»*; *«Микроскопические способности, да еще при отсутствии предварительной подготовки и добросовестности в исполнении ролей, делают актеру-любителю имя, он начинает приосаниваться и претендовать на соперничество с известными актерами-художниками, а приятели начинают поговаривать, что в той-то роли он напоминает Мартынова, а там-то Садовского. А он не только не Садовский и не Мартынов, а и совсем не актер, и аплодируют ему и вызывают его только*

потому что, по пословице, **на безрыбье и рак рыба** и что **между слепыми и кривой — король**»; «Клубные спектакли губят русский театр, губят в обществе чувство изящного, умаляя значение высокого искусства. **“Прекрасное должно быть величаво”**, — сказал поэт. Умалять величавое, унижать высокое нельзя безнаказанно»; «Я пробыл пять месяцев в Петербурге и, кроме своего кабинета и Комиссии, не видал ничего; сознание, что я работаю для общего дела, для будущности русского театра, которому я посвятил всю свою жизнь, не позволяло мне жалеть себя. **Я сеял доброе семя, но “ночью пришел враг мой и посеял между пшеницею плевелы”**. Мои доклады слушались, принимались единогласно, но уж было заметно, что ходу им не дадут»; «Какой же вывод следует сделать из этих спектаклей? Вывод ясен: с этими спектаклями произошла беда, и беда именно та самая, о которой говорит Крылов в своей басне: **“Беда, коль пироги...”** и т. д. **Всякое дело мастера боится**»; «Сколько бы должник ни расточал перед кредиторами нравственных сентенций, вроде того, что **“не тот беден, кто имеет мало, а тот, кто желает многого”** и **“не тот счастлив, кто имеет много, а тот, кто доволен малым”**, — они ими не удовлетворятся и претензии их все-таки останутся претензиями, требующими материального удовлетворения» и др.

В приведенных выше примерах устойчивые фразы используются в стандартном, нетрансформированном виде. Однако в публицистике Островского отмечаются и случаи трансформированного употребления фразеологических единиц этого типа, причем используются разные виды трансформаций. Из такого рода случаев приведем примеры, в которых трансформация исходной единицы и способы ее преобразования представлены очень наглядно, ср.: «**“Кто даст главе моей воду и очам моим источник слез?”** — восклицал в древности один из пророков. Я не скажу этого; я довольно плакал о русском театре, да и в запасе еще много слез осталось. Я воскликну: **кто даст языку моему красноречие**, чтобы убедить людей, что изучение всякого искусства начинается с начала, а не с конца; что никакому серьезному искусству в шесть недель нельзя выучиться»; «Так кончился первый частный театр в Москве, больше сказать о нем нечего: **злом его помянуть не стоит, а добром нечем**» (ср.: «**Не поминай нас лихом**» (Михельсон 1: 667); «Хорошими актерами, хорошей игрой Москву не удивишь, а требовалось непременно удивить, в таком случае без какой-нибудь диковинки, без чего-нибудь невиданного не обойдешься. Такой диковинкой для Москвы были пьесы, в которых главную роль играют декорации, а не содержание; приманку составляют эффекты постановки или постоянно меняющиеся картины, переносящие зрителя в разные местности земного шара и иногда и за границы земного шара; за эти пьесы, **как утопающий за соломинку, и ухватилась дирекция частного театра**» (ср.: «**Кто тонет (утопающий) — за соломинку хватается**» (Михельсон 1: 484)).

2. Идиоматика языка представлена в «записках» в значительном объеме и весьма разнообразно. Большая часть идиом употребляется в текстах в стандартном, типовом, нетрансформированном виде, т. е. в тех же формах, в тех же значениях и с такими же характеристиками, в которых данная фразеологиче-

ская единица используется в русском языке (о характеристике идиом см. в [Русская 2016]).

Здесь используются единицы с разными лексико-грамматическими свойствами, в том числе и идиомы модально-междометного характера. Однако самыми большими группами представлены единицы трех лексико-грамматических разрядов: глагольные, адverbиальные и именные, например: (глагольные) *приходить в голову, принимать на себя, закрыть дорогу (на сцену), становиться в уровень (с кем), облегчить душу, входить в обычай, отнимать время, сводить на нет, резать курицу, несущую золотые яйца, получить гражданство (об оперетке), сбивать с пути, сбиться с пути, оставлять след, отдавать последнюю копейку, класть к ногам, сходиться со сцены, подавать голос, выступить на первый план, отжить век (об исторической драме), почивать на лаврах, смотреть сквозь пальцы, махнуть рукой, показать себя, отрывать от сердца, давать тон и др.*; (адverbиальные) *на каждом шагу, на днях, под руками, на деле, на бумаге, ни в каком случае, на время, под старость, всей душой, во что бы то ни стало, на свой счет, во всеоружии, из первых рук, на первых порах, как один, в лучшем виде, во всеоружии, сложа руки, на всякий случай и др.*; (именные) *хлеб насущный, кусок хлеба, порядок вещей, дамоклов меч, игра кошки с мышью, золотые руки, золотая голова, лепта вдовицы, божеское наказание и др.* Меньшим числом представлены единицы других лексико-грамматических разрядов: (адъективные) *сам по себе, средней руки, в цвете лет, первого сорта и др.*; (глагольно-пропозициональные) *что за дело (кому), деваться некуда (кому), дела нет (кому до чего), волос становится дыбом, ни слуху ни духу, много воды утекло и др.*; (предикативно-оценочные) *по силам, не место (кому где) и др.*; (модальные) *одним словом, во всяком случае, само собой разумеется, сохрани бог, слава богу, может быть и др.*

Фразеологические единицы-идиомы в «записках» могут иметь разную стилистическую окраску, причем широко используется фразеология книжная и разговорная, например: (книжные) *принимать на себя, давать себе труд, брать на себя смелость, дарованный богом, служить и богу и Мамону, запретный плод, дамоклов меч, устремлять взоры, приносить жертву, зажечь священный огонь, стоять на страже, восходящее светило, отрясти прах от ног, ничтоже сумняся и др.*; (разговорные) *приходить в голову, волей-неволей, гнать из головы, в видах, в виду (на виду), в (чужих) руках, едва сводить концы с концами, не разгибая спины, не сходя с места, ни с того ни с сего, сбивать с толку, отставать от дела, с горем пополам, спусть рукава, ума помраченье, вытаращить глаза, с легким сердцем, закрывать глаза (на что), ни тепло ни холодно (кому), и спасибо не говорят, нашего полку прибыло, сушить мозг, ни с того ни с сего, тянуть жилы (из кого), выбрасывать на улицу (кого), смотреть сквозь пальцы, в загоне, куда ни шло и др.* Стилистически нейтральных фразеологических единиц в «записках», как и в русском языке в целом, очень немного, но они весьма частотны, например: *иметь в виду, иметь значение, оставлять в стороне, играть роль и некот. др.*

Следует особо отметить большое количество трансформаций фразеологических единиц, причем Островский в текстах «записок» использует разные

виды преобразований. Среди них выделим как наиболее частотные и характерные для публицистики Островского несколько способов такого трансформированного употребления идиом.

1) Замена компонента фразеологической единицы, например: «*Поставлять эстетические удовольствия в провинциальных городах берутся большей частью такие люди, которые не могут повести успешно никакого дела; да отчего же и не браться? — риску нет, **потерять нечего**, а нажать кой-что можно, и уж наверное можно нажать на чужой счет*» (**терять нечего > потерять нечего**); «*В умственном развитии общества наступила пора, когда эстетические удовольствия и преимущественно зрелища делаются насущной потребностью, пищей, необходимой для правильного роста, но именно эта-та пища и была **запрещенным плодом**. Зрелища преследовались с постоянной неутомимостью, достойной лучшего употребления*» (**запретный плод > запрещенный плод**); «*Мне хотелось показать русской публике, что чтимый его автор не **успокоился на лаврах**, что он хочет еще работать и давать ей художественные наслаждения, которые она любит и за которые чтит его*» (**почивать на лаврах > успокоиться на лаврах**).

2) Случаи отфразеологической деривации, когда на основе фразеологической единицы создается слово или его новое значение, ср.: «*Впереди у меня только одно — **быть пенсионером Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым и получать, в виде милостыни, от трудов своих собратьев по 300 руб. в год. И то еще хорошо, и то слава богу! Эту милостыню можно взять без стыда, там есть и моя немалая лепта***» (**вносить лепту > лепта**); «*Как в больших семьях, где много детей и мало надзора, являются в детских сложенные ребячьим смыслом и в каждой детской компании — свои, ей только понятные, безграмотные слова, вроде “**всамодельческий**”, “**взаправдошный**” и др., и, под влиянием няnek и мамок, создается путаница нравственных понятий, — так и в оставленной без призрения семье артистов петербургской сцены сложилось безграмотное слово “**выигрышная роль**” и привилось безнравственное, развращающее артистическую честность понятие, означаемое этим словом*» (**в самом деле > всамодельческий**).

3) Субстантивация глагольных и адвербиальных фразеологизмов: «*Срок пользования нравом драматической собственности, к кому бы право это ни перешло продолжается не более 50 лет со дня смерти автора или со дня **появления в свет** его посмертного произведения*» (**появляться на свет > появление на свет**); «*Хлопоты о безусловном художественном достоинстве пьес для императорского театра, при его плохой труппе, — вздор: это — или недомыслие, или **отвод глаз**. Публика смотрит не пьесы, а исполнение пьес; прежде чем хлопотать о художественности пьес, надо завести хороших актеров, которые бы умели их играть*» (**для отвода глаз > отвод глаз**).

4) Сокращение и распространение компонентного состава фразеологических единиц: «*Напротив, деловые люди, преданные службе, по большей части отличаются положительным отсутствием эстетического вкуса; они не могут отличить робости и неопытности и не решатся принять **на свой страх** молодого дебютанта, подающего надежды, так как признаков дарования рас-*

познать не в состоянии» (**на свой страх и риск > на свой страх**); «Русское сценическое искусство еще не может **стоять на своих ногах**, за ним нужен уход» (**стоять на своих собственных ногах > стоять на своих ногах**); «**Много принесено** было и материальных, и нравственных **жертв**, чтобы удовлетворить умственный голод публики; патриотические стремления деятелей того времени будут с честью помянуты в истории умственного развития русского общества» (**приносить жертвы** какие).

В текстах «записок» довольно часто используется совмещение разных способов трансформации идиом, например: «**Артистический кружок, не имея игорного характера, не имеет и тех выгод, какими пользуются другие клубы, исключительно посвященные игре, и ему трудно при своих ограниченных средствах **стать сразу твердо** и укрепиться в материальном отношении» (**стать на ноги > стать твердо**)»; «**Давать поспектакльную плату за переводы французских мелодрам — значит **разбрасывать даром деньги****, нужные для поддержки отечественной литературы. Очень щедрые награды, пожалуй, можно допустить, но единственно только тогда, когда они даются с большим разбором; а иначе они будут иметь вид легкомысленного **разбрасыванья денег даром**».**

Возможны и более сложные способы трансформации, когда трансформируются разные стороны фразеологической единицы и одновременно у нескольких единиц. Такие случаи частотны, например: «**Причины, уже давно побуждавшие меня отречься от деятельности, которую я не без основания считал своим единственным призванием, побуждавшие меня **сойти с дороги****, по которой неуклонно **шел** более двадцати лет, не могли быть маловажными»; «**Чтобы писать пьесу за пьесой и постоянно держаться на высоте успеха, нужно непрерывное напряжение мозга, а это не обходится даром. А постоянная боязнь оступиться или **поскользнуться на этой скользкой дороге!** А волнения при постановке и при первых представлениях! Вот отчего рано седеет голова и **разбиваются нервы****»; «Если б театральное управление решилось **вести дело по-прежнему, т. е. **держат** русскую драматическую сцену на той высоте**, на какую она была **поставлена** прежним начальством, людьми компетентными в деле искусства: Кокошкиным, Загоскиным, Верстовским, так никакая конкуренция не была бы страшна»; «**Но государство зорко следит, чтобы наука не теряла своего величия, не сходила с такой высоты, находясь на которой, она — великий двигатель народного преуспеяния**»; «**Искусство для него <артиста-любителя> — не служение, не серьезное дело, а только забава. **Не вкусив горького, т. е. не пройдя правильной и строгой школы, не положив упорного труда для изучения техники своего искусства, он желает **вкусить** от него только сладкое, т. е. лавры и рукоплескания****»; «**Дело свое эти привилегированные переводчики делают очень просто: но руководясь никаким выбором, берут **первую попавшуюся под руки** пьесу, переводят ее и ставят**»; «**Это публика в самом лучшем, настоящем значении этого слова: она представительница вкуса в столице, приговором ее дорожат все художники и артисты, она составляет ареопаг в концертах и на художественных выставках, она заставляет **идти** искусство **вперед****. Без этой публики искусство не только останавли-

вается, но **идет назад**, опускается до пошлости, т. е. до уровня понимания невежественной толпы»; «Надо признаться, что выгодами, которые дает новое Положение о вознаграждении, пользуются далеко не все авторы; для некоторых — и для меня в том числе — распоряжения репертуарного начальства **сводят** эти выгоды **до нуля и ниже**, т. е. до убытка»; «Вот и весь мужской персонал. Остальные артисты представляют такой же материал, какой можно найти в каждой средней провинциальной труппе. О дебютах и говорить нечего: **имя им** — **легион**, а **цена** им на императорском театре — **грош**»; «Сказать умное, **честное слово** не мудрено: их так много сказано и написано; но чтоб истины действовали, убеждали, умудряли, — надо, чтоб они **прошли прежде через души, через умы высшего сорта**, т. е. творческие, художественные. Иметь хорошие мысли может всякий, а **владеть умами и сердцами** дано только избранным. Это, конечно, досадно, но уж нечего **делать**».

Следует особо указать на наличие в текстах «записок» Островского идиоматических выражений, которые имеют ограниченное употребление (в определенной среде), например: «*Неразвитая публика идет смотреть не то, как актер будет представлять то или другое лицо; она желает просто, независимо от роли, видеть любимого актера, посмотреть, что он будет делать и чем ее позабавит. И эту слабость публики петербургские актеры поняли; и вот явилась «игра на вызов».* Это — термин тоже петербургский. «*Играть на вызов*» — значит прибегать при исполнении роли к таким приемам, которые нравятся зрителям, хотя бы эти приемы не подходили к роли и даже ей противоречили». Такие единицы, на наш взгляд, должны найти свое место в словарях русского языка, в первую очередь в словаре русского языка XIX века.

Наблюдения над использованием фразеологии в «записках» А. Н. Островского о театре позволяют сделать несколько выводов. Во-первых, вывод о том, что не только художественные, но и нехудожественные тексты Островского, в первую очередь его публицистика, могут использоваться как источники при научном, в том числе и лексикографическом, описании русского языка в целом и русского языка XIX века в частности. Это касается и фразеологии. Во-вторых, характеристика фразеологического лексикона Островского с точки зрения состава и использования должна осуществляться с учетом языкового материала как художественных, так и нехудожественных текстов русского драматурга. В частности, исследование фразеологии в публицистических текстах писателя существенно расширяет наши представления и о фразеологии писателя, и о фразеологии русского языка того времени. Наконец, следует указать на то, что фразеология Островского требует полноценного и объективного научного описания в специальных — фразеологических — словарях, а не только использования отдельных контекстов из его текстов в качестве примеров для иллюстрации употребления фразеологической единицы в речи при составлении словарей русского языка.

Источники

- Михельсон — Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний: в 2 т. М., 1994.
- Словарь — Словарь языка А. Н. Островского: в 4 т. Шуя: Изд-во ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2012.
- Полное собрание сочинений А. Н. Островского: в 12 т. М.: Искусство, 1973–1980.

Литература

- Ломов А. Г. Фразеологический словарь драматургии А. Н. Островского. Вып. 1. Ташкент, 1988.
- Островский А. Н. Энциклопедия. Кострома; Шуя, 2012.
- Русская — Русская фразеология и фразеография: К 100-летию А. И. Молоткова / Под ред. А. А. Хуснутдинова, Е. Н. Золиной. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2016. 312 с.

Хуснутдинов Арсен Александрович, д. филол. наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания; ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», г. Иваново, Российская Федерация; e-mail: arsen1418@mail.ru

Для цитирования. Хуснутдинов А.А. Фразеология в «Записках» о театре А. Н. Островского // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2020. Вып. 3. С. 234–245.

References

- Lomov A. G. Frazeologicheskiy slovar' dramaturgii A. N. Ostrovskogo. Vyp. 1. Tashkent, 1988. (In Russ.)
- Ostrovskiy A. N. Entsiklopediya. Kostroma; Shuya, 2012. (In Russ.)
- Russkaya — Russkaya frazeologiya i frazeografiya: K 100-letiyu A. I. Molotkova / Pod red. A. A. Khusnutdinova, E. N. Zolinoy. Ivanovo: Ivan. gos. un-t Publ., 2016. 312 s. (In Russ.)

Arsen A. Khusnutdinov, Dr. of Sci. Phil., Professor, Department of Russian language and teaching methods, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation. E-mail address: arsen1418@mail.ru

For Citation: Khusnutdinov A. A. (2020). Phraseology in the A.N. Ostrovsky's "Notes" on theater. *Slavyanskaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya* [Slavic historical lexicology and lexicography], 3, pp. 234–245. (In Russ.)

**ДИСКУРСИВНЫЕ
И
КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Ettore Gherbezza

ORCID iD: 0000-0003-4480-947X

Э. Гербецца

**ON LEGAL TERMS IN
EIGHTEENTH-CENTURY RUSSIA
(ON THE BASIS OF THE FIRST
TRANSLATION OF BECCARIA'S
TREATISE "ON CRIMES AND
PUNISHMENTS")**

**О ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРВОГО
ПЕРЕВОДА КНИГИ Ч. БЕККАРИА
«О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ
И НАКАЗАНИЯХ»)**

Аннотация. Статья посвящена исследованию первого полного перевода на русский язык трактата итальянского просветителя Ч. Беккариа, выполненного князем М.М. Щербатовым в последней трети XVIII в. При помощи анализа переводческих решений описывается использованная в переводе лексика, в которой хорошо отражаются основные черты лексикона теории русского права последней трети XVIII в. — лексическая вариантность, ориентация на фонд исконной юридической терминологии и параллельный отказ от заимствований, широкое употребление композитов и составных наименований, нередко калькирующих иноязычные прототипы.

Ключевые слова: русский язык, XVIII век, историческая лексикология, юридическая лексика, М.М. Щербатов, Ч. Беккариа

Summary. This paper is devoted to the first Russian translation of Cesare Beccaria's treatise "On Crimes and Punishments", made by Prince Mikhail Shcherbatov in the last third of the 18th Century. Special attention is focused on use of legal terms, that shows the main features of the legal terminology in the last third of the 18th Century, i.e. lexical variability, preference for Russian and Slavic legal terminology and rare use of lexical borrowing, extensive use of compounds and loan translations.

Keywords: Russian language, 18th Century, historical lexicology, legal terminology, Mikhail Shcherbatov, Cesare Beccaria.

Всемирно известное произведение Ч. Беккариа «*Dei delitti e delle pene*» увидело свет в 1764 г. За очень короткий промежуток времени этой маленькой книжке удалось войти в сокровищницу Просвещения и — шире — европейской культуры. Трудно преувеличить значение произведения Беккариа, которое до сих пор продолжают переиздавать как в Италии, так и за ее пределами¹. Кроме того, нелишне вспомнить, что одно из величайших творений русской литературы — роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» — отсылает именно к названию данного трактата.

Обращая внимание на общее количество переводов, опубликованных в России в XVIII в., можно заключить, что жанр юридического трактата, по крайней мере в публичной сфере, имел относительно низкую популярность [Бугров, Киселев 2016: 17]. Поэтому неудивительно, что трактат Беккариа был опубликован на русском языке только в 1803 г.² Однако идеи итальянского просвети-

¹ На русском языке в начале 2000-х гг. вышло в свет 9-е издание произведения «О преступлениях и наказаниях».

² Перевод выполнил Д.И. Языков. В этом контексте, скорее, удивляет то, что уже в 1769 г. вышел в свет русский перевод трактата Дж. Драгонетти «*Delle virtù e de' premi*» (Napoli 1766), который играл относительно скромную роль в культуре эпохи Просвещения. Ф.Г. Карин его перевел, по всей вероятности, просто потому, что ошибочно приписал авторство самому Беккариа (об этом, между прочим, свидетельствует название произ-

теля в последней трети XVIII в. проникли и в Россию прежде всего благодаря французскому переводу трактата, сделанному аббатом А. Морелле, поскольку во второй половине столетия французский язык фактически стал вторым (если не первым) языком русского дворянства и Россия не осталась в стороне от общеевропейского культурного развития. Кроме того, императрица Екатерина II сразу проявила столь высокий интерес к тезисам Беккариа, что его книга послужила одним из источников «Наказа» Комиссии о составлении проекта нового Уложения (1767 г.). Точнее сказать, из общего числа 526 статей «Наказа» 227 посвящены уголовному праву, а из них более ста принадлежат Беккариа³. Из этого следует, что в «Наказе» содержится первый перевод отдельных отрывков текста Беккариа, выполненный Г.В. Козицким по поручению императрицы.

Первый полный перевод произведения Беккариа на русский язык принадлежит перу князя М.М. Щербатова, который среди прочего работал в Комиссии о составлении проекта нового Уложения и написал «Замечания на Наказ» (1774 г.). Щербатовский перевод хранится в рукописном отделе Российской Национальной Библиотеки (ОР, ф. 885, № 31) и впервые был опубликован в 2007 г. (Щербатов: 2–141)⁴. Основываясь на результатах текстологического анализа, можно с уверенностью доказать, что перевод выполнен на основе итальянского издания 1774 г.⁵ Если учесть, что в 70-е гг. Щербатов активно переводил с итальянского языка⁶ и что именно к 1774 г. относятся и его «Замечания на Наказ», то вполне правдоподобным кажется предположение о том, что над переводом трактата Беккариа он трудился примерно в середине 70-х гг.

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы пролить свет на русскую юридическую терминологию, использованную в щербатовском переводе, и уточнить, до какой степени она отражает общее состояние юридической терминологии в конце XVIII в. Первое, что привлекает внимание читателя, — почти полное отсутствие заимствований. Во второй половине века многие писатели и переводчики стали заменять заимствования ресурсами русского и церковнославянского языков в результате общей ориентации на французские и немецкие пуристические модели [Живов 2017 2: 1036–1041]. Например, при передаче итал. *cattura/prigionia* ни разу не встречается слово *арест*, заимствованное уже в XVII в. Слово это в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» зафиксировано только в значении ‘арест на имущество’ (СлРЯ XI–XVII 1: 46), тем не менее уже в Петровскую эпоху оно употреблялось и в значении ‘заключение под стражу’ (СРЯ XVIII 1: 88; Яновский 1: 199–200), т. е. в интересующем нас значении. Надо полагать, что слово *арест* вошло в общее употребление, поскольку

ведения: «Разсуждение о добродетелях и награждениях, служащее последованием разсуждению о преступлениях и наказаниях»).

³ С.И. Зарудный в предисловии к переводу произведения замечал: «эта книга, через три года после выхода в свет, еще не переведенная в целом своем составе на русский язык, уже послужила исключительным основанием главы X-й Наказа <...>, где целый ряд статей составляет почти буквальный перевод мыслей, избранных Императрицей Екатериной II из разных мест сочинения Беккариа» [Беккариа 1879: I].

⁴ В этом издании перевод Щербатова, который сопровождается обширным комментарием, опубликован с полным соблюдением орфографии и последовательной передачей особенностей графики.

⁵ См.: [Gherbezza 2005: 50–52] и более подробно — (Щербатов: LXXXIX–CV).

⁶ В те годы Щербатов перевел «Освобожденный Иерусалим» Т. Тассо и «Страшный суд» Э. Юнга [Lentin 1996: 179–180].

оно (вместе с рядом однокоренных слов) зарегистрировано в «Словаре Академии Российской» (САР¹ 1: 45), из которого, как известно, исключили «все иностранные слова введенные без нужды, и которым равносильные славенские или российские находятся» (Там же: X). Как бы то ни было, Щербатов передает это понятие описательным путем, при помощи составных наименований *заключеніе/взятіе под стражу* (7 раз) или *содержаніе под стражею* (2 раза). Ср.:

О заключеніи под стражу или въ темницу — Della cattura (Щербатов: 18; рук.: 10);⁷ *заключеніе под стражу есть наказаніе которое по необходимости должно <...> предшествовать утвержденію преступленія — La prigionia è una pena, che per necessità deve <...> precedere la dichiarazione del delitto* (Там же);

знаки или причины для взятія подстражу виновнаго, и для заключенія его въ темницу суть вовласти судъйской — Gl'indizj alla Cattura sono in potere del Giudice (Там же: 130; рук.: 88).

Эти варианты являются равноправными, и тот факт, что в первом и особенно в последнем примере словосочетание *заключеніе (взятіе) под стражу (подстражу)* сопровождается синонимичным оборотом (*заключеніе) въ темницу* мог бы привести к выводу о том, что первое означает ‘лишение свободы на время следствия до вынесения приговора’, а второе — ‘лишение свободы осужденного’. На самом деле эти варианты по значению не различаются, по крайней мере не всегда последовательно, о чем свидетельствует следующий пример:

и тако заклоченіе въ темницу есть токмо храненіе гражданина, даже какъ онъ будетъ осужденъ — La carcere è dunque la semplice custodia di un Cittadino, finché sia giudicato reo (Там же: 74; рук.: 45).

Стоит отметить, что заимствование *арест* (как и однокоренной синоним *арестование*) встречаются в переводе трактата У. Блэкстона «Commentaries on the Laws of England» («Истолкования аглинских законов»), ценнейшем источнике по истории русской юридической лексики последней трети XVIII в., который был опубликован С.Е. Десницким в 1780–1782 гг. [Истратий 2017: 111]. Однако Щербатов, как было продемонстрировано выше, трудился над переводом Беккариа за несколько лет до этого. Кроме того, на его переводческий выбор сильное влияние оказала юридическая терминология, использованная в «Наказе», в состав которой это заимствование не входит⁸.

При переводе произведения Беккариа князь Щербатов, видимо, придерживался концепции, похожей на ту, которая была положена в основу «Словаря Академии Российской». Как правило, он не использует заимствования, которые вошли в русский язык в первой половине XVIII в., несмотря на то что они имели некоторое распространение также во второй половине столетия и впоследствии закрепились в юридической терминологии. Возьмем, к примеру, заимствованное слово *конфискация (конфискование)*, первое вхождение которого в «Словаре русского языка XVIII в.» датируется 1715 г. (СРЯ XVIII 10: 153). Вариант *конфискование* (точнее, сочетание *конфискование имения*) встречается,

⁷ В круглых скобках дается также ссылка на лист рукописи перевода (РНБ, ОР, ф. 885, № 31).

⁸ См., в частности, статьи 159–174 (Наказ 1767: 42–46).

например, в «Истолкованиях аглинских законов» У. Блэкстона [Истратий 2017: 112], тем не менее Щербатов передает это понятие при помощи сочетания *опись именіи*⁹:

но не ради сея тонкости, осмеливаюся отвергать опись именіи — Ma non è per questa sottigliezza, che oso disapprovare le confische dei beni (Щербатов: 70; рук.: 43).

Если взять заимствование *контрабанда*, то можно наблюдать весьма похожую картину. Оно вошло в русский язык в начале XVIII в. в значениях ‘товар, запрещенный к провозу через государственную границу’ и ‘тайный провоз запрещенных товаров’ (СРЯ XVIII 10: 145). Второе значение встречается 8 раз в произведении Беккариа, точнее в XXXI главе. И несмотря на то что примеры, иллюстрирующие данное значение в «Словаре русского языка XVIII в.», относятся к последней трети столетия, в щербатовском переводе оно обозначается при помощи составного наименования *утаика пошрины*:

Людіе въ коихъ о(т)даленные слѣдствія дѣлають слабеишія въпечатленія, незрять вреда, могущаго имъ о(т)ъ утаики пошрины случится — Gli uomini su i quali le conseguenze remote fanno debolissime impressioni, non veggono il danno, che può loro accadere per il Contrabbando (Щербатов: 102; рук.: 63).

Более того, это сочетание затронуто также явлением лексического варьирования, которое характерно для юридической лексики второй половины XVIII в.: Щербатов употребляет 4 раза сочетание *утаика пошрины*¹⁰ и 2 раза *утаеніе пошрины*, причем при первом использовании сочетание *утаеніе пошрины* сопровождается синонимическим составным наименованием *тайный провозъ товаровъ*¹¹.

Среди немногочисленных заимствований, которые встречаем в щербатовском переводе, выделяется маленькая группа слов греческого происхождения. Упомянем, к примеру, *аксіома* и *теорема*. Слово *аксиома* вошло в русский язык в Петровскую эпоху, в «Словаре русского языка XVIII в.» толкуется как ‘отправное, исходное положение какой-л. науки, принимаемое без доказательств’ (СРЯ XVIII 1: 39). В переводе оно употребляется только в одном случае:

У судѣй уголовныхъ дѣль въроятность свидѣтелю тѣмъ более становится чѣмъ тяжчае есть преступленіе. вотъ главная аксіома предписанная безчеловѣчнейшимъ безуміемъ — Presso i Criminalisti la credibilità di un testimonio diventa tanto maggiore quanto più il delitto è atroce. Ecco il ferreo Assioma dettato dalla più crudele imbecillità (Щербатов: 26; рук.: 16).

Два раза итал. *assioma* передается русским эквивалентом *положеніе*:

Нестъ ничего опаснее какъ сіе общее положеніе, что надлежитъ въ разсужденіе брать смыслъ или разумъ закона — Non vi è cosa più pericolosa di quell'assioma comune, che bisogna consultare lo spirito della Legge (Там же: 12; рук.: 7).

⁹ По определению «Словаря Академии Российской», слово *опись* под конец столетия означало ‘взятие имени в казну для сохранения до известного времени’ (САР¹ 4: 842).

¹⁰ В «Словаре Академии Российской» слово *утаика* иллюстрировано именно примером *утаика пошринъ* (САР¹ 6: 16).

¹¹ Отметим, что составное наименование *тайный провозъ товаровъ* встречается в «Наказе» Екатерины II (Наказ 1767: 69, статья 235).

Следует подчеркнуть, что здесь текст перевода почти полностью совпадает с текстом статьи 153 «Наказа»:

*Нѣтъ ничего опаснѣе, какъ общее сіе **изреченіе**: надлежитъ въ разсужденіе брать смыслъ или разумъ закона, а не слова — Il n'y a rien de plus dangereux, que l'**axiome** commun: Il faut prendre l'esprit de la Loi, & ne pas s'en tenir à la lettre* (Наказ 1767: 39).

Тут уместно сделать небольшое отступление. В самом деле при сличении перевода с оригиналом легко обнаруживается целый ряд фрагментов, в которых текст Щербатова существенно отличается от оригинала. При детальном анализе этих фрагментов выяснилось, что Щербатов, работая над переводом, пользовался екатерининским «Наказом» как вторичным источником. Так, узнав в оригинале определенный отрывок произведения Беккариа, уже переведенный в «Наказе», он порой использовал уже «готовый» перевод. В следующей далее таблице приведен пример, иллюстрирующий процесс работы Щербатова-переводчика:¹²

Щербатов (с. 42, л. 25)	Беккариа (с. 31–32)	Наказ 1767 (с. 55–56, ст. 197)
<i>Кромѣ сего пытаютъ обвиняемаго, чтобы онъ объявилъ своихъ сообщниковъ. но какъ уже выше доказано что пытка неможетъ быть средствомъ къ показанію истинны, то какъ она можетъ способствовать къ тому, чтобъ узнать сообщниковъ злодѣя, иже есть единая изъ истиннъ надлежащая ко о(т)кровенію? безъ сомнѣнія показующему на самаго себя, весьма легко показывать надругихъ. и справедливо ли есть мучить чловѣка за преступленіе другихъ? Какъ будто бы неможно о(т)крыть сообщниковъ испытаніемъ свидѣтелей на пре-</i>	<i>La Tortura è data ad un accusato per discuoprire i complici del suo delitto; ma se è dimostrato, ch'ella non è un mezzo opportuno per iscuoprire la verità, come potrà ella servire a svelare i complici, che è una delle verità da scuoprirsi? Quasi che l'Uomo, che accusa se stesso, non accusi più facilmente gli altri. E' egli giusto il tormentare gli Uomini per l'altrui delitto? Non si scuopriranno i complici dall'esame de' Testimonj, dall'esame del reo, dalle prove, e dal Corpo del delitto, in somma da tutti quei mezzi medesimi, che debbono servire per accertare il delitto nell'accusato?</i>	<i>Кромѣ сего пытаютъ обвиняемаго, чтобъ объявилъ своихъ сообщниковъ. Но когда мы уже доказали, что пытка не можетъ быть средствомъ къ познанію истины, то какъ она можетъ способствовать къ тому, чтобъ узнать сообщниковъ злодѣянія; безъ сомнѣнія показующему на самаго себя весьма легко показывать на другихъ. Впрочемъ справедливо ли мучить чловѣка за преступленіе другихъ? Какъ будто не можно открыть сообщниковъ испытаніемъ свидѣтелей на преступника сысканныхъ, изслѣдованіемъ приведенныхъ противъ него дока-</i>

¹² В первом столбце располагается текст щербатовского перевода (в круглых скобках дается и номер листа рукописи), во втором столбце — текст итальянского оригинала (1774 г.), в третьем и в четвертом столбцах — текст «Наказа» соответственно на русском и французском языках. Курсивом выделяется текст, практически дословно выписанный Щербатовым из «Наказа», а полужирным шрифтом — места, переведенные с оригинала.

<p>ступника сысканныхъ, изслѣдова- нїемъ приведенныхъ противъ его доказа- тельствъ, и самага дѣйствїя случивша- гося въ исполненїи преступленїя, и на- конецъ всеми спосо- бами послужившими коизобличенїю пре- ступленїя обвиняе- мымъ содѣяннаго?</p>		<p>зателствъ, и самага дѣйствїя случивша- гося въ исполненїи преступленїя, и на- конецъ всеми спосо- бами послужившими ко изобличенїю пре- ступленїя обвиняе- мымъ содѣяннаго?</p>	
---	--	--	--

Если сравнить места, выделенные курсивом в первом и третьем столбцах, то можно легко установить, что щербатовский вариант почти дословно повторяет текст «Наказа». К тому же, что особенно важно, встречаются места в тексте перевода, которые не имеют соответствия в исходном тексте: например слова *о(т)крыть сообщниковъ испытанїемъ свидѣтелей на преступника сысканныхъ* являются не переводом оригинала, а, скорее, выпиской из «Наказа». Подобные примеры нетрудно умножить. Следовательно, если обращать внимание на лексический уровень, юридическая терминология «Наказа» представляет собой образец, за которым Щербатов часто следует.

Если вернуться к отрывку, выписанному из статьи 153 «Наказа», нетрудно заметить, что в этом случае в переводе находится существенное отклонение от «Наказа», так как Щербатов при передаче итал. *assioma* заменил слово *изреченїе* более подходящим словом *положенїе*¹³. Не менее интересной является внутритекстовая глосса *смысль или разумъ (закона)*. Как в изучаемом переводе, так и в статье «Наказа» этой синонимической объяснительной парой передается фр. *esprit*. Нельзя забывать, что употребление не только заимствований, но и подобранных для иноязычных терминов русских эквивалентов могло повлечь за собой проблемы коммуникативного конфликта. Следовательно, нередко неосвоенные заимствования или подобранные эквиваленты сопровождалась глоссами [Живов 2009: 14]. Термин *дух* в значении ‘истинный смысл, сущность; существенные внутренние особенности кого-, чего-л.’ зарегистрирован в «Словаре русского языка XVIII в.», но первые зафиксированные примеры употребления относятся к 90-м гг. (СРЯ XVIII 7: 39). Поэтому не удивляет переводческое решение передать это понятие словом *смысл*, сопровождая его эквивалентом *разумъ*¹⁴.

¹³ Оба слова включены в «Словарь русского языка XVIII в.», в котором толкуются следующим образом: *изречение* ‘кратко изложенная мудрая мысль’ (СлРЯXVIII 9: 62); *положение* ‘исходное положение, принимаемое без доказательств; постулат’ (Там же 21: 185).

¹⁴ В «Словаре Академии Российской» *разум* определяется следующим образом: ‘иногда означает смысл в словах’ (САР¹ 6: 440). К этому можно добавить, что Щербатов так перевел слово и в названии трактата Монтескье «De l’*esprit des lois*»: «О *разуме* законов» (его неопубликованный перевод отдельных частей трактата хранится в рукописном отделе Российской национальной библиотеки, ф. 885, № 304). Первый том трактата увидел свет в 1775 г. в переводе В.И. Крамаренкова («О *разуме* законов»), первый относительно полный перевод выполнил Д.И. Языков («О *существо* законов», 1809–1814 гг.), а в 1839 г. русские читатели получили полный текст трактата в переводе Е.В. Корнеева («*Дух* законов»).

Рассматривая варианты перевода итал. *teorema*, мы обнаруживаем тот же самый вид лексического варьирования, который присущ юридической лексике второй половины XVIII в. Итальянский термин здесь передается и заимствованием *теорема* и русским квазисинонимом *заключеніе*¹⁵:

есть теорема весьма полезная для исчисления, подлинности дьянія, напримеръ силы знаковь преступленія — Vi è un teorema generale molto utile a calcolare la certezza di un fatto, per esempio la forza degl'indizj di un reato (Щербатов: 20; рук.: 12);

Итого что теперь предложено можно извлечи общее и весьма полезное заключеніе — Da quanto si è veduto finora può cavarsi un teorema generale molto utile (Там же: 140; рук.: 94).

Обратной стороной ограниченного употребления заимствований в анализируемом переводе стало обращение к лексическому богатству «славянской» традиции. Ярким доказательством этой установки служит, например, употребление славянизма *татъ* (САР¹ 6: 30) при переводе итал. *ladro* как наименования человека, совершившего кражу:

Таковое почти есть разсужденіе татя, или убійцы, которые неимѣют другія остановки дабы не нарушать законы, окромѣ виселицы или колеса — Ecco presso a poco il ragionamento, che fa un Ladro, o un Assassino, i quali non hanno altro contrappeso per non violare le Leggi, che la forza o la ruota (Щербатов: 62; рук.: 38).

В одном случае итал. *ladro* передано как *злодѣй* — другой славянизм, означающий 'человек, совершающий злое, дурное дело; человек преступающий закон' (СРЯ XVIII 8: 188). Очевидно, Щербатов сознательно старается не употреблять слово *вор*, которое в течение XVIII в. приобрело именно значение 'человек, виновный в краже' (Там же 4: 68), а употребляет упомянутые славянизмы как стилистически нейтральные. Как обозначение действия, т. е. 'кражи', Щербатов употребляет другое книжное слово — *похищеніе* (4 раза), или вариант *хищеніе* (1 раз), которое в XVIII в. служило настоящим юридическим термином (САР¹ 6: 541, 537):

<...> но когда похищеніе есть сопряжено съ насиліемъ, то и наказаніе должно быть смешенное телесное, съ рабственнымъ — Ma quando il Furto sia misto di violenza, la pena dev'essere parimente un misto di corporale, e di servile (Щербатов: 102; рук.: 62).

В качестве общего обозначения судебной инстанции (итал. *tribunale*) в щербатовском переводе употребляются слова *правителство* (5 раз), *судбище* (2 раза), а также сочетание *судебное место* (1 раз). Форма *правительство* в этом значении вошла в «Словарь Академии Российской» (САР¹ 4: 1051, 1048), а более употребительной она стала в переводе, возможно, из-за влияния, оказанного «Наказом»¹⁶. Форма *судбище*, которая не зафиксирована в «Словаре Академии Российской»¹⁷, является ярким славянизмом, но употребляется Щербатовым как стилистически нейтральное:

¹⁵ См. определение «Словаря русского языка XVIII в.»: *заключение* 'вывод, умозаключение' (СРЯ XVIII 7: 239).

¹⁶ См. статьи 153 и 203 (Наказ 1767: 40, 59), которые входят в число статей, почти дословно выписанных Щербатовым.

¹⁷ В «Словаре Академии Российской» вошли варианты *судище*, *судилище*. Оба сопровождаются пометой «Славянское» (САР¹ 5: 953).

*Истинною же обрядъ изыскательной, сиречь неучастное изыскангье дгьяннїа <...> мало употребляется въ Европейскихъ **судбищахъ** — Il vero Processo l'informativo, cioè la ricerca indifferente del fatto (...) è pochissimo in uso nei **Tribunali Europei** (Щербатов: 130–132; рук.: 88).*

Отказ от заимствований в изучаемом переводе реализуется нередко при помощи калек-композитов или дериватов, в состав которых входит слово «славянского наследия». Например, 'состояние отсутствия власти, законов' передается не заимствованием *анархия*, зарегистрированным в «Словаре русского языка XVIII в.» (СРЯ XVIII 1: 66; датировка вхождения слова: 1755), а дериватами *безвластїе* (4 раза) и *безначалство* (1 раз). Ср.:

*<...> вовемя **безвластїя**, когда самые беспорядки место законовъ занимають — ... nel tempo dell'**Anarchia**, quando i disordini stessi tengono luogo di Leggi (Щербатов: 58; рук.: 35).*

Небезынтересно отметить, что в этом случае в «Наказе», точнее в статье 210, также встречается очень похожий текст:

*<...> во время **безначалїя**, когда самые беспорядки заступаютъ мѣсто законовъ — ... ou dans les tems d'**Anarchie**, lors que les désordres mêmes tiennent lieu des Loix (Наказ 1767: 62).*

Однако в отличие от «Наказа» Щербатов отдает предпочтение слову *безвластїе*, зафиксированное только в «Словаре древнерусского языка» (СДРЯ 1: 111), которое в XVIII в. уже считалось архаичным. Что же касается термина *безначальство*, то он вошел в «Словарь русского языка XVIII в.», где толкуется отсылкой к более распространенной форме *безначалие* (СРЯ XVIII 1: 180, 179).

В щербатовском переводе встречаем интересный композит — слово *смертоубїивство*, которому стоит уделить особое внимание. Этот термин «образован от сочетания *смертное убийство*, которое в деловых памятниках XVII в. <...> было основным наименованием соответствующего преступления» [Истратий 2016: 515]. Сочетание продолжало использоваться до 1770-х гг., после чего стали употреблять однословное обозначение *смертоубийство* [Там же: 516]. В анализируемом переводе в значении 'лишение жизни' (для передачи итал. *omicidio/assassinio*) употребляется 2 раза композит *смертоубїивство*, который один раз представлен в морфологическом варианте *смертноубїивство*, а 4 раза — слово *убїивство*:

*странно мнѣ является, что заноны, иже суть изгясненїе общественныя воли, ненавидящїи, и наказующїя **убїивство**, сами оное учиняють, и ради о(т)даленїя гражданъ от-**смертно убїивства**, повѣлевають оное всенародно содѣвать — Parmi un assurdo, che le Leggi, che sono l'espressione della pubblica volontà, che detestano, e puniscono l'**Omicidio**, ne commettono uno esse medesime, e per allontanare i Cittadini dall'**assassinio**, ordinino un pubblico **assassinio** (Щербатов: 64; рук.: 40).*

Несмотря на то что в «Словаре Российской Академии» слово *убийство* имеет только значение 'склонность, желание, способ к убиению, умерщвлению' (САР¹ 1: 210), перевод Щербатова не является исключением, как свидетельствуют другие работы по теории права последней трети столетия [Истратий 2016: 518]. Принимая во внимание орфографический уровень, нельзя не заметить последовательное употребление написания *убїивство*, в котором, кажется, объединены варианты *убийство* и *убивство*, описанные как «славенский» и «простой» в «Словаре Академии Российской». Тот факт, что одинаковое напи-

сание встречается всегда, даже когда интересующее нас слово входит в состав композитов, созданных при помощи других компонентов (*самоубійство, младенцеубійство*), доказывает, что мы имеем дело со стилистическим приемом переводчика¹⁸.

Чаще всего в переводе Щербатова встречаются композиты с первой основой *законо*-¹⁹: в качестве соответствия терминам *legislatore* и *legislazione* используются ряды наименований *законодатель* (20 раз), *законодавецъ* (8 раз), *законоположникъ* (1 раз) и *законодательство* (12 раз), *законоположеніе* (2 раза). Ср.:

Лутче предъупредить преступленія, нежели наказывать ихъ. Сей есть главный конецъ всякаго добраго законоположенія — E' meglio prevenire i delitti, che punirli. Questo è il fine principale di ogni buona legislazione (Щербатов: 132; рук.: 88).

Кроме того, употребляются в новом, «секуляризованном» значении и композиты *законоучитель* и *законоученіе* — соответственно ‘толкователь, знаток законов’ и ‘наука о законах, юриспруденция’ (СРЯ XVIII 7: 251). Как показывают примеры из «Словаря русского языка XVIII в.», все эти композиты использовались в последней трети столетия, хотя некоторые из них (напр. *законодавецъ*) начинали выходить из употребления.

Если в анализируемом переводе заимствования играют незначительную роль, то в нем влияние иноязычной терминологии отражается чаще в употреблении составных наименований, которые не раз представляют собой кальки иноязычных терминов. В этом контексте можно упомянуть сочетания *право собственности*, при помощи которого передается итал. *diritto di proprietà*²⁰, или *общественное условіе*, которым обозначается основное понятие ‘общественного договора’:

сія власть, неможетъ нигдѣ индѣ пребывать какъ токмо при законодавцѣ, который представляетъ всѣ общество условіемъ общественнымъ соединенное — questa autorità, non può risiedere che presso il Legislatore, che rappresenta tutta la società unita per un contratto sociale (Щербатов: 8–10; рук.: 5).

Безусловно, сочетание *общественное условіе* является буквальным переводом итальянского термина *contratto sociale*, калькирующего, в свою очередь, французский термин *contrat social*. Однако здесь, в отличие от предыдущего случая, Щербатов не ориентируется на обозначения, которые уже вошли в употребление в русском языке той поры. В самом деле «Словарь русского языка XVIII в.», определив интересующее нас понятие как ‘соглашение между людьми при переходе от естественного состояния к гражданскому (в учении Г. Гроция и его последователей о возникновении государства)’, фиксирует два соответствия французскому сочетанию *contrat social* — *общественный договор* и *договор с обществом*²¹.

¹⁸ Тот же самый вариант встречается один раз в «Истолкованиях аглинских законов» [Истратий 2016: 517].

¹⁹ Напомним, что до XVIII в. термин *закон* был неизвестен русской юридической лексике [Упбegaun 1969: 317].

²⁰ Сочетание *право собственности* вошло в употребление на рубеже 1760–1770-х гг. [Истратий 2017: 272].

²¹ Приведенные примеры относятся к последней трети XVIII в. В одном из них встречается сочетание *началь- ный общественный договор* (СРЯ XVIII 6: 173). Термин *условіе*, которому отдает предпочтение Щербатов в качестве главного слова сочетания, в «Словаре Академии Российской» толкуется как ‘договор’ (САР¹ 5: 545).

Подводя итоги проведенного анализа, можно утверждать, что щербатовский перевод произведения «О преступлениях и наказаниях» хорошо отражает состояние юридической лексики в последней трети XVIII в. Порой выборы Щербатова противоречат общей практике, и, несомненно, язык его перевода является архаичным по лексике, в составе которой обильно представлена «славенская» составляющая. Но в этом переводе обнаруживаем главнейшие черты лексики теории русского права той поры: ориентацию на фонд исконной юридической терминологии и параллельный отказ от заимствований, широкое употребление композитов и составных наименований, нередко калькирующих иноязычные прототипы, и последнее, но, наверное, самое важное — лексическую вариантность. Употребление вариантов здесь обусловлено прежде всего отсутствием готовых соответствий иноязычным терминам, и в этом отношении оно имеет целью как подобрать более точные наименования, так и сделать терминологию более понятной.

Поскольку переводы произведения Беккариа хронологически охватывают более чем два столетия, намечаются многообещающие перспективы дальнейшего изучения данной темы. В будущем было бы интересно, например, изучать переводческие решения каждого переводчика, чтобы определить количество и заимствований, и калек в разные эпохи на основе одного источника. А если расширить исследование за пределы истории русского языка (по аналогии с тем, что советует немецкий славист Х. Кайперт [Keipert 2020: 189–190]), то переводы изучаемого трактата на другие славянские языки представляли бы собой единую идеальную основу для проведения сравнительного анализа калек и заимствований в разных славянских языках.

Источники

- Беккариа — Beccaria C. *Dei delitti e delle pene*. Edizione rivista, corretta, e disposta secondo l'ordine della traduzione francese approvato dall'autore, coll'aggiunta del commentario alla detta opera di Mr. de Voltaire tradotto da celebre autore. Londra: Società dei Filosofi, 2001 167 с. [первое издание: 1774].
- Наказ 1767 — Наказ Императрицы Екатерины II, данный Коммиссии о сочинении проекта Нового уложения / под ред. [и с предисл.] Н.Д. Чечулина. СПб.: Типогр. Императорской Академии наук, 1907. CLIV, 175 с.
- САР¹ — Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный: в 6 ч. СПб., 1789–1794.
- СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / Рос. акад. наук, Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова. Т. 1–12. М., 1988–2019 (издание продолжается).
- СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова. Вып. 1–31. М., 1975–2019 (издание продолжается).
- СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. Вып. 1–22. Л.; СПб.: Наука, 1984–2019 (издание продолжается).
- Щербатов — Gherbezza E. «*Dei delitti e delle pene*» nella traduzione di Michail Ščerbatov. Firenze: Firenze University Press, 2007. CCXLVIII, 216 с.
- Яновский Н. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. Ч. 1–3. СПб., 1803–1806.

Литература

- Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях в сравнении с главою X-ю Наказа Екатерины II и с современными русскими законами: Материалы для разработки сравнительного изучения теории и практики уголовного законодательства / [Соч.] С.И. Зарудного. СПб.: Типогр. Второго Отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1879. XXIV, 196 с.
- Бугров К.Д., Киселев М.А. Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург: Изд-во Урал. университета, Университетское изд-во, 2016. 480 с.
- Живов В.М. История понятий, история культуры, история общества // Очерки исторической семантики русского языка раннего нового времени / Под ред. В.М. Живова. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 5–26.
- Живов В.М. История языка русской письменности: в 2 т. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017. 1285 с.
- Истратий В.В. Наименования преступлений в русском переводе трактата У. Блэкстона «Истолкования аглинских законов» // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / отв. ред. Н.Н. Казанский. Т. XII. Ч. 3. СПб.: Наука, 2016. С. 513–534.
- Истратий В.В. Юридическая лексика в русском переводе второй половины XVIII века (На материале перевода трактата У. Блэкстона «Истолкования аглинских законов» 1780–1782 гг.): дис. ... канд. филол. наук / Институт лингвистических исследований РАН. СПб., 2017. 454 с.
- Gherbezza E. «О преступлениях и наказаниях» Ч. Беккариа. Неизданный перевод М.М. Щербатова // Study Group on Eighteenth-Century Russia. Newsletter. 2005. № 33. P. 50–59.
- Keipert H. Rezension auf: Witzlack-Makarevich, Kai (Hg.): Kalkierungs- und Entlehnungssprachen in der Slavia. Boris Unbegaun zum 120. Geburtstag. Mit einem Vorwort von George Thomas. Berlin: Frank & Timme 2018. 363 S. // Zeitschrift für Slavische Philologie. Band 76. Heft 1. 2020. P. 177–194.
- Lentin A. Shcherbatov's Italian Connections // A Window on Russia. Papers from the Vth International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia. Gargnano, 1994 / Edited by M. Di Salvo and L. Hughes. Roma: La Fenice Edizioni, 1996. P. 177–183.
- Unbegaun B.O. Язык русского права // Unbegaun B.O. Selected Papers on Russian and Slavonic Philology. Oxford: Clarendon Press, 1969. P. 312–318.

Гербецца Этторе, канд. филол. наук; Университет г. Удине, г. Удине; Италия; ассистент-профессор; e-mail: ettore.gherbezza@uniud.it

Для цитирования. Гербецца Э. О юридической лексике второй половины XVIII века (На материале первого перевода книги Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях») // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2020. Вып. 3. С. 249–260.

References

- Bekkaria Ch. “On Crimes and Punishments” in Comparison with Chapter X of Catherine II’s Instruction and Modern Russian Laws: Materials for the Development of a Comparative Study of Theory and Practice of Criminal Law. By S.I. Zarudnyy. Saint Petersburg, 1879. 196 p. (In Russ.)
- Bugrov K.D., Kiselev M.A. Natural Law and Virtue: The Integration of European Influence into 18th Century Russian Political Culture. Ekaterinburg, 2016. 480 p. (In Russ.)
- Zhivov V.M. History of Concepts, History of Culture, History of Society. In: Essays on Historical Semantics of the Russian Language of Early Modern Times. Edited by V.M. Zhivov. Moscow, 2009. P. 5–26. (In Russ.)
- Zhivov V.M. History of the Russian Written Language. Moscow, 2017. 1285 p. (In Russ.)

- Istratiy V.V. Crime Names in the Russian Translation of W. Blackstone's "Commentaries on the Laws of England". *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies*. 2016, Vol. XII, Part 3, P. 513–534. (In Russ.)
- Istratiy V.V. Legal Terminology in Russian Translations of the Second Half of 18th Century (On the Basis of Translation of W. Blackstone's Treatise "Commentaries on the Laws of England", 1780–1782). Dissertation for the Degree of Candidate of Philology. Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences. Saint Petersburg, 2017. 454 p. (In Russ.)
- Gherbezza E. Beccaria's "On Crimes and Punishments". Unpublished translation of M.M. Shcherbatov. *Study Group on Eighteenth-Century Russia. Newsletter*. 2005. Vol. 33. P. 50–59. (In Russ.)
- Keipert H. Review of: Witzlack-Makarevich, Kai (Hg.): Kalkierungs- und Entlehnungssprachen in der Slavia. Boris Unbegaun zum 120. Geburtstag. Mit einem Vorwort von George Thomas. Berlin: Frank & Timme 2018. 363 S. *Zeitschrift für Slavische Philologie*. 2020. Vol. 76. No 1. P. 177–194.
- Lentin A. Shcherbatov's Italian Connections. Proc. 5th Int. Conf. of the Study Group on Eighteenth-Century Russia "A Window on Russia". Edited by M. Di Salvo and L. Hughes. Rome, 1996. P. 177–183.
- Unbegaun B.O. The Language of Russian Law. In: Unbegaun B.O. Selected Papers on Russian and Slavonic Philology. Oxford, 1969. P. 312–318. (In Russ.)

Ettore Gherbezza, PhD, University of Udine, Udine, Italy, Assistant Professor. E-mail address: ettore.gherbezza@uniud.it

For Citation: Gherbezza E. (2020). On legal terms in Eighteenth-Century Russia (On the basis of the first translation of Beccaria's treatise "On Crimes and Punishments"). *Slavyanskaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya* [Slavic historical lexicology and lexicography], 3, pp. 249–260. (In Russ.)

Julia L. Dmitrieva

ORCID iD: 0000-0002-8018-8650

*Ю.Л. Дмитриева***IMAGE OF ZONE “ONE’S OWN”:
HISTORICAL ASPECT****ОБРАЗ ЗОНЫ «СВОЕГО»:
ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Аннотация. В статье рассматривается образ как категория сознания (в том числе и языкового). Автор указывает на связь данной единицы метаязыка с понятием образности, трактуемым в лингвистике как свойство языковых единиц вызывать обобщенные и абстрагированные представления в сознании человека. Исследователи отмечают, что образность также связана с внутренней формой, с одной стороны, и понятием мотивированности, с другой. Анализ статей толковых, словообразовательных, этимологических, историко-этимологических, этнокультурных словарей русского языка позволил выявить и описать признаки, составляющие образ зоны «своего» как части лингвокультурного пространства.

Ключевые слова: образ, внутренняя форма, культурное пространство, зона «своего», оппозиция «свой — чужой», признак

Summary. The article considers the image as a category of consciousness (including linguistic). The author points out the connection of this metalanguage unit with the concept of imagery, interpreted in linguistics as the property of language units to evoke generalized and abstracted representations in the human mind. Researchers note that imagery is also associated with the internal form and the concept of motivation. The analysis of articles of explanatory, word-building, etymological, historical-etymological, ethnocultural dictionaries of the Russian language made it possible to identify and describe the features that make up the image of the “one’s own” zone as part of the linguocultural space.

Keywords: image, internal form, cultural space, zone “one’s own”, opposition “one’s own — another”, feature

Образ неоднократно становился объектом исследовательского интереса как категория сознания (в том числе и языкового), продукт познания человеком мира, а также как одна из базовых единиц лингвокультуры. Описание средств объективации образов позволяет выявить и сохранить этноспецифичные черты языковой картины мира этноса, представить особенности моделирования мира и/или культурного пространства. В современном языкознании термин *образ* тесно связан с категорией образности, под которой традиционно понимается способность единиц языка создавать чувственные и наглядные представления об объектах действительности (как реальной, так и художественной).

Образность, по В.А. Масловой, является реальным свойством языковых единиц и проявляет себя в способности вызывать обобщенные и абстрагированные представления-«картинки» в сознании индивидуума. При рассмотрении образности с лингвистической точки зрения в ее структуре выделяют три компонента:

- референт, противопоставляющийся гносеологическому понятию предмета отражения;
- агент, трактуемый как предмет в отраженном виде;
- основание, вытекающее из принципа подобия.

Данные компоненты представлены в сравнении, метафоре, фразеологизме, образность которых заключается во внутренней форме [Маслова 2001: 44–45]. Мы, вслед за А.А. Потебней, определяем внутреннюю форму языковой

единицы как «отношение содержания мысли к сознанию» [Потебня 1973: 210]. Отметим, что исследователь выделяет в слове два значения: «одно, которое мы выше называли объективным, а теперь можем назвать ближайшим этимологическим значением слова, всегда включает в себе только один признак; другое — субъективное содержание, в котором признаков может быть множество» [Там же: 210]. Последнее в концепции филолога получило название внутренней формы слова, которая выступает связующим звеном¹ между планом выражения и планом содержания. Так, согласно нашим исследованиям (см. [Дмитриева 2019], [Дмитриева 2020] и др.), зону «своего» объективируют «притяжательное местоимение *мой* и его падежные формы, адъективы *родной*, *родительский*, *отчий*, *родимый* и др.» [Дмитриева 2020: 38]. Объективное значение указанных вербальных знаков зафиксировано в толковых словарях. Ср.: *Мой* — ‘принадлежащий мне, свойственный мне’ (БТС: 551); *Родной* — ‘находящийся в кровном родстве по прямой линии, а также в любом родстве вообще’ (БТС: 1126); *Родительский* — ‘отца и матери (по отношению к детям)’ (БТС: 1125); *Отчий* — ‘трад.-поэт.; отцовский, родной’ (БТС: 746); *Родимый* — ‘разг. свой, родной’ (БТС: 1125). Лексема *мой* фиксирует признак «принадлежность субъекту действия», а вербальные знаки *родной*, *родительский*, *отчий*, *родимый* — «осознаваемый как родной, связанный с родителями».

Субъективное значение рассматриваемых единиц связано с самим человеком, его опытом взаимодействия с миром, знаниями и т. д. Например, локатив *лес* в произведениях С. Городецкого эксплицирует представления не о зоне «чужого»², а о зоне «своего». Лирический герой стремится уйти туда, чтобы обрести волю. А само пространство описывается как родное для героя.

В поэзии С. Есенина данная лексема объективирует культурно не ассимилированное пространство. Лес для лирического героя произведений поэта одновременно находится и в зоне «своего», и в зоне «чужого»: это нейтральная территория, которая близка «своей» деревне и противопоставляется «чужому» городу в художественной картине мира литератора.

В современных лингвистических концепциях (например, в теории лексической мотивации О.И. Блиновой) внутренняя форма рассматривается как структура, с помощью которой возможны интерпретация и объяснение связи означающего и означаемого вербального знака, т. е. как мотивация выбора определенного звукового или буквенного комплекса для обозначения реалии действительности. Зачастую внутренняя форма слова, согласно концепции

---

¹ А.А. Потебня неоднократно отмечал, что в основе связи между звуковым комплексом и значением лежит чувство. Именно оно квалифицируется исследователями как исходная форма взаимодействия человека с миром. Результатом чего является чувственный образ, формируемый вне языка и являющийся первичным источником вербализованных знаний об объекте познания. Данный образ фиксируется в словарной дефиниции лексемы. Так, за местоимением *свой* в языковом опыте этноса закреплено значение ‘принадлежащий или свойственный себе’ (БТС: 1162). Семы ‘принадлежащий себе’ и ‘свойственный себе’ объективируют процессуальный признак «принадлежности», «собственности». Наши исследования показывают, что он является доминантным при отношении объектов онтологического мира к зоне «своего» русского лингвокультурного пространства.

² Данные представления характерны для русской лингвокультуры. В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» отмечено, что лес связан с неокультурной зоной, в которую ссылали беды и напасти, болезни. Там, согласно сказкам, мифам и легендам, жили мифические персонажи (например, Баба Яга, Кошечей Бессмертный, леший и т. п.).

О.И. Блиновой, осознается носителями языка посредством соотношения данного знака с рядом однокоренных или одноструктурных словоформ, а также с внеязыковой реальностью. Например, в «Новом словообразовательном словаре русского языка» А.Н. Тихонова в словообразовательное гнездо местоимения *свой* входят относительные прилагательные, а также наречия. Производное слово связано с производящими отношениями мотивации. Ср.: *свой* — *свойский*, т. е. ‘свойственный своим, близким людям; дружеский, непринужденный’ (БТС: 1163); *свой* — *по-своему*, т. е. ‘по своему желанию, усмотрению, на свой лад; сообразно своим свойствам, качествам’ (Там же); *свой* — *свойски*, т. е. ‘наречие к прилагательному *свойский* в первом значении’ (Там же) (Тихонов²: 417). Приведенные пары слов, квалифицируемые как однокоренные, связаны отношениями мотивированности, но это не дает представления о связи означаемого и означаемого языкового знака, т. е. не раскрывает причины отнесения реалии к зоне «своего» русского лингвокультурного пространства. В данную зону, согласно В.В. Красных, входит все то, что осознается как близкое, свое, родное. Это «фрагмент внешнего мира, выходящий за пределы личной зоны» [Красных 2003: 300] и противопоставленный зоне «чужого». Следовательно, зона «своего» в языковом опыте этноса эксплицируется рядом лексем *свой*, *близкий*³, *родной*, которые выражают представления о том, что осознается человеком как принадлежащее ему или его роду. Отметим, что в значении рассматриваемых языковых единиц зафиксированы выделенные нами признаки «принадлежность субъекту действия» и «осознаваемый как родной, связанный с родителями».

Слово *свой*, по данным «Историко-этимологического словаря современного русского языка», зафиксировано в древнерусском языке с XI в. Оно функционировало в старославянском и представлено во всех славянских языках. Ср.: «Укр. свій, своя, свое; блр. свой, свая, сваё; болг. свой, себя, себе; с.-хорв. свѡј, свѡја, свѡје; словен. svoj, svoja, svoje; чеш. svůj, svá, své; словац. svoj, -a, -e; польск. swój, swoja, swoje; в.-луж. swój, swoja, swoje; н.-луж. swój, swoja, swojo» (Черных 2: 148).

Данный вербальный знак квалифицируется авторами этимологических словарей как непроизводный. Ср.: «Праслав. *svatъ является производным с суф. -t-ъ от *sva-, из и.-е. *swo-/*sue “свой”» (Цыганенко²: 369); «О.-с. svojь, -a, -e (с -j-ь, -j-a, -j-e на о.-с. почве). И.-е. корень *se-: *seue-: *sue- (:*swo-))» (Черных 2: 148).

В.И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» также отмечает непроизводность рассматриваемого вербального знака, однако приводит его синтагматические связи: «мѣстм. притяжат. Взамѣну или для усиленья мой, твой, его, нашъ; одинаково относится ко всѣмъ лицамъ и числамъ; собственный» (Даль⁴ 4: 155). Аналогичное трактование дается данному слову в «Материалах для Словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского. Ср.: «СВОИ — притя-

---

³ *Близкий* — ‘находящийся, происходящий неподалеку, на небольшом расстоянии (противоп.: далекий)’ (БТС: 83).

жательное мѣстоименіе, относящееся ко всѣмъ лицамъ и замѣняющее мѣстоим. мой, твой, его, ихъ, нашъ и пр.» (Срезневский 2003 3: 144).

Следовательно, в дефинициях рассматриваемой лексемы объективирован признак «принадлежность субъекту действия», а также зафиксирован лексико-грамматический разряд вербального знака.

Однако и в словаре В.И. Даля, и в «Материалах для Словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского *свой* квалифицируется как полисемант. Так, в «Толковом словаре живого великорусского языка» он также определяется как ‘родня или свать, семейный; близкій другъ; сосѣдъ, односелець, землякъ; товарищъ по дѣлу, вообще, кто заодно съ кѣмъ’ (Даль⁴ 4: 156). Кроме того, в лексикографическом источнике даются производные от данного слова. В их числе *свойскій*⁴, *свойски* или *посвойски*⁵, *свойный*⁶, *своѣйство*⁷, *свойство*⁸, *свойственный*⁹, *свойственникъ (-ница)*¹⁰, *свойственниковъ (-ницынь, -ничій)*¹¹, *своѣкъ*¹², *своѣкиня*¹³, *своѣкъ*¹⁴ (Там же). В толкованиях данных лексем зафиксированы признаки «принадлежности и/или характерности субъекту действия чего-либо», а также «связь между членами рода, семьи». Отметим, что последний признак описывается и Ю.С. Степановым в статье «“Свой” и “Чужие”» (Степанов²: 472–519). Исследователь отмечает, что, с его точки зрения, последовательнее и полнее всего этимологию слова, объективирующего анализируемый образ, описал Э. Бенвенист в социальном очерке на тему «Свободный человек». «Главное положение, установленное Э. Бенвенистом на материале анализа индоевропейских слов, заключается в том, что понятие “Свой” первоначально является осознанием кровного родства некоторой группы людей (рода, клана), в пределах которой человек осознает себя “свободным от рождения, свободным по рождению” и противопоставляет себя “другим” — “чужим, врагам, рабам”» (Степанов²: 480).

Однако в производных лексемах местоимения *свой*, приведенных в словарной статье «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля, актуализируется представление о родственной, но не кровной связи. Так, члены «чужой» семьи могли переходить в зону «своего» и наоборот. В русской лингвокультуре зафиксированы как причины такой смены зон, так и условия перехода. Ср.: «Признаки “чуждости” могли приобретать и члены “своего” коллектива (семьи, общины). “Чужими среди своих” на всю жизнь становились люди, обладающие эзотерическими знаниями или умениями (знахарь, мельник, кузнец и др.), а на время — меняющие социально-возрастное (молодожены)

⁴ *Свойскій* — ‘свой, собственный’ (Даль⁴ 4: 156).

⁵ *Свойски* или *посвойски* — ‘посвоему, домашнему, по своимъ, мѣстнымъ обычаямъ’ (Там же).

⁶ *Свойный* — ‘свой, свойскій, собственный’ (Там же).

⁷ *Своѣйство* — ‘своя особенность, что отличаетъ одинъ предметъ отъ другаго, качество, принадлежность, особенность’ (Там же).

⁸ *Свойство* — ‘родство по женитьбѣ, по замуштву; сватовство’ (Там же).

⁹ *Свойственный* — ‘составляющій своѣйство, особенность, качество его; приличный, сродный, обычный’ (Там же).

¹⁰ *Свойственникъ (-ница)* — ‘свать, сватья, родня по мужу, по женѣ, кто съ кѣмъ въ своѣйствѣ’ (Там же).

¹¹ *Свойственниковъ (-ницынь, -ничій)* — ‘что лично ихъ; къ нимъ отнеше’ (Там же).

¹² *Своѣкъ* — ‘свой члвк., близкій, знакомый, пріятель, изъ нашихъ’ (Там же).

¹³ *Своѣкиня* — ‘женина сестра; свесь или свѣсть и свись, свестка’ (Там же).

¹⁴ *Своѣкъ* — ‘мужъ своячины; женатые на двухъ сестрахъ свояки’ (Там же).

или социальное (рекруты) положение или исполняющие определенные ритуальные роли (ряженые). <...> Для людей, временно пребывающих в статусе “чужих”, предусматриваются особые способы возвращения их в области “своего”: очистительные ритуалы для ряженных, молодоженов, рожениц» (СД 4: 581–582). Считаем, что лексемы *своѣственникъ (-ница)*, *своѣственниковъ (-ницынь, -ничій)*, *своѣкъ, своя́кня, своя́къ*, называющие людей по обретенным вследствие брачных ритуалов семейным узам, эксплицируют как представление о переходе из зон «чужого» в «свою», так и признак «связь между членами рода, семьи».

В «Материалах для Словаря древнерусского языка» И.И. Срезневский приводит несколько определений рассматриваемого местоимения. *Свой* определяется как ‘собственный, принадлежащий кому’ (Срезневский 2003 3: 283); ‘отдѣльный’ (Там же); ‘соответствующій, подходящій’ (Там же); ‘своѣственный’ (Там же); ‘близкій’ (Там же); ‘родной, родственникъ’ (Там же); ‘свой (въ отношеніи къ мѣсту или обществу, съ которымъ лицо связано происхожденіемъ или принадлежностью)’ (Там же); ‘единоземный, землякъ’ (Там же); ‘дружественный, приверженець’ (Там же); ‘ср. лит. *savas* — его, собственный’ (Там же). В рассматриваемых дефинициях эксплицированы как уже названные признаки «принадлежности и/или характерности субъекту действия чего-либо», «связь между членами рода, семьи», так и признаки «принадлежности к определенной социальной группе», «объединенность субъектов по территории проживания/рождения», а также «связь на основе личных взаимоотношений».

Кроме того, автор словарной статьи апеллирует к этимологически родственным словам при формировании семем полисеманта *свой*. Отметим, что, по данным «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера, праславянская форма анализируемого местоимения родственна «др.-прусск. *swais, swaia* “свой”, д.-в.-н. *swîo, geswîo* “брат жены, тесть, свояк” (**svejo-*), др.-инд. *svayám* “само”, *svas* “собственный”, авест. *χва-, hva-*, др.-перс. *uva-* — то же, греч. *ἑ* “себя”, памфильск. *é*, лещб. *ε*, гомер. дат. ед. *oī, oi*, лещб. *oī* (*svoi), гот. *swēs* “собственный”, др.-лат. *sovus* “suus”, лит. *sãvas* “свой”, лтш. *savs*, гомер. *ἑός, беот. ἑός*» (Фасмер³ 3: 583).

Данный анализ показывает, что внутренняя форма слова является частью семантической структуры языковой единицы. Она выражает мотивированность наименования определенного объекта внеязыковой действительности конкретной единицей языка. Языковеды (в числе которых Е.А. Юрина) отмечают, что внутренняя форма присуща всем словам, а образность, являясь лексико-семантической категорией, проявляется не во всех вербальных знаках, а лишь в тех, которые способны обозначать реалии окружающего мира в ассоциативной связи с другими феноменами действительности на основании их тождественности по определенному признаку.

Отметим, что в лингвистике образ эксплицируется как связующий элемент слова и номинируемого им объекта. Этот тезис сформулирован еще в концепции В. фон Гумбольдта, заложившего основы современной лингвокультурологии. Исследователь называет одним из аспектов объективации взаимосвязи

языка и культуры соотношение слова с обозначаемым предметом, в рамках которого философ языка апеллирует к понятию «образ». Ученый отмечает, что «слово не является изображением вещи, которую оно обозначает, и еще в меньшей степени является оно простым обозначением, заменяющим саму вещь для рассудка или фантазии. От изображения оно отличается способностью представлять вещь с различных точек зрения и различными путями, от простого обозначения — тем, что имеет свой собственный определенный чувственный образ» [Гумбольдт 1984: 305]. Следовательно, в основе содержательной стороны слова лежит перцептивный образ, что, по мнению лингвиста, сближает его с произведением искусства и указывает на заимствование у природы формы выражения идеи¹⁵.

Тезис о превалировании чувственного познания над научным является существенным и для концепции А.Н. Афанасьева. Ученый считает, что в основе образования языка лежит чувственный образ, т. е. то впечатление, которое сформировалось у носителя языка при непосредственном влиянии на перцептивную систему объектами онтологического мира. «В незапамятной древности значение корней было осязательно, присуще сознанию народа, который со звуками родного языка связывал не отвлеченные мысли, а те живые впечатления, какие производили на его чувства видимые предметы и явления» [Афанасьев 2008: 17]. Эта связь характерна для раннего этапа развития языка, на котором формируются не только слова с осознаваемой внутренней формой, но и наивная картина мира народа, в содержание которой входят донаучные представления этноса о «видимых предметах и явлениях». А.Н. Афанасьев отмечает, что уже на данном этапе закладываются основные механизмы мышления, поскольку происходит категоризация познаваемого мира и в то же время упорядочение языкового материала: «Так как различные предметы и явления легко могут быть сходны некоторыми своими признаками и в этом отношении производят на чувства одинаковое впечатление, то естественно, что человек стал сближать их в своих представлениях и придавать им одно и то же название или, по крайней мере, названия, производные от одного корня» [Афанасьев 2008: 16].

Так, Ю.С. Степанов отмечает, что индоевропейский корень *sue- / *suo-, к которому восходит словоформа *свой*, имеет двойственное значение, характеризующее исследователем как своеобразное. Это ‘сам, себя’ и ‘свой’. «Им отдельный человек характеризуется именно как отдельный, как индивид, но одновременно как “подобный всем другим, таким же, как он, своим”» (Степанов²: 481). Кроме того, в издании «Константы: словарь русской культуры» приведен ряд однокоренных слов с различными аффиксами и даны их греческие соответствия: «*sue-d- в слове *ídios* “свой, собственный, личный, особый”; *sue-t- в слове *etēs* “свойственник, сородич, соратник”; *sue-dh- в слове *éthos* “обычай”; *sue-dh-n- в слове *éthnos* “группа людей, живущих вместе (по одним обычаям), народ”» (Там же). Исследователь приходит к выводу, что рассматриваемый корень и производные слова репрезентируют связь концептов «сам; отдельный,

---

¹⁵ При таком рассмотрении образ (а именно языковой образ) можно трактовать как одну из базовых единиц объективации взаимосвязи языка и культуры.

особый человек; индивид», «народ» и «свободный человек». Соответственно, анализируемая морфема в составе словоформ объективирует признаки «объединенность субъектов по территории проживания/рождения» и «связь на основе личных взаимоотношений».

Итак, образ зоны «своего» эксплицирован лексемой *свой*, а также производными именами существительными, обозначающими лица по родству, относительными именами прилагательными и наречиями. Данные вербальные знаки объективируют признаки «принадлежность и/или характерность субъекту действия чего-либо», «связь между членами рода, семьи», «принадлежность к определенной социальной группе», «объединенность субъектов по территории проживания/рождения», «связь на основе личных взаимоотношений», которые формировались на протяжении всего функционирования лексем в языке (от индоевропейского языка до современного русского). Данные этимологических и толковых словарей позволяют определить контексты функционирования слов и установить их объективное значение, а также внутреннюю форму как неотъемлемую часть семантической структуры слова.

Источники

- БТС — Большой толковый словарь русского языка: А–Я / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.
- Даль⁴ — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. 4-е изд., испр. и значит. доп. под ред. проф. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. СПб.; М.: т-во М.О. Вольф, 1911–1912.
- СД — Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Рос. акад. наук. Ин-т славяноведения и балканистики; Под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1995–2014.
- Срезневский 2003 — Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка: [в 3 т.] М.: Знак, [2003]. Т. 3: Р–ω и дополнения А–Я. М., 2003. 1683, 271, 13 с.
- Степанов² — Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Акад. проект, 2001. 989 с.
- Тихонов² — Тихонов А.Н. Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным: [около 40000 слов, примерно 10000 словообразовательных гнезд]. М.: Lingua: АСТ, 2014. 639 с.
- Фасмер³ — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 3-е изд., стереотип. М.: Изд. центр «Терра», 1996. Т. 3: Муза–Сят. СПб.: Азбука; М.: Изд. центр «Терра», 1996. 830 с.
- Цыганенко² — Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка: Более 5000 слов. 2-е изд., перераб. и доп. Киев: Рад. шк., 1989. 510 с.
- Черных — Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 1993. (Т. 2: Панцирь–Яшур. М.: Русский язык, 1993. 560 с.

Литература

- Афанасьев А.Н. Славянская мифология. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2008. 1520 с.
- Блинова О.И. Мотивология и ее аспекты. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2007. 390 с.
- Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / Пер. с нем. под ред., с предисл. [с. 5–33, и примеч.] Г.В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1984. 397 с.
- Дмитриева Ю.Л. Средства вербализации пространственной модели мира в произведениях С. Есенина // Лингвистические исследования и их использование в практике препода-

вания русского и иностранных языков: Матер. III Междунар. научно-методич. конф. (22 мая 2020 г.). Донецк: ДонНТУ, 2020. С. 33–39.

Дмитриева Ю. Л. Средства репрезентации категории «свой – чужой» в текстах С. Городецкого // Россия народная: россыпь языков, диалектов, культур: сб. матер. Всерос. с междунар. участием научн. конф. [23–25 апреля 2019 г., г. Волгоград] / [гл. ред.: Е.В. Брысина, В.И. Супрун; редкол.: Е.И. Алещенко и др.] Волгогр. гос. соц.-пед. ун-т, Волгогр. отд-ние – О-во рус. словесности. Волгоград: Фортесс, 2019. С. 232–236.

Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.

Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2004. 293 с.

Мокиенко В.М. Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии. 3-е изд. М.: Флинта: Наука, 2009. 464 с.

Потебня А.А. Мысль и язык // Хрестоматия по истории русского языкознания / Под ред. чл.-кор. АН СССР Ф.П. Филина. М.: Высш. школа, 1973. 503 с.

Дмитриева Юлия Леонидовна, канд. филол. наук; ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», кафедра общего языкознания и славянских языков; доцент; E-mail: Jul88Dmitrieva@yandex.ru

Для цитирования. Дмитриева Ю.Л. Образ зоны «своего»: диахронический аспект // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2020. Вып. 3. С. 261–268.

References

Afanas'ev A.N. Slavic mythology. Moscow. Eksmo Publ.; St. Petersburg. Midgard Publ., 2008, 1520 p. (In Russ.)

Blinova O.I. Motivology and its aspects. Tomsk. Tomskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2007, 390 p. (In Russ.)

Gumbol'dt V. Selected works on Linguistics. Moscow. Progress Publ., 1984. 397 p. (In Russ.)

Dmitrieva J.L. Means of verbalization of the spatial model of the world in works by S. Esenin. Linguistic research and their using in the practice of teaching Russian and foreign languages: Reports of the III International Scientific and Methodological Conference (May 22, 2020). Donetsk: DonNTU, 2020. P. 33–39. (In Russ.)

Dmitrieva J.L. Means of representing the category “one’s own – another” in the texts of S. Gorodetsky. Rossiya narodnaya: rossyp’ yazykov, dialektov, kul’tur: sbornik materialov Vserossiyskoy s mezhdunarodnym uchastiem nauchnoy konferentsii [April 23–25, 2019, Volgograd] / [gl. red.: E.V. Brysina, V.I. Suprun; redkol.: E.I. Aleshchenko i dr.] Volgogradskiy gosudarstvennyy sots.-ped. universitet, Volgogradskoe otdelenie – Obshchestvo russkoy slovesnosti. Volgograd: Fortress, 2019. P. 232–236. (In Russ.)

Krasnykh V.V. “One’s own” among “another’s”: myth or reality? Moscow. Gnozis Publ., 2003, 375 p. (In Russ.)

Maslova V.A. Introduction to Cognitive Linguistics: tutorial. Moscow. Flinta: Nauka Publ., 2004, 293 p. (In Russ.)

Mokienko V.M. Images of Russian speech: historical and etymological essays of phraseology. Moscow. Flinta: Nauka Publ., 2009, 464 p. (In Russ.)

Potebnya A.A. Thought and Language. Khrestomatiya po istorii russkogo yazykoznaniiya. Moscow. Vysshaya shkola, 1973, P. 207–213. (In Russ.)

Julia L. Dmitrieva, PhD, Associate Professor, Department of General Linguistics and Slavic Languages; E-mail address: Jul88Dmitrieva@yandex.ru

For Citation: Dmitrieva Ju. L. (2020). Image of zone “one’s own”: historical aspect. *Slavyanskaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya* [Slavic historical lexicology and lexicography], 3, pp. 261–268. (In Russ.)

*Raina M. Dragicevic**P.M. Драгићевић***ANTHROPOCENTRISM IN THE OLD FOLK MEASURES OF THE SERBS AND RUSSIANS****АНТРОПОЦЕНТРИЗАМ У СТАРИМ, НАРОДНИМ МЕРАМА СРПСКОГ И РУСКОГ НАРОДА**

Анотација. У раду се на основу лексикографских извора описују старе, народне руске и српске мере које су засноване на деловима људског тела, па чак и на људским перцептивним и физичким способностима. Рад има три циља. Први циљ је културолошко-историјски: да се покаже изузетна сличност између српских и руских народних мера, чак и у случајевима неких необичних, врло креативних народних идеја за коришћење свога тела у мерењу и одмеравању предмета и појава. Други циљ је лексичко-семантички: да се покажу и анализирају креативне логичке везе које су довеле до именовања мера. Њихов извор је метонимија, која је често ланчана и врло сложена. Трећи циљ је теоријско-лингвистички: да се старе, народне мере представе као одличан пример за антропоцентризам у језику и да се потврди утеловљеност, као један од базичних појмова когнитивне лингвистике.

Кључне речи: антропоцентризам, утеловљеност, метонимија, народне мере, српски језик, руски језик, семантика, лексикографија

Summary. This paper describes relying on the lexicographic sources old folk Russian and Serbian measures that are based on parts of the human body and even on human perceptual and physical abilities. This paper has three goals. The first goal is cultural-historical: to show a remarkable similarity between Serbian and Russian folk measures, even in the case of some unusual, but very creative people's ideas for using one's body in measuring objects and phenomena. The second goal is lexical-semantic: to show and analyze the creative logical connections that led to the naming of measures. Their source is metonymy, which is often a chain process and very complex. The third goal is theoretical-linguistic: to present old, folk measures as an excellent example of anthropocentrism in language and to confirm the embodiment, as one of the basic concepts of cognitive linguistics.

Keywords: anthropocentrism, embodiment, metonymy, folk measures, Serbian language, Russian language, semantics, lexicography

Повод за овај рад јесте један утисак који је на мене оставио разговор са гостом коме сам скувала чај. „Желите ли лимуна?“, питала сам га. „Два средња стиска, молим“, одговорио је. Количина течности одређена је и именована мером јачине човековог стиска. Утисак оставља успостављена логичка веза између два удаљена домена, а то су количина течности и људска снага. Задивљује чињеница да је језичка порука успешно пренесена – пошиљалац и прималац поруке су се одлично разумели. Зачуђује изузетна примењивост апроксимативних одређења у језику. Збуњује човекова креативност и маштовитост у одређивању и описивању стварности. Ипак, најјачи утисак оставља чињеница да човек до крајњих и неочекивано растегљивих граница користи своје тело, своје способности и капацитете у мерењу, одмеравању, квантитативно-квалитативном детерминисању, а самим тим и савладавању света око себе.

Човеково схватање стварности условљено је његовим перцептивним способностима, а оне су засноване на односу између окружења и човековог тела (висине, тежине, снаге, чула вида, слуха, мириса, додира). У човековим физичким и чулним својствима и способностима треба тражити и ограничења људског поимања стварности, као и разлоге за спознају баш онакву каква јесте. Међуусловљеност људског тела, перцепције, когниције и језика доказивана је у

многим когнитивнолингвистичким, психоллингвистичким и другим истраживањима и назива се *утеловљеност* (енгл. *embodiment*, рус. *воплощение*).

Тезу о утеловљености човековог искуства, перцепције, сазнајних и других способности упечатљиво је изнео М. Џонсон [Johnson: 1987] у својој књизи *The Body in the Mind*. У основи сазнања је човеково телесно искуство. Аутор наглашава да се у науци дуго занемаривао значај тог искуства јер се чинило да се њиме не могу објаснити апстрактна и сложена човекова поимања. „Теза о утемељености појмовног система у телесном искуству једна је од суштинских одредница когнитивне лингвистике, не само као физиолошка и психолошка перспектива већ и као полазна тачка за разумевање организације и мотивисаности значења у језику” [Rasulić 2004: 24]. Крећући се, перципирајући појаве око себе, рукујући њима, човек ствара менталне обрасце физичког искуства, а преко тих образаца формира се човеков појмовни систем. Међу такве обрасце спадају, на пример, РАВНОТЕЖА, СИЛА, САДРЖАВАЊЕ, односи ДЕО–ЦЕЛИНА, ПУНО–ПРАЗНО, ЦЕНТАР–ПЕРИФЕРИЈА, МАСА–ПОЈЕДИНАЧНОСТ и др. [Johnson 1987: 126; Rasulić 2004: 25]. Једна од таквих сликовних схема важних за организацију нашег појмовног система јесте ВЕРТИКАЛНОСТ. Она проистиче „са једне стране из доживљаја вертикалне оријентације сопственог тела, а са друге стране, из доживљаја перципирања изгледа и распореда ентитета на основу вертикалне димензије у простору” [Rasulić 2004: 26]. Схема ВЕРТИКАЛНОСТ омогућила нам је разумевање схеме ГОРЕ–ДОЛЕ, а затим и ЦЕНТАР–ПЕРИФЕРИЈА, БЛИЗУ–ДАЛЕКО, ИСПРЕД–ИЗА, ЛЕВО–ДЕСНО итд. Ове сликовне схеме често дејствују заједно и једна из друге проистичу. Дакле, кључни односи без којих наш живот и оријентација у њему не би били могући проистичу из нашег телесног искуства. Ако је перцепција утеловљена, онда је и замишљање утеловљено [Stanojević 2013: 29].

Овако постављен човеков сазнајни свет производи антропоцентризам који пројектујемо на појаве око себе: „Центральным понятием антропологии является понятие антропоцентризма, трактуемое как тип мировоззрения, согласно которому человек признается центром и высшей целью мироздания. Исходя из этого, человечество находит свои жизненные ориентиры в себе и живет по законам, которые создает непосредственно сам, и по ним же судит о собственной и окружающей жизни” [Юсупова и Песина 2016: 1083].

Пошто у појмовној организацији стварности човек полази од себе, није необично ни неочекивано то што се антропоцентрички поглед на свет пресликава и у језик. За то постоје бројни показатељи у језику. Највише значења и деривата имају лексеме које означавају делове човековог тела [СДР; Штасни 2013; Штрбац и Штасни 2017; Песина и Дружинин 2016]. Највише фразеологизама имају лексеме које спадају у соматизме [Штрбац 2018]. Ања Николић-Хојт [Nikolić-Ноут: 2014] осмишљава и описује тезаурусни портрет људског тела, односно речник који ће садржати соматизме и језичке јединице у вези с њима.

И док, на једној страни, свет концептуализујемо тако што у свему око себе видимо човека, на другој страни, у изврнутој слици у огледалу, човека концептуализујемо као друге облике живог и неживог света, што показују бројне појмовне метафоре о човеку као бильци, животињи, предмету [Вељковић Стан-

кових 2018]. Такве концептуализације само додатно потврђују слику о човеку који у свему око себе проналази, у ствари, себе.

Чини се да то разумевање себе и околног света самим собом као средством, али и као циљем, нигде не проналази толико потврда као у систему старих мера. „На раним етапима развоја човеческог общества еталон за мерења је сам човек (его раст, стопа, ширина ладони, палца и т. п.) и окружујуће предмете, пошто мере различитих народа откривају иногдa поразително сродство” (Романова 2017: 6).

Делови тела служили су као средства за мерење, али и као полазишта за формирање појмова о димензијама појава у окружењу. У том процесу било је доста субјективности, јер најстарија времена нису захтевала прецизност коју подразумева данашњи живот, а било је и уопштавања, јер су наши преци имали у виду и величину делова тела других људи у својој околини, иако су мерили сопственим деловима тела (стопалом, прстом, лактом, главом итд.).

„Уколико се неким деловима тела није могла дужина мерити вишеструко (понављањем исте вредности више пута), она се могла ценити и изражавати и примеравањем, тј. упоредним одмеравањем у односу према положају опште познатих делова тела, као што су колена, кук, пас, пупак, раме и сл., па и цео човечји стас” (Влајинац 1961: 2). Чак и ако је требало одредити нека већа растојања, човек је опет налазио начин да се послужи својом телесношћу — ни мерењем, ни примеравањем, већ проценом просечних физичких способности, на пример, до које даљине може одлетети камен хитнут из све снаге из човекове руке или до које се даљине простире човеков глас ако најгласније викне. Човек је целу своју телесност, од стопала до главе, користио да би опицавањем, чулним освајањем, пребацивањем шаке преко шаке, стопала преко стопала, лакта преко лакта, одредио свет око себе у његовим основним димензијама. Морао је да додирне све око себе, да се очеше о материју, да је чулним контактом освоји и придобије како би је измерио, а то значи упознао и разумео, бар у најопштијем смислу. Човек је, дакле, полазио од свог тела у разумевању материје, али и у грађењу појмова о различитим димензијама. Тело му је, дакле, служило и за развој апстрактног мишљења, а не само за сналажење у простору. Усудили бисмо се чак да претпоставимо да је људски род почео да развија апстрактно мишљење управо формирањем појмова о димензијама.

Због тога је тема овог рада испитивање утеловљености на примеру исконских народних мера српског и руског народа. Називе за старе српске мере преузели смо из *Речника наших старих мера I–IV*, који је саставио Милан Влајинац (1961–1974), а за називе руских народних мера послужили смо се речником *Объяснительный словарь старинных русских мер* Г.Я. Романова (2017)¹. Намерно нисмо поделили мере на српске и руске, већ смо их заједно

---

¹ Сви примери који су у раду наведени преузети су из речника М. Влајинца (за српски језик), односно Г.Я. Романова (за руски језик). Примери су у наведеним изворима дати као илустрација управо за мере које наводимо у овом раду. Извори за примере нису наведени, јер се читалац о њима може обавестити у речнику-изворнику. Понекад се после примера наводи година из које он потиче. Ако је уз меру на српском језику наведен руски еквивалент у загради, то значи да је мера обрађена у оба речника. Ако се наводи само српска или само руска мера, то значи да еквивалент у речнику другог језика није обрађен. Сличност међу мерама је велика у српском и руском језику, а ако понегде и изостаје, разлоге видимо углавном у томе што је српски речник обимнији него руски и што је у вези с неким мерама методологија израде речника била другачија, па у једном од два речника нека врста мера није унесена.

представљали с циљем да укажемо на сличност о којој говори Г.Ј. Романова у већ наведеном цитату. Како примећује М. Влајинац у Уводу *Речника наших старих мера* (1961: 2), „кад су се у току VI и VII века, српско-хрватска и друга словенска племена насељавала у садашње области, несумњиво су већ познавала и примењивала разна мерења на извесне начине <...> да су се увелико служила различним природним начинима мерења, изводљивим за сваког, на то упућују не само искуства и појаве код других народа, већ и заједнички често прасловенски називи таквих мера сачуваних и до наших дана. И сама основна реч *мера* <...> прасловенског је порекла.”

Универзалност старих мера код различитих народа, па и српског и руског, сведочи о универзалној прастарој потреби човека да упознаје свет оцењујући му димензије. Апстрактно мишљење и интелигенција налазе своје извориште у човековој потреби да упоређује сродне појаве, а први критеријум за уочавање разлика јесу димензије — дужина, ширина, запремина и др. Универзална је и прастара замисао да се за уочавање разлика међу појавама можемо користити деловима свог тела као мерним средствима. Утеловљеност о којој данас пишу когнитивни лингвисти (и, наравно, не само они) постоји одувек и универзална је.

У семантичком смислу, називи за антропометричке мере привлаче пажњу јер се заснивају на метонимији. Путеви логичких односа на којима су метонимије засноване понекад су веома инспиративни за истраживање, посебно у случајевима ланчаних метонимија, које ћемо представити у овом раду.

1. Мерење деловима тела

Показаћемо, на самом почетку, како је човек креативно користио најразличитије делове свога тела, као и делове делова тела за мерење, пре свега, дужине и површине, али и неких других димензија. Важно је запазити да у таквом мерењу улогу играју и сами делови тела (као мерачи) и димензије делова тела (као мере). Пажњу привлачи чињеница да се човеков телесни капацитет користио скоро без остатка, што показује да је човек суверено владао својом телесношћу и да је знао како да је искористи до крајњих граница.

СТОПА (рус. СТОПА/СТОПЕНЬ). И у српском и у руском језику, СТОПА се користила као мерна јединица. У руском језику постоји и варијанта СТОПЕНЬ с истим значењем. Према речима Г.Ј. Романове, СТОПА је, примарно, била мера једнака дужини стопала (од задње ивице пете до врха палца), али, секундарно, ова је мера могла бити једнака дужини корака, за шта се потврде проналазе пре свега у преведеним споменицима из грчког језика. У српском језику, у ретким случајевима, СТОПА је такође могла означавати дужину корака. Дешавало се да се стопа користила и за мерење површине, па чак и запремине. Иако је стопа први пут потврђена као српска мера за дужину још 1252. године у *Крмчији морачкој*, значење мере једнаке дужини људског стопала дуго је имала лексема НОГА. Превагу над НОГОМ СТОПА добија тек у XIX веку. Исто што и прасловенска реч СТОПА у српском језику значи и турцизам ТАБАН, али се ова лексема далеко ређе користила као јединица мере. Семантички посматрано, и значење дужине стопала и значење дужине корака настала су метонимијом. У првом

случају, логичка веза је успостављена између стопала и његове дужине, а у другом — између стопала и раздаљине на којој се налазе човекова стопала док корача.

Занимљиво је да су Срби користили и ОПАНАК, ЦИПЕЛУ и ЧИЗМУ као мере, али се метонимијски обрасци за остваривање значења мере заснивају на различитим логичким односима. ОПАНАК и ЦИПЕЛА су своје мерно значење заснивали на дужини, користећи исти принцип као СТОПАЛО, док је ЧИЗМА означавала количину блага или друге материје која може да стане у чизму. Овај случај показује колико су метонимијска (и метафоричка) значења лексема условљена човековим перцептивним способностима. Иако чизма, опанак и ципела спадају у обућу, из људске перспективе, најупадљивије својство чизме је дубина, док је код опанка и ципеле у првом плану дужина, па су та својства била у основи метонимијског преноса.

НОГА (рус. НОГА). И у српском и у руском језику нога се користила као мера за дужину и означавала је меру једнаку стопи. Дакле, значење мере у оба језика изведено је из синегдохског значења лексеме *нога – стопало*. У руском језику ногом се мерила дужина једнака дужини човековог стопала (27–30 цм): *Яма для деревьев на три ноги глубока и широка на четыре*, али и дужина које је одговарала дужини корака: *Высота башням вавилонским по 200 ног, а ширина 5 ног (на полях ркп. преписка: ноги то есть шаги наши)*.

У српском језику ова мера се користила за дужину, површину, па чак и запремину: *Ни ногу му земље не узесмо (= стопало)*.

РУКА (рус. РУКА). Иако би се очекивало да РУКА представља меру једнаку дужини руке од рамена до врхова прстију, та могућност није остварена ни у српском ни у руском језику. Разлог вероватно треба тражити у томе што је на тај начин било могуће измерити дужину само оних предмета које су у висини људских рамена. Зато је та могућност остала неискоришћена², па се РУКОМ означава мера за дужину једнака ширини човекове шаке. Понекад се дужина мерила и дебљином руке изнад зглоба. РУКА је у српском народу и мера за количину — означава количину материје која може стати у руку. У руском језику РУКА одговара дужини једнакој ширини песнице или ширини длана.

Ове могућности коришћења шаке за мерење указују на важност овог дела тела у човековом сналажењу у природи. Користила се, као што видимо, ширина длана, дебљина длана, ширина песнице, а за мерење количине користио се и длан са повијеним прстима, који може да послужи као садржатељ, па чак и длан са скупљеним прстима, којим се може захватити одређена количина зрнасте или прашкасте материје. Синегдохски преноси омогућили су да се, понекад, за исту мерну вредност користила *рука, шака, длан*, тј. лексика за мерониме различите општости.

Тако се и ШАКА (рус. *кисть*) користила као стара српска мера: а) за дужину (била је једнака ширини длана); б) за висину (углавном се тако мерила висина коња); в) за количину (отворена шака, прстију савијених у облику кашике); г) за величину (затворена шака у облику песнице), нпр. *бресква као шака*. Занимљиво је да се у речнику Г.Я. Романове не спомиње *кисть*.

---

² У ретким случајевима, у руском језику се ЛАКАТ користио као мера једнака дужини целе руке.

ДЛАН (рус. ДЛАНЬ/ДОЛОНЬ/ЛАДОНЬ). Ова мера је у оба језика представљала меру за дужину једнаку ширини длана (око 8 цм). У руском језику сачувани су изрази *в ладонь, на ладонь, шире ладони* (нпр. *Золотые галуны в ладонь ширини*). У српском језику користиле су се као мере и ПОДЛАНИЦА и СУДЛАНИЦА. Подланицом се могла мерити дужина једнака ширини четири прста, без палца, а могла је бити једнака и ширини песнице, на пример: *дебела сланина с подланице*. Судланица је била мера која је одговарала ширини длана, односно шаке, нпр. *Јелек јој кратак тако да се за читаву судланицу види танка бела кошуља*.

ПЕСНИЦА (рус. КУЛАК, ПЯСТЬ, ЕМЬЯ, КОРХ/КОРГ). ПЕСНИЦА је била мера која је одговарала величини песнице или количини материје која у њу може да стане: *један комад жутог воска колико песница* (1851). ПЕСНИЦА или ПЕСТ користила се чак и за мерење висине коња. Показало се, ипак, да ПЕСТ у овом случају одговара дужини шаке. Рус. КОРХ /КОРГ је народна мера једнака ширини песнице (око 9 цм): *Кадушка меду преснова ... а в ней вина 3 корха замерена*.

ПАЛАЦ (рус. ДЮЙМ/ДУЙМ/ДУМ). Палац представља широко распрострањену народну меру за дужину, ширину, висину и дебљину. Занимљиво је да се мера палац у српском, као и ДЮЙМ у руском језику, чешће заснивала на дебљини него на дужини палца: *Тополивница правителствена продавала је липове даске по 2 педља и један прст, палац широке* (1856).

ПРСТ (рус. ПАЛЕЦ/ПЕРСТ/ЦОЛ/ВЕРХ/ВЕРШОК). Прсти су „одвајкада служили људима као природне мере за разна одмеравања, и то, може се рећи, многострукије него ма који други делови тела” (М. Влајинац, под одредницом *прст*). Важност прста као дела руке и тела у целини огледа се у чињеници да се многоструко користио као мера. Занимљиво је да се важност делова тела у човековом свакодневном освајању простора и живљењу уопште може оцењивати и кроз призму њихове употребе као народних мера. Прстом се мерила дужина која је понекад била једнака ширини, понекад дебљини, а понекад дужини прста. Такође, прстима се могла мерити и количина материје (нпр. соли) која може да стане између врхова три прста. У руском језику, палец је мера за дужину једнака ширини прста: *Клади ту муку на блины в палец толицыной*. Прст се и данас користи у Русији као народна мера за мерење сала животиња и у риболову за ширину мреже.

НОКАТ (рус. НОГОТЬ). Дебљина, дужина или величина нокта користила се и данас се користи само за поређење незнатних растојања и величина. Ова мера никада није имала практичну примену, али јесте симболичку, јер се нокат, односно количина која може да стане испод/иза нокта, сматра у српској култури експресивном ознаком за најмању могућу количину, ону која је скоро једнака нули. Тако је, изгледа, и у руском, о чему сведоче фразеологизми: *с ноготь (веома мали), ни на полногтя (ни у каквој мери, нимало)*. У ретким случајевима када се користио као мера, НОКАТ је означавао дужину од око 1–2 мм, а ова дужина односила се на неисечени нокат.

ЛАКАТ (рус. ЛАКОТЬ/ЛАКЪТЬ/ЛОКОТЬ/ЛОКЪТЬ). Важна одлика делова тела који су се користили као мере јесте приступачност, а један од најприступачнијих делова тела јесте лакат. У српском језику, ова мера за дужину први пут се спомиње у XIV веку: *шест лаката платна, тридесет лаката дужине зида*. У народној песми забележен је стих: *Турише га у ледену тамницу, у дуби-*

ну стотину лаката. ЛАКАТ је могао подразумевати различит део човекове руке, па је и означавао различиту дужину: 1) од ручног прегипа до врха малог прста; 2) од ручног прегипа до врха средњег прста; 3) од ручног прегипа до врха кажипрста; 4) цела опружена рука од краја рамена с унутрашње стране до палца или средњег прста. И у руском језику, баш као и у српском, лакат, тј. ЛАКОТЬ најчешће се односио на дужину од око 45 цм, од лакта до врха средњег прста. Ипак, постојале су варијанте: 1) од лакта до краја стиснуте песнице (НЕПОЛНЫЙ ЛОКОТЬ); 2) од лакта до врха средњег прста и длан друге руке до зглоба (ДВУХЛАДОННЫЙ ЛОКОТЬ) и др.

На крају овог кратког прегледа у којем су дати основни подаци о томе како су рука и њени делови служили као мере, запазићемо неколико синегдохских процеса који су такође деловали у именовању мерног система: мањим делом руке могао се означавати већи и обрнуто. Тако се *руком* могла називати и *шака*, *песницом* – испружени длан, а *лактотом* — *рука целом својом дужином*. Ова семантичка трансформација доводила је до тога да се РУКОМ могла означавати и мера једнака ширини шаке, ПЕСНИЦА је могла одговарати и дужини длана, а ЛАКАТ је могао одговарати дужини целе руке. Овај процес нам указује на две појаве, међусобно супротстављене — језичку и стварносну. У језичком смислу, запажамо сложене процесе логичких уланчавања (*лактотом* се, на пример, примарно назива део руке, затим цела рука, а онда и мера која одговара дужини руке). У стварносном смислу, уочавамо слику једног цивилизацијски ниског нивоа света у којем су мере сасвим апроксимативне — не само што се мерило деловима тела (што је већ довољно непрецизно и неодређено јер све шаке, на пример, нису исте величине), већ се и називи за те делове нису увек односили на исти део тела.

ГЛАВА (рус. ГОЛОВА). Глава се користила као мера за висину (*за главу виши; сво је коло главом натхватила; главом већа, а љепшиа од тебе*) или за количину (*глава земље*). У оба језика количина шећера се некада мерила главама (*глава шећера = глава сахара*).

ДЛАКА (рус. ВОЛОС/ВОЛОСОК). ДЛАКА је, као и нокат, била резервисана за мерење и именовање најмањих вредности. ДЛАКА је била народна мера за дужину, дебљину, па и ширину. Српска народна пословица *Од длаке до греде* значи *од најмањег до највећег*. Коњска длака је била српска народна мера за дужину. У руском језику се ДЛАКА (ВОЛОС) користила за означавање најмањег растојања једнаког дебљини длаке. ДЛАКА се користи како би се на експресиван начин одредила близина: *Ты теперь от смерти на волоску*. И у српском језику постоје сличне конструкције: *За длаку је избегао смрт*.

ЗУБ (рус. ЗУБ). ЗУБ се у српском језику користио као бројчана и пореска јединица за домаћу стоку. У руском језику, ЗУБ је количина сена која је сложена између шиљака на објекту на којем се чувало сено. Значење је засновано на метафори *зуб — оштри део на предмету*, здруженој са метонимијом *зуб — количина која је сложена између шиљака*.

ЕГИЈА је турска реч за *ребро*. Ова лексема је развила метафоричко значење *ребро у лађе*, а затим је ово метафоричко значење послужило за настанак метонимијског значења — *мера за величину лађе*.

2. Одмеравање деловима тела³

Делови тела су, видели смо, служили за мерење, али и за одмеравање. Човек је неке делове свога тела користио као граничнике који су указивали на приближну дужину или дубину, чиме се такође указивало на човеково одмеравање света у односу на себе. Осим пуког одмеравања, било је у томе мерењу у односу на своје тело и поруке о савладивости или несавладивости неких препрека. Тако, на пример, *трава до чланака* представља амбијент који је човеку савладив и који му одговара, док *трава до колена* имплицитно носи информацију о препреци на коју се наишло или се може наићи.

Неки делови тела представљали су граничнике и за појаве које се на тој висини распостире одозго надоле и за оне које се простире одоздо нагоре. Такву меру представља колена. КОЛЕНО је у српском језику (а вероватно и у већини других језика) граничник према којем се одмеравала висина, дубина и дужина. Од људског колена се замишља одстојање наниже (испод колена) или навише (изнад колена). Од стопала до колена обично се мерила дубина или висина, а од неког другог дела тела до колена мерила се дужина. На пример: *Ал по гробу трава расте / детелина до колена* (висина). *У тамници вода до кољена* (дубина). *Изнесе му рухо Момчилово / што Момчилу било до кољена* (дужина). Ови примери јасно показују колико се вертикална димензија из човекове перспективе мери према њему самом. Од тачке на себи нагоре и од те тачке надоле. Колена је једна од тих тачака, а има их још.

ЧЛАНКОМ се одмеравала дужина надоле: *хаљине дугачке да буду до чланака* (1726) и нагоре: *Освануо снег до више чланака*.

КУК је мера за дужину (висину): *шљиве ка песнице, а отава до кукова*.

ПОЈАС /ПАС је део тела којим се такође могла одмеравати дубина и дужина. У неким случајевима, овом мером одмеравала се дужина надоле *седа брада до појаса, коса до појаса, ђердан до појаса*, а у неким вертикална димензија нагоре: *Старом свату до појаса је висока*. ПОЈАС је био и мера за дубину: *Конај рупу до појаса*.

ДОЈКА се такође користила као мера за дужину: *ђердан је попустила до дојки*.

РАМЕ је такође једна од тачака на људском телу која служи за одмеравање: *зелена трава до рамена*. И у савременом српском језику одредићемо дужину косе као *косу до рамена*. Значи да се и раме могло користити за одмеравање дужине навише и наниже.

Висина се могла одмеравати и према висини највише тачке човековог тела. У том смислу користиле су се и користе се ове мере: РАСТ: *конопља израсте до висине човечјег раста*. УЗРАСТ: *Висином су за трећину човечјег узраста*. ЧОВЕК: *Бујица наплавила пјеска и камења у висини човјека* (1796).

Запажамо да велики зглобови представљају тачке на човековом телу које служе као граничници или оријентир — чланак, колена, кук, раме. Пошто на

---

³ Г.Я. Романова није обрадила у свом речнику овај тип мерења, који М. Влајинац назива *одмеравањем*, иако ови логички и језички механизми постоје и у руском језику и функционишу на сличан или исти начин као у српском језику.

трупку нема зглобова, граничну тачку представљају груди, а на глави то могу бити уши или нос, као истурени, упадљиви делови главе.

У семантичком смислу, треба запазити једну посебност предлошко-падежне конструкције ДО + ИМЕНИЦА КОЈА ОЗНАЧАВА ДЕО ТЕЛА, која не мора увек имати исту вредност. Конструкција до + именица у српском језику често има експресивну вредност која означава *до крајњих вредности, највише што се може, много, у највећој мери*, нпр. *до неба, до бескраја, до вечности, до суза*. ДО + ИМЕНИЦА КОЈА ОЗНАЧАВА ДЕО ТЕЛА може означавати и мале и велике вредности (*коса до рамена — није дугачка, јама до рамена — дубока; снег до чланака — плитак, хаљина до чланака — дугачка*). Ова релативност условљена је, наравно, могућношћу делова тела као јединица мере да одмеравају висину нагоре и надоле, у односу на стопала или на главу. Због тога конструкција ДО + ИМЕНИЦА КОЈА ОЗНАЧАВА ДЕО ТЕЛА ретко добија експресивност. Бележимо само конструкцију ДО УШИЈУ, нпр. *заљубио се до ушију — јако се заљубио*. Ово експресивно значење очигледно је засновано на основном значењу које подразумева смер одоздо нагоре, али не и обрнуто.

3. Људске способности као мера

Човек користи делове свога тела за мерење, осим тога, према њима одмерава димензије предмета око себе, али користи и своје телесне и перцептивне могућности како би и њима мерио.

3.1. Телесне могућности као мера

3.1.1. Обухватање рукама

НАРАМАК представља количину неке материје (дрва, сена, сламе, шаше, пружа) која се може понети на раменима.

БРЕМЕ је једна од најстаријих народних мера за количину и тежину свега што човек може понети на себи. Постојало је људско и животињско бreme: *дрва су продавана на бремена*. И Руси су имали ову меру — БЕРЕМЯ/БЕРЕМЕ/БЕРЕМЦЕ: *Всякому человеку по беремьяни смол да берест*. Ова лексема је у руском језику изгубила значење мере у XIX веку. И данас се користи у књижевном руском језику, али више нема тог значења.

НАРУЧАЈ је количина која се може понети на рукама: *наручај сена; два наручја дрва*. За ово значење у руском језику резервисане су лексеме ОБЕРОМОК и ОБХВАТОК: *оберомок сена*.

ОБМАХ је у руском језику кружно растојање које је могуће обухватити широко раширеним рукама. Ова мера се користила за мерење дебљине стабала, трупаца: *Это дерево обмаха два*. Исто значење у руском језику има и ОХВАТ/ОБХВАТ: *Он увидел трехсотлетние дубы, трем человекам в обхват*. Користи се и ОБОЙМО: *Деревья толсты, обойма в два и в три*.

СЕЖАЊ (рус. САЖЕЊЬ/САЖЁНКА/СЯГ/СЯЖОК/СЯЖЕНИЕ/СЯЖЕЊЬ) јесте мера за дужину једнака растојању између крајева прстију руку широм раширених у страну. Ова мера је важила и за официјелну, а имала је различите износе у различитим крајевима (око 150 цм, око 170 цм, 185 цм, па и 216 цм). Постојао је мушки, женски, дечији сежањ. Исто значење у руском језику има и ОТМАХ: *лод-*

ка в три отмаха. МАХ такође означава дужину једнаку растојању међу крајевима прстију раширених руку. РАСТЕГ (рус. РАСТЯГ) је растојање које обухватају испружене руке, као и количина која може да стане у руке које су том положају: *два растяга сена*. Пола растегљаја, од средине прстију до краја испружене руке, зове се РУКАЉ.

Од глагола *охапать* у руском језику, који није сачуван (обухватити рукама, узети у руке, примаћи к себи), настала је ОХАПКА. Има два значења: 1) количина материје што се може однети обухвативши рукама: *охапок сена*; 2) количина материје која се може захватити шаком: *Вот вам курка, вот вам утка, охапка творогу*.

3.1.2. Обухватање шаком

ПРЕГРИШТ — количина материје која стане у две склопљене руке или у две спојене шаке окренуте нагоре. Овој мери у руском језику одговара ПРИГОРШНЯ/ПРИГОРШНИ — количина нечег зрнастог што стане у савијен длан или у два длана. Исто значење имају и лексеме РУЧКА, РУЧНИК/РУШНИК, РУЧНЯ/РУШНЯ, РУЧЕЊ: *Наберешь ручень жита. Пять рушней набрали*. ГОРСТЬ/ГРЬСТЬ представља количину материје која може да стане у шаку.

3.1.3. Обухватање прстима

ПАЙМО/ПАЙМА представља у руском језику количину пређе коју је могуће захватити двама прстима.

ЩЕПОТЬ означава количину материје која се може захватити трима прстима: *Польню 2 щепотки травы кардус*. У српском језику се та количина означава лексемом ПРСТОХВАТ. ПЯДУШКА у руском језику представља количину зрнасте или прашкасте материје која се може захватити са три прста. У свом секундарном значењу, ПЯДУШКА значи исто што и ПЯДЬ (ПЕДАЉ).

ПЕДАЉ (рус. пядь) представља растојање између крајева растегнутог палца и прста-показивача или између палца и средњег прста.

3.1.4. Ноге као мерачи

ПАСС/ПАС (лат. *passus* – корак) представља меру за дужину једнаку двоструком кораку: *Около того города 16.000 пасов*.

КОРАК/КОРАКЉАЈ/КОРАЧАЈ јесте мера за дужину, али и за површину: *Па пребази Краљевића Марка / два корака и две стопе више*. Постојао је МУШКИ КОРАК, МОМАЧКИ КОРАК, СИТАН КОРАК, МАЛИ КОРАК, ОБИЧАН КОРАК. И у руском језику СЛЕД/ШАГ добро је позната стара мера за дужину.

КАРАЧКА/КАРЯЧКА означава широки, напети корак, а затим и растојање једнако таквом кораку.

3.2. Перцептивне могућности човека као мера

ГЛАС се користио као мера за дужину (даљину). Свештеник из дечанског краја (1866. године) писао је о томе како је неко некоме „толико близу да један другог може довикивати”, а црква је толико близу његовој кући да „може лако дозвати до куће, а да се не упиње”. Нека њива је „од насељених места толико удаљена да поклич једног одраслог мушкарца са ње не достиже до села или града”. Ову удаљеност је М. Влајинац одредио као пола миље или пола сата. „О

неком Личанину Радомиру Будисављевићу (рођеном 1725. године) причало се како је својим снажним гласом могао дозивати и двије уре далеко.” Овакав начин одређивања удаљености уобичајен је код Срба. Осим људског гласа, као мера користио се и ОДЈЕК ПУЦЊА и ГЛАС ПЕТЛА. У руском језику, оваква мера која се заснивала на људском гласу називала се ОКРИК — мера за дужину пута једнака растојању на којем се може чути човеков глас: *Говорят Уральцы: я был на два окрика.*

Дозивање гласом „двије уре далеко” представља изузетан логички и језички пример укрштања простора и времена — глас се протеже кроз простор који се може преходати за два сата. Или: простор се мери временом у јединици распростирања људског гласа. Овај метонимијски низ указује и на човекову креативност, али и на растегљиве језичке могућности у логичком повезивању домена.

ДОГЛЕД — даљина докле човек може догледати. Остало је забележено у неком документу како се *не може крчити земља на одстојању докле се може догледати црква*. Исто ово значење има руска лексема ВИДОК/ВИДКИ — представља растојање до којег очи могу да виде, пространство које је могуће обухватити погледом: *Отйди на один видок. Голубь из видков ушел.* Г.Я. Романова бележи и лексему ЗРЕЙМО/ЗРЕЕМО с истим значењем. Да је мерење способношћу чула вида било уобичајена појава, сведочи и руска реч ЗАКРОЙ — растојање на којем предмет нестаје из вида (на мору): *на два закроя*. На Каспијском мору ова мера је значила *удаљити се од обале толико да обала нестане из вида*.

3.3. Радне способности човека као мера

ПРОЖИН — растојање које жетелац, косећи жито српом, пређе док не накупи пуну шаку стабљика. Ова мера је необична јер се њоме истовремено мери дужина (пута) и количина (стабљика).

РУЧНЯ/РУШНЯ јесте сноп класја покошеног једним замахом српа.

ДАН ХОДА / ДАН ПУТА није само трајање пута, већ и дужина коју један осредњи човек може прећи при средњој брзини у току једног дана, за видела. Ова мера се називала још и ОБДАНИЦА — растојање које се може прећи за једну обданицу: *До Јелаче девет обданица*. Временске јединице користиле су се и за простор који човек може обрадити неким својим деловањем. Тако је, на пример, ПОДНЕ представљало меру за пола дана орања.

И у овом случају запажамо занимљив логички низ који је у језику обележен метонимијским ланцем: временском лексемом именована је количина људског рада, а у средини тог ланца је простор који се може обрадити за дату јединицу времена.

СТРАЖА — ноћни период дана, који се дели на три или четири дела. Ова временска подела настала је у дубокој прошлости када су патроле чувале град и војне логоре и смењивале се на три или четири сата: *В четвертьтую же стражу ноци иде к ним Исус*. Основно значење *вршење стражарске дужности* метонимијски је развило значење *људи који стражаре*, а у следећем кораку настало је значење мере — *време стражарења*.

УПРЯЖКА/УПОВОД јесте мера која одговара дужини пута коју јахач може прећи на коњу, током једног дана, без одмора (20–40 врста): *Мы в город ездим в одну, две упряжки.*

КАМЕНОМЕТ је један од најстаријих начина мерење дужине. Помиње се у Хомеровој Илијади при опису брдске магле када се дотле види докле се може добацити камен. У руском језику ово значење има лексема МЕТАВИЩЕ. Сматра се да је у питању растојање од око 42 метра.

КОПЉОМЕТ — растојање до којег човек може добацити копље: *Свака кућа је једна од друге удаљена колико се може копљем добацити.*

КОПАЊЕ, КОПАЧ или МОТИКА представљају меру за површину винограда. Називала се још и КОПАЊЕ МУЖЕМ, КОПАЊЕ ЧОВЕКУ, ДАН КОПАЊА. Још 1300. године, у Хрисовуљи краља Милутина говори се о винограду *од три копача*. У основи оваквог мерења јесте површина винограда коју један човек може да окопа за један дан. У XV веку, површина њива мерила се ПЛУГОВИМА, површина ливаде — КОСАЧИМА, а површина винограда – МОТИКАМА. Игуман из манастира Острог купио је 1747. године *седам мотиках винограда*. У једном документу из 1754. године говори се о МОТИЧИНИ — дажбини од сваке мотике.

КОСАЦ или КОСА представљају меру за површину ливаде. Заснива се на површини ливаде коју један косац може покосити за један дан. Коса се као мера користила све до 1904. године. Остала је забелешка из 1706. године о *једној ливади од 30 коса и другој од 50 коса*, а 1836. године о ливади *од 80 косаца*. Понекад је на тај начин мерена количина траве коју један косац може покосити у току једног дана кошења: *до 40 коса траве, и то добре.*

ВРЕТЕНО је справа, али и мера за количину урађеног посла.

РАДНИК — површина коју може један човек окопати за један дан (око 5 ари).

Површине које су мерене мерама именованим називима за људе на најбољи начин показују до којег степена је човек користио сав свој антрополошки потенцијал да би се снашао у природи – да би је измерио и одмерио, да би разумео колико му је времена потребно да савлада простор и колики простор треба да савлада својим радом како би се прехранио. Мере као што су РАДНИК, КОСАЦ, КОПАЧ, којима се мери површина коју човек може да обради током дана, указују и на степен људске издржљивости, на меру дневног напора наших предака потребну да би преживео. Дакле, једном мером увезују се време, простор, људски напор и резултат рада. Питање је постоје ли још неки језички знаци који носе оволику информативност и појмовну сложеност!

Вратимо се на пример који је инспирисао ово истраживање — *два средња стиска лимуна* као мера за количину лимуна у чају. Говорник српског језика је спонтано употребио ову меру — није је могао чути ни од кога јер она не постоји у савременом српском језику. Саговорник је добро разумео поруку, односно вредност мере за количину течности одређену степеном напора да се истисну два средња стиска. Чини се као да разлог за чињеницу да је ова порука толико спонтано произведена и толико лако протумачена треба тражити у факту да се она заснива на принципу који носимо у себи као запис наших предака. У питању је спонтано прибегавање антропоцентризму који одувек носимо у себи као логички и језички механизам који нам је, можда, и урођен.

Извори

- Влајинац М. Речник наших старих мера (у току векова): I свеска (1961), II свеска (1964), III свеска (1968), IV свеска (1974), Београд: Српска академија наука и уметност, 1961–1974. (I–136 с. II–328 с. III–650 с. IV–1093)
- Романова Г.Я. Объяснительный словарь старинных русских мер. Москва: Университет Дмитрия Пожарского, 2017. 204 с.
- СДР — Семантичко-деривациони речник. Редакторке: Даринка Гортан Премк, Вера Васић, Љиљана Недельков. Нови Сад: Филозофски факултет. Свеска 1: Човек – делови тела. 2003. 375 с. Свеска 2: Човек – унутрашњи органи и ткива, психофизиолошка стања и радње, психофизичке особине, сродство. 2006. 775 с.

Литература

- Вельковић Станковић Драгана. Како мислимо речи.- Београд: Јасен, 2018.-274 с.
- Песина С.А., Дружинин А.С. Антропоцентрические факторы лексической многозначности (на примере полисеманта *arm*) // Вестник Брянского госуниверситета.- 2016. №4-С. 199–203.
- Штасни Гордана. Речи о човеку.- Нови Сад: Филозофски факултет, 2013.-208 с.
- Штрбац Гордана. Фразеологија о човеку и човек у фразеологији.- Нови Сад: Филозофски факултет, 2018.-285 с.
- Штрбац Гордана, Штасни Гордана. Соматизми и концептуализација стварности у српском језику (глава и њени делови).- Нови Сад: Филозофски факултет, 2017.-200 с.
- Јусупова Л.Г., Песина С.А. Антропоцентризм как источник пополнения словарного состава языка // Вестник Башкирского университета.- 2016. Т. 21. №4-С. 1083–1088.
- Johnson Mark. The body in the mind: The bodily basis of meaning, imagination and reason.- Chicago and London: The University of Chicago Press, 1987.-272 p.
- Nikolić-Hoyt Anja. Tezaurusni portret čovečjega tijela. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada, 2014.-153 s.
- Rasulić Katarina. Jezik i prostorno iskustvo.- Beograd: Filološki fakultet, 2004.-360 s.
- Stanojević Mateusz-Milan. Konceptualna metafora.- Zagreb: Srednja Europa, 2013.-260 s.

Драгичевич Райна Милановна, д. филол. наук; Белградски универзитет; г. Белград; Србија; професор; e-mail: rajna.dragicevic@fil.bg.ac.rs

Для цитирования. Драгичевич Р.М. Антропоцентризам у старим, народним мерама српског и руског народа // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2020. Вып. 3. С. 269–282.

References

- Johnson Mark. The body in the mind: The bodily basis of meaning, imagination and reason.- Chicago and London: The University of Chicago Press, 1987.-272 p.
- Nikolic-Hoyt Anja. Thesaurus Portrait of the Human Body. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada, 2014.-153 p. (In Cro.)
- Pesina S.A., Druzinin A.S. Anthropocentric factors of lexical polysemy (on the example of the polysemant *arm*). Bulletin of the Bryansk State University.- 2016. №4-P. 199–203. (In Russ.)
- Rasulic Katarina. Language and Spatial Experience.- Belgrade: Faculty of Philology, 2004.-360 p. (In Serb.)
- Veljkovic Stankovic Dragana. How do We Think by Words.-Belgrade: Jasen, 2018.-274 p. (In Serb.)
- Stasni Gordana. Words about a Man.- Novi Sad: Faculty of Philosophy, 2013.-208 p. (In Serb.)
- Strbac Gordana. Phraseology about Man and Man in Phraseology.- Novi Sad: Faculty of Philosophy, 2018.-285 p. (In Serb.)

Strbac Gordana, Stasni Gordana. Somatisms and Conceptualization of Reality in the Serbian Language (head and its parts) .- Novi Sad: Faculty of Philosophy, 2017.-200 p. (In Serb.)
Yusupova L.G. Pesina S.A. Anthropocentrism as a source of replenishment of the vocabulary of the language // Bulletin of the University of Bashkir.- 2016. T. 21. №4-P. 1083–1088. (In Russ.)
Stanojevic Mateusz-Milan. Conceptual metaphor .- Zagreb: Srednja Europa, 2013.-260 p. (In Cro.)

Rajna M. Dragicevic, *Dr. of Sci. Phil., University of Belgrade, Belgrad, Serbia. E-mail address: rajna.dragicevic@fil.bg.ac.rs*

For Citation: Dragicevic R. M. (2020). Anthropocentrism in the old, folk measures of the Serbs and Russians. *Slavyanskaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya* [Slavic historical lexicology and lexicography], 3, pp. 269–282. (In Serb.)

Natalya A. Prokofeva
ORSID iD: 0000-0003-3105-4530
Ekaterina A. Shcheglova
ORSID iD: 0000-0003-1778-2021

Н.А. Прокофьева
Е.А. Щеглова

MILITARY ACTIONS AND THEIR PARTICIPANTS NOMINATIONS IN JOURNALISM DURING THE CRIMEAN WAR

НОМИНАЦИИ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ И ИХ УЧАСТНИКОВ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ПЕРИОДА КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье рассматривается лексическая репрезентация военного конфликта на примере Крымской войны. Выделяются смысловые блоки, требующие особого внимания при освещении события в периодике, — повод к войне, номинации участников военного конфликта, идеологическое обоснование военных действий. С применением метода диахронического анализа представлены процессы семантизации и вхождения в узус лексических единиц, описывающих выделенные фрагменты тематического поля “война”. Делаются выводы о семантическом обновлении слов военной тематики, происходящем под влиянием очередного военного конфликта, а также о влиянии хода развития военных действий на специфику появления у слова отрицательных или положительных коннотаций. Любопытным наблюдением представляется обнаружение специфической фразеологии, актуализирующейся во время каждого нового военного конфликта и обрастающей под его влиянием новыми смысловыми обертонами.

Ключевые слова: лексика, лексическая репрезентация, тематическое поле, Крымская война, публицистика, семантизация, узус, коннотация

Summary. The article examines the lexical representation of the military conflict on the example of the Crimean War. There are semantic blocks that require special attention when covering the event in the period - the reason for the war, the nomination of participants in the military conflict, the ideological justification for military actions. The “war” thematic field is presented by using the diachronic analysis method, semantization and entry into the language usage of lexical units. Conclusions are drawn about the semantic renewal of the words of military subjects, which takes place under the influence of the next military conflict, as well as the impact of the course of military operations on the specifics of the appearance of the word negative or positive connotations. A curious observation is the discovery of a specific phraseology, actualized during each new military conflict and growing under its influence by new semantic overtones.

Keywords: vocabulary, lexical representation, thematic field, Crimean War, journalism, semantics, word using, connotation

Введение

История языка напрямую связана с историей развития общества — отсюда появление таких понятий, как языковой вкус эпохи и литературная норма. Ведь семантическая оформленность лексемы и ее стилистическое восприятие полностью зависят от общественных настроений на конкретном этапе истории. Если в какой-то момент слово воспринимается как скомпрометированное в узусе, то и употребление его жестко ограничивается (например, словосочетание *молодой человек* в связи с действиями террористов в середине XIX столетия), а возможно, и полностью исключается (как случилось со словом *гражданин*, которое во времена Павла I попало в список «вредных» слов, подлежащих цензуре [Дуринова 2015]).

Этим же объясняется неравномерность развития языковой системы: большое количество общественно и социально значимых событий влечет за со-

бой поток словотворчества, обновления семантики уже существующих слов [Сорокин 1965: 38–39]. Стагнация же в политическом плане во многом определяет спокойствие в развитии лексико-семантической системы. Резонансное историческое событие всегда получает отражение в лексической системе в виде пополнения лексического состава, а также семантических изменений уже существующих слов. Например, кризис и распад крепостнической системы вызвал к жизни целую группу слов, связанных с этим событием: *народоволец*, *подложная грамота* (как называют Манифест 19 февраля 1861 года), *крепостник* (последнее было изначально в разговорном употреблении узкой группы лиц, а затем вошло в узус благодаря публицистике [Сорокин 1965: 39]). Одновременно произошли семантические обновления других слов: например, *отработка*, которое закрепилось в словарях вплоть до XX столетия со значением ‘кабальная система найма помещиком крестьян со своим скотом и инвентарем за ссуду, пользование земель и т. п. во второй половине 19 - начале 20 в.’ (МАС II: 703) (можно сравнить с фиксацией слова до отмены крепостного права: ‘действие отрабатывающего и отработавшего’ (Сл 1847 III: 124)).

Закрепление нового значения слова можно увидеть по контекстам употребления, например, в данном случае виден семантический сдвиг в значении упомянутого слова *отработка*: «Бывает очень часто, что бедный крестьянин, нанявшись у одного землевладельца и взявши вперед деньги под отработки, среди зимы отправляется к другому землевладельцу, нанимается также у него, потом нанимается и к третьему» [Энгельгардт 1882]. Начиная с середины XIX в. значение лексической лаборатории приобретает публицистика. Обращение именно к этого рода употреблениям оказывается наиболее продуктивным в указанный период для установления разного рода лексических новаций [Дягилева 2016].

С точки зрения обозначенных позиций представляется необходимым обращение к лексической репрезентации в публицистике соответствующего периода отдельно взятого исторического события.

Постановка проблемы

Общепризнанно, что основным двигателем развития общества и цивилизации является война. Это гонка вооружений и разработка новых тактик и стратегий ведения военных действий. Резкий взлет активности в области техники, медицины, промышленности, вызванный войной, неизменно влечет за собой необходимость включения в оборот новых номинаций, фразеологических единиц, оборотов речи. Взаимодействие с другим народом (противником или союзником) провоцирует увеличение потока заимствований. Необходимость осмысления исторического события дает толчок развитию философии и журналистики как своеобразного рупора эпохи, по текстам которых можно судить об умонастроении общества в целом и проблематике, подлежащей осмыслению в рамках конкретного события.

Будучи доминантным событием, в любой исторический период война приковывает к себе внимание общества, и все общественное обсуждение мысли строится так или иначе с учетом военной тематики. Если это мирное время, об-

суждению подлежит развитие оборонной промышленности или же наращивание военного потенциала государства (ср. публикации о количестве отлитых пушек в Петровских «Ведомостях»). Если государство находится на этапе ведения военных действия, то в центр внимания прессы смещаются

- известия о победах и поражениях, постигших армию (номинации битв, отдельных сюжетов сражения, войск, родов войск, тактик ведения боя, топонимы);
- идеологические основы войны (деление на своих и чужих, номинации глав государства, полководцев, народов-участников, религии);
- техническое оснащение армии (номинации боевой техники, медперсонала, научных открытий и технических достижений).

Представляется интересным изучение тематического поля «война» с определением основных смысловых узлов и последующим осмыслением появления новых или семантически обновленных лексических единиц, а в перспективе — выведением лексико-семантических полей для каждого узла с его лексическими доминантами.

Учитывая все вышесказанное, логично предположить, что наиболее значимое военное событие XIX века — Крымская война — не могло не запустить языковые процессы, получившие отражение в семантике и прагматике словоупотребления, повлиявшие на узус и получившие отражение в языке последующих эпох. По всей видимости, именно в это время после печально известного ответа В. Я. Кирьякова на приказ А. С. Меншикова перед битвой при Альме закрепляется в узусе употребление фразеологизма *шапками закидаем* с отрицательными коннотативными смыслами, например: «Я помню, как прежде говорили и хвастались: только бы высадились, шапками закидаем, на сухом пути одного русского солдата на десятерых врагов станет... А теперь оказывается, что для победы нам необходимо иметь чуть ли не вдвое более войска против неприятельского» (И. С. Аксаков «Письма родным», 1849–1856)¹; «А у нас? терпеть не могу этого самохвальства: «Мы русские, шапками закидаем и немцев, и англичан, и французов!, а на деле дрянь выходит» (Н. Г. Помяловский. «Мещанское счастье», 1860)². Та же семантика отмечена у выражения во фразеологическом словаре М. И. Михельсона: «намеки на самоуверенность, основанную на мысли, что вся сила в количестве» (Михельсон 1912: 1007).

В рамках данного исследования обратимся к номинациям, востребованным в периодических изданиях того времени в связи с Крымской войной, чтобы показать особенности осмысления события в современной ему публицистике.

Методика анализа

В основе данного исследования лежит диахронический подход с элементами синхронии [Сорокин 1965: 20–23]. Рассмотрены особенности употребления лексических единиц лексико-семантической системы русского литературного языка в конкретный период ее существования — время Крымской войны.

¹ Использован материал Национального корпуса русского языка.

² Там же.

В центре внимания исследователей — совокупность номинаций, связанных с этим значимым для истории России событием: семантизация лексемы происходит через обоснование ее социально и политически значимыми процессами.

Для выявления семантических особенностей слов, служащих для номинации войны и ее участников, применяется лексико-семантический анализ. Ю. С. Сорокин приводит несколько факторов, имеющих постоянное воздействие на семантическое развитие отдельных слов и всей лексической системы языка в целом: 1) собственное значение слова, соотношение его с действительностью; 2) словообразовательные связи; 3) соотношение с другими словами по значению; 4) семантико-фразеологические связи; 5) связи по речевым контекстам [Сорокин 1961: 24–25]. Война сама по себе спорное событие, которое всегда требует идеологизации — объяснения необходимости военных действий, целей и задач, стоящих перед государством. Этим объясняется специфика номинаций, востребованных в кругу публикаций о войне: пафос государственности и народности, пафос сплоченности нации, пафос священного действия. В процессе формирования тематического поля «война» в применении к конкретному событию происходит семантизация слов, вызванная резким увеличением контекстов его употребления, поэтому собственное значение слова усиливается новыми контекстами употребления, а вслед за этим — расширением семантико-фразеологических и парадигматических связей.

Эти факторы находятся в постоянном взаимодействии, определяя судьбу отдельных слов внутри языковой системы. Характер влияния всех этих факторов на семантику отдельного слова можно увидеть при обращении к контекстам употребления. А. И. Горшков определяет понятие языкового употребления как «процесс реализации с целью передачи какого-либо сообщения языковых привычек и норм, в силу которых происходит выбор и организация языковых средств в единое смысловое и композиционное целое (текст), не одинаковые для разных условий языкового общения» [Горшков 2015: 19]. Употребление слова не проходит бесследно для носителя языка, и даже уже забытые значения так или иначе остаются в слове как неуловимый шлейф коннотаций.

Именно анализ употреблений слова позволяет выявить неявные семантические изменения слова, составляющих «круг реальных применений слова» [Ковтун 1971: 90], которые затем могут привести к семантическому сдвигу в значении слова [Blank 1999]. Таков круг идей, положенных в основу данного исследования, при анализе представленного лексического материала.

Анализ материала

Повод к войне

Важной частью обоснования военных действия является повод, послуживший началу войны. Общей тенденцией, выявленной при изучении эмпирической базы, являются примеры иносказания, реализующиеся в эвфемизациях, парафразах и метонимических заменах прямых номинаций, дающих представление о военном конфликте.

Война 1853–1856 года стала результатом давно назревавшего конфликта между Турцией и Россией. Осложнение конфликта произошло из-за вмеша-

тельства Франции и Англии, противившихся растущей роли России в мировой политике. Сама война развязана Россией, что также усложняло ситуацию, поскольку требовало серьезного обоснования такого рода решения.

С учетом всех названных особенностей в проправительственных периодических изданиях стойко соблюдается тенденция а) не называть войну военным конфликтом; б) возлагать ответственность за ее начало на противника; в) связывать военный конфликт с религиозным (священным) поводом.

Сама война в текстах периодики очень редко получает прямую номинацию, но преимущественно именуется *вопросом о Святых местах, делом о Святых местах, Восточным вопросом, Турецко-Российским вопросом* (Северная пчела, 1854. №25–27): *Нетрудно представить себе, что, при таком положении дел, Россия не могла не оскорбиться успехами, приобретенными, при Оттоманском Дворе, Францией по вопросу о Святых Местах; Перевес Франции и Англии над Оттоманскою Портою был, к несчастью, причиною незавидного торжества первой из сих держав в деле о Святых Местах* (Северная пчела, 1854, №26). В данном случае родовая номинация *вопрос* ('предложение для получения ответа или объяснения' (Сл 1847 I: 137)) и *дело* (в первом значении: 'все, что составляет предмет упражнения; работа, труд, обязанность, занятие, должность' (Там же: 385)) играет роль эвфемизма, с ее помощью завуалирована суть происходящего: действие (вооруженный конфликт) представляется всего лишь спором, словопрениями. Это, конечно, преуменьшает значимость события, снимая отчасти высокую вероятность общественного возмущения происходящим.

Обоснование вступления в конфликт также представлено эвфемизацией: *пристрастие, оказанное Турцией латинской Церкви по делу о Святых местах, пренебрежение и нарушение прав греческой Церкви* (Северная пчела, 1854. №26). Подобные языковые игры, с одной стороны, формируют круг посвященных, т. е. людей, способных понять происходящее, поскольку они знают подлинные причины конфликта. С другой — отвечают общему стилевому облику периодики того времени, с его иносказательностью, стремлением уйти от мнимой грубости прямых номинаций, подчеркнутой вежливостью речевого поведения и дистанцированностью от читателя [Виноградов 1982: 451–453].

Развитие военных действий

Вступление в конфликт и невозможность быстрого его разрешения влечет за собой следующий шаг — стремление возвести событие в статус общего дела. Лексическая репрезентация этого шага — выход на соборность как основную ценность русского менталитета. Основой духовного единения русского народа, подчинения его царю, сплоченности перед лицом опасности является глубокая религиозность русского народа.

Вера в царя, божьего помазанника, отстаивающего интересы христианского мира, — гарантия убежденности каждого отдельно взятого русского человека в справедливости предпринимаемых действий и необходимости довести военный конфликт до победного конца. Беспроигрышным вариантом включения войны в систему миропонимания и, как следствие, в языковую картину ми-

ра русского человека является обоснование ее религиозного характера — священности. Эта особенность русского менталитета реализуется даже в период отказа от религии как ведущей ценности, исключения ее из жизни уже советского человека: достаточно вспомнить патриотический гимн А. В. Александрова на стихи В. И. Лебедева-Кумача «Священная война» времен Великой Отечественной войны.

Отсюда все время подчеркиваемая религиозная подоплека, попытки представить военный конфликт не как историю расхождения политических — территориальных и экономических — интересов двух государств, а как противостояние двух религий: *С декабря месяца 1853 года начался переход храбрых войск Богоспасаемой России, чрез маленький наш городок — на юг, на святую брань, на защиту Креста и Отечества* (Русский инвалид, 1853. №93). Отметим высокую степень пафоса, содержащегося в приведенном примере: высокий стиль (обращение к церковной лексике и славянизмам) и метонимическую замену названия вероисповедания на основной символ религиозной принадлежности. Кроме того, такая формулировка восходит к сформировавшемуся в XIX в. воинскому девизу «За Веру, Царя и Отечество» (А. С. Шишков в ноябре 1812 года в «Объявлении для чтения в церквях» пишет: «Вы достохвально исполняли долг свой, защищая Веру, Царя и Отечество» [Труды 1912: 360], по всей видимости, это первая фиксация девиза в таком виде. В дальнейшем А. С. Шишков неоднократно повторяет девиз в различных своих текстах).

В ряде случаев война напрямую называется войной за православную веру: *2400 человек тех воинов из нижних чинов, которые в настоящую войну, сражаясь против врагов Веры православной, прольют свою кровь; Даже и в настоящую войну за Православие, мы имеем новые и достойные примеры подражания* (Смоленские губернские ведомости, 1854. №12).

Значимо также появление прямых отрицательных оценок в представлении участников конфликта, что способствует переходу к следующему шагу осмысления текущего военного конфликта: *Возможно ли, чтобы глава нации [император Франции], выдающей себя за просвященнейшую в мире, под предлогом сохранения политического равновесия, которое ни мало не нарушено, содействовал магометанскому варварству против христианской образованности* (Северная пчела, 1854. №38). Отметим, что идея просвещенного мира весьма характерна для XIX в.: мир все больше расширяет свои границы, становится проницаем (все больше территорий осваивается и становится доступными), отсюда почва для сравнения себя с разными народами и представителями различных религий, стремление привести всех к очевидной для человека той эпохи ценности просвещения (эта мысль хорошо прослеживается в путевой литературе [Юркина 2013; Щеглова 2018]). Этот культурно-исторический контекст в данном случае воплощается в противопоставлении «магометанское варварство — христианская образованность»: слово *варварство*, по данным Сл 1847, имеет следующую дефиницию: ‘непросвещение, дикость, грубость’ (Сл 1847 I: 100), лексема *образованность* — ‘состояние образованного, просвещение’ (Сл 1847 III: 29), что указывает на семантическую связанность их с прилагательным *просвященнейший*, употребленном в данном контексте.

Идеологизация войны

Завершающим этапом включения военного конфликта в языковую картину мира является ее идеологизация с обозначением ответственности участников конфликта за неудачи в конкретных сражениях и продленности события.

Идеологизация в первую очередь выражается в обращении к исконно русскому разделению на «свой – чужой», восходящему к оппозиции своей земли и чужого враждебного пространства [Колесов 2000: 212], которое автоматически вводит в контекст положительнооценочные коннотации, связанные с концептом «свой» и отрицательнооценочные смыслы, сопровождающие концепт «чужой». Отсюда особенности номинаций участников. *При донесении же губернским предводителем епископу Высочайшей грамоты, маститый старец, проникнутый чувством благоговения к помазаннику Божию, облобызал имя, начертанное рукой Державного Венценосца: и на лице всех присутствовавших выразился святой восторг верноподданнической любви к Отцу Монарху; Вдохновенные доблестными примерами дедов и отцов, воодушевляемые и собственными верноподданническими чувствами к своему Великому Государю и горя соревнованием к славной доле воинства, ныне [подвизающагося] за правое и святое дело, дворянство Смоленское в чрезвычайном собрании своем положило всеподданнейше донести Его Императорскому Величеству, что для славы обожаемого Монарха, Смольяне, всегда верные сыны Государя, готовы снести на алтарь отечества себя и все достояние свое и, до последнего в силах, стать под знамя любимой родины, и что при этом дворянство единодушно выразило желание, призреть в своих имениях и обеспечить приютом, пищею и одеждою до 2400 человек тех воинов из нижних чинов, которые в настоящую войну, сражаясь против врагов Веры православной, прольют свою кровь за Отечество (Смоленские губернские ведомости, 1854. №12); Этим письмом Людовик-Наполеон безвозвратно приковал себя к нынешнему своему положению по Турецко-Российскому вопросу. <...> Возможно ли, чтобы глава нации, выдающей себя за просвященнейшую в мире, под предлогом сохранения политического равновесия, которое ни мало не нарушено, содействовал магометанскому варварству против христианской образованности; чтоб властелин Франции, по справедливости называющий себя восстановителем порядка, соединился с мятежниками всего света, и с Англией, которой политические правила и коммерческие расчеты, по причине отдельного ее положения на острове, и преобладания на море, противопоставляют величайшее препятствие совершенному примирению Европы (Северная пчела, 1854. № 38).*

Также элементом идеологизации можно считать встраивание текущего военного конфликта в ряд исторических событий. Настойчиво подчеркивается связь Крымской войны с Отечественной войной 1812 года: *Мы те ж сыны двенадцатого года* (Русский инвалид, 1854. №105). Налицо подмена понятий: война 1812 года, осмысляемая как война освободительная, война, выигранная народом-богатырем (ср. «Бородино» М. Ю. Лермонтова), — явление иного порядка, нежели решение территориального спора под видом отстаивания прав православной веры. Отметим также употребление сочетания *сыны двенадцатого года* значительно раньше сходного сочетания в знаменитом высказывании

декабриста М. И. Муравьева-Апостола «мы были дети 1812 года» и с другими коннотативными смыслами.

Выводы

В статье рассматриваются семантизация и вхождение в узус слов, связанных с тематическим полем «война» на примере осмысления в периодических изданиях того времени значимого для XIX века события — Крымской войны 1853–1856 года. Это последний из крупных военных эпизодов русско-турецких войн в истории России. К этому моменту завершается формирование рынка периодических изданий в России, и существующая эмпирическая база достаточно репрезентативна, чтобы применить диахронический подход к анализу лексического своеобразия представления войны в языковой картине мира.

Неудачный ход военных действий накладывает свой отпечаток на осмысление и идеологизацию рассматриваемого военного конфликта, что получает отражение в лексической репрезентации Крымской войны в периодике того времени. И, как следствие, вхождение в узус новых коннотативных значений, обогативших русскую лексику и фразеологию военного тематического поля.

С целью обобщения собранного материала выделены основные смысловые блоки, требующие идеологизации в тематическом поле «война». Внутри этих блоков представлены основные номинации, востребованные в современной событию периодике. Контексты их употребления позволяют семантизировать лексемы и сделать выводы о системе их значений, вошедших в лексическую систему языка.

В качестве перспектив исследования видится формирование представления о тематическом поле «война» с выделением внутри него основных лексико-семантических полей, а также проведение аналогичных исследований относительно других военных событий с целью рассмотрения развития семантики отдельных лексем или фразеологических единиц.

Источники

Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. СПб., 1912. 1046 с.

Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.09.2020)

Труды Московского отдела Императорского Российского военно-исторического общества. Т. 2. М., 1912.

Энгельгардт А.Н. Из деревни. 11 писем. СПб.: Издательство А.С. Суворина, 1882. 493 с.

Литература

Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М.: Высшая школа, 1982. 529 с.

Горшков А.И. Русский язык в русской словесности. М.: Лит. ин-т им. А.М. Горького, 2015. 248 с.

Дуринова Г.В. Слово как объект исторической семантики: гражданин и общество в русском языке второй половине XVIII – первой трети XIX вв.: дис. ... к. филол. н. М., 2015.

Дягилева И.Б. Неология в «Словаре русского языка XIX века» (на материале газетной публицистики 1820–40-х гг.) // Неология и неография: Современное состояние и перспек-

тивы (к 50-летию научного направления). Сборник научных статей. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 48–51.

Ковтун Л.С. О неявных семантических изменениях: (К истории значений слов) // Вопросы языкознания. 1971. №5. С. 81–90.

Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Кн. 1. Мир человека. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000.

Сорокин Ю.С. Об общих закономерностях развития словарного состава русского языка XIX в. // Вопросы языкознания. 1961. №3. С. 22–36.

Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX века. М.; Л.: Наука, 1965. 565 с.

Щеглова Е.А. Репрезентация «своего» и «чужого» в путевых очерках второй половины XIX века: лексико-семантический аспект // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2018. №3. С. 191–194.

Юркина О.В. Языковые средства выражения идеи «просветленного бытия» и «просвещения» в публицистических контекстах очерков путешествия И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2013. №2. С. 165–176.

Blank A. Why do new meanings occur? A cognitive typology of the motivations for lexical Semantic change // Blank A., Koch P. Historical Semantics and Cognition. Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 1999. P. 61–99.

Прокофьева Наталья Анатольевна, канд. филол. наук; Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург; Университетская наб. д. 7-9; доцент; e-mail: n.prokofieva@spbu.ru

Щеглова Екатерина Александровна, канд. филол. наук; Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург; Университетская наб. д. 7-9; доцент; Институт лингвистических исследований РАН, 199053, г. Санкт-Петербург; Тучков пер. д. 9; научный сотрудник; e-mail: e.scheglova@spbu.ru

Для цитирования. Прокофьева Н.А., Щеглова Е.А. Номинации военных действий и их участников в публицистике периода Крымской войны // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2020. Вып. 3. С. 283–292. DOI 10.30842/26583755202010

References

Vinogradov V.V. Oчерki po istorii russkogo literaturnogo jazyka 17–19 vv. М.: Vysshaja shkola Publ., 1982. 529 p. (In Russ.)

Gorshkov A.I. Russkij jazyk v russkoj slovesnosti. М.: Lit. in-t im. A.M. Gor’kogo Publ., 2015. 248 p. (In Russ.)

Durinova G.V. Slovo kak ob’ekt istoricheskoj semantiki: grazhdanin i obshhestvo v russkom jazyke vtoroj polovine 18 – pervoj treti 19 vv.: dis. ... k. filol. n. М., 2015. (In Russ.)

Diagileva I.B. Neologija v «Slovare russkogo jazyka 19 veka» (na materiale gazetnoj publicistiki 1820–40-h gg.) // *Neologija i neografija: Sovremennoe sostojanie i perspektivy (k 50-letiju nauchnogo napravlenija)*. Sbornik nauchnyh statej. SPb.: Nestor-Istorija Publ., 2016. P. 48–51. (In Russ.)

Kovtun L.S. O nejavnyh semanticheskikh izmenenijah: (K istorii znachenij slov) // *Voprosy jazykoznanija*. 1971. №5. P. 81–90. (In Russ.)

Kolesov V.V. Drevnjaja Rus': nasledie v slове. Vol. 1. *Mir cheloveka*. SPb., 2000. (In Russ.)

Sorokin Ju.S. Ob obshchih zakonomernostjeh razvitija slovarnogo sostava russkogo jazyka 19 v. // *Voprosy jazykoznanija*. 1961. №3. P. 22–36. (In Russ.)

Sorokin Ju.S. Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo jazyka. 30–90-e gody 19 veka. М.; Л.: Nauka Publ., 1965. 565 p. (In Russ.)

- Shcheglova E.A. Reprerentacija “svoego” i “chuzhogo” v putevyh ocherkah vtoroj poloviny 19 veka: leksiko-semanticheskij aspekt // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija. Zhurnalistika*. 2018. №3. P. 191–194. (In Russ.)
- Jurkina O.V. Jazykovye sredstva vyrazhenija idei “prosvetlennogo bytija” i “prosveshhenija” v publicisticheskikh kontekstah ocherkov puteshestvija I.A. Goncharova “Fregat “Pallada”” // *Vestnik Syktyvkarского universiteta. Serija gumanitarnyh nauk*. 2013. №2. P. 165–176. (In Russ.)
- Blank A. Why do new meanings occur? A cognitive typology of the motivations for lexical Semantic change // Blank A., Koch P. *Historical Semantics and Cognition*. Berlin/New York: Mouton de Gruyter Publ., 1999. P. 61–99.

Natalya A. Prokofeva, PhD, Associate Professor, Saint Petersburg State University, 7-9 Universitetskaya nab., 199034, Saint-Petersburg, Russian Federation. E-mail address: n.prokofieva@spbu.ru

Ekaterina A. Shcheglova, PhD, Associate Professor, Saint Petersburg State University, 7-9 Universitetskaya nab., 199034, Saint-Petersburg, Russian Federation; Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Research Officer, 9 Tuchkov per., 199053, Saint Petersburg, Russian Federation. E-mail address: e.scheglova@spbu.ru

For Citation: Prokofeva N.A., Shcheglova E.A. (2020). Military actions and their participants nominations in journalism during the Crimean War. *Slavyanskaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya* [Slavic historical lexicology and lexicography], 3, pp. 283–292. DOI 10.30842/26583755202010 (In Russ.)

*Olga O. Sekiro**О.О. Секиро*

**LEXIC COMBINATION WITH
ADJECTIVE *ORGANICHESKIJ*
IN I.S. AKSAKOV'S PUBLICISM:
ORGANICHESKIJ POROK AND
*ORGANICHESKAYA FAL'SH***

**ЛЕКСИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ
С ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМ
ОРГАНИЧЕСКИЙ В
ПУБЛИЦИСТИКЕ И.С. АКСАКОВА:
ОРГАНИЧЕСКИЙ ПОРОК И
*ОРГАНИЧЕСКАЯ ФАЛЬШЬ*¹**

Аннотация. Статья посвящена выявлению особенностей функционирования сочетаний существительных *порок* и *фальшь* с прилагательным *органический* в публицистических текстах И.С. Аксакова. В ходе исследования осуществляется анализ семантики данных сочетаний в структуре словесных рядов, что позволяет определить их роль в выражении славянофильских взглядов, которые разделял автор.

Ключевые слова: русский язык, русский язык XIX века, публицистика XIX века, И.С. Аксаков, лексическая сочетаемость, семантика

Summary. This article is dedicated to the combinations of nouns “porok” and “fal’sh” with the adjective “organicheskiy” and the peculiarities of their functioning in I.S. Aksakov’s journalistic works. The analysis of these words combinations’ semantic has been implemented being based on the concept of word rows in the study, which allowed to define their role in an expression of slavophilia’s position, which was taken by this author.

Keywords: the Russian language, the 19th century Russian language, the 19th century journalism, I.S. Aksakov, lexic combination, semantic

Построение общей истории русского литературного языка XIX века невозможно без анализа семантики и функционирования лексических единиц в публицистическом дискурсе. Во-первых, значительную часть общего корпуса текстов данного периода составляют именно публицистические тексты («нет стороны в обществе, которая бы теперь не жила бы в ней <прессе> и ею» [Белинский 1955 5: 626]); во-вторых, для историка языка публицистика вообще представляет особый интерес, потому что «жанры литературной критики и публицистики были той благодатной почвой, на которой в процессе столкновения различных по своей природе средств скорее всего определялись сдвиги в семантике, фразеологических связях и стилистической тональности слов» [Сорокин 1965: 41].

В связи с потребностью формирования общественно-политического языка многие термины, заимствованные из различных сфер и дисциплин, развивали в публицистике новые значения, обозначая явления социально-политической жизни; в новом контексте они, «...сохраняя своё узкоспециальное значение, подвергаются различного рода образно-переносным осмыслениям» [Лексика 1981: 115–116].

Для настоящего исследования из широкого круга сочетаний с прилагательным *органический* в публицистических произведениях И.С. Аксакова (его высокая частотность в текстах автора позволяет говорить о семантической зна-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00413 «Русский язык в медиапространстве XIX века»).

чимости данной лексемы) были выбраны *органическая фальшь* и *органический порок*; оба сочетания имеют в своем составе термины, в публицистике подвергнувшиеся переосмыслению. Целью исследования было определение особенностей формирования семантики данных лексических сочетаний при функционировании в конкретных текстах.

Анализ функционирования упомянутых сочетаний со всей очевидностью позволил установить, что выявленные семантические особенности определяются ролью сочетаний в структуре «словесных рядов» (по В.В. Виноградову), поскольку словесный ряд «образуется языковыми средствами, обеспечивающими взаимосвязи компонентов текста, их единство» [Папаян 2009: 121] и эти языковые средства могут представлять «последовательность языковых единиц разных ярусов» [Горшков 2008: 155].

Роль указанных сочетаний в создании смыслового целого текста, по нашему предположению, заключается в том, что они являются средством выражения авторского замысла. В случае публицистического текста под «авторским замыслом» можно понимать определенную идеологическую позицию, которую разделяет автор-публицист. Таким образом, с точки зрения функционирования нас будет интересовать: 1) роль изучаемых компонентов словесных рядов в выражении славянофильских взглядов И.С. Аксакова; 2) то, каким образом они позволяют публицистическому тексту реализовывать такую стратегию, как воздействие на адресата: «...для автора-публициста задача адекватного прочтения и понимания созданного им публицистического текста тесно связана с задачей воздействия на адресата: читатель должен <...> включить ее как составную часть в собственную картину мира», которая «должна трансформироваться в заданном автором-публицистом направлении» [Клушина 2008: 22].

Особенности «словесных рядов» и их компонентов предопределены не только жанровой формой и взглядами автора, но и особенностями лексической системы языка того периода, в который были написаны изучаемые тексты. Поскольку «...формирование и создание нового понятия или нового понимания предмета осуществляется на базе имеющегося языкового материала» [Виноградов 1977: 162–189], в этой связи важно было рассмотреть основные вехи семантической эволюции компонентов изучаемых сочетаний.

История развития значения прилагательного *органический* в XIX веке имела ряд особенностей, связанных с тем, что данное прилагательное соотносилось не с существительными *организация* или *орган*, как в XVIII столетии [Веселитский 1972: 124–128], а со словом *организм*. Уже «в первые десятилетия XIX в. <оно> выступает в значении ‘совокупность частей живого тела’ (в ряду с *органическое тело*, *организация*) и в переносном смысле ‘единое целое’» [Веселитский 1972: 128]. «В публицистической и научной прозе 30–40-х гг. слово *организм* было известно и в другом употреблении. Оно обозначало также совокупность любых явлений, имеющих закономерное внутреннее развитие. Именно в этом смысле с 30–40-х гг. употребляется также и прил. *органический* (в противоположность механическому). В этом смысле говорилось и об организме общества, государства, науки, языка и т. п.» [Сорокин 1965: 431–432]. При этом «оба употребления <...> слова были тесно связаны между собою»; «эти посто-

янные метафоры, эти сознательные сопоставления живого организма с организмом общественным, государственным и т. п. занимали центральное положение. Именно они облегчали и объясняли во многом появление новых переносных осмыслений у многих слов-терминов биологии и медицины» [Там же]. Как полагал Ю.С. Сорокин, словарное значение ‘одаренный чувственными орудиями’ (Сл 1847 3: 77) «явно отстает от живого употребления» [Сорокин 1965: там же].

В контексте славянофильского публицистического дискурса на развитие семантики прилагательного *органический* оказала влияние одна из идей немецкого романтизма («особый путь» России соответствует *Deutscher Sonderweg*). Понятие «органической формы», противопоставленной форме «механической», было философски определено немецким романтиком А. Шлегелем еще в первых десятилетиях XIX века: «form is mechanical when, through external force, it is imparted to any material merely as an accidental addition without reference to its quality <...>. Organical form, again, is innate; it unfolds itself from within, and acquires its determination contemporaneously with the perfect development of the germ» [Schlegel 1892: 340]. Сама «форма» при этом «...gives a true evidence of its hidden essence» [Там же], «as long as it is not disfigured by any destructive accident» [Там же]. Заметное влияние немецкого романтизма на генезис тех идеологий, которые сформировали картину русской интеллектуальной жизни XIX столетия, позволяет предположить, что русские публицисты были знакомы и с данной концепцией.

Лексическая система русского языка отличалась от современного ему немецкого тем, что метафизический язык в ней только формировался, отвлеченные значения еще не приобрели такой степени абстракции. Поэтому универсальная философская идея «формы» при заимствовании сузилась до обозначения общественно-политических явлений, что мотивировало появление описанной Ю.С. Сорокиным метафоры организма-государства. Именно на основе данного метафорического уподобления развивается семантика прилагательного *органический* в текстах И. Аксакова, как будет показано ниже.

Что касается развития семантики существительного *порок*, то в XVIII – первой половине XIX века словари фиксируют у слова два значения. Первое связано с душевным недостатком: ‘преклонность души ко злу, къ дѣлу достойному порицанію: отступленіе отъ правилъ добродѣтели. Въ семъ смыслѣ противуполагается добродѣтели, чистотѣ души’ (САР¹ V: 131); ‘отступленіе отъ правилъ добродѣтели. Въ семъ смыслѣ противуполагается добродѣтели’ (САР² V: 6); ‘наклонность къ дурному, обратившаяся въ привычку; предосудительный поступокъ’ (Сл 1847 3: 373). Второе значение обусловлено телесным изъяном: ‘недостатокъ, несовершенство въ сложеніи, въ составѣ тѣла’ (САР¹ V: 131); ‘недостатокъ, несовершенство въ сложеніи, въ составѣ тѣла или члена какого’ (САР² V: 6); ‘тѣлесный недостатокъ’ (Сл 1847 3: 373).

Семантика ‘телесного недостатка’ реализуется в калькированном с латыни (*vitium organicum*) сочетании *органический порок*. Первые его фиксации можно наблюдать в переводных и оригинальных медицинских сочинениях 20–40-х гг. XIX века: (1) *Когда болѣзнь сія не зависитъ отъ какого нибудь органическаго порока, то можно надѣяться излѣченія оной употребленіемъ раздра-*

жающихъ мазей <...> [Мондат: 44]; (2) Причины сей болѣзни не извѣстны: трупосѣченіями часто ничего не открывається; иногда однако находимы были явственныя **органическіе пороки**, а именно меланотическій наростъ около бродящаго нерва, гдѣ сей низходитъ при сердовой сумкѣ къ лёгочнымъ венамъ. [Сокольскій: 197]; (3) Посему суженіе отверстій сердца (*ostia*), препятствующее свободѣ кроводвиженія и задерживающее кровь въ полостяхъ сердца, есть обыкновенная причина и сложность сего **органическаго порока** [Там же: 232]; (4) При упорности болѣзнь можетъ причинить **органическіе пороки** въ сердцѣ частымъ механическимъ растяженіемъ сей внутренности.. [Там же: 190]; (5) Заключимъ: 1-е) Что органическія поврежденія мозга, открытыя по смерти сумасшедшихъ, большею частію бывають причиною сумасшествія и что случаями, въ которыхъ съ нѣкоторою точностью можно предсказывать присутствіе **органическаго порока** въ лимфатической и кровеносной системахъ и почитать оныя производящею причиною умственного разстройства, можно назвать только тѣ, въ коихъ сумасшествію предшествуетъ, или современенъ какой нибудь знакъ поврежденія органической жизни; такими знаками можно почестъ параличь, ударъ, падучку [Пинель: 376].

Функционирование сочетания *органический порок* в медицинских текстах, как правило, применялось по отношению к проблемам, связанным с *сердцем, мозгом, легкими* или в контекстах описания половой системы; данное сочетание в терминологическом смысле приобретает семантику ‘источника болезни или ее причины’ (см. цит. 2). Чаще всего «органический порок» бывает врожденным, но его возможно и приобрести (см. цит. 4). Для дальнейшего анализа необходимо прояснить особенности семантики слов *порок* (Медиц.) и *болезнь*. САР¹ определяет *болезнь* как ‘то состояніе тѣла въ животномъ живущемъ, когда оно сродныя ему дѣйствія не можетъ производить такъ, какъ оныя производитъ въ состоянїи здоровомъ’ (САР¹ 1: 279). Таким образом, *болезнь* и *порок* семантически противопоставлены друг другу как факт строения организма и факт его функционирования: «порок» создает такие условия органической среды, которые делают невозможным ее нормальное функционирование. Также *болезнь* и *порок* противопоставлены друг другу как «внешнее» и «внутреннее»: внутреннее нарушение в строении, например, делает возможным внешнее заражение.

Термином, пришедшим из другой сферы, а именно юридической, является существительное *фальшь* — немецкое заимствование. Первую фиксацию этого слова находим в САР² со ссылкой на существительные *ложь, обман* (САР² 6: 1100, 1822). В значении ‘подделки’, которое имеет юридический смысл данного существительного, оно появляется в Сл 1847: ‘обманъ, невѣрность, подделка’ (Сл 1847 4: 384). Примеры употребления слова в текстах первой половины XIX века (значительная часть их — тексты законов) показывают функционирование данного термина: (1) ... а ежели гдѣ печатныхъ грамотъ неимѣется, то давать и письменныя, о чемъ в Епархіи, въ Духовную Дикастерію, въ Московскую типографію изъ Святѣйшаго Синода и указы посланы; а понеже по нѣкому имѣющемуся въ Святѣйшемъ Синодѣ дѣлу въ дачѣ письменныхъ грамотъ явилась фальшь, то чтобы впредь изъ письменныхъ грамотъ

каковыхъ фальшивостей быть не имѣло... [ПСЗ III: 391]; (2) Впрочемъ поступать браковщикамъ, какъ присяжнымъ и удостоеннымъ довѣрїя людямъ, безъ всякаго пристрастія, подлога и фальши, и довольствоваться имъ однѣми браковыми деньгами, и кромѣ ихъ, отнюдь никакихъ другихъ ни съ покупателей, ни съ продавателей не требовать [ПСЗ XIV: 271–272].

Функционирование заимствованного существительного в качестве термина объясняется тем, что заимствования не имеют развитой сети образных коннотаций, переносных значений, затрудняющих однозначность, которая требуется, например, в тексте закона. В 40-е гг. наблюдается расширение употребительности данного существительного, которое приобретает общую семантику ‘внешней подделки’ (изначально подделка грамоты или купюры предполагает прежде всего подделку внешнего вида). Как показывают примеры, с такой семантикой *фальшь* употребляется в контекстах, где описывается зрительное восприятие: *Я могъ бы и самъ пуститься выплясывать, хотя и не учился вовсе, ступать не умѣлъ; но мнѣ, бывшему въ Санктпетербургѣ, все сошло бы съ рукъ; если бы и фальшь какая замѣчена была, не почли бы за фальшь; подумали бы, что такъ должно выкидывать ногами по-Санктпетербургски* [Квитка-Основьяненко 1840: 128–129].

Последующие этапы эволюции значения существительного *фальшь* осуществлялись в структуре публицистического дискурса. Мы рассматривали особенности этой динамики на примере текстов И.С. Аксакова с учетом семантической корреляции с сочетанием *органический порок*.

Дальнейшая эволюция семантики сочетания *органический порок* связана с метафорическим переосмыслением медицинского термина. Терминология широко использовалась в переносных значениях при обозначении общественно-политических явлений. В структуре публицистического дискурса употребление терминов выполняет две функции: во-первых, способствует информированию читателя, во-вторых, воздействию на него. Те явления, которые изучают естественные науки и которые обозначаются терминами данных дисциплин, представляют собой факты реальной действительности. Читатель может представить такие явления зрительно. Ассоциации с ними, таким образом, увеличивают выразительную силу такой метафоры. Примеры метафорического осмысления данного медицинского термина находим в публицистических текстах И.С. Аксакова. «Словесные ряды» (выделены нами подчеркиванием здесь и далее — *О.С.*) позволяют актуализировать те особенности семантики, которые мотивированы метафорически: *Это напоминает намъ тѣхъ наивныхъ художниковъ и романистовъ, которые непременно хотѣли въ русскомъ мужикѣ видѣть пейзажа, для русскаго разбойника добивались «красоты» бандита, и которымъ до страсти желалось бы имѣть право похвастаться передъ Европой, что вотъ-де и Русскій народъ одинаково зараженъ тѣми же пороками и недугами, которыми страждутъ народы романо-германскаго происхожденія.* [Аксаков¹: 346]; *Если это возможно было въ странахъ, потрясенныхъ и зараженныхъ революціоннымъ духомъ, то какъ неизмѣримо легче положеніе правительства в Россіи, гдѣ «не смотря на недуги насъ удручающіе и пороки насъ искажающіе, таятся въ душахъ сокровища разумной готовности и преданной*

дѣятельной мысли, которые ждуть—не дождутся, чтобы чья нибудь сочувственная рука умѣла ихъ признать, собрать и употребить въ дѣло [Аксаков²: 334].

В обеих приведенных цитатах в составе «словесных рядов» наблюдается актуализация связи значений порока и болезни, недуга, а также семантики, унаследованной от функционирования данного слова в медицинском дискурсе.

В других цитатах актуализируется связь с нравственным значением: Пусть читатель самъ, совѣсть котораго непрѣменно поднимаетъ въ его памяти всѣ образы нашихъ общественныхъ золь и пороковъ, — задается вопросомъ: также ли годенъ этотъ нашъ мирный арсеналь, какъ <...>, напимѣрь, арсеналь военнаго министерства, снабженный оружіемъ для военнаго, не гражданскаго дѣла, для дѣйствія внѣшней и грубой силы? [Аксаков³: 244]; И такъ пусть строится рать, собирается казна и куется оружіе, — Россіи нужно ещё другое оружіе, другое богатство, — подъемъ очищеннаго духа, подвигъ, подвигъ свободной мысли, вѣдѣніе и видѣніе всѣхъ своихъ общественныхъ грѣховъ и пороковъ, твердая рѣшимость возродиться въ правдѣ и истинѣ [Аксаков⁴: 119].

Органический порок как ‘внутреннее несовершенство в строении общественного организма’ реализуется в следующем примере: Развѣ доктрина о папской непогрѣшимости, извращающая основную истину христіанской вѣры, противорѣчащая, по словамъ самой же программы, и Св. Писанію, и ученію древней вселенской церкви — только недостатокъ, который римская церковь может легко исправить, а не органическій порокъ, называемый папизмомъ, отъ котораго надлежитъ ей очиститься не наружно только, но и внутренно? [Аксаков⁵: 229]

Метафорическое переосмысление сочетания органический порок наблюдается также в следующем примере: Между тѣмъ сама постановка вышеупомянутаго вопроса (сдѣланная нами, думаем, вполне правильно) приводитъ необходимо к заключенію, что если законныя дѣтища современной цивилизаціи, во всеоружіи знанія и культуры, творятъ и исповѣдуютъ насиліе, тираннію, злодѣйство въ самомъ гнусномъ его образѣ, хотя и с учеными приемами, — значитъ, во 1-хъ, что цивилизація и знаніе сами по себѣ не застраховываютъ челоѣчество отъ одичанія и звѣрства и, во 2-хъ, что въ современной цивилизаціи есть какой-либо органическій порокъ, способствующій ложному направленію челоѣческой мысли и воли [Аксаков⁶: 708].

В данном контексте обнаруживается связь «органического порока» как причины и «ложного направления» как внешней «болезни», препятствующей нормальному функционированию динамического общественного процесса, имеющего «направление». Определение ложное семантически связано с семантикой лексемы фальшь. В текстах И.С. Аксакова встречаются и другие примеры подобного сближения: Все что есть элементовъ отрицанія въ Россіи, все что есть джи и фальши, все, натужась, напрягшись до крайняго своего выраженія, сольется, сосредоточится въ этой пѣсни въ одинъ колоссальный, чудовищный, потрясающій диссонансъ [Аксаков⁷: 574].

Сближение порока и фальши, где они противопоставлены как «внешнее» и «внутреннее», представлено в следующем контексте: *Но вѣдь «Русь», какъ знаютъ читатели, ни къ кому съ такимъ упрекомъ и не обращалась; напротивъ, она сама предпослала характеристикѣ старыхъ судовъ слѣдующій отзывъ о новыхъ: «при всемъ сочувствіи къ «Уставамъ 1864 г., нельзя же отрицать въ нихъ не только несовершенство, но и присутствія элементовъ фальши, заимствованныхъ преимущественно отъ французскихъ образцов, — а потому и разоблаченіе въ печати этихъ пороковъ и фальши полько полезно»* [Аксаков⁸: 524].

Определение фальши как пришедшего извне заболевания, помимо приведенного примера, можно обнаружить в следующем: *Но положимъ, вся эта фальшь происхождения явнаго, происходитъ отъ грубаго, цѣликомъ, заимствованія извѣстныхъ чужихъ формъ; можно, замѣтятъ намъ, иностранныя слова перевести по-русски, можно помочь горю введеніемъ формъ, которыя вы сами признаете за русскія, напр. Самоуправленія* [Аксаков⁹: 430].

В данном контексте на «внешнее» происхождение «фальши» указывает существительное заимствование. Противопоставление фальши как «внешнего недуга» и «внутреннего болезненного бессилия» наблюдается в структуре «словесных рядов» следующего примера: *Сколько лицемѣрія, фальши, притворнаго благородства, грошевой гуманности и мудрости, съ одной стороны, — сколько дряблости и рыхлости нравственной и бессилія внутренняго съ другой — во всеѣхъ этихъ кликахъ, возгласахъ и трактатахъ о Сѣверозападномъ краѣ, наводнившихъ столбцы и «Виленскаго Вѣстника», при редакціи г. Де-Пуле, и газеты «Вѣсть», и газеты г. Куркора «Новое Время», и «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» съ ихъ «Письмами изъ Вильны!»* [Аксаков¹⁰: 496].

Слово фальшь в составе сочетания *органическая фальшь* наблюдается в следующем примере, в котором реализуется относительное значение прилагательного («фальшь» в отношении общественного организма): *...что есть какая-нибудь органическая фальшь в нашемъ развити, которая осуждаетъ на бессиліе исполнскія силы нашего организма* [Аксаков¹¹: 189].

В результате проведенного анализа можно сформулировать следующие предварительные выводы относительно семантических особенностей сочетаний с прилагательным *органический* в публицистике И.С. Аксакова:

1. Формирование лексических сочетаний *органический порок* и *органическая фальшь*, которые в публицистике И.С. Аксакова функционируют как идеологемы, репрезентирующие взгляд славянофила на характер общественного развития, тесным образом связано с семантической историей слов, образующих их, в процессе эволюции русского литературного языка.

2. «Словесные ряды» (*дряблость и рыхлость нравственная, бессиліе внутреннее, общественный грех, общественное зло, несовершенство*), формирующие, согласно авторскому замыслу, лексическую композицию текста, свидетельствуют о наличии в семантике существительного *порок* дополнительных коннотаций идеологического характера. На метафорическую конструкцию (Медиц. *органический порок*) накладывается осмысление порока в рамках христианской этики, и в результате в публицистическом дискурсе произведений

И.С. Аксакова *органический порок* приобретает семантику 'внутреннего нравственного несовершенства, дряблости и рыхлости общественного организма'. Можно сказать, что в идеологеме осуществляется некий синтез социокультурных смыслов, развившихся эволюционным путем.

Контексты со словом *фальшь* показывают семантическую связь с лексикой в составе другого «словесного ряда» (*ложь – ложное направление – лицемерие – притворное благородство – грошевые гуманность и мудрость*), *фальшь* возникает в результате «заимствования чужих форм», является «недугом», которым общество «страждет», который членов общества «удручает», «искажает». Если логически последовательно выстроить данные компоненты, представленные дискретно в текстах, то можно реконструировать тот смысл, который приобретает существительное *фальшь* в текстах И.С. Аксакова: она имеет семантику 'искажающего общественный организм недуга, который появился вследствие внешнего заимствования чужих форм' и является 'ложным направлением в его развитии'.

3. Определить характер семантической дистрибуции изучаемых единиц можно следующим образом: внутренний (органический) порок, реализующийся в «нравственной дряблости и рыхлости», является причиной для заражения «недугом» *фальши* извне, при заимствовании чужих форм; данный «недуг» задает ложное направление развитию организма государства. Таким образом, словесный ряд, в структуру которого входит изучаемое сочетание, выражает авторский замысел, идеологические установки. С точки зрения славянофилов, заимствование западных форм цивилизации является неверным, «искажающим» природу русской государственности. Заимствование является «фальшью», так как представляет собой «подделку» чуждых форм общественного устройства, которые нарушают его функционирование. Общество «заражается» чуждыми формами из-за внутреннего несовершенства, неспособности распознать благое и дурное.

4. Нравственное измерение, которое сформировалось у существительного *порок* исторически, связано с оценкой, ценностной характеристикой явления. То есть неспособность отличить благое от дурного приводит к тому, что заимствованные западные формы общественного устройства ложно оцениваются положительно, хотя таковыми они не являются. Таким образом, исторически сформировавшиеся особенности семантики используемых лексических единиц *порок* и *фальшь* ('подделка' и 'оценка') наравне с авторским замыслом играют значительную роль при формировании смысла целого текста.

5. Публицистический жанр изучаемых текстов определяет следующее: именно в структуре публицистического текста термины *органический порок* (Медиц.) и (*органическая*) *фальшь* (Юрид.) подвергаются метафорическому переосмыслению при обозначении общественно-политических явлений. Те сферы, откуда пришли данные термины, способствуют формированию у читателя следующих представлений: связь *органического порока* со сферой медицины формирует отношение к описываемому общественному организму как к больному, нуждающемуся в лечении. С другой стороны, переосмысление термина

фальшь, пришедшего из юридической среды, заставляет читателя смотреть на заимствование чуждых русской государственности форм как на преступление.

6. Семантическая корреляция *порока* и *фальши* как 'внешнего' и 'внутреннего' связана с функционированием их в составе сочетаний с прилагательным *органический*. «В связи с общей тенденцией к формированию категории качества и отвлеченности в первой трети XIX в. продолжается развитие качественных значений у некоторых прилагательных...» [Лексика 1981: 96], кроме того, «...развитие культуры, общественной мысли и идеологии приводят к формированию новых понятий и их обозначений в языке. В связи с созданием "метафизического" языка появляются отвлеченные значения у существительных и качественные значения у ряда относительных прилагательных и причастий» [Там же: 90]. В структуре сочетания *органический порок* реализуется качественное значение (порок является внутренним качественным свойством организма). Напротив, в структуре сочетания *органическая фальшь* прилагательное реализуется в относительном значении («фальшь в отношении организма» как нечто внешнее). Данные примеры иллюстрируют связь развития лексико-грамматических и лексических значений.

Источники

- Аксаков¹ — Аксаков И.С. Как понимает газета «Вѣсть» собственные свои строки // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. Славянофильство и западничество. 1860–1886. Т. 2. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886.
- Аксаков² — Аксаков И.С. Фёдор Иванович Тютчев. Биографический очерк. М.: Тип. В. Готье, 1874.
- Аксаков³ — Аксаков И.С. Как бороться нам с полонизмом // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. Польский вопрос и Западно-русское дело. Еврейский вопрос. 1860–1886. Т. 3. Тип. М.Г. Волчанинова, 1886.
- Аксаков⁴ — Аксаков И.С. В предположении войны // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. Польский вопрос и Западно-русское дело. Еврейский вопрос. 1860–1886. Т. 3. Тип. М.Г. Волчанинова, 1886.
- Аксаков⁵ — Аксаков И.С. Письмо к доктору богословия Деллингеру // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. Общественные вопросы по церковным делам. Свобода слова. Судебный вопрос. Общественное воспитание. 1860–1886. Ст. из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси», и три статьи, вышедшие отдельно. 2-е изд. Т. 4. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1903.
- Аксаков⁶ — Аксаков И.С. Цивилизация и христианский идеал // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. Славянофильство и западничество. 1860–1886. Т. 2. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886.
- Аксаков⁷ — Аксаков И.С. По поводу смерти городского главы Чичерина // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. Славянофильство и западничество. 1860–1886. Т. 2. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886.
- Аксаков⁸ — Аксаков И.С. О двух началах права // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. Общественные вопросы по церковным делам. Свобода слова. Судебный вопрос. Общественное воспитание. 1860–1886. Ст. из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси», и три статьи, вышедшие отдельно. 2-е изд. Т. 4. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1903.
- Аксаков⁹ — Аксаков И.С. Отсутствие исторических традиций в наших правительственных учреждениях // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. Славянофильство и западничество. 1860–1886. Т. 2. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886.
- Аксаков¹⁰ — Аксаков И.С. По поводу назначения генерала Потапова // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. Польский вопрос и Западно-русское дело. Еврейский вопрос. 1860–1886. Т. 3. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886.

- Аксаков¹¹ — Аксаков И.С. Против национального самоотречения и пантеистических тенденций в статьях В.С. Соловьева // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. Общественные вопросы по церковным делам. Свобода слова. Судебный вопрос. Общественное воспитание. 1860–1886. Ст. из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси», и три статьи, вышедшие отдельно. 2-е изд. Т. 4. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1903.
- Квитка-Основьяненко Г.Ф. Пан Халяевский. Ч. 2. СПб.: Тип. Е. Фишера, 1840.
- Мондат В.М. О бесплодии мужчин и женщин и о средствах к излечению оною. СПб.: Тип. И. Глазунова, 1826.
- Пинель Ф. Врачебно-философическое начертание душевных болезней, сочиненное Филиппом Пинелем, профессором Медицинского факультета в Парижском университете и главным врачом госпиталя Сальпетриерской. М.: Тип. И. Решетникова, 1829.
- ПСЗ — Полное собрание законов Российской Империи: Собрание второе: [С 12 декабря 1825 года по 28 февраля 1881 года]. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830–1885. 55 т. Т. III: 1828. СПб., 1830. Т. XIV. Отд. первое: 1839. СПб., 1840. [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/nodes/260-polnoe-sobranie-zakonov-rossiyskoy-imperii-sobranie-vtoroe-s-12-12-1825-po-28-02-1881-v-55-ti-t-s-ukaz-spb-1830-1885>. (дата обращения: 08.09.2020)
- САР¹ — Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный: в 6 ч. СПб., 1789–1794.
- САР² — Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный: в 6 ч. СПб., 1806–1822.
- Сл 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук. Репр. изд.: в 2 кн. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2001. Кн. I (Т. I, II). 928 с.; Кн. II (Т. III, IV). 1092 с.
- Сокольский Г.И. Учение о грудных болезнях, преподавшее в 1837 году в Отделении врачебных наук Московского университета слушателям 3-го, 4-го и 5-го курсов доктором и профессором Григорием Сокольским. М.: Унив. Типогр., 1838.

Литература

- Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. / АН СССР, Ин-т рус. литературы (Пушкин. Дом). М., 1953–1959.
- Веселитский В.В. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII – начала XIX в. / Отв. ред. Н.Ю. Шведова; АН СССР, Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1972.
- Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / Отв. ред. В.Г. Костомаров; АН СССР, Отд. лит. и яз. М., 1977.
- Горшков А.И. Русская стилистика и стилистический анализ произведений словесности. М.: Изд-во Лит. ин-та, 2008.
- Клушина Н.И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000–2008 гг.): автореф. дис. ... д. филол. наук. М., 2008.
- Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века / Отв. ред. Ф.П. Филин; АН СССР. М.: Наука, 1981.
- Папян Л.Ю. Словесный ряд в структуре текста // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». М.: Изд-во МГОУ. 2009. № 4. С. 120–124.
- Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы. XIX в. М.; Л.: Наука, 1965.
- Schlegel A.W. Lectures on Dramatic Art and Literature [1808]. Trans. by John Black. 2nd ed. London: G. Bell & Sons, Ltd., 1892.

Секиро Ольга Олеговна, Институт лингвистических исследований РАН, 199053, г. Санкт-Петербург; Тучков пер. д. 9; аспирант; email: olgasekiro@yandex.ru

Для цитирования. Секиро О.О. Лексическая сочетаемость с прилагательным *органический* в публицистике И.С. Аксакова: *органический порок* и *органическая фальшь* // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2020. Вып. 3. С. 293–303. DOI 10.30842/26583755202011

References

- Belinskiy V.G. Poln. sobr. soch.: v 13 t. / AN SSSR, In-t rus. literatury (Pushkin. dom). M., 1953–1959 (In Russ.).
- Veselitskiy V.V. Otvlechennaya leksika v russkom literaturnom yazyke XVIII – nachala XIX v. / Otv. red. N.Yu. Shvedova; AN SSSR, In-t rus. yaz. M.: Nauka Publ., 1972. (In Russ.)
- Vinogradov V.V. Osnovnyye tipy leksicheskikh znacheniy slova // Vinogradov V.V. Izbrannyye trudy. Leksikologiya i lixicografiya / Otv. red. V.G. Kostomarov; AN SSSR, Otd. lit. i yaz., M., 1977. (In Russ.)
- Gorshkov A.I. Russkaya stilistika i stilisticheskiy analiz proizvedeniy slovesnosti. M.: Lit. in-t Publ., 2008. (In Russ.)
- Klushina N.I. Intentsionalnyye kategorii publitsysticheskogo teksta (na materiale periodicheskikh izdaniy 2000–2008 gg.: avtoref. dis. ... d. filol. nauk. M., 2008. (In Russ.)
- Leksika russkogo literaturnogo yazyka XIX – nachala XX veka / Otv. red. F.P. Filin; AN SSSR. M.: Nauka Publ., 1981. (In Russ.)
- Papayan L.Yu. Slovesnyy ryad v structure teksta // Vestnik Moskovskogo gosugarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Russkaya filologiya». M.: MGOU Publ. 2009. №4. S. 120–124. (In Russ.)
- Sorokin Yu.S. Razvitiye slovarnogo sostava russkogo yazyka. 30–90-e gody. XIX v. M.; L.: Nauka Publ., 1965. (In Russ.)
- Schlegel A.W. Lectures on Dramatic Art and Literature [1808]. Trans. by John Black. 2nd ed. London: G. Bell & Sons, Ltd., 189

Olga O. Sekiro, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, PhD student; 9 Tuchkov per., 199053, Saint Petersburg, Russian Federation. E-mail: olgasekiro@yandex.ru

For Citation: Sekiro O.O. (2020). Lexic combination with adjective *organicheskij* in I.S. Aksakov's publicism: *organicheskij porok* and *organicheskaya fal'sh*. *Slavyanskaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya* [Slavic historical lexicology and lexicography], 3, pp. 293–303. DOI 10.30842/26583755202011 (In Russ.)

Olga A. Starovoitova
ORCID iD: 0000-0002-3645-8203

О.А. Старовойтова

**ON THE QUESTION OF A
LINGUISTIC PERSONALITY
ROLE IN THE FORMATION OF A
METALANGUAGE FOR
DESCRIBING INTERETHNIC
RELATIONS IN THE 19th
CENTURY RUSSIA (PART 1.
I.S. AKSAKOV)**

**К ВОПРОСУ О РОЛИ
ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В
СТАНОВЛЕНИИ МЕТАЯЗЫКА
ОПИСАНИЯ
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ
ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ XIX
ВЕКА (ЧАСТЬ 1. И.С. АКСАКОВ)¹**

Аннотация. Проблема межэтнических отношений в XIX в. находилась в центре внимания российской общественности. Изучение, обсуждение подобного рода вопросов требовали соответствующего метаязыка, что обусловило появление новых языковых средств и новых приемов. Огромную роль в этом процессе играла публицистика. В настоящей статье характеризуются некоторые особенности идиостиля И.С. Аксакова, связанные с одной из важных тем его публикаций — национальным вопросом. Его вклад в формирование соответствующего метаязыка трудно переоценить.

Ключевые слова: русский язык, русский язык XIX века, публицистика XIX века, межэтнические отношения, И.С. Аксаков

Summary. The problem of interethnic relations was in the center of attention of the Russian public in the 19th century. The study and discussion of such issues required an appropriate metalanguage, which led to the emergence of new linguistic means. Publicism played a huge role in this process. The article describes some of the I.S. Aksakov's features of writing, connected with one of the important topics of his publications – the national question. His contribution to the metalanguage formation can hardly be overestimated.

Keywords: Russian language, the 19th century Russian language, the 19th century publicism, interethnic relations, I.S. Aksakov

Россия представляла и представляет собой государство, характерной особенностью которого является ярко выраженное этническое разнообразие. В процессе развития контактов между людьми разной этнической принадлежности возникают такие общественные отношения, которые определяются как межэтнические (межнациональные) отношения. Внешние (экономические, политические, религиозные, культурные) и внутренние (психологические) противоречия/препятствия обычно затрудняют данные отношения. Комплекс подобных проблем получил в терминологии общественных наук название «национальный вопрос».

«Если в сфере политических вопросов новое время выставило на очередь вопрос по-истине новый, то таким следует признать национальный вопрос²», — утверждал историк, социолог и общественный деятель М.М. Ковалевский в сво-

---

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00413 «Русский язык в медиапространстве XIX века».

² Все примеры из дореформенных изданий в настоящей статье приводятся с изъятием ера, заменой ъ на е, і на и, орфография и пунктуация источников сохранена.

ей статье «Национальный вопрос в Старом и Новом Свете»³ [Ковалевский 1885: 677]. «Наш язык принимает правильное решение. Ведь он предназначен для выражения нашего повседневного практического общения с вещами. Он делает все, чтобы нам легче было ориентироваться в окружающей нас обыденной действительности» [Радбиль 2017: 558], следовательно, языковая концептуализация мира не может обойти вопрос, как было образно определено, «национальных страстей» [Ковалевский 1885: 684], реализуясь, в первую очередь, в определенных языковых средствах. Объективное и комплексное выявление новых единиц и тенденций в развитии русского языка Нового времени в аспекте межэтнических отношений представляет собой сложную исследовательскую задачу, решаемую в несколько этапов. Некоторые предварительные результаты подобного исследования будут представлены в настоящей статье.

«...Общественно-политическая мысль акцентируется на взаимоотношениях государства и личности, государства и различных общностей, проживающих на его территории. Актором общественно-политической мысли выступает российская интеллектуальная элита. Будучи производной от общественного сознания, общественно-политическая мысль реализуется в системе теоретических идей и концепций, направленных на оптимизацию государственного устройства России с учетом его полиэтничности и выстраивание определенного, закрепленного в правовой системе формата межнациональных отношений» [Кудряшев 2013: 5]. Ярким представителем российской интеллектуальной элиты XIX в. является И.С. Аксаков, публицист и общественный деятель. Публицистика в России XIX в. при отсутствии социальных институтов, обеспечивающих наличие собственно политической жизни, была единственной трибуной выражения общественно-политических взглядов и идейной борьбы. Роль И.С. Аксакова в публицистическом процессе 2-й половины XIX в. трудно переоценить [см., напр.: Китаев 1974; Цимбаев 1978; Тесля 2013].

Проблема межэтнических отношений, которая получила емкую и типичную для описания разного рода конфликтов языковую форму — *национальный вопрос*, была одной из центральных тем публикаций И.С. Аксакова [Тесля 2013]. Полного и вербально отточенного определения понятия *национальный вопрос*⁴ еще не было в российских общественных науках, тем не менее его содержание понимается верно теми, кто обращается к этой проблеме: «Никогда еще, ни в древности, ни в средние века, национальность не являлась ни цементом, соединяющим во-едино историей разрозненные народности, ни реагентом, которым искусственно созданные политические конгломераты разлагались бы

---

³ На примере европейских стран и Америки автор анализирует особенности взаимоотношений различных этносов в рамках одного государства и затрагивает сложный вопрос поиска путей для взаимного сотрудничества и бесконфликтного взаимодействия этноконфессиональных групп.

⁴ Ср. «Национальный вопрос — совокупность политических, экономических, правовых, идеологических, религиозных и др. проблем, проявляющихся в процессе внутригосударственного и межгосударственного общения между нациями и народностями. Национальный вопрос — это всегда вопрос о характере отношений между нациями и народностями, о причинах недоверия, вражды, конфликтов между нациями, нациями и системой государственной власти и способах их преодоления. Национальный вопрос выступает как одна из самых острых мировых проблем» [Лопухов 2013: 240].

на их составные части», — утверждал М.М. Ковалевский [Ковалевский 1885: 677–678].

1. Широкое развертывание средств массовой информации в российском социальном пространстве XIX в. способствовало тому, что они оказывались средоточием процессов, происходящих в языке, часто активизируя эти процессы, благодаря чему обогащался лексический состав языка и расширялись привычные рамки сложившейся языковой системы.

1.1. Исследователями синтаксического строя русского языка давно отмечалась одна особенность подчинительных словосочетаний со связью согласование: «Словосочетания типа *весенняя погода* могут заменять и более сложные по своей структуре образования, в том числе и описательные обороты (ср. *германский вопрос, русский вопрос* и т. д., заменяющие предложно-именные конструкции с предлогом *о*). Такого рода словосочетания были распространены и в XIX в.» [Ахманова и др. 1960: 39]. Приведенные в цитате примеры со всей очевидностью указывают на типичную модель для описания межэтнических отношений, когда прилагательное представляет собой производное от этнонима/топонима.

В публицистических статьях И.С. Аксакова по межнациональным отношениям подобные сочетания используются регулярно как в текстах: *Польский вопрос принадлежит именно к таким вопросам, которых решение не может зависеть от одних административных соображений* [Аксаков 3: 117], *Еврейский вопрос в России — вопрос великой важности..* [Там же: 764], так и в заголовках публикаций: *Обязанности общества в Польском вопросе* [Там же: 150]. Анализ подобных сочетаний позволил выявить некоторые особенности их употребления известным российским публицистом.

Сам характер сочетаний указывает на возможную относительность соответствующих номинаций (которую вместе с тем следует толковать как многозначность понятия, названного словосочетанием). Неслучайно такие широко распространенные преобразования многословных описательных оборотов в универбированную адъективную форму назывались «особое относительное прилагательное» [Аспекты 1980: 127]. Подобная относительность может быть связана со вторым участником процесса: так И.С. Аксаков указывает, что польский вопрос для европейских государств должен трактоваться как территориальная проблема, связанная с польскими землями (Краков, Познань), отошедшими Австрии и Пруссии, что же касается польского вопроса для России, то это в первую очередь касается западнорусских земель.

Во избежание некорректного толкования понятия писатель неоднократно использует сложное прилагательное, указывающее на обоих субъектов: *Читателям «Дня» известно наше мнение о том, как было бы полезно и даже необходимо для разрешения Польско-Русского вопроса услышать голос всей Польской нации..* [Аксаков 3: 86]. Подобное употребление позволяет автору точно указывать на предмет своего высказывания, как, например, в комментариях по славянскому вопросу, приведенных далее: *Всякия сделки с Германским миром для решения русско-славянского вопроса противоестественны и гибельны.*

[Аксаков 1: 791]; *Европа уже успела после Восточной войны связать нам руки для действия в Турецко-Славянском вопросе..* [Аксаков 3: 124].

Не останавливаясь подробно на содержательной стороне понятий, выраженных подобными словосочетаниями (что составляет предмет обществоведческих наук), укажем лишь еще раз на их компрессионный характер, позволяющий избегать многословных толкований, в которые должны были бы быть включены самые разные аспекты проблемы, ср.: «*День*» уже не однажды касался именно этой <о понимании народности>, не **политической**, а **общественной** стороны польско-Русского вопроса [Аксаков 3: 38].

1.2. В лексике русского языка XIX в. происходит интенсивное развитие тематической группы, связанной с этническими вопросами. По преимуществу такие языковые единицы являются производными от названия этноса. Сразу отметим, что в публицистике И.С. Аксакова представлены и широко используются все типы отэтнонимной лексики, которые возникли в русском языке рассматриваемой эпохи.

1.2.1. Глаголы в личной и причастной формах.

В словопроизводстве рассматриваемого периода необычайной активностью отличается префиксально-суффиксальная словообразовательная модель для образования переходных и непереходных глаголов от имени существительного — этнонима. Подавляющее большинство глаголов образуется с помощью приставки *о-*(*об-*): *немец* → *онем(е)чить*, *русский* → *обрусеть*, *финн* → *офиннить*, *якут* → *объякутить* и под. Среди глаголов с указанной приставкой еще больше дериватов следующего порядка — образований с постфиксом *-ся*: *огерманить* → *огерманиться*, *омадьярить* → *омадьяриться* и под. В соответствии с семантикой приставки все они имеют значение ‘превращения в кого-, что-л., придание каких-л. свойств, качеств, становление каким-л. (в результате действия)’: *..аристократия <в Славянских землях> давно онемечилась и обьявстрилась* [Аксаков 3: 43]; *..Еврей вполне обрусееет, когда отстанет от еврейства, продолжая в нем оставаться..* [Там же: 430].

В «Толковом словаре» В.И. Даля новые отэтнонимные глаголы толкуются следующим образом: *ополячить* — ‘сделать поляком’ (Даль 2: 1259). Такое значение является семантической новацией XIX века: почти до середины столетия лексикографические источники фиксируют только старое значение, связанное с манерой произношения, изменением слов на иностранный лад.

Наименее употребительной является личная форма переходного глагола [Старовойтова 2016: 74–75], которая указывает на принудительный характер действия: *..Царство Польское, отделенное от России, может подвергнуться не только всем случайностям анархии, но и иноземному владычеству, т. е. Пруссии или Австрии, готовых поделить его между собою и онемечить его так, как онемечена Познанская область..* [Аксаков 3: 31] Обычно эта форма встречается в контактном употреблении с другими лексемами или устойчивыми сочетаниями с негативной семантикой, в примере выше — *поделить его <Царство Польское> между собою и онемечить*. Представляется, что в целом метаязык социологии и политики избегает резких формулировок в описании сложного и деликатного вопроса этновлияния, в случае же использования лич-

ной формы правомерность ее появления как раз и подтверждается соответствующим лексическим сопровождением.

В функции сенсбилизатора, усиливающей языковую прагмему, может выступать и отэтнотонимная лексика; в следующем примере переходный глагол *обрусить* усиливается словосочетанием *полнейшее обрусение*, указывающим на тотальный характер процесса: *Чтобы **обрусить** край, вовсе нет надобности, по мнению газеты <«Виленский Вестник»>, затрогивать вопросы об особенном значении, которое имеют там еврейство и католичество; обрусение, и притом **обрусение полнейшее**, может быть достигнуто и без этого* [Аксаков 3: 417].

Самой частотной глагольной формой следует считать страдательное причастие прошедшего времени, констатирующее уже осуществленное действие: *..простой народ <...> хранит в себе залог возрождения и возможность образовать новое народное общество в замен **ополяченного*** [Аксаков 3: 43].

Словоупотребление И.С. Аксакова, отмеченное в статьях по вопросам межэтнических отношений, полностью подтверждает обнаруженные ранее закономерности в употреблении глагольных форм.

1.2.2. Отглагольные существительные (девербативы).

Девербативы, мотивированные отэтнотонимными глаголами, в XIX в. активно пополняли лексический состав языка в связи с развитием системы стилей и с назревшей необходимостью создания «метафорического» языка. Наиболее распространены при описании межэтнических отношений девербативы, образованные с помощью суффикса *-(е)ни/ье*: *Впоследствии, при Александре I, Россия спасла часть этих коренных Польских земель от **онемечения**..* [Аксаков 3: 137]; *Нельзя пожаловаться, чтобы прошедшее царствование небрегло **об обрусении**..* [Там же: 442].

По мнению Ю.С. Сорокина, «возникновение и закрепление в языке ряда существительных на *-ние* было связано <...> с потребностью в новых терминологически определенных словах. Представляющие действие как «предмет», они легко становились исходными, в понятийном отношении строго очерченными определениями явлений и процессов, природных и социальных» [Сорокин 1965: 212]. Что касается подобных девербативов с корнем-этнотонимом, то они принадлежат к группе единиц, свободно порождаемых в тексте на определенную тему благодаря выполняемой ими конструктивной функции. Сложность семантизации мотивирующего отэтнотонимного глагола [см., напр., Старовойтова 2017:] обуславливает и сложность в интерпретации соответствующего девербатива. В случае использования его пишущий должен определенным образом указать на содержание понятия, ср. в употреблении И.С. Аксакова: *Мы оставляем до другого раза ближайшее рассмотрение — в какой мере и постепенности находится **ополячение** и следовательно **господство Польского элемента** в девяти губерниях, присоединенных к нам от Польши..* [Аксаков 3: 43], когда *ополячение* трактуется как количественное преобладание представителей определенного этноса на конкретной территории.

Вступая в полемику с одной из газет в 1867 г., И.С. Аксаков справедливо указывает, что ведение дискуссии без определения содержания понятия (*не*

успела высказаться, в чем состоит обрусение) бессмысленно, и отчетливо эксплицирует свою точку зрения: Редакция «Виленского Вестника» не успела еще высказаться подробно, в чем состоит, по ее мнению, обрусение, <...> **обрусение должно состоять** действительно, между прочим, **в распространении русского языка**; должно, или по крайней мере может состоять в распространении **известных вкусов, привычек, воззрений** [Аксаков 3: 441].

Думается, что наибольшую степень терминологизации девербативы приобретают в складывающихся сочетаниях слов (формулах), представляющих особенность метаязыка политики и социологии, см. у Аксакова: *план обрусения, средство к действительному и успешному обрусению края* [Аксаков 3: 418], *дело обрусения* [Там же: 456] и нек. др.

Синкретичный характер девербатива (обозначает и процесс, и результат; может быть мотивирован одновременно глаголом с постфиксом *-ся* и без него [Русская 1980: 160]) дает широкие возможности для его употребления, в т. ч. стилистические: *..еслибы город Опочку сделать административным центром для всего Царства Польскаго, то можно бы опасаться, что в таком случае неравномерность значения центра со значением окружности способствовала бы скорее **ополячению** Опочки, чем **обрусению** так-называемой Конгрессувки*⁵ [Аксаков 3: 434]. В приведенном примере сочетание *ополячение Опочки*, по-видимому, представляет собой элемент языковой игры, основанной на сходстве звучания слов *ополячение* и *Опочка* и иронии, создаваемой за счет выбора небольшого города Опочка в качестве предполагаемого значимого административного центра⁶.

Употребление в тексте девербатива вместе с контекстуальным синонимом может эксплицировать авторскую позицию в отношении происходящих процессов и их оценку: *..Польская народность является в них <жителях Западно-Русского края>, в общественной среде, как **ополячение** <выделено автором текста — О. С.>, следовательно как уклонение от основнаго народного типа, т. е. как измена своей народности* [Аксаков 3: 41]. Ряд *ополячение* — уклонение — *измена своей народности* в примере выше представляет собой восходящую градацию, где первый член ряда — девербатив с корнем-этнонимом, а последний член ряда определяет авторскую оценку описываемого явления (*измена своей народности*).

Более ярко выраженный литературно-книжный характер, чем у образований с суффиксом *-ние*, имеют функционально близкие им девербативы с суффиксом *-ация* (*-изация*), генетически связанные с глаголами, имеющими суффиксы *-изова-* (*-изирова-*). В текстах И.С. Аксакова подобные лексемы малоупотребительны.

В русском литературном языке XIX века в процессе образования девербативов для описания межэтнических вопросов возникает определенная избыточность языковых средств: *омадьярение — мадьяризация, полячение — полони-*

⁵ Конгрессовка (или на польский манер Конгрессувка) — так «называют Поляки Царство <Польское>, — утвержденное в этом звании Венским конгрессом» [Аксаков 3: 137].

⁶ Возможно, в данном случае Опочка используется как прецедентное имя: известно, что этот городок посетил А.С. Пушкин во время пребывания в ссылке в Михайловском. О плохих дорогах в тех местах он упоминает в письме А.Н. Вульффу от 10 октября 1825 г.

зация, отатарение — татаризация и под. Наличие вариантов наименований для одного элемента смысла дает пишущему возможность выразить свои коммуникативные намерения с целью моделирования отношения читающего к предмету речи. Выскажем предположение, что именно славянофильская ориентация И.С. Аксакова проявилась в предпочтении использования более «русских» девербатов — *ополячение*, а не *полонизация*.

Особого комментария, по нашему мнению, требует использование И.С. Аксаковым лексемы *германизация*: *Очевидно, что германизация наших западных окраин с одной стороны, с другой — оттеснение Австрии туда, за Дунай и Саву — составляют задачу современной германской политики...* [Аксаков 1: 791]

Дело в том, что славянский вопрос⁷, который составляет предмет многих его публикаций, немыслим без оппозиции славянское/германское: *В Пруссии едва ли вы найдете хоть одного Пруссака, котораго совесть сколько бы нибудь смущалась отношениями Пруссии к Познани, в которой германизация, по свидетельству самих Поляков, с искусством необыкновенным, не Русским (такое не искусство приносит нам честь), почти пересилила Польскую национальность* [Аксаков 3: 6]. В русско-славянской исторической традиции сложилось определенное устойчивое мнение о германцах (немцах). Характеризуя их отношение к национальному вопросу, известный социолог А.И. Стронин описывает это так: «страсть непременно германизировать, непременно уподоблять себе всякое свое присоединение ..., и неуменье в тоже время сохранять соединения без этого условия и с предоставлением каждому своей оригинальности, (столь необходимым в наши времена)..» [Стронин 1872: 378]. Упомянутая *страсть германизировать* нашла свое вербальное воплощение в лексеме *германизация*, имеющей почти терминологический характер и указывающей на настойчивое и неизменное стремление «обезличить побежденных» [Там же: 379]. И.С. Аксаков употребляет это слово строго в соответствии со сложившейся традицией, в некоторых случаях усиливая его метафорическими сочетаниями, например, *стирать во прах*, которое подтверждает неизбежность и силу германского влияния (скорее даже насилие, непременно в подобном случае): *«Падая до ног», стираясь во прах пред надвигающею силой германизации на западе своих поселений, Поляки хотят питаться на востоке плотью и кровью русскаго человека* [Аксаков 3: 437].

1.2.3. Имена существительные, мотивированные этнонимом / отэтнонимной лексемой.

В статьях И.С. Аксакова по различным национальным вопросам — славянскому, польскому, прибалтийскому, еврейскому и др. — представлены примеры всех типов имен существительных, образованных непосредственно от этнонима или от его деривата; они называют субъект и объект межнациональных

---

⁷ Славянский вопрос в XIX в. приобретает особую остроту: в середине века достигло определенной политической зрелости национальное движение славянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы, на рубеже XIX–XX вв. укрепилось стремление славянских народов защитить свои экономические и политические интересы, объединить усилия для отпора германской и венгерской экспансии в области экономики, политики, культуры, языка. Славянский вопрос постоянно обсуждался в прессе, монографических исследованиях и публичных выступлениях. Ему целиком посвящен 1-й том полного собрания сочинений в 7 т. И.С. Аксакова.

отношений (*еврейство, славянство, полонизатор* и др.), движения определенного национального толка (*еврейство, германизм, полонизм* и др.), их сторонников (*украинофил* и др.) и приверженность им (*украинофильство, французомафия* и др.). Эти имена образованы по типичным словообразовательным моделям, представляя в т. ч. словообразовательную омонимию одноструктурных образований (с суффиксами *-изм* и *-ство*), ср. *еврейство* ‘система взглядов’ и ‘группа людей одной национальности’: *Еврейство в пределах Русской Империи, это — наследие наше от Польши, это — польский «правовой порядок», однозначный с безправностью крестьянского населения — презренного хлопа* <слово выделено автором текста — О. С.> [Аксаков 3: 739]; *..статистические данные о численности Евреев в России совершенно неверны <...>. / Было бы несправедливо винить в том несовершенство наших статистических приемов или полицию: это организованный обман всего Еврейства, подчиненного строгой внутренней дисциплине..* [Там же: 742–743].

Ниже приведем случаи наиболее ярких словоупотреблений имен существительных в текстах И.С. Аксакова, выбор и употребление которые характеризуют его языковую личность.

1.2.3.1. Тевтонизм. В русском языке первой половины XIX в. слово *тевтонизм* использовалось для обозначения системы общественных и — чаще — эстетических взглядов: *На этот раз упоминаем о двух книгах, которые, хоть и не написаны с этою <чисто или относительно литературною> целью, но приносят дань моде на «тевтонизм», начинающейся теперь во Франции. С некоторого времени, во Франции стали много писать о той таинственной стране, из которой получают эстетику, символика, мифология и другие «германизмы», как выразился недавно «Journal des Débats»* [Липперт 1842: 17].

Когда речь шла об эстетике, в качестве синонима рассматриваемого слова выступал *готизм* (неоднократно встречается у А.И. Герцена): *Готизм или тевтонизм имеет какое-то сродство с духом Мавританским. Но в одном мысль аскетическая и религиозная; в другом — жизнь разгульная, роскошная. Там, — поэзия молитвы, тут — поэзия жизни* [Герцен 1905: 20]. В таком употреблении *тевтонизм* мог сочетаться с прилагательным *романтический*.

С точки зрения общественно-политической тевтонизм рассматривался как система взглядов и общественное устройство националистического толка, неслучайно его сравнивали со славянофильством: *Приговор его <Губера> славянофилам несколько строг и односторонен. С одной стороны, он очень справедливо сравнивает славянофильскую партию в России с романтической партией в Германии, стоявшей за средние века и тевтонизм и ненавидевшей Францию и все французское; кроме ратования за мертвое начало, между обеими этими партиями, русскою и немецкою, есть еще то общее, что они не имеют важного значения вне литературного, книжного мира* [Белинский 1893: 295]. Как явствует из приведенного высказывания, тевтонизм воспринимался как умозрительное явление — *существует в литературном, книжном мире*. Важно отметить, что и в таком употреблении пишущие указывали на отличительную особенность данного феномена — грубость, жестокость, неукротимость: *..явился новый элемент, также не христианский, элемент тевтонизма,*

народного духа *диких* полчищ, *страшных* в невинной *кровожадности* своей, в своей скитающейся *неутомимости*.. [Герцен 1875: 203].

В текстах И.С. Аксакова, посвященных межнациональным отношениям, эта лексема приобретает негативную оценочность, поскольку наряду со словами с корнем *герман-* (*германизм, германизация*) она обозначает уже указанную выше особенность германцев — стремление к завоеванию, подчинению, порабощению: *стремления Чешского народа к самостоятельности и независимости от тевтонизма* [Аксаков 3: 19]. Иногда публицист употребляет оба слова контактно: *Германизм, тевтонизм... В самом деле, что это за страшный зверь, перед которым не стыдятся обнаружить свою трусость самые отчаянные Польские смельчаки?..* [Аксаков 2: 90], иногда представляет их как синонимы: *..«германизм» или «тевтонизм» является в глазах Русских и Польских патриотов — «яко лев рыкаяй, иский кого поглотити»* [Аксаков 2: 89]. Таким образом, *тевтонизм*, так же, как и *германизм*, становится своеобразным маркером социально-политического дискурса, причем с соответствующей коннотацией (подчеркиваемой контактным употреблением с лексемами «звериного спектра»).

И.С. Аксаков, рассуждая об отношениях германцев с другими этносами, дает интересное обоснование, которое может объяснить появление подобной отрицательной коннотации у рассматриваемой лексемы. Ассоциативно *тевтонизм* в первую очередь связывается с рыцарством, а рыцарство, по Аксакову, исключает самое главное — уважительное отношение к народу: *..мы представляли Немцам <...> считать «рыцарство» за идеал нравственной правды. <...> Что же такое рыцарство в нравственном смысле? Это красивое употребление грубой силы по самым узким, условным понятиям о чести, вместе с грубейшим презрением к простому народу. Благородный рыцарь не признавал за простым народом никаких прав на самостоятельное гражданское и даже на человеческое бытие..* [Аксаков 3: 129]. Логически выстраиваемая последовательность *рыцарство — грубейший — презрение — народ* объясняет формирование отрицательной коннотации у лексемы *тевтонизм*, в которой актуализируется весь негативный культурно-исторический опыт, связанный с рыцарями: *Тевтонизм, покусившись на дело порабощения литовских и чудских племен, встретил на полстолетие себе препятствие в северном славянстве Новгорода и Пскова* [Костомаров 1863: 354].

Подобное употребление закрепляется в языке последней трети XIX века и подтверждается соответствующей сочетаемостью: *тевтонизм наглый, напирющий, наступающий* и в то же время по-немецки *дальновидный и расчетливый*.

1.2.3.2. Полонизатор. Тематическая группа имен существительных, обозначающих лиц, связанных с этносоциальными процессами, разнообразна по содержанию (представители определенных учений националистического толка, сторонники общественно-политических направлений, непосредственные участники межэтнических процессов) и вариативности словообразовательных моделей, использованных при образовании таких единиц. Среди типичных и не слишком многочисленных номинаций, используемых И.С. Аксаковым, обраща-

ет на себя внимание лексема *полонизатор*: *полонизаторы русских Галичан* [Аксаков 3: 437].

Согласно законам русского языка она связана словообразовательными отношениями с глаголом *полонизировать*⁸, однако именно этот глагол не свойствен языку произведений И.С. Аксакова, предпочитающего образованный с помощью исконно славянских морфем глагол *ополячить*. Таким образом, в идиолекте философа и публициста наблюдаются определенные лакуны: *полонизатор* ← (*полонизировать*) и *<...> ('тот, кто ополячивает') ← *ополячить/ополячивать*. Следовательно, связь употребляемых лексем осуществляется не формально-словообразовательно, а семантически: *полонизатор* ← *ополячить/ополячивать*. Подобная «непоследовательность» может быть объяснена отсутствием слова в системе языка, например в силу его неблагозвучности (*ополячитель), но в таком случае Аксаков мог бы использовать иные возможности для номинации лица, например, форму действительного причастия или описательную конструкцию. Выскажем предположение, что лексема *полонизатор* вписывается в ценностную систему, отражающуюся в языке славянофила Аксакова, благодаря двум обстоятельствам: во-первых, сходству с созвучным (по корню) словом *полонизм* и близким понятием «полонизм», которым автор пользуется очень активно и, как видно из приведенных ниже примеров, с определенным отношением (ср. названия нескольких статей: *Наше спасение против полонизма в народности* [Аксаков 3: 93]; *Нам враг не Польша, а полонизм* [Там же: 227]; *Как бороться нам с полонизмом* [Там же: 237], а во-вторых, звуковому сходству (по аффиксальной морфеме) с другим словом, концептуально соотносящимся с анализируемым, — *колонизатор*. Негативная оценочность анализируемой лексемы, таким образом, коррелирует с позицией Аксакова в польском (польско-русском) вопросе.

Подтверждает негативную оценочность лексемы еще один контекст, хронологически, концептуально, эмоционально и даже стилистически близкий статьям Аксакова: *Увлекая своими утонченно-благовоспитанными инстинктами, «Весть» например однажды изъяснила, что она «образованного польского помещика предпочитает белорусскому крестьянину-неучу». <...> Кого предпочитает, и с тем, пожалуй и целуйся; но, если дело идет о том, чтобы извлечь забитаго неуча из-под гнета разных цивилизаторов и полонизаторов, о том чтобы целому обезличенному краю, возратить его природную физиономию, <...> — то тут уж пускай она со своими личными предпочтениями подвинется в сторону, потому что дело слишком важное..* [Наши 1864: 8–9]. *Полонизаторы* здесь рифмуются с *цивилизаторы*, белорусский крестьянин находится под их *гнетом*, дело настолько важно, что газета «Весть» должна подвинуться в

---

⁸ Активность употребления указанного глагола повышается к концу века. По-видимому, это связано с более книжной его формой по сравнению с *ополячить*: они <важные и влиятельные лица, принимавшие участие в тайных обществах в эпоху раздела Польши> мечтали *полонизировать* весь западно-русский край, т. е. *заглушить* в нем *русскую национальность* [Григорович 1892: 162]. Отрицательная же его оценочность сохраняется, несмотря на ослабевание интереса к польскому вопросу начиная с 1870-х гг.

сторону *со своими личными предпочтениями*. Все это дает основание предположить употребление лексемы с оттенком неодобрения.

1.2.3.3. Русляндия, русляндцы.

«Всякое счастливое новое слово, сильно и живо изображающее новую мысль, есть такое же откровение, как и сама мысль», — утверждал В.А. Жуковский [Жуковский 2016: 454]. Слова, о которых пойдет речь в данном разделе, вряд ли можно назвать счастливыми в полном смысле этого слова, однако их появление действительно сильно и живо отражало мысли и представления определенной группы лиц. Сам И.С. Аксаков указывал на то, что своим изобретением базовая лексема *Русляндия* обязана его брату Константину: *Но когда мы говорим «Россия», мы разумеем, конечно, не одну официальную Россию, и не Русляндию (выражение К.С. Аксакова <выделено нами — О. С.>, принятое нами для обозначения всех не-Русских элементов, действующих под именем и во имя официальной России); мы разумеем Россию, ставшую наконец самой-собою, Россию народную* [Аксаков 3: 118]. Придуманый и в дальнейшем ставший излюбленным и ходовым у славянофилов термин *Русляндия* для обозначения послепетровской России и части российского общества, ратовавшего за европеизацию, (наряду с дериватами) был хорошо известен современникам. Так, в 1864 г. А.И. Герцен писал в «Колоколе»: «“День” сохраняет обычный жаргон «московского фрондера», называя официальную Россию “Rußland”» [Герцен 1959: 214]. В статье «Наша общественная жизнь» М.Е. Салтыков-Щедрин замечает, что газета «День» «для объяснения своей теории народности, имеет право употреблять фигуру Русляндии» [Салтыков-Щедрин 1968: 116]. Писатель даже использует собственный неологизм, образованный от анализируемого слова по типичной словообразовательной модели: *Один обрусляндевший славянофил доказывал: вот я теперь соединился с Русляндией, а место мое в рядах славянофилов и до сих пор числится вакантным!* [Там же: 170] Подобный факт словообразования вне всякого сомнения свидетельствует о значимости в определенный исторический момент в языке и менталитете базового (мотивирующего) слова, о его роли в процессе метаязыковой рефлексии.

Реакцию современников на эти новые аксаковские слова можно проиллюстрировать цитатой из «Современного обозрения» журнала «Современник», где номинация *русляндцы* называется остроумным прозвищем: *Народ противопоставляется «обществу», испорченному тем самым, что оно оторвалось от почвы; по общественному положению, народ — низшие классы нации. Публицист «Дня» ведет это различие двух отдельных элементов русской нации так далеко, что люди общества, испорченные западной цивилизацией (а кто же у нас неиспорчен?), получили даже **остроумное прозвище русляндцев*** [б/а 1863: 230]. Продолжение приведенной цитаты указывает на то, что автор использует ее как характеристику подверженных влиянию западной цивилизации людей безоценочно, поскольку для него европеизм и народность — в отличие от Аксакова и других славянофилов — не исключают друг друга: *Прежде всего мы полагаем, что «День» и здесь преувеличил дело: между русляндцами есть много людей, во первых, нисколько не думавших отделяться от народа и*

столько же *считающих себя настоящими русскими*, сколько считает себя г. Аксаков.. [Там же].

Что касается использования таких лексем в текстах по проблемам межэтнических отношений, то здесь наблюдается интересная закономерность: русляндцы, несмотря на их ориентацию на европейцев, противопоставляются немцам: *..мы и должны явиться и быть вполне Русскими, вполне народными, — иначе мы погибнем... Не Немцы и не Русляндцы, не Немецкий и не Русляндский наряд спасут Россию <в борьбе с Западом>: наше спасение в народе и в народности* [Аксаков 3: 97], т. е. идеология германизма выступает как синонимичная тевтонизму (см. выше) и на этом основании противопоставлена европеизму (т. е. ориентации на европейскую культуру). Несмотря на такое противопоставление, оба течения в аспекте *борьбы всего Славянского мира с миром Латино-Германским* [Там же: 125] оказываются серьезной идеологической угрозой.

1.2.2. Этническая идентичность (или национальное самосознание), будучи сложным социально-психологическим феноменом, питается разными источниками и опирается на накопленные этносом духовные идеалы — от религиозных до социальных. Любая этническая группа, таким образом, может рассматриваться как этноконфессиональная, а национальный вопрос тесно связан с «вероисповедным вопросом» [Аксаков 3: 439]. Современные исследователи указывают, что славянофилы определяли язык, систему духовных ценностей и религию как этнические маркеры [Кудряшев 2013: 41]. На примере творчества И.С. Аксакова можно получить неоспоримое тому свидетельство. Какой бы этнический вопрос он ни рассматривал — польский, еврейский, славянский, — вероисповедание оказывалось ключевым моментом: этническая группа становилась символом определенной конфессии. Многочисленные примеры из текстов Аксакова указывают на это: *..Поляки хотят часть России лишить Русской народности и веры, окатоличить и ополячить..* [Аксаков 3: 133]; *Католицизм – самое могучее средство ополячения* [Там же: 463]; *..Русский и православный доселе там <в западных губерниях> синонимы..* [Там же: 425]; *..еврейство есть собственно не вероисповедание, а национальности и государственное законодательство, подбитыя религиозною верою..* [Там же: 427].

Подобная точка зрения в языковом отношении реализуется в многочисленных случаях контактного употребления пары лексем, одна из которых является производной от этнонима, а другая — от названия конфессии: *Единственным нравственным основанием для своих притязаний, предъявляют Поляки ополячение и окатоличение всего образованного общества <западнорусских земель>..* [Аксаков 3: 43]; *..Поляки основывают свои права на том, что дворянство в этих землях окатоличилось и ополячилось..* [Там же: 130]; *..знание латинских букв уже пролагает торную дорожку к дальнейшему сближению с латинством и полонизмом.* [Там же: 114]; *Одним словом, нашим предкам удалось оправославить и ославянить или обрусить более двух третей пространства, называемого ныне Европейской Россией, которая не были ни русскими, ни тем менее православными...* [Аксаков 2: 799]. Как видно из примеров, эта

особенность может быть представлена всеми грамматическими разрядами отэтнонимной лексики.

1.3. Европа XIX в. представляла собой один из важнейших геополитических регионов мира, характеризующийся высокой интенсивностью политических, экономических и культурных связей. Функционирование на этом пространстве объединений людей: этносы, государства, империи — порождали различные межэтнические проблемы, ставшие предметом серьезного обсуждения в российском обществе. Как правило, общественные дискуссии велись по проблемам отдельных национальных регионов или взаимоотношения русского народа с одним из народов Российской империи. Участники этого процесса могли иметь собственное видение проблемы. Автор-публицист всегда актуализировал в тексте ценностное пространство своей языковой личности, поэтому важно проследить, какие языковые средства использовались им для реализации такой задачи.

Один из выводов, сделанный в результате изучения взглядов на общественные процессы прошлого, гласит: «В XIX веке в цивилизационной теории господствуют префигурации, основанные на метафорах организма и механизма, соответственно “органицизм” и “механицизм”» [Касимов 2019: 12]. Обсуждение И.С. Аксаковым польского и славянского вопросов на страницах газет отчетливо демонстрирует приверженность определенному образу: через его тексты красной нитью проходит метафора тела, организма: *цельное органическое тело Польской народности* [Аксаков 3: 35]; *Часть Русскаго тела была связана и перевязана Польшей* [Там же: 133]; *..необходимо нужно скорейшее укрепление всего нашего народного организма, возстановление его цельности...* [Там же: 52]; *..в правильном, сложившемся политическом организме, общество без государства и государство без общества также немислимы как в живом человеческом теле жизнь организма без внешнего органическаго покрова, или жизнь внешнего покрова с бездействием внутренних органических отправлений* [Там же: 117].

Органицистские воззрения были распространены среди российских социальных философов, к которым принадлежал, в частности, цитировавшийся выше А.И. Стронин. Представляется, что в этой плоскости лежат и многие высказывания И.С. Аксакова. Так, цельным организмом он неоднократно называет этнос: *Народ не есть собрание единиц, а живой цельный организм, в котором каждая человеческая единица составляет органическую часть целого. Бытие этого организма немисливо без известнаго пространства земли..* [Аксаков 3: 88], а также территорию его проживания или государственное образование: *Белая и Малая Русь, Волынь, Подолия связаны с остальною Россиею не одними государственными, но живыми органическими узами, составляют одно цельное тело..* [Там же: 139].

Подобная метафора представляет системное явление для разных языков: «Пожалуй, самое важное открытие современной постструктуральной парадигмы лингвистического знания состоит в том, что язык отражает мир **по образу и подобию человека**. Вещам и явлениям действительности приписываются человеческие свойства, главным образом телесные. Это и грубая проза, но в то же

время и самая настоящая поэзия языка. Это лежит в основе символических и метафорических образов мира, создаваемых разными языками» [Радбиль 2017: 558]. Для нас важно, что такое явление активно используется в русских публицистических (и иногда научных) текстах XIX в. на политические, исторические, социологические темы.

Особо отметим случай плеонастического употребления И.С. Аксаковым лексем *организм* и *тело*: *возрождающийся организм Чешского народного тела* [Аксаков 3: 128]. Вряд ли стоит считать это риторическим приемом, более вероятным представляется, что публицист использует их как близкие, но все-таки разные понятия: *тело* — как более конкретное, узкое, *организм* — как более широкое, по-видимому, включающее не только материальное, но и духовное, эмоциональное, так, например, российский организм испытывает определенные эмоции: *Но Россия <...> — вся, всеми нервами своего организма, почувствовала обиду..* [Там же: 121].

Синонимической заменой *организма* у И.С. Аксакова является словосочетание *органическое целое*. Рассуждая о польском вопросе, он таким образом неоднократно варьирует характеристику Польши: *целый народный самостоятельный организм* [Аксаков 3: 138] — *..настоящая Польша, т. е. то органическое целое, которое, в числе разных народных личностей в человечестве, составляет Польскую народную личность..* [Там же: 33].

Что касается *тела*, то у И.С. Аксакова эта лексема часто сочетается с определением *живое*: *живое тело России* [Аксаков 3: 133]. Представляется, что такое употребление должно подчеркнуть антигуманный и антигуманистический характер разъединительных этнополитических и этносоциальных процессов, реализующихся в единицах метафорического характера типа *перевязать, разрывать на части, отрезать* и т. п., поскольку так нарушается целостность живого тела, затрудняется или прекращается его функционирование: *Малоруссия, Белоруссия, Великоруссия — это уже тело* <выделено автором текста — О. С.>, *одно цельное, неделимое, — и отрывать их друг от друга все равно, что разрывать тело на части; отрезывать от них Киев, или какую бы то ни было населенную Русскую местность — значило бы резать по живому телу* <выделено автором текста — О. С.> [Аксаков 3: 21].

1.3.1. Органицистский характер указанных выше метафор, реализующийся при обсуждении межэтнических вопросов, приводит к появлению целого ряда языковых особенностей, которые можно интерпретировать как составные формирующегося метаязыка соответствующей сферы. В первую очередь речь идет о метафоре болезни, которую И.С. Аксаков использует последовательно и страстно: *..объяснить же его <нашего общества> равнодушие к Славянам очень легко. Это симптом того же общего недуга, который давно разлагает мало-по-малу все наше общественное тело* [Аксаков 1: 10].

В текстах Аксакова по национальному вопросу представлены следующие подгруппы, связанные с метафорой болезни:

– болезнь, недуг, патология, симптом..: *..некоторые из этих членов <Заднепрская Украина и Белоруссия> заражены Польской болезнью — латинством и шляхетством..* [Аксаков 3: 133];

– пятно, рана, язва, язвина..: *Язва на нашем теле* <речь идет о польском вопросе — О.С.>, так долго и мучительно болевшая, исцелилась бы тогда, наконец, совершенно.. [Там же: 11];

– вещества, вызывающие порчу: ..пропитав их <чехов> такую антиславянской Польской *отравой* [Там же: 128]; *еврейский яд* [Там же: 741];

– разнообразные единицы, передающие болезненное состояние: *заражены* Польской болезнью [Там же: 133]; *окалеченный* латинством [Там же: 125]; *разбитый* народный организм [Там же: 141]; *вялый, апатичный* [Там же: 100]; *болезненно-хилыя* [Там же: 52]; *растлевающее состояние* [Там же: 38]; *растление и разложение* всех нравственных сил [Там же: 51] и под.

В данной подгруппе особо следует выделить единицы, называющие психические отклонения: *неисправимое безумие* Польши [Там же: 27].

Рассматривая системные связи переносных значений слова в современном русском языке, В.К. Харченко приводит несколько десятков лексико-семантических групп, одной из которых является «болезнь, больные» [Харченко 2009: 65]. Основное обобщенное переносное значение для слов этой группы исследовательница формулирует как ‘о распространившемся вредном явлении’ и указывает на то, что всем словам группы присуща отрицательная, пейоративная оценка. Отрицательная оценочность присуща всем подобным словоупотреблениям И.С. Аксакова.

«Политически некорректные», данные метафоры являются неотъемлемой частью медиадискурса XIX в. Кроме Аксакова их, например, активно использовали В.Г. Белинский, М.Е. Салтыков-Щедрин, Н.Я. Данилевский и др.

1.4. Медиапространство, как известно, предполагает экспликацию авторской позиции, поэтому И.С. Аксаков не ограничивается беспристрастным описанием ситуации: *А как скоро положение это <«Виленского Вестника» о том, что Москва возбуждает религиозное преследование> было высказано, возможно ли было удержаться, чтобы не воскипеть негодованием? Образ мыслей противника так непристоен! Случай к негодованию такой прекрасный!* [Аксаков 3: 440] На его риторику часто обращали внимание современники, один из них величает его *красноречивый публицист «Дня»* [б/а 1863: 229].

Его оценка всегда эксплицирована, причем с использованием лексики, передающей эмоциональное состояние пишущего: *Еврейский вопрос в России — вопрос великой важности, чрезвычайно серьезный, серьезный до трагизма..* [Аксаков 3: 764]; *Но разве вопрос Польский, этот мучительный Польский вопрос, разрешится от того, что Западная держава уклонится от боя?* [Там же: 100–101]; *..наша тяжба с Польшей, <...> где дело идет <...> о жизни и смерти* [Там же: 122]; *Гонение на русскую народность в Галиции достигло крайних пределов* [Там же: 436].

Указания на актуальность и сложность межнациональных отношений даются не только в прямой, часто резкой форме (*..сложный, громадный вопрос о политических правах Русского населения* [Аксаков 3: 18]; *отчаянные украинofilы* [Там же: 131]), но и часто в метафорической, иносказательной: *Всякий в то же время смутно бы надеялся, что последствия войны сами собою **распутают** Польский узел..* [Там же: 101]; <политика европейских стран в отноше-

нии России> *освещает* современный Польский вопрос *ярким историческим светом* [Там же: 125]; *Европа уже успела после Восточной войны связать нам руки для действия в Турецко-Славянском вопросе..* [Там же: 124].

Сам характер выбранных публицистом метафор отражает его позицию в обсуждаемом вопросе и статусно-психологическую роль; так для оценки политических событий в Европе первой половины XIX в., имеющих непосредственное отношение к межэтническим проблемам, он выбирает карточную игру, вновь подчеркивая пренебрежение правителей к народам, которые тасуются в их игре: *Как в карточной игре тасуются масти в колодах, так в первой четверти нынешняго столетия тасовались и народности в той — своего рода карточной политической игре, которая разыгрывалась на знаменитом Венском конгрессе* [Аксаков 3: 16].

Некоторые метафоры по своей стилистике и языковому наполнению близки к художественной и народно-поэтической речи. Отказ от извлечения уроков из Польского восстания 1863–1864 гг. Аксаков оценивает так: *не надумимся, дадим засориться ключам <«громовым ключам» свежей целебной воды>* [Аксаков 3: 111]; попытки обучения русских детей в Галиции родному языку с помощью латинских букв вызывают следующую реакцию публициста: *..галицкие Поляки, давно потеряв отечество, задумали похитить у Русского народа <...> все его молодое поколение — будущий цвет народности и будущия надежды..* [Там же: 437]; говоря о решении Польско-Русской задачи, автор сетует на бездеятельность российского общества, желающего свалить все на правительство: *..общественная среда сама ленится умом и душою, жмурится от света истины и затыкает уши, чтобы не слышать горькаго слова правды..* [Там же: 121].

1.5. Характерной чертой публицистических текстов И.С. Аксакова по межэтническим проблемам является полемичность. Элементы дискуссии присутствуют даже в заголовках статей, которые часто даются в форме риторических фигур (вопросы и восклицания), по своему содержанию представляющих дискуссионные вопросы и суждения, например: *Нам враг не Польша, а полонизм* [Аксаков 3: 227]; *Опасно ли украинофильство для Русского государства* [Там же: 297].

Изложение авторской точки зрения — в духе времени [Кудряшев 2013: 9] — давалось как противопоставление к уже высказанной кем-либо из авторов других статей, идеологических противников: *..по мнению некоторых публицистов, Польский вопрос вовсе даже не головоломка* [Аксаков 3: 140]. Оппонентам, утверждающим простоту разрешения польского вопроса, Аксаков возражал: *..обязанность сыскать разрешение Польскому вопросу — такое, котораго теперь, пожалуй, и не придумать!* [Там же: 101]

1.5.1. Интересный случай отражения полемичности видится нам в следующем случае. Как уже было сказано раньше, словосочетания типа *...ский вопрос* характерны для публицистического дискурса XIX в. Их широкая распространенность и терминологизированный характер обуславливают нормативное написание без кавычек.

В отдельных случаях И.С. Аксаков заключает такие словосочетания в кавычки: *Отыскивая разрешения вопросу с той точки зрения, которую достопочтенный доктор <г-н Ригер> назвал Славянскою, он естественно приходит к сознанию «Малороссийского вопроса»* [Аксаков 3: 131].

Выделение знаком кавычек здесь является графическим вариантом представления метаязыковой рефлексии в отношении чужой точки зрения (поданной в виде чужого слов) и почти явного несогласия с ней (несмотря на многочисленные величания оппонента достопочтенным, многоуважаемым: *..объем его <г-на Ригера> «Малороссийского вопроса» или «спорных Малорусских земель» должен еще значительно сократиться..* [Аксаков 3: 132]. Учитывая функциональную значимость подобных словосочетаний, предположим выразительную значимость такого остранения в тексте. Здесь наблюдается своеобразная энантиосемия графического знака: с одной стороны — указание на чужую речь, а с другой — выражение собственной оценки в отношении конкретного явления. Свое же мнение публицист выражает в т. ч. общепринятым написанием без кавычек: *Наконец, мы должны объявить знаменитому Славянскому деятелю <г-ну Ригеру>, что Малороссийского вопроса для Малороссии вовсе и не существует* [Там же].

***

«Могучий исторический двигатель — идея национальности», — считал И.С. Аксаков [Аксаков 3: 17]. Говоря, например, о Польше, он указывал, что она «..всю силу жизни почерпает из идеи национальности, т. е. национальной свободы, самобытности развития, самостоятельности гражданской и духовной» [Там же]. Актуальные для XIX века и сложные по содержанию межэтнические (межнациональные) отношения не могли не отразиться на процессах, происходивших в русском языке этого периода: появилась новая лексика, ставшая отличительной особенностью социально-политического дискурса, реализовывавшегося в т. ч. в публицистических текстах. И.С. Аксаков — активный участник общественной и медийной деятельности — актуализирует в публикациях свои (и групповые) ценностные установки, а также реализует себя как языковую личность. Точное и осознанное употребление различных лексических единиц, грамматических конструкций и даже графических средств направлено на стремление публициста максимально отчетливо выразить свою позицию по обсуждаемым вопросам. Тон его изложения далеко не всегда был нейтральным, эмоциональная реакция выражалась использованием разнообразных единиц, носящих оценочный характер. На всех языковых уровнях проявляется полемичный характер его текстов, соответствующий прагматическим установкам жанра, проблемному содержанию обсуждаемых вопросов и ярко выраженной позиции пишущего.

Источники

Аксаков 1 — Аксаков И.С. Собр. соч. Славянский вопрос. 1860–1886. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». Речи в славянском комитете в 1876, 1877 и 1878. Т. 1. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. 791 с.

- Аксаков 2 — Аксаков И.С. Полн. собр. соч. Славянофильство и западничество. 1860–1886. Т. 2. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. 846 с.
- Аксаков 3 — Аксаков И.С. Полн. собр. соч. Польский вопрос и Западно-Русское дело. Еврейский вопрос. 1860–1886. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». Т. 3. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. 844 с.
- б/а — <Пыпин А.Н.>. Premiers-Moscou газеты «День» (1863, №39–41) // Современник. 1863. №10 октябрь. С. 217–236.
- Белинский В.Г. Сочинения в 12 ч. Ч. 10. 5-е изд. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1893. 432 с.
- Герцен А.И. Сочинения в 10 т. Т. 1. Genève — Bale — Lyon: H. Georg, libraire-éditeur, 1875. 383 с.
- Герцен А.И. Сочинения А.И. Герцена и переписка с Н.А. Захарьиной в 7 т. Т. 4. СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1905. 464 с.
- Герцен А.И. Собр. соч. в 30 т. Т. 18. Статьи из «Колокола» и другие произведения 1864–1865 гг. М.: Изд. АН СССР, 1959. 751 с.
- Григорович И.И. Очерки новейшей истории (1815–1891). 6-е изд. пересмотр., испр. и доп. СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1892. 388 с.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 ч. М.: Общество люб. рос. словесности, 1863–1866. Ч. 2-я. И–О. М., 1865. 725 с.
- Жуковский В. А. Философический язык // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 11. М.: Изд. Дом ЯСК, 2016. С. 452–473.
- Ковалевский М.М. Национальный вопрос в Старом и Новом Свете // Вестник Европы. 1885. Т. 3, кн. 6. С. 677–731.
- Костомаров Н.И. Севернорусския народоправства во времена Удельно-вечеваго уклада. Т. 1. СПб.: Изд. Д.Е. Кожанчикова, 1863. 419 с.
- Липперт К. Французская литература // Отечественные записки. 1842. Т. 21. №3. С. 9–20.
- Наши домашние дела // Эпоха. 1864. №8 август. С. 1–28.
- Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: в 20 т. Т. 6. Наша общественная жизнь. 1863–1864. Статьи 1863. Журнальная полемика. 1864. М.: Художественная литература, 1968. 740 с.
- Стронин А.И. Политика как наука. СПб.: Тип. Ф.С. Сущинскаго, 1872. 526 с.

Литература

- Аспекты семантических исследований / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, А.А. Уфимцева. М.: Наука, 1980. 357 с.
- Ахманова О.С., Бельчиков Ю.А., Веселитский В.В. К вопросу о «правильности» речи // Вопросы языкознания. 1960. №2. С. 35–42.
- Касимов Р.Х. Локальные цивилизации в горизонте языка: метафора и интенциональность: автореф. дис. ... д. филос. н.: 24.00.01. Тюмень, 2019. 43 с.
- Китаев В.А. Из истории идейной борьбы в России в период первой революционной ситуации (И.С. Аксаков в общественном движении начала 60-х гг. XIX в.). Горький: ГГУ, 1974. 164 с.
- Кудряшев В.Н. Национальный вопрос в общественно-политической мысли России второй половины XIX века: автореф. дис. ... д. ист. н.: 07.00.02. Томск, 2013. 46 с.
- Лопухов А.М. Словарь терминов и понятий по обществознанию. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Айрис-Пресс, 2013. 512 с.
- Радбиль Т.Б. Язык и мир: парадоксы взаимоотражения. 2-е изд. М.: Изд. Дом Яск: Языки слав. культуры, 2017. 592 с.
- Русская грамматика. В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1980. 783 с.
- Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка 30–90-е годы. XIX в. М.; Л.: Наука, 1965. 565 с.
- Старовойтова О.А. Глаголы в описании межэтнических контактов в русском языке XIX века: становление метаязыка // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. №4. С. 73–78.

- Старовойтова О.А. Описание семантики одного подтипа словообразовательной модели (к проблеме метаязыка в историческом словаре) // Материалы метаязыкового семинара ИЛИ РАН. Вып. 2. 2015–2016 годы / Отв. ред. С.С. Волков, Н.В. Карева, Е.М. Матвеев. СПб.: Геликон-Плюс, 2017. С. 136–144.
- Тесля А.А. Иван Аксаков и его роль в истории русского национализма // Вопросы национализма. 2013. №4 (16). С. 196–204.
- Харченко В.К. Переносные значения слова. 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 200 с.
- Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М.: Изд-во МГУ, 1978. 264 с.

Старовойтова Ольга Альбертовна, канд. филол. наук; Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра русского языка; доцент; 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. д. 7-9; наук; Институт лингвистических исследований РАН, 199053, г. Санкт-Петербург; Тучков пер. д. 9; ст. науч. сотрудник; e-mail: o.starovoytova@spbu.ru; ostarovo7@rambler.

Для цитирования. Старовойтова О.А. К вопросу о роли языковой личности в становлении метаязыка описания межнациональных отношений в России XIX века (Часть 1. И.С. Аксаков) // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2020. Вып. 3. С. 304–323. DOI 10.30842/26583755202012

References

- Aspekty semanticheskikh issledovaniy [Aspects of semantic research] / Отв. ред. N.D. Arutyunova, A.A. Ufimtseva. Moscow: Nauka Publ., 1980. 357 p. (In Russ.)
- Akhmanova O.S., Bel'chikov Yu.A., Veselitskiy V.V. K voprosu o «pravil'nosti» rechi [On the question of speech “correctness”] // Voprosy yazykoznaniya. 1960. №2. Pp. 35–42. (In Russ.)
- Kasimov R.Kh. Lokal'nye tsivilizatsii v gorizonte yazyka: metafora i intentsional'nost' [Local civilization in the horizon of language: metaphor and intentionality]: avtoref. dis. ... d. filol. n.: 24.00.01. Tyumen', 2019. 43 p. (In Russ.)
- Kitaev V.A. Iz istorii ideynoy bor'by v Rossii v period pervoy revolyutsionnoy situatsii (I.S. Aksakov v obshchestvennom dvizhenii nachala 60-kh gg. XIX v.) [About the history of the ideological struggle in Russia during the 1st revolutionary situation (I.S. Aksakov in the social movement of the early 60s of the 19th century)]. Gor'kiy: GGU Publ., 1974. 164 p. (In Russ.)
- Kudryashev V.N. Natsional'nyy vopros v obshchestvenno-politicheskoy mysli Rossii vtoroy poloviny XIX veka [The national question in the socio-political thought of Russia in the 2nd half of the 19th century]: avtoref. dis. ... d. ist. n.: 07.00.02. Tomsk, 2013. 46 p. (In Russ.)
- Lopukhov A.M. Slovar' terminov i ponyatiy po obshchestvoznaniyu [Dictionary of social science terms and concepts]. 7-e izd., pererab. i dop. Moscow: Ayriss-Press Publ., 2013. 512 p. (In Russ.)
- Radbil' T.B. Yazyk i mir: paradoksy vzaimootrazheniya [Language and the world: paradoxes of mutual reflection]. 2-e izd. Moscow: Izd. Dom Yask Publ.: Yazyki slav. kul'tury, 2017. 592 p. (In Russ.)
- Russkaya grammatika: v 2 t. T. I. [Russian grammar. In 2 vol. Vol. I]. Moscow: Nauka Publ., 1980. 783 p. (In Russ.)
- Sorokin Yu.S. Razvitiye slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka 30–90-e gg. XIX v. [The development of the vocabulary of the Russian literary language in 30–90s of the 19th century]. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1965. 565 p. (In Russ.)
- Starovoytova O.A. Glagoly v opisaniy mezhethnicheskikh kontaktov v russkom yazyke XIX veka: stanovlenie metayazyka [Verbs in the description of the interethnic contacts in the 19th cen-

ture Russian language: metalanguage formation] // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2016. №4. Pp. 73–78. (In Russ.)

Starovoitova O.A. Opisanie semantiki odnogo podtipa slovoobrazovatel'noy modeli (k probleme metazyka v istoricheskom slovare [Description of one subtype of the derivational model: the problem of metalanguage in the historical dictionary] // Materialy metazykovogo seminar ILI RAN. Vyp. 2. 2015–2016 gody / Otv. red. S.S. Volkov, N.V. Kareva, E.M. Matveev. Saint Petersburg: Gelikon-Plyus Publ., 2017. Pp. 136–144.). (In Russ.)

Teslya A.A. Ivan Aksakov i ego rol' v istorii russkogo natsionalizma [Ivan Aksakov and his role in the history of Russian nationalism] // Voprosy natsionalizma. 2013. №4 (16). Pp. 196–204. (In Russ.)

Kharchenko V.K. Perenosnye znacheniya slova [Figurative meanings of the word]. 2-e izd. Moscow: Knizhnyy dom «LIBROKOM» Publ., 2009. 200 p. (In Russ.)

Tsimbaev N.I. I.S. Aksakov v obshchestvennoy zhizni poreformennoy Rossii [I.S. Aksakov in the social life of post-reform Russia]. Moscow: Izd-vo MGU Publ., 1978. 264 p. (In Russ.)

Olga A. Starovoitova, PhD, Associate Professor, Department of Russian Language, Saint Petersburg State University, 7-9 Universitetskaya nab., 199034 Saint Petersburg, Russian Federation; Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Senior Research Officer, 9 Turchkov per., Saint Petersburg, Russian Federation. E-mail address: o.starovoytova@spbu.ru; ostarovo7@rambler.ru

For Citation: Starovoitova O.A. (2020). On the question of a linguistic personality role in the formation of a metalanguage for describing interethnic relations in the 19th century Russia (Part 1. I.S. Aksakov). *Slavyanskaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya* [Slavic historical lexicology and lexicography], 3, pp. 304–323. DOI 10.30842/26583755202012 (In Russ.)

**КРИТИКА, ОБЗОРЫ,
РЕЦЕНЗИИ**

*Elena I. Derzhavina**Е.И. Державина***DIGESTS ON HISTORICAL
LEXICOLOGY AND
LEXICOGRAPHY 1984–2002****СБОРНИКИ СТАТЕЙ ПО
ИСТОРИЧЕСКОЙ
ЛЕКСИКОЛОГИИ И
ЛЕКСИКОГРАФИИ 1984–2002 гг.¹**

Аннотация. Статья посвящена обзору сборников, которые вышли в Институте русского языка им. В.В. Виноградова с 1984 по 2002 годы. В них затронуты проблемы этимологической, исторической лексикологии и лексикографии, и в основном статьи сборников базируются на опыте работы над словарями, в первую очередь над «Словарем русского языка XI–XVII вв.», и включают статьи, юбилейным изданиям которого посвящена большая часть сборников. Представленные статьи отчасти дают представление о кропотливой работе над историей слова, заключают мысли ученых о широком спектре проблем, связанных с изучением происхождения слова, развития его семантики, истории групп слов и отдельных лексем.

Ключевые слова: историческая лексикология, историческая лексикография, тематические группы слов, сборники статей

Summary. Current article is dedicated to the review of digests published by the V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language, 1984–2002. They touch upon the issues of etymology, historical lexicology and lexicography. Digest articles are mostly based on dictionary research, specifically the dictionary of the 11–17th century Russian language. Its anniversary issues are the subject of research for the majority of the articles. Presented material gives an idea about the meticulous work done to research the history of language. It also shows scientific ideas connected to a variety of questions like the origins of language, its semantics as well as specific word groups and lexical tokens.

Keywords: historical lexicology, historical lexicography, thematic word groups, digests

Первый сборник по исторической лексикологии и лексикографии появился через десять лет после выхода в свет в 1975 году первого выпуска Словаря русского языка XI–XVII вв. (далее — СлРЯ XI–XVII), то есть возникла необходимость обобщить опыт работы над словарем². До 2002 года было опубликовано шесть сборников статей, в которых решались отдельные теоретические и практические вопросы исторической лексикологии и лексикографии³, а также были представлены исследования, проведенные в ходе составления исторических словарей, так как в числе авторов сборников можно увидеть не только авторов и редакторов этого словаря, но и тех ученых, которые работали над дру-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-29-09113 «Электронный исторический словарь заимствованной лексики в русском языке XI–XVII вв.: грецизмы и полонизмы».

² Некоторые последующие сборники также относятся к категории юбилейных. 2020 год можно отнести к знаковым для создания СлРЯ XI–XVII вв. (45 лет с момента выхода его первого выпуска и выход в свет 31-го), поэтому обращение к истории, связанной с его созданием, представляется нелишней.

³ Сборник статей «Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков» вышел в 1974 г., т. е. за год до первого выпуска СлРЯ XI–XVII вв. И хотя он посвящен тем же вопросам, что и последующие, мы все-таки свой обзор начнем со следующего за ним: 1984 г. — «Теория и практика русской исторической лексикографии»; 1987 г. — «Русская региональная лексика XI–XVII вв.»; 1991 г. — «Лексические группы в русском языке XI–XVII вв.»; 1991 г. — «Историко-культурный аспект лексикологического описания русского языка» части 1 и 2; 2000 г. — «Русская историческая лексикография на современном этапе»; 2002 г. — «Восточнославянская историческая лексикография на современном этапе». Последние два сборника юбилейные и поэтому стоят несколько в стороне.

гими словарями или интересы которых лежали и лежат в сфере изучения истории определенной лексики русского языка. Во втором сборнике статей (1987 г.) уже была высказана идея о создании труда «Историческая лексикология русского языка», подведены теоретические положения этой работы с опорой на высказывания М.М. Покровского, И.А. Бодуэна де Куртенэ, В.И. Абаева и других видных отечественных ученых. Стоит признать, что первые четыре сборника были подчинены этой объединяющей идее. В статьях, собранных в сборники, выделяется несколько направлений исследования истории лексики, на основе статей можно указать следующие: описание лексики по группам — тематическим, объединенным общей семантикой, имеющим одну словообразовательную модель; описание лексики отдельных источников, объединенных общей тематикой, либо какого-то одного источника; описание лексики, объединенной общим происхождением (заимствования).

Первый сборник статей (1984 г.) открывался статьями, в которых рассматривалось место исторической лексикологии и лексикографии в кругу других историко-филологических дисциплин. В частности статья Ф.П. Филина посвящена обзору основных лексикографических работ исторической направленности (описание типов исторических словарей), а также связи исторической и диалектной лексикографии. Однако автор не обходит своим вниманием этимологическую лексикографию, считая ее во многом базой, опорой для исторической. В статье показана связь этимологической и исторической реконструкции на конкретных примерах, опирающихся на материал других, в том числе родственных языков. В статье же О.Н. Трубачева находим как бы противоречие такому взгляду: «Насыщение исторического словаря сравнением с диалектными и иноязычными данными, а также сведениями по этимологии способно лишь взорвать изнутри исторический словарь как таковой и потому нежелательно» [Трубачев 1984: 35]. Хотя здесь, по всей вероятности, речь идет о разделении разных видов словарей, так как выше была высказана мысль о привлечении разных дисциплин для понимания истории слова.

Значительное место в сборнике посвящено диалектным словарям, их связи с историко-лексикологическими исследованиями. Статья Ф.П. Сороколетова перекликается со статьей Ф.П. Филина и указывает на важность диалектных словарей как справочников для историко-лексикологических исследований, так как в говорах сохраняются слова, вышедшие из употребления в литературном русском языке. «Словари оказались удобной и экономной формой исследования языка» [Сороколетов 1984: 65]. В своей статье автор также указывает на то, что еще В.И. Даль выдвигал идею создания разных типов словарей, в которых язык «отразился бы во всех своих проявлениях и ответвлениях» [Там же: 66]. К статье Ф.П. Сороколетова близка статья О.С. Мжельской о словаре псковского диалекта с историческими данными, что позволяет даже, в некотором смысле, отнести подобный словарь к историческим.

Еще одному типу исторического словаря посвящена статья Е.Н. Борисовой и И.Г. Добродомова. В ней описаны принципы составления, обосновывается научная значимость исторического словаря синонимов для исследований по

исторической лексикологии. Предполагалось, что словарь дополнит синонимические ряды современного словаря синонимов русского языка «диахроническими синонимами»: *заявление* — *челобитная*, *странник* — *турист*. То, что словарь до сих пор не создан, возможно, тормозит незавершенность СлРЯ XI–XVII вв. и СРЯ XVIII в., на которые он должен был опираться.

Здесь же помещены три статьи, объединенные общей тематикой — описанием лексики одного произведения, однако они имеют и существенные различия. В статье В.Л. Виноградовой говорится о словаре лексики одного памятника — Слова о полку Игореве, созданном с привлечением широкого литературного, диалектного и фольклорного материала, тогда как в статье С.С. Волкова описан словарь Моления Даниила Заточника и подчеркнута его создание на широких временных рамках. В словаре учтены не только оригинал памятника (XII–XIII вв.), но и его списки (XVI–XVII вв.). Статья Г.В. Судакова посвящена Букварю Кариона Истомина как неоценимому источнику для исторической лексикологии и лексикографии русского языка.

Второй раздел сборника объединяет статьи, в которых рассмотрены отдельные грамматические и лексические разряды и проблемы, с которыми сталкиваются составители исторических словарей. К таким разрядам относится заимствованная лексика (статья Г.Я. Романовой о тюркизмах), ономастическая лексика (статья Г.П. Смолицкой) и терминологическая лексика (статья Г.Ф. Одинцова о названиях оружия). В них говорится о проблемах отбора, описания лексических единиц. Еще две статьи раздела посвящены грамматическим разрядам слов (статья Н.В. Чурмаевой о наречиях и В.Б. Силиной о виде глагола). В них ставятся вопросы тождества слова, грамматической классификации слов, их частеречной принадлежности, что является существенной проблемой для исторического словаря, особенно имеющего широкие временные рамки.

В последнем, третьем разделе сборника представлены статьи, написанные по опыту составления исторического словаря и в некоторых моментах перекликающиеся со статьями предыдущего раздела. Опыт привлечения «Материалов» И.И. Срезневского при составлении СлРЯ XI–XVII вв. описан в статье О.И. Смирновой. Причем важным в ней является изменение взгляда составителей словаря на материал, содержащийся в этом лексикографическом труде, от полного цитирования до проверки выдержек из памятников письменности по новым изданиям и рукописям (в том числе и поиск «глухих» отсылок), что привело к выявлению неточностей и неверных прочтений в «Материалах». Со статьей о тюркизмах предыдущего раздела сближается статья о роли греческих оригиналов для понимания русских переводных текстов М.И. Чернышевой. Здесь также поставлен вопрос о подаче в словаре заимствований, экзотизмов и иноязычных вкраплений. Статья о сравнительно-сопоставительных пометах И.И. Макеевой показывает, как на практике идет работа по выявлению и отражению в историческом словаре семантически близких или тождественных слов, как отражаются этимологические и диалектные связи слов. Еще две статьи обращены к словообразовательным формантам *пол-/полу-* (Г.В. Востокова) и *су-/суе-* (М.В. Пржевальская). В них авторы также пишут о важной проблеме заголо-

вочного слова и о том, что исследование подобных объединений помогают системной организации материала словаря.

Собственно говоря, в сборнике разрабатываются пути описания лексики на базе словаря, которые продолжились в последующих сборниках и других исследованиях и продолжают в настоящее время.

Следующий сборник, посвященный изучению региональной лексики, мыслился как первый шаг в направлении создания исторической лексикологии русского языка. Открывает сборник статья О.Н. Трубачева как задающая направление, хотя она посвящена периоду в основном дописьменному. Автор показывает, что уже праславянский язык был сложным в диалектном отношении, и пишет: «Получаем сложнейшую мозаическую картину и едва ли в будущем, в итоге итогов, она уложится в нечто стройное» [Трубачев 1987: 26]. В первом разделе также представлены статьи, в которых намечаются направления описания и систематизации лексики. Более конкретно эта мысль выражена в статье Г.В. Судакова, где он говорит о возможности изучения лексики двояко — либо в составе тематических групп, либо при изучении языка определенной территории. На материале в основном памятников деловой письменности он показывает с одной стороны региональную принадлежность слов со значением ‘вместилище для разных мелочей и денег’, а с другой — процесс распространения их на другие территории в преднациональный период. С этой работой перекликается статья Н.С. Бондарчук, в которой на основе семантики общеславянских слов (*веретя, улица, кут*) выявляются связи регионализмов русского языка с другими славянскими языками. Изучение лексики письменных памятников также позволяет судить о происхождении как самого текста, так и человека, писавшего его. К юго-западному происхождению Псалтыри Фирсова 1683 г. приходят Т.А. Исаченко-Лисовая и Н.Н. Лисовой, обнаружившие в тексте памятника значительное число полонизмов. Во втором разделе помещены статьи, в которых рассматривается лексика древнерусских памятников письменности с точки зрения фиксации в них регионализмов. В основном внимание исследователей привлекает деловая письменность, что закономерно в силу зафиксированности происхождения документов. О.С. Мжельская на основе изучения лексики памятников, принадлежащих к псковской деловой письменности, а также на основе лексики Разговорника Тонниса Фенне проводит классификацию регионализмов, а также обращает особое внимание на изменение отношения к местной лексике на протяжении XVII в., их устранение при редактировании. Регионализмам в воронежской деловой письменности этого же периода посвящена статья В.И. Хитровой. Обращая внимание на отдельные лексемы и приводя некоторые слова, не зафиксированные словарями, автор пишет о важности изучения региональных памятников для исторической лексикологии и лексикографии. Отдельный интерес представляет статья Е.Н. Поляковой, в которой соединились как бы два направления исторической лексикологии — изучение региональных памятников и изучение заимствованной лексики (в данном случае из языка коми). Результат исследования приводит автора к подтверждению близости лексики пермских говоров севернорусским — поморским, архангельским. В статье Л.Ю. Астахиной в центре внимания находятся

семантические связи регионального слова. Беря за отправную точку слово *трушка* ‘мера сыпучих тел’, автор исследует большое, широко «разветвленное и многообразное в своих лексических и хронологических проявлениях» [Астахина 1987: 153] словообразовательное гнездо *трух-/трус-/трох-/труш-*. Третий раздел сборника включает статьи, которые посвящены либо изучению отдельной лексической единицы (статья Г.Ф. Одинцова о слове *меч*), либо словам, объединенным этимологически (статья М.В. Пржевной о словах *соймь, суемь*), тематически (статья И.И. Макеевой о названиях драгоценных камней). В этот же раздел, на наш взгляд, должно было бы поместить из второго раздела статью Л.Н. Смольниковой о слове *щегнуша* ‘жилая комната’, попавшего из севернорусских говоров в церковнославянский язык. Завершает сборник словоуказатель к Повести о Петре и Февронии XV в. (составители — А.С. Герд, Е.Л. Кузнецова и др.), вещь бесспорно важная для исторической лексикологии и лексикографии, но о региональных особенностях рукописи не сказано в предисловии, и возникает вопрос, почему именно в этот сборник помещен этот словоуказатель.

Сборник 1991 г. посвящен теме изучения лексических групп в истории русского языка и тоже находится в русле разработки заявленной общей темы. В центре внимания статей первого раздела сборника находятся проблемы вычленения и изучения тематических, семантических групп лексики. В статье «От редакторов» рассмотрены работы по лексикологии и приведены принципы классификации лексических единиц (с. 6). Более подробно рассмотрены те, что показаны в работах Ф.П. Филина и А.А. Уфимцевой, ориентированные на классификацию предметов, словообразовательные модели, семантические поля. Здесь же в обобщенном виде намечена возможность исследования эволюции целостных микросистем, а также анализ лексики по отдельным хронологическим периодам, ставится задача анализа того, что скрепляет группу и критериев ее выделения. Основой анализа становятся «семантическое поле», «семантическая группа», родовые и видовые наименования, а также системные отношения внутри групп. В обобщенном виде намечена возможность исследования эволюции целостных микросистем, их анализ по отдельным хронологическим периодам. Эти моменты отражены в статьях сборника. Г.Н. Лукина исследует тематические группы с обобщающим словом, рассматривая процессы, происходящие внутри этих групп. Во внимание автора попадает также участие словообразовательных формантов при формировании группы, однако один и тот же формант может быть представлен в разных лексических группах (например, суффикс *-ин-*: *говядина* ‘мясо животного’ — *узчина* ‘полотно’). Г.В. Судаков в своей статье поддерживает возможность изучения тематических групп, или фреймов, считая это целесообразным. Он приводит слова Д.Н. Шмелева: «Словарный состав языка не только находится в непрерывном движении, но по существу и не очерчен в каждый момент существования языка с достаточной определенностью... границы остаются зыбкими и открытыми с разных сторон» [Судаков 1991: 24]. В связи с этим группы, «семантические микроструктуры», позволяют проводить исследование лексики в диахроническом аспекте, хотя представленность в памятниках письменности лексики той или иной группы

была различной. Автор обращается к предметно-бытовой лексике. Объединение таких тематических групп опирается на внеязыковые критерии: внешний вид и функцию предмета, который слова называют. При этом автор пишет, что даже в таких объединениях критерии размыты и в группах наблюдается разная семантическая связанность компонентов. Изучению тематических групп посвящена и статья Л.Ю. Астахиной, внимание которой привлекла сельскохозяйственная лексика. Исследователь ставит вопрос: является ли тематическая группа предметом лингвистики, так как в объединении слов не участвуют собственно семантические аспекты (синонимия, антонимия и др.)? Второй раздел сборника включает две статьи, в которых исследованы две лексические совокупности. В первой — В.В. Колесова — проведен подробный семантический и культурно-исторический анализ слов *домь* и *дворь* на широком текстологическом материале. Показано развитие семантики этих важных для истории культуры слов, их взаимодействие в разных значениях с другими близкими, но менее многозначными словами, а также вхождение их в словосочетания. В статье показаны принципы и процедура изучения семантики слова. Вторая статья (Г.Ф. Одинцова) посвящена тематической группе со значением ‘оружие’ и представляет взаимоотношения лексики в этой группе (*пушка* — *пищаль* — *тюфякъ*). Отличительной чертой этой тематической группы автор считает вхождение в нее не только однословных терминов, но и терминологических сочетаний (*затинная пушка*). Следующие далее статьи рассматривают отдельные тематические группы лексики. Гидронимам, могущим сохранять утраченные в современном русском языке апеллативы, посвящена статья Г.П. Смолицкой. На примере терминов русского права В.Я. Дерягиным показана их многозначность и синонимичность в период становления юридического терминологического аппарата. М.Н. Полынская, рассматривая наименования мехов, обращает внимание на словообразовательные модели и также вхождение в группу составных наименований. Родовые и видовые наименования находятся в центре внимания статьи Н.В. Шеиной, посвященной группе названий трав.

В том же 1991 г. вышел сборник, основной заявленной целью которого было показать связи лексики и культуры, мировоззрения в истории народа (т. е. славян), хотя, на наш взгляд, этой тематике было уделено немало места и в предыдущих сборниках. Открывает сборник статья О.Н. Трубачева, где говорится об антропоцентричности картины мира, о динамике «развития духовной, материальной и социальной культуры» [Трубачев 1991: 27]. Самосознание человека и его мировоззрение отражены в ключевых словах. В статье показано развитие представлений человека о себе и мире на словах *рай*, *смерть*, *свой*. Стоит также обратить внимание на следующее высказывание автора статьи: «В идеале историческая лексикология языка — это прежде всего исчерпывающая инвентаризация и классификация его словарного состава» [Там же: 11], что в первую очередь позволяют сделать словари. Такой подход к изучению лексики (хотя ранее упомянутые работы Г.Ф. Одинцова, Г.В. Судакова и др. тоже отражают связь лексики и материальной культуры) нашел продолжение в следующих статьях, написанных на материале письменных памятников, т. е. с позиций историков языка. Статья О.И. Смирновой посвящена слову *голова* ‘убийство’,

‘мертвое тело’ в юридических памятниках. Главным образом автор обращается к первой статье Русской Правды пространной редакции, но также привлекает и другие источники вплоть до сказочных сюжетов и фольклора. Статья А.Л. Хорошкевич раскрывает смысл выражения «а молвит хомутовкою» (об Адашеве), связанного с родом мелких вотчинников Хомутовых, уличенных в составлении подложных грамот. Написанная на очень широком историческом фоне, статья содержит много интересных исторических сведений XVI в. и более ранних периодов. Однако их обилие подчас кажется чрезмерным. В остальных статьях заявленная общая тема развивается на материале однокоренных слов (Э.Г. Шимчук о словах с корнем *тоск-/тощ-*), общих по значению групп слов (Л.Ю. Астахина о словах с семантикой ‘игра, развлечение’; В.В. Калугин о ремесленной терминологии ‘изготовление и украшение книг’). Статья Ю.И. Чайкиной объединяет группу антропонимической лексики, извлеченной из писцовых книг. Термины этой группы называют людей по их сословной принадлежности, социальному статусу и профессии, включают двух-, трех-членные композиты, а также словообразовательные модели с суффиксами *-овъ*, *-инъ*, *-ский*. Отдельный интерес представляют две статьи, посвященные лексике переводных произведений. Это статья Б.А. Дюбо, Е.Д. Коноплиной о переводах с немецкого и формировании научной терминологии в русском языке XVIII в. и статья Д.С. Кулмаматова о переводах среднеазиатских деловых текстов и о наименованиях лиц, занимавшихся канцелярскими делами (*дьякъ — визирь большой* и др.).

С момента выхода в 1995 г. очередного сборника наметился поворот в сторону исторической лексикографии, хотя и в предыдущих о связи ее с исторической лексикологией писали многие, если не подавляющее большинство авторов. Бóльший крен в сторону лексикографии оправдан 20-летием со дня выхода первого выпуска СлРЯ XI–XVII вв. Сведения о культуре, которые содержатся в словарях и картотечных собраниях, — тема первого раздела сборника, включающего десять статей. Первые две статьи посвящены СлРЯ XI–XVII вв. (Г.А. Богатова) и Картотеке ДРС как базе указанного словаря (Л.Ю. Астахина⁴). Проблемы семантического описания лексики в историческом словаре стоят в центре статьи С.Св. Волкова. Основное ее положение заключается в следующем: показать иерархию значений и отразить семантическую динамику слова — задача составителя словаря. Содержательная дефиниция должна включать дифференциальные признаки понятия, при этом необходимо опираться на старинные словари XVIII в. и на данные исследований по отдельным отраслям, хотя здесь может возникнуть излишний энциклопедизм, чего следует избегать. Перекликается с этой статьей статья З.М. Петровой, в которой также говорится о разработке и представленности семантики слова в историческом словаре и о роли иллюстративного материала. Следующие четыре статьи знакомят читателя с проектами словарей: проект словаря русского языка XIX в. (Л.Л. Кутина, Ю.С. Сорокин), проект «Культурологического словаря русского языка XVII–

---

⁴ В значительной своей части эта статья содержит перечисление исследований, выполненных на материале Картотеки ДРС.

XIX вв. (Е.С. Копорская)⁵, проект словаря старинных русских мер (Г.Я. Романова)⁶, проект ономастического словаря (Г.П. Смолицкая).

Раздел о контактности культур открывает статья О.Н. Трубачева. В ней автор делится своими размышлениями по поводу ситуации в этимологической и исторической лексикографии, о ситуации в отечественной лингвистике. Статья посвящена юбилею В.И. Абаева, что дает повод говорить и о человеческом факторе в словарном деле. Однако это же ставит ее немного в стороне от других статей сборника. Статья М.И. Чернышевой рассказывает об изменении работы с переводными источниками в процессе работы над СлРЯ XI–XVII вв. В самом начале это было почти полное игнорирование греческих оригиналов, которое сменилось все большим их привлечением для понимания переводных текстов⁷. Контакту культур посвящена и статья С.С. Волкова, в которой говорится о записках иностранцев XV–XVII вв., содержащих лексику из разных сфер деятельности и окружающего мира. Более подробно автор останавливается на словаре Р. Джемса. Идея о сводном словаре заимствований высказана в статье М.В. Орешкиной, правда, автор говорит лишь о заимствованиях из языков народов СССР.

Следующий раздел включает несколько разнородные по своей тематике статьи, но широкое его название это допускает. Сюда вошли статьи об отражении в словарях традиционной крестьянской культуры (О.Д. Кузнецова, Ф.П. Сороколетов), о терминах традиционной культуры и включении в словарь фольклорного материала (А.А. Плотникова), об описании музыкальной терминологии XV–XVII вв. в лексикографических трудах (Л.П. Рупосова), а также об отдельных словах: *глава* — *голова* (О.И. Смирнова), *феникс*, *финик* и связанной с ними легендой (Л.С. Ковтун). Сюда же попала статья Е.Д. Конопчиной о грамматической конструкции с предлогом *от* + слово, обозначающее деятеля, распространенной в языке науки XVIII в.

И заключает сборник раздел об издании различных словарей, включающий скорее не рецензии, а презентации изданий.

Сборник 2000 г. вышел к 25-летию СлРЯ XI–XVII вв. и включает доклады и сообщения юбилейной конференции. На обложке его стоит цифра 4, а на следующем — 5, что может означать продолжение некоей новой серии, в которую, по-видимому, не входят предыдущие сборники. Поэтому остановимся на последних двух сборниках лишь вкратце, отмечая статьи, в которых затронуты те же проблемы, что и в предыдущих.

В сборнике 2000 г. отмечается важный момент — начало работ по компьютерной лексикографии, что показывают доклады студентов и преподавателей МВТУ им. Н.Э. Баумана, а также исследования лексикографов. Среди них

---

⁵ Выборочный словарь, в котором будут описаны ««кусочки» мыслительной жизни народа» (с. 89) при опоре на широкий круг источников этого периода.

⁶ Этот терминологический словарь издан: Романова Г.Я. Объяснительный словарь старинных русских мер. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017.

⁷ Дальнейшие исследования в этом направлении привели к накоплению материала по иноязычным заимствованиям в русский язык, и важным этапом нам видится работа по созданию «Электронного исторического словаря заимствованной лексики в русском языке XI–XVII вв.: грецизмы и полонизмы» (грант поддержан РФФИ).

можно отметить статью Ю.Н. Филипповича о создании электронного указателя источников картотеки ДРС и СлРЯ XI–XVII вв.⁸ Статья Л. Згусты посвящена путям развития лексикографии. В ней говорится о важности лингвистических исследований для лексикографии, для лучшего понимания лексики и будущее лексикографии автор видит в издании электронных словарей. Статья Г.Я. Романовой непосредственно связана с классической лексикографической практикой. В ней говорится о преодолении возникших вследствие порчи древнерусских текстов ложных прочтений и ошибочных слов при опоре на списки, новые издания и в случае ошибочного прочтения переводного текста — на оригинал перевода. Автор также говорит об ошибках в «Материалах» И.И. Срезневского, ссылаясь на статью О.И. Смирновой (из сборника 1984 г.), однако статья Г.Я. Романовой охватывает эту проблему шире.

Последний сборник 2002 г. составлен по материалам конференции, посвященной 75-летию Картотеки ДРС, и также в основном включает небольшие статьи-доклады. Развернутая статья Л.Ю. Астахиной подробно рассказывает об истории создания Картотеки ДРС и проблемам, связанным с составлением на ее основе словаря, концепция которого не раз менялась. Другие юбилейные статьи-доклады посвящены роли этой картотеки в других лингвистических исследованиях, а также другим картотечным собраниям и словарям, создающимся на их основе (большая картотека ИЛИ РАН — Р.П. Рогожникова; картотека исторического словаря украинского языка — О.В. Кровицкая; Псковского областного словаря — Н.Д. Сидоренская). О создании электронных справочников, в продолжение темы предыдущего сборника 2000 г., рассказано в статье К.Р. Галлиулина⁹.

Сборники, рассмотренные в статье, ознаменовали собой большой период работы составителей СлРЯ XI–XVII вв., который насчитывает 31 выпуск (от буквы А до буквы У). Работа над словарем не только сложна и интересна, она включает в себя обращение ко многим сферам знаний. Поэтому желание рассказать о проблемах, связанных с конкретным словом, группой слов, терминов, причем значительно шире, подробнее, чем в узких рамках словарной статьи, вполне оправданно и, возможно, даже более информативно для дальнейших научных исследований.

Литература

- Астахина Л.Ю. О семантических связях регионального слова // Русская региональная лексика XI–XVII вв. М., 1987. С. 145–154.
- Сороколетов Ф.П. Диалектный словарь в системе словарей национального языка // Теория и практика русской исторической лексикографии. М., 1984. С. 65–77.

---

⁸ Предварительные материалы были изданы в 2002 г. (Филиппович Ю.Н., Филиппович А.Ю. Электронный указатель источников рукописной древнерусской картотеки и словаря русского языка XI–XVII вв. М.: МГУП, 2002). Сейчас эта работа продолжена в рамках гранта РФФИ «Справочные материалы к Словарю русского языка XI–XVII вв.» (руководитель М.И. Чернышева) и ставит своей целью создание дополненного новыми данными, выверенного указателя, который поможет унифицировать и упростить подачу иллюстративного материала в словаре.

⁹ По указанным в статье параметрам подготовлено несколько изданий, которые стали одним из источников СлРЯ XI–XVII вв.

- Судаков Г.В. Критерии выделения и особенности организации лексических групп // Лексические группы в русском языке XI–XVII вв. М.: ИРЯ РАН, 1991. С. 23–34.
- Трубачев О.Н. Историческая и этимологическая лексикография // Теория и практика русской исторической лексикографии. М., 1984. С. 23–36.
- Трубачев О.Н. Регионализмы русской лексики на фоне учения о праславянском лексическом диалектизме // Русская региональная лексика XI–XVII вв. М., 1987. С. 17–28.
- Трубачев О.Н. Славянская этимология и праславянская культура // Историко-культурный аспект лексикологического описания русского языка. Ч. 1. М. ИРЯ РАН, 1991. С. 9–30.

Державина Елена Игоревна, канд. филол. наук; *Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, г. Москва, ул. Волхонка 18/2; ведущий науч. сотрудник Отдела лингвистического источниковедения и истории русского языка; e-mail: e_derzhavina@mail.ru*

Для цитирования. *Державина Е.И.* Сборники статей по исторической лексикологии и лексикографии 1984–2002 гг. // *Славянская историческая лексикология и лексикография.* 2020. Вып. 3. С. 327–336.

References

- Astakhina, L. Yu. (1987). On semantic relations of the regional word. In: *Russian regional lexicon of the 11–17th centuries*. Moscow: Nauka Publ., pp. 145–154. (In Russ.)
- Sorokoletov, F. P. (1984). Dialect dictionary in the system of dictionaries of the national language. In: *Theory and practice of Russian historical lexicography*, Moscow: Nauka Publ., pp. 65–77. (In Russ.)
- Sudakov, G. V. (1991). Criteria for the selection and organization of lexical groups. In: *Lexical groups in the Russian language of the 11–17th centuries*. Moscow: IRYA RAN Publ., pp. 23–34. (In Russ.)
- Trubachev, O. N. (1984). Historical and etymological lexicography. In: *Theory and practice of Russian historical lexicography*, Moscow: Nauka Publ., pp. 23–36. (In Russ.)
- Trubachev, O. N. (1987). Regionalisms of Russian vocabulary against the background of the teaching of proto-Slavic lexical dialecticism. In: *Russian regional lexicon of the 11–17th centuries*, Moscow: Nauka Publ., pp. 17–28. (In Russ.)
- Trubachev, O. N. (1991). Slavonic etymology and proto-Slavic culture. In: *Historical and cultural aspect of the lexicological description of the Russian language*. Vol. 1. Moscow: IRYA RAN Publ. pp. 9–30. (In Russ.)

Elena I. Derzhavina, PhD, Leading Research Officer, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, 18/2 Volkhonka str., Moscow, Russian Federation. E-mail address: e_derzhavina@mail.ru

For Citation: Derzhavina E.I. (2020). Digests on Historical Lexicology and Lexicography 1984–2002. *Slavyanskaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya* [Slavic historical lexicology and lexicography], 3, pp. 327–336. (In Russ.)

*Marina N. Priemysheva**М.Н. Приемышева*

**N. GRECH ON JOURNALISM AS
A "SPECIAL BRANCH OF
LITERATURE" IN THE HISTORY
OF THE 19th CENTURY RUSSIAN
LITERARY LANGUAGE**

**Н.И. ГРЕЧ О ПУБЛИЦИСТИКЕ
КАК «ОСОБЕННОЙ ОТРАСЛИ
СЛОВЕСНОСТИ» В ИСТОРИИ
РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО
ЯЗЫКА XIX ВЕКА**

Аннотация. В 1840 г. были опубликованы «Чтения о русском языке» Николая Ивановича Греча, которые можно рассматривать как один из самых первых трудов, посвященных истории русского литературного языка. В этом исследовании также впервые в истории русской филологической мысли рассматривается и русская публицистика, в том числе и в контексте ее влияния на русский язык.

В статье делается попытка рассмотрения данного труда Н.И. Греча как в контексте формирования традиции истории изучения русского литературного языка, так и в контексте исследований по языку русской публицистики и его влияния на развитие русского литературного языка.

Ключевые слова: русский язык XIX века, история русского литературного языка, историческая лексикология, история русской публицистики, Н.И. Греч

Summary. In 1840, "Readings on the Russian Language" by Nikolai Ivanovich Grech was published, which can be considered as one of the very first works on the history of the Russian literary language. This study also considers for the first time in the history of Russian philological thought Russian journalism, including in the context of its influence on the Russian language.

The article attempts to consider this work of N.I. Grech both in the context of the formation of the tradition of the history of the study of the Russian literary language, and in the context of research on the language of Russian journalism and its influence on the development of the Russian literary language.

Keywords: Russian language of the 19th century, the history of the Russian literary language, the historical lexicology, the history of Russian journalism, N. Grech

I

История русского литературного языка как самостоятельное направление истории отечественного языкознания формируется в самом конце XIX века как эволюционное продолжение жанра работ по истории русского языка (А.Х. Востоков, И.И. Срезневский, А.А. Потебня, Ф.Ф. Фортунатов, А.И. Соболевский, А.А. Шахматов, С.П. Обнорский и др.), как правило, ориентированных на рассмотрение проблем диалектной основы русского языка, историю его фонетической и грамматической систем.

К числу самых ранних работ конца XIX – начала XX в., которые традиционно рассматриваются как подготовительный этап формирования собственно «истории русского литературного языка», можно отнести работы по истории русской литературы (П.Н. Сакулин, А.С. Орлов, М.Н. Сперанский, В.М. Истрин и др.), а также исследования, в которых ученые обращаются к истории русского языка в контексте развития различных жанров русской литературы, словарного состава русского языка и лексико-семантических особенностей языка того или иного автора [Толстой 1982: 3–5]. К таким работам можно отнести исследования Я.К. Грота «Карамзин в истории русского литературного языка» (1867), С.К. Булича «Церковно-славянские элементы в современном литературном языке и народном русском языке» (1893), Е.Ф. Будде «Из истории русского ли-

тературного языка конца XVIII века», «Опыт грамматики языка А.С. Пушкина» (1901), П. Житецкого «К истории литературной русской речи в XVIII века» (1903), А.И. Соболевского «Ломоносов в истории русского языка» (1911) и некот. др. Среди таких работ следует особенно отметить исследование Е.Ф. Будде «Очерк истории современного литературного русского языка (XVII–XIX век)» [Будде 1908], не ставшее значимым исследованием в истории отечественного языкознания, но исторически ценное по двум причинам. Во-первых, исследование хотя структурно и продолжает жанр истории русского языка как исторической фонетики и грамматики русского языка, однако полностью выполнено на материале периодических изданий XVIII–XIX вв., что в истории жанра было осуществлено впервые. Во-вторых, в исследовании также фактически впервые в истории русского языка отдельное внимание уделяется лексике: истории отдельных слов и некоторым тенденциям в развитии словарного состава русского языка.

II

Первым фундаментальным обобщающим трудом по истории русского литературного языка в истории отечественного языкознания является работа В.В. Виноградова «Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.» (1934), в которой, по словам Н.И. Толстого, ученый «намечал непроторенные пути в развитии науки о языке, создавал новую дисциплину — историю литературного языка, не имевшую дотолем прочных основ ни в фактологическом, ни в методологическом плане» [Толстой 1982: 4].

Это не только методологически уникальный научный труд по истории русского литературного языка нового времени, в котором детально и последовательно рассмотрены и проанализированы этапы и направления развития литературного языка во взаимодействии доминирующих в тот или иной период языкового развития стилей и жанров, в том числе с учетом колоссального влияния на такое развитие и языка отдельных писателей (Н.М. Карамзина, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя и др.). Впервые, с учетом упомянутой выше традиции изучения истории русского языка и истории русского литературного языка, в этом исследовании осуществлено и теоретическое изучение роли газетно-журнальной публицистики в истории русского литературного языка XIX в. и определено ее влияние на формирование русского литературного языка, на развитие его словарного состава.

На основании анализа большого круга источников В.В. Виноградов очень убедительно устанавливает специфику и генезис русской публицистики первой трети XIX века: «С 30–40-х годов происходит перераспределение функций и влияния между различными жанрами русского литературного языка. Стих уступает свою ведущую роль прозе, а в прозе выдвигаются на первый план стили газетно-журнальной и публицистической речи. Публицистический язык формируется не на основе стилей официально-канцелярской речи, с которой он был раньше особенно тесно связан, а на основе синтеза языка художественной прозы с языком философии и науки... Развитие русского литературного языка во второй половине XIX века происходит в основном под знаком все расширя-

ющего влияния научной и газетно-публицистической прозы» [Виноградов 1978: 57–58].

Ввиду такого генезиса жанра становятся закономерными следующие направления формирования словарного состава русского языка этого периода:

- новая публицистическая фразеология формируется на базе общественно-политической, мировоззренческой, политической лексики, отражающей эволюцию общественной мысли (*прогресс, среда, гласность, инициатива, принцип невмешательства, дело, великое дело; шкурный вопрос, шкурный инстинкт*);

- разрабатываются лексико-фразеологические формы для выражения отвлеченных понятий;

- литературный язык обогащается новой «интеллигентской» лексикой и научной терминологией (*абсурд, альтернативный, аграрный* и т. п.);

- язык пополняется огромным количеством новых заимствований из общественно-политической, социальной и пр. сфер.

Роль языка русской публицистики XIX в., по мнению В.В. Виноградова, для истории русского литературного языка в целом оказывается очень важной потому, что с усилением авторского начала, с популяризацией жанра происходит постепенная демократизация литературной нормы и самое принципиальное изменение в лексико-семантической системе русского языка — изменение «семантической атмосферы» литературного языка в целом.

С учетом же специфики общей литературной ситуации в России, при которой, благодаря творческой популярности таких деятелей культуры и литературы, как А.С. Пушкин, В.Г. Белинский, Н.В. Гоголь, Н.А. Добролюбов, Н.Г. Чернышевский и др., жанр литературной журнальной критики приобрел черты философско-публицистического стиля и повлиял как на формирование особой языковой картины мира, так и на историю русской литературы в целом.

III

Однако в истории русской словесности есть труд, который не слишком широко известен лингвистам и не упоминается в работах по проблемам изучения истории русского литературного языка, но который можно с некоторыми оговорками отнести как к началу традиции истории изучения русского литературного языка, так и к традиции рассмотрения языка русской публицистики в контексте истории литературного языка. Речь идет об одной из поздних работ Николая Ивановича Греча «Чтения о русском языке» (Греч: 1840).

Лингвистам Н.И. Греч (1787–1867) известен, прежде всего, как автор многочисленных грамматик русского языка, которые наряду с грамматиками А.Х. Востокова стали в 1830–1840-е гг. основными учебными пособиями в русских школах и использовались в ряде школ вплоть до 60-х гг. XIX века. А издание «Пространной русской грамматики» (1827, 2-е изд. — 1830) позволило ему стать корреспондентом Императорской Академии наук.

В настоящее время Н.И. Греч более известен в истории русской журналистики и литературы. Он был создателем и редактором журнала «Сын Отечества» (с 1812 г.). С 1825 г. совместно с Ф. Булгариным он предпринял издание

газеты «Северная пчела» (до 1860 г.), в разные годы был редактором ряда томов Журнала Министерства Внутренних дел, «Энциклопедического лексикона» Плюшара, «Военно-Энциклопедического лексикона», журналов «Библиотека для чтения», «Русский вестник». Это позволило ему находиться в центре литературной жизни Петербурга и Москвы первой половины XIX в., стать участником противостояния шишковистов и карамзинистов на стороне Н.М. Карамзина, участником нескольких литературных обществ, дружить и общаться с А.С. Грибоедовым, В.А. Жуковским, А.С. Пушкиным, П.А. Вяземским, Н.А. Полевым и мн. др., стать автором весьма знаменитого в свое время романа в письмах «Поездка в Германию» (1831) и беллетристического романа «Черная женщина» (1834). Как отмечал В.Г. Белинский, «По нашему мнению, г. Греч не поэт, не ученый, но литератор, по достоинству занимающий в нашей литературе одно из видных мест и оказавший ей большие услуги» [Белинский 1953: 531].

«Чтения о русском языке» были опубликованы в 2-х томах в 1840 г. и представляют собой печатное издание 15 лекций Н.И. Греча, прочитанных им в декабре 1839 – марте 1840 гг. для «любителей российской словесности» в залах Второй петербургской гимназии и в залах Вольного экономического общества. Успех лекций был огромен, поэтому тексты лекций решено было опубликовать сразу после их окончания. В Предисловии к печатному изданию Н. Греч писал: «Я полагал, что буду иметь человек пятьдесят слушателей, которых число уменьшится мало по малу и растает в марте с зимним снегом. Вышло напротив: желающих пользоваться моими Чтениями оказалось гораздо более, и число их непрерывно возрастало. Предел им положило пространство в зале. В числе слушателей моих имел я счастье видеть и первых сановников государственных, и знаменитых ученых, и славных литераторов, и скромных любителей словесности» [Греч 1840: II]. Как отмечается в Предисловии, структура и содержание лекций в конечном итоге оказались зависимыми от мнения публики: автор предполагал выстроить курс последовательно — история русского языка, грамматика и история русской литературы. Однако лекции по русской грамматике показались слушателям недостаточно интересными, и автору пришлось, начиная с 5-й лекции, объединять лингвистический и литературный материал. Так, например, содержанием 5-й лекции были «Знаменательные и вспомогательные слова. Имя существительное. <...>» и «Рождение поэзии. Песни народные...», 6-я лекция — «Определительные слова имени существительного. Качественные слова. Имена прилагательные. Имена числительные. Местоимения» и «Начало русской лирической поэзии. Оды Ломоносова, Сумароков. Петров. Державин. Пушкин» и т. д.

Лекции имеют высокую как познавательную, так и историко-культурную ценность. В них обобщаются его концепция русской грамматики и его же история русской литературы по жанрам.

Первые лекции «Чтений», особенно лекции 2 и 3, представляют собой краткое изложение истории русского *литературного* языка. Историю русского языка до XVIII века Греч рассматривает в контексте проблемы языковых контактов, заимствования тех или иных языковых средств, тогда как начиная с XVIII века история русского языка постепенно переходит у автора в традици-

онную для современных филологов историю русского литературного языка: русский язык, особенности его развития, эволюции, рассматриваются Н. Гречем на примерах образцовых литературных произведений, «имевших влияние на Русскую словесность», например, для XVIII века, на примерах произведений А. Кантемира, В. Тредиаковского и М. Ломоносова.

Начиная с творчества Ломоносова, степень детализации стилистического анализа используемых языковых средств, традиции и новаторства слога поэтов или прозаиков становится очень высокой.

Особенной похвалы заслужил от автора лекций «человек, призванный к созданию русского слова», — Н.М. Карамзин. Греч приводит примеры «слога» Елагина, Фонвизина, образованных русских дам и критикует их за неуместные словоупотребления, тяжесть стиля и чуждость его русскому языку. Однако, по мнению автора, «Слог его <Карамзина> изумил всех читателей, подействовал на них, как удар электрический. В первый раз у нас заговорили языком, в котором не одни слова были русские. <...> Он увидел и доказал на деле, что русскому языку, основанному на собственных своих, а не на древних началах, свойственна конструкция новых языков, простая, прямая, логическая: что выразительность его склонений и спряжений дает ему право располагать слова по требованиям смысла, а не по словоизвитиям Цицерона. Ломоносов создал язык. Карамзину мы обязаны слогом русским»» [Греч 1840: 126–127].

Греч подробно и эмоционально рассказывает о возникновении истории противостояния шишковистов и карамзинистов, тем более что, со слов автора, он сам принимал в этой борьбе горячее участие. Мы узнаем от автора — очевидца этой борьбы, что конец ей был положен войной 1812 г., когда жизнь поставила во главу угла все исконное, народное, русское, в том числе и собственно русское слово.

Лекции насыщены интересными примерами современника историко-лингвистических событий, который с удивительным вниманием относился именно к истории русского слова. Иллюстрируя стиль сентименталистов, Н. Греч остроумно замечает: «Вам кажется это странным, смешным, приторным, а тогда это было в большой моде. Ныне молодые люди толкуют об *акциях*, о *железных дорогах*, о *стеарине*, об *асфальте*. Тогда спорили о *милой улыбке*, о *счастливом стихе*, о *звучной фразе*, и как важно, как запальчиво!» [Греч 1840: 143].

Характеризуя в красках и через призму личных воспоминаний и мнений языковую и литературную ситуацию начала XIX века, автор пишет о создании с конца XVIII в. «языка делового и дипломатического», о влиянии на развитие литературного языка созданных университетов, расцвета русского театра. Лучшими современными образцами русского языка и русского слова Н. Греч называет «Историю государства российского» Карамзина, комедии Хмельницкого, Грибоедова, перевод «Илиады» Гнедича, романы Булгарина, Загоскина, Вельмана, Полевого. «Но первое место в числе писателей нового времени, — по мнению автора, — принадлежит Пушкину» [Там же: 159]. Главной проблемой многих современных авторов Греч считает «принужденную вычурность и кудрявость» слова, неграмотность и незнание основ и строя русского языка.

Ценны для современных историков языка и некоторые другие факты, наблюдения и оценки Н.И. Греча как современника начала XIX в. Так, например, говоря о заимствованиях в русском языке, Греч отмечает их невероятное количество из языка французского, чуть меньше — из языка немецкого, однако из английского их практически нет: «у нас заимствовано немного слов английских: таковы относящиеся к морскому делу (*бимсы, блоки, болт, бушприт, брас, виндзейль* и мн. др.) и еще некоторые термины, которыми означаются предметы, исключительно принадлежащие Англии, например, *леди, денди, комфорт, пудинг, ярд*» [Там же: 49].

Однако уникальным и первым в истории русского литературного языка можно считать материалы последней лекции «Чтений», литературная часть которой была посвящена истории журналистики и ее месту и роли в истории русской филологии XIX века.

IV

В части II, литературной, последнего Пятнадцатого чтения представлена история европейской журналистики: от истории первых газет Рима до современной автору журнальной ситуации в России. В таком кратком и в то же время обобщенном виде обзор русских журналов первой трети XIX в. в аспекте их влияния на развитие русской литературы и отчасти — русского языка ранее нигде не был представлен: «Представлю обозрение одной отрасли словесности, которая вовсе не была известна и не могла быть известною древним, но которая сделалась возможною по изобретении книгопечатания ... но ныне угрожает если не истреблением, то жестоким притеснением всем прочим отраслям литературы. Я говорю об изданиях периодических, газетных, и журналах... В XIX веке распространилась литература особенного рода, легкая, журнальная, газетная. Огромные тяжелые фолианты XVII века, многотомные труды писателей XVIII заменились у нас книжками, книжечками, книжонками, листами, листиками, листочками, листищами. Все это летает или пресмыкается..., все это живет и движется» [Греч 1840: 365].

Литературу газетную и журнальную, издаваемую в современной ему России, Н.И. Греч подразделяет на три типа:

1. Газеты, или ведомости (новости, политические).
2. Ученые, литературные и художественные газеты.
3. Журналы, выходящие книжками и тетрадками не ежедневно, а в разные сроки.

Последние, в свою очередь, также делятся на три разряда: а) служащие для приятного и полезного чтения (посвящены изящной словесности), б) посвященные особой отрасли наук или искусств, в) критические издания.

Являясь современником первых шагов серьезной журнальной публицистики, Н.И. Греч кратко характеризует каждое значимое издание конца XVIII — начала XIX века, в том числе и с позиции языка.

Так, например, «Старинные сатирические журналы любопытны и достойны внимания тем, что сохраняют в потомстве образчики нравов, обычаев и языка своего времени». Из них мы узнаем, что «тогдашние модницы.. странствова-

ли по Гостиному Двору.., садились на лавках беседовать о нарядах и сердечных делах.., и пересмеяли проходящих... <...> В то время вошли в употребление слова: *бесподобный, радость, ужась*. Любезный, милый человек назывался болванчиком, и совсем не в укор» [Греч 1840: 382–383].

В 70-е гг. издавался «Санкт-Петербургский вестник» под редакцией Богдановича: «Слог и даже правописание этого издания были очень несовершенны» [Там же: 384]. А в «Московском журнале» (1791–1792), издаваемом Н.М. Карамзиным, «услышала русская публика в первый раз простой, ясный, благородный, правильный русский язык» [Там же: 385].

В 1799 г. «известный образованностью, умом и дарованиями своими литератор Панин издавал «Санкт-Петербургский журнал», в котором в первый раз начали появляться на русском языке статьи о государственном управлении, о политической экономии и других столь же важных предметах» [Там же: 386]. «По вступлению на престол Императора Александра Павловича, русская литература возникла с новою силою, с новым блеском, и началась собственная непрерывная русская журналистика, состоявшая дотоле из опытов, отрывков и неудач» [Там же].

1802 г. Н.И. Греч отмечает особенно: в этот год начал выходить «Вестник Европы» Н.М. Карамзина, полностью определивший дальнейшее развитие русской журналистики. Этот журнал открыл «эпоху журналов, имеющих идейное направление».

С точки зрения русского языка, Греч отмечает поэзию, прозу и критику таких литературных журналов, как «Московский Меркурий» (1803), «Северный Вестник» (1804–1805), «Цветник» (1809–1810), «Русский вестник» (1808–1824), «Сын отечества» (1812–1852), которые предлагали публике образцы «хорошего», «чистого, благородного слога...».

«Санкт-Петербургский вестник» (1812), в котором участвовали Д.В. Дашков, К.Н. Батюшков, П.А. Вяземский, В.Л. Пушкин, А.Х. Востоков и др., стал «поприщем оппозиции против распространявшегося тогда дурного вкуса в словесности, порожденного ложными понятиями о свойстве, достоинствах и различии языка церковно-славянского и русского» [Греч 1840: 391].

Со слов Н.И. Греча, после 1812 г. «журналы размножились до бесконечности и оправдали стих князя Горчакова:

*И наконец я зрю в стране моей родной,
Журналов тысячи, а книги не одной...*» [Там же: 393].

В 30-е гг. журналы становятся «органами общественной мысли». А с 40-х гг. начинается эпоха «толстых журналов» («Московский телеграф», «Отечественные записки», «Северный Архив», «Московский вестник», «Современник» и др.).

«Библиотека для чтения» сначала «возбудила большие надежды», но со временем, когда ее постепенно оставили все известные литераторы, «в ней стали проповедовать странные правила.., наконец вздумали переделывать в ней и русский язык, и в пример чистого, благородного слога выставялть какое-то белорусское косноязычие» [Там же: 396].

Такими ценными штрихами Н.И. Греч убедительно включал русские журналы в контекст развития русской филологии и особенно — в контекст развития истории русского литературного языка. И следует еще раз подчеркнуть, что делалось это в истории русского языка впервые.

Таким образом, журнальная литература и публицистика, охваченная Н.И. Гречем в «Чтениях о русском языке» в большей степени благодаря его личному интересу как издателя и журналиста-филолога, а не потребностями жанра, впервые системно включается в контекст изучения традиции истории русской литературы с учетом развития русского языка и тем самым впервые включается в традицию изучения истории русского литературного языка. Безусловно, это еще теоретически не осознанный опыт такого включения, однако опыт ценный и значимый, который, безусловно, необходимо учитывать в традиции истории изучения русского литературного языка.

Литература

- Белинский В.Г. Сочинения Н. Греча // Белинский В.Г. Полн. соб. соч.: в 13 т. Т. 2. М., 1953. С. 530–541.
- Будде Е.Ф. Очерк истории современного литературного русского языка (XVII–XIX век). СПб., 1908.
- Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М., 1978.
- Греч Н.И. Чтения о русском языке. Ч. 1–2. СПб., 1840.
- Толстой Н.И. О курсе истории русского литературного языка академика В.В. Виноградова // В.В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М., 1982. С. 3–10.

Приемышева Марина Николаевна, д. филол. наук; Институт лингвистических исследований РАН, 199053, г. Санкт-Петербург; Тучков пер. д. 9; заместитель директора; e-mail: mn.priemysheva@yandex.ru

Для цитирования. *Приемышева М.Н.* Н.И. Греч о публицистике как «особенной отрасли словесности» в истории русского литературного языка XIX века // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2020. Вып. 3. С. 337–345. DOI 10.30842/26583755202013

References

- Belinskij V.G. Sochineniya N. Grecha [Works by N. Grech] // Belinskij V.G. Poln. sob. soch.: v 13 t. T. 2. M., 1953. S. 530–541. (In Russ.)
- Budde E.F. Oчерk istorii sovremennogo literaturnogo russkogo yazyka (XVII–XIX vek) [Essay on the history of the modern literary Russian language (17–19 century)]. SPb., 1908. (In Russ.)
- Vinogradov V.V. Oчерki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vv. [Essays on the history of the Russian literary language of the 17–19th centuries]. M., 1978. (In Russ.)
- Grech N.I. Chteniya o russkom yazyke [Readings about the Russian language]. Ch. 1–2. SPb., 1840. (In Russ.)
- Tolstoj N.I. O kurse istorii russkogo literaturnogo yazyka akademika V.V. Vinogradova [About a course of history of the Russian literary language of the academician V.V. Vinogradov] // V.V. Vinogradov. Oчерki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vv. M., 1982. S. 3–10. (In Russ.)

Marina N. Priemysheva, Dr. of Sci. Phil., Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Vice Director; 9 Tuchkov per., 199053, Saint Petersburg, Russian Federation. E-mail address: iamalysheva@mail.ru

For Citation: Priemysheva M.N. (2020). N. Grech on journalism as a "special branch of literature" in the history of the 19th century Russian literary language. *Slavyanskaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya* [Slavic historical lexicology and lexicography], 3, pp. 337–345. DOI 10.30842/26583755202013 (In Russ.)

*Aleksandr C. Shaposhnikov**А.К. Шапошников*

**COGNATION OF THE CHURCH
SLAVONIC IDIOLECT (DISCOURSE
OF THE CHURCH SERMON) AND ITS
INFLUENCE ON THE OLD CHURCH
SLAVONIC LEXICOGRAPHY AND
LEXICOLOGY**

**ЯЗЫКОВОЕ РОДСТВО
ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО
ИДИОЛЕКТА (ДИСКУРСА
ЦЕРКОВНОЙ ПРОПОВЕДИ) И ЕГО
ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ
И ЛЕКСИКОЛОГИИ¹**

Аннотация. До сих пор в славистике и палеославистике нет ясного понимания места церковнославянского языка и дискурса среди славянских языков. Курьезы потоками изливаются на читателя со страниц уважаемых словарей цслав., ст.-слав., ст.-болг. языка. В исторических словарях-коллекциях типа СДРЯ и СлРЯ XI–XVII экскерпции из цслав. памятников (Остромирово Евангелие, Изборники Святослава 1073 и 1076 гг., Миней и мн. др.) сильнеешим образом искажают историю «др.-русск.» слов. В словарях цслав. и ст.-слав. языка Miklosich LP, Ст.-слав.сл. X–XI, SJS I–IV, ESJS 1–19 на каждом шагу цитируются ст.-болг. тексты, написанные в Великом Преславе и Охриде (напр., Супрасльская рукопись); глаголические памятники подаются в кириллической транслитерации. В СтбР I–II и МРСтбЕ столь же вольно цитируются глаголические тексты (напр. Синайское Евангелие), зачастую сев.-цслав. происхождения, в кириллической транслитерации. Каждый из вышеперечисленных словарей претендовал на фундаментальность и новаторский критический отбор лексического фонда. В результате все же вышла мешанина и «мультипликация» лексических сущностей. Не лучше обстоит дело и в лексикологии цслав. языка, примером чего являются публикации краковского проф. В. Маньчака. Лингвостатистика В. Маньчака представила некоторые фундаментальные положения, так и не осмысленные палеославистами.

Ключевые слова: церковнославянский идиолект, дискурс церковной проповеди, языковой ареал, глаголица, буквы, диграфы, лигатуры, лексические проникновения, заимствования, фонетическая субституция.

Summary. There is still no clear understanding of the place of the Church Slavonic language and discourse among the Slavic languages in paleoslavistics. Curiosities pour onto the reader from the pages of the respected dictionaries of Old Church Slavonic, Old Slavonic, Old Bulgarian language. In historical collection dictionaries of the SDRY and the Sl 11–17 excerpts from Church Slavonic texts (the Ostromir Gospel, Svjatoslav Izborniki 1073 and 1076, Menologies, and many others) greatly distort the history of the "Old Russian" words. In the Church Slavonic and Old Church Slavonic dictionaries Miklosich LP, St.-slav. sl. 10–11, SJS I–IV, ESJS 1–19 the Old Bulgarian texts written in Veliki Preslav and Ohrid (for example, Supraslsky manuscript) are quoted at every entry; Glagolitic texts are given in Cyrillic transliteration. Glagolitic texts (for example, the Sinai Gospel) are just as negligently cited in the Old Bulgarian Dictionary 2 vols and Consize Dictionary of Old Bulgarian Language, in Cyrillic transliteration. Each of the above dictionaries claimed to be fundamental and innovative critical selection of the lexical fund. As a result, the mishmash and "multiplication" of lexical entities came out. This situation is no better in lexicology of Old Church Slavonic language, the good illustrations of which are the publications of Krakowian prof. Witold Manczak (Mańczak 2004: 159; Idem 2008: 28–58, 143). Never the less, the linguistic statistics of W. Manczak presented some fundamental points that were not comprehended by paleoslavists.

Keywords: Church Slavonic idiolect, discourse of the church preaching, language area, Old Church Slavonic lexical fund, Glagolitic alphabet, letters, digraphs, ligatures, borrowings, phonetic substitution.

В мае 2019 г. автор этих строк предпринял путешествие к епархиальному центру Паннонии, чтобы осмотреть современное состояние памятников того места, в котором творили Константин Философ и архиепископ Мефодий, где появился на свет церковнославянский язык и дискурс, где было изобретено глаголическое письмо и где должен находиться гроб Мефодия. По результатам этого посещения было подготовлено сообщение [Шапошников 2020b].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00059 «Лексика славянских языков как наследие и развитие праславянского лексического фонда: словообразовательный, семантический и этимологический аспекты анализа в лексикографическом представлении».

Тысячи туристов ежегодно осматривают базилику каролингской эпохи в Секешфехерваре, без понимания того, что перед ними. В 1967 году при строительстве нового здания Венгерского национального банка в центре Секешфехервара в нескольких метрах от коронационной базилики XI в. была вскрыта трехнефная базилика каролингской эпохи (IX в.). Слева от входа в церковь, в абсиде центрального нефа, находится ковчег с захоронением. Оказалось, что каменные столпы для этой базилики были доставлены с римских руин по дороге из Corsium в Aquincum и даже из руин римских городов Arrabona и Brigetio. Ныне объект включен в состав террена Szent István Király Múzeum (Royal Basilica of Székesfehérvár). Если в каролингскую эпоху церковь была под зданием Национального Банка, то и старейшее кладбище венгров X–XI вв. также тянулось по дороге на Móri [Fitz 1967/8: 55–56; Bakay 1967/8: 72–80].

Согласно «Проложному житию Константина и Меѳодія» и «Житию Меѳодія», смерть постигла архиепископа 06.04.885 в Велеграде Паннонском. Потом, когда ученики положили его в ковчег и воздали ему соответствующие почести, отслужили траурный обряд на латинском, греческом и славянском языках и поместили его в главном храме Велеграда. С того времени он лежит в большом храме с левой стороны в стене за алтарем Святой Богородицы.

Археологическое подтверждение этим житийным указаниям чехословацкая палеославистика безуспешно искала в дюжине мест: 1 в самой старой церкви моравского Velehrad'a (базилика освящена в 1205 г.) (Grivec 1927); 2 в велеградской капелле «Господня Вечеря» якобы прежде «Cyrilika»; 3 в руинах Модранской церквушки начала IX в. в 1 км от Велеградской базилики 1205 г. (Nevěřil 1940: 76–80; Cibulka 1958: 29); 4 в руинах церквушки на гряде Св. Климента (Klementek) в 12 км к зап. от Велеградского Монастыря (Brazdil, Šechmanek 1903; Ondruš 1965); 5 в руинах церкви и кладбища в Zarazice в долине р. Моравы близ Uherske Hradište (Homola 1931); 6 за алтарем церкви в Борщице в 4 км к югу от Велеграда (Příkril 1932; Hrubí 1965: 147; Hanák 1948); 7 в окрестностях Osvětimani у монастыря Св. Климента (Filip 1932; Adámek 1934; Hrubí 1965: 147; Měřinský 2006: 771); 8 в руинах церкви в Sadi и Uherske Hradište (Hrubí 1970: 91–92; Veselý 1981, 1985, 1989: 73, 81; Galuška 1996: 27–29, 118–125; Dacík 1997: 81–83, 89; Špičák 2000); 9 в ротонде Св. Екатерины XI в. в комплексе Sadi (Zastiera 1984: 17; Beranová 1988: 151; Klíma 1993); 10 в церковном комплексе в Mikulčice (Cibulka 1963; Klanica 1970; Poulik 1975: 77); 11 в зап. Словакии (T'ážky, Zrubec 1997: 158–166); 12 в Белграде и в Сремской церкви, Сербия [Boba 1971; Idem 1973: 393–397]. Притом что историкам прекрасно известно, что белые хорваты и мораване Великой Моравии ко времени учительской миссии Константина и Мефодия уже около 30 лет были крещеными и имели церковный округ с кафедрой в Нитре. Бесплодные поиски гроба Мефодия в Чехоморавии явно показывают, что ищут не там [Klanica 1994; Klanica 2002; Кланица 2008; Kralčák 2014]. Источник ошибки коренится в неправильной интерпретации топонима.

Топоним *Велеградь* цслав. текстов (переводов греч. текстов!) — результат литературной фикции, буквальной транслитерации среднегреческого произношения письменного Βελγυράδι / Βελέγυραδον, т. е. оригинального антского топо-

нима *bělygradъ (одноеровый пошиб), *Бѣльградъ*. Городов с таким названием в префектуре Иллирик было несколько.

В первую очередь *Велеградъ* = *Бѣльградъ*, сред.-греч. Βελγράδι / Βελέγραδον (X в.) = *Albam civitates* в бывшей провинции Паннония (*Wesperen... atque Albam civitates* 1009 AD; *in ipsa regalis sedis civitate que dicitur Alba* 1077–1083 AD; *feheruaru* 1055 AD, ныне *Székesfehérvár*, Fejer), т. е. Секешфехервар в обл. Фейер, Венгрия [FNESz II, 546]. 1200–1000 лет тому назад в той местности была целая агломерация городов и именовалась она на анто-слав. наречии, вероятно, *Бѣльградъе* (*Alba civitates*). После захвата провинции венграми в этом многоградье иногда бытовала и королевская резиденция (*regalis sedis*). Самый вероятный кандидат на место служения и погребения архиепископа Паннонского Мефодия именно этот *Бѣльградъ*.

Во вторую очередь — *Велеград* = *Бѣльградъ*, сред.-греч. Βελέγραδον (X в.) город в феме Делматии — ныне *Biograd-na-moru* в Хорватии. Как следует из Вселенских Хроник, с 875–876 г. власть Константинополя была в далматинских городах вполне реальной. Не этим ли объясняется причудливый феномен сохранения глаголических письменных памятников именно в феме Делматия, где нашли себе пристанище некоторые ученики Мефодия и привилась церковно-славянская традиция.

В третью — *Велеград* = *Бѣльградъ*, сред.-греч. Βελγράδι (Константин Багрянородный, X в.), *Albam Bulgariae* (1150 AD); *Castrum Nandoralbense* (1336); *Nandurfebruar* (1357); *Nándorfehérvár* бывший *Singidunum* в провинции Верхняя Мёзия, ныне Београд, столица Республики Сербия. В этом Велеграде Имре Боба предлагал искать главный храм и гроб Мефодия [Boba 1971; Idem 1985: 5–21; Idem 1985: 59 seq.]. Этот топоним *Бѣльградъ* в виде *Belgrade* (Isaak Tirion 1733), *Belgrat* (Rumelia) был перенесен на городок в провинции Европа сербскими переселенцами.

В четвертую — *Велеградъ* = *Beli grad*, такой город, вероятно, существовал и в рамках Карантанской марки (где-то в пределах современной Р. Словения?) до венгерского нашествия. О нем сохранились лишь глухие воспоминания в словенском фольклоре (в народных песнях) *beli grad* [Pleteršnik I, 17], что позволяет угадывать в нем всё тот же 1-й Бѣльградъ.

Этот стереотипный антославянский топоним восходит к словосложению **běly(jь) gradъ* или сложному позднепраслав. (сев.-слав.) топониму *bělygordъ [ЭССЯ 2: 78–79] < раннепраслав. **b'ālas gardas*. Такое же словообразование представлено русск. топонимами *Белгород* Днестровский (греч. калька Αστροκάστρο отм. уже в 940-е гг.) и *Белгород* в России. Вне пределов префектуры Иллирик еще известны сложные топонимы с соединительным -о-: чеш. *Bělohrad*, курортный город в Чехии, и поморск. *Białogard* — город в Польше.

Приходим к выводу, что цслав. книжный язык и дискурс церковной проповеди были разработаны византийскими «первоучителями» славян в паннонском Бѣльградъе, в церковном диоцезе и церковной юрисдикции римского патриархата.

На какой из существующих славянских языков более всего походил цслав. язык и дискурс, а следовательно, и говор жителей паннонского Бъльградья? Один ответ обретаем в данных лингвистической статистики.

Краковский профессор В. Маньчак подчеркивает наибольшую близость к церковнославянскому сербохорватского (1025 лексических тождеств) [Mańczak 2004: 157–158].

Другой язык, который имеет наибольшее количество цельнолексемных тождеств с церковнославянским, — современный словенский язык церковной литературы (962 изоглоссы, значительно меньше церковносербского). И, следовательно, словенская церковная книжность и дискурс достаточно близки церковнославянскому языку и дискурсу.

Я же прихожу к несколько иному выводу. Живой говор паствы Константина и Мефодия в паннонском Бъльградье 860–880-х гг. был не славянского, а антского происхождения, т. е. был ближайшим родственником именно сербохорватских живых диалектов и церковносербского дискурса. Поэтому глаголическое одноеровое письмо было достаточным для обслуживания именно сербохорватской книжности, что подтверждается фактом успешного использования этого письма даже в католической Хорватии средних веков.

Несмотря на многовековую традицию изучения церковнославянского языка, его происхождение и место среди других славянских языков по-прежнему не получили однозначного определения. Приступая к рассмотрению данной проблемы, следует начать с точного определения объекта исследования. Сущностное определение церковнославянского языка: церковнославянский язык — это авторский идиолект для культового употребления в религиозной общности, ориентированный на носителей антских и славянских говоров Паннонии (тогда в составе Великой Моравии) и всей бывшей префектуры Иллирик.

Для сравнения приведу сущностное определение объекта изучения тридцатилетней давности: «Старославянский язык — это условное название языка древнейших славянских переводов богослужебных книг с греческого языка, которые выполнены в середине IX столетия. Из этого определения следует, что старославянский язык был специально создан для нужд христианской церкви как язык книжно-литературный» [Хабургаев 1986: 5].

Почему авторский идиолект? Потому, что он создавался одним-двумя конкретными изобретателями (Константин и Мефодий) и несколькими их учениками, при этом авторский характер имеет язык и дискурс церковной проповеди, а также письмо (глаголица). Ближайший аналог — книжный готский язык переводов Вульфила в Томах.

С какой целью был создан этот авторский идиолект? Для использования в культовых и религиозных целях, для создания религиозной книжности, для обслуживания христианской словесности всех видов (в первую очередь для перевода евангелий, псалтыри, молитвословов, поучений, литургий).

Какому социуму было адресовано данное изобретение? Создатели авторского идиолекта надеялись, что их должна будет легко понимать паства Панно-

нии (в составе Великоморавского княжества) и разноплеменное население провинций и диоцезов бывшей префектуры Иллирик (напр. Блатьничьское княжество), упорно не воспринимавшее религиозную пропаганду и агитацию на латинском и немецком языках. Отличие церковнославянского идиолекта Константина от церковного готского идиолекта Вульфила состоит в том, что Вульфила действительно переводил на свой родной язык и для общности готв Малой Скифии, в которой он и проживал. А Константин и Мефодий изобретали письменность и книжный язык для далекой неведомой им страны, население которой говорило на языке, напоминавшем говоры славянских поселенцев Греции, но всё же заметно отличном от них.

Так как в середине IX в. префектура Иллирик от Эллады и Македонии до Далмации, Норика и Паннонии была заселена преимущественно племенами, носителями антских диалектов (Далмация, Паннония Савия), реже славянских (Ахея, Фессалия, Эпир, Норик), то и авторский идиолект должен был быть аналогичного типа.

Из сущностного определения церковнославянского языка явно следует, что нет смысла искать конкретный «родной диалект» Константина и Мефодия, взятый за основу авторского идиолекта, и таким способом определять точное место церковнославянского в кругу славянских языков. Перед нами лингвистический объект другой природы — искусственное наддиалектное койне, рассчитанное на обширный диалектный ареал с заметной диалектной вариативностью. А место этого искусственного авторского идиолекта в кругу естественных славянских диалектов и их языков потомков определяется относительно, но не абсолютно.

Можно задаться вопросом: применимы ли к искусственному авторскому идиолекту обычные методики определения степени языкового родства? Непонимание этого явления приводило к бесплодным поискам языка-основы, предкового вида церковнославянского литературного языка. За полтора столетия было выдвинуто несколько «теорий» происхождения цслав. языка.

Со времен Ернея Кóпитара (1780–1844) и Франьо Мíклошича (1831–1891) развивалась вполне здравомыслимая гипотеза паннонского происхождения старейших письменных памятников цслав. языка, а предковым видом было предложено считать естественные наречия Паннонии той поры, как тогда казалось, близкородственные современным словенским диалектам. Этот предковый вид было предложено именовать старославянским языком.

В середине XX в. паннонская теория происхождения церковнославянского языка была скоропалительно отвергнута как несостоятельная, большее распространение получила болгаромакедонская теория, которую аргументировали на основе фонетики: праслав. *tj, dj* > цслав. *št, žd*; праслав. *ě* > цслав. *'a*; относительно точное разграничение двух еров *ъ, ь* [Lehr-Spławiński, Bartula 1959: 4; Алексеев, Мещерский 1973: 100–103].

Уже более ста лет тому назад славист В. Облак думал, что установил староболгарскую природу родного языка Константина и Мефодия до мельчайших деталей. Более внимательный Вартослав Ягич предполагал, что родной диалект Константина и Мефодия происходит из какой-то местности между Константи-

ноподем и Фессалоникой. Многие хорватские и болгарские филологи опирались на прямые указания контекстов IX в. о том, что греки «солуняне говорили чисто по-славянски» [Žitja 1985: 5–6], и делали отсюда буквальный вывод о том, что в основе цслав. лежит говор солунских славян. Б. Цонев, а за ним И. Гъльбов утверждали, что Константин и Мефодий писали не на староболгарском диалекте, который был в употреблении в Салониках, а на разговорном наречии населения гораздо севернее этого города, наречии, от которого доньше сохранились следы в определенных диалектах болгарской части Родоп [Гъльбов 1963: 221]. Сначала немецкие, а за ними и болгарские исследователи стали пространно рассуждать о «староболгарском наречии Константина» [Hoffer, Margarithoff 1980; Хофер, Маргаритов 1989: 13, 25–26, 56–57].

В советском учебном пособии для студентов филологических специальностей педагогических институтов 1986 г. сказано буквально так: «Основой этого книжного языка мог быть язык македонских славян IX в. (Салоники, где, как предполагают, родились братья, расположены в Южной Македонии). Однако нельзя отрицать и возможного знакомства первоучителей с языком прибывших мораван» [Кондрашов 1986: 42].

Другое учебное пособие по старославянскому языку так отвечает на вопрос о диалектной основе старославянского языка: «...Константин должен был ориентироваться на известный ему диалект, т. е. на диалект солунских славян, который, можно думать, и является живой основой первых переводов». Далее автор прямо указывает на болгаромакедонскую основу старославянского языка [Хабургаев 1986: 21–22].

В исторической грамматике болгарского языка Ж. Фёйе [Feuillet 1999: 11] также на основе фонетических аргументов отождествлены церковнославянский (ст.-слав.) и староболгарский (ст.-болг.) языки. Вновь на первом месте аргумент рефлексов *tj*, *dj* – *št*, *žd*.

Категорические утверждения о староболгарской основе старославянского языка встречаются до недавнего времени [Аверина 2008].

Случались опыты компромиссных ответов на вопрос о первоисточнике цслав. языка. Краковский профессор В. Манчак в специальной публикации пишет: «Анализ родственной лексики в параллельных текстах привел меня к выводу, что цслав. язык представлял собой компромисс между македонско-болгарским диалектом и диалектом моравско-паннонским. Солунские братья Константин и Мефодий очевидно переводили с греческого на известное им македонско-болгарское наречие, но позднее в своих переводах допустили некоторые модификации, чтобы сделать свои переводы лучше понятными для жителей государства Ростислава и государства Коцела» [Mańczak 2004: 159]. Практически проф. Манчак констатирует искусственную природу цслав. языка, продолжая при этом поиск естественных предковых диалектов. Он предполагает, что первые переводы были сделаны на известное Константину и Мефодию македонско-болгарское наречие. Однако методика, на основе применения которой В. Манчак пришел к таким выводам, совершенно недостоверна! Я вынужден уделить ей больше внимания, так как она может ввести в заблуждение и других славистов.

В специальном теоретическом сюжете «Природа языкового родства» проф. В. Маньчак [Mańczak 2008: 28–58] опровергает положение Лудольфа (XVII в.!) о том, что языковое родство определяется не по словарному запасу, а только по грамматике. Уважаемый автор противопоставляет этой устаревшей догме свое правило: языковое родство доказывается на уровне корня слова и путем подсчета слов в параллельных текстах. Этому была посвящена большая публикация профессора в 1992 г. Может быть, это актуально для польской лингвистики, но в отечественной традиции это уже давно пройденный этап сравнительно-исторического языкознания. Позволю себе не согласиться с уважаемым автором и в целом, и в частности, отвергнуть его итоговое умозаключение о предпочтительном методе установления истинного языкового родства [Mańczak 2008: 41].

По моему глубокому убеждению, языковое родство констатируется наиболее достоверно и точно на основании комплекса регулярных соответствий на фонологическом, морфологическом, лексическом уровне сопоставляемых языков. Только такой комплекс регулярных соответствий является необходимым и достаточным условием для констатации языкового родства. Всякое однобокое обоснование языкового родства, будь то на уровне только фонетики, или на уровне грамматики, или на уровне корня, неизбежно приводит к ошибочным, а в лучшем случае к относительно истинным, приблизительным определениям. Именно на таких однобоких, может и необходимых, но недостаточных, основаниях и сделаны «парадоксальные» выводы проф. Маньчака о родстве некоторых языков [Mańczak 2008: 28–35].

Первое: методически совершенно неприемлемо доказательство языкового родства на основании сопоставления небольших параллельных отрывков текстов, к тому же переводных, к тому же из области тоталитарной, унифицирующей религиозной традиции. Эти сравниваемые отрывки из евангелий [Mańczak 2004: 109] — крайне неподходящий материал для доказательства языкового родства, как и разноязычные переводы древнееврейских молитв псалтири, некогда использованные в подобных целях. Это слишком специфические тексты, в них слишком много искусственного, волюнтаристского, нарочитого, универсально безличного. Вопреки мнению уважаемого автора, в деле сопоставления лексики сравниваемых языков лучше уж использовать словари, чем параллельные отрывки косноязычных и невнятных переводных религиозных текстов.

Второе: сравнивая лексику из текстов переводов школы Константина и Мефодия с лексикой текстов современных переводов на славянские языки, следует выяснить сначала, с латинских или греческих текстов они были выполнены переводчиками, учитывался ли при этом цслав. перевод IX в. или игнорировался, не является ли некий современный перевод евангелий всего лишь переложением и редакцией ветхого церковнославянского перевода. А ведь от этого напрямую зависит эпидейктическая убедительность сопоставления лексики. В. Маньчак не поясняет, сверялись ли с цслав. переводами переводчики из лона католической церкви Лужицы, Польши, Чехии, Словакии, Словении, Хорватии, переводя с латыни. А современные «православные» переводчики Сербии, Македонии, Болгарии, Украины, Белоруссии переводили с греческого наново (!?)

или просто сделали переложение и редакцию цслав. текстов? Я уверен, что лексика современных переводов религиозных текстов Хорватии и Сербии должна качественно и количественно отличаться (должны быть разные статистические данные, а не одна строка). А использованный В. Маньчаком современный русский перевод евангелий был всего лишь переложением старого цслав. текста. Отсутствие этой конкретики в подборе текстов для сопоставления параллельных отрывков обесценивает все статистические результаты, делает их совершенно ненадежными. Нет чистоты эксперимента!

В-третьих, даже из полученных порочной методикой статистических данных проистекают противоречивые, двусмысленные и парадоксальные выводы.

Если подходить к полученным статистическим данным формально, то получается, что современный русский перевод евангелий ближе всего к переводам школы Константина и Мефодия (1065 лексических тождеств), и следовало бы предположить, что в основе «родного» диалекта солунских братьев лежал некий «восточнославянский» диалект. Если еще припомнить, что в непосредственной близости от Солуни расселялись *дреговичи (другувиты)*, а к северо-востоку — *смоляне*, то это утверждение не будет выглядеть абсурдным. Ведь это подразделения северовосточных племен дреговичей и смолян [Трубачев 2005: 74, 102, 104]. Да еще к тому же эти древние диалектные общности обособились в старом центре восточнославянского языкового ареала (кривическо-северского), где зародился и откуда распространился восточнославянский языковой тип как таковой. Пусть ранняя миграция 580-х гг. смолян и дреговичей в окрестности Фессалоники не могла не отразиться на фонетическом облике лексики, но могла и не затронуть само словоупотребление. Не отсюда ли столь мощное церковнославянское — восточнославянское лексическое взаимопроникновение? Но В. Маньчак сразу отрицает возможность такого цслав. глоттогенеза, ссылаясь на «огромное» историческое влияние и воздействие цслав. на русск. язык. Русский языковой вид исключается категорически из списка возможных предков церковнославянского [Mańczak 2004: 156–157].

1025 лексических тождеств объединяют церковнославянский и церковносербский (сербохорватский у В. Маньчака) языки. Если подойти к этому явлению с предшествующей позиции, то можно было бы утверждать, что перед нами результат огромного влияния цслав. на церковносербский, а предковый вид сербохорватского не являлся предковым видом церковнославянского. В данном случае проф. В. Маньчак подчеркивает наибольшую близость сербохорватского к церковнославянскому [Mańczak 2004: 157–158], но трактует этот заметный факт неожиданно, как бы «перелетев» через сербохорв. ареал: церковнославянский язык есть компромисс между македонско-болгарским и паннонско-моравским (sic!)

Третий язык, который имеет наибольшее количество цельнолексемных тождеств с церковнославянским, — словенский (962 изоглоссы), и, следовательно, его предковый паннонский вид имеет все шансы быть предком церковнославянского языка, что проф. Маньчак подкрепляет фонетическим аргументом *št, žd* в славянских заимствованиях в венгерском: *Pešt* [Mańczak 2004: 158–159]. Почему при этом не допускается «огромное влияние» цслав. на церковно-

заимствования могли появиться в венгерском из самого староболгарского 900–1000 гг., так как венгры захватили болгарские территории в Потисье, или из волошских диалектов, которые в свою очередь заимствовали из староболгарского.

В самой глаголице имелся только знак ^{III} (как полагают, заимствованный из самаритянского письма, а, по моему мнению, восходящий к знаку «шай» коптского письма) и диграф ^{III}Ѣ шь. Но использовались они для передачи палатализованных *sj* и *xj* соответственно, ср. польск. *ś* в *ślad, ślepy, ślimak, ślub, śmiech, śnieg, śpiew, średni, świat*.

Первичное качество звука глаголич. **Ѧ** (Ѧ), похоже, мотивировано греч. произношением! Но эта буква вполне могла звучать аналогично сербохорватскому *h/ć* «мягче русского ч». Ее звонкая пара передавалась глаголическим диграфом **Ѣ** (Ѣ) «г'ервь» (также дань греч. произношению) и могла звучать аналогично сербохорватскому *h/ǰ* «как слитно произнесенное джь». В преславском традиционном правописании наблюдаем систематическую субституцию этих цслав. глаголич. букв посредством **шт**, **ци** и **жд**.

Эти наблюдения побуждают усомниться в утверждении, что «родной» говор создателей цслав. письменности и книжности относился к староболгарской группе диалектов, был близкородственный македонско-болгарской языковой группе современности.

Аргумент «ять» также двусмысленный. Ведь относительно последовательное различие качества звуков, передаваемых буквами **Ѣ** и **Ѧ**, обнаруживается в «кириллических» текстах староболгарского извода. А в глаголическом письме не было возможности их дифференциации, так как употреблялся один знак **Ѣ**, точное качество звучания которого трудно установить за давностью лет. К тому же славянская вариативность *я ~ е* — это родовая черта, восходящая к аллофонному варьированию раннепраславянских фонем *'a* (< и.-е. *e) и *'ā* (< и.-е. *ē, *ai, *oi, после утраты различий долготы / краткости совпавших в некоей фонеме *æ*). Именно последнее качество звука, передаваемого буквой **Ѣ** «ять», предполагает авторский идиолект Константина, что не дает оснований относить его однозначно к одному из двух балканских ареалов, разделенных условной «ятовой границей».

Наиболее впечатляющий морфологический аргумент — цслав. формы морфем неопределенного наклонения глаголов на **-ати**, **-Ѧти**, **-Ѣти**, **-ити**, аналоги которых прекрасно сохраняются поныне в сербохорватском и словенском. В славянских говорах Греции есть все признаки давней сильной палатализации этих глагольных окончаний (*-at, -it*: *γλαδάς, γιδιλίς, κοσσίς, πρισκαλίς, προутσαλίς, σβαρνίς, σμπορίς, σίουμαλίς, τσουλίς, ζαρίς, ζουλίς*), аналогичные мутации претерпели слвц. (*-at', -ět', -it'*), в.-луж. (*-ac', -'ec', -'ěc', -ic'*), н.-луж. (*-as', -'ěs', -is'*), польск. (*-ac', -iac', -ieć, -ic'*) языки. Все эти диалектные тенденции были присущи их предковым видам. Болгарско-македонские говоры и диалекты давно претерпели утрату этих морфем в результате языкового союза с восточнороманскими диалектами. Цслав. авторский идиолект никак не отразил эти тенденции.

Существенной характерной чертой церковнославянского авторского идиолекта является греческий литературный синтаксис, большой и малый, а также

ѣ ꙗе, ѣ шь, ѣ им) для вариантов фонем представляется излишней. Диграф ѣ передает крайне редкий вариант фонемы [љ] < [j] в специфической позиции в слове, к прим., сербохорв. зѣмља, словен. zemlja из праслав. *zemja, или рус.-цслав. объѣмлю из праслав. диал. *obyjъmjо. Судя по примеру глаголической «Азбучной молитвы» Константина Преславского (893 г.), его ученики не уяснили себе этот случай и не понимали ни обозначаемое явление, ни порядковое положение диграфа (между «и» и «к»!). Диграф ѣ для мягкого йотированного варианта фонемы [р'] также совершенно излишен (использовался только как числовой знак 800) [Kempgen 2008: 65–82]. Оказался излишним и диграф ѣ шь, который, судя по примерам употребления (шьствооѣ), обозначал смягченный вариант фонемы [ś] в особой позиции на месте праслав. [χj-], а не [щ] или [шт]. Диграф ѣ им для смягченного варианта фонемы [m̃] с исчезающим анлаутным йотом (*jътени из *hътени) также не имел шансов остаться в общеупотребительной азбуке. В итоге имеем 19 неудачных графических решений Константина Философа при создании глаголического письма для «славянского» языка.

Для какого славянского диалектного ареала была изобретена такая письменность? Этим вопросом двести лет задавались классики славистики.

Такие казусы глаголической азбуки, как ее греч. состав и порядок, наличие неупотребительных «традиционных» букв типа стигмы ѣ (ς), двух ѣ ѣ (η, ι), диграфа ѣ (ου), омеги О (ω), особенности произношения з'е (как греч. γα-, γε-, γει-, γη-, γι-, γοι-, γυ-), к'е (как греч. κα-, κε-, кей-, κη-, κι-, κοι-, ку-), п'е (как греч. πά, πió, ποίος), выдают руку создателя-грека. Эти характерные черты не следует проецировать на славянский диалект-адресат: это результаты интерференции родного языка автора азбуки.

И лишь несколько редких графических характеристик выдает диалектный ареал языка-адресата: диграф ѣ (ље) отсылает к хорв. zѣmļa, хорутан. (словен.) zemlja; диграф ѣ (шь) — к белохорв. (н.-луж.) ś; стигма ѣ, если она не всецело дань греческой традиции, — к белосерб. (в.-луж.) dź; диграф ѣ (им) — к белохорв. (н.-луж.) tѣna, белосерб. (в.-луж.) tjeno, чеш. диал. jтene, jтѣno, тe-но. Бѣльградская фонема [ě], вероятно, имела тенденцию превратиться в ie (по словацкому типу).

Едва ли искусственный идиолект Константина 863 г. был рассчитан на предковые виды верхнелужицких и нижнелужицких диалектов. Хотя в то время церковный идиолект с глаголическим письмом вполне бы подошел и для тех белохорватских и белосербских диалектов. Даже глаголические буквы ѣ, ѣ ѣ ѣ подходили бы для передачи этимологических в.-луж. dź, ć и н.-луж. ź, ś. Буквы ѣ «ять» было бы достаточно для передачи моравской фонемы [ě], давшей исторические ст.-чеш. ie, í.

Попробую описать целевую аудиторию, для которой Константин в 863 г. создавал авторское письмо (глаголицу) и выработывал нормативное наддиалектное койне.

Формальный ответ на поставленный вопрос о целевой аудитории глаголицы таков: глаголическое письмо изобреталось автором-греком для старых диалектов епархии Паннония (Бѣльградъ = Секешфехервар тогда в составе Вели-

коморавского княжества) и Блатъничьского княжества (область озера Балатон, тогда в составе Восточной Марки Франкской империи). Как известно, Мефодий ненадолго приезжал в княжество Коцела (до императорского запрета) и, следовательно, мог внести какие-то незначительные поправки в тексты.

Именно носители вышеупомянутых диалектов и были главной целевой аудиторией, на которую должны быть рассчитаны искусственный идиолект и письменность. Древневерхненемецкие церковные термины могли быть заимствованы прямо в бѣльградский и блатъничьский диалекты, когда те оказались в пределах империи Франков. Оттуда они и попали в тексты переводов Константина и Мефодия [Максимович 2004а: 76, 88, 97, 98, 100, 113, 119, 122, 134, 137, 144, 146, 149, 150, 152, 156, 166; Он же 2004б: 109–123; Назаренко 2001: 118–127; Он же 2009: 162–171].

Обратим взгляд на целевую аудиторию «моравской» миссии, на племена, обитавшие в Паннонии 860-х гг. Нашествие авар в 560-е гг. затронуло, прежде всего, антскую общность и вырвало из ее состава преимущественно два племенных союза — сербов и хорватов, обитавших к тому времени уже лет 400 на Нижнем Дону и Вягре (Северском Донце). Какое-то подразделение хорватов, впрочем, осталось на Верхнем Дону летописного периода: • иже бахѹ в мирѣ полане • и деревлане • сѣверь и радимичь • и ватици • и хрвате • (ПВЛ). Авары увлекли сербохорватские племенные союзы в Среднее Подунавье, вытеснив оттуда гепидов и лангобардов [Славяне 1993: 6, 9, 10, 13, 14, 22, 40, 80, 103, 171, 173, 180]. Австрийские археологи утверждают, что население Среднего Подунавья к 600 г. в своей основе было анто-славянским, показывают, что в раннее время авары и анты были частично обособлены. Обнаружены только два чисто аварских могильника, остальные антские и славянские [Седов 1995: 109–135; Holzer 2001].

Дальнейшая история показывает, что вторичной целевой аудиторией стали далматинские хорваты и хорутане. Часть славянской общности из Молдовы около 560–580-х гг. была выведена аварами в Среднее Подунавье и расселена в римских провинциях *Noricum ripense* & *Noricum mediterraneum*, *Pannonia II Valeria* [Седов 1995: 299–309, 306]. Эти славяне-хорутане стали буферными поселенцами между аварами и германцами (Карантаня). Их диалект также воспринял древневерхненемецкую лексику, преимущественно лексико-семантической группы церковной терминологии. Хорутане известны под своим именем и позднее, а ныне их потомками являются словенцы Респ. Словении и часть населения Зап. Венгрии.

Если же допустить, что Константин при создании искусственного наддиалектного письменного языка для моравской миссии в первую очередь все-таки обратился к славянским говорам, ближайшим к Фессалонике и монастырскому Афону, то староболгарская принадлежность этих диалектов крайне маловероятна.

В эгейской Фракии и Македонии в 580-е гг. расселились племена не антской, а славянской общности, в диалектах которой этимологическое *tj* дало *f* ~ *ʃ* (*fębrь ~ *ʃębrь < *tjimbrь, *fuba < *ʃuba, *fukati < ***tjuk-a-*, *fuzь – *tjudь **k^aratjunь* ~ *kraʃunь < *kratjunь, *ʃiglanь < *tegula), бытовали «дометатезные» формы (*alkati, **ard-*, *balto, *garxь, *kalda, *kardica, *saltinova, *valkь, *valmi,

*varpova, *vordó, *zaltínova), «северный» рефлекс *io* праслав. **e, *ь* (**čjo(m)brica, *čjopura, *čjorica, *košjora, *miljota, *pljoča, *prъžjola, *šjopotъ, *žužjolo*) и даже полногласные реализации (**beleno, *beregava, *berestъje, *čeregyni, *karábjъ, *karačunъ, *morósklavo, *morovane, *perémučъka, *рьльхъ, *revenikъ, *saloma, *velési, *žerelъje*) [Шапошников 2011: 210–223; Он же 2014: 151–165, 224, 226; Он же 2016: 175–191; Он же 2018: 167–184]. Нередко используемый как показательный пример диал. глаг. **alkati* отразился в цслав. и ст.-болг. текстах уже в модифицированном виде **алъкати, лакати**. Вышеперечисленные и некоторые другие характерные диалектные черты никак не отразились ни в глаголических, ни в «кириллических» старейших текстах. Можно уверенно утверждать: Константин не изобретал письменности и не делал первых переводов на один из диалектов Эгейской Фракии и Македонии.

В итоге нашего исследования можно предложить такое определение места авторского искусственного идиолекта и глаголического письма Константина и Мефодия среди естественных славянских языков: этот идиолект был более всего ориентирован на бълградский и блатъничьский диалекты епархии Паннония бывшей римской префектуры Иллирик последней трети IX в. Эти диалекты восходили к антославянской группировке диалектов VI в. н. э., находились в ближайшем родстве с хорватскими (далматинско-хорватскими и белохорватскими), сербскими (боснийско-сербскими и белосербскими), а также с хорутанскими диалектами.

Использование авторского цслав. идиолекта и обслуживающего его глаголического письма продолжалось в начале X в. в Далматинской Хорватии, что неизбежно отразилось на церковной языковой норме. В свою очередь, и авторский идиолект оказал огромное воздействие на становление сербохорватского языкового вида как такового.

Адаптация текстов на авторском идиолекте Константина и Мефодия в Первом Болгарском царстве, особенно в Преславе Великом, привела к смене графической системы (отказ от авторского глаголического письма) и к сопутствующей модификации фонологической системы. Продолжительное и интенсивное взаимовлияние естественного староболгарского языка и искусственного церковнославянского авторского языка ощущается преимущественно на лексико-семантическом уровне и на графической внешней форме языков.

***

В русск. общенародном языке и его влр., блр. и млр. диалектах и говорах цслав. лексические проникновения весьма многочисленны и создают видимость гибридной природы современного русского языка (русско-церковнославянский креол?). Если подходить формально к полученным лингвостатистическим данным [Mańczak 2004; Idem 2008: 28–58, 143], то получается, что современный русский перевод евангелий ближе всего к переводам школы Константина и Мефодия (1065 лексических тождеств).

Часть фонетически адаптированных лексических проникновений совершенно очевидна, дифференцирующим критерием являются фонеморфологические оппозиции: *-ере-* ~ *-рть-*; *-оро-* ~ *-ра-*; *-еле-* ~ *-лть-*; *-оло-* ~ *-ла-*; *вы-* ~ *из-*; *в-*

~ воз-; пере- ~ пре-; -ж(дж)- ~ -жд-; -ч- ~ -щ-/-шт-; -я- ~ -ля-; прошедшее время на -л ~ корневой и сигматический аорист на -х- и т. п.

Но значительная часть цслав. лексики с первого взгляда неотличима от исконной вост.-слав. лексики, будто бы восходящей к праславянским архетипам. К примеру, многочисленные приставочные производные с преф. *на-*, *о(б)-*, *от-*, *па-*, *по-*, *при-*, *пра-*, *про-*, *раз-*, *с-*, *у-*. Только при детальном этимологическом анализе всех доступных свидетельств истории каждого слова становится неоспоримым его цслав. происхождение. В том числе и лексемы из 10 тыс. наиболее употребительных слов современного русского языка. По большей части весь этот многочисленный заимствованный фонд цслав. лексики был усвоен книжным путем и через дискурс церковной проповеди.

Так как цслав. перевод псалтири заучивался наизусть даже представителями низовых сословий, простонародья, книжные слова попали в диалекты, говоры, просторечие. Этот изустрый способ лексических заимствований хуже всего опознается (нередко не справлялись с этой задачей и классики славяноведения, и отцы-основатели исторических лексикографических проектов), но он оставил многочисленное наследие не только в русском языковом ареале, но и в польском, словацком, чешском и др. «неправославных» языковых ареалах. В результате научных изысканий такие цслав. лексемы получили праслав. реконструкцию и были ошибочно отнесены к праслав. лексическому фонду, наприм. *пажить*, *печатъ* и множество др. (см. Словоуказатель к Псалтири).

Статус цслав. слова не гарантирует его праслав. статуса. В цслав. языке и дискурсе помимо праслав. архаизмов присутствует большое количество инновационных неологизмов, ареально и диахронически ограниченных.

Любопытный случай гибридного письменного и изустрого одновременно лексического проникновения в др.-рус.-цслав. книжность представляет собой сред.-болг.-цслав. предлог *във* (тексты Ростова и Суздаля ок. 1347 г., «Переяславское Евангелие» 1354 г., тексты Брянска и Чернигова ок. 1356 г., тексты Владимира, Лавр. Лет. 1377 г., Слово Кирилла Туровского 1522 г. ~ XII в., Моск. Грамоты) [Макеева 2018: 157–158], попавший в др.-русс. ареал посредством переселения Рюриковичей и их персонала из Болгарского царства (где они боролись за трон Велико Търново) в Переяславскую и Владимиро-Суздальскую Русь в конце XIII в. (Кратка история на България; Дамаскины).

Цслав. лексический фонд в современном русском языке представлен более 2000 примеров из 10000 наиболее употребительных слов! Из этих примеров явно следует, что массово заимствовалась цслав. лексика в двух izvодах, в паннонско-церковнославянском (одноеровый пошиб, ль ← j, щ ← tj, ж ← dj, ња, ня ← ња) и староболгарском (двуеровый пошиб, шт ← tj, жд ← dj, ња, я ← ња) (Шапошников 2020а).

***

Так как до сих пор в общей славистике и палеославистике нет ясного понимания места церковнославянского языка и дискурса среди славянских языков, курьезы потоками изливаются на читателя со страниц уважаемых словарей цслав., ст.-слав., ст.-болг. языка.

В словарях цслав. и ст.-слав. языка Miklosich LP, Ст.-слав. сл. X–XI, SJS

I–IV, ESJS 1–19 обильно цитируются ст.-болг. письменные памятники, созданные в Великом Преславе и Охриде (например, Супрасльская рукопись), глаголические памятники даются в кириллической транслитерации.

В словарях ст.-болг. языка СтБР I–II и МРСтБЕ столь же вольно цитируются глаголические тексты, зачастую слав. происхождения (например, Синайское Евангелие), в кириллической транслитерации.

Каждый из вышеперечисленных словарей претендовал на фундаментальность и новаторский отбор лексического фонда. В результате все же вышла мешанина и «мультипликация» лексических сущностей.

В исторических словарях-коллекциях типа СДРЯ и СЛРЯ XI–XVII систематические эксцерпции из слав. памятников (Остромирово Евангелие, Изборники Святослава 1073 и 1076 гг., Минеи и мн. др.) сильнейшим образом искажают историю «др.-русск.» слов.

В докладе, подготовленном для конференции по слав. лексикографии и лексикологии в Белграде [Шапошников 2020в], была сделана попытка обозреть базовый слав. лексический фонд в современном сербском языке (более 1000 примеров из 10 тыс. наиболее употребительных слов!), как явно заимствованный книжным путем, так и исконнородственный, гомогенный.

Выводы

1. Можно считать доказанным лингвостатистически ближайшее языковое родство слав. языка (и дискурса церковной проповеди) с сербохорватским языком (и речью), как глаголических монастырско-хорватских, так и кириллических ст.-серб.-слав. памятников (Грамота боснийского бана Кулина 1189 г.; Мирославо евангелие апракос 1180–1190 гг.; Вуканово евангелие апракос ок. 1200 г.).

2. В словарях церковнославянского («старославянского») языка было бы желательно приводить только эксцерпции из глаголических памятников письменности («Клоцов глаголический сборник», «Киевские листки / Киевский миссал» X в. и «Фрейзингенские отрывки»; «Ассеманиево, Зографское, Маринское евангелия», «Синайская псалтирь», «Синайский требник» XI в.) и «кириллических» транслитераций нескольких старейших текстов с доказанным происхождением из школы Константина и Мефодия в Паннонии (к прим., «Анонимная гомилия», «Номоканон Мефодия», «Законъ Соудьнии людьмъ», «Паннонское Житие Мефодия»). Желательно также сопровождать словарные статьи примерами из сербохорватского языка.

3. Из словарей староболгарского языка было бы желательно исключить всю лексику глаголических памятников и даже некоторых «кириллических» транслитераций древнейших глаголических памятников (Саввина книга / апракос, X–XI вв.?), оставить лексику из «кириллических» памятников (Ретков сборник / Супрасльская рукопись, Енинский Апостол, даже Остромирово евангелие 1056/7 г., Изборники Святослава 1073 и 1076 гг.), написанных в Великом Преславе (начиная с Константина Преславского в 893–927 гг., Иоанна ексарха Болгарского), в Охриде (начиная с Климента Охридского) и в Великом Търново (Болонская псалтирь 1230–1242 гг.; Търновское Евангелие 1273 г.), а также из

эпиграфики с территории Болгарии и Северной Македонии (Добруджанская надпись 943 г., эпитафия Мостичь чръгоубыля 972 г., надпись царя Самуила 993 г.). Желательно сопровождать словарные статьи примерами из болгарского языка.

Литература

- Аверина С. А. Учебно-методический комплекс по курсу «Старославянский язык»: Программа и методические рекомендации. СПб.: Фак-т филологии и искусств СПбГУ, 2008. 40 с.
- Алексеев А. А., Мещерский Н. А. Новое исследование кирилломефодиевской проблемы // Критика и библиография. Советское славяноведение. 1973. №2. С. 100–103.
- Верещагин Е. М. История возникновения древнего общеславянского литературного языка: Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М., 1997.
- Верещагин Е. М. У истоков древнейшей славяно-русской гимнографии: роль оригинального творчества Кирилла и Мефодия // Программа шестой международной научной конференции «Язык. Культура. Общество» 22–25 сентября 2011 г. М.: РАЛН, 2011.
- Верещагин Е. М. Языкотворческая деятельность Кирилла и Мефодия в 863 г.: лексические дублиеты в древнейших славянских евангелиях // Программа седьмой международной научной конференции «Язык. Культура. Общество» 26–29 сентября 2013 г. М.: РАЛН, 2013.
- Гъльбов Иван. Езикови аспекти на Кирило-Методевото дело // Хиляда и сто години славянска писменост. София, 1963.
- Кланица Здењек. Тајната на гробот на св. Методиј. Превод од чешки јазик дос. д-р Љупчо Митревски // Odpor. Red. Ivan Dorovský a František Šalé. Brno / Boskovice: Naklad. ALBERT, 2008.
- Кондрашов Н. А. Славянские языки: Учеб. пособие для студентов филол. спец. пед. ин-тов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1986. 239 с.
- Максимович К. А. Закон соудьнии людъмъ. Источниковедческие и лингвистические аспекты исследования славянского юридического памятника. М.: Древлехранилище, 2004а. 240 с.
- Максимович К. А. Моравизмы в древнерусском книжном языке: ст.-сл. *къмьтъ, др.-рус. кметь // Russian Linguistics Kluwer Academic Publishers. Printed in the Netherlands, 2004b. Vol. 28: pp. 109–123.
- Мурьянов М. Ф. Гимнография Киевской Руси / Отв. ред. М. Н. Громов, Т. А. Исаченко. М.: Наука, 2003. 451 с.
- Мурьянов М. Ф. История книжной культуры России. Очерки: в 2 ч. / Сост. и вступ. ст. Т. А. Исаченко. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2007.
- Назаренко А. В. Немцы в окружении св. Мефодия? // Византийские очерки: Труды российских ученых к XX Международному конгрессу византистов. М., 2001. С. 118–127.
- Назаренко А. В. Немцы в окружении святителя Мефодия, архиепископа моравского? // Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне (Древнейшие государства Восточной Европы, 2007 год) / Ин-т всеобщей истории. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. С. 162–171.
- Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. М.: Научно-производственное благотворительное общество «Фонд археологии», 1995. 416 с.
- Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. – первой половине I тысячелетия н. э. / Отв. ред. И. П. Русанова, Э. А. Сымонович. М.: Наука, 1993. 328 с.
- Топенчаров Владимир. Константин-Кирил Философ АБВ на ренесанса. Проф. Владимир Топенчаров. 1100 години от смъртта на Константин-Кирил Философ 14 февруари 1969 г. София: «Народна Младеш», 1970. 176 с.
- Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования / Отв. ред. Н. И. Толстой. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2003. 495 с.
- Трубачев О. Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. 3-е изд., доп. М.: Наука, 2005. 286 с.

- Хабургаев Г. А. Старославянский язык: Учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». 2-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1986. 288 с.
- Хофер Едле фон Сулмтал, Ангелика, Маргаритов, Михаил. За Кирил и Методий. София: Издательство на Отечественния фронт, 1989. 335 с.
- Шапошников А. К. Материалы к этимологическому словарю славянских языковых древностей Греции // Общеславянский лингвистический атлас. 2009–2011: Сб. научн. трудов. М.: Институт рус. языка им. В. В. Виноградова РАН, 2011. С. 210–223.
- Шапошников А. К. О месте церковнославянского письменного языка среди других антославянских диалектов префектуры Иллирик. Доклад к Этимологическому симпозиуму (Брно, 9–11.09.2014); открытая лекция для ППС и студентов филфака КазГҰҰ (Астана, 24–25.05.2015); доклад на Научно-практической конференции «Славяне и славянство. Россия и Сербия — вертикаль истории» в Общественном Международном фонде славянской письменности и культуры (Москва 21.04.2017). Доступно на: <https://www.academia.edu/12356028/> (дата обращения 13.12.2019).
- Шапошников А. К. Место искусственного церковнославянского идиолекта среди антославянских диалектов префектуры Иллирик // Славянский этногенез. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. С. 215–233.
- Шапошников А. К. Материалы к этимологическому словарю славянских древностей Греции II // Труды Ин-та русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 8. М., 2016. С. 175–191.
- Шапошников А. К. Материалы к этимологическому словарю славянских древностей Греции III // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 15. М., 2018. С. 167–184.
- Шапошников А. К. Проблемы церковнославянской лексикографии и лексикологии. Языковое родство церковнославянского искусственного идиолекта и дискурса церковной проповеди // Международная научная конференция «Лексикография и лексикология в свете актуальных проблем» 28–30 октября 2020 г. Институт сербского языка Сербской академии наук и искусств. Белград, 2020а (в печати).
- Шапошников А. К. Путешествие в Бъльград // Дни славянской письменности и культуры в МГУ им. М. В. Ломоносова 24.05.2020б.
- Шапошников А. К. Способы адаптации цслав. лексических проникновений в живых славянских языках: книжные и изустные заимствования // *Studia Brunensia* 2021 (в печати). Alba Regia. *Annales Musei Stephani Regis*. 45 (2017) Székesfehérvár Kladó – Verlag HU ISSN 12168983, HU ISSN 0324542X.
- Bakay K. Beiträge zu der Frage der ungarischen Fürstenresidenz nach der Landnahmezeit. Die Entstehung der Stadt Székesfehérvár // *Alba Regia VIII–IX* (1967/1968), pp. 72–80.
- Boba, Imre. Moravia's history reconsidered. A reinterpretation of medieval sources. The Hague, 1971.
- Boba, Imre. The episcopacy of St. Methodius // *Die slawischen Sprachen*. Bd. 8. Salzburg, 1985. S. 5–21.
- Boba, Imre. Constantine-Cyril, Moravia and Bulgaria in the Chronicle of the priest of Dioclea (comments on a controversial source) // *Palaeobulgarica / Старобългаристика*. 1985. №1, pp. 59–72.
- Dinekov, Peter. Methodius, the Slav Enlightener. Translated from the Bulgarian by Roumyana Delcheva. Sofia: Press, 1985.
- Feuillet J. Grammaire historique du bulgare. Paris, 1999.
- Fitz J. Les rapports locaux du pilier de pierre de Székesfehérvár // *Alba Regia VIII–IX* (1967/8), pp. 55–56.
- Hoffer Edle von Sulmthal, Angelika, Margaritoff, Michael. Ein Versuch zur Bestimmung der Nationalität der Slawenapostel Konstantin und Methodi und zur Deutung einiger damit zusammenhängender Umstände. Hamburg: Alsterdruck E. Schlecht & Hamburg 71, 1980.
- Holzer, Georg. Die Slaven im Erlauftal. Eine Namenlandschaft in Niederösterreich. Wien, 2001.
- Kempgen, Sebastian. Unicode 2C1A – Glagolitic “Pe”: Fact or Fiction? // *Scripta & e-Scripta* vol. 6, Sofia 2008, pp. 65–82.

- Kempgen, Sebastian. Slavic Alphabet Tables. Vols. 1–3, Bamberg University Press, 2015–2016.
- Kempgen, Sebastian. The Glagolitic ‘spidery kh’, its origin and relatives. Preprint. University of Bamberg Press, 2016. 23 p.
- Klanica, Zdeněk. Tajemství hrobu moravského arcibiskupa Metoděje. Praha, 1994; 2. vydání, Praha, 2002.
- Kralčák, L'ubomír. Pôvod hláholiky a Konštantínov kód / Recenzenti: prof. PhDr. Ján Dorul'a, DrSc., prof. PhDr. Juraj Vaňko, Csc. Martin: Matica slovenska, 2014. 208 str.
- Kiss L. Földrajzi nevek etimológiai szótára. I A–K; II L–Zs. Budapest, 1988.
- Lehr-Spławiński T. i Bartula Cz. Zarys gramatyki języka starocerkiewno-słowiańskiego na tle porównawczym. Wyd. 4 uzupełnione. Wrocław, 1959.
- Mańczak, Witold. Przedhistoryczne migracje słowian i pochodzenie języka staro-cerkiewno-słowiańskiego. Polska Akademia Umiejętności. Rozprawy wydziału filologicznego. T. LXXV. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 2004. 168 p.
- Mańczak, Witold. Linguistique générale et linguistique Indo-Européenne. Kraków, 2008. 162 p.
- Žitja Konstantína Ćirila i Metodija i druga vrela. Preveo i protumačio Josip Bratulić. Zagreb: Kršćanska Sadašnost, 1985. 204 p.

Шапошников Александр Константинович, канд. филол. наук; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, г. Москва, ул. Волхонка 18/2; ведущий науч. сотрудник; e-mail: possidima@gmail.com

Для цитирования. Шапошников А.К. Языковое родство церковнославянского идиолекта (дискурса церковной проповеди) и его значение для лексикографии и лексикологии // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2020. Вып. 3. С. 346–368.

References

- Averina S. A. Uchebno-metodicheskiy kompleks po kursu «Staroslavjanskiy yazyk»: Programma i metodicheskiye rekomendatsii. [Educational-methodical complex for the course "Old Church Slavonic": Program and guidelines] SPb.: Fak-t filologii i iskusstv SPbGU Publ., 2008. 40 p. (In Russ.)
- Alekseyev A. A., Meshcherskiy N. A. Novoye issledovaniye kirillomefodiyevskey problema [A new study of the Cyrilomethodian problem] // Kritika i bibliografiya. Sovetskoye slavyanovedeniye [Criticism and bibliography. Soviet Slavic studies], 1973, No 2, p. 100–103. (In Russ.)
- Vereshchagin E. M. Istoriya vozniknoveniya drevnego obshcheslavjanskogo literaturnogo yazyka: Perevodcheskaya deyatel'nost' Kirilla i Mefodiya i ikh uchenikov. [The history of the emergence of the Common Slavic literary language: Translation activities of Cyril and Methodius and their students]. M., 1997. (In Russ.)
- Vereshchagin E. M. U istokov drevneyshey slavyano-russkoy gimnografii: rol' original'nogo tvorchestva Kirilla i Mefodiya. [At the origins of the ancient Slavic-Russian hymnography: the role of the original work of Cyril and Methodius] // Programma shestoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferenii «Yazyk. Kul'tura. Obshchestvo» 22–25 sentyabrya 2011 g. M.: RALN, 2011. (In Russ.)
- Vereshchagin E. M. YAzykotvorcheskaya deyatel'nost' Kirilla i Mefodiya v 863 g.: leksicheskiye dublety v drevneyshikh slavyanskikh evangeliyakh [The linguistic activity of Cyril and Methodius in 863: lexical doublets in the ancient Slavic gospels] // Programma sed'moy mezhdunarodnoy nauchnoy konferenii «Yazyk. Kul'tura. Obshchestvo» 26–29 sentyabrya 2013 g. M.: RALN, 2013. (In Russ.)
- Gülübov, Ivan. Ezikovi aspekti na Kirilo-Metodevoto delo // KHilyada i sto godini slavyanska pismenost. [Linguistic aspects of the Cyril and Methodius affair] Sofiya, 1963. (In Bulg.)

- Klanitsa, Zdeňek. Tajnata na grobot na sv. Metodij [Mystery of the burial of St. Methodius]. Prevod od cheshki jazik dos. d-r Ľupcho Mitrevski // Odpov. Red. Ivan Dorovský a František Šalé. Brno / Boskovice: Naklad. ALBERT Publ., 2008. (In Macedon.)
- Kondrashov N. A. Slavyanskiye yazyki: Ucheb. posobiye dlya studentov filol. spets. ped. in-tov. [Slavic languages: Textbook manual for students of philological specialization of Pedagogical Institutes] 3-e izd., pererab. i dop. M.: Prosveshcheniye Publ., 1986. 239 p. (In Russ.)
- Maksimovich K. A. Zakon soudinyi lyudimū. Istochnikovedcheskiye i lingvisticheskiye aspekty issledovaniya slavyanskogo yuridicheskogo pamyatnika. [The law for the people. Source and linguistic aspects of the study of the Slavic legal monument] M.: Drevlekhranilishche Publ., 2004a. 240 p. (In Russ.)
- Maksimovich K. A. Moravizmy v drevnerusskom knizhnom yazyke: st.-sl. *kūmīti, dr.-rus. kmeti [Moravisms in the Old Russian book language: OSl *km't', ORus. kmeti] // Russian Linguistics Kluwer Academic Publishers. Printed in the Netherlands, 2004b. Vol. 28, pp. 109–123. (In Russ.)
- Mur'yanov M. F. Gimnografiya Kiyevskoy Rusi [Hymnography of Kievan Rus] / Otv. red. M. N. Gromov, T. A. Isachenko. M.: Nauka Publ., 2003. 451 p. (In Russ.)
- Mur'yanov M. F. Istoriya knizhnoy kul'tury Rossii. Ocherki: v 2 ch. [History of the book culture of Russia. Essays: in 2 parts] / Sost. i vstup. st. T. A. Isachenko. SPb.: «Mirū» Publ., 2007. (In Russ.)
- Nazarenko A. V. Nemtsy v okruzhenii sv. Mefodiya? [Any Germans around St. Methodius?] // Vizantiyskiye ocherki: Trudy rossiyskikh uchēnykh k XX Mezhdunarodnomu kongressu vizantinistov. M., 2001, pp. 118–127. (In Russ.)
- Nazarenko A. V. Nemtsy v okruzhenii svyatitelya Mefodiya, arkhiepiskopa moravskogo? [Any Germans around St. Methodius, Archbishop of Moravia?] // Nazarenko A. V. Drevnyaya Rus' i slavyane [Nazarenko A.V. Ancient Russia and the Slavs] (Drevneyshiye gosudarstva Vostochnoy Evropy, 2007 god) / In-t vseobshchey istorii. M.: Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke, 2009, pp. 162–171. (In Russ.)
- Sedov V. V. Slavyane v rannem srednevekov'ye. [Slavs in the early Middle Ages]. M., Nauchnoproizvodstvennoye blagotvoritel'noye obshchestvo «Fond arkheologii», 1995. 416 p. (In Russ.)
- Slavyane i ikh sosedi v kontse I tysyacheletiya do n. e. – pervoy polovine I tysyacheletiya n. e. [Slavs and their neighbors at the end of the 1st millennium BC. e. – the first half of the 1st millennium BC. e.] Otv. red. I. P. Rusanova, E. A. Symonovich. M.: Nauka Publ., 1993. 328 p. (In Russ.)
- Topencharov, Vladimir. Konstantin-Kiril Filosof ABV na renesansa. Prof. Vladimir Topencharov. 1100 godini ot sm'rtta na Konstantin-Kiril Filosof 14 fevruari 1969 g. [Konstantin-Kiril Philosopher ABV at the Renaissance. Prof. Vladimir Topencharov. 1100 years after the death of Konstantin-Kiril Philosopher Feb. 14, 1969] Sofiya: «Narodna Mladezh» Publ., 1970. 176 p. (In Bulg.)
- Trubachev O. N. Etnogenez i kul'tura drevneyshikh slavyan: Lingvisticheskiye issledovaniya [Ethnogenesis and Culture of the Ancient Slavs: Linguistic Studies] / Otv. red. N. I. Tolstoy. 2-e izd, dop. M.: Nauka Publ., 2003. 495 p. (In Russ.)
- Trubachev O. N. V poiskakh edinstva: vzglyad filologa na problemu istokov Rusi [In search of unity: a philologist's view of the problem of the origins of Russia]. 3-e izd., dop. M.: Nauka Publ., 2005. 286 p. (In Russ.)
- Khaburgayev G. A. Staroslavjanskiy yazyk: Ucheb. dlya studentov ped. in-tov po spets. № 2101 «Rus. yaz. i lit.». 2-e izd., pererab. i dop. [Old Church Slavonic language: Textbook for students of Pedagogical Institutes for special. No. 2101 "Russian language and literature". 2nd ed., revised. and add.] M.: Prosveshcheniye Publ., 1986. 288 p. (In Russ.)
- Khofer Edle fon Sulmtal, Angelika, Margaritov, Mikhail. Za Kiril i Metodiy. [About Cyril and Methody] Sofiya: Izdatelstvo na Otechestveniya front, 1989. 335 p. (In Bulg.)
- Shaposhnikov A. K. Materialy k etimologicheskomu slovaryu slavyanskikh yazykovykh drevnostey Gretsii [Materials for the etymological dictionary of Slavic linguistic antiquities of Greece]

- // Obshcheshlavyanskiy lingvisticheskiy atlas. 2009–2011: Sb. nauchnykh trudov. M.: Institut Russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN Publ., 2011, pp. 210–223. (In Russ.)
- Shaposhnikov A. K. O meste tserkovnoslavyanskogo pis'mennogo yazyka sredi drugikh antoslavyanskikh dialektov prefektury Illirik. [On the place of the Church Slavonic written language among other Antoslavian dialects of Illyrik prefecture] Doklad k Etimologicheskomu simpoziumu (Brno, 9–11.09.2014); otkrytaya lektsiya dlya pps i studentov filfaka KazGYU (Astana, 24–25.05.2015); doklad na Nauchno-prakticheskoy Konferentsii «Slavyane i slavyanstvo. Rossiya i Serbiya — vertikal' istorii» v Obshchestvennom Mezhdunarodnom Fonde Slavyanskoy Pis'mennosti i Kul'tury (Moskva 21.04.2017). Available at: <https://www.academia.edu/12356028/> (accessed 13.12.2019) (In Russ.)
- Shaposhnikov A. K. Mesto iskusstvennogo tserkovnoslavyanskogo idiolekta sredi antoslavyanskikh dialektov prefektury Illirik [The place of the artificial Church Slavonic idiolect among the Anto-Slavic dialects of Illyrik Prefecture] // Slavyanskiy etnogenez. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. Pp. 215–233. (In Russ.)
- Shaposhnikov A. K. Materialy k etimologicheskomu slovaryu slavyanskikh drevnostey Gretsii II [Materials for the etymological dictionary of Slavic antiquities of Greece II] // Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. Issue 8. M., 2016. Pp. 175–191. (In Russ.)
- Shaposhnikov A. K. Materialy k etimologicheskomu slovaryu slavyanskikh drevnostey Gretsii III [Materials for the etymological dictionary of Slavic antiquities of Greece III] // Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. Issue 15. M., 2018. Pp. 167–184. (In Russ.)
- Shaposhnikov A. K. Problemy tserkovnoslavyanskoy leksikografii i leksikologii. Yazykovoye rodstvo tserkovnoslavyanskogo iskusstvennogo idiolekta i diskursa tserkovnoy propovedi [Problems of Church Slavonic lexicography and lexicology. Linguistic cognation of the Church Slavonic artificial idiolect and the discourse of church preaching] // Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Leksikografiya i leksikologiya v svete aktual'nykh problem» 28–30 oktyabrya 2020 g. Institut serbskogo yazyka Serbskoy akademii nauk i iskusstv. Belgrad, 2020 (In Russ.) (in press).
- Shaposhnikov A. K. Puteshestviye v Běl'grad' [Travel to Belegrade] // Dni slavyanskoy pis'mennosti i kul'tury v MGU im. M. V. Lomonosova 24.05.2020. (In Russ.)
- Shaposhnikov A. K. Sposoby adaptatsii tsslav. leksicheskikh proniknoveniy v zhivyykh slavyanskikh yazykakh: knizhnyye i izustnyye zaimstvovaniya [The adaptation methods of lexical penetrations in Slavic languages: book and oral borrowings] // Studia Brunensia 2021. (In Russ.) (in press).
- Alba Regia. Annales Musei Stephani Regis. 45 (2017) Székesfehérvár Klado – Verlag HU ISSN 12168983, HU ISSN 0324542X.
- Bakay K. Beiträge zu der Frage der ungarischen Fürstenresidenz nach der Landnahmezeit. Die Entstehung der Stadt Székesfehérvár // Alba Regia VIII–IX (1967/1968), pp. 72–80.
- Boba, Imre. Moravia's history reconsidered. A reinterpretation of medieval sources. The Hague, 1971.
- Boba, Imre. The episcopacy of St. Methodius // Die slawischen Sprachen. Bd. 8. Salzburg, 1985. Pp. 5–21.
- Boba, Imre. Constantine-Cyril, Moravia and Bulgaria in the Chronicle of the priest of Dioclea (comments on a controversial source) // Palaeobulgarica / Старобългаристика. 1985. No1. Pp. 59–72.
- Dinekov, Peter. Methodius, the Slav Enlightener. Translated from the Bulgarian by Roumyana Delcheva. Sofia: Press Publ., 1985.
- Feuillet J. Grammaire historique du bulgare. Paris, 1999.
- Fitz J. Les rapports locaux du pilier de pierre de Székesfehérvár // Alba Regia VIII–IX (1967/8), pp. 55–56.
- Hoffer Edle von Sulmthal, Angelika, Margaritoff, Michael. Ein Versuch zur Bestimmung der Nationalität der Slawenapostel Konstantin und Methodi und zur Deutung einiger damit zusammenhängender Umstände. Hamburg: Alsterdruck E. Schlecht & Hamburg 71, 1980.

- Holzer, Georg. Die Slaven im Erlauftal. Eine Namenlandschaft in Niederösterreich. Wien, 2001.
- Kempgen, Sebastian. Unicode 2C1A – Glagolitic “Pe”: Fact or Fiction? // Scripta & e-Scripta vol. 6, Sofia 2008, pp. 65–82.
- Kempgen, Sebastian. Slavic Alphabet Tables. Vols. 1–3, Bamberg University Press, 2015–2016.
- Kempgen, Sebastian. The Glagolitic ‘spidery kh’, its origin and relatives. Preprint. University of Bamberg Press, 2016. 23 p.
- Kiss L. Földrajzi nevek etimológiai szótára. I A–K; II L–Zs. Budapest, 1988.
- Klanica, Zdeněk. Tajemství hrobu moravského arcibiskupa Metoděje. Praha, 1994; 2. vydání, Praha 2002.
- Kralčák, L'ubomír. Pôvod hlaholiky a Konštantínov kód / Recenzenti: prof. PhDr. Ján Dorul'a, DrSc., prof. PhDr. Juraj Vaňko, Csc. Martin: Matica slovenska, 2014. 208 str.
- Lehr-Spławiński T. i Bartula Cz. Zarys gramatyki języka starocerkiewno-słowiańskiego na tle porównawczym. Wyd. 4 uzupełnione. Wrocław, 1959.
- Mańczak, Witold. Przedhistoryczne migracje słowian i pochodzenie języka staro-cerkiewno-słowiańskiego. Polska Akademia Umiejętności. Rozprawy wydziału filologicznego. Tom LXXV. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 2004. 168 p.
- Mańczak, Witold. Linguistique générale et linguistique Indo-Européenne. Kraków, 2008. 162 p.
- Žitja Konstantina Ćirila i Metodija i druga vrela. Preveo i protumačio Josip Bratulić. Zagreb: Kršćanska Sadašnost, 1985. 204 p.

Aleksandr C. Shaposhnikov, PhD, Leading Research Officer, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, 18/2 Volkhonka str., Moscow, Russian Federation. E-mail address: possidima@gmail.com

For Citation: Shaposhnikov A.C. (2020). Cognation of the Church Slavonic idiolect (discourse of the church sermon) and its influence on the Old Church Slavonic lexicography and lexicology. *Slavyanskaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya* [Slavic historical lexicology and lexicography], 3, pp. 346–368. (In Russ.)

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ

Kira I. Kovalenko

ORCID iD: 0000-0003-3361-8205

К.И. Коваленко

“AN EXPLANATION OF PROBLEMATIC WORDS IN LITERATURE” IN APPENDIX TO THE LADDER OF DIVINE ASCENT (RUSSIAN NATIONAL LIBRARY, SOLOVKI COLLECTION, 302/322)

«ТОЛКОВАНИЕ НЕУДОБЬ ПОЗНАВАЕМЫМЪ В ПИСАНИИХЪ РЕЧЕМЪ» В ПРИЛОЖЕНИИ К ТЕКСТУ ЛЕСТВИЦЫ (РНБ, Соловецкое собрание, 302/322)

Аннотация. Словарный свод «Толкование неудобь познаваемымъ в писаниихъ речемъ», содержащийся в приложении к тексту Лествицы, содержит около 1 000 словарных статей и представляет собой азбуковник подготовительного этапа. Он сочетает в себе как черты, свойственные ранним глоссариям, так и лексикографические инновации, которые будут развиты в азбуковниках более позднего времени. Публикация позволяет ознакомиться с текстом азбуковника в полном объеме.

Ключевые слова: азбуковник подготовительного этапа, словарный свод, лексикография, Лествица, рукописи

Summary. The lexicon “An Explanation of Problematic Words in Literature” in appendix to the Ladder of Divine Ascent contains about 1,000 word entries and belongs to the preliminary type of lexicons. It combines traits of the early glossaries and also lexicographical innovations, that will be developed in lexicographical works of the future period. The publication represents full text of the lexicon as well as facsimilia.

Keywords: lexicon of the preliminary type, word list, lexicography, Ladder of Divine Ascent, manuscript

Словарный свод «Толкование неудобь познаваемымъ в писаниихъ речемъ» публикуется по рукописи Российской национальной библиотеки, Соловецкое собрание 302/322. Это рукопись in folio (30,2x20см), в твердом кожаном переплете с тиснением, содержит 267 листов, а также 6 переплетных листов (по 3 с каждой стороны). Филигрань на листах с текстом просматривается нечетко, ближе всего соотносится «Кувшин» № 144 (1608 г.), 145 (1610 г.) [Дианова 1989]; на переплетных листах: Лих. 4244 — 1605 г. [Загребин 1975: 133]¹.

Рукопись написана одним писцом четким крупным полууставом. На л. 242об. имеется запись: *рк̄с̄² а⁶густа г^{0и} с̄ю к̄нигу старе^и Иаса^о Рагосу^и прода^и ста^ицу Герману Ур^маю^оском^у* (другое прочтение *Уртавешину* [Ророва 2012: 241]) *а по^описа^и іа³ старе^и Иаса^о своею рукою.*

Основную часть рукописи занимает Лествица Иоанна Синайского афонской редакции (л. 1–242) с сопроводительными сочинениями², за которой следует объяснение некоторых понятий и слов из Лествицы под названием «Лествицы речи толковыя» (л. 243–245об.). «Толкование неудобь познаваемым в писаниихъ речемъ» занимает листы 246–267. В тексте азбуковника встречаются ошибочные написания и описки, аналогичные которым имеются и в тексте Ле-

¹ В статье Г.М. Прохорова водяные знаки определены следующим образом: «кувшинчик» типа Лих. 4125 — 1606 г., 1955 — 1594 г., Вр. 12739 — 1556 г., 12731 — 1550 г. [Прохоров 2010: 112].

² См. подробнее в [Ророва 2012: 241].

ствицы, ср. *веше^м* (л. 253), *мошно* (л. 263об.) в Толковании и *мошно* в Лествице (л. 17, 26, 56, 58 и др.), пропуски букв в *руб<л>е<в>* (л. 262об.) в Толковании и написания с пропусками *исповѣданіе есть забытьестества* (л. 77об.) в Лествице.

Название словарного свода было характерно еще для раннего глоссария, содержащего переводческие эквиваленты Лествицы. Его названия в наиболее ранних списках — *Пословки лѣствичныѣ* или *Протлькъ лѣствици о рѣчехъ покрѣвенихъ*, однако уже в списке 1431 г. он назван *Тлькованіе неудобь познаваемомъ въ писаны^х рѣчемъ, понеже положены с^ма рѣчи въ книга^х ѿ началны^х прѣводникъ ѿво словѣнскы и ино сръбскы и другаа бльгарскы и грѣчскы, ихже не оудоволиша^с прѣложити на роускыи* (Румян. 200, л. 264об.) [Ковтун 1963: 218].

Расширенные варианты названия встречаются в ранних словарных сводах, ср. название словарика Вассиана Кошки середины XVI века: *То^л(кование) неоудобь познаваемы^м в писани^х рѣче^м, поне^{жс} положени суть рѣчи в книга^х от началных преводникъ ово слове^нскы, ино сербьскы и другаа бо^лгарьскы и ина гре^чскы, их же неоудоволиша^с приложити на рускы^и* [Ковтун 1975: 263] и название азбуковника МДА 35 конца XVI века: *Сказаніе, е^{жс} что знаменую^т и^{жс} в сеи буковницѣ на^дстрочныя киноваре^м окруженыя буковницы, рекше, азбучныя словца. аще на^д строкою а³ вкрусенъ киноваре^м, та рѣчь арапски {а}³, аще глаго^л та гречески {г}, есть и въди, евреиски {ев}, есть с лю^дми, еллиньски {ел}, есть з глаголе^м, египе^тскі {ег} живѣте, жидовьски {ж}, лю^ди латы^н(ски) {л}, покои перси^дски {п}, рцы со иже^м, римскіи {ри}, рцы едина руски {р}, слово сербьски {с}, слово со иже^м сирьски {си}, твердо тата^рски {т}, хъръ ханаа^нски {х}, ѿ си^х до здѣ* (МДА 35, л. 80об.).

Словарный свод относится к так называемым азбуковникам подготовительного этапа, по классификации Л.С. Ковтун [Ковтун 1989: 9–10], и содержит 979 словарных статей.

Первая часть (354 словарные статьи) сформирована по тематическому принципу: *Nomina Sacra* (1–27), названия книг (28–56), раздел «О санохъ и чинохъ» (57–263), который включает 2 словарных свода, в каждом из которых до некоторой степени выдержан алфавитный принцип, «что, видимо, свидетельствует о подоснове в виде двух более ранних азбучных глоссариев» [Ковтун 1989: 29], «О священныхъ вещьехъ» (264–346), «О южичестве», объясняющем термины родства (347–354).

Далее следует еще один словарный свод под заголовком «Купно о различныхъ вещьехъ», который содержит 625 словарных статей (355–979), организованных по алфавитному принципу. Нарушение алфавита на лл. 258–259об., возможно, обусловлено неправильным расположением листов в протографе; можно предположить, что статьи 549–600 должны следовать после статьи 851.

Часть словарных статей определено заимствована из ранних словарных сводов: «Речь жидовского языка», уже упоминаемый глоссарий к Лествице «Толкование неудобь познаваемомъ речемъ», «Толк о неразумныхъ словесехъ»⁴.

³ В фигурных скобках указываются слова, написанные над строкой или на полях рукописи.

⁴ См. публикацию текстов в [Ковтун 1963: 399–435].

Для некоторых словарных статей даны ссылки на хорошо известные для того время произведения: книги Библейского канона (Первая и Вторая книги Паралипоменон, Вторая книга Ездры, Книга Юдифь, Псалтирь, Книга пророка Даниила, пророка Захарии, Евангелие от Матфея, Евангелие от Марка, Евангелие от Иоанна, Книга Деяний и Послания апостольские, Откровение Иоанна Богослова), сочинения Ефрема Сирина, Григория Богослова, Дионисия Ареопагита, Максима Грека, Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского, Хронографы (с отсылками: Царство Греческое, Царство Еллинское, Царство Русское, «из Кроник»), Полия, Маргарит, Пролог, агиографические произведения (Житие Иоанна Златоуста, Житие Саввы Освященного, Мучение Георгия Средечского), Патерик Скитский, Синоксарь, Святцы, Лествицу с сопроводительными статьями, Повесть о святой горе Афонской, Устав скитский, Цепь златую, Правила Никонские, Грамматику Лаврентия Зизания (включая прилагаемый к ней Лексис).

На полях также имеются глоссы, представляющие собой альтернативные эквиваленты иноязычных слов.

Таким образом, словарный свод «Толкование неудобь познаваемым в писаниихъ речемъ», расположенный в приложении к тексту Лествицы, является типичным представителем кратких азбуковников подготовительного этапа. С одной стороны, он несет в себе черты ранних глоссариев, представляющих собой компиляцию из разнородных словарных материалов, зачастую организованных по тематическому принципу, словарные статьи в которых содержат лишь заголовочную единицу и толкование. С другой стороны, прослеживается попытка упорядочения по алфавиту (по первой букве заголовочных единиц); отдельные статьи содержат указание на литературные источники; над некоторыми заголовочными единицами надписан предполагаемый язык-источник. Эти принципы будут восприняты последующими поколениями лексикографов и будут развиты в азбуковниках Давида Замарая и Сергия Шелонина, стремящихся к максимально полному описанию толкуемых единиц и предельно четкой организации словарных сводов.

Источники

- МДА 35 — рукопись Российской государственной библиотеки, собрание МДА, ф. 173.I, № 35, in folio, 1590-е гг. (<http://old.stsl.ru/manuscripts/medium.php?col=5&manuscript=035&pagefile=035-0083>)
- Румян. 200 — рукопись Российской государственной библиотеки, собрание Н.П. Румянцева, ф. 256, № 200, в 4°, 1431 г. (<http://old.stsl.ru/manuscripts/fond-256-sobranie-rukopisnykh-knig-n-p-rumyantseva/200>)
- Солов. 302/322 — рукопись Российской национальной библиотеки, Соловецкое собрание, № 302/322, in folio, около 1610 г.

Литература

- Дианова 1989 — Филигрань «кувшин» XVII в. / Сост. Т.В. Дианова. М.: Б. и., 1989.
- Загребин В.М. Свод изображений филиграни «Кувшинчик». Л.: Б. и., 1975.
- Ковтун Л.С. Азбуковники XVI–XVII вв. Старшая разновидность. Л.: Наука, 1989.
- Ковтун Л.С. Лексикография в Московской Руси XVI – начала XVII в. Л.: Наука, 1975.
- Ковтун Л.С. Русская лексикография эпохи Средневековья. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963.

Прохоров Г.М. Келейная исихастская литература (Иоанн Лествичник, Авва Дорофей, Исаак Сириин, Симеон Новый Богослов, Григорий Синаит) в библиотеке Соловецкого монастыря // Книжные центры Древней Руси. Книжное наследие Соловецкого монастыря. СПб., 2010.

Popova T. Die Leiter zum Paradies des Johannes Klimakos: Katalog der slavischen Handschriften / Лествица Иоанна Синайского. Каталог славянских рукописей. Köln; Weimar; Wien, 2012. Ч. 1: Лествицы.

Коваленко Кира Иосифовна, канд. филол. наук; *Институт лингвистических исследований РАН, 199053, г. Санкт-Петербург; Тучков пер. д. 9; науч. сотрудник; e-mail: kira.kovalenko@gmail.com*

Для цитирования. Коваленко К.И. «Толкование неудобь познаваемымъ в писаниихъ речемъ» в приложении к тексту Лествицы (РНБ, Соловецкое собрание, 302/322) // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2020. Вып. 3. С. 371–412. DOI 10.30842/26583755202014

References

- Dianova 1989 — Filigran' «kuvshiN» XVII v. / Sost. T.V. Dianova. M.: B. i., 1989.
Kovtun L.S. Azbukovniki XVI–XVII vv. Starshaya raznovidnost'. L.: Nauka Publ., 1989.
Kovtun L.S. Leksikografiya v Moskovskoi Rusi XVI – nachala XVII v. L.: Nauka Publ., 1975.
Kovtun L.S. Russkaya leksikografiya ehpokhi Srednevekov'ya. M.; L.: AN SSSR Publ., 1963.
Popova T. Die Leiter zum Paradies des Johannes Klimakos: Katalog der slavischen Handschriften / Lestvitsa Ioanna Sinaiskogo. Katalog slavyanskikh rukopisei. Koln; Weimar; Wien, 2012. Ch. 1: Lestvitsy; ch. 2: Sborniki.
Prokhorov G.M. Keleinaya isikhastskaya literatura (Ioann Lestvichnik, Avva Dorofei, Isaak Sirin, Simeon Novyi Bogoslov, Grigorii Sinait) v biblioteke Solovetskogo monastyrya // Knizhnye tsentry Drevnei Rusi. Knizhnoe nasledie Solovetskogo monastyrya. SPb., 2010. S. 108–122.
Zagrebin V.M. Svod izobrazhenii filigrani «KuvshinchiK». L.: B. i., 1975.

Kira I. Kovalenko, PhD, *Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Researcher, 9 Tuchkov per., 199053, Saint Petersburg, Russian Federation. E-mail address: kira.kovalenko@gmail.com*

For Citation: Kovalenko K. I. (2020). “An Explanation of Problematic Words in Literature” in appendix to the Ladder of Divine Ascent (Russian National Library, Solovki collection, 302/322). *Slavyanskaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya* [Slavic historical lexicology and lexicography], 3, pp. 371–412. DOI 10.30842/26583755202014 (In Russ.)

**«Толкование неудобь познаваемымъ в писаниихъ речемъ»
(текст⁵)**

л. 246		Толкова ^{мн} е неоудобь познавае ^м ы ^м в писа ^н /ни ^х хъ рѣч ^е м [.] . понѣже положены соуть рѣ/чи въ книга ^х ѿ началны ^х преводни ^к . ова / словѣнски, ѿна сербски. и другаа бѣ/лгарски. ѿна гречески. и по прочи ^х азы ^к . / ѿхже не оудоволишася преложити на / рускїи прел (!)	
	1.	Аданай. гѣ.	
	2.	Агийось. / стѣи.	
	3.	Агїѡграфа. стѣа писанїа. /	
	4.	Саваѡфъ. сила.	
	5.	Гѣ саваѡфъ. гѣ сї/ла ^м .	
	6.	Саддаи. непостижимыи. /	
	7.	Кїриось. гѣ.	
	8.	Кїриелесонъ. гї по/милуи.	
	9.	Полиелѣимонъ. многами/лостивыи.	
	10.	Рїмски. деоусъ. гречески, о фѣось. еврейски. ѿиль. рѣ/ски, бгѣ.	ѿелѡи. ѿ
	11.	Исѣ. спѣсѣ.	
	12.	Еммануїль. / с нами бгѣ.	
	13.	Деитасъ. бж ^с тво. /	
	14.	Нарїиль. идѣи бгѣ.	
	15.	Параклитъ. / оутѣшитель.	
	16.	Пантократоръ. / вседержитель.	
	17.	Сотирось {греч}. спѣсѣ. /	
	18.	Ѳеотѡка. бѣа.	
	19.	Па[на]гїа. прѣтаа. /	
	20.	Деспенїсѣ. гжѣ.	
	21.	По ^д пись ѡбразоу / прѣтыа бѣа. М ^р Ѳ ^у . (то ^д) гречески, / мїтернъ феоу. а по ру<ски> мїтре бгѣ; / а не марфѣ ѿкоже нѣцїи не[с]мысле/нїи мнать.	
	22.	Ѳеѡлѡгъ. бгѡсловъ. //	
л. 246об.	23.	Агїль. вѣстни ^к .	
	24.	Профитїсѣ, кѣ про/аромось. прѣркъ и прѣтча.	
	25.	Евангѣ/лїстѣ. блїговѣстни ^к .	
	26.	Апѣль. посла/нни ^к .	
	27.	Екклїсїастѣ. црковни ^к . сирѣчь / соборни ^к .	
	28.	Деоутономїа. второза/кѡнїе.	
	29.	Апокалїпсїсѣ. явлѣнїе, или / ѡкровѣнїе.	
	30.	Алфави ^т . азбуковни ^к . /	

⁵ Текст азбуковника воспроизводится по возможности близко к оригиналу. Киноварные буквы выделены жирным шрифтом. Языковые пометы над словами указываются в фигурных скобках, исправления и вставки, сделанные писцом, — в квадратных скобках, пропущенные буквы, вставленные издателем, — в угловых скобках. В круглых скобках даны одиночные буквы или символы, вписанные в рукописи в окружность, как, например, (т) — буква *т*, вписанная в круг, являющаяся сокращением от слова «толкование» и разделяющая зону заголовка и толкования. Начало и конец слова или части слова, снабженной глоссой, а также сами глоссы на полях, помечены знаками ~. Под звездочкой даются ссылки на источники на полях, имеющие специальные пометы над словом и рядом с названием источника; источники, «не привязанные» к словарным статьям, даются без звездочки. Разделение на строки обозначается знаком /, разделение на листы — //. Словарные статьи пронумерованы издателем.

	31.		По алфавиту. по азъ вѣдѣ, рекше / по азбукѣ.	
	32.		Патери ^к . отѣчникъ. /	
	33.		Езаймеръ. шестодневецъ.	
	34.		Диоптра. / зеркало книга.	
	35.		Брѣшивъ {ла}. бытіа. /	
	36.		Генеси ^с {г}. бытіа ^ж .	
	37.		Тетровасиліонъ. / книги четвертыа цр ^с твѣ.	
	38.		Панта/оутикъ. пѣтеры книги.	
	39.		Хроногра ^о . / лѣтописецъ.	
	40.		Клиная ^з . лѣстви/чни ^к .	
	41.		Хрисостомъ. златаоустъ. /	
	42.		Гельлѣсмовъ. исхо ^л .	
	43.		Гельлѣгадбори ^м . второзаконіе.	
	44.		Гошеніа. исусъ на/ввинъ.	
	45.		Асторологіа. звѣздословіе. /	
	46.		Астронómіа. звѣздозаконіе. /	
	47.		Паралипомѣноны. бытіа днѣи. /	
	48.		Типикъ. оуставъ.	
	49.		Номоканонъ. / закону правил ^а .	
	50.		Каноны. правила. /	
	51.		Гіометріа. планітнаа книга. /	
л. 247	52.		Езѣпло ^м (т) книга оригена еретика, // нарицаемаа шестокрыль. /	
	53.		Паринесисъ (т) книга содержаща в с ^с /бѣ, притчи оученіа моленіа, про/рочества.	
	54.		Бисеріе златаоустаго. / (т) маргарит ^т .	
	55.		Вівлиосъ. книга	
	56.		Ви/вліотѣка. домъ книжныи.	
			О санохъ, / и чино ^х .	
	57.		Архистратигъ. началныи / воєвода.	
	58.		Архаггль. начало агглом ^і .	
	59.		Василіосъ. црѣ.	
	60.		Василопатеръ. црѣ ^м / ѿцѣ.	
	61.		Патриархъ. ѿцѣмъ начало. /	
	62.		Митрополи ^т . мѣи град ^о ^м .	
	63.		Деспотъ. / вл ^л ка.	
	64.		Исполѣити деспота. много/лѣ ^т ствуи вл ^л ко.	
	65.		Архиду ^з ъ. вели/кїи князь.	
	66.		Дука. князь.	
	67.		Архондо ^с . / кнѣзь.	
	68.		Сигкліти ^к . болѣринъ. /	
	69.		Стратилатъ. воєвода.	
	70.		Тиронъ. / воинъ.	
	71.		Архисинаго ^г . начало сонъ/му.	
	72.		Архиграмотевесъ. началw / книжника ^м .	
	73.		Архелѣи. начальли ^к (!) / люде ^м .	
	74.		Августаліи. воєвода. /	
	75.		Архитрикли ^н . ѣмуже поручено все / пѣршественое промышленіе. /	
	76.		Антипатъ. намѣстни ^к .	

	77.		Іпáтъ. / воєвóда.	
	78.		Патрикеи. ѿцѣ́ общ ^а /го народнаго промышлѣніа.	
	79.		Жо/лнѣрь. воинъ; //	
л. 247об.	80.		Арумїи. мѣстодѣрже ^н .	
	81.		Препосѣтъ. / пре ^д сѣдали в полáтъ црѣвѣ. /	
	82.		Асигкрѣтъ. входѣи в лóжница цр ^с кї/а.	
	83.		Вѣтазь. храбрыи бола ^р и ^н .	
	84.		Вика/рїе. намѣстни ^к .	
	85.		Гироко ^м . думныи / бола ^р инь.	
	86.		Гетманъ. тысащни ^к / на ^д воїны.	
	87.		Игѣмонъ. воєвóда.	
	88.		Гү/сáры. доспѣшныа воїны.	
	89.		Гүөы. / воїны.	
	90.		Епархъ. судїа разбóйной. /	
	91.		Евнүхъ. жилецъ цр ^с кои.	
	92.		Езькуви/торы. юноши пре ^д стоáщей црїю. /	
	93.		Імперáторъ. самодѣржець.	
	94.		І диктáторъ. единовлáстецъ.	
	95.		Кирь. / господїнь.	
	96.		Кардиналь. митроп ^о /лїтъ.	
	97.		Клаштырь. игүмень. /	
	98.		Киестрь. казначїи.	
	99.		Күмсь. кнѣзь. /	
	100.		Киропола ^т . иже в полáтъ црѣвѣ вса / оустрале ^т .	
	101.		Кувикулáрїи. ѣсанóвни ^к / црѣвѣ.	ѣпостелни ^к
	102.		Иконó ^м . строитель. /	
	103.		Ктїторъ. создатель обители. /	
	104.		Логофѣтъ. словесе ^м сложїтель. /	
	105.		Легáторъ. посóль.	
	106.		Магїстръ. / послáнни ^к .	
	107.		Марсалáкъ. дворѣць/кои.	
	108.		Маргрáбїи. воєдода (!) болшóи. /	
	109.		Макнифїкусь. вельмóжа. М ^б //	
л. 248	110.		Предикáторы*. бжїи проповѣдники. /	*мази ^м гре ^к ов
	111.		Проѣдръ. митрополи ^т .	
	112.		Протосигке ^{л*} . / болшóи келѣйникъ патри аршеской. / иже и селò честень.	*цр ^ь гре ^ч
	113.		Сингѣль. про/топо ^п .	
	114.		Примикїрь. санóвникъ / цр ^с кїи.	
	115.		Протоспанфарїи. меченó/се ^п црѣвѣ.	
	116.		Протиктóръ. постелни/чеи црѣвѣ.	
	117.		Протокунсилъ. болшóи / думца црѣвѣ.	
	118.		Рáвви. оучтлю. /	
	119.		Рїторъ. рѣчеточецъ, иже разоу/мѣваали мнóго и писати и глати. /	
	120.		Вѣтїа. хитрослóвецъ.	

⁶ Киноварные заглавные буквы в конце словарных статей написаны для возможности добавления новых материалов в конце буквенных подразделов.

	121.	Режь. ко/роль.	
	122.	Рейна. королева.	
	123.	Рига. / князь.	
	124.	Рыцерь. войнъ.	
	125.	Са/торъ. силныи воєвода.	
	126.	Севасть. ч ^т ныи.	
	127.	Спанфаріе. меченосе ^т . /	
	128.	Сатрапы. строители землей. /	
	129.	Самчїа. ~казначїи~.	~строитель~
	130.	Дохїарь. ка/значїи же.	
	131.	Скевофилазь. сосудо/хранитель.	
	132.	Хартофилазь. кни/гохранитель.	
	133.	Схолостикъ. оучтль. /	
	134.	Схоларь. оучнкъ.	
	135.	Схольа. оучї/лице.	
	136.	Силентїа ^р . околнїчеи.	
	137.	Си/кнїферь. оружничеи.	
	138.	Скрїба. / дїакъ думныи. С //	
л. 248об.	139.	Трїоунъ. тысащни ^к войнскїи. /	
	140.	Трїоунотарї. подьачїи розрл/дныи.	
	141.	Тетраархае. четвертовла/стни ^к .	
	142.	Типакарь. оуставци ^к . /	
	143.	Тальшманы. попы.	
	144.	Сейты. вла/дыки.	
	145.	Оуперато ^р . самодержецъ. /	
	146.	Халтуларь. йаселничеи.	
	147.	Хрисопра/сосъ. златосъвецъ.	
	148.	Хрисафисъ. / златарь.	
	149.	Харкїасъ. кузнєць. /	
	150.	Центурїи. сотникъ.	
	151.	Цесарь. ве/ликїи князь.	
	152.	Чиготь. болшої со/вѣтни ^к королєвскїи.	
	153.	Чатхлунъ. / панъ.	
	154.	Шафарь. дворецкои. /	
	155.	Шпахи. войнскїа пѣшиа люди. /	
	156.	Цукаласъ. горшєчникъ.	
	157.	Цанга/рїсъ. сапожникъ.	
	158.	Їфа. хлѣ/бни ^к .	
	159.	Їзнарь. казначїи. /	
	160.	Архитектонъ. началныи пло/тника ^м .	
	161.	Архимагерь. старѣи/ши ^н ствул на ^д повары.	
	162.	Анагность. / чтець.	
	163.	Аптекарь. составитель / зєлію врачевскому.	
	164.	Аниторь. при/дверникъ.	
	165.	Вурдунарь. мскамъ бжє бюстититель.	
	166.	Генїко ^м лого/фєтъ. ~ро ^д ственны ^м книга ^м сложитель. //	~цр ^с твенны ^м
л. 249	167.	Генефлїалогї (т) родословцы. сїце / именує ^т планитниковъ и фурту/нниковъ.	
	168.	Герагосїнъ. хлѣбники. /	

	169.		Деџикратъ (т) деснодѣрже ^н . сирѣчь / деснаа филосѳескаа держайи. /	
	170.		Дидаскаль. оучѣль.	
	171.		Доџѣтись. / стрѣлѣць.	
	172.		Декуриѳнесь. десатни/ки.	
	173.		Дѣми. палачѣ.	
	174.		Дѣлейтись. / рабѣ.	
	175.		Еџархѣ. начални ^к .	
	176.		Ермо/на ^х . сщѣннойнокѣ.	
	177.		Еклисѣархѣ. / црѣкви началникѣ, сирѣчь оуста ^в /щикѣ.	
	178.		Епистимонархѣ. будѣлни ^к . /	
	179.		Ерархѣ. сщѣнны ^м начални ^к . рекше / архиепѣць.	
	180.		Епикѣри (т) епикѣрь / нѣкто бѣ филосѳѣ еллинскѣи, / село славенѣ. тѣмже і оучѣнцы еѳо / нарицахѣса епикѣры еѳилосѳѣы. /	
	181.		Зенирале (т) настоалець иносеска/ѳо чѣна. иже и надѣ иѳѣмены насѣра/ше.	
	182.		Зѣграфѣ. иконописѣ ^н .	
	183.		Исто/ри ^к . повѣстни ^к .	
	184.		Калогѣрь. дѳбрыи / старецѣ.	
	185.		Калогѣриа. дѳбраа ста/рица.	
	186.		Каратѣнь. чернець.	
	187.		Кали/гра ^ѳ . доброписецѣ.	
	188.		Кѣмеркарѣи. та/мѳжни ^к .	
	189.		Кампидѣкто ^р . воѳѳода. //	
л. 249об.	190.		Консѣль*. дѣмца.	*црѣ ^с елли ^н
	191.		Кенкеларѣи. болшеи / дѣлакѣ.	
	192.		Кѣмѣтрибѣунѣсь. закѳнники. /	
	193.		Коментарѣси. старѣишина кнажи ^м / мѣже ^м .	
	194.		Кѣльсѳоры*. црѣкѣа дворанѣ. /	*ма ^р гари ^т о ѳѳѣ
	195.		Кажени ^{к*} . скопѣць.	*дѣа ^н кѣ
	196.		Кентириѣнь. / сѳтни ^к .	
	197.		Киноѳархѣ*. ѳбщѣмѣ житѣю / начални ^к .	*проло ^г ге ^н аѣ
	198.		Канселѣры*. дѣакѳны.	*црѣ ^с елли ^н
	199.		Кѣ/лирианѣы. стрѣгѣщеи полате црѣкѣ/а.	
	200.		Келиѳты. тѣсашники воѣнѣ/скѣа.	
	201.		Кѣстѳсь. стражѣ.	
	202.		Кѣстѳ/дѣа. стража. на хранѣнѣе бо вчинѣ/ныа воѣны именоуѣ ^т .	
	203.		Капикларѣе. темнѣчныи стражѣ.	
	204.		Креаторѣ. / творецѣ.	
	205.		Ксенѳѳохѣ*. страннопрѣ/имецѣ.	*жи ^{тѣ} зла ^т оу ^с
	206.		Кандилоптѣсь. кандило/вжигатѣль.	
	207.		Кесарѣ. вѣпорѳтѣ ^к . /	
	208.		Керемѣдни ^{к*} кирпичѣщи ^к .	*ѳе ^в кѣд о ѳбрѣ ^т
	209.		Кѣпѣрарѳсь. / ѳгорѳдни ^к .	кѣпѣрь
	210.		Кавѣда. кѣзнѣць за/мѳчныи.	
	211.		Кѳжелѣгѣ. кѳжелѣгѣ. ко/жѣвни ^к .	

	212.	Карнифѣзь. палаць.	
	213.	Кудѣрма. оуѣкатель.	
	214.	Леппургось. плó/тни ^к .	
	215.	Латись. ратаи.	
	216.	Їлотрь . ра/збоиниць.	Їлистисъ
	217.	Меркаторь. кажени ^к . /	
	218.	Мйстровь. оучтль.	
	219.	Милисїе. во/инь.	
	220.	Монахъ. мнїхъ;	
	221.	Акторь. ра/ботни ^к . //	
л. 250	222.	Маврось. чернець.	
	223.	Муринарь*. корá/бленики.	*црь ^с елли ^н
	224.	Магеръ*. поварь.	*о' іwанне. лѣ ^с
	225.	Мы/тарь. кабацкои окупщїкъ, и та/мóженной.	
	226.	Муларѣ. каменьщики. /	
	227.	Нобились. боларинь.	
	228.	Нотари*. по/дїаки.	*проло ^г w ^к та ^б . кѣ.
	229.	Навклїрь*. кóрмьщикъ. /	*гри ^г . двоеслове ^{пъ}
	230.	Ноа́ла* е ^с чїнь, лї. кóнникъ.	*в. пара ^{лн} кѣ
	231.	Про/змонмарь. пономарь.	
	232.	Пинсерна. / чашникъ.	
	233.	Покрутарь*. чашни ^к . /	*житїе савы о ^с ва ^ш
	234.	Протошальт*. пѣрвыи пѣвѣць. /	*о' стѣ ^н горѣ повѣ ^с .
	235.	Пударь*. стражъ.	*патери ^к ски ^г
	236.	Пиментарї*. / вращеве, иже и зѣлїа составляютъ. /	*еорѣ ^м сири ^н г ^г
	237.	Шомфо ^м оаникъ. сокровѣнны ^х вѣде ^н . /	
	238.	Пифагорь*. философъ ѳллинскїи бѣ / в лѣто, ѳѣ, тѣ.	*црь ^с елли ^н ,
	239.	Рефандарь*. мскам ^б / блюститель. рѣкше коню ^х .	*црь ^с гре ^ч
	240.	Ра/птїсь. швецъ.	
	241.	Сопца*. свирѣльни/ки.	*ма ^о еv ^г лѣв
	242.	Секратъ*. нóвїи и небывалїи. /	*пѣ ^с , вѣ
	243.	Сикари*. разбоиницы.	*дѣа ^н мї
	244.	Скопѣць. / выхолощени;	
	245.	Ставларїе*. конѣ ^м / стражъ.	*црь ^с гре ^ч
	246.	Синатось. служѣбница. /	
	247.	Козмикъ*. мирани ^н .	
	248.	Козмикини*. / миранка.	*патери ^к ски ^г
	249.	Сейты. вл ^д ки.	
	250.	Спїра. / вѣсь сóнмъ.	м ^ч нїе георґїа сре/деческаго
	251.	Скринїархъ. иже / храни ^г спїски цр ^с кїа.	
	252.	Мїми. ско/морóхи.	
	253.	Мамъ. юродивъ. //	
л. 250об.	254.	Спекулаторь. оуѣкатель.	
	255.	Скифъ. / (т) татарї ^н козарскїи. а в	

		толко/во ^М ап ^С лѣ скифъ словенѣнъ нарі/че ^Т са.	
	256.	Скудѣлникъ. горшѣчникъ; /	
	257.	Стратигъ. воѣнъ.	
	258.	Сѹлацы. воѣны пѣшїа. и ^Ж село чѣстны.	
	259.	Трапезаръ. / стѹлникъ. ѳѳ	
	260.	Тажателе. дѣ/латели. имѣже поручено вїноградо ^М , / или имѣнїемъ владѣти и' стрѹи/ти.	
	261.	Оусмаръ. кожѣвни ^К .	
	262.	Оусмошве ^Ц . / сапѹжни ^К .	
	263.	Амира. кнѣзь	
	264.	о'вѣщены ^Х / веще ^Х ; Алл ^Г їа. хвала живѹму бгѹ.	
	265.	Аминь. право. или ѣи. или бѹди тако. или / буди глѣнное;	
	266.	Артофоръ. сосѹдъ / в немѣже тѣло х ^С во держать.	дароносица
	267.	Арїиль. / гора бжїа.	
	268.	Анафѹра. дора.	
	269.	Анафо/ранъ. даръ бгѹ принесѣныи. еже е ^С / возношенїе.	
	270.	Акафисто. несѣда/лно.	
	271.	Акафисматосъ. несѣдалныи / хра ^М бгѹродиче ^Н .	
	272.	Краегранесъ. нача/льное словце стиха.	
	273.	Анарѹтъ. пре/м ^Д рости солѹмона. или їсуса сирѹ/хова.	
	274.	Аделфофѣи. бра ^Т бжїи. /	
	275.	Ватїль. храмъ бжїи.	
	276.	Вравїе. / вѣтвь фїникова с плодо ^М . //	
л. 251	277.	Водди*. во вѣспїеннѹю одѣждѹ.	*даниї ^Д г
	278.	Во/анергесъ*. снѣ громовъ.	*ма ^Р евр ^Г ли ^С
	279.	Жамъ. / црѣвь.	
	280.	Змїрно*. неїстлѣнїе плѹ/ти. а'о' составленїи егѹ толкѹе ^Т в си/ноѣари великїа среды.	*сре ^Д ве ^{ЛН} синоѣа ^Р
	281.	Ливанъ. / ладанъ. а' и҆нде ливанъ наричетъ / мѣста жѣртвенаа. по речѣнному*, слава ливанова дана бысть ѣи, / и чѣсть кармїлова. і паки кѣдри ли/ванстїи, і прочее.	ма ^С евр ^Г *сло ^В на стѹе бгѹ/авленїе / ѣло ^М р҆г
	282.	Іконѹстасъ*. / дѣисусъ или стѣа икѹны.	*оуста ^В ски ^Т скои
	283.	Ке/нонїа. причѣстїе стѣ ^Х тайнъ. /	
	284.	Крофѹты. прч ^С теи.	
	285.	Крыжъ. кр ^С тъ. /	
	286.	Кастель. црѣвь.	
	287.	Мандилїѹсъ (т) / ѹбразъ.	
	288.	Маргарїтъ. жемъчѹгъ. /	
	289.	Месїа. помѹзаныи стѣ ^М масломъ. /	
	290.	Лахерна (т) близъ црѣа града ѣсть	

		ко/ра́бленое пристáнище. в нѣмже во вре/ма войны оубієнь бы ^с пресловѹтѹи / скіѹскіи воєвѹда, ѹмене ^м лахѣрна. / и ѡтоле и пристáнище то имену/ѣтса лахѣрна. того ради и храмъ / пр ^с тыа бѣа на то ^м мѣстѣ соѡружѣ/ныи, нариче ^т са влахѣрнѣ. в немже / положена бы ^с риза пр ^с тыа бѣа. //	
л. 251 об.	291.	Халкопра́тїа (т) оўлица бы[ла] мѣдны ^х / дѣлателеи въ црѣградѣ. тѣмже и / храмъ пр ^с тыа бѣа на тои оўлицы соѡружѣныи, наричетса в халкопра́тїи. в немже положѣнь бы ^с по́лсь / пр ^с тыа бѣа.	
	292.	Анікитосъ. непобѣ/дѹми побѣдѣтель.	
	293.	Нїка (т) по/бѣдѣтель. рѣкше непобѣдѹмое / оружіе.	
	294.	Назирѣѡнъ (т) о́сва/щєнь.	
	295.	Маккавѣи (т) нѣкто бѣ / во євреѹхъ мѹжь храбрѣ ѹмене ^м іюда, / а прозѡище ^м маккавѣи. того ра ^{ди} и кни/ги в нїхже храбрѹсти єго ^{же} на сопоста/ты, и мѹжества пїсаны, наричу ^т са / кнїги маккавѣйскїа; сегѹ ради / и стїи м ^ч нцы сѣдмъ братїи, и мтїи / ихъ і оучѣлѣ ихъ єлеазарѣ, наричу ^т са / макковѣи, поне ^ж в тѣхъ макковѣй / кнїга ^х мчнїе и ^х пїсано; не обѣавї же / о си ^х списáтель по́вѣсти, єже ѡ ѹного ли / макковѣа бѣху по́ плоти. /	рѹда
	296.	Септѣврїа въ, дї. в словѣ єже о кре/стѣ гнїи. пїше ^т , ому́сїа (т) єди/носѹщество.	
	297.	Номосъ. закѹнъ. /	
	298.	гъ (!). полѹденнаа странà; //	
л. 252	299.	Нáрдо пистики (т) ма́сти вѣрны. / рѣкше мїро без примѣсѹ. нелѣстно / бо бѣше оўстроено; по грѣчески бо, нáрдо, а по рѹски масть; по грѣче/ски пїсти, а по рѹски вѣра. /	єв ^т іѡѡ. / за ^ч ма.
	300.	На лїву , и к хору. (т) к вѣтрѹ полѹ/денному, и к вѣтрѹ полѹнощно/мѹ.	дѣл ^н . мѹ
	301.	Огáвїе* (т) стѹжѣнїе. /	*патери ^к ски ^т
	302.	Всесожжѣнїе* по єврейски глѣтса сѣ, / єже принѣсше в да ^р бгѹ оѡвѣнь, илїи те/лѣць. и заклавше весь сожгоуть / то е ^с всесожжѣнїе.	*ψло ^м нї
	303.	Олоковтомá/ты* всесожжѣнїа.	*паремьї / илїи пр ^о рку
	304.	Олѹгїи (т) / о́ бзѣ глãтелницы.	
	305.	Офѣра трѣба. /	
	306.	Аѡїра* . (т) кашїца. а во инѣ ^х / превѹде ^х именуѣ ^т афїрѹ зелїанїцѹ. /	*патери ^к о прода/ юще ^м клобоу[ч]ца
	307.	Проскомидїа. просфиромисáнїе. /	

	308.		Пасха* (т) преведеніе. илї свобода. /	*гри ^Г бго ^С а ^Г
	309.		Дискось. блюдо ошченное. /	
	310.		Подипна. павечерница меньшаа. /	
	311.		Агрипниа* . всенощное. /	*оуста ^В се ^Н и ^Г . / и ^Г ді
	312.		Пандекта (т) книга нико ^Н скихъ пра ^Г вилъ; по гречески бо нариче ^Т са па ^Г ндекта. а по руски всепріа ^Т тна. /	
	313.		Патріарси* (т) вѣце ^М началници. //	*дѣа ^Н зї
л. 252об.	314.		Пнеоуматикось* . (т) дховникъ. /	*и ^З повѣсти о сѣи / горѣ
	315.		Прусть црковны (т) паперть. /	
	316.		Позорь* (т) со оудивленіемъ что / зримо бывае ^Т , то е ^С позорь. /	*ап ^С ль рла
	317.		Подирь* . стихарь . еже есть оде ^Г жда ошченнаа. /	*паре ^М михайлу / арха ^Н
	318.		Кидарь* . (т) клубукъ ч ^С тии со зла/тими нитьми. еже митра, / нариче ^Т са і оувасло. І паки ки/дарь именуе ^Т іазыческаа села, / рѣкше домы татарскіа. йже соу ^Т / сугубы, едінъ бо на колесница ^Х , / а другїи в земли ископанъ. сїи / же кидарь толкуе ^Т са, тма. /	*ψло ^М рїи **гра ^М матика
	319.		Просодїа (т) верхнаа сила писма / по гречески именуе ^Т са просодїа. / еже имена суть сїа о ^Г їа. (/). / вариа (/). камура (°). кратка/а (.), краткаа (°). апостровь. / ("). ω звателнаа. ("). кенде/ма ('). еретїца ('). оуподи/астолїа, (;). срока (.). двсрочїе (:). титла ("). / покрьїтие (~). соедїнїтелна/а (-).	гра ^М мати ^К
	320.		По алѣавиту (т) по азбукѣ. //	
л. 253	321.		Палеврета* (т) ветхїа лавры. /	*апри ^Л . еї. сва ^Т цы.
	322.		Ставроникить* . (т) монастырь есть во сѣи горѣ тако именуем. /	*w повѣ ^С , о сѣи горѣ
	323.		Седекъ (т) правда.	
	324.		Салїмъ. / мїрь.	
	325.		Скинїа. цркъв полн/тнанаа йже бѣ во исходѣ євреи/ско ^М .	
	326.		Стамна* . сосоуд златъ подо/бень кружки. и тыквѣ оустрое/нои.	*ап ^С ль. за ^Ч . ткѣ.
	327.		Саракостїа. четириде/сатница.	
	328.		Пентикостїа* . патьдесатница.	*синоза ^Р . въ н ^Г цо ^У
	339.		Оупостась. / составъ.	
	330.		Триоупостагна/го* трисоставнаго.	*припе ^Л . (!) б ^А пѣ ^С ни / срѣтенїю.
	331.		Триодъ / (т) трипѣснецъ.	
	332.		Тактї<ко>нь* . (т) чиновнаа книга нико ^Н скаа. / тако именуе ^Т са.	*правила нико ^Н /ские.
	333.		Тропарь. / подобство житїа.	
	334.		Кондакъ. / извѣстство вѣше ^М (!).	
	335.		Икосъ. / извѣстство високи ^Х .	
	336.		Оуваслв. / митра, еже и вѣнець.	
	337.		Θеодекта. / бгопрїатныа .	

	338.		Θελόνъ. рѣза о́сва/щѣннаа.	
	339.		Хабува. х̄а б̄га.	
	340.		Хи/тoнъ. нѣ швенаа х̄ва о́дежда. /	
л. 253об.	341.		Хиландарь (т) монастырь е ^с во стѣи / горѣ тако имену ^м . толкуче ^т жеса хи//ландарь львова оуста.	
	342.		Голгофа*. / (т) лóбное мѣсто.	*ev ^г iw̄ ǰ / ма ^р . ǰи
	343.		Гаввафа. (т) / каменно по́слано. понѣже ка/мениемъ тѣсаны ^м оустроено бѣ / мѣсто то.	
	344.		Еоулогисонъ, пате/ро. блг ^с ви в̄чѣ.	
	345.		Ектенийо́сь. / моленіе.	
	346.		Евхѣа. литѣа, е ^ж / е́сть мѣтвованіе. /	
	347.	о́южиче/ствѣ;	Еврейски. авва*. грѣчески пате ^р . / руски, в̄щѣ.	*ап ^с ль на ро ^ж х ^с во / ма ^о ev ^г ли ^с
	348.		Варь. сн̄ь.	
	349.		Варь. / іона. сн̄ь іонинь.	
	350.		А́мма. м̄ти. /	
	351.		А́делфось. бра́тъ.	
	352.		Анеψеи*; пле/ма́нни ^к .	*ап ^с ль сѣа
	353.		А́ндрось. му́жь.	
	354.		А́зорь. / жена.	
	355.	кúпно / о́ра ³ личны ^х веще ^х .	А́ктимонъ*. нестл/жа́тель.	*маǰи ^м гре ^к к̄д
	356.		Θилоктимонъ*. лю/бостажа́тель.	
	357.		Аравѣа. идуме/а*	*ψι ^о π̄с
	358.		А́сирѣа* (т) месопотамѣа. / рѣкше междорѣчѣе, и ^ж сүть во стра/нѣ халдѣистеи. идѣже гѣ пѣрвое / призва авраа́ма; авраа́м бо родо ^м / халдѣанинъ бѣ.	*дѣа ^н з̄и
	359.		А́фрикѣа*, ка/рфагѣнъ. неаполь, все то е́ди ^н гра ^д . / А́ стойтъ гра ^д тои во странѣ ли/вѣистеи.	*црь ^с . елли ^н
	360.		А́рара ^т скѣа* горы во стра/нѣ армѣнѣистеи. //	арменскиа. / *полѣа.
л. 254	361.		А́гнець*. баранъ.	*ψι ^о π̄с
	362.		Юнець. бѣкъ. /	
	363.		А́лупудесь. лиси́ца.	
	364.		А́ркудеасъ*. / медвѣдь.	*патери ^к ски ^т .
	365.		А́рмелина. горноста ^н . /	
	366.		А́пидь*. бѣкъ.	*гри ^г бго ^с . на бго/авле ^н е
	367.		А́ртигомѣстра. / крастели.	
	368.		А́ето. орель.	
	369.		А́идо/ніось. соловѣи;	
	370.		А́навъ*. неѣсы ^т ** / пти́ца. а́ подобна журавлю. /	*е́зархъ н̄д **ψι ^о < ^м > р̄а.
	371.		А́лконость*. пти́ца морскаа. а́ пи/ше ^т о́ неи в полѣи.	*полѣа;
	372.		А́лекторъ*. пѣте ^л . /	*ev ^г ма ^р

	373.		А́ста́рта и а́ртеми́да бо́гини ба́ху э́лли́нскиа.	іа́са ^о цр́ви ^ч
	374.		А́фроди́ска ^{а*} (т) / а́фроди́та бо́гина́ была во э́лли/не ^х . и то́лико вда́ себе́ в блу́дь э́ли/ко пла́чущи ^с і́ска́ти э́и ра́чи́тели / свои ^х ; того́ ра ^{ли} а́фроди́тскими́ дѣ́лы блудна́а дѣла́ имену́е ^т .	*а́покали́пси ^с / гла ^в і́
	375.		А́не/мось. вѣ́стрь (!).	
	376.		А́е́рь. во́зду ^х . /	
	377.		А́раво́на*. о́бру́чении пѣ́рстень. /	*и ^з пре́ста цр́ца
	378.		А́лава́стра*. сткля́ница.	*сино́жа ^р велики ^а / сре́д.
	379.		А́зи/о́сь. досто́инь.	
	380.		А́лимби́а*. (т) / о́бходь слн́чныи четверо́лѣтны ^и . /	*че ^п зла ^т
	381.		А́налогъ*. на́лои.	*оу́ста ^в се ^п ді
	382.		А́закъ. хроме́ц ^п . /	
	383.		А́шуть. ту́не, ре́кше да́ромь. /	
л. 254об.	384.		А́шинфо́сь* пелы́нней го́рести / подо́бна. а́псинео́сь по э́лли ^и ски // глѣ́тса пелы́нь.	*а́пока ^{ли} к̄
	385.		А́кровистіе. / о́брѣ́заніе.	
	386.		А́драмити́нь. кро́ткїи.	
	387.		А́нкїра. іа́корь.	
	388.		А́на/фе́ма. ѿлу́ченъ ѿ цр́кве хвѣ́ и / ѿ сочета́нїа правосла́вныхъ. и / про́кла ^т .	
	389.		А́нае́матики. ѿлоу/че́нїи.	
	390.		А́фесї́нь. ѿпу́сть. и́ли / оста́вленїе.	
	391.		А́вїа́ль. бра́нь. и́ли / война́.	
	392.		А́ласто́рь. лѣ́стивыи; /	
	393.		А́рміа ко́мбо́ста. со́ленаа ка/пу́ста.	
	394.		А́маго́рь. го́рдына.	
	395.		А́по/наре́тесъ. м ^л рость.	
	396.		А́нтима. / ба́на.	
	397.		А́римфо́сь. число́. /	
	398.		А́ласъ. со́ль.	
	399.		А́гафо́сь. блѣ́и. /	
	400.		А́лифе́иасъ. і́стїнныи.	
	401.		А́па/ра́ктиасъ. вѣ́тръ полу́нощныи. /	
	402.		А́стераси́сь. о́ преходны́хъ звѣ́зда ^х . /	
	403.		А́гно́сїа. безу́міе.	
	404.		А́гно́стосъ. / безуме́ ^и ,	
	405.		А́пїстїа. невѣ́рїе. /	
	406.		А́лазо́нїа. го́рдость.	
	407.		А́оедро́нь. / за́днїи прохóдь.	
	408.		А́йнеси́нь. хва/ла.	
	409.		А́мбели́нь. виногра́ ^д . /	
	410.		А́нфо́сь. цвѣ́тъ.	
	411.		А́спра. сре́бре/ни́ца.	
	412.		А́вона. мску́сь.	
	413.		А́нгүри. / о́гүрцы.	
л. 255	414.		А́ргали́е. крово́пустное // желѣ́зце.	

	415.		Ἀκαφάρσια. неч ^с тота. /	
	416.		Ἀφέκты. похоти.	
	417.		Ἀссаріа. срé/браница, противъ грóша.	
	418.	о камене ^x	Ἀμέ/ου[σίи] . ἄνθραξъ .	ἄμεουσисъ ἄхалкидо ^{нн}
	419.		ἀспίςъ. ἄхátисъ . /	ἄсардинисъ
	420.		сардіонъ. топазіи.	
	421.		змарáгдъ. са/пфиръ.	
	422.		ἰοακίηфъ. хрисолифъ .	ἄфрусникъ
	423.		ἄвирилліонъ . Ἄνυχίонъ .	ἄі оуриль ἄхрисопрасосъ
	424.		Ἀρεοпа/гитъ (т) во афіне ^x бѣ судище на/рицаемо ареопагъ в немже бѣ, ѣ / судіи и вси тїи судіи и съ дóмы сво/ými нарицахуса ареопагите. w̄ / нихже бѣ єдинъ стѣи* діонисіе, то/го ра ^{пн} и сѣи ареопаги ^т нариче ^т са; /	*w̄кта ^б ѣ
	425.		Ἄбие (т) с̄ словомъ кúпно, илїи тотъ / часъ.	
	426.		Ἀсидієсь. трава w̄ неже / бѣгаю ^т нечїстїи дуси.	
	427.		Ἀκρίды. / вѣршіе дуба.	
	428.		Ἀрамáты. масти / драгіа. илїи запахи бл҃говонны. /	
	429.		Ἀλαбáрта. дреколїе.	
	430.		Ἀстерісисъ*. / жемчюгъ.	*пре ^д сло ^в е а̄ хъ пара ^{пн}
	431.		Ἀпотéки. погребы. /	
	432.		Ἀскопа*. мѣшо ^к вїнныи.	*іюди ^о ъ
	433.		Ἀφї/схъ*. сосоу ^д пїтеи.	*в̄ е ³ дра.
	434.		Ἀлапетасъ. / (т) пїща сотворена w̄ мукїи сүшенїи / смóкви.	
	435.		Ἄрдуа. мѣста непрохó/днаа кóньми. //	
л. 255об.	436.		Ἄдара {ж ^н }. мартъ.	
	437.		Ἄрсъ {евре ^н }. и ареосъ {елл ^н }, / априль.	
	438.		Ἄртимисъ {елл ^н }. апрѣль. /	
	439.		Ἄнисáнь {евре ^н }. мартъ.	
	440.		Ἄтурáсъ {македо ^н ски}. и ѳа/рмүфи {египет ^т }. и санфїзъ {елли}, мартъ же. /	
	441.		Ἄдудимъ {маке ^{до} }. и пахонъ {ег ^н }. апрѣль {рус ^с }. /	
	442.		Ἄлүмъ {ж ^н }. ркинъ {макед}. дѣсїи {елл ^н }. паоўни {ег ^н }. ма ^н {рус ^с }. /	
	443.		Ἄмамазма {жидо ^в }. левъ {маке ^{до} }. панемъ {елл ^н }. епé/фїи {ег ^н }. іюнь.	
	444.		Ἄйáвъ {ж ^н }. парфоносъ {маке ^{до} }. / елїўтъ {елл ^н }. паоридáвъ {ег ^н }. іюль. /	
	445.		Ἄлүмъ. зүгосїи. гарпїосъ. жóфъ. / августъ. /	
	446.		Ἄширимáсъ. лоскостисъ. дїосїи. / Ἄфиръ. септѣврїи. /	
	447.		Ἄмареоуáнь. скотросъ. оупевгé/тросъ. фѣўѳїи. октабрь. /	

	448.		Левъ. ерѣкръ. апеливъсь. фї/акъ. ноабръ. /	
	449.		Тивфъ. оутрохось. адунесїи. / тугїи. декабрь. /	
	450.		Арфусъ. пертвбсеи. махїръ. / саватъ. генваръ. /	
	451.		Өйсть. зилось. горголимъ. фе/ртеневсь. евраль. /	
л. 256	452.		Елифазъ* именовашеса єдинъ / ѿ трїехъ друзовъ іевлевы ^х прише ^л //ши ^х посѣтити его на гноїци сѣда/ща.	*лѣствица. кѧ.
	453.		Бощїю. всако. или ѿнюдь. /	бощїю.
	454.		Белчюгъ. кольцо.	
	455.		Бе ^з словесно. кро/мѣ слова нѣкоего и винї.	
	456.		Барка. / кораблѣць.	
	457.		Бладївыи. лживыи. /	
	458.		Борїна. лучїна.	
	459.		Белегъ. знама. /	
	460.		Близнецъ. съ други ^м родївыиса. /	
	461.		Быранїе. волокида (!).	
	462.		Бухось. хили ^н . /	
	463.		Балибатъ. олово твореное.	
	464.		Белїръ. / камень драгїи, нарицаемыи вири/ллось.	
	465.		Бждрїи. опасливыи, / или сторожливыи.	
	466.		Багадатъ. ва/вилонъ.	
	467.		Брадовъ. топоръ. /	
	468.		Бїчь. кнутъ.	
	469.		Брежевата ^ъ . чре/вата.	брюхата ^ъ
	470.		Без щука. бе ^з шума.	
	471.		Балїа. ворожїа.	
	472.		Балистасъ. са/мострѣль.	
	473.		Беръ, гра ^д . а ѿсто/итъ ѿ стѣа горы два днїща. / к селуню.	
	474.		Безоѡчство. безъ/студство.	
	475.		Ваїа. вѣтвь вѣтха/а.	
	476.		Витохранїтеле. страннопрї/їмцы.	
	477.		Веневѣртиосъ. виницьа. /	
	478.		Вевронїа. мурскаа страна. /	
	479.		Ватопедъ. монастырь єсть во стѣи го/рѣ тако имену ^м .	
	480.		Вуаль. о ^к табрь. //	
л. 256об.	481.		Вїа. шеа.	
	482.		Васнь. мню.	
	483.		Вса / ми лѣтъ. вса ми возможна. / и пристоатъ.	
	484.		Встуговъ. ремен ^б . / еже е ^с кзень.	
	485.		Вагою. вѣсо ^м .	
	486.		Водно ^с / сребро. ругъ.	
	487.		Викїа. стекла/ница.	
	488.		Вукукратъ. власницьа. /	
	489.		Власфимїа. хула.	

	490.	Враска. бола/чки. или порокъ.	
	491.	Валозъ. крѣпо/сть.	
	492.	Великодшѣнь. и ^ж всакү скорбь / приражающуюса моги гѣ ради по/нести.	
	493.	В кмѣнтъ. вѣссонъ тра/ва ѣже растетъ в генисарѣтско ^м / ѣзерѣ. е'юже краса ^т цр'кѣа багрѣни/цы.	
	494.	Верхуща. молотѣща.	
	495.	Ве/ршьба. молодба.	
	496.	Вертогра ^т . / о'гро ^д .	
	497.	Всетѣчны. на все дѣрзы. /	
	498.	Вреснотү. в'правдү.	
	499.	Васанъ. / студъ.	
	500.	Вскигадола. послуше/ство.	
	501.	Карвана. даръ ѡбѣща/ны ^т (!) бгү в принось.	
	502.	Восхлещеніе*. / обузданіе.	*сѣрѣ ^м ой
	503.	Вземствова ^т . насиль/ствова ^т .	
	504.	Врѣніе. кипѣніе. /	
	505.	Восоръ. плоть.	
	506.	Облашскіи. ми/рскіи.	
	507.	Пѣра. мѣхъ холщевой. /	
	508.	Самаръ. мѣхъ кожанъ. //	
л. 257	509.	Вивона. прыщъ.	
	510.	Вовуна. мозоль. /	
	511.	Валсамо елѣв. шѣпковое масло /	
	512.	Вромносъ. плѣвель.	
	513.	Всакаго рѡда мусикіина. всакаго оустроеніа / гудебнаго.	
	514.	Вааліміа. куміровы. /	
	515.	Веельфегоръ. ѣдолъ бы ^т во азъще ^х .	
	516.	Веліаръ. и веельзаоуль и валеимъ / и асмодейсѣ. ептастрагалосъ. / зүфелүзъ. зарватейсѣ. титанъ. / савореосъ. дойкъ. зиөөе; вса / та имена бѣсовска. вписаны ^ж / здѣ на обличеніе призывающі ^м / и ^х чародѣ ^м .	
	517.	Вали ^м . каменны теле ^т . /	
	518.	Гиометріа. планіты.	
	519.	Гене/фліалѡги. радословцы, мнѣщеи/са астрологіею оучитати счѣ/стїа и доброднѣства члѣко ^м .	
	520.	Газо/филакїа. (т) сокровищное храні/лище.	
	521.	Герма[ні]. нѣмцы фра ^з скїа. /	
	522.	Гностиконъ. оумень.	
	523.	Гамно/росъ. зать.	
	524.	Грифонесъ. ногъ птї/ца.	
	525.	Глүмлахса. пооучахса.	
	526.	Га/даніе. сокровенъ гль.	
	527.	Гаждѣ/ніе. хуленіе и лайба.	
	528.	Гѣгрена. / гнои. и навозъ.	
л. 257об.	529.	Графїа. перѡ, // или трѡсть писчѣа.	

	530.		Гликізмо / вар ^а т в' винѣ в' красно ^м . за[печа]тлѣвше (!) / бо вина краснаго в сосудѣ, толико / вар ^а т в' пещи, елико точію трѣ/теи чѣсти остати в' сосудѣ. и то / оставшее бывае ^т густо, іако за/студівше ноже ^м , рѣзати. то е ^с / гликізмо.	
	531.		Ганігрисъ, или гангі/а. фисонъ рѣка.	
	532.		Геонъ. ниль / рѣка.	
	533.		Гомола. комъ.	
	534.		Гмыже/ве. гадове.	
	535.		Гробла. острогъ. /	
	536.		нѣа Исполины. гиганты. щу/ды. волоты, всѣ едино.	
	537.		Гимва/сиоумъ. оучтльница.	
	538.		Горбъ. іазва / неисцѣлна.	
	539.		Горбію*. іазвою. /	*заха ^{ри} д̄
	540.		Горүшично, синѣпно, горчічно. / всѣ едино.	
	541.		Гаща. ризы. /	
	542.		Гель*. гель. обращеніе обращеніе. /	*део ^{ни} с̄. арев ^п / еї.
	543.		Гворъ водный (т) волна морская/а.	
	544.		Струги. волнобитіа. /	
	545.		Главотажа. повои главныа, / еже тезики главы повиваю ^т . /	
	546.		Густеры. кладази.	
	547.		Големість. / высокъ и ^з тонкости. /	
	548.		Декаполи ^т . десятиградецъ. //	
л. 258	549.		Не чекаша. не радѣша. или небрегѣ/ша.	
	550.		Навать еретикъ, і оригенъ, / бѣша в лѣта, #ѣ џнѣ.	
	551.		На пүщи. / в пүстыни.	
	552.		Настоаны. запасисты. /	
	553.		Неоменіа. новомѣсчїа.	
	554.		Неклю/чно. непотребно.	
	555.		Нѣти. плема/нни ^к .	
	556.		Набло ^м . пластырами.	
	557.		На / трізню. на подвигъ.	
	558.		Нерамжа іаго/да подобна аблоку. а велми кисла. /	
	559.		Навлѣтши. особъ.	
	560.		Надпу. нае ^м . /	
	561.		Настегнвы. нагавицы, или шта/ны.	
	562.		Несмүщеніе собствъ. несмѣ/шеніе своіствъ, или неслїаніе. /	
	563.		Ороографїа. правописаніе.	
	564.		Офи/нидъ. оужъ.	
	565.		Оглашенїи наричю ^т са / кр ^с титиса прише ^д ше, і йма ново / іаша. а ещѣ не крщенї.	
	566.		Обль. кру/гль.	
	567.		Обело. строчна.	

	568.		Ошуть. / туне.	
	569.		Ошимъ. пиво, или вино / красное.	
	570.		Онгия. еи золотниковъ / вѣсо ^м .	
	571.		Обротиса. обуздайся. /	
	572.		Ошаатиса. влучатиса. еже есѣ вѣтре/батиса.	
	573.		Осель. лошадь или конь. /	
	574.		Оцеть. оуксусъ.	
	575.		Облашь. мирь. /	
	576.		Палаки. наложницы. П //	
л. 258об.	577.		Офера. дарь.	
	578.		Оброщены. очервле/ны.	
	579.		Охабитиса. вѣгребатиса. / или вѣ чего оудалитиса.	
	580.		Олины. / дивя смоквы.	
	581.		Оспитались. стр ^а /ннолюбцы.	
	582.		Осиридь бѣ еллинъ. егѣже страсть празднующе египта/нѣ рѣжутся крошеса, в честь / обого (!) бѣды.	
	583.		Орреа. засѣки. /	
	584.		Петаль бѣ подобень иконѣ стльско ^н , / округло златъ. на немже написа/но четырьми писмены неизреченно ^е / има бжѣе.	
	585.		Пифагоръ еллинскїи философъ бѣ в лѣта, #ѣтѣ.	
	586.		Палестра ^а . / самострѣль.	
	587.		Пелопидъ сынъ бѣ / царя фригїиского. в сего поидоша пело/пидѣ.	
	588.		Портъ. лень.	
	589.		Помуждъ. / помѣдивъ.	
	590.		Пажить. поле ското/питателно.	
	591.		Понава. плащани/ца.	
	592.		Плицъ (т) попечѣнїе, или мо/лва.	
	593.		Папиря. хвастїе.	
	594.		Пардусъ. / лютыи звѣрь.	
	595.		Пификъ. облезла/на.	
	596.		Пеони. оугране.	
	597.		Пролеши. про/хоженїе, рекше гульба.	
	598.		Прасїно. / зелено.	
	599.		Пищали. свирѣли.	
	600.		Пипѣлы. / маленькїа трѣбки. //	
л. 259	601.		Лїда. диосполь градъ. а вѣстойть / в іер ^с лима днѣ путь пѣша мужа. /	
	602.		Иракля. дафня гра ^д .	
	603.		Дѣлва. / бочка.	
	604.		Драконъ. змїи.	
	605.		Дафня. / древецѣ блгооуханно.	
	606.		Декалитро ^{н*} . / десять литръ.	*ма ^е нг
	607.		Дяшало ^м . другїи / шало ^м .	
	608.		Докавхто. всмьнадеся/тыи.	
	609.		Дшевные блоу ^д ересъ и нечѣ/стїе.	
	610.		Комите, докїдесъ (т) ко/митъ есть	

		о́гневѣдны ^х звѣздъ / собранїа. влась главы́ о́бразно. о́/крестъ испуща́а зарѣ. Докѣ́а е ^с / звѣздовѣдна ко́пїа. сїречь дүүгà / о́гневѣднаа. на го́рнааа простира ^а / лууча́.	
	611.	Їспра́ша. измы́ша.	
	612.	Їсто́е. / сущее. или́ са́мое го. или́ прамо́е. /	
	613.	Їту́гнаїе. гласово́мъ звоу́къ. /	
	614.	Дре́молокъ свѣлень. по́сохъ свѣдо/вои.	
	615.	Дави́рь. рѣзница.	
	616.	Дельфи ^н . / звѣрь морьско́и.	
	617.	Даро́умъ. восто ^к . /	
	618.	Диадѣ́ма. вѣне́ць цр ^с кїи.	
	619.	До/сконáлому. совершено́му.	
	620.	Друко́/вана. печáтана.	
	621.	Евилать (т) / индѣ́а.	
	622.	Евксинопóнтъ. велико ^с /мо́ре.	
л. 259об.	623.	Елі́мъ (т) райфа. а̄ wсто// ить w горы́ сїна́йскїа, ѝ. по́прищ ^б . / а̄ w іер ^с лма, иї. днѣи пѣ́ша мѹ́жа. / а̄ и́нде елі́мо ^м іер ^с лмь и́мену ^т ;	
	624.	Етолі́цьскаа. рѣ́мскаа.	
	625.	Епо/мидь (т) стиха́рь. а̄ и́нде срачи́/цею и́мену ^т стиха́рь.	
	626.	Ефимері́а. / чредà. рѣ́кше радь слү ^ж бы.	
	627.	Емені́а. / десни́ца.	
	628.	Еродїи́ есть птица вели́/ка и́ чадолюбїва. и́бо и́ врабї́еѡе / витаю ^т о́кругъ гнѣзда́ еа. /	
	629.	Есмї́рнисмено ^м вїно́мъ и́менуоу ^т / мїро изгорча́вшее.	
	630.	Ересїа́рха. / невѣ́рїю нача́льника.	
	631.	Епендї́ть. / (т) полóтнице, и́мже сїрстїи́ / рыболовцы́ препо́сүютсa. /	
	632.	Етерь. нѣ́кїи.	
	633.	Ефѣа́фа. развѣ́/рзиса.	
	634.	Ельма (т) понѣ́же. или́ по/елї́кү. или́ а́ще бы.	
	635.	Ехинь. жїво/тно нѣ́кое, гнѣзда́щесa в мори. /	
	636.	Ефудь (т) пла́ть златыми нї́тми / и́сткань, и́ на не ^м ба́ху, вї, каменїи́; / толкүе ^т жесa е́фоу ^д , іавленїе, или́ / wкровѣ́нїе. в о́нь бо зра́ще іерее́ пр ^о /рица́хү.	
	637.	Езгү́ла. зогóзка птї́ца. /	
	638.	Ермагедо́нь*. мѣсто сѣ́ча. //	*апока ^{лп}
л. 260	639.	Евхї́а. млт́ва.	
	640.	Еоурипї́дъ фило/софь э́ллинскїи бѣ́ в лѣ́та, ѣ́тѣ. /	
	641.	Еоудокї́всь. бл҃говоленїе. /	
	642.	Еликóнскї ^х . э́ллинскї ^х .	
	643.	Ека́ти / лүна́.	

	644.	Едекель. рѣка вавило ^н /скаа.	
	645.	Еллеворъ. быліе чистите/льное черное кручины.	
	646.	Ега, коза. /	
	647.	Елифантъ. слонъ.	
	648.	Еримита. бе ^з /молвника.	
	649.	Ефектъ. падучаа нѣ/мощь.	
	650.	Жезль. посохъ.	
	651.	Жупель. / сѣра.	
	652.	Жупища. гробища. /	
	653.	Жерновъ ослии е ^ж коньми мелють. /	
	654.	Жеретѣа. журавль.	
	655.	Желвы. / животно нѣкое в мори. /	
	656.	Селò. вельми.	
	657.	Сѣлень. веліи. /	
	658.	Сдѣнь. гліна.	
	659.	Зодчи. здатель / храмина ^м .	
	660.	Зрада. ловленіе. /	
	661.	Иверскаа. грузинскаа.	
	662.	Илири ^к . / испаніа, еже е ^с перваа часть сло/венскіа земли.	
	663.	Ипіра. македо/ніа.	
	664.	Искреніи. ближніи.	
	665.	Ипо/крати. лицемѣріе.	
	666.	Ипостась. / составъ.	
	667.	Ихавьарь. икра. /	
	668.	Каситиръ. олово.	
	669.	Кудь. про/изволеніе.	
л. 260об.	670.	Качество. естество // каковому есть.	
	671.	Количество. мѣ/ра колика.	
	672.	Свѣне. кромѣ.	
	673.	По / строю. по смотренію.	
	674.	Тризна. / подвигъ.	
	675.	Обавленіе. явленіе. /	
	676.	Цеца. ра ^н .	
	677.	Оузрокъ. вина. /	
	678.	Стремъ. право, совершенъ, / поистиннъ.	
	679.	Непщюю. мною. / оуповаю.	
	680.	Таймичище копели/чище. иже не в̄ законныа жены / отроча.	
	681.	Свернь. опаки.	
	682.	Ссуженіе. смѣшеніе.	
	683.	Суетно. (т). / кромѣ потребности нѣкоеа быва/емое праздно. іако има оубо / есть, вещь же нѣсть.	
	684.	Низоу/плѣжно. смиренъ и малогласн ^ѣ . /	
	685.	Самолюбіе. еже к тѣлу стра/сть и оугодное тому.	
	686.	Сокономіа (!). / поварна.	
	687.	Искони. вначалѣ. /	
	688.	Древле. прежде.	

	689.		Їго. брѣма. или / заповѣдь.	
	690.		Їзрадно. (т) праве/дно. или достоѣнѣе, или подо/бно.	
	691.		Їзвально. чеканено, или / на ѡбрѣзь рѣзано.	
л. 261	692.		Їстуканно ^с . / еже сотворено кругло, а в середѣ/нѣ пусто. или в дрѣвѣ клиемъ // склеено. или в мѣди или сребрѣ / спалнѣемъ оустроено.	дупто ^с
	693.		Їподромъ. / (т) мѣсто коньскаго оуристанѣа. / или плоча ^л .	
	694.		По ^л тронѣе. паракѣль. /	
	695.		Їндрѣа (т) звѣрѣкъ морскѣи, ѣже / коркодѣла оуморает ^т .	
	696.		Їхнилать. / горностаѣи.	
	697.		Їполента. пища / ѡ мукѣ сотворена.	
	698.		Ї вѣ есвѣ. / мы два есме.	
	699.		<Ї>нклѣтѣсь сла/внѣиши.	
	700.		Їнѣ кастрисъ. в во/ехъ.	
	701.		Їфаносъ; кумѣрница. /	
	702.		Їдра. змѣа.	
	703.		Їскипѣ онѣ, елли ^н скѣи / бѣ мудре ^м (!). родомъ африкѣани ^н . /	
	704.		Їдокитѣ естѣ аѣрнаго огна луча, / аже бывает ^т аки копѣе.	
	705.		Їндосъ. / фисонѣ е ^ж обходѣт ^т землю индѣиск ^у /ю	
	706.		Їмство глетса качество / пребыва (!). еже како ^в кто нравѣ / ѣмать.	
	707.		Ї пѣскъ. и согласныхъ / свирѣлеи.	
	708.		Їктѣрь (т) болѣзнь, / егда кто тѣломъ недѣгоует ^т и ѣчи / желтѣют ^т , и все тѣло.	
	709.		Їстрѣ. дѣ/наѣ рѣка болгарскаа.	
	710.		Їсократѣ. / философѣ бѣ еллинскѣи. в лѣта / ~~тѣ~~ , тѣ.	
	711.		Їзвѣтѣе словесъ. хитрословѣе. //	
л. 261об.	712.		Їтанесы, люди живѣт ^т на ^л полѣно/щны ^м море ^м . оуши оу ни ^х велики. ѣако / весь оуши ^{ма} покрѣ ^т са.	
	713.		Їподесы е ^с / люди дѣкѣа.	
	714.		Їстроши ^х . изде/ржахъ. или изсорѣхъ.	
	715.		Кронѣка. / держава.	
	716.		Кронѣки (т) кнѣги / в нихже пише ^т о держа[ва ^х], разныхъ / цр ^с тѣвѣ.	
	717.		Кормчѣа. прави[ла] стѣхъ / ѡцѣ.	
	718.		Кумѣни. русѣ.	
	719.		Тесалони/кѣа. селѣнь.	
	720.		К тесалонѣко ^м . к се/лѣнѣано ^м .	
	721.		Кѣфрѣжцы, и каѣторѣжцы. фрази.	
	722.		Кавкасѣзѣане. / оѣгране.	
	723.		Карфагенѣ. африкѣа. /	
	724.		Кривѣчи. смолѣане.	

	725.		Киновіа. / общіи монастырь.	
	726.		Кастамо/ны. подобны орѣху грецкому. / а' вкусомъ сладки.	
	727.		Кесаріа е ^с іме/нүемы іагоды. подобны вишна ^м , / і образо ^м и' вкусо ^м .	
	728.		Краніево мѣ/сто. мученіа мѣсто.	
	729.		Күпина. / (т) күсть мѣлки ^х древецъ. /	
	730.		Каркинъ. ракъ. ёсть же і бола/чка лихаа наричема каркинъ. /	
	731.		Крінъ. цвѣтъ травныи. /	
	732.		Окринъ. горшокъ. //	
л. 262	733.		Козлогласованіе. безчінныи клічь. /	
	734.		Клевре^т. срабѣтн ^к .	
	735.		Катапетá/зма. завѣса.	
	736.		Камбаны. колоко/лы.	
	737.		Кратиръ. чаша.	
	738.		Красо/вѣль. братіна.	
	739.		Краегранесіе. / началныа словца стиха. /	
	740.		Кинаномъ. коріца сладкаа. /	
	741.		Зилоалоа блговонна (т) древа/наго тѹка блговонна. еже е ^с / стака.	
	742.		Крагѹи. астрѣбъ. /	
	743.		Күлва. клѣтка.	
	744.		Коркодиль е ^с / звѣрь водныи. хрѣбетъ ёго аки / гребень. хоботъ змиевъ. гла/ва василіскова. а' ёгда зінеть / вѣсь оуста бываеть.	
	745.		Керверъ. / (т) касторъ звѣрь. ёгоже дѣто/родныа оуды во многи ^х ползю ^т / болѣсне ^м . сеи звѣрь ёгда оўзри ^т / ловца гонящи ^х ёго, и' разумѣвъ / іако дѣтородны ^х ёго ра ^{дн} оудъ гона ^т / ёго. тогда самъ ѡгрызае ^т іаица / своа и' поверзае ^т ловце ^м , да самъ / оубѣгне ^т .	
	746.		Күникүлисъ свѣрекъ по/менши зааца, а' подобень заацу. / и' пещеры ихъ зовѹтса, күникүли; //	
л. 262об.	747.		Кентинарь імать вѣсо ^м , рн, літр ^в . / а' литра полторы гривенки. а' гри/венка в три рубли москѣвскую. / а' всего в кентинари сребра. хое, р҃/б<л>е<в>. а' по иному превѣдүү. фм, р҃бле ^в . / А в' злато ^м кентинари, #зф. р҃бле ^в . / а' по иному превѣдү в кентинари / злато ^м #ѣ҃ї р҃блевъ сребра. /	
	748.		Колиба (т) күща, еже е ^с катарга. /	
	749.		Керѣща. катарга.	
	750.		Коруна. вѣнець / цр ^с кїи.	
	751.		Канѡра. шелчїнка соск ^а /на.	
	752.		Зенодохіа. страннопрїе/мница.	
	753.		Күбара. лодїа. /	

	754.		К онха (т) ма́тица жемчю́жнаа. / `образомъ аки крабѣйца: а́ имѣе ^т / предѣлы ма́лыа и великіа; а́ бы/вае ^т в ко́нхи жемчюгъ малъ / и вели ^к , и́ бывае ^т и́ в голубино́мъ лицѣ. / а́ вѣсо ^м ко́нхѣ бывае ^т въ мѣ́ фунто ^в . и́ въ. ѿ	
	755.		К озмікъ (т) мирани ^н . /	
	756.		К аламарь. черніло.	
	757.		К іфинь. / трутень.	
	758.		К ондрантъ. мѣдни/ца.	
	759.		К ичить. високоо́умить. /	
л. 263	760.		К арвана. храми[на], идѣже сокрыва́/ху прино́симое бгѹ в даръ имѣніе. // по єврейски бо карвана. а́ по руски / ~вѣщъ ѿлученаа бгѹ в да́рь. /	~имѣніе~
	761.		К орстьчица. гробокъ.	
	762.		К орста. / гробъ.	
	763.		К умитѣра. гробница. / или оусыпалница.	
	764.		К афолічскаа. / соборнаа.	
	765.		К атаднѣвно. по/вседнѣвно.	
	766.		К шеніе. жребіе. /	
	767.		К шівшемаса. жребіевавшем ^а . /	
	768.		К онобъ. котель.	
	769.		К апетоліѣнь. / (т) стóлпъ превели ^к каме ^н былъ / в рѣмѣ. и ^ж нарицае ^м бѣ капетw/ліѣнь, рѣкше глава градоу. /	
	770.		~Кавкаль. чаша.	~кавкиа~
	771.		К онопѣв. за/пона драгаа.	
	772.		К упы. грады ого/родныа.	
	773.		К орнади. чеснокъ. /	
	774.		К а́стра. станы.	
	775.		К афѣсматысь. / сѣдалень.	
	776.		К аѣсмато, несѣда/лень.	
			~~Кутунь. икомен.~~	
	777.		К олхоу/рѣмь. ма́стїю.	
	778.		К омрогъ. ко/рчага.	
	779.		К ошница. крошна.	
	780.		К о́ша. кошелькѣ.	
	781.		К апильное. пасту́/шное.	
	782.		К апа́ра. трава́ ѣсть та́ко именѹема.	
	783.		К оранъ (т) бесе/рменскаго закона кнѣга.	
	784.		К утоу ^н , / и́ коментіѣль, се́ бѣсомъ имен ^а . //	
л. 263об.	785.		К оловиѣнь. краткаа рѣза. /	
	786.		Л ѣва. полуденнаа страна. /	
	787.		Л ивиртѣнѣне нарицахуса, ѣже / ѿ рѣмлянъ свободнѣи. и́ живаху / в палестѣнѣ, страннѣи сущѣ. / и́маху же и́ сонмище, идѣже за/ко ^н прочитаху и́ мѣтвы творѣ/ху. и́ нарицашеса со́нмище то, ли/вертѣнско, рѣкше страннѣх; /	
	788.		Л аодикѣа стоить во странѣ си/рїистей.	
	789.		Л оѣ. тукъ. или сало. /	

	790.	Ла́ща. горóхъ.	
	791.	Лю́ща. су́лица. / или́ копіе.	
	792.	Лампа́да. свѣща вѣ/ходнаа.	
	793.	Лави́да. лжи́ца о́сва/щенаа.	
	794.	А́лнїа. е́лень.	
	795.	Лайна. / го́вна.	
	796.	Ладехрелихѣмъ. не скорбѣ / мѣти.	
	797.	Лагода. оу́гождаа.	
	798.	Лѣхи. / гра́ды.	
	799.	Лѣнтіе. полотѣ́нце. /	
	800.	Ласко́рдство. ла́комство. /	
	801.	Ло́но. нѣ́дра.	
	802.	Лѣпта. мѣ́дни/ца.	
	803.	Лѣть. мо́шно (!).	
	804.	Латка. че/репѣ́нка.	
	805.	Лїтра сребра́ польпа/та рублиа. а́ злата лїтра, нї/ рублевъ.	
л. 264	806.	Лилїи, цвѣть. лилїа/ми же и́менуе ^x (!) ѣже на коне ^н ра́снѣ // златы́а тра́почки подóбно листó/чкѹ цвѣ́та травна́го оу́строены. /	
	807.	Магѣри. оу́гране.	
	808.	Меражане. ро/сто́вцы.	
	809.	Малжѣна. мужь, и́ женà. /	
	810.	Мѣсто. вино́.	
	811.	Мщà. о́сла.	
	812.	Мѣ́чка. медвѣ́дица.	
	813.	Магѣрна. пова́рна.	
	814.	Мїлоть. овчїна.	
	815.	Кинїры. / лыры.	
	816.	Малакїа*. рукоблѹ́діе. /	*ап ^с ль рлѣд
	817.	Макелїа*. масно́и радь. ѣже е ^с то́/ржище.	*ап ^с ль рмѣс
	818.	Малафѹна*. кошни́цы ма́лыа.	*патери ^к ски ^т .
	819.	Макелàрско. маснї́чное. /	
	820.	Мїсюрь. чюмї́чь, ѣже е́сть оуполо/вникъ.	
	821.	Мигдàлы подóбны орѣ́ху гре́цкóму.	
	822.	Мàслицы іа́годы по/добны рѹски ^м слива ^м . рода ^т са на дре/весе ^x мàсличны ^x .	
	823.	Мето́хъ (т) двóр ^б / монастѣ́рской, е ^ж в сѣлехъ бывае ^т . /	
	824.	Мани́влъ (т) магнї́тъ ка́мень / е́муже повїнуе́тса желѣ́зо. /	
	825.	Мѣхось. мѣску́сь.	
	826.	Мамóна. не/пràвдою собира́емое имѣ́нїе. /	
	827.	Моно́зіла. лодїа́.	
	828.	Моты́ка. лопа́/та.	
	829.	Мотыла. го́вна.	
	830.	Мамь. / боуи.	
	831.	Мому́. ла́дану.	
	832.	Мна́сь. / сребрени ^к болшои. в немже сребра́ / фѣ. рубли ^б . //	

л. 264об.	833.	Мирісе е ^с травà пуcтýннаа, ни / к чему не пригодїтса. и цвѣта / е ^а пчела не обонлѣт. а цвѣтъ е ^а / и зимѣ зѣлень.	
	834.	Матизма (т) не/швенаа одѣжда хвѣ.	
	835.	Маранааа. / (т) гѣ прїиде.	
	836.	Мозочна. тучна. /	
	837.	Монъстроумь. чудеса.	
	838.	Мїтра. / (т) в ^в вѣтх ^м митра і оув ^а сло нари/цашеса клуб ^к къ со златými нї/тми хитро оустроѣнь. в нове ^м же / завѣтъ мїтра нариче ^т са шапк ^а / еп ^с пкаа.	
	839.	Марменїа. счáстное ко/лесò звѣздное. ѣже латїны на/рїчю ^т фато ^у нь, и фурт ^у на. /	
	840.	Коль. корь.	
	841.	Малахїмъ, цр ^с твѣ / кнїги.	
	842.	Игдїа. стýпа камена. /	
	843.	Мирсїна. древцè бл҃гооухáнно. /	
	844.	Нѣгли. любò. или едà.	
	845.	Нѣкли (т) / а иногда, илї любò.	
	846.	Не порюти ^т са. / не ра ^з бїѣтса.	
	847.	Натрижнѣе. пò/двигъ.	
	848.	Ныреве. стòлпове разорé/ныа. илї храмины запустѣвшаа. /	
	849.	Нектáрь. пїво.	
	850.	Нума. мѣдница. /	
	851.	Ныреве семира ^м стїи (т) столпѣ се/мирама цр ^а индїскаго. //	
л. 265	852.	Полистїмо ^н . многостажáтелныи. /	
	853.	Прусть. паперть.	
	854.	Пáлмово. ки/парїсное.	
	855.	Пáродокъ. ягода вїнна/а недозрѣлаа.	
	856.	Понарѣтесъ. моу/дрость.	
	857.	Плòтъ. забòрь.	
	858.	Пѣрль. бї/серь.	
	859.	Пинакїда (т) дощѣчка ма/лѣнька, на нѣйже начертаваю ^т дѣ/темь бѣквы.	
	860.	Паганáтъ. брадá/тыи.	
	861.	Пòприще. верста.	
	862.	Пїра. / мѣхъ холщѣвои.	
	863.	Плинфъ. кирпичъ. /	
	864.	Пáзимáдь. оучáсто ^к хлѣба.	
	865.	Пооуве/рзѣнїе. оумиленїе.	
	866.	Пофирогенї ^т . / багр ^а норòдныи.	
	867.	Порѣирукїа. ба/гр ^а нопродáтелница.	
	868.	Пекль. ѣдь. /	
	869.	Питáкъ (т) лїсть на не ^м же пїше ^т са / нака ^з послáннику.	
	870.	Пїргъ. стòль / каменои.	
	871.	Пїны (т) шивáды, в ни ^х /же раждае ^т са жемчюгъ.	
	872.	Прузи (т) / кобылки трáвныа.	

	873.		Прѹжіе (т) / трава, нарицаема капара. /	
	874.		Рама. высоко.	
	875.		Рамна. высокога. /	
	876.		Ронсыла. словане.	
	877.		Ромеи. грецы. /	
	878.		Розга. вѣтвь.	
	879.		Развены. вервицы. /	
	880.		Рогостырь. торговище;	
	881.		Русалиа. / (т) игрища. или игры скоморошьскиа. //	
л. 265об.	882.		Стати ^Р (т) камень честе ^Н , и ^Ж в сиріи ро/дйтса; или четвёртаа часть зла/тница. иіиі же глѹють, стати ^Р / перстень.	
	883.		Силигнь. хлѣбець бѣлы ^Н . /	
	884.		Саракостіа. четыридесатница. /	
	885.		Сопца. свирѣльники.	
	886.		Сандалиа. сапо/ги.	
	887.		Самарь. мѣхъ кожань.	
	888.		Сава/йтане. срацѣни.	
	889.		Схара. сковоро/да.	
	890.		Сударь. савань.	
	891.		Стомыхъ. же/лѹдокъ.	
	892.		Сата (т) мѣра. а ѳимать в се/бѣ муки протѣву десатѣ фунто ^В . /	
	893.		Стадіе. седмаа часть версты. /	
	894.		Спань. пустобрадъ.	
	895.		Струги. валы рѣ/чныа.	
	896.		Семидалъ. крупы пшеничны ^А . /	
	897.		Саллосъ. юродивъ.	
	898.		Спіра. весь соньмъ. /	
	899.		Спирѣды. лапти.	
	900.		Спирокифріа. / вретѣща.	
	901.		Скважна. щѣлка. /	
	902.		Скиропота ^М . сѹхѣи пото ^К .	
	903.		Станбуль. / цѣрыга ^Л .	
	904.		Стаѳили. гроздіа.	
	905.		Синте/кносъ. кумъ.	
	906.		Стапѣды. смокви. /	
	907.		Синапъ. горчица.	
	908.		Горушично горчи/чно.	
	909.		Сподоы. лѣхи. или грады; /	
л.266	910.		Скімни (т) ѳллини не точію льво/ва, но и медвѣжіа, и волчіа. и ры/сіа, младаа щената скѣмна//ми іменоую ^Т . по грѣчески бо, скѣ/мень. а по руски щонок.	
	911.		Стоѣики* / филосѳѳы наричютса, понеже / во ѳллине ^Х бѣ нѣкѣи притворъ / нарицаемыи стоа, в немже ѳи/ло[со]фѣи оучахуса. и всѣ оучащеиса / в тои стоѣ, стоѣики нарицахоуса. /	*дѣа ^Н
	912.		Сумпѳоръ. свинѣць.	

	913.	Срока. то́чка ма́ленькаа.	
	914.	Сулѣе. лу́чши. /	
	915.	Стапѣ. гра́мота жа́лова ^д наа. /	
	916.	Симво́ль. исповѣданіе.	
	917.	Саранча, / и струшь, пти́цы.	
	918.	Туфо́нь. ли́на. /	
	919.	Треполь гра ^д в ту́рскои земли.	
	920.	Тава. / сковоро́дка.	
	921.	Тригоно́сь. го́рлица. /	
	922.	Темирькавы. желѣзнаа врат ^а . /	
	923.	Темирь. желѣзо.	
	924.	Тезь. е́дино. /	
	925.	Тезоименіть. е́диноименіть. /	
	926.	Таріхо. ветшина.	
	927.	Трапо́дїи. на/лои.	
	928.	Тоа́гь. по́сохь.	
	929.	Туне. да/ро ^м .	
	930.	Тунма. да́рь.	
	931.	Таймичище. / копелічище. ѡ́же не ѡ́ зако́нныа / жены́ отроча.	
	932.	Ташь. селеніе. /	
	933.	Триклинъ. вели́каа по́лата. /	
	934.	Танайса*. во́лга рѣка.	*црь ^с роу ^с киа
	935.	Тлүмо́къ. / брема и ^ж в корабли. //	
л. 266об.	936.	Табліца. дощечка.	
	937.	Талантъ сре/бра вѣсо ^м , рѣк, лі́тръ. а ѡ́нде пи́шетса в талантъ. фѣ, рубли́въ; / талантъ злата ꙗ́ко рѣ, рубли́въ. /	
	938.	Топази́вънь. ка́мень че́стенъ. /	
	939.	Триоуна́ліа. суділищнаа по́лата. /	
	940.	Оузро́къ. вина́.	
	941.	Оуни́га (т) вѣсь, / и ѡ́мать. ѕ. золо́тніко́въ. /	
	942.	Оу́ена* звѣрь вели́къ, лице́ члѣче. / препо́санъ зми́ами. ѡ́дъ е́го си́це лють, ѡ́ще накое́го члѣка вѣтръ / нанесѣтъ ѡ́дъ е́го і ѡ́ того члѣкъ / о́умреть; а ѡ́нде** пи́ше ^т ѡ́ако оу́ена / оу́подобле ^т гласъ сво́и члѣчю, и пре/выкае ^т імена́ пасту́шїи. и зазмо/рдóваны ѡ́и нападъ по́лдае ^{тъ} ; /	*и ^з крони ^к **и ^з гра ^м мати ^{ки}
	943.	Оунту́ль. коро́ва.	
	944.	Фаранъ. рай/ѡа.	
	945.	Феманъ. пулу́деннаа стран ^а . /	
	946.	К тесало́нико ^м . к селу́нано ^м .	
	947.	Феса/лоні́ко ^м . селу́нано ^м .	
	948.	Фрусні́къ. ка́мень че́стенъ.	
	949.	Фурту́[на]*. (т) сча́стное / колесо́ звѣздочѣтніко́въ; / и́ли** сме́рчь, рѣкше пи́авица; /	*мази ^м гре ^к / дѣм **грамати ^{ка}
	950.	Флеи. щена́.	
	951.	Фарсі́сь. ка́мень, / село́ честенъ.	
	952.	Фали*. фі́ники. //	**григо ^{ри} бго ^с

л. 267	953.	Өүфáли. дѣторóдныи оўдь жéнь/скїи.	
	954.	Өрүктүмь. плóдь. /	
	955.	Өї áлы. күбчики.	
	956.	Өалімь. мѣ/ра іа́чмэни.	
	957.	Өалóзь. крѣ́пость. /	
	958.	Хорі́ась. селáнинь.	
	959.	Хорі́а. селò. /	
	960.	Хили́осто. ты́саща.	
	961.	Хавь́ари. / і́кра.	
	962.	Хүхнáніе. хүлнóе роптаніе. /	
	963.	Харáчь. обрóкъ.	
	964.	Ѓ лáни. ѿ мимó/шэдшаго лѣта.	
	965.	Ѓ лáгь. ѿ многь / лѣть.	
	966.	Ѓвернь. óпако.	
	967.	Цѣ́ща. / рáди.	
	968.	Чрѣ́ши. іáгоды вѣ́нныа по/добны вѣ́шна ^м .	
	969.	Цѣ́ста. поу́ть. /	
	970.	Чернѣ́че. áгоды, іáже ра/стоу ^т на дѣ́кои смó/кви.	
	971.	Чепѣ́ць. / мѣ́тра.	
	972.	Чесвѣ́нїа лозїе. /	
	973.	Шѣ́ги. кощү́ны.	
	974.	Щү́дь / во́ло ^т . /	
	975.	Щү́дь. о́бьча ^н . /	
	976.	Ї́дно. жжѣ́ніе.	
	977.	Ї́фа. хлѣ́бникь. /	
	978.	Ї́рїгь. врѣ́тище.	
	979.	Ї́знáрь. ка/значїи;	

ми . или пѣда кроиѣ ѿшѣ . о пласно
 нешѣиѣ . **И**ши . ѿшѣиѣ . и пласно .
Брешѣиѣ . чернѣиѣ . пѣиѣ . иже
 потѣиѣиѣ . еже ѿиѣ . пласно .
Смерѣ . пѣиѣ . **О**бласно . рожде
 ииѣ . и доушѣиѣ . ѿмо
 ра . ѿко ѿгѣ . и пласно .
Наземно . **В**раѣ . сѣиѣ . по
 редѣ . и чѣиѣ . **Т**езѣ . единно .
Сѣиѣ . иромѣ . **О**стрѣиѣ . сѣиѣ .
 сѣиѣ . **О**стрѣиѣ . сѣиѣ .
Прелатѣиѣ . сѣиѣ .
 ирѣиѣ . мѣиѣ . **П**ронѣиѣ .
 сѣиѣ . **М**исѣиѣ . **Н**ѣиѣ . лѣиѣ .
 смола . поѣиѣ . ѿиѣ .
 ниѣ . **М**аноѣиѣ . **Л**исѣиѣ .
Киѣиѣ . **П**ысоѣиѣ .
Тонѣ . **Л**исѣиѣ . **П**оѣиѣ .
Пениѣ . **П**роѣиѣ .
Брешѣиѣ . **П**рѣиѣ .
Срамниѣ . **С**тѣиѣ .
Хуѣиѣ . **Х**уѣиѣ .
Ресѣиѣ . **И**стинно .
Ренѣиѣ . **О**умилѣиѣ .
 икоѣиѣ .

246
Толѣиѣ . **Н**еѣиѣ .
Киѣиѣ . **П**оѣиѣ .
Лгарѣиѣ . **И**наѣиѣ .
Иже . **П**рѣиѣ .
Рѣиѣ . **А**данѣ .
Сѣиѣ . **Т**раѣ .
Сѣиѣ . **С**ѣиѣ .
Киѣиѣ . **К**иѣиѣ .
Милѣиѣ . **П**олѣиѣ .
Лосѣиѣ . **Р**ѣиѣ .
Сѣиѣ . **С**ѣиѣ .
Варѣиѣ . **И**ѣиѣ .
Парѣиѣ .
Вѣиѣ . **П**ѣиѣ .
Дѣиѣ . **П**ѣиѣ .
Мѣиѣ . **Ф**ѣиѣ .
Дѣиѣ . **Ф**ѣиѣ .

↑ л. 245об. – 246

↓ л. 246об. – 247

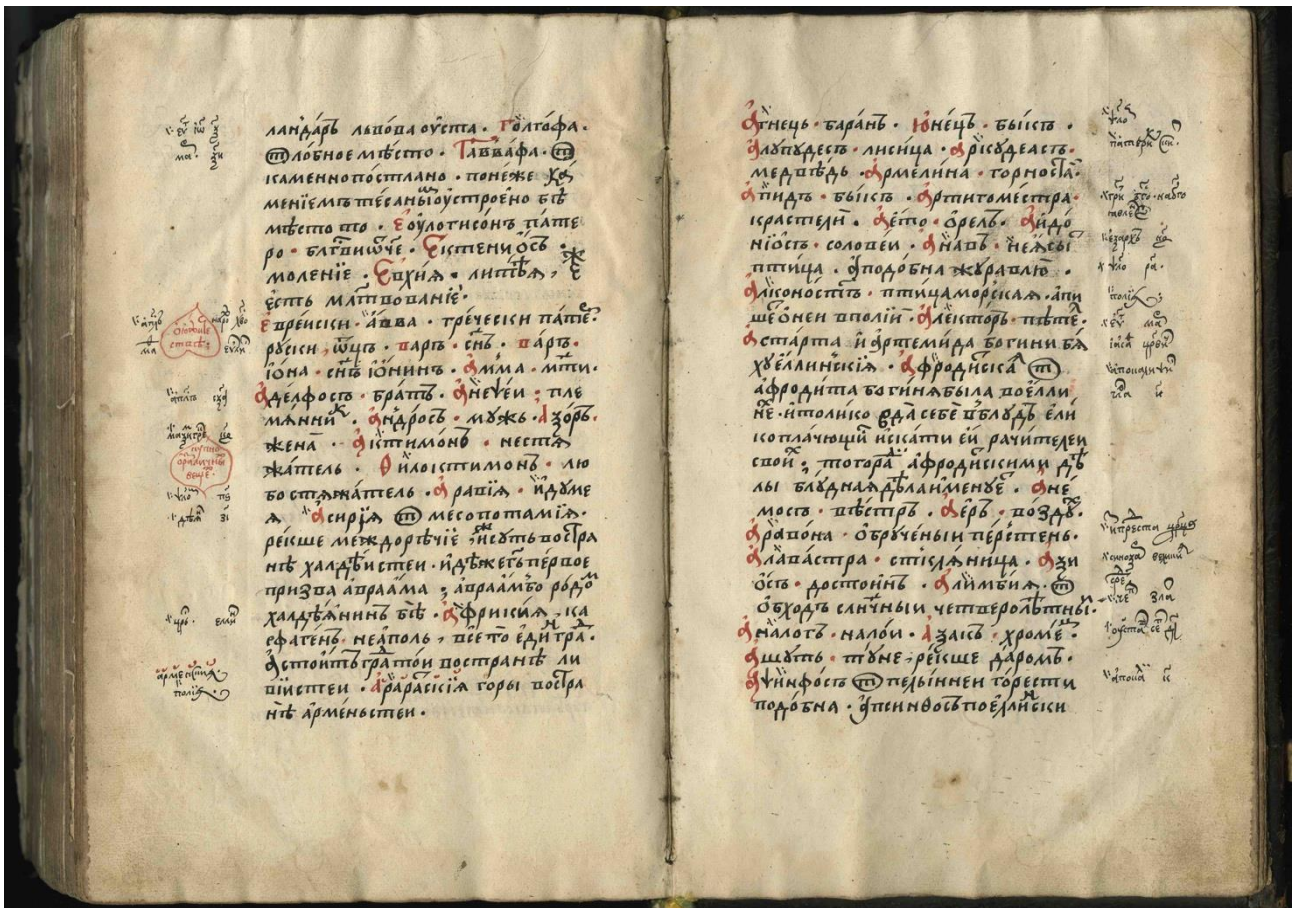
Аѣиѣ . **П**роѣиѣ .
Лисѣиѣ . **П**рѣиѣ .
Нниѣ . **К**иѣиѣ .
Сѣиѣ . **Д**ѣиѣ .
Полѣиѣ . **П**оѣиѣ .
Зѣиѣ . **П**ѣиѣ .
Гѣиѣ . **Т**ѣиѣ .
Пѣиѣ . **П**ѣиѣ .
Зѣиѣ . **Б**рѣиѣ .
Гѣиѣ . **Т**ѣиѣ .
Пѣиѣ . **П**ѣиѣ .
Лѣиѣ . **Х**ѣиѣ .
Тѣиѣ . **П**ѣиѣ .
Пѣиѣ . **П**ѣиѣ .
Пѣиѣ . **П**ѣиѣ .
Пѣиѣ . **П**ѣиѣ .
Пѣиѣ . **П**ѣиѣ .
Пѣиѣ . **П**ѣиѣ .

247
Нарѣиѣ . **Ш**ѣиѣ .
Парѣиѣ . **К**иѣиѣ .
Марѣиѣ . **П**ѣиѣ .
Дѣиѣ . **А**рѣиѣ .
Пѣиѣ . **А**рѣиѣ .
Пѣиѣ . **П**ѣиѣ .
Пѣиѣ . **П**ѣиѣ .
Пѣиѣ . **П**ѣиѣ .
Пѣиѣ . **П**ѣиѣ .
Пѣиѣ . **П**ѣиѣ .
Пѣиѣ . **П**ѣиѣ .
Пѣиѣ . **П**ѣиѣ .
Пѣиѣ . **П**ѣиѣ .
Пѣиѣ . **П**ѣиѣ .

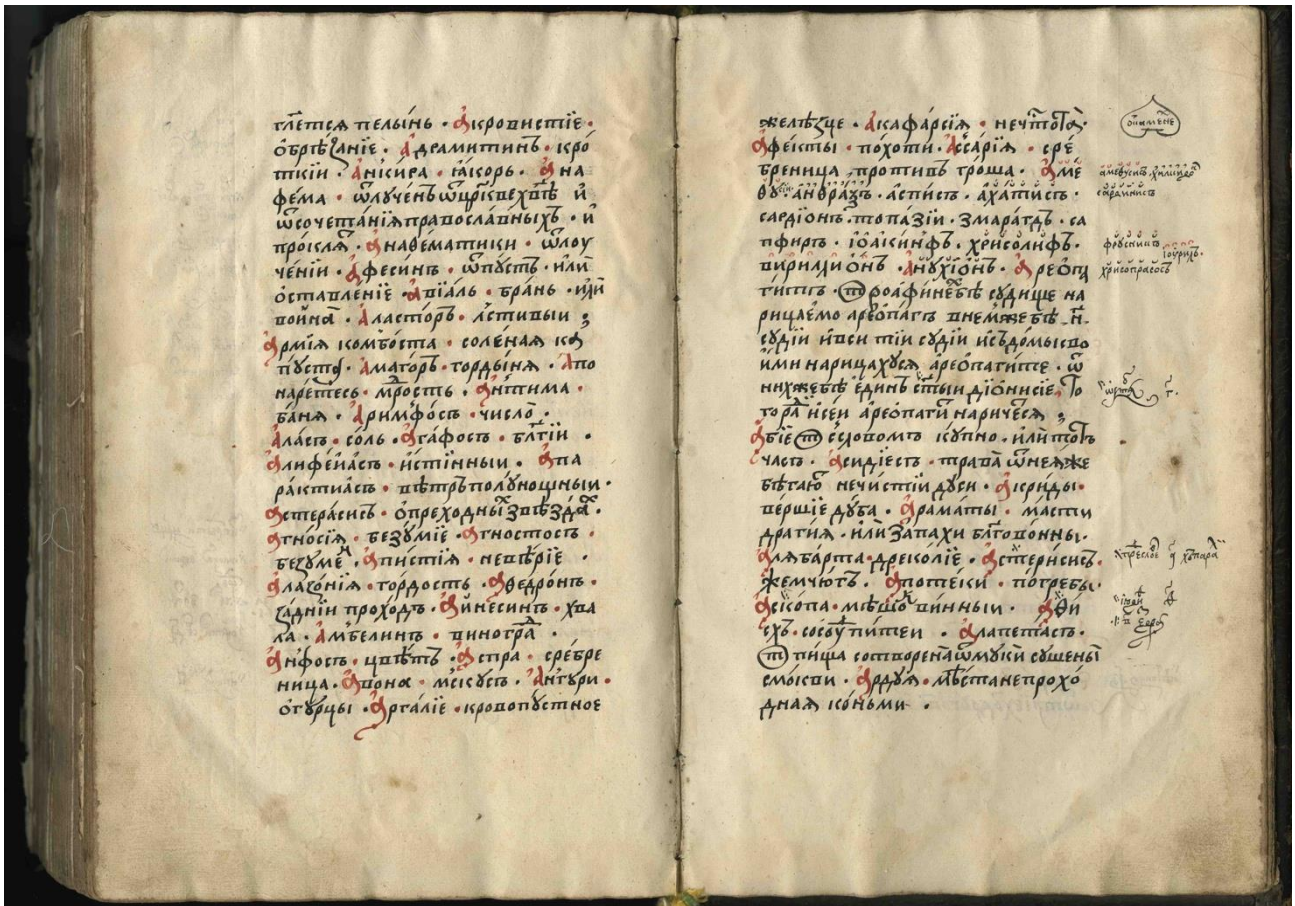

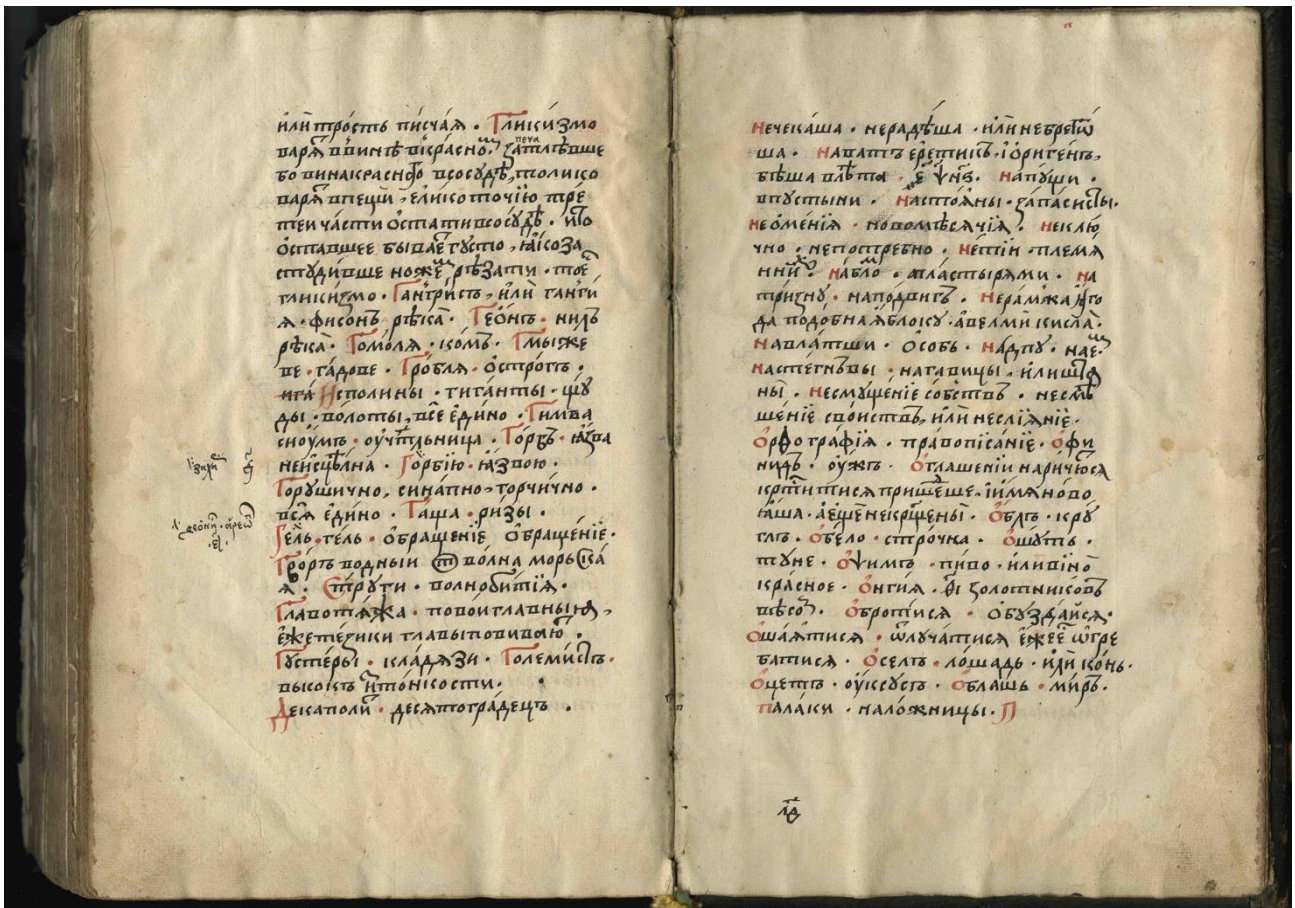

↑ л. 253об. – 254

↓ л. 254об. – 255

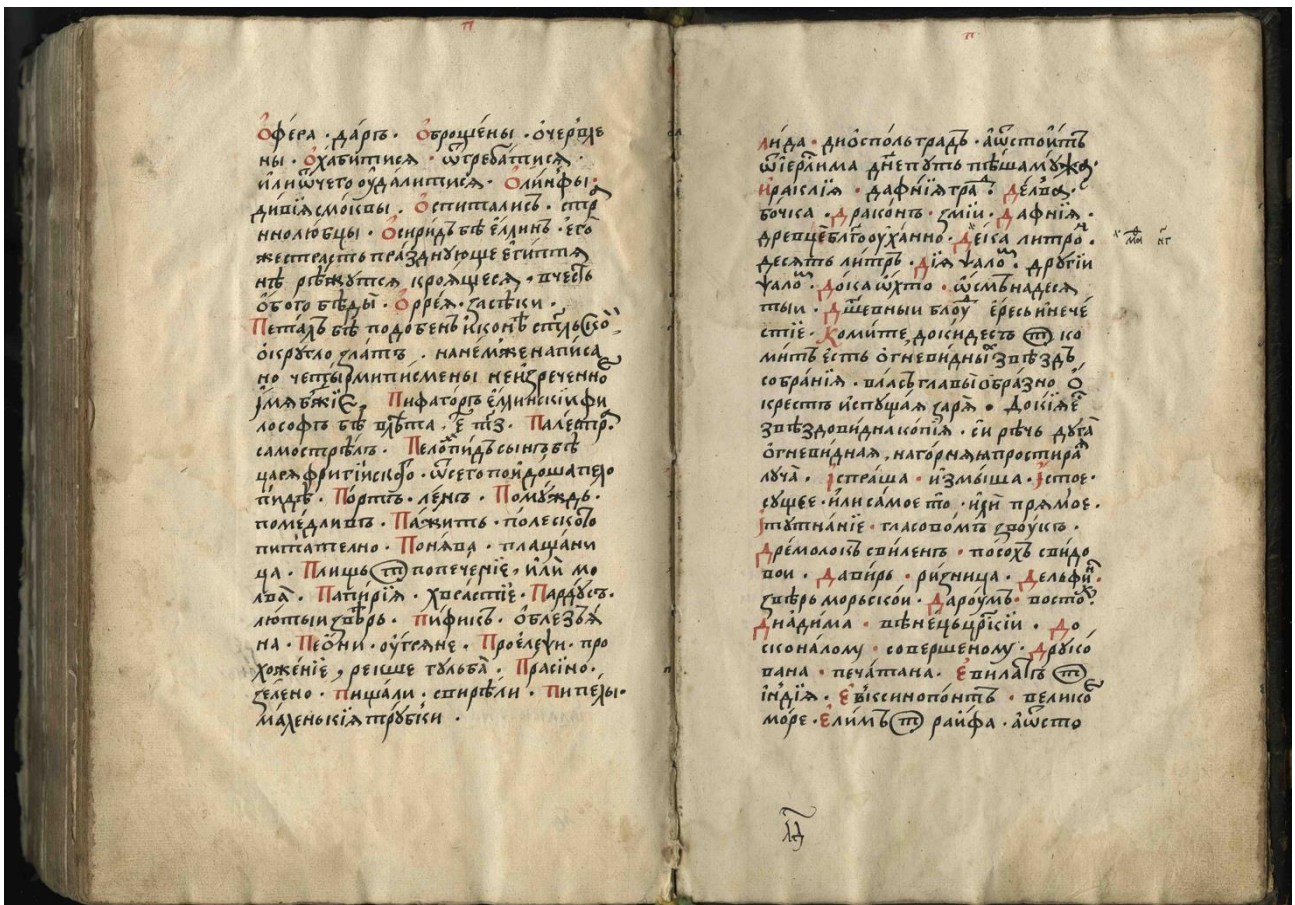

↑ л. 257об. – 258

↓ л. 258об. – 259

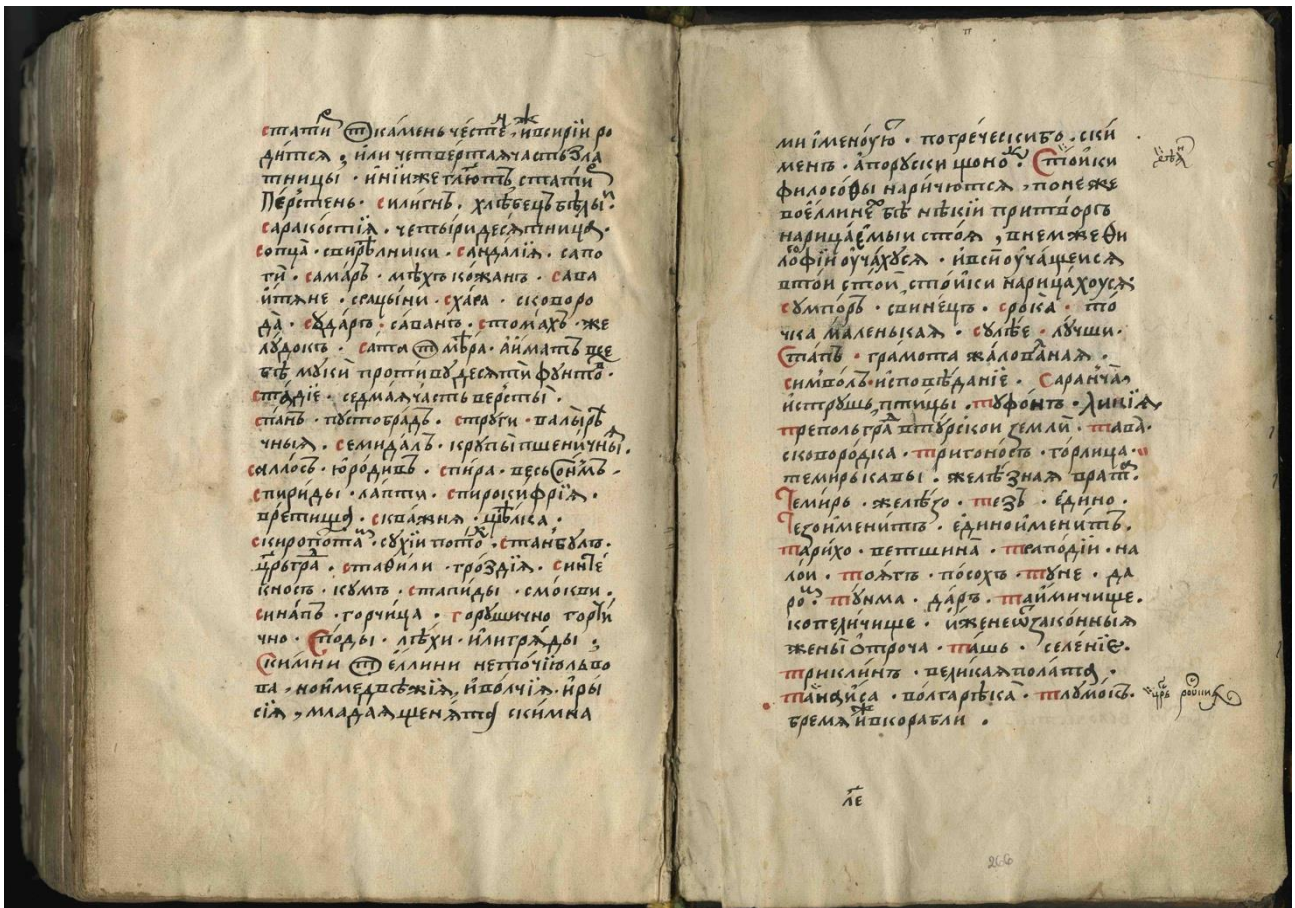

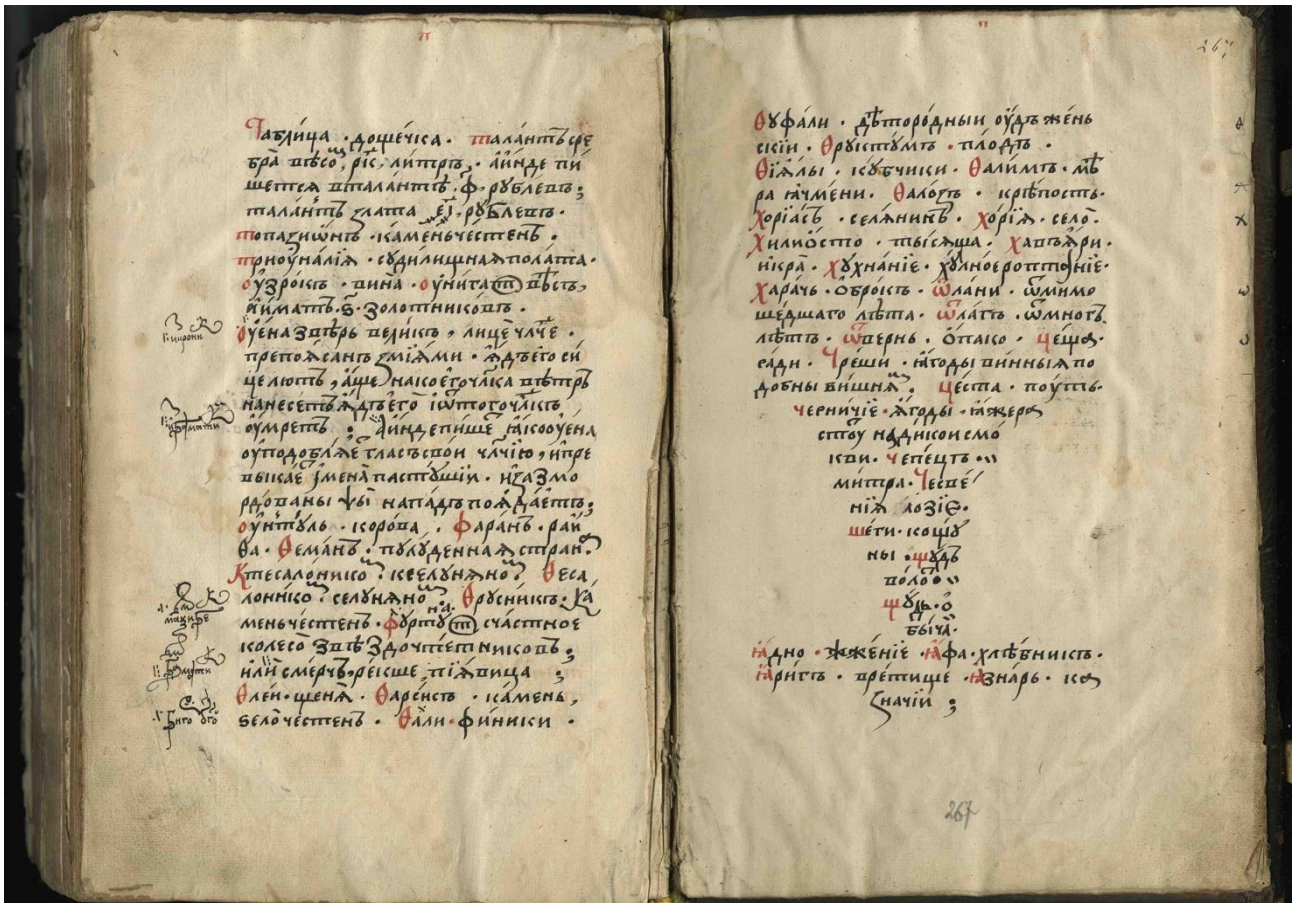

↑ л. 265об. — 266

↓ л. 266об. — 267

Содержание

<i>Предисловие</i>	3
Лексикология, семантика, словообразование	
<i>Бурькин А.А., Трофимова О.В.</i> Вина бродяжества и феномен бродяжничества: к истории «конкуренции» слов	7
<i>Дягилева И.Б.</i> Динамика заимствования в русской газетной публицистике первой половины XIX века	28
<i>Иорданиди С.И.</i> Русск. <i>фerezь</i> : семантика и словообразовательный потенциал.....	42
<i>Кузнецова И.Е.</i> Освоение заимствований, имеющих варианты на <i>пре-</i> и <i>про-</i> , соотносимые с русскими приставочными образованиями на <i>пре-</i> и <i>про-</i> (существительное <i>проспект</i>)	56
<i>Рагасова С., Хуснутдинов А.А.</i> Слова исламской тематики в русском языке (к формированию лексической группы).....	63
<i>Семенов П.А.</i> К характеристике семантических славянизмов в русском литературном языке XVIII века	74
<i>Калиновская В.Н., Скрябина Н.В.</i> От площадного лекаря к врачебному шарлатанству.....	93
Лексикография, источниковедение	
<i>Астахина Л.Ю.</i> Дневник как источник по истории лексики	105
<i>Макаријоска Л.</i> Сложенките во старо/црковнословенската лексикографија (врз примери од „Речникот на црковнословенскиот јазик од македонска редакција“).....	121
<i>Малышева И.А.</i> Предлог в «Географии генеральной» Ф. Поликарпова (1718)	143
<i>Малышева И.А., Захарова Е.А.</i> Глаголы с <i>пере-/пре-</i> в историческом словаре: практические решения.....	161
<i>Эзериня С.А.</i> Публицистика и русская лексикография XIX века	174
<i>Янурик С.</i> Новая жизнь старых англицизмов в русском языке (к вопросу о разграничении случаев многозначности и омонимии в русской лексикографии).....	186
Слово и русский литературный текст	
<i>Воронцов Р.И.</i> «Шекспиров день превратился в день Гарибальди»: Ономастическая поэтика очерка А.И. Герцена « <i>Camicia rossa</i> » («Былое и думы», 6, X)	207

<i>Коркина Т.Д.</i> Лексика на <i>пре-</i> и <i>пред-</i> в произведениях А.Т. Болотова.....	213
<i>Патроева Н.В.</i> История «прозаизма» <i>недоносок</i> в русском поэтическом дискурсе.....	226
<i>Хуснутдинов А.А.</i> Фразеология в «Записках» о театре А. Н. Островского.....	234

Дискурсивные и когнитивные исследования

<i>Гербеца Э.</i> О юридической лексике второй половины XVIII века (На материале первого перевода книги Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях»).....	249
<i>Дмитриева Ю.Л.</i> Образ зоны «своего»: диахронический аспект.....	261
<i>Драгичевич Р.М.</i> Антропоцентризм у старим, народним мерама српског и руског народа	269
<i>Прокофьева Н.А., Щеглова Е.А.</i> Номинации военных действий и их участников в публицистике периода Крымской войны.....	283
<i>Секиро О.О.</i> Лексическая сочетаемость с прилагательным <i>органический</i> в публицистике И.С. Аксакова: <i>органический порок</i> и <i>органическая фальшь</i>	293
<i>Старовойтова О.А.</i> К вопросу о роли языковой личности в становлении метаязыка описания межнациональных отношений в России XIX века (Часть 1. И.С. Аксаков).....	304

Критика, обзоры, рецензии

<i>Державина Е.И.</i> Сборники статей по исторической лексикологии и лексикографии 1984–2002 гг.....	327
<i>Приемышева М.Н.</i> Н.И. Греч о публицистике как «особенной отрасли словесности» в истории русского литературного языка XIX века.....	337
<i>Шапошников А.К.</i> Языковое родство церковнославянского идиолекта (дискурса церковной проповеди) и его значение для лексикографии и лексикологии.....	346

Публикация источников

<i>Коваленко К.И.</i> «Толкование неудобь познаваемымъ в писаниихъ речемъ» в приложении к тексту Лествицы (РНБ, Соловецкое собрание, 302/322).....	371
Содержание	413
Table of contents.....	415

Table of contents

<i>Preface</i>	3
Lexicology, semantics, word formation	
<i>Burykin A.A., Trofimova O.V.</i> . The guilt of <i>vagrancy</i> and the phenomenon of <i>vagrancy</i> : to the history of words' "competition"	7
<i>Diagileva I.B.</i> . Dynamics of borrowing in Russian newspaper journalism of the first half of the 19 th century	28
<i>Iordanidi S.I.</i> . Russian <i>ferez'</i> : semantics and word-formative potential	42
<i>Kuznetsova I.E.</i> . Mastering borrowings that have options for <i>pre-</i> and <i>pro-</i> , correlated with Russian prefixed formations for <i>pre-</i> and <i>pro-</i> (noun <i>prospectus</i>)	56
<i>Ragasova S., Khusnutdinov A.A.</i> . Words of the Islamic theme in Russian (to a lexic group forming).....	63
<i>Semenov P.A.</i> . On the characteristics of semantic Slavonicisms in the Russian literary language of the 18 th century	74
<i>Kalinovskaya V.N., Scryabina N.V.</i> . From a plain doctor to a medical charlatanism.....	93
Lexicography, source criticism	
<i>Astakhina L.Ju.</i> . Diary entry as a source on the history of words	105
<i>Makarioska L.</i> . Composites in the Old/Church Slavonic Lexicography (on examples from the "Dictionary of the Macedonian Recension of Church Slavonic").....	121
<i>Malysheva I.A.</i> . <i>Predlog</i> in the "General Geography" by F. Polikarpov (1718).....	143
<i>Malysheva I.A., Zacharova E.A.</i> . Verbs with <i>pre-</i> in the historical dictionary: practical solutions	161
<i>Ezerinya S.A.</i> . Opinion-based journalism and the 19 th century Russian lexicography	174
<i>Janurik Sz.</i> . The new life of old Anglicisms in Russian (on the distinction between polysemy and homonymy in Russian lexicography).....	186
A word and Russian literature text	
<i>Vorontsov R.I.</i> . Poetics of proper names in <i>Camicia rossa</i> by Alexander Herzen (<i>My Past and Thoughts</i> , 6, X)	207
<i>Korkina T.D.</i> . Lexis with prefixes <i>pre-</i> and <i>pred-</i> in Bolotov's works	213

Patroeva N.V. Fate of *nedonosok* (prematurely born child): story of “nonpoetic” word in Russian lyrics..... 226

Khusnutdinov A. A. Phraseology in the A.N. Ostrovsky’s “Notes” on theater..... 234

Discourse and cognitive analysis

Gherbezza E. On legal terms in Eighteenth-Century Russia (On the basis of the first translation of Beccaria’s treatise “On Crimes and Punishments”)..... 249

Dmitrieva J. L. Image of zone “one’s own”: historical aspect..... 261

Dragicevic R. M. Anthropocentrism in the old, folk measures of the Serbs and Russians 269

Prokofeva N.A., Shcheglova E.A. Military actions and their participants nominations in journalism during the Crimean war..... 283

Sekiro O.O. Lexic combination with adjective *organicheskij* in I.S. Aksakov’s publicism: *organicheskij porok* and *organicheskaya fal’sh*..... 293

Starovoitova O. A. On the question of a linguistic personality role in the formation of a metalanguage for describing interethnic relations in the 19th century Russia (Part I. I.S. Aksakov)..... 304

Critics, reviews

Derzhavina E.I. Digests on historical lexicology and lexicography 1984–2002..... 327

Priemysheva M.N. N. Grech on journalism as a “special branch of literature” in the history of the 19th century Russian literary language 337

Shaposhnikov A.C. Cognation of the Church Slavonic idiolect (discourse of the church sermon) and its influence on the Old Church Slavonic lexicography and lexicology 346

Source publication

Kovalenko K. I. “An Explanation of Problematic Words in Literature” in appendix to the Ladder of Divine Ascent (Russian National Library, Solovki collection, 302/322)..... 371

Table of contents (In Russ.)..... 413

Table of contents..... 415

Научное издание

Славянская историческая лексикология и лексикография: сб. научных трудов. Вып. 3 /
Институт лингвистических исследований РАН / Отв. ред. В.Н. Калиновская,
О.А. Старовойтова. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2020. — 418 с.

*Утверждено к печати
Ученым советом Института лингвистических исследований
Российской академии наук*

Подписано к печати 21.12.2020
Формат 60x90 1/16

Тираж 500 экз.

Институт лингвистических исследований РАН
199053, Санкт-Петербург, Тучков переулок, 9
info@iling.spb.ru
<https://iling.spb.ru>

Отпечатано в типографии

Подготовка оригинал-макета
К.И. Коваленко,
О.А. Старовойтовой

Материалы сборника доступны в электронном виде
на сайте ИЛИ РАН:
<http://iling.spb.ru/books/slavlex/issue2020.pdf>